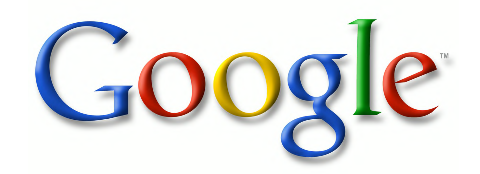

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ V и VI.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1852.

Цѣна за 10 томовъ 10 рубл. сер.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ V.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1852.

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ V.

ГЛАВА I.

Великій Князь Димитрій Іоанновичь, прозваніемъ Донскій.

Г. 1363—1389.

Гнѣвъ Ханскій. Стѣсненіе Князей Удѣльныхъ. Договоръ. Усмиреніе Князя Нижегородскаго. Язва. Великій пожаръ. Каменный Кремль. Частныя побѣды надъ Моголами. Разбои Новогородской вольницы. Междоусобія Тверскихъ Князей. Запустѣніе Херсона. Нашествіе Литвы. Война съ Орденомъ. Сила Мамая. Вторичное нашествіе Ольгерда. Благоразуміе Михаила Тверскаго. Любовь народная къ Димитрію. Знаменія. Возвращеніе Вел. Князя изъ Орды. Война съ Олегомъ. Новое впаденіе Литвы. Междоусобіе. Третіе нашествіе Ольгерда. Избіеніе Татаръ въ Нижнемъ. Послѣдній Тысячскій въ Москвѣ. Война съ Тверскимъ Княземъ. Первая смертная казнь въ Москвѣ. Походъ въ Болгарію. Начало Казани. Нашествіе Моголовъ. Пословица. Побѣда надъ Моголами. Успѣхи въ войнѣ съ Литвою. Дѣла церковныя. Нашествіе Мамаево. Измѣна Олегова. Славная битва Куликовская. Тамер-

ланъ. Нашествіе Тохтамыша. Мужественный Князь Остей. Приступъ къ столицѣ. Вѣроломство Тохтамыша. Взятіе и разрушеніе Москвы. Скорбь Димитрія. Изгнаніе Олега. Возстановленіе Москвы. Изгнаніе Митрополита. Ненависть Князя Тверскаго къ Димитрію. Сынъ Димитріевъ въ Ордѣ. Тяжкая дань. Миръ съ Олегомъ. Ссора и миръ съ Новымгородомъ. Крещеніе Литвы. Жестокость Князя Смоленскаго. Бѣгство сына Димитріева изъ Орды. Смерть Князя Нижегородскаго. Вражда между Вел. Княземъ и Владиміромъ. Ихъ примиреніе. Новый порядокъ наслѣдства. Кончина Вел. Князя. Свойства Димитріевы. Строеніе городовъ и монастырей. Дѣла церковныя. Ересь Стригольниковъ. Крещеніе Перми. Сношенія съ Греціею. Путешествіе Пимена. Италіанцы въ нашей службѣ. Деньги вмѣсто кунъ. Огнестрѣльное искусство въ Россіи. Кометы. Зима до 20 Апрѣля.

г. 1363 Калита и Симеонъ готовили свободу нашу болѣе умомъ, нежели силою: настало время обнажить мечь. Увидимъ битвы кровопролитныя, горестныя для человѣчества, но благословенныя Геніемъ Россіи: ибо громъ ихъ пробудилъ ея спящую славу, и народу уничиженному возвратилъ благородство духа. Сіе важное дѣло не могло совершиться вдругъ и съ непрерывными успѣхами: Судьба испытываетъ людей и Государства многими неудачами на пути къ великой цѣли, и мы заслуживаемъ счастіе мужественною твердостію въ противностяхъ онаго.

Димитрій Іоанновичь, удостоенный Великокняжескаго сана Мурутомъ, желая господствовать безопаснѣе, искалъ благосклонности и въ другомъ Царѣ, Авдулѣ, сильномъ Мамаевою Ордою: Посолъ сего Хана явился съ милостивою грамотою, и Димитрій долженствовалъ вторично ѣхать въ Владиміръ, чтобы принять оную согласно съ древними обрядами. Хитрость безполезная: угождая обоимъ Ханамъ, Великій Князь оскорблялъ того и другаго; по крайней мѣрѣ утратилъ милость Сарайскаго, и возвратясь въ Москву, свѣдалъ, что Димитрій Константиновичь опять занялъ Владиміръ: ибо Мурутъ прислалъ ему съ сыномъ бывшаго Владѣтеля Бѣлозерскаго, Іоанномъ Ѳеодоровичемъ, и съ тридцатью слугами Ханскими ярлыкъ на Великое Княженіе ([1]). Но гнѣвъ Царскій уже не казался гнѣвомъ Небеснымъ: юный внукъ Калитинъ осмѣлился презрѣть оный, выступилъ съ полками, чрезъ недѣлю изгналъ Димитрія Константиновича изъ Владиміра, осадилъ его въ Суздалѣ, и въ доказательство великодушія позволилъ ему тамъ властвовать какъ своему присяжнику.

Гнѣвъ Ханскій.

Мысль Великаго Князя или умныхъ Бояръ его, мало по малу искоренить систему Удѣловъ, оказалась ясно: онъ выслалъ Князей Стародубскаго и Галицкаго изъ ихъ наслѣдственныхъ городовъ, обя-

Стѣсненіе Князей удѣльныхъ.

завъ Константина Ростовскаго быть въ точной и совершенной зависимости отъ Главы Россіи (2). Изумленные рѣшительною волею отрока господствовать единодержавно, вопреки обыкновенію древнему и закону отцевъ ихъ, они жаловались, но повиновались: первые отъѣхали къ Князю Андрею Нижегородскому, а Константинъ въ Устюгъ.

г. 1364.

Въ сіе время Димитрій Іоанновичь лишился брата и матери. Тогда онъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Владиміромъ Андреевичемъ, заключилъ договоръ, выгодный для обоихъ (3). Митрополитъ Алексій былъ свидѣтелемъ и держалъ въ рукахъ святый крестъ: юные Князья, окруженные Боярами, приложились къ оному, давъ клятву вѣрно исполнять условія, которыя состояли въ слѣдующемъ: «Мы «клянемся жить подобно нашимъ родите«лямъ: мнѣ, Князю Владиміру, уважать «тебя, Великаго Князя, какъ отца, и пови«новаться твоей верховной власти; а мнѣ, «Димитрію, не обижать тебя и любить, «какъ меньшаго брата. Каждый изъ насъ «да владѣетъ своею отчиною безспорно: я, «Димитрій, частію моего родителя и Си«меоновою; ты Удѣломъ своего отца. Прі«ятели и враги да будутъ у насъ общіе. «Узнаемъ ли какое злоумышленіе? объя«вимъ его немедленно другъ другу. Бояре

Договоръ.

«наши могутъ свободно переходить, мои къ те-«бѣ, твои ко мнѣ, возвративъ жалованье, имъ «данное. Ни мнѣ въ твоемъ, ни тебѣ въ моихъ «Удѣлахъ не покупать селъ, не брать людей въ «кабалу, не судить и не требовать дани. Но я, «Владиміръ, обязанъ доставлять тебѣ, Великому «Князю, съ Удѣла моего извѣстную дань Хан-«скую. Сборы въ волостяхъ Княгини Іуліаніи «принадлежатъ намъ обоимъ. Людей черныхъ, «записанныхъ въ Сотни, мы не должны прини-«мать къ себѣ въ службу, ни свободныхъ земле-«дѣльцевъ, мнѣ и тебѣ вообще подвѣдомыхъ. «Выходцамъ Ординскимъ отправлять свою служ-«бу, какъ въ старину бывало» (симъ именемъ означались Татары, коимъ наши Князья дозволяли селиться въ Россійскихъ городахъ). «Если «буду чего искать на твоемъ Бояринѣ или ты на «моемъ, то судить его моему и твоему чиновнику «вмѣстѣ; а въ случаѣ несогласія между ими рѣ-«шить тяжбу судомъ Третейскимъ. Ты, меньшій «братъ, участвуй въ моихъ походахъ воинскихъ, «имѣя подъ Княжескими знаменами всѣхъ Бояръ «и слугъ своихъ: за что во время службы твоей «будешь получать отъ меня жалованье.» — Отнимая Удѣлы свойственниковъ дальнихъ, Великій Князь не хотѣлъ поступить такъ съ ближнимъ, и Княженіе Московское оставалось еще раздробленнымъ.

Между тѣмъ въ Сараѣ одинъ Ханъ смѣнялъ другаго: преемникъ Мурутовъ, Азисъ, думалъ также низвергнуть *Калитина внука*, и Димитрій

г. 1364. Константиновичь снова получилъ Ханскую грамоту на Великое Княженіе, привезенную къ нему изъ Орды весною сыномъ его, Василіемъ, и Татарскимъ Вельможею Урусмандомъ; но сей Князь, видя слабость свою, далъ знать Димитрію Московскому, что онъ предпочитаетъ его дружбу милости Азиса, и навѣки отказывается отъ достоинства Великокняжескаго. Умѣренность, вы-
г. 1365. нужденная обстоятельствами, не есть добродѣтель; однакожь Димитрій Іоанновичь изъявилъ ему за то благодарность. Андрей Константиновичь преставился въ Нижнемъ (4): желая наслѣдовать сію область, и свѣдавъ, что она уже занята меньшимъ братомъ его, Борисомъ, Князь Суздальскій прибѣгнулъ къ Московскому. Древнее обыкновеніе употреблять людей духовныхъ въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ еще не перемѣнилось: Св. Сергій, Игуменъ пустынной Троицкой Обители, былъ вызванъ изъ глубины лѣсовъ и посланъ объявить Владѣтелю Нижегородскому, чтобы онъ ѣхалъ судиться съ братомъ къ Димитрію Іоанновичу. Борисъ, утвержденный между тѣмъ на престолѣ Ханскою грамотою, отвѣтствовалъ, что Князей судитъ Богъ. Исполняя данное ему отъ Митрополита повелѣніе, Сергій затворилъ всѣ церкви въ Нижнемъ; но и сія духовная казнь не имѣла дѣйствія. Надлежало привести въ дви-

женіе сильную рать Московскую: Димитрій Суздальскій предводительствовалъ ею. Тогда Борисъ увидѣлъ необходимость повиноваться: выѣхалъ на встрѣчу къ брату, уступилъ ему Нижній и согласился взять одинъ Городецъ; а Великій Князь, благодѣяніемъ привязавъ къ себѣ Димитрія Константиновича, женился послѣ на его дочери, Евдокіи: свадьбу праздновали въ Коломнѣ со всѣми пышными обрядами тогдашняго времени.

Усмиреніе Князя Нижегородскаго.

Г. 1365-1367.

Сіе происшествіе случилось въ годъ ужасный для Москвы. Язва, описанная нами въ княженіе Симеоново, вторично посѣтила Россію. Во Псковѣ она возобновилась чрезъ 8 лѣтъ (и Князь Изборскій, Евстафій, съ двумя сыновьями былъ ея жертвою); а въ 1364 году купцы и путешественники завезли оную изъ Бездежа въ Нижній Новгородъ, въ Коломну, въ Переславль, гдѣ умирало въ день отъ 20 до 100 человѣкъ (3). Лѣтописцы говорятъ о свойствѣ и признакахъ болѣзни такимъ образомъ: «Вдругъ ударитъ какъ ножемъ въ «сердце, въ лопатку, или между плечами; «огонь пылаетъ внутри; кровь течетъ гор«ломъ; выступаетъ сильный потъ и начи«нается дрожь. У другихъ дѣлаются желѣ«зы, на шеѣ, бедрѣ, подъ скулою, пазу«хою, или за лопаткою. Слѣдствіе одно: «смерть неизбѣжная, скорая, но мучитель-

Язва.

«ная. Не успѣвали хоронить тѣлъ; едва «десять здоровыхъ приходилось на сто «больныхъ; несчастные издыхали безъ «всякой помощи. Въ одну могилу зарывали «семь, восемь и болѣе труповъ. Многіе «домы совсѣмъ опустѣли; въ иныхъ оста«лось по одному младенцу.» Въ 1365 году зараза открылась въ Ростовѣ, Твери, Торжкѣ: въ первомъ городѣ скончались въ одно время Князь Константинъ Васильевичь, его супруга, Епископъ Петръ, а во второмъ вдовствующая Княгиня Александра Михайловича съ тремя сыновьями, Всеволодомъ Холмскимъ, Андреемъ, Владиміромъ, — ихъ жены, также супруга и сынъ Константина Михайловича, Симеонъ, множество Вельможъ и купцевъ. Въ 1366 году и Москва испытала то же бѣдствіе. Сія жестокая язва нѣсколько разъ проходила и возвращалась. Въ Смоленскѣ она свирѣпствовала три раза: наконецъ (въ 1387 году) осталось въ немъ только пять человѣкъ, которые, по словамъ лѣтописи, вышли и затворили городъ, наполненный трупами.

Великій пожаръ.

Москва не за долго до язвы претерпѣла и другое несчастіе: пожаръ, какого еще не бывало, и который слыветъ въ лѣтописяхъ *великимъ пожаромъ Всесвятскимъ*, ибо начался церковію Всѣхъ Святыхъ [6]. Сей городъ раздѣлялся тогда на *Кремль*, *Посадъ*, *Загородье* и *Зарѣчье*: въ два часа

или менѣе огонь, развѣваемый ужасною бурею, истребилъ ихъ совершенно. Многіе Бояре и купцы не спасли ничего изъ своего имѣнія. — Видя, сколь деревянныя укрѣпленія ненадежны, Великій Князь въ общемъ совѣтѣ съ братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ, и съ Боярами, рѣшился построить *каменный Кремль*, и заложилъ его весною въ 1367 году. Надлежало, не упуская времени, брать мѣры для безопасности отечества и столицы, когда Россія уже явно дѣйствовала противъ своихъ тирановъ: могли ли они добровольно отказаться отъ господства надъ нею и простить ей великодушную смѣлость? Мурза Ординскій, Тагай, властвуя въ землѣ Мордовской или въ окрестностяхъ Наровчата, выжегъ нынѣшнюю Рязань: Олегъ соединился съ Владиміромъ Димитріевичемъ Пронскимъ и съ Княземъ Титомъ Козельскимъ (однимъ изъ потомковъ Св. Михаила Черниговскаго), настигъ и разбилъ Тагая въ сраженіи кровопролитномъ. Столь же счастливо Димитрій Нижегородскій съ братомъ своимъ, Борисомъ, наказалъ другаго сильнаго Могольскаго хищника, Булатъ-Темира. Сей Мурза, овладѣвъ теченіемъ Волги, разорилъ Борисовы села въ ея окрестностяхъ, но бѣжалъ отъ нашихъ Князей за рѣку Пьяну; многіе Татары утонули въ ней или были истреблены Россіянами; а самъ Булатъ-Те-

Каменный Кремль.

Частныя побѣды надъ Моголами.

Г. 1367.

миръ ушелъ въ Орду, гдѣ Ханъ Азисъ велѣлъ его умертвить (7). — Сіи ратныя дѣйствія предвѣщали важнѣйшія.

Разбои Новогородской вольницы.

Великій Князь, готовясь къ рѣшительной борьбѣ съ Ордою многоглавою, старался утвердить порядокъ внутри отечества. Своевольство Новогородцевъ возбудило его негодованіе: многіе изъ нихъ, подъ названіемъ охотниковъ, составляли тогда цѣлые полки, и, безъ всякаго сношенія съ Правительствомъ, ѣздили на добычу въ мѣста отдаленныя. Такъ они (въ 1364 году) ходили по рѣкѣ Оби до самаго моря съ молодымъ Вождемъ Александромъ Обакуновичемъ и сражались не только съ иноплеменными Сибирскими народами, но и съ своими Двинянами. Сей же Александръ и другіе смѣльчаки отправились внизъ по Волгѣ на 150 лодкахъ (8); умертвили въ Нижнемъ великое число Татаръ, Армянъ, Хивинцевъ, Бухарцевъ; взяли ихъ имѣніе, женъ, дѣтей; вошли въ Каму, ограбили многія селенія въ Болгаріи и возвратились въ отчизну, хвалясь успѣхомъ и добычею. Узнавъ о томъ, Великій Князь объявилъ гнѣвъ Новогородцамъ; велѣлъ захватить ихъ чиновника въ Вологдѣ, ѣхавшаго изъ Двинской области и сказать имъ, что они поступаютъ какъ разбойники, и что купцы иноземные находятся въ Россіи подъ защитою Государя. Правительство, извиняясь

невѣдѣніемъ, нашло способъ умилостивить Димитрія.

Самая язва не прекратила междоусобія Тверскихъ Князей. Василій Михайловичь Кашинскій, долговременный непріятель Всеволода Холмскаго, ссорился и съ братомъ его, Михаиломъ Александровичемъ (княжившимъ прежде въ Микулинѣ) за область умершаго Симеона Константиновича. Дядя хотѣлъ быть Главою Княженія; а племянникъ доказывалъ, что онъ, будучи сыномъ брата старшаго, есть наслѣдникъ его правъ и властелинъ всѣхъ частныхъ Удѣловъ (9). Они хотѣли рѣшить тяжбу судомъ духовнымъ: уполномоченный для того Митрополитомъ, Тверскій Епископъ обвинилъ дядю, но долженствовалъ самъ ѣхать въ Москву для отвѣта: ибо Василій и братъ Симеоновъ, Іеремій Константиновичь, жаловались на его несправедливость Святому Алексію. Сіе дѣло казалось неважнымъ; открылись слѣдствія несчастныя для Твери и Москвы. Юноша Михаилъ имѣлъ достоинства, властолюбіе и сильнаго покровителя въ знаменитомъ Ольгердѣ Литовскомъ, женатомъ на его сестрѣ. Зная, что Великій Князь и Митрополитъ держатъ сторону Василіеву — зная также намѣреніе перваго господствовать самодержавно надъ всею Россіею — Михаилъ уѣхалъ въ Литву. Пользуясь его отсутствіемъ, Васи-

Междоусобія Тверскихъ Князей.

лій и Іеремій гнали усердныхъ къ нему Бояръ, и предводительствуя данною имъ отъ Димитрія Московскою ратію, опустошили Михаилову область, въ надеждѣ, что онъ не дерзнетъ возвратиться. Но Михаилъ спѣшилъ отмстить дядѣ и брату, ведя съ собою войско Литовское; взялъ Тверь, плѣнилъ свою тетку, и думалъ осадить Кашинъ, гдѣ заключился Василій; однакожь Епископъ примирилъ ихъ, съ условіемъ, что дядя уступитъ старѣйшинство племяннику, и будетъ довольствоваться областію Кашинскою.

Князь Московскій участвовалъ въ семъ мирѣ и подтвердилъ его. Но прозорливые совѣтники Димитріевы, боясь замысловъ Михаила — который назвался *Великимъ Княземъ Тверскимъ* (10), и хотѣлъ возстановить независимость своей области — употребили хитрость: ими, какъ вѣроятно, наученный, Іеремій Константиновичь пріѣхалъ къ Димитрію съ новыми жалобами, требуя, чтобы онъ взялъ на себя распорядить Удѣлы въ Твери. Михаила позвали въ Москву дружелюбно и ласково: самъ Св. Алексій обнадежилъ его въ безопасности, увѣряя, что судъ Великаго Князя навсегда утвердитъ тишину въ Тверскихъ владѣніяхъ. Слово Митрополита и святость гостепріимства не дозволяли страшиться обмана. Михаилъ желалъ видѣть столицу Димитрія (уже славную тогда въ Россіи), узнать его лично, бесѣдовать съ благоразумными Вельможами Московскими: онъ въѣхалъ го-

стемъ, но сдѣлался невольникомъ. Наря- г. 1368.
дили Третейскій судъ; хотѣли предписывать законы Михаилу; удалили отъ него Бояръ Тверскихъ, и содержали ихъ какъ плѣнниковъ въ разныхъ домахъ съ Княземъ. Обманъ недостойный Правителей мудрыхъ! и виновники не воспользовались онымъ. Лѣтописцы говорятъ, что прибытіе Ханскаго Вельможи, Карача, заставило совѣтниковъ Димитріевыхъ освободить утѣсненнаго Князя: сей Мурза, какъ вѣроятно, вступился за него; вѣроятно и то, что Св. Алексій, невольно вовлеченный въ дѣло противное совѣсти, удержалъ ихъ отъ дальнѣйшаго насилія. Михаилъ спѣшилъ удалиться, громогласно обвиняя Димитрія и Митрополита, хотя они клятвою обязали его быть довольнымъ и не жаловаться! Онъ уступилъ, безъ сомнѣнія также невольно, Городокъ или область Симеона Константиновича, Князю Іеремію, съ коимъ отправился туда чиновникъ Московскій.

Надлежало довершить оружіемъ, что начали коварствомъ. Василій Кашинскій умеръ ([11]): Великій Князь, какъ бы желая только защитить сына его, Михаила, отъ притѣсненій, послалъ войско въ Тверь; а Михаилъ Александровичь ушелъ къ Ольгерду. Сей Литовскій Государь, болѣе двадцати лѣтъ воюя непрестанно съ Нѣ-

мецкимъ Орденомъ, съ Поляками, Россіянами, купилъ славу Героя кровію безчисленнаго множества людей и пепломъ городовъ: равнодушно смотрѣлъ на изнуреніе своихъ подданныхъ, и бодрый въ лѣтахъ старости, все еще искалъ новыхъ пріобрѣтеній. Въ 1363 году онъ ходилъ съ войскомъ къ Синимъ Водамъ, или въ Подолію, и къ устью Днѣпра, гдѣ кочевали три Орды Могольскія (12); разбивъ ихъ, гнался за ними до самой Тавриды; опустошилъ Херсонъ, умертвилъ большую часть его жителей, и похитилъ церковныя сокровища: съ того времени, какъ вѣроятно, опустѣлъ сей древній городъ, и Татары Заднѣпровскіе находились въ нѣкоторой зависимости отъ Литвы. Походъ къ берегамъ Чернаго моря не препятствовалъ Ольгерду безпокоить Россію: Военачальники его взяли Ржевъ, а сынъ, Андрей Полоцкій, (въ 1368 году) старался овладѣть другими пограничными мѣстами нашими. Россіяне также дѣйствовали наступательно, и юный Князь Владиміръ Андреевичь ознаменовалъ свое мужество счастливымъ успѣхомъ, изгнавъ Литву изъ города Ржева. Въ сихъ обстоятельствахъ Ольгердъ долженъ былъ ревностно вступиться за шурина, который предлагалъ ему итти прямо къ Москвѣ и смирить дерзкаго юношу, уже столь рѣшительнаго въ замыслахъ самовластія. Со-

Запустѣніе Херсона.

Наше-

бравъ многочисленные полки, онъ выступилъ къ предѣламъ Россіи съ братомъ Кестутіемъ, также посѣдѣвшимъ въ битвахъ, и съ сыномъ его, отрокомъ Витовтомъ, будущимъ Героемъ, грознымъ для всѣхъ народовъ сосѣдственныхъ. Лѣтописцы разсказываютъ, что Кестутій, возвращаясь однажды съ войскомъ изъ Пруссіи, увидѣлъ въ Полонгѣ красавицу, именемъ Бириту, и влюбился въ нее: давъ идоламъ своимъ обѣтъ вѣчно сохранить дѣвство и за то слывя богинею въ народѣ, она не хотѣла быть женою храбраго Князя; но Кестутій насильно сочетался съ нею бракомъ. Отъ сей Бириты родился знаменитый Витовтъ.

ствіе Литвы.

Князь Смоленскій, добровольно или принужденно, соединилъ дружину свою съ полками Литовскими, которые шли, не зная, куда: ибо Ольгердъ умѣлъ хранить тайну въ важныхъ предпріятіяхъ, чтобы нападать внезапно, и любилъ побѣждать хитростію еще болѣе, нежели силою (13). Онъ былъ окруженъ Россіянами и купцами иноземными; но цѣль его похода оставалась неизвѣстною въ Москвѣ до самаго того времени, какъ сей завоеватель приближился къ нашимъ границамъ. Изумленный Великій Князь отправилъ гонцевъ во всѣ области для собранія войска, и желая остановить стремленіе непріятеля, велѣлъ

Боярину, Димитрію Минину, итти впередъ съ одними полками Московскими, Коломенскими и Дмитровскими. Вторымъ начальникомъ былъ Воевода Князя Владиміра Андреевича, именемъ Іакинѳъ Шуба. Уже Ольгердъ какъ левъ свирѣпствовалъ въ Россійскихъ владѣніяхъ: не уступая Моголамъ въ жестокости, хваталъ безоружныхъ въ плѣнъ, жегъ города; убилъ Князя Стародубскаго, Симеона Димитріевича Кропиву, а въ Оболенскѣ Князя Константина Юрьевича, происшедшаго отъ Св. Михаила Черниговскаго (14), и близъ Тростенскаго озера ударилъ всѣми силами на Воеводу Минина. Многіе наши Князья, Бояре легли на мѣстѣ, и полки Московскіе были истреблены совершенно. Ольгердъ, истязая плѣнниковъ, спрашивалъ: гдѣ Великій Князь? и есть ли у него войско? Всѣ отвѣтствовали единогласно, что Димитрій въ столицѣ и еще не успѣлъ соединить силъ своихъ. Побѣдитель спѣшилъ къ Москвѣ, гдѣ Великій Князь съ братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ, съ Митрополитомъ Алексіемъ, со всѣми знаменитѣйшими людьми затворился въ Кремлѣ, велѣвъ обратить въ пепелъ окрестныя зданія (15). Три дни Ольгердъ стоялъ подъ стѣнами, грабилъ церкви, монастыри, не приступая къ городу: каменныя стѣны и башни устрашали его; а зимніе морозы не позволяли

Ноября 21.

ему заняться трудною осадою. Довольный корыстію и множествомъ плѣнниковъ, онъ удалился, гоня передъ собою стада и табуны, отнятые у земледѣльцевъ и городскихъ жителей; вышелъ изъ Россіи, и хвалился тѣмъ, что она долго не забудетъ сдѣланныхъ имъ въ ней опустошеній. Въ самомъ дѣлѣ Великое Княжество не видало подобныхъ ужасовъ въ теченіе сорока лѣтъ, или со времени Калиты, и свѣдало, что не одни Татары могутъ разрушать Государства.

Война съ Орденомъ.

Какъ скоро сія буря миновалась, Великій Князь отправилъ брата, Владиміра Андреевича, защитить Псковитянъ отъ Нѣмцевъ. Оскорбленные убіеніемъ нѣкоторыхъ Россіянъ на границахъ Ливоніи въ мирное время, Псковитяне (въ 1362 году) остановили у себя гостей Нѣмецкихъ, а жители Дерпта Новогородскихъ ([16]). Были съѣзды и переговоры. Новгородъ посылалъ Бояръ своихъ въ Дерптъ: наконецъ съ обѣихъ сторонъ задержаннымъ купцамъ дали свободу; однакожь Псковитяне взяли съ Нѣмцевъ не мало серебра за ихъ вѣроломство, и не могли долго ужиться съ ними въ мирѣ. Открылась новая ссора за границы: Посолъ отъ Великаго Князя ѣздилъ въ Дерптъ, и не успѣлъ ни въ чемъ. Въ слѣдъ за нимъ явилось войско Нѣмецкое, предводимое Магистромъ Вильгельмомъ Фреймер-

зеномъ, Архіепископомъ Фромгольдомъ и многими Коммандорами; выжгло окрестности Пскова, стояло сутки подъ его стѣнами и ночью ушло. «Къ несчастію» (говоритъ тамошній Лѣтописецъ) «Князь Александръ «и главные чиновники наши были въ «разъѣздѣ по селамъ, а мы ссорились съ «Новымгородомъ.» Прибытіе Князя Владиміра Андреевича возстановило согласіе между ими; съ того времени Новогородцы дѣйствовали за-одно съ своими братьями, Псковитянами: принудили Нѣмцевъ бѣжать отъ Изборска и вторично отъ Пскова; но сами тщетно осаждали Нейгаузенъ, и (въ 1371 году) заключили съ Орденомъ миръ.

г. 1369.

Потрясенная нашествіемъ Литвы Москва имѣла нужду въ отдохновеніи: Великій Князь возвратилъ Михаилу спорную область Симеона Константиновича; но не замедлилъ снова объявить ему войну: принудилъ его вторично бѣжать въ Литву, взялъ Зубцевъ, Микулинъ, и плѣнилъ множество людей, чтобы ослабить Державу опаснаго противника. Раздраженный бѣдствіемъ своего невиннаго народа, Михаилъ вздумалъ свергнуть Димитрія посредствомъ Татаръ (17). Уже Мамай силою или хитростію соединилъ такъ называемую *Золотую* или Сарайскую Орду, гдѣ царствовалъ Азисъ, и свою Волжскую; объявилъ Ха-

г. 1370-1371.

Сила Мамая.

номъ Мамантъ-Салтана и господствовалъ подъ его именемъ. Вѣроятно, что онъ былъ недоволенъ Димитріемъ, или, находясь въ дружелюбномъ сношеніи съ Ольгердомъ, хотѣлъ угодить ему: по крайней мѣрѣ, выслушавъ благосклонно Михаила, далъ ему грамоту на санъ Великаго Князя: Посолъ Ханскій долженствовалъ ѣхать съ нимъ въ Владиміръ. Но времена безмолвнаго повиновенія миновались: конные отряды Московскіе спѣшили занять всѣ пути, чтобы схватить Тверскаго Князя, и Михаилъ, ими гонимый изъ мѣста въ мѣсто, едва могъ пробраться въ Вильну.

Одержавъ побѣду надъ Крестоносцами Нѣмецкими, сѣдый Ольгердъ наслаждался или скучалъ тогда миромъ. Жена его, сестра Михаилова, усердно ходатайствовала за брата; а Димитрій сдѣлалъ Литвѣ новую, чувствительную досаду, посылавъ Воеводъ Московскихъ осаждать Брянскъ и тревожить владѣнія союзника ея, Князя Смоленскаго (18). Ольгердъ рѣшился вторично итти къ Москвѣ, какъ скоро болота и рѣки замерзли отъ перваго холода зимняго. Нѣсколько тысячь земледѣльцевъ шли впереди, прокладывая прямыя дороги. Войско не останавливалось почти ни днемъ ни ночью; не смѣло ни грабить, ни жечь селеній, чтобы не тратить времени, и въ исходѣ Ноября приступило къ Волоку Лам-

Вторичное нашествіе Ольгерда.

скому, гдѣ начальствовалъ храбрый, опытный мужъ, Василій Ивановичь Березуйскій, одинъ изъ Князей Смоленскихъ, вѣрный слуга Димитріевъ. Три дни бились подъ стѣнами, и рать многочисленная не могла одолѣть упорства осажденныхъ, такъ, что Ольгердъ, потерявъ терпѣніе, съ досадою удалился отъ ничтожной деревянной крѣпости: ибо время казалось ему дорого. Но Россіяне оплакивали своего знаменитаго начальника: непріятельскій воинъ скрылся во рву, и видя Князя Березуйскаго стоящаго передъ городскими воротами, ударилъ его сквозь мостъ копіемъ. Сей вѣрный сынъ отечества, довольный спасеніемъ города, посвятилъ Небу послѣднія минуты жизни: онъ скончался Монахомъ.

6 Декабря Ольгердъ и правая рука его, мужественный Кестутій, расположились станомъ близъ Москвы; съ ними былъ и Князь Смоленскій Святославъ. Они 8 дней разоряли окрестности, сожгли Загородье, часть Посада, и вторично не дерзнули приступить къ Кремлю, гдѣ самъ Димитрій начальствовалъ: Митрополитъ Алексій находился тогда въ Нижнемъ Новѣгородѣ, къ сожалѣнію народа, всегда ободряемаго въ опасностяхъ присутствіемъ Святителя. Но Великій Князь и Бояре, предвидя слѣдствіе взятыхъ ими мѣръ, спокойно ожидали онаго. Братъ Димитріевъ, Владиміръ Андреевичь, стоялъ въ Перемышлѣ съ сильными полками, готовый ударить на Литовцевъ съ тылу; а Князь Владиміръ

Диматріевичь Пронскій велъ къ Москвѣ Рязанское войско. Ольгердъ устрашился, и требовалъ мира; увѣрялъ, что не любя кровопролитія, желаетъ быть *вѣчно* нашимъ другомъ, и въ залогъ искренности вызвался отдать дочь свою, Елену, за Князя Владиміра Андреевича. Великій Князь охотно заключилъ съ нимъ *перемиріе* до Іюля мѣсяца [19]. Не смотря на то, сей коварный старецъ шелъ назадъ съ величайшею осторожностію, боясь тайныхъ засадъ и погони: столь мало вѣрилъ онъ святости государственныхъ договоровъ и чести народа, имѣвшаго причину ненавидѣть его, какъ жестокаго злодѣя Россіи!

Не только страхъ быть окруженнымъ полками Россійскими, но и другія обстоятельства вселяли въ Ольгерда сіе нетерпѣливое желаніе мира: а именно, новые непріятельскіе замыслы Нѣмецкаго Ордена, о коихъ слегка упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, и самая необыкновенная зима тогдашняя, которая наступила весьма рано и не дала земледѣльцамъ убрать хлѣба; въ Декабрѣ и Генварѣ было удивительное тепло: въ началѣ же Февраля поля открылись совершенно и крестьяне сжали хлѣбъ, осенью засыпанный снѣгомъ. Сія оттепель, испорченныя дороги, разлитіе рѣкъ и трудность доставать съѣстные припасы могли имѣть гибельныя слѣдствія для войска въ землѣ непріятельской. — Однимъ словомъ, Ольгердъ, думая только о себѣ, забылъ пользу своего шурина и не включилъ его въ договоръ мирный.

Оставленный зятемъ, Михаилъ вторично обратился къ Мамаю и выѣхалъ изъ Орды г. 1371. съ новымъ ярлыкомъ на Великое Княженіе Владимірское. Ханъ предлагалъ ему даже войско; но сей Князь не хотѣлъ онаго, боясь подвергнуть Россію бѣдствіямъ опустошенія и заслужить справедливую ненависть народа: онъ взялъ только Ханскаго Посла, именемъ Сарыхожу, съ собою [20]. Узнавъ о томъ, Димитрій во всѣхъ городахъ Великаго Княжества обязалъ Бояръ и чернь клятвою быть ему вѣрными, и вступилъ съ войскомъ въ Переславль Залѣскій. Тщетно врагъ его надѣялся преклонить къ себѣ гражданъ Владимірскихъ; они единодушно сказали ему: «у насъ есть Государь «законный; инаго не вѣдаемъ.» Тщетно Сарыхожа звалъ Димитрія въ Владиміръ слушать грамоту Хана: Великій Князь отвѣтствовалъ: «къ ярлыку не ѣду, Михаила «въ столицу не впускаю, а тебѣ, Послу «даю путь свободный.» Наконецъ сей Вельможа Татарскій, вручивъ ярлыкъ Михаилу, уѣхалъ въ Москву, гдѣ, осыпанный дарами и честію, пируя съ Князьями, съ Боярами, славилъ Димитріево благонравіе. Михаилъ же, видя свое безсиліе, возвратился съ Мологи въ Тверь и разорилъ часть сосѣдственныхъ областей Великокняжескихъ.

Благоразуміе Михаила Тверскаго.

Между тѣмъ грамота Ханская оставалась еще въ его рукахъ: сильный Мамай не

могъ простить Димитрію двукратное ослушаніе, имѣя тогда войско готовое ко впаденію въ Россію, къ убійствамъ и грабежу. Великій Князь долго совѣтовался съ Боярами и съ Митрополитомъ; надлежало или немедленно возстать на Татаръ, или прибѣгнуть къ старинному уничиженію, къ дарамъ и лести. Успѣхъ великодушной смѣлости казался еще сомнительнымъ: избрали второе средство, и Димитрій — безъ сомнѣнія зная расположеніе Мамаево — рѣшился ѣхать въ Орду, утвержденный въ семъ намѣреніи Моголомъ Сарыхожею, который взялся предупредить Хана въ его пользу. Народъ ужаснулся, воображая, что сей юный, любимый Государь будетъ имѣть въ Ордѣ участь Михаила Ярославича Тверскаго, и что коварный Сарыхожа, подобно злодѣю Кавгадыю, готовитъ ему вѣрную гибель. По крайней мѣрѣ никто не могъ безъ умиленія видѣть, сколь Димитрій предпочитаетъ безопасность народную своей собственной, и любовь общая къ нему удвоилась въ сердцахъ благодарныхъ. Митрополитъ Алексій провожалъ его до береговъ Оки: тамъ усердно молился Всевышнему, благословилъ Димитрія, Бояръ, воиновъ, всѣхъ Княжескихъ спутниковъ, и торжественно поручилъ имъ блюсти драгоцѣнную жизнь Государя добраго (21); онъ самъ желалъ раздѣлить съ нимъ опасности:

Любовь народная къ Димитрію.

Іюня 15.

но присутствіе его было нужно въ Москвѣ, гдѣ оставался Совѣтъ Боярскій, который уже по отбытіи Димитрія заключилъ миръ съ Литовскими Послами, въ слѣдствіе торжественнаго обрученія Елены, Ольгердовой дочери, за Князя Владиміра Андреевича: свадьба совершилась чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Знаменія.

Съ нетерпѣніемъ ожидали вѣстей изъ Орды; суевѣріе, устрашенное необыкновенными явленіями естественными, предвѣщало народу государственное бѣдствіе. Въ солнцѣ видны были черныя мѣста, подобныя гвоздямъ, и долговременная засуха произвела туманы, столь густые, что днемъ въ двухъ саженяхъ не льзя было разглядѣть лица человѣческаго; птицы, не смѣя летать, станицами ходили по землѣ (22). Сія тьма продолжалась около двухъ мѣсяцевъ. Луга и поля совершенно изсохли; скотъ умиралъ; бѣдные люди не могли за дороговизною купить хлѣба. Печальное уныніе царствовало въ областяхъ Великокняжескихъ: думая воспользоваться онымъ, Михаилъ Тверскій хотѣлъ завоевать Кострому; однакожь взялъ одну Мологу, обративъ въ пепелъ Угличь и Бѣжецкъ.

Возвращеніе Великаго Кня-

Въ исходѣ осени усердные Москвитяне были обрадованы счастливымъ возвращеніемъ своего Князя: Ханъ, Царицы, Вельможи Ординскіе и въ особенности Темникъ

Мамай, не предвидя въ немъ будущаго грознаго сопротивника, приняли Димитрія съ ласкою; утвердили его на Великомъ Княженіи, согласились брать съ онаго дань гораздо умѣреннѣйшую прежней и велѣли сказать Михаилу: «мы хотѣли силою оружія возвести тебя на престолъ Владимірскій; но ты отвергнулъ наше предложеніе, «въ надеждѣ на собственное могущество: «ищи же покровителей, гдѣ хочешь» (23)! Милость удивительная; но варвары уже чувствовали силу Князей Московскихъ и тѣмъ дороже цѣнили покорность Димитрія. Въ Ордѣ находился сынъ Михаиловъ, Іоаннъ, удержанный тамъ за 10,000 рублей, коими Михаилъ былъ долженъ Царю. Димитрій, желая имѣть столь важный залогъ въ рукахъ своихъ, выкупилъ Іоанна и привезъ съ собою въ Москву, гдѣ сей юный Князь жилъ нѣсколько времени въ домѣ у Митрополита; но согласно съ правилами чести, былъ освобожденъ, какъ скоро отецъ заплатилъ Димитрію означенное количество серебра; Михаилъ же оставался непріятелемъ Великаго Князя: Воеводы Московскіе, убивъ въ Бѣжецкѣ Намѣстника Михаилова, опустошили границы Тверскія.

за изъ Орды.

Тогда явился новый непріятель, который хотя и не думалъ свергнуть Димитрія съ престола Владимірскаго, однакожь всѣми

силами противоборствовалъ его системѣ Единовластія, ненавистной для Удѣльныхъ Князей: то былъ смѣлый Олегъ Рязанскій, который еще въ государствованіе Іоанна Іоанновича показалъ себя врагомъ Москвы. Озабоченный иными дѣлами, Димитрій таилъ свое намѣреніе унизить гордость сего Князя, и жилъ съ нимъ мирно: мы видѣли, что Рязанцы ходили даже помогать Москвѣ, тѣснимой Ольгердомъ. Не опасаясь уже ни Литвы, ни Татаръ, Великій Князь скоро нашелъ причину объявить войну Олегу, неуступчивому сосѣду, всегда готовому спорить о неясныхъ границахъ между ихъ владѣніями. Воевода, Димитрій Михайловичь Волынскій, съ сильною ратію Московскою вступилъ въ Олегову землю, и встрѣтился съ полками сего Князя, не менѣе многочисленными, и столь увѣренными въ побѣдѣ, что они съ презрѣніемъ смотрѣли на своихъ противниковъ. «Друзья!» говорили Рязанцы между собою: «намъ нужны не щиты и не копья, а только «однѣ веревки, чтобы вязать плѣнниковъ, «слабыхъ, боязливыхъ Москвитянъ.» *Рязанцы*, прибавляетъ Лѣтописецъ, *бывали искони горды и суровы:* суровость не есть мужество, и *смиренные, набожные* Москвитяне, устроенные Вождемъ искуснымъ, побили ихъ на голову [24]. Олегъ едва ушелъ. Великій Князь отдалъ Рязань Владиміру

Война съ Олегомъ.

Димитріевичу Пронскому, согласному зависѣть отъ его верховной власти. Но симъ не кончилась исторія Олегова: любимый народомъ, онъ скоро изгналъ Владиміра и снова завоевалъ всѣ свои области; а Димитрій, встревоженный иными, опаснѣйшими врагами, примирился съ нимъ до времени.

г. 1372.

Михаилъ, все еще имѣя тѣсную связь съ Литвою, всячески убѣждалъ Ольгерда дѣйствовать съ нимъ за-одно противъ Великаго Князя, безъ сомнѣнія представляя ему, что время укрѣпитъ Димитрія въ мужествѣ и властолюбіи; что сей Государь, столь еще юный, рано или поздно отметитъ ему за двукратную осаду Москвы, и захочетъ возвратить отечеству прекрасныя земли, отторженныя Литвою отъ Россіи; что надобно низвергнуть опаснаго непріятеля или по крайней мѣрѣ частыми нападеніями ослаблять его силу. *Вѣчный миръ*, клятвенно утвержденный въ Москвѣ Литовскими Послами, и новый брачный союзъ съ Домомъ ея Князей произвели единственно то, что Ольгердъ не захотѣлъ самъ предводительствовать войскомъ, а послалъ Кестутія, Витовта, Андрея, сына своего, и Князя Димитрія Друцкаго разорять наше отечество. Не уступая брату ни въ скорости, ни въ тайнѣ воинскихъ замысловъ, Кестутій весною осадилъ Переславль, столь внезап-

Новое нападеніе Литвы.

Апрѣля 6.

но, что схватилъ многихъ земледѣльцевъ на поляхъ и Бояръ, выѣхавшихъ въ села для хозяйственныхъ распоряженій. Въ такое время, когда едва сошелъ снѣгъ и глубокія рѣки находились въ полномъ разливѣ, никто не ожидалъ непріятеля внутри Россіи. Впрочемъ сіе Литовское впаденіе было однимъ быстрымъ набѣгомъ: Кестутій выжегъ предмѣстіе, но снялъ осаду и соединился съ войскомъ Михаила, который опустошилъ села вокругъ Дмитрова, взявъ окупъ съ города (25). Обѣ рати двинулись къ Кашину; истребили селенія вокругъ его и также взяли дань съ гражданъ, а Князя Михаила Васильевича, преданнаго Димитрію, обязали клятвою быть подвластнымъ Тверскому. На возвратномъ пути Литовцы злодѣйствовали и въ самыхъ владѣніяхъ ихъ союзника; Михаилъ же, оставивъ Намѣстниковъ въ Торжкѣ, величалъ себя побѣдителемъ.

Междоусобіе.

Но побѣда еще ожидала его. Не зная, кто останется Главою Россіи, Михаилъ или Димитрій, Новогородцы (въ 1370 году) дали на себя грамоту первому, обѣщая ему повиноваться какъ своему законному Властителю, *если* Ханъ утвердитъ его въ Великокняжескомъ достоинствѣ. Когда же Димитрій возвратился изъ Орды съ Царскою милостію, тогда они заключили съ нимъ договоръ противиться общими силами Ми-

ханлу, Литвѣ и Рижскимъ Нѣмцамъ: Великій Князь обязывался самолично предводительствовать войскомъ или прислать къ нимъ брата, Владиміра Андреевича (26). Свѣдавъ, что Михаилъ занялъ Торжекъ, Новогородцы спѣшили выгнать оттуда его Намѣстниковъ, ограбили всѣхъ купцевъ Тверскихъ и взяли съ жителей клятву быть вѣрными ихъ древнему Правительству. Немедленно обступивъ Торжекъ, Михаилъ требовалъ, чтобы виновники сего насилія и грабежа были ему выданы, и чтобы жители снова приняли къ себѣ Тверскаго Намѣстника. Бояре Новогородскіе отвѣтствовали надменно; сѣли на коней и выѣхали въ поле съ гражданами (27). Мужество и число Тверитянъ рѣшили битву: смѣлый Воевода Новогородскій, Александръ Абакумовичь, побѣдитель Сибирскихъ народовъ, и знаменитые товарищи его пали мертвые въ первой схваткѣ; другіе бѣжали, и не спаслися: конница Михаилова топтала ихъ трупы, и Князь, озлобленный жителями, велѣлъ зажечь городъ съ конца по вѣтру. Въ нѣсколько часовъ всѣ зданія обратились въ пепелъ, монастыри и церкви, кромѣ трехъ каменныхъ; множество людей сгорѣло или утонуло въ Тверцѣ, и побѣдители не знали мѣры въ свирѣпости: обдирали до-нага женъ, дѣвицъ, монахинь; не оставили на образахъ *ни одного золотаго*, ни

Маія 31.

серебрянаго оклада, и съ толпами плѣнныхъ удалились отъ горестнаго пепелища, наполнивъ 5 скудельницъ мертвыми тѣлами. Лѣтописцы говорятъ, что злодѣйства Батыевы въ Торжкѣ не были такъ памятны, какъ Михаиловы.

Совершивъ сей подвигъ, Тверскій Князь готовился къ важнѣйшему. Набѣгъ Кестутіевъ, прервавъ мирную связь между Литвою и Россіею, долженствовалъ имѣть слѣдствіе, и старецъ Ольгердъ хотѣлъ предупредить Димитрія: зная твердо путь къ его столицѣ, со многочисленнымъ войскомъ устремился къ оной; шелъ, по своему обыкновенію, безъ отдыха, и соединясь съ Михаиломъ близъ Калуги (28), думалъ, что Москвитяне увидятъ его только на Поклонной горѣ. Но знамена Великаго Князя уже развѣвались въ полѣ: передовый отрядъ Московскій, быстро ударивъ на Ольгердовъ, гналъ бѣгущихъ до самаго ихъ главнаго войска. Россійское стало противъ Литовскаго, готовое къ бою; числомъ оно не уступало другому: надлежало одолѣть искусствомъ или храбростію. Между двумя станами находился крутый оврагъ и глубокая дебрь: ни тѣ, ни другіе не хотѣли сойти внизъ, чтобы начать битву, и нѣсколько дней миновало въ бездѣйствіи, коимъ воспользовался Ольгердъ для предложенія мира. Съ обѣихъ сторонъ желали онаго: если

Третіе нашествіе Ольгерда.

Іюля 12.

бы Россіяне одержали верхъ, то Литовцы, удаленные отъ своихъ границъ, могли быть истреблены совершенно; если бы Ольгердъ побѣдилъ, то Димитрій предалъ бы ему Россію въ жертву. Первый имѣлъ выгоду опытности; но самая сія опытность не позволяла ему вѣрить слѣпому случаю, отъ коего не рѣдко зависитъ успѣхъ или бѣдствіе на войнѣ. Зная же, что такъ называемый *вѣчный* миръ есть пустое слово, они заключили единственно перемиріе отъ 1 Августа до 26 Октября, и Вельможи Литовскіе именемъ Ольгерда, Кестутія и союзника ихъ, Святослава Смоленскаго, а Бояре Россійскіе именемъ Великаго Князя и брата его, Владиміра Андреевича, написали договоръ, включивъ въ него съ одной стороны Князей Тверскаго и Брянскаго, съ другой же Рязанскихъ, названныхъ *Великими* (29). Главныя условія были таковы: «Нѣтъ войны «между нами. Путь нашимъ Посламъ и купцамъ «вездѣ свободенъ. Князь Михаилъ долженъ воз-«вратить все похищенное имъ въ областяхъ Ве-«ликаго Княженія во время трехъ бывшихъ пе-«ремирій и вывести оттуда своихъ Намѣстни-«ковъ; а буде они не выѣдутъ, то Димитрій мо-«жетъ ихъ взять подъ стражу, и самъ управить-«ся съ Михаиломъ въ случаѣ новыхъ его наси-«лій: Ольгерду же въ такомъ случаѣ не всту-«паться за шурина. Когда люди Московскіе, по-«сланные въ Орду жаловаться на Князя Твер-«скаго, успѣютъ въ своемъ дѣлѣ, то Димитрій «поступитъ, *какъ угодно* Богу и Царю: чего

«Ольгердъ не долженъ ставить ему въ вину. Ми-«хаилу нѣтъ дѣла до Великаго Княженія, а Ди-«митрію до Твери; они вѣдаются только чрезъ «Пословъ. — Князь Литовскій обязанъ возвра-«тить Димитрію сію договорную грамоту, буде «вздумаетъ по истеченіи срока возобновить не-«пріятельскія дѣйствія.»

Такимъ образомъ старецъ Ольгердъ заклю-чилъ свои впаденія въ Россію, которыя могли бы имѣть гораздо вреднѣйшее слѣдствіе для ея цѣлости, если бы онъ нашелъ въ Димитріи ме-нѣе бодрости и неустрашимости. Историкъ Ли-товскій, вмѣсто трехъ походовъ, описываетъ только одинъ, разсказывая слѣдующія обстоя-тельства, несогласныя съ извѣстіями нашихъ современныхъ Лѣтописцевъ: «Димитрій, над-«менный успѣхами своего оружія, хотѣлъ от-«нять у Литвы Витебскъ, Полоцкъ и Кіевъ; «прислалъ Ольгерду *кремень, огниву, саблю*, и «велѣлъ объявить, что Россіяне намѣрены въ «Свѣтлую Недѣлю похристосоваться съ нимъ въ «Вильнѣ огнемъ и желѣзомъ. Ольгердъ немед-«ленно выступилъ съ войскомъ въ срединѣ Ве-«ликаго поста и велъ съ собою Пословъ Дими-«тріевыхъ до Можайска; тамъ отпустилъ ихъ, и «давъ имъ зажженный фитиль, сказалъ: *Отвези-«те его къ вашему Князю. Ему ненужно искать «меня въ Вильнѣ: я буду въ Москвѣ съ краснымъ «яйцомъ прежде, нежели этотъ фитиль угас-«нетъ. Истинный воинъ не любитъ откладывать: «вздумалъ и сдѣлалъ.* — Послы спѣшили увѣдо-

«нить Димитрія о предстоящей опасности,
«и нашли его въ день Пасхи идущаго къ
«Заутренѣ; а восходящее солнце озарило
«на Поклонной горѣ станъ Литовскій. Изум-
«ленный Великій Князь требовалъ мира:
«Ольгердъ благоразумно согласился на
«оный, взявъ съ Россіянъ много серебра и
«всѣ ихъ владѣнія до рѣки Угры. Онъ во-
«шелъ съ Боярами Литовскими въ Кремль,
«ударилъ копьемъ въ стѣну на память Мо-
«сквѣ, и вручилъ *красное яйцо* Дими-
«трію ([30])». — Не говоря о хронологиче-
скихъ ошибкахъ сего Историка, замѣтимъ
только, что Угра не могла быть границею
между Ольгердовымъ Государствомъ и Рос-
сіею, пока Смоленскъ оставался еще Кня-
жествомъ особеннымъ или неприсоединен-
нымъ къ Литвѣ.

Ольгердъ не разсудилъ за благо нару-
шить перемирія, и года два не безпокоилъ
Россіи. Иныя опасности явились; медленно,
но грозно восходила туча надъ Великимъ
Княженіемъ отъ береговъ Волги. Еще Ди-
митрій соглашался быть данникомъ Мого-
ловъ, однакожь не хотѣлъ терпѣть насилія
съ ихъ стороны. Вопреки, можетъ быть,
слову данному Ханомъ, Послы Мамаевы,
пріѣхавъ въ Нижній съ воинскою дружи-
ною, нагло оскорбили тамошняго Князя,
Димитрія Константиновича, и гражданъ:
сей Князь, исполняя, какъ вѣроятно, пред- г. 1374.

Избіеніе Татаръ въ Нижнемъ.

писаніе Московскаго, велѣлъ или дозволилъ народу умертвить Пословъ, съ коими находилось болѣе тысячи Мамаевыхъ воиновъ: главнаго изъ нихъ, Мурзу Сарайку, заключили въ крѣпости съ его особенною

г. 1375.

дружиною. Прошло около года: объявили Сарайкѣ, что онъ долженъ проститься съ товарищами, и что ихъ будутъ содержать въ разныхъ домахъ. Испуганный сею вѣстію Мурза ушелъ отъ приставовъ, вбѣжалъ въ домъ Епископскій, зажегъ оный и съ помощію слугъ своихъ оборонялся: они пустили нѣсколько стрѣлъ и едва не ранили самого Суздальскаго Епископа, Діонисія: но скоро были всѣ жертвою народной злобы (31).

Неизвѣстно, старался ли Димитрій Константиновичь или Великій Князь оправдать сіе дѣло предъ судилищемъ Ханскимъ: по крайней мѣрѣ гордый Мамай не стерпѣлъ такой явной дерзости, и послалъ войско опустошить предѣлы Нижегородскіе, берега Киши и Пьяны, гдѣ начальствовалъ Бояринъ Пареепій, и гдѣ чрезъ нѣсколько дней не осталось ничего, кромѣ пепла и труповъ.

Сія месть не могла удовлетворить гнѣву Мамаеву: онъ клялся погубить Димитрія, и Россійскіе мятежники взялись ему въ томъ способствовать. Мы упоминали о знаменитости Московскихъ чиновниковъ, на-

зываемыхъ Тысячскими, которые, подобно Князьямъ, имѣли особенную благородную дружину и были, кажется, избираемы гражданами, согласно съ древнимъ обычаемъ, чтобы предводительствовать ихъ людьми военными (32). Димитрій уничтожилъ сей важный санъ, непріятный для самовластія Государей и для Бояръ, обязанныхъ уступать первенство чиновнику народному. Последній Московскій Тысячскій, Василій Васильевичь Вельяминовъ, умершій Схимникомъ, оставилъ сына, именемъ Ивана, хотѣвшаго, можетъ быть, заступить мѣсто отца: недовольный Великимъ Княземъ, онъ вмѣстѣ съ богатымъ купцемъ Некоматомъ ушелъ къ Михаилу Тверскому, и представилъ ему случай воспользоваться злобою Мамая на Димитрія, чтобы отнять Владиміръ у Московскаго Князя. Отправивъ коварнаго Вельяминова и Некомата къ Хану, Михаилъ самъ ѣздилъ въ Литву, и возвратясь въ Тверь, получилъ изъ Орды грамоту на Великое Княженіе. Мамай обѣщалъ ему войско: Ольгердъ также. Не давъ имъ времени исполнить столь нужное обѣщаніе, легкомысленный Князь Тверскій объявилъ войну Димитрію, послалъ своихъ Намѣстниковъ въ Торжекъ и сильный отрядъ къ Угличу.

Послѣдній Тысячскій въ Москвѣ.

Великій Князь оказалъ дѣятельность необыкновенную, предвидя, что онъ въ одно

Война съ Твер-

скимъ Князей. время можетъ имѣть дѣло и съ Тверитянами, и съ Литвою, и съ Моголами: гонцы его скакали изъ области въ область; полки въ слѣдъ за ними выступали. Собралось войско, многочисленное, прекрасное, на равнинахъ Волока. — Всѣ Князья Удѣльные, или служащіе Московскому, находились подъ его знаменами: Владиміръ Андреевичь, внукъ Калитинъ; Димитрій Константиновичь Суздальскій (33) съ двумя братьями и сыномъ; Князья Ростовскіе, Василій и Александръ Константиновичи, съ двоюроднымъ ихъ братомъ, Андреемъ Θеодоровичемъ; Іоаннъ Смоленскій, Василій Ярославскій, Θеодоръ Михайловичь Моложскій, Θеодоръ Романовичь Бѣлозерскій (*), Василій Михайловичь Кашинскій (сынъ умершаго Михаила Васильевича), Андрей Стародубскій, Романъ Михайловичь Брянскій, Романъ Симеоновичь Новосильскій, Симеонъ Константиновичь Оболенскій и братъ его, Іоаннъ Торусскій. Нѣкоторые изъ сихъ Князей — на примѣръ, Смоленскій и Брянскій — не были Владѣтельными: ибо въ Смоленскѣ господствовалъ Святославъ, дядя сего Іоанна, а въ Брянскѣ сынъ Ольгердовъ. Въ Стародубѣ и Бѣлозерскѣ уже властвовали Намѣстники

(*) «Томъ IV, прим. 307» (отмѣтка исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Ист. Гос. Росс.).

Московскіе (34). Оболенскъ, Торусса и Новосиль, древніе Удѣлы Черниговскіе въ землѣ Вятичей, подобно Ярославлю, Мологѣ и Ростову, зависѣли тогда отъ Великаго Княженія; однакожь имѣли своихъ особенныхъ Владѣтелей, потомковъ Св. Михаила Черниговскаго.

Димитрій, взявъ Микулинъ, 5 Августа осадилъ Тверь. Онъ велѣлъ сдѣлать два моста чрезъ Волгу, и весь городъ окружить тыномъ. Начались приступы кровопролитные. Вѣрные Тверитяне никогда не измѣняли Князьямъ своимъ: говѣли, пѣли молебны, и бились съ утра до вечера; гасили огонь, коимъ непріятель хотѣлъ обратить ихъ стѣны въ пепелъ, и разрушили множество туровъ, защиту осаждающихъ. Всѣ Михаиловы области были разорены Московскими Воеводами, города взяты, люди отведены въ плѣнъ, скотъ истребленъ, хлѣбъ потоптанъ; ни церкви, ни монастыри не уцѣлѣли: но Тверитяне мужественно умирали на стѣнахъ, повинуясь Князю и надѣясь на Бога. Осада продолжалась три недѣли: Димитрій съ нетерпѣніемъ ждалъ Новогородцевъ, которые явились наконецъ въ его станѣ, пылая ревностію отплатить Михаилу за бѣдствіе Торжка. Еще сей Князь, видя изнеможеніе своихъ воиновъ отъ ранъ и голода, ободрялъ себя мыслію, что Ольгердъ и Кестутій избавятъ его въ крайности: Литовцы дѣйствительно шли къ нему въ помощь; но узнавъ о силѣ Димитріевой, возвратились съ пути. Тогда оставалось Михаилу умереть или

смириться: онъ избралъ послѣднее средство, и Владыка Евфимій со всѣми знатнѣйшими Тверскими Боярами пришелъ въ станъ къ Димитрію, требуя милости и спасенія.

Великій Князь показалъ достохвальную умѣренность, предписавъ Михаилу условія не тягостныя, согласныя съ благоразумною Политикою. Главныя изъ оныхъ были слѣдующія [35]: «По благословенію отца нашего, Алексія Ми-«трополита всея Руси, ты Князь Тверскій, дай «клятву за себя и за наслѣдниковъ своихъ при-«знавать меня *старѣйшимъ* братомъ, никогда не «искать Великаго Княженія Владимірскаго, на-«шея отчины, и не принимать онаго отъ Хановъ, «также и Новагорода Великаго; а мы обѣщаемся «не отнимать у тебя наслѣдственной Тверской «области. Не вступайся въ Кашинъ, отчину «Князя Василія Михайловича; отпусти захвачен-«ныхъ Бояръ его и слугъ, также и всѣхъ на-«шихъ, съ ихъ достояніемъ. Возврати колокола, «книги, церковные оклады и сосуды, взятые въ «Торжкѣ, вмѣстѣ съ имѣніемъ гражданъ, нынѣ «свободныхъ отъ данной ими тебѣ присяги: «да будутъ свободны и тѣ, кого ты закабалилъ «изъ нихъ грамотами. Но предаемъ забвенію «всѣ дѣйствія нынѣшней Тверской осады: ни «тебѣ, ни мнѣ не требовать возмездія за убытки, «понесенные нами въ сей мѣсяцъ. — Князья Ро-«стовскіе и Ярославскіе *со мною одинъ человѣкъ*: «не обижай ихъ, или мы за нихъ вступимся. — «Откажись отъ союза съ Ольгердомъ: «когда Лит-

«за объявитъ войну Смоленскому» — тогда уже союзнику Димитріеву — «или другимъ Князьямъ, «нашимъ братьямъ : мы обязаны защитить ихъ, «равно какъ и тебя. — Въ разсужденіи Татаръ по-«ступай согласно съ нами : рѣшимся ли воевать, «и ты врагъ ихъ ; рѣшимся ли платить имъ дань, «и ты плати оную. — Когда я и братъ мой, Князь «Владиміръ Андреевичь, сядемъ на коней, будь «намъ товарищъ въ полѣ ; когда пошлемъ Вое-«водъ, да соединятся съ ними и твои.»

Въ другихъ статьяхъ сей договорной грамоты сказано, что Михаилъ, въ исполненіе прежнихъ условій, освободитъ всѣхъ людей Великокняжескихъ, задержанныхъ въ Твери имъ или его Боярами по долгамъ, искамъ и ручательству; что Бояре вольны отъѣхать для службы отъ Московскаго Князя къ Тверскому или отъ Тверскаго къ Московскому, но лишаются въ такомъ случаѣ своихъ жалованныхъ помѣстьевъ; что села измѣнниковъ Ивана Вельяминова и Некомата принадлежатъ Димитрію; что земли и воды Новогородцевъ, изъ чести служащихъ Михаилу, остаются подъ вѣдѣніемъ Новагорода; что тамошніе купцы могутъ безопасно ѣздить чрезъ области Тверскія ; что гражданинъ свободный обязанъ платить дань Князю той области, гдѣ живетъ : хотя бы и находился въ службѣ другаго, но подсуденъ единственно своему Государю ; что въ дѣлахъ спорныхъ Бояре Московскіе и Тверскіе съѣзжаются для суда на границѣ, а въ случаѣ несогласія избираютъ Князя

Олега Рязанскаго въ посредники; что бѣглые рабы, воры и душегубцы должны быть выдаваемы руками; что торговые Московскіе люди не платятъ въ Твери ничего, кромѣ законныхъ, издавна уставленныхъ пошлинъ; что всякой насильственный переводъ жителей изъ одной земли въ другую воспрещается, и проч. Довольный смиреніемъ гордаго соперника, Димитрій оставилъ ему всѣ права Князя независимаго и названіе *Великаго*, подобно Смоленскимъ и Рязанскимъ Князьямъ. Новогородцы же заключили особенный договоръ съ Михаиломъ, который обязался дать свободу ихъ плѣнникамъ, *Житымъ* (или нарочитымъ) и простымъ людямъ; возвратить товары, отнятые у купцевъ Новогородскихъ, возстановить древнія границы между обѣими землями, наблюдать правила добраго сосѣдства, не стоять за бѣглыхъ рабовъ, должниковъ (36), и проч. — Сія междоусобная война, счастливая для Великаго Князя, была долгое время оплакиваема въ Тверскихъ областяхъ, разоренныхъ безъ милосердія: ибо воевать значило тогда свирѣпствовать, жечь и грабить. Димитрій, руководствуясь обычаемъ какъ уставомъ народнымъ, не заслужилъ упрековъ отъ современниковъ, которые напротивъ того славили его великодушіе: ибо онъ не захотѣлъ совершенно истребить Твери (37) и свергнуть Михаила съ наслѣдственнаго престола. Лѣтописцы тѣмъ болѣе клянутъ истинныхъ виновниковъ сего бѣдствія, Ивана Вельяминова и Некомата, кото-

рые, дерзнувъ чрезъ нѣсколько лѣтъ возвратиться въ Великое Княженіе, были казнены всенародно, къ устрашенію подобныхъ имъ злодѣевъ. Народъ Московскій, долго уважавъ и любивъ отца Иванова, чиновника столь знаменитаго, съ горестію смотрѣлъ на казнь сего несчастнаго сына, прекраснаго лицемъ, и благороднаго видомъ; она совершилась на древнемъ *Кучковѣ полѣ*, гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій.

Первая смертная казнь въ Москвѣ.

Великій Князь, распустивъ часть войска, послалъ другую на Болгаровъ съ Воеводою, Княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Волынскимъ, женатымъ на его сестрѣ, Аннѣ (38). Сей Князь — одинъ изъ потомковъ Святополка II, какъ вѣроятно, или Романа Галицкаго — выѣхавъ изъ Волыніи служить Государю Московскому, усердствовалъ отличаться подвигами мужества. Казанская Болгарія, еще прежде Россіи покоренная Батыемъ, съ того времени зависѣла отъ Хановъ, и жители смѣшались съ Моголами. Мурза Булактемиръ, какъ мы упоминали, овладѣлъ ею въ 1361 году: послѣ властвовалъ тамъ Осанъ, непріятель Димитрія Константиновича Суздальскаго, сверженный имъ въ 1370 году. Взявъ съ собою Посла Ханскаго — слѣдственно дѣйствуя съ согласія Мамаева — сынъ Димитріевъ, Василій, и братъ, Князь Городецкій, ходили съ войскомъ въ Болгарію: при-

г. 1376.

Походъ въ Болгарію.

няли дары отъ Осана, но возвели на его мѣсто другаго Князя (39). Новый походъ Россіянъ въ сію землю имѣлъ важнѣйшую цѣль: Великій Князь, уже явный врагъ Моголовъ, хотѣлъ подчинить себѣ Болгарію. Сыновья Димитрія Суздальскаго соединились съ полками Московскими и приблизились къ *Казани*, городу славному въ нашей Исторіи: сообщимъ любопытное преданіе о началѣ его. «Сынъ Батыевъ» — такъ говоритъ одинъ Лѣтописецъ XVI вѣка, бывшій любимымъ слугою Царя Казанскаго (40) — «сынъ Батыевъ, именемъ «Саинъ, шелъ воевать Россію, но обезору«женный смиреніемъ и дарами ея Князей, «остановился: тутъ онъ вздумалъ завести «селеніе, гдѣ бы чиновники Татарскіе, по«сылаемые для собранія дани въ наше оте«чество, могли имѣть отдохновеніе. Мѣсто «было изобильно, *пчелисто* и *пажитно;* «но страшные зміи обитали въ ономъ: сы«скался волхвъ, который обратилъ ихъ въ «пепелъ. Ханъ основалъ городъ *Казань* «(что значитъ *котелъ* или *золотое дно*) и «населилъ его Болгарами, Черемисами, Во«тяками, Мордвою, ушедшими изъ обла«стей Ростовскихъ во время крещенія зем«ли Русской; любилъ сіе мѣсто, гдѣ сбли«жаются ея предѣлы съ Болгаріею, Вят«кою, Пермію, и часто самъ пріѣзжалъ «туда изъ Сарая: оно долгое время назы-

Марта 16.

Начало Казани.

вался еще *Саиновымъ Юртомъ.»* Сей Ханъ *Саинъ* былъ или Сартакъ, единственный Батыевъ сынъ, извѣстный по лѣтописямъ, или самъ Батый, коего Историкъ Татарскій, Абульгази, обыкновенно имецуетъ *Сагиномъ* ([41]).

Казанцы встрѣтили Россіянъ въ полѣ: многіе изъ нихъ выѣхали на вельблюдахъ, думая видомъ и голосомъ сихъ животныхъ испугать нашихъ коней; другіе надѣялись произвести тоже дѣйствіе стукомъ и громомъ: но видя неустрашимость Россіянъ, побѣжали назадъ. Войско Россійское, истребивъ огнемъ села ихъ, зимовища, суда, заставило двухъ Болгарскихъ Владѣтелей, Осана и Махматъ-Салтана, покориться Великому Князю. Они дали ему и Димитрію Суздальскому 2000, а на воиновъ 3000 рублей, и приняли въ свой городъ Московскаго чиновника или таможенника ([42]): слѣдственно обязались быть данниками Россіи. Ободренная симъ успѣхомъ, она готовилась къ дальнѣйшимъ подвигамъ.

Еще Мамай отлагалъ до удобнѣйшаго времени дѣйствовать всѣми силами противъ Великаго Князя (ибо въ Ордѣ снова свирѣпствовала тогда язва), однакожь не упускалъ случая вредить Россіянамъ. Сосѣды Нижегородской области, Мордва, взялись указать Моголамъ безопасный путь въ ея предѣлы, и Царевичь, именемъ Арап-

г. 1377. Нашествіе

Моголовъ.

ша, съ береговъ Синяго или Аральскаго моря пришедши служить Мамаю, выступилъ съ Ханскими полками. Димитрій Суздальскій извѣстилъ о томъ Великаго Князя, который немедленно собралъ войско защитить тестя, но долго ждавъ Моголовъ, и надѣясь, что они раздумали итти къ Нижнему, послалъ Воеводъ своихъ гнаться за ними, а самъ возвратился въ столицу. Сіе ополченіе состояло изъ ратниковъ Переславскихъ, Юрьевскихъ, Муромскихъ и Ярославскихъ: Князь Димитрій Константиновичь присоединилъ къ нимъ Суздальцевъ подъ начальствомъ сына, Іоанна, и другаго Князя, Симеона Михайловича (13). Къ несчастію, умъ предводителей не отвѣтствовалъ числу воиновъ. Повѣривъ слухамъ, что Арапша далеко, они вздумали за рѣкою Пьяною, на степи Перевозской, тѣшиться ловлею звѣрей какъ дома въ мирное время. Воины слѣдовали сему примѣру безпечности: утомленные зноемъ, сняли съ себя латы и нагрузили ими телеги; спустивъ одежду съ плечъ, искали прохлады; другіе разсѣялись по окрестнымъ селеніямъ, чтобы пить крѣпкій медъ или пиво. Знамена стояли уединенно; копья, щиты лежали грудами на травѣ. Однимъ словомъ, вездѣ представлялась глазамъ веселая картина охоты, пиршества, гульбища: скоро представилась иная. Князья Мордовскіе

тайно подвели Арапшу, о коемъ говорятъ Лѣтописцы, что онъ былъ карла станомъ, но великанъ мужествомъ, хитръ на войнѣ и свирѣпъ до крайности ([44]). Арапша съ пяти сторонъ ударилъ на Россіянъ, столь внезапно и быстро, что они не могли ни изготовиться, ни соединиться, и въ общемъ смятеніи бѣжали къ рѣкѣ Пьянѣ, устилая путь своими трупами, и неся непріятеля на плечахъ. Погибло множество воиновъ и Бояръ: Князь Симеонъ Михайловичь былъ изрубленъ, Князь Іоаннъ Димитріевичь утонулъ въ рѣкѣ, которая прославилась симъ несчастіемъ (осуждая безразсудность Воеводъ Димитріевыхъ, древніе Россіяне говорили пословицу: за *Пьяною люди пьяны)*. — Татары, одержавъ совершенную побѣду, оставили за собою плѣнниковъ съ добычею, и на третій день явились подъ стѣнами Нижняго Новагорода, гдѣ царствовалъ ужасъ: никто не думалъ обороняться. Князь Димитрій Константиновичь ушелъ въ Суздаль; а жители спасались въ лодкахъ вверхъ по Волгѣ. Непріятель умертвилъ всѣхъ, кого могъ захватить; сжегъ городъ, и такимъ образомъ наказавъ его за убіеніе Пословъ Мамаевыхъ, удалился, обремененный корыстію. Сынъ Димитрія Константиновича, чрезъ нѣсколько дней пріѣхавъ на сіе горестное пепелище, старался прежде всего

Августа 2

Пословица.

возобновить обгорѣлую каменную церковь Св. Спаса, чтобы схоронить въ ней тѣло своего несчастнаго брата, Іоанна, утонувшаго въ рѣкѣ.

Въ тоже время Моголы взяли нынѣшнюю Рязань: Князь Олегъ, изстрѣленный, обагренный кровію, едва могъ спастися. Впрочемъ они желали единственно грабить и жечь: мгновенно приходили, мгновенно и скрывались. Области Рязанская, Нижегородская были усыпаны пепломъ, въ особенности берега Суры, гдѣ Арапша не оставилъ въ цѣлости ни одного селенія (45). Многіе Бояре и купцы лишились всего имѣнія; въ томъ числѣ Лѣтописцы именуютъ одного знаменитаго гостя, Тараса Петрова: Моголы разорили шесть его цвѣтущихъ, многолюдныхъ селъ, купленныхъ имъ у Князя за рѣкою Кудимою; видя, что собственность въ сихъ мѣстахъ ненадежна, онъ навсегда переѣхалъ въ Москву. — Чтобы довершить бѣдствіе Нижняго Новагорода, Мордовскіе хищники по слѣдамъ Татаръ разсѣялись злодѣйствовать въ его Уѣздѣ; но Князь Борисъ Константиновичь настигъ ихъ, когда они уже возвращались съ добычею, и потопилъ въ рѣкѣ Пьянѣ, гдѣ еще плавали трупы Россіянъ. Сей Князь Городецкій вмѣстѣ съ племянникомъ, Симеономъ Димитріевичемъ, и съ Воеводою Великаго Князя, Θеодоромъ Свибломъ, въ слѣдующую зиму опустошилъ безъ битвы всю землю Мордовскую, истребляя жилища и жителей. Онъ взялъ въ плѣнъ женъ и дѣтей, также нѣкоторыхъ людей чинов-

ныхъ, казненныхъ послѣ въ Нижнемъ. Народъ въ злобномъ остервененіи влачилъ ихъ по льду рѣки Волги и травилъ псами.

Сія безчеловѣчная месть снова возбудила гнѣвъ Мамаевъ на Россіянъ: ибо земля Мордовская находилась подъ властію Хана. Нижній Новгородъ, едва возникнувъ изъ пепла, вторично былъ взятъ Татарами: жители бѣжали за Волгу. — Князь Димитрій Константиновичь, будучи тогда въ Городцѣ, прислалъ объявить Мамаевымъ Воеводамъ, чтобы они удовольствовались окупомъ и не дѣлали зла его Княженію. Но исполняя въ точности данное имъ повелѣніе, они хотѣли крови и развалинъ: сожгли городъ (46), опустошили уѣздъ, и выходя изъ нашихъ предѣловъ, соединились еще съ сильнѣйшимъ войскомъ, посланнымъ отъ Мамая на самого Великаго Князя.

Г. 1378.

Іюля 24.

Димитрій Іоанновичь, свѣдавъ заблаговременно о замыслахъ непріятеля, имѣлъ время собрать полки, и встрѣтилъ Татаръ въ области Рязанской, на берегахъ Вожи. Мурза Бегичь предводительствовалъ ими. Они сами начали битву: перешли за рѣку и съ воплемъ поскакали на Россіянъ; видя же ихъ твердость, удержали своихъ коней: пускали стрѣлы; ѣхали впередъ легкою рысью. Великій Князь стоялъ въ срединѣ, поручивъ одно *крыло Князю* Даніилу Прон-

Августа 11. Побѣда надъ Моголами.

скому, а другое *Окольничему*, или ближнему Княжескому чиновнику, Тимоѳею ([47]). По данному знаку все наше войско устремилось противъ непріятеля, и дружнымъ, быстрымъ нападеніемъ рѣшило дѣло: Моголы обратили тылъ; бросая копья, бѣжали за рѣку. Россіяне кололи, рубили и топили ихъ въ Вожѣ цѣлыми тысячами. Нѣсколько именитыхъ Мурзъ находилось въ числѣ убитыхъ. Ночь и густая мгла слѣдующаго утра спасла остатокъ Мамаевыхъ полковъ. На другой день Великій Князь уже тщетно искалъ бѣгущаго непріятеля: нашелъ только разбросанные въ степяхъ шатры, юрты, кибитки и телеги, наполненныя всякими товарами. Довольный столь блестящимъ успѣхомъ, онъ возвратился въ Москву. Сія побѣда достопамятна тѣмъ, что была первою, одержанною Россіянами надъ Татарами съ 1224 года, и не стоила имъ ничего, кромѣ труда убивать людей: столь измѣнился воинственный характеръ Чингисханова потомства! Юный Герой Димитрій, торжествуя оную вмѣстѣ со всѣми добрыми подданными, могъ сказать имъ словами Библіи: *Отступило время отъ нихъ: Господь же съ нами* ([48])!

Мамай — истинный Властелинъ Орды, во всемъ повелѣвая Ханомъ — затрепеталъ отъ гнѣва, услышавъ о гибели своего войска; собралъ новое, и столь быстро двинулся къ Рязани, что тамошній Князь, Олегъ, не имѣлъ времени ни ждать вспоможенія отъ Великаго Князя, ни приготовиться къ отпору; бѣжалъ изъ столицы

за Оку, и предалъ отечество въ жертву варварамъ. Но Мамай, кровопролитіемъ и разрушеніями удовлетворивъ первому порыву мести, не хотѣлъ итти далѣе Рязани и возвратился къ берегамъ Волги, отложивъ рѣшительный ударъ до инаго времени (49).

Успѣхи въ войнѣ съ Литвою.

Димитрій успѣлъ между тѣмъ смирить Литву. Славный Ольгердъ умеръ въ 1377 году, не только Христіаниномъ, но и Схимникомъ по убѣжденію его супруги, Іуліаніи, и Печерскаго Архимандрита Давида, принявъ въ крещеніи имя Александра, а въ Монашествѣ Алексія, чтобы загладить свое прежнее отступленіе отъ Вѣры Іисусовой. Нѣкоторые Лѣтописцы повѣствуютъ, что онъ гналъ Христіанъ и замучилъ въ Вильнѣ трехъ усердныхъ исповѣдниковъ Спасителя, включенныхъ нашею Церковію въ ликъ Святыхъ (50); но Литовскій Историкъ славитъ его терпимость, сказывая, что Ольгердъ казнилъ 500 Виленскихъ гражданъ за насильственное убіеніе семи Францисканскихъ Монаховъ и торжественно объявилъ свободу Вѣры. Смерть сего опаснаго властолюбца обѣщала спокойствіе нашимъ юго-западнымъ границамъ, тѣмъ болѣе, что она произвела въ Литвѣ междоусобіе. Любимый сынъ и преемникъ Ольгердовъ, Ягайло, злодѣйски умертвивъ старца Кестутія, принудилъ сына его, мла-

даго Витовта, искать убѣжища въ Пруссіи. Андрей Ольгердовичь Полоцкій, державъ сторону дяди, ушелъ во Псковъ, далъ клятву быть вѣрнымъ другомъ Россіянъ и пріѣхалъ въ Москву служить Великому Князю. Перемиріе, заключенное съ Литвою въ 1373 году, было давно нарушено: ибо Москвитяне еще при жизни Ольгерда ходили осаждать Ржевъ ([51]). Пользуясь раздоромъ его сыновей, Димитрій въ началѣ зимы отрядилъ своего брата, Владиміра Андреевича, Князей Волынскаго и Полоцкаго, Андрея Ольгердовича, съ сильнымъ войскомъ къ Стародубу и Трубчевску, чтобы сію древнюю собственность нашего отечества снова присоединить къ Россіи. Оба города сдалися; но Полководцы Димитріевы, какъ бы уже не признавая тамошнихъ обитателей единокровными братьями, дозволяли воинамъ плѣнять и грабить. Въ Трубчевскѣ княжилъ братъ Андреевъ, Димитрій Ольгердовичь: ненавидя Ягайла, онъ не хотѣлъ обнажить меча на Россіянъ, дружелюбно встрѣтилъ ихъ съ женою, съ дѣтьми, со всѣми Боярами, и предложилъ свои услуги Великому Князю, который, въ благодарность за то, отдалъ ему Переславль Залѣсскій *съ судомъ и съ пошлиною* ([52]). — Такимъ образомъ Димитрій могъ надѣяться въ одно время и свергнуть иго Татаръ, и возвратить отечеству прекрасныя земли,

г. 1379, Декабря 9.

отнятыя у насъ Литвою. Сія великая мысль занимала его благородную душу, когда онъ свѣдалъ о новыхъ грозныхъ движеніяхъ Орды, и долженствовалъ остановить успѣхи своего оружія въ Литвѣ, чтобы противоборствовать Мамаю.

Но прежде описанія знаменитѣйшаго изъ воинскихъ подвиговъ древней Россіи предложимъ Читателю церковныя дѣла сего времени, коими Димитрій, не смотря на величайшую государственную опасность, занимался съ особенною ревностію.

Дѣла церковныя.

Еще въ 1376 году Патріархъ Филоѳей самъ собою поставилъ Кипріана, ученаго Сербина, въ Митрополиты для Россіи; но Великій Князь, негодуя на то, объявилъ, что Церковь наша, пока живъ Св. Алексій, не можетъ имѣть другаго Пастыря ([53]). Кипріанъ хотѣлъ преклонить къ себѣ Новогородцевъ, и сообщилъ имъ избирательную грамоту Филоѳееву: Архіепископъ и народъ отвѣтствовали, что воля Государя Московскаго въ семъ случаѣ должна быть для нихъ закономъ. Отверженный Россіянами, Кипріанъ жилъ въ Кіевѣ и повелѣвалъ Литовскимъ Духовенствомъ, въ надеждѣ скоро заступить мѣсто Св. Алексія: ибо сей добродѣтельный старецъ уже стоялъ на прагѣ смерти. Но Великій Князь въ мысляхъ своихъ назначилъ ему инаго преемника.

Между всѣми Московскими Іереями отличался тогда Священникъ села Коломенскаго, Митяй, умомъ, знаніями, краснорѣчіемъ, острою памятію, пріятнымъ голосомъ, красотою лица, величественною наружностію и благородными поступками, такъ, что Димитрій избралъ его себѣ въ отцы Духовные и въ *Печатники*, то есть, ввѣрилъ ему храненіе Великокняжеской печати [54]: санъ важный по тогдашнему обычаю! Со дня на день возрастала милость Государева къ сему человѣку, наставнику, Духовнику всѣхъ Бояръ, равно свѣдущему въ дѣлахъ мірскихъ и церковныхъ. Онъ величался какъ Царь, по словамъ Лѣтописцевъ: жилъ пышно, носилъ одежды драгоцѣнныя, имѣлъ множество слугъ и Отроковъ. Прошло нѣсколько лѣтъ: Димитрій, желая возвести его на степень еще знаменитѣйшую, предложилъ ему заступить мѣсто Спасскаго Архимандрита, Іоанна, который въ глубокой старости посвятилъ себя тишинѣ безмолвія. Хитрый Митяй не соглашался, и былъ силою введенъ въ монастырь, гдѣ надѣли на него клобукъ Инока вмѣстѣ съ мантіею Архимандрита, къ удивленію народа, особенно къ неудовольствію духовныхъ. «Быть до обѣда бѣльцемъ» (говорили они) «а послѣ обѣда Старѣйшиною Монаховъ есть дѣло безпримѣрное.»

Сей новый санъ открывалъ путь къ важнѣйшему. Великій Князь, предвидя близкую кончину Св. Алексія, хотѣлъ, чтобы онъ благословилъ Митяя на Митрополію. Алексій, искренній другъ

смиренія, давно мыслилъ вручить Пастырскій жезлъ свой кроткому Игумену Сергію, основателю Троицкой Лавры ([55]): хотя Сергій, думая единственно о постѣ и молитвѣ, рѣшительно отвѣтствовалъ, что никогда не оставитъ своего мирнаго уединенія, но святый старецъ, или въ надеждѣ склонить его къ тому, или не любя гордаго Митяя (названнаго въ Иночествѣ Михаиломъ) отрекся исполнить волю Димитріеву, доказывая, что сей Архимандритъ еще *новоукъ* въ Монашествѣ. Великій Князь просилъ, убѣждалъ Митрополита: посылалъ къ нему Бояръ и Князя Владиміра Андреевича; наконецъ успѣлъ столько, что Алексій благословилъ Митяя, какъ своего Намѣстника, прибавивъ: «*если* Богъ, Патріархъ и Вселенскій Соборъ удостоятъ его «править Россійскою Церковію.»

Св. Алексій (въ 1378 году) скончался, и Митяй, къ изумленію Духовенства, самовольно возложилъ на себя *бѣлый* клобукъ; надѣлъ мантію съ источниками и скрижалями; взялъ посохъ, печать, казну, ризницу Митрополита; въѣхалъ въ его домъ и началъ судить дѣла церковныя самовластно. Бояре, Отроки служили ему (ибо Митрополиты имѣли тогда своихъ особенныхъ свѣтскихъ чиновниковъ), а Священники присылали въ его казну извѣстные оброки и дани ([56]). Онъ медленно готовился къ путешествію въ Царьградъ, желая, чтобы Димитрій велѣлъ прежде Святителямъ Россійскимъ поставить его въ Епископы, *согласно съ уставомъ* Апостоль-

скимъ или Номоканономъ. Великій Князь призвалъ для того всѣхъ Архіереевъ въ Москву: никто изъ нихъ не смѣлъ ослушаться, кромѣ Діонисія Суздальскаго, съ твердостію объявившаго, что въ Россіи одинъ Митрополитъ законно ставитъ Епископовъ. Великій Князь спорилъ, и наконецъ уступилъ, къ досадѣ Митяя.

Скоро обнаружилась явная ссора между симъ нареченнымъ Митрополитомъ и Діонисіемъ, ибо они имѣли наушниковъ, которые старались усилить ихъ вражду. «Для чего» — сказалъ первый Архіерею Суздальскому — «ты до сего времени не былъ у меня и не принялъ моего благословенія?» Діонисій отвѣтствовалъ: «Я Епископъ, а ты Попъ: и такъ можешь ли благословлять меня?» Митяй затрепеталъ отъ гнѣва; грозилъ, что не оставитъ Діонисія и *Попомъ*, когда возвратится изъ Царяграда, и что собственными руками споретъ скрижали съ его мантіи. Епископъ Суздальскій хотѣлъ предупредить врага своего и ѣхать къ Патріарху; но Великій Князь приставилъ къ нему стражу. Тогда Діонисій рѣшился на безчестный обманъ: далъ клятву не думать о путешествіи въ Константинополь, и представилъ за себя порукою мужа славнаго добродѣтелію, Троицкаго Игумена Сергія; получивъ же свободу, тайно уѣхалъ въ Грецію и велъ невиннаго Сергія въ стыдъ ([57]). Сей случай ускорилъ отъѣздъ Митяя, который уже 18 мѣсяцевъ управлялъ Церковію, именуясь Намѣстникомъ. Въ знакъ особенной довѣренности

Великій Князь далъ ему нѣсколько бѣлыхъ хартій, запечатанныхъ его печатію, дабы онъ воспользовался ими въ Константинополѣ сообразно съ обстоятельствами, или для написанія грамотъ отъ имени Димитріева, или для нужнаго займа денегъ. Самъ Государь, всѣ Бояре старѣйшіе, Епископы, проводили Митяя до Оки; въ Грецію же отправились съ нимъ 3 Архимандрита, Московскій Протопопъ Александръ, нѣсколько Игуменовъ, 6 Бояръ Митрополитскихъ, 2 переводчика и *цѣлый полкъ*, какъ говорятъ Лѣтописцы, всякаго рода людей, подъ главнымъ начальствомъ *Большаго* Великокняжескаго Боярина, Юрья Васильевича Кочевина-Олешинскаго, собственнаго Посла Димитріева. Казну и ризницу везли на телегахъ.

За предѣлами Рязанскими, въ степяхъ Половецкихъ, Митяй былъ остановленъ Татарами, и не испугался, зная уваженіе ихъ къ сану духовному. Приведенный къ Мамаю, онъ умѣлъ хитрою лестію снискать его благоволеніе, получилъ отъ новаго тогдашняго Хана Тюлюбека, Мамаева племянника, милостивый ярлыкъ ([58]), — достигъ Тавриды, и въ Генуэзской Кафѣ сѣлъ на корабль. Уже Царьградъ открылся глазамъ Россійскихъ плавателей; но Митяй, какъ вторый Моисей (по выраженію Лѣтописца), долженствовалъ только издали видѣть цѣль своего путешествія и честолюбія: занемогъ и внезапно умеръ, можетъ быть весьма естественно; но въ такихъ случаяхъ обыкновенно раждается подозрѣніе: онъ былъ

окруженъ тайными непріятелями; ибо, увѣренный въ особенной любви Великаго Князя, излишнею своею гордостію оскорблялъ и духовныхъ и свѣтскихъ чиновниковъ. Тѣло его свезли на берегъ и погребли въ Галатѣ.

Вмѣсто того, чтобы увѣдомить Великаго Князя о происшедшемъ и ждать отъ него новой грамоты, спутники Митяевы вздумали самовольно посвятить въ Митрополиты кого нибудь изъ бывшихъ съ ними Духовныхъ: одни хотѣли Іоанна, Архимандрита Петровскаго, который первый учредилъ въ Москвѣ общее житіе братское (59); а другіе Пимена, Архимандрита Переславскаго. Долго спорили: наконецъ Бояре избрали Пимена, и будучи озлоблены укоризнами Іоанна, грозившаго обличить ихъ несправедливость предъ Великимъ Княземъ, дерзнули оковать сего старца. Честолюбивый Пименъ торжествовалъ, и нашедши въ ризницѣ Митяевой бѣлую хартію Димитрія, написалъ на оной письмо отъ Государя Московскаго къ Императору и Патріарху такого содержанія: «Посылая къ вамъ «Архимандрита Пимена, молю, да удостоите его «быть Митрополитомъ Россійскимъ: ибо не «знаю лучшаго.» Царь и Патріархъ Нилъ изъявили сомнѣніе. «Для чего (говорили они) Князь «вашъ требуетъ новаго Митрополита, имѣя Кипріана, поставленнаго Филоѳеемъ?» Но Пименъ и Бояре достигли своей цѣли щедрыми дарами, посредствомъ другихъ бѣлыхъ хартій Димитріевыхъ занявъ у купцевъ Италіянскихъ и Восточ-

ныхъ столь великое количество серебра, что сей Государь долго не могъ выплатить онаго. Смягченный корыстію, Патріархъ сказалъ: «не знаю, вѣрить ли Посламъ «Россійскимъ; но совѣсть наша чиста» — и посвятилъ Пимена въ Софійскомъ храмѣ.

Оскорбленный вѣстію о кончинѣ Митяевой, Великій Князь едва вѣрилъ самовольству Пословъ своихъ; объявилъ Пимена наглымъ хищникомъ Святительства, и призвавъ въ Москву Кипріана заступить мѣсто Св. Алексія, встрѣтилъ его съ великими почестями, съ колокольнымъ звономъ, со всѣми знаками искренняго удовольствія (60); а Пимена велѣлъ остановить на возвратномъ пути, въ Коломнѣ, и за крѣпкою стражею отвезти въ Чухлому. Съ него торжественно сняли бѣлый клобукъ: столь власть Княжеская первенствовала у насъ въ дѣлахъ церковныхъ! Главный Бояринъ, Юрій Олешинскій, и всѣ сообщники Пименовы были наказаны заточеніемъ. Сіе случилось уже въ 1381 году, то есть послѣ славной Донской битвы, которую мы теперь должны описывать.

Нашествіе Мамаево.

Мамай пылалъ яростію и нетерпѣніемъ отмстить Димитрію за разбитіе Ханскихъ полковъ на берегахъ Вожи; но видя, что Россіяне уже не трепещутъ имени Могольскаго и великодушно рѣшились противоборствовать силѣ силою, онъ долго мед-

лилъ, набирая войско изъ Татаръ, Половцевъ, Харазскихъ Турковъ, Черкесовъ, Ясовъ, Буртановъ или Жидовъ Кавказскихъ, Армянъ и самыхъ Крымскихъ Генуэзцевъ (61): одни служили ему какъ подданные, другіе какъ наемники. Наконецъ, ободренный многочисленностію своей рати, Мамай призвалъ на совѣтъ всѣхъ Князей Ординскихъ и торжественно объявилъ имъ, что идетъ, по древнимъ слѣдамъ Батыя, истребить Государство Россійское. «Казнимъ рабовъ строптивыхъ!» сказалъ онъ въ гнѣвѣ: «да будутъ пепломъ грады «ихъ, веси и церкви Христіанскія! Обога«тимся Русскимъ золотомъ (62)!» Желая еще болѣе обнадежить себя въ успѣхѣ, Мамай вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ягайломъ Литовскимъ, который условился дѣйствовать съ нимъ за-одно. Къ симъ двумъ главнымъ утѣснителямъ и врагамъ нашего отечества присоединился внутренній измѣнникъ, менѣе опасный могуществомъ, но зловреднѣйшій коварствомъ: Олегъ Рязанскій, воспитанный въ ненависти къ Московскимъ Князьямъ, жестокосердый въ юности, и зрѣлымъ умомъ мужескихъ лѣтъ наученный лукавству. Испытавъ въ полѣ превосходную силу Димитрія, онъ началъ искать его благоволенія; будучи хитръ, уменъ, *велерѣчивъ*, сдѣлался ему другомъ, совѣтникомъ въ общихъ дѣлахъ государ-

г. 1380.

ственныхъ и посредникомъ — какъ мы видѣли — въ гражданскихъ дѣлахъ Великаго Княженія съ Тверскимъ (63). Думая, что грозное ополченіе Мамаево, усиленное Ягайловымъ, должно необходимо сокрушить Россію — страшась быть первою жертвою онаго и надѣясь хитрымъ предательствомъ не только спасти свое Княжество, но и распространить его владѣнія паденіемъ Московскаго, Олегъ вошелъ въ переговоры съ Моголами и съ Литвою чрезъ Боярина Рязанскаго, Епифана Кореева; заключилъ съ ними союзъ и тайно условился ждать ихъ въ началѣ Сентября мѣсяца на берегахъ Оки (64). Мамай обѣщалъ ему и Ягайлу всѣ будущія завоеванія въ Великомъ Княженіи, съ тѣмъ, чтобы они, получивъ сію награду, были вѣрными данниками Ханскими.

Измѣна Олегова.

Димитрій въ исходѣ лѣта свѣдалъ о походѣ Мамаевомъ, и самъ Олегъ, желая скрыть свою измѣну, далъ ему знать, что надобно готовиться къ войнѣ (65). «Мамай «*со всѣмъ царствомъ* идетъ въ землю Рязанскую «противъ меня и тебя,» писалъ онъ къ Великому Князю: «Ягайло также; «*но еще рука наша высока:* бодрствуй и мужайся!» Въ обстоятельствахъ столь важныхъ, рѣшительныхъ, первою мыслію Димитрія было спѣшить въ храмъ Богоматери и молить Всевышняго о заступле-

ніи. Облегчивъ сердце изліяніемъ набожныхъ чувствъ, онъ разослалъ гонцевъ по всѣмъ областямъ Великаго Княженія, чтобы собирать войско и немедленно вести оное въ Москву. Повелѣніе его было исполнено съ рѣдкимъ усердіемъ: цѣлые города вооружились въ нѣсколько дней; ратники тысячами стремились отовсюду къ столицѣ. Князья Ростовскіе, Бѣлозерскіе, Ярославскіе, съ своими слугами, — Бояре Владимірскіе, Суздальскіе, Переславскіе, Костромскіе, Муромскіе, Дмитровскіе, Можайскіе, Звенигородскіе, Углицкіе, Серпуховскіе съ *Дѣтьми Боярскими* (66) или съ воинскими дружинами составили полки многочисленные, которые одни за другими вступали въ ворота Кремлевскія. Стукъ оружія не умолкалъ въ городѣ, и народъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на бодрыхъ воиновъ, готовыхъ умереть за отечество и Вѣру. Казалось, что Россіяне пробудились отъ глубокаго сна: долговременный ужасъ имени Татарскаго, какъ бы отъ дѣйствія сверхъестественной силы, исчезъ въ ихъ сердцѣ. Они напоминали другъ другу славную побѣду Вожскую; исчисляли всѣ бѣдствія претерпѣнныя ими отъ варваровъ въ теченіе ста-пятидесяти лѣтъ, и дивились постыдному терпѣнію своихъ отцевъ. Князья, Бояре, граждане, земледѣльцы были воспламенены равнымъ усердіемъ, ибо тиранство Хановъ равно всѣхъ угнетало, отъ престола до хижины. Какая война была праведнѣе сей? Счастливъ Государь, обнажая мечь по движенію столь до-

бродѣтельному и столь единодушному! Народъ, до временъ Калиты и Симеона оглушаемый непрестанными ударами Моголовъ, въ бѣдности, въ отчаяніи, не смѣлъ и думать о свободѣ: отдохнувъ подъ умнымъ правленіемъ Князей Московскихъ, онъ вспомнилъ древнюю независимость Россіянъ, и менѣе страдая отъ ига иноплеменниковъ, тѣмъ болѣе хотѣлъ свергнуть оное совершенно. Облегченіе цѣпей не миритъ насъ съ рабствомъ, но усиливаетъ желаніе прервать оныя.

Каждый ревновалъ служить отечеству: одни мечемъ, другіе молитвою и дѣлами Христіанскими. Между тѣмъ, какъ юноши и мужи блистали оружіемъ на стогнахъ Москвы, жены и старцы преклоняли колѣна въ святыхъ храмахъ; богатые раздавали милостыню, особенно Великая Княгиня, супруга нѣжная и чувствительная (67); а Димитрій, устроивъ полки къ выступленію, желалъ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, со всѣми Князьями и Воеводами, принять благословеніе Сергія, Игумена уединенной Троицкой Обители, уже знаменитой добродѣтелями своего основателя. Сей святый старецъ, отвергнувъ міръ, еще любилъ Россію, ея славу и благоденствіе: Лѣтописцы говорятъ, что онъ предсказалъ Димитрію кровопролитіе ужасное, но побѣду — смерть многихъ Героевъ православныхъ, но спасеніе Великаго Князя (68); упросилъ его обѣдать въ монастырѣ, окропилъ святою водою всѣхъ бывшихъ съ нимъ Военачаль-

никовъ и далъ ему двухъ Иноковъ въ сподвижники, именемъ Александра Пересвѣта и Ослябю, изъ коихъ первый былъ нѣкогда Бояриномъ Брянскимъ и витяземъ мужественнымъ (69). Сергій вручилъ имъ знаменіе креста на Схимахъ и сказалъ: «вотъ оружіе нетлѣнное! да служитъ «оно вамъ вмѣсто шлемовъ!» Димитрій выѣхалъ изъ Обители съ новою и еще сильнѣйшею надеждою на помощь Небесную.

Въ тотъ часъ, когда полки съ распущенными знаменами уже шли изъ Кремля въ ворота Флоровскія, Никольскія и Константино-Еленскія (70), будучи провождаемы Духовенствомъ съ крестами и чудотворными иконами, Великій Князь молился надъ прахомъ своихъ предмѣстниковъ, Государей Московскихъ, въ церкви Михаила Архангела, воспоминая ихъ подвиги и добродѣтели. Онъ нѣжно обнялъ горестную супругу, но удержалъ слезы, окруженный свидѣтелями и сказавъ ей: «Богъ нашъ заступникъ!» сѣлъ на коня. Однѣ жены плакали. Народъ стремился въ слѣдъ за воинствомъ, громогласно желая ему побѣды. Утро было ясное и тихое: оно казалось счастливымъ предзнаменованіемъ. — Въ Москвѣ остался Воеводою Ѳеодоръ Андреевичь, блюсти столицу и семейство Княжеское.

Въ Коломнѣ соединились съ Димитріемъ вѣрные ему сыновья Ольгердовы, Андрей и Димитрій, предводительствуя сильною дружиною Полоцкою и Брянскою (71). Великій Князь хотѣлъ осмотрѣть все войско; никогда еще Россія не

имѣла подобнаго, даже въ самыя счастливыя времена ея независимости и цѣлости: *болѣе сталпятидесяти тысячь* всадниковъ и пѣшихъ стало въ ряды, и Димитрій, выѣхавъ на обширное поле Дѣвичье, съ душевною радостію видѣлъ ополченіе столь многочисленное, собранное его Монаршимъ словомъ въ городахъ одного древняго Суздальскаго Княженія, нѣкогда презираемаго Князьями и народомъ южной Россіи. Скоро пришла вѣсть, что Мамай, совокупивъ всю Орду, уже три недѣли стоитъ за Дономъ и ждетъ Ягайла Литовскаго. Въ тоже время явился въ Коломнѣ Посолъ Ханскій, требуя, чтобы Димитрій заплатилъ Моголамъ ту самую дань, какую бралъ съ его предковъ Царь Чанибекъ. Еще не довѣряя силамъ своимъ и боясь излишнею надменностію погубить отечество, Димитрій отвѣтствовалъ, что онъ желаетъ мира, и не отказывается отъ дани *умѣренной*, согласно съ прежними условіями, заключенными между имъ и Мамаемъ; но не хочетъ разорить земли своей налогами тягостными въ удовлетвореніе корыстолюбивому тиранству. Сей отвѣтъ казался Мамаю дерзкимъ и коварнымъ. Съ обѣихъ сторонъ видѣли необходимость рѣшить дѣло мечемъ.

Димитрій свѣдалъ тогда измѣну Олега Рязанскаго и тайныя сношенія его съ Моголами и съ Литвою; не ужаснулся, но съ видомъ горести сказалъ: «Олегъ хочетъ быть новымъ Святополкомъ (72)!» и принявъ благословеніе отъ Коломенскаго Епископа, Герасима, 20 Августа вы-

ступилъ къ устью рѣки Лопасни. Тамъ настигъ его Князь Владиміръ Андреевичь, внукъ Калитинъ, и Великій Воевода Тимоѳей Васильевичь, со всѣми остальными полками Московскими. 26 Августа войско переправилось за Оку, въ землю Рязанскую, а на другой день самъ Димитрій и *Дворъ* Княжескій, къ изумленію Олега, увѣрившаго своихъ союзниковъ, что Великій Князь не дерзнетъ имъ противоборствовать, и захочетъ спастися бѣгствомъ въ Новгородъ или въ пустыни Двинскія (73). Слыша о силахъ Димитрія, равно боясь его и Мамая, Князь Рязанскій не зналъ, что ему дѣлать; скакалъ изъ мѣста въ мѣсто; отправлялъ гонцевъ къ Татарамъ, къ Ягайлу, уже стоявшему близъ Одоева; трепеталъ будущаго и раскаивался въ своей измѣнѣ; чувствуя, сколь ужасенъ страхъ въ злодѣйствѣ, онъ завидовалъ опасностямъ Димитрія, ободряемаго чистою совѣстію, Вѣрою и любовію всѣхъ добрыхъ Россіянъ.

6 Сентября войско наше приближилось къ Дону, и Князья разсуждали съ Боярами, тамъ ли ожидать Моголовъ, или итти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, Князья Литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій Шведовъ (74). Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій Князь

рѣшился — и, къ ободренію своему, получилъ отъ Св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ Татарскими, и гнали ихъ. Димитрій собралъ Воеводъ, и сказавъ имъ: «часъ суда Божія наступаетъ,» 7 Сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго броду для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густый туманъ, но скоро разсѣялся: войско перешло за Донъ, и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Въ срединѣ находились Князья Литовскіе, Андрей и Димитрій Ольгердовичи, Ѳеодоръ Романовичь Бѣлозерскій и Бояринъ Николай Васильевичь; въ собственномъ же полку Великокняжескомъ Бояре Іоаннъ Родіоновичь Квашня, Михаилъ Брянокъ, Князь Іоаннъ Васильевичь Смоленскій; на правомъ крылѣ Князь Андрей Ѳеодоровичь Ростовскій, Князь Стародубскій того же имени и Бояринъ Ѳеодоръ Грунка; на лѣвомъ Князь Василій Васильевичь Ярославскій, Ѳеодоръ Михайловичь Моложскій и Бояринъ Левъ Морозовъ; въ Сторожевомъ полку Бояринъ Михаилъ Іоанновичь, внукъ Акинѳовъ, Князь Симеонъ Константиновичь Оболенскій, братъ его *Князь* Іоаннъ Торус-

Сентября 8.

Славная битва Куликовская.

скій и Андрей Серкизъ; а въ засадѣ Князь Владиміръ Андреевичь, внукъ Калитинъ, Димитрій Михайловичь Волынскій (75), побѣдитель Олега и Болгаровъ, мужъ славный доблестію и разумомъ, — Романъ Михайловичь Брянскій, Василій Михайловичь Кашинскій и сынъ Романа Новосильскаго. Димитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, — слыша всеобщія громогласныя восклицанія: «Боже! даруй «побѣду Государю нашему!» и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна, и простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на *черномъ знамени* Великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за Христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами *и милыми братьями*, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцемъ мученическимъ за гробомъ (76).

Войско тронулось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ Вожди наблюдали другъ друга, и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила Татаръ еще пре-

восходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные Бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. «Долгъ Князя» — говорили они — «смотрѣть на битву, видѣть подвиги Воеводъ и награждать достойныхъ. Мы «всѣ готовы на смерть; а ты, Государь любимый, живи и предай нашу память временамъ «будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды» (77). Но Димитрій отвѣтствовалъ: «Гдѣ вы, тамъ и я. «Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: «*братья! умремъ за отечество?* Слово мое да «будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану «впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ.» Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая Псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила*, первый ударилъ на враговъ, и бился мужественно какъ рядовый воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилася кровь Христіанъ и невѣрныхъ (78). Ряды смѣшались: индѣ Россіяне тѣснили Моголовъ, индѣ Моголы Россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые Московскіе неопытные юноши — думая, что все погибло — обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ Большимъ или Княжескимъ знаменамъ, и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла *ихъ съ напряженіемъ* всѣхъ силъ.

Еще Князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы, и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Настaлъ девятый часъ дня: сей Димитрій съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ, и сказалъ Владиміру: «теперь наше время.» Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на Моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги изумленные, разсѣянные не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: «великъ Богъ Христіанскій!» и бѣжалъ въ слѣдъ за другими. Полки Россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телегъ, коней, вельблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями (79).

Мужественный Князь Владиміръ, Герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ *на костяхъ* или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ Княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему Князья и Полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: «гдѣ братъ мой и *первоначальникъ* нашей славы?» Никто не могъ дать объ немъ вѣсти (80). Въ без-

покойствѣ, въ ужасѣ Воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили: наконецъ два воина увидѣли Великаго Князя лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, Князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: «Государь! ты побѣдилъ враговъ!» Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена Христіанскія надъ трупами Моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ, и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа, и не чувствуя изнуренія силъ. — Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего Князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провождаемый Князьями и Боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество Россіянъ, но въ четверо болѣе непріятелей [81], такъ, что, по сказанію нѣкоторыхъ Историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячь. Князья Бѣлозерскіе, Ѳеодоръ и сынъ его Іоаннъ, Торусскіе Ѳеодоръ и Мстиславъ, Дорогобужскій Димитрій Монастыревъ, первостепенные Бояре Симеонъ Михайловичъ,

сынъ Тысячскаго Николай Васильевичь, внукъ Акинѳовъ Михаилъ, Андрей Серкизъ, Волуй, Бренко, Левъ Морозовъ и многіе другіе положили головы за отечество: а въ числѣ ихъ и Сергіевъ Инокъ Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ Печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости сего и другаго Сергіева Священновитязя, Осляби, покоятся донынѣ близъ монастыря Симонова (82). Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, Великій Князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный Воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла Россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ Субботу Дмитровскую (83), доколѣ существуетъ Россія.

Ягайло въ день битвы находился не болѣе какъ въ 30 или въ 40 верстахъ отъ Мамая: узнавъ ея слѣдствіе, онъ пришелъ въ ужасъ и думалъ только о скоромъ бѣгствѣ, такъ, что легкіе наши отряды нигдѣ не могли его настигнуть. Со всѣхъ сторонъ счастливый Димитрій, однимъ ударомъ освободивъ Россію отъ двухъ грозныхъ непріятелей, послалъ гонцевъ въ Москву, въ Переславль, Кострому, Владиміръ, Ростовъ и другіе города, гдѣ народъ, свѣдавъ о переходѣ войска

за Оку, денно и нощно молился въ храмахъ. Извѣстіе о побѣдѣ столь рѣшительной произвело восхищеніе неописанное. Казалось, что независимость, слава и благоденствіе нашего отечества утверждены ею навѣки; что Орда пала и не возстанетъ; что кровь Христіанъ, обагрившая берега Дона, была послѣднею жертвою для Россіи, и совершенно умилостивила Небо. Всѣ поздравляли другъ друга, радуясь, что дожили до временъ столь счастливыхъ, и славили Димитрія, какъ втораго Ярослава Великаго и новаго Александра, единогласно назвавъ его *Донскимъ*, а Владиміра Андреевича *Храбрымъ* (81), и ставя Мамаево побоище выше Алтскаго и Невскаго. Увидимъ, что оно, къ сожалѣнію, не имѣло тѣхъ важныхъ, прямыхъ слѣдствій, какихъ Димитрій и народъ его ожидали; но считалось знаменитѣйшимъ въ преданіяхъ нашей Исторіи до самыхъ временъ Петра Великаго, или до битвы Полтавской: еще не прекратило бѣдствій Россіи, но доказало возрожденіе силъ ея, и въ несомнительной связи дѣйствій съ причинами отдаленными служило основаніемъ успѣховъ Іоанна III, коему судьба назначила совершить дѣло предковъ, менѣе счастливыхъ, но равно великихъ.

Для чего Димитрій не хотѣлъ воспользоваться побѣдою, гнать Мамая до береговъ Ахтубы и разрушить гнѣздо тиранства? Не будемъ обвинять Великаго Князя въ оплошности. Татары бѣжали, однакожь все еще сильные числомъ, и могли въ Волжскихъ Улусахъ собрать полки

новые; надлежало итти въ слѣдъ за ними съ войскомъ многолюднымъ: какимъ образомъ продовольствовать оное въ степяхъ и пустыняхъ? Народу кочующему нужна только паства для скота его, а Россіяне долженствовали бы везти хлѣбъ съ собою, видя впереди глубокую осень и зиму, имѣя лошадей не пріученныхъ питаться одною изсохшею травою. Множество раненыхъ требовало призрѣнія, и побѣдители чувствовали нужду въ отдохновеніи. Думая, что Мамай никогда уже не дерзнетъ возстать на Россію, Димитрій не хотѣлъ безъ крайней необходимости подвергать судьбу Государства дальнѣйшимъ опасностямъ войны, и въ надеждѣ заслужить счастіе умѣренностію, возвратился въ столицу. Шествіе его отъ поля Куликова до вратъ Кремлевскихъ было торжествомъ непрерывнымъ [85]. Вездѣ народъ встрѣчалъ побѣдителя съ веселіемъ, любовію и благодарностію; вездѣ гремѣла хвала Богу и Государю. Народъ смотрѣлъ на Димитрія какъ на Ангела-хранителя, ознаменованнаго печатію Небеснаго благоволенія. Сіе блаженное время казалось истиннымъ очарованіемъ для добрыхъ Россіянъ: оно не продолжилось!

Уже зная всю черноту души Олеговой, и свѣдавъ еще, что сей измѣнникъ старался вредить Московскимъ полкамъ на возвратномъ ихъ пути чрезъ области Рязанскія, истреблялъ мосты, даже захватывалъ и грабилъ слугъ Великокняжескихъ, Димитрій готовился наказать его. Тог-

да именитѣйшіе Бояре Рязанскіе пріѣхали въ Москву объявить, что Князь ихъ ушелъ съ своимъ семействомъ и Дворомъ въ Литву; что Рязань поддается Герою Донскому и молитъ его о милосердіи. Димитрій отправилъ туда Московскихъ Намѣстниковъ; но хитрый Олегъ, бывъ нѣсколько мѣсяцевъ изгнанникомъ, умѣлъ тронуть его чувствительность знаками раскаянія и возвратился на престолъ, съ обѣщаніемъ отказаться отъ Ягайловой дружбы, считать Великаго Князя старшимъ братомъ и быть съ нимъ за-одно въ случаѣ войны или мира съ Литвою и Татарами. Въ семъ письменномъ договорѣ сказано, что Ока и Цна служатъ границею между Княженіями Московскимъ и Рязанскимъ; что мѣста, отнятыя у Татаръ, безспорно принадлежатъ тому, кто ихъ отнялъ; что городъ *Тула*, названный именемъ Царицы *Тайдулы*, жены Чанибековой, и нѣкогда управляемый ея Баскаками, остается собственностію Димитрія, равно какъ и бывшая Мордовская область, Мещера, купленная имъ у тамошняго крещенаго Князя, именемъ Александра Уковича ([86]). Великодушіе дѣйствуетъ только на великодушныхъ: суровый Олегъ могъ помнить обиды, а не благотворенія; скоро забылъ милость Димитрія, и воспользовался первымъ случаемъ нанести ему вредъ.

Уничиженный, поруганный Мамай, достигнувъ своихъ Улусовъ въ видѣ робкаго бѣглеца, скрежеталъ зубами и хотѣлъ еще отвѣдать силъ противъ Димитрія; но судьба послала ему инаго

непріятеля. Тохтамышъ, одинъ изъ потомковъ Чингисхановыхъ, изгнанный изъ Орды Капчакской Ханомъ Урусомъ (87), снискалъ дружбу славнаго Тамерлана, который, смиренно называясь Эмиромъ или Княземъ Моголовъ Чагатайскихъ, уже властвовалъ надъ обѣими Бухаріями. Съ помощію сего втораго Чингиса Тохтамышъ, объявивъ себя наслѣдникомъ Батыева престола, шелъ къ морю Азовскому. Мамай встрѣтилъ его близъ нынѣшняго Маріуполя, и на томъ мѣстѣ, гдѣ Моголы въ 1224 году истребили войско нашихъ соединенныхъ Князей, былъ разбитъ на голову; оставленный невѣрными Мурзами, бѣжалъ въ Кафу, и тамъ кончилъ жизнь свою: Генуэзцы обѣщали ему безопасность, но коварно умертвили его, чтобы угодить побѣдителю или завладѣть Мамаевою казною (88). Тохтамышъ воцарился въ Ордѣ и дружелюбно далъ знать всѣмъ Князьямъ Россійскимъ, что онъ побѣдилъ *ихъ врага общаго*. Димитрій принялъ Ханскихъ Пословъ съ ласкою, отпустилъ съ честію, и въ слѣдъ за ними отправилъ собственныхъ съ богатыми дарами для Хана; то же сдѣлали и другіе Князья. Но дары не дань, и ласки не рабство: надменный, честолюбивый Тохтамышъ не могъ удовольствоваться привѣтствіями: онъ хотѣлъ властвовать какъ Батый или Узбекъ надъ Россіею.

Тамерланъ.

Въ слѣдующее лѣто Ханъ послалъ къ Димитрію Царевича Акхозю и съ нимъ 700 воиновъ, требовать, чтобы всѣ Князья наши, какъ древніе подданные Моголовъ, немедленно явились въ Ордѣ. Россіяне содрогнулись. «Давно ли» — говорили они — «мы одержали побѣду на берегахъ Дона? не «уже ли кровь Христіанская лилась тщет«но?» Государь думалъ согласно съ народомъ, и Царевичу въ Нижнемъ Новѣгородѣ сказали, что Великій Князь не отвѣтствуетъ за его безопасность, если онъ пріѣдетъ въ столицу съ воинскою дружиною (89). Акхозя возвратился къ Хану, отправивъ въ Москву нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей. Даже и сіи люди, устрашенные знаками народной ненависти Россіянъ къ Моголамъ, не посмѣли туда ѣхать; а Димитрій, излишно надѣясь на слабость Орды, спокойно занимался дѣлами внутренняго правленія.

г. 1381.

Прошло около года: Ханъ молчалъ, но въ тишинѣ готовился дѣйствовать. Вдругъ услышали въ Москвѣ, что Татары захватили всѣхъ нашихъ купцевъ въ землѣ Болгарской и взяли у нихъ суда для перевоза войска Ханскаго чрезъ Волгу; что Тохтамышъ идетъ на Россію; что вѣроломный Олегъ встрѣтилъ его близъ границы, и служитъ ему путеводителемъ, указывая на Окѣ безопасные броды (90). Сія вѣсть, привезенная изъ Улусовъ нѣкоторыми искрен-

г. 1382.

Нашествіе Тохтамыша.

ними доброхотами Россіянъ, изумила народъ: еще великодушная рѣшимость Правителей могла бы воспламенить его ревность, и Герой Донскій съ мужественнымъ братомъ своимъ, Владиміромъ Андреевичемъ, спѣшили выступить въ поле; но другіе Князья измѣнили чести и славѣ. Самъ тесть Великаго Князя, Димитрій Нижегородскій, свѣдавъ о быстромъ стремленіи непріятеля, послалъ къ Хану двухъ сыновей съ дарами. Одни увеличивали силу Тохтамышеву; иные говорили, что отъ важнаго урона, претерпѣннаго Россіянами въ битвѣ Донской, столь кровопролитной, хотя и счастливой, города оскудѣли людьми военными; наконецъ совѣтники Димитріевы только спорили о лучшихъ мѣрахъ для спасенія отечества, и Великій Князь, потерявъ бодрость духа, вздумалъ, что лучше обороняться въ крѣпостяхъ, нежели искать гибели въ полѣ. Онъ удалился въ Кострому съ супругою и съ дѣтьми, желая собрать тамъ болѣе войска, и надѣясь, что Бояре, оставленные имъ въ столицѣ, могутъ долго противиться непріятелю.

Тохтамышъ взялъ Серпуховъ и шелъ прямо къ Москвѣ, гдѣ господствовало мятежное безначаліе. Народъ не слушался ни Бояръ, ни Митрополита, и при звукѣ колоколовъ стекался на Вѣче (91), вспомнивъ древнее право гражданъ Россійскихъ, въ важныхъ случаяхъ рѣшить судьбу свою большинствомъ голосовъ. Смѣлые хотѣли умереть въ осадѣ, робкіе спасаться бѣгствомъ; первые стали на стѣнахъ, на башняхъ,

и бросали камнями въ тѣхъ, которые думали уйти изъ города; другіе, вооруженные мечами и копьями, никого не пускали къ городскимъ воротамъ; наконецъ, убѣжденные представленіями людей благоразумныхъ, что въ Москвѣ останется еще не мало воиновъ отважныхъ, и что въ долговременной осадѣ всего страшнѣе голодъ, позволили многимъ удалиться, но въ наказаніе отняли у нихъ все имущество. Самъ Митрополитъ Купріанъ выѣхалъ изъ столицы въ Тверь, предпочитая собственную безопасность долгу церковнаго Пастыря: онъ былъ иноплеменникъ! Волненіе продолжалось: народъ, оставленный Государемъ и Митрополитомъ, тратилъ время въ шумныхъ спорахъ, и не имѣлъ довѣренности къ Боярамъ.

Мужественный Князь Остей.

Въ сіе время явился достойный Воевода, юный Князь Литовскій, именемъ Остей, внукъ Ольгердовъ, посланный, какъ вѣроятно, Димитріемъ. Умомъ своимъ и великодушіемъ, столь сильно дѣйствующимъ въ опасностяхъ, онъ возстановилъ порядокъ, успокоилъ сердца, ободрилъ слабыхъ. Купцы, земледѣльцы окрестныхъ селеній, пришедшіе въ Москву съ дѣтьми и съ драгоцѣннѣйшею собственностію, — Иноки, Священники требовали оружія [92]. Немедленно образовались полки; каждый занялъ свое мѣсто, *въ тишинѣ* и благо-

выдутъ къ нему съ дарами, и впустятъ его въ сію столицу, осмотрѣть ея достопамятности. Такое предложеніе не могло обольстить людей благоразумныхъ; но съ Послами находились два сына Димитрія Нижегородскаго, Василій и Симеонъ: обманутые увѣреніями Тохтамыша, или единственно исполняя волю его, они какъ Россіяне и Христіане дали клятву, что Ханъ сдержитъ слово и не сдѣлаетъ ни малѣйшаго зла Москвитянамъ (95). Храбрый Остей совѣтовался съ Боярами, съ Духовенствомъ и народомъ: всѣ думали, что ручательство Нижегородскихъ Князей надежно; что излишняя недовѣрчивость можетъ быть пагубна въ семъ случаѣ, и что безразсудно подвергать столицу дальнѣйшимъ бѣдствіямъ осады, когда есть способъ прекратить ихъ. Отворили ворота: Князь Литовскій вышелъ первый изъ города и несъ дары; за нимъ Духовенство съ крестами, Бояре и граждане. Остея повели въ станъ Ханскій — и тамъ умертвили. Сіе злодѣйство было началомъ ужаса: по данному знаку обнаживъ мечи, тысячи Моголовъ въ одно мгновеніе обагрились кровію Россіянъ безоружныхъ, напрасно хотѣвшихъ спастися бѣгствомъ въ Кремль: варвары захватили путь, и вломились въ ворота; другіе, приставивъ лѣсницы, взошли на стѣну. Еще довольно ратниковъ

Взятіе и разрушеніе Москвы.

оставалось въ городѣ, но безъ вождей и безъ всякаго устройства: люди бѣгали толпами по улицамъ, вопили какъ слабыя жены и терзали на себѣ волосы, не думая обороняться. Непріятель въ остервененіи своемъ убивалъ всѣхъ безъ разбора, гражданъ и Монаховъ, женъ и Священниковъ, юныхъ дѣвицъ и дряхлыхъ старцевъ; опускалъ мечь единственно для отдохновенія и снова начиналъ кровопролитіе. Многіе укрывались въ церквахъ каменныхъ: Татары отбивали двери, и вездѣ находили сокровища, свезенныя въ Москву изъ другихъ, менѣе укрѣпленныхъ городовъ. Кромѣ богатыхъ иконъ и сосудовъ, они взяли, по сказанію Лѣтописцевъ, несмѣтное количество золота и серебра въ Казнѣ Великокняжеской, у Бояръ старѣйшихъ, у купцевъ знаменитыхъ, наслѣдіе ихъ отцевъ и дѣдовъ, плодъ бережливости и трудовъ долговременныхъ. Къ вѣчному сожалѣнію потомства, сіи грабители, обнаживъ церкви и домы, предали огню множество древнихъ книгъ и рукописей, тамъ хранимыхъ, и лишили нашу Исторію, можетъ быть, весьма любопытныхъ памятниковъ [96].

Не будемъ подробно описывать всѣхъ ужасовъ сего несчастнаго для Россіи дня: легко представить себѣ оные. И въ наше время, когда непріятель, раздраженный упорствомъ осажденныхъ, силою входитъ въ городъ, что можетъ превзойти бѣдствіе жителей? ни лава, ни землетрясеніе. А Татары со временъ Батыевыхъ не смяг-

чились сердцемъ, и въ своей Азовской роскоши утративъ отчасти прежнюю неустрашимость, сохранили всю дикую свирѣпость народа степнаго. Обремененные добычею, утружденные злодѣйствами, наполнивъ трупами городъ, они зажгли его и вышли отдыхать въ поле, гоня передъ собою толпы юныхъ Россіянъ, избранныхъ ими въ невольники. — «Какими словами» — говорятъ Лѣтописцы — «изобразимъ тогдашній видъ Москвы? Сія многолюдная столица *кипѣла* прежде *богатствомъ и славою* (97): въ одинъ день «погибла ея красота; остались только дымъ, «пепелъ, земля окровавленная, трупы и пустыя, «обгорѣлыя церкви. Ужасное безмолвіе смерти «прерывалось однимъ глухимъ стономъ нѣкоторыхъ страдальцевъ, изсѣченныхъ саблями Татаръ, но еще не лишенныхъ жизни и чувства.»

Войско Тохтамышево разсыпалось по всему Великому Княженію. Владиміръ, Звенигородъ, Юрьевъ, Можайскъ, Дмитровъ, имѣли участь Москвы. Жители Переславля бросились въ лодки, отплыли на средину озера, и тѣмъ спаслися отъ погибели; а городъ былъ сожженъ непріятелемъ (98). Близъ Волока стоялъ съ дружиною смѣлый братъ Димитріевъ, Князь Владиміръ Андреевичь: отпустивъ мать и супругу въ Торжекъ, онъ внезапно ударилъ на сильный отрядъ Моголовъ и разбилъ его совершенно. Извѣщенный о томъ бѣглецами, Ханъ началъ отступать отъ Москвы; взялъ еще Коломну и перешелъ за Оку. Тутъ вѣроломный Князь Рязанскій увидѣлъ,

сколь милость Татаръ, купленная гнусною измѣною, ненадежна: они поступали въ его землѣ какъ въ непріятельской; жгли, убивали, плѣнили жителей, и заставили самого Олега скрыться. Тохтамышъ оставилъ наконецъ Россію, отправивъ шурина своего, именемъ Шихомата, Посломъ къ Князю Суздальскому.

Скорбь Димитрія.

Съ какою скорбію Димитрій и Князь Владиміръ Андреевичь, пріѣхавъ съ своими Боярами въ Москву, увидѣли ея хладное пепелище и свѣдали всѣ бѣдствія, претерпѣнныя отечествомъ, и столь неожидаемыя послѣ счастливой Донской битвы! «Отцы наши» — говорили они, проливая слезы (99) — «не побѣждали Татаръ, но были *менѣе* насъ злополучны!» Дѣйствительно *менѣе* со временъ Калиты, памятныхъ началомъ устройства, безопасности, и малодушные могли винить Димитрія въ томъ, что онъ не слѣдовалъ правиламъ Іоанна I и Симеона, которые искали милости въ Ханахъ для пользы государственной; но Великій Князь, чистый въ совѣсти предъ Богомъ и народомъ, не боялся ни жалобы современниковъ, ни суда потомковъ; хотя скорбѣлъ, однакожь не терялъ бодрости и надѣялся умилостивить Небо своимъ великодушіемъ въ несчастіи.

Онъ велѣлъ немедленно погребать мертвыхъ и давалъ гробокопателямъ по рублю

за 80 тѣлъ: что составило 300 рублей (100); слѣдственно въ Москвѣ погибло тогда 24,000 человѣкъ, кромѣ сгорѣвшихъ и потонувшихъ: ибо многіе, чтобы спастись отъ убійцъ, бросались въ рѣку. Еще не успѣли совершить сего печальнаго обряда, когда Димитрій послалъ Воеводъ Московскихъ наказать Олега, приписывая ему успѣхъ Тохтамышевъ и бѣдствіе Великаго Княженія. Подданные должны были отвѣтствовать за своего Князя: онъ ушелъ, предавъ ихъ въ жертву мстителямъ, и войско Димитріево, остервененное злобою, въ конецъ опустошило Рязань, считая оную гнѣздомъ измѣны и ставя жителямъ въ вину усердіе ихъ къ Олегу. — Вторымъ попеченіемъ Димитрія было возобновленіе Москвы; стѣны и башни Кремлевскія стояли въ цѣлости: Ханъ не имѣлъ времени разрушить оныя. Скоро кучи пепла исчезли, и новыя зданія явились на ихъ мѣстѣ; но прежнее многолюдство въ столицѣ и въ другихъ взятыхъ Татарами городахъ уменшилось надолго.

Изгнаніе Олега.

Возстановленіе Москвы.

Въ то время, когда надлежало дать Церкви новыхъ Іересвъ вмѣсто убіенныхъ Моголами, святить оскверненные злодѣйствами храмы, утѣшать, ободрять народъ Пастырскими наставленіями, Митрополитъ Купріанъ спокойно жилъ въ Твери. Великій Князь послалъ за нимъ Бояръ сво-

Изгнаніе Ми-

ихъ (101), но объявилъ его, какъ малодушнаго бѣглеца, недостойнымъ управлять Церковію, и возвративъ изъ ссылки Пимена, поручилъ ему Россійскую Митрополію; а Кипріанъ съ горестію и стыдомъ уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ господствовалъ сынъ Ольгердовъ, Владиміръ, Христіанинъ Греческой Вѣры. Столь рѣшительно поступалъ Димитрій въ дѣлахъ церковныхъ, живо чувствуя достоинство Государя, любя отечество, и желая, чтобы Духовенство служило примѣромъ сей любви для гражданъ! Онъ могъ досадовать на Кипріана и за дружескую связь его съ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ, который, вопреки торжественному обѣту и письменному договору 1375 года, не хотѣлъ участвовать ни въ славѣ, ни въ бѣдствіяхъ Московскаго Княженія, и тѣмъ изъявилъ холодность къ общей пользѣ Россіянъ. Скоро обнаружилась и личная, давнишняя ненависть его къ Димитрію: какъ бы обрадованный несчастіемъ Москвы и въ надеждѣ воспользоваться злобою Тохтамыша на Великаго Князя, онъ съ сыномъ своимъ, Александромъ, уѣхалъ въ Орду, чтобы снискать милость Хана и съ помощію Моголовъ свергнуть Донскаго съ престола (102).

тропо-лита.

Ненависть Князя Тверскаго къ Димитрію.

Не время было презирать Тохтамыша и думать о битвахъ: раззоренное Великое

Княженіе требовало мирнаго спокойствія, и народъ унылъ. Великодушный Димитрій, скрѣпивъ сердце, съ честію принялъ въ Москвѣ Ханскаго Мурзу, Карача, объявившаго ему, что Тохтамышъ, страшный во гнѣвѣ, умѣетъ и миловать преступниковъ въ раскаяніи. Сынъ Великаго Князя, Василій, со многими Боярами поѣхавъ Волгою на судахъ въ Орду, знаками смиренія столь угодилъ Хану, что Михаилъ Тверскій не могъ успѣть въ своихъ проискахъ, и съ досадою возвратился въ Россію. Но милость Тохтамышева дорого стоила Великому Княженію: кровопійцы Ординскіе, называемые Послами, начали снова являться въ его предѣлахъ, и возложили на оное весьма тягостную дань, въ особенности для земледѣльцевъ: всякая деревня, состоящая изъ двухъ и трехъ дворовъ, обязывалась платить полтину серебромъ (103); города давали и *золото*. Сверхъ того, къ огорченію Государя и народа, Ханъ въ залогъ вѣрности и осьми тысячь рублей долгу удержалъ при себѣ юнаго Князя Василія Димитріевича, вмѣстѣ съ сыновьями Князей Нижегородскаго и Тверскаго. Однимъ словомъ, казалось, что Россіяне долженствовали проститься съ мыслію о государственной независимости какъ съ мечтою; но Димитрій надѣялся вмѣстѣ съ народомъ, что сіе рабство будетъ не долговременно;

г. 1383, Апрѣля 23.

Сынъ Димитріевъ въ Ордѣ.

г. 1384.

Тяжкая дань.

что паденіе мятежной Орды неминуемо, и что онъ воспользуется первымъ случаемъ освободить себя отъ ея тиранства (104).

Для того Великій Князь хотѣлъ мира и благоустройства внутри отечества; не мстилъ Князю Тверскому за его вражду, и предлагалъ свою дружбу самому вѣроломному Олегу. Сей послѣдній неожидаемо разграбилъ Коломну, плѣнивъ тамошняго Намѣстника, Александра Остея, со многими Боярами (105): Димитрій послалъ туда войско подъ начальствомъ Князя Владиміра Андреевича, но желалъ усовѣстить Олега, зная, что сей Князь любимъ Рязанцами и могъ быть своимъ умомъ полезенъ отечеству. Мужъ, знаменитый святостію, Игуменъ Сергій, взялъ на себя дѣло миротворца: ѣздилъ къ Олегу, говорилъ ему именемъ Вѣры, земли Русской, и смягчилъ его сердце, такъ, что онъ заключилъ съ Димитріемъ искренній, вѣчный союзъ, утвержденный послѣ семейственнымъ: Ѳеодоръ, сынъ Олеговъ, (въ 1387 году) женился на Княжнѣ Московской, Софіи Димитріевнѣ.

г. 1385.

Миръ съ Олегомъ.

Великій Князь долженствовалъ еще усмирить Новогородцевъ. Они (въ 1384 году) дали Князю Литовскому, Патрикію Наримантовичу, бывшій Удѣлъ отца его: Орѣховъ, Кексгольмъ и половину Копорья; но тамошніе жители изъявили негодованіе,

Ссора и миръ съ Новымгородомъ.

Сдѣлался мятежъ въ Новѣгородѣ: Славянскій Конецъ, обольщенный дарами Патрикія, стоялъ за сего Князя на Вѣчѣ Двора Ярославова; другіе Концы взяли противную сторону на Вѣчѣ Софійскомъ. Вооружались; шумѣли, писали разныя грамоты или опредѣленія и наконецъ согласились, вмѣсто упомянутыхъ городовъ, отдать Патрикію Ладогу, Русу и берегъ Наровскій, не считая нужнымъ требовать на то Великокняжескаго соизволенія (106). Сіе дѣло могло оскорбить Димитрія: онъ имѣлъ еще важнѣйшія причины быть недовольнымъ. Въ теченіе десяти лѣтъ оставляемые въ покоѣ сосѣдами, Новогородцы, какъ бы скучая тишиною и мирною торговлею, полюбили разбои, украшая оные именемъ *молодечества*, и многочисленными толпами ѣздили грабить купцевъ, селенія и города по Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ. Въ 1371 году они завоевали Кострому и Ярославль, а въ 1375 вторично явились подъ стѣнами первой, гдѣ начальствовалъ Воевода Плещей: ихъ было 2000, а вооруженныхъ Костромскихъ гражданъ 5000; но малодушный Плещей, съ двухъ сторонъ обойденный непріятелемъ, бѣжалъ: разбойники взяли городъ, и цѣлую недѣлю въ немъ злодѣйствовали; плѣнили людей, опустошали домы, купеческія лавки, и бросивъ въ Волгу, чего не могли увезти съ собою, отправились къ Нижнему; захватили и тамъ многихъ Россіянъ, и продали ихъ какъ невольниковъ Восточнымъ купцамъ въ Болгарахъ. Еще недовольные богатою добы-

чею, сіи храбрецы, предводительствуемые какимъ-то Прокопіемъ и другимъ Смоленскимъ Атаманомъ, пустились далѣе внизъ по Волгѣ, къ Сараю, и грабили безъ сопротивленія до самаго *Хазиторокани* или Астрахани, древняго города Козаровъ; наконецъ, обманутые лестію тамошняго Князя Могольскаго, именемъ Сальчея, были всѣ побиты; а Вятчане (въ 1379 году) истребили другую шайку такихъ разбойниковъ близъ Казани. Занятый опасностями и войнами, Димитрій терпѣлъ сію дерзость Новогородцевъ и видѣлъ, что она возрастала: Правительство ихъ захватывало даже его собственность, или доходы Великокняжескіе, и (въ 1385 году) отложилось отъ церковнаго суда Московской Митрополіи: Посадникъ, Бояре, *Житые* (именитые) и черные люди всѣхъ пяти Концевъ торжественно присягнули на Вѣчѣ, чтобы ни въ какихъ тяжбахъ, подсудныхъ Церкви, не относиться къ Митрополиту, но рѣшить оныя самому Архіепископу Новогородскому по Греческому Номоканону или Кормчей Книгѣ, вмѣстѣ съ Посадникомъ, Тысяцкимъ и четырьмя посредниками, избираемыми съ обѣихъ сторонъ изъ Бояръ и людей Житыхъ. Испытавъ безполезность дружелюбныхъ представленій и самыхъ угрозъ, огорчаемый строптивостію Новогородцевъ и явнымъ ихъ намѣреніемъ быть независимыми отъ Великаго Княженія, Димитрій прибѣгнулъ къ оружію, чтобы утвердить власть свою надъ сею знаменитою областію и со временемъ воспользоваться

ея силами для общаго блага или освобожденія Россіи.

г. 1386. Двадцать-шесть областей соединили своихъ ратниковъ подъ знаменами Великокняжескими: Москва, Коломна, Звенигородъ, Можайскъ, Волокъ Ламскій, Ржевъ, Серпуховъ, Боровскъ, Дмитровъ, Переславль, Владиміръ, Юрьевъ, Муромъ, Мещера, Стародубъ, Суздаль, Городецъ, Нижній, Кострома, Угличь, Ростовъ, Ярославль, Молога, Галичь, Бѣлозерскъ, Устюгъ. Самые подданные Новагорода, жители Вологды, Бѣжецка, Торжка (кромѣ знатнѣйшихъ Бояръ сего послѣдняго) взяли сторону Димитрія. Зимою, предъ самымъ Рождествомъ Христовымъ, онъ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ и другими Князьями выступилъ изъ Москвы; не хотѣлъ слушать Пословъ Новогородскихъ, и въ день Богоявленія расположился станомъ въ тридцати верстахъ отъ береговъ Волхова, обративъ въ пепелъ множество селеній. Тамъ встрѣтилъ его Архіепископъ, старецъ Алексій, съ убѣдительнымъ моленіемъ простить вину Новогородцевъ, готовыхъ заплатить ему 8000 рублей. Великій Князь не согласился, и Новогородцы, извѣщенные о томъ, готовились къ сильному отпору, подъ начальствомъ Патрикія и другихъ Князей, намъ неизвѣстныхъ (107); оградили валъ тыномъ, сожгли пред-

мѣстія, двадцать четыре монастыря въ окрестностяхъ и всѣ домы за рвомъ въ трехъ Концахъ города, въ Плотинскомъ, въ Людинѣ и въ Неревскомъ; два раза выходили въ поле для битвы, ожидая непріятеля, и возвращались, не находя его. Имѣя войско довольно многочисленное, готовое сразиться усердно, и не пожалѣвъ ни домовъ, ни церквей для лучшей защиты города, они еще хотѣли отвратить кровопролитіе, и послали двухъ Архимандритовъ, 7 Іереевъ и 5 гражданъ, отъ имени пяти Концевъ, чтобы склонить Димитрія къ миру. Съ одной стороны знаки раскаянія и смиренія, съ другой твердость, но соединенная съ умѣренностію, произвели наконецъ желаемое дѣйствіе. Великій Князь подписалъ мирную грамоту, съ условіемъ, чтобы Новгородъ всегда повиновался ему какъ Государю верховному, платилъ ежегодно такъ называемый *черный боръ*, или дань, собираемую съ чернаго народа, и внесъ въ казну Княжескую 8000 рублей за долговременныя наглости своихъ разбойниковъ. Новогородцы тогда же вынули изъ Софійскаго сокровища и прислали къ Димитрію 3000 рублей, отправивъ чиновниковъ въ Двинскую землю для собранія остальныхъ пяти тысячь: ибо Двиняне, имѣвъ также участіе въ разбояхъ Волжскихъ, долженствовали участвовать и въ наказаніи за оные. Димитрій возвратился въ Москву съ честію и безъ всякаго урона, оставивъ въ областяхъ Новогородскихъ глубокіе слѣды ратныхъ бѣдствій. Многіе купцы,

земледѣльцы, самые Иноки лишились своего достоянія, а нѣкоторые люди и вольности (ибо Москвитяне по заключеніи мира освободили не всѣхъ плѣнниковъ); другіе, обнаженные хищными воинами, умерли отъ холода на степи и въ лѣсахъ. — Къ несчастію, Новогородцы не пріобрѣли и внутренняго спокойствія: ибо Великій Князь, довольный ихъ покорностію, не отнялъ у нихъ древняго права избирать главныхъ чиновниковъ и рѣшить дѣла государственныя приговоромъ Вѣча. Такъ (въ 1388 году) три Конца Софійской Стороны возстали на Посадника Іосифа, и злобствуя на Торговую, гдѣ сей чиновникъ нашелъ друзей и защитниковъ, болѣе двухъ недѣль не имѣли съ нею никакого сообщенія (108). Исполняя, кажется, волю Димитріеву, Новогородцы отняли Русу и Ладогу у Патрикія Наримантовича; а чрезъ два года отдали ихъ другому Князю Литовскому, Лугвенію Симеону Ольгердовичу, желая на случай войны съ Шведами или Нѣмцами имѣть въ немъ полководца и жить съ его братьями въ союзѣ.

Крещеніе Литвы.

Въ сіе время Литва была уже въ числѣ Державъ Христіанскихъ. Ягайло (въ 1386 году) съ согласія Вельможъ Польскихъ женился на Ядвигѣ, дочери и единственной наслѣдницѣ ихъ умершаго Короля Людовика, принялъ Вѣру Латинскую въ Краковѣ

вмѣстѣ съ достоинствомъ Государя Польскаго и крестилъ свой народъ волею и неволею (109). Чтобы сократить обрядъ, Литовцевъ ставили въ ряды цѣлыми полками: Священники кропили ихъ святою водою и давали имена Христіанскія: въ одномъ полку называли всѣхъ людей Петрами, въ другомъ Павлами, въ третьемъ Іоаннами, и такъ далѣе; а Ягайло ѣздилъ изъ мѣста въ мѣсто толковать на своемъ отечественномъ языкѣ Символъ Вѣры. Древній огнь Перкуновъ угасъ навѣки въ городѣ Вильнѣ; святыя рощи были срублены или обращены въ пепелъ, и новые Христіане славили милость Государя, дарившаго имъ бѣлые, суконные кафтаны: «ибо сей народъ (говоритъ Стриковскій) »одѣвался до того времени одиѣми кожами звѣ»рей и полотномъ.» Происшествіе, столь благословенное для Рима, имѣло весьма огорчительныя слѣдствія для Россіянъ: Ягайло, дотолѣ покровитель Греческой Вѣры, сдѣлался ея гонителемъ; стѣснялъ ихъ права гражданскія, запретилъ брачные союзы между ими и Католиками, а даже мучительски казнилъ двухъ Вельможъ своихъ, не хотѣвшихъ измѣнить Православію въ угодность Королю (110). Къ счастію, многіе Князья Литовскіе — Владиміръ Ольгердовичь Кіевскій, братья его Скиригайло и Димитрій, Θеодоръ Волынскій, сынъ умершаго Любарта, и другіе — остались еще Христіанами нашей Церкви и заступниками единовѣрныхъ.

Впрочемъ, не смотря на разномысліе въ ду-

ховномъ законѣ, Ягайловы родственники служили Королю усердно, кромѣ одного Андрея Ольгердовича Полоцкаго, друга Димитріева и Москвитянъ. Между тѣмъ, какъ сей Князь дѣлилъ съ Димитріемъ опасности и славу на полѣ Куликовѣ, Скиригайло господствовалъ въ Полоцкой области; но скоро изгнанный жителями (которые, посадивъ его на кобылу [111], съ безчестіемъ и насмѣшками вывезли изъ города) онъ прибѣгнулъ къ Магистру Ливонскому, Конраду Роденштеину, и вмѣстѣ съ нимъ 3 мѣсяца держалъ (въ 1382 году) Полоцкъ въ осадѣ. Напрасно жители молили Новогородцевъ какъ братьевъ о защитѣ; напрасно предлагали Магистру быть данниками Ордена, если онъ избавитъ ихъ отъ Скиригайла: Новогородцы отправили только мирное посольство къ Ягайлу, а Конрадъ Роденштеинъ отвѣтствовалъ: «для ко-«го осѣдлалъ я коня своего и вынулъ мечь «изъ ноженъ, тому не измѣню вовѣки.» Мужество осажденныхъ заставило непріятеля отступить, и любимый ими Андрей съ радостію къ нимъ возвратился; но Скиригайло въ 1386 году, предводительствуя войскомъ Литовскимъ, взялъ сей городъ, казнилъ въ немъ многихъ людей знатныхъ, и плѣнивъ самого Андрея, отослалъ его въ Польшу, гдѣ онъ три года сидѣлъ въ тяжкомъ заключеніи.

Сей несчастный сынъ Ольгердовъ имѣлъ вѣрнаго союзника въ Святославѣ Іоанновичѣ, Смоленскомъ Князѣ: желая отмстить за него, Святославъ вступилъ въ нынѣшнюю Могилевскую Губернію, и началъ свирѣпствовать какъ Батый въ землѣ населенной Россіянами, не только убивая людей, но и вымышляя адскія для нихъ муки: жегъ, давилъ, сажалъ на колъ младенцевъ и женъ, веселяся отчаяніемъ сихъ жертвъ невинныхъ (112). Сколь вообще ни ужасны были тогда законы войны, но Лѣтописцы говорятъ о сихъ злодѣйствахъ Святослава съ живѣйшимъ омерзѣніемъ: онъ получилъ возмездіе. Войско его, осаждая Мстиславль, бывшій городъ Смоленскій, отнятый Литвою, увидѣло въ полѣ знамена непріятельскія: Скиригайло Ольгердовичь и юный Герой Витовтъ, сынъ Кестутіевъ, примирившійся съ Ягайломъ, шли спасти осажденныхъ. Святославъ мужественно сразился на берегахъ Вехри, и жители Мстиславскіе смотрѣли съ городскихъ стѣнъ на битву, упорную и кровопролитную. Она рѣшилась въ пользу Литовцевъ: Святославъ палъ, уязвленный копіемъ на вылетъ, и чрезъ нѣсколько минутъ испустилъ духъ. Племянникъ его, Князь Іоаннъ Васильевичь, также положилъ свою голову; а сыновья, Глѣбъ и Юрій, были взяты въ плѣнъ со многими Боярами. Побѣдители

Марта 22. Жестокость Князя Смоленскаго.

Апрѣля 29.

гнались за Россіянами до Смоленска: взяли окупъ съ жителей сего города, выдали имъ тѣла убитыхъ Князей, и посадивъ Юрія, какъ данника Литвы, на престолѣ отца его, вышли изъ владѣнія Смоленскаго. Глѣбъ Святославичь остался въ ихъ рукахъ аманатомъ.

Сіи происшествія долженствовали быть крайне оскорбительны для Великаго Князя: ибо Святославъ, отставъ отъ союза съ Литвою, усердно искалъ Димитріевой дружбы, и вмѣстѣ съ Андреемъ Ольгердовичемъ служилъ щитомъ для Московскихъ границъ на Западѣ. Но Димитрій, опасаясь Литвы, еще болѣе опасался Моголовъ, и готовясь тогда къ новому разрыву съ Ордою, имѣлъ нужду въ пріязни Ягайловой. Сынъ Великаго Князя Василій, три года живъ невольникомъ при Дворѣ Ханскомъ, тайно ушелъ въ Молдавію, къ тамошнему Воеводѣ Петру ([113]), нашему единовѣрцу, и могъ возвратиться въ Россію только чрезъ владѣнія Польскія и Литву. Димитрій отправилъ на встрѣчу къ нему Бояръ, поручивъ имъ, для личной безопасности Василіевой, склонить Ягайла къ дружелюбію. Они успѣли въ дѣлѣ своемъ: Василій Димитріевичь прибылъ благополучно въ Москву, провождаемый многими Панами Польскими.

г. 1387. Бѣгство сына Димитріева изъ Орды.

г. 1388. Генваря 19.

Вѣроятно, что бѣгство его изъ Орды было слѣдствіемъ намѣренія Димитріева

свергнуть иго Тохтамышево: другіе случаи также доказываютъ сіе намѣреніе. Тесть Донскаго, Димитрій Константиновичь, преставился Схимникомъ въ 1383 году, памятный сооруженіемъ каменныхъ стѣнъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ и любовію къ отечественной Исторіи (ибо мы ему обязаны древнѣйшимъ харатейнымъ спискомъ Нестора). Сыновья его и дядя ихъ, Борисъ Городецкій, находились тогда въ Ордѣ, споря о наслѣдствѣ [114]: Ханъ отдалъ Нижегородскую область дядѣ, а племянникамъ, Симеону и Василію, Суздаль, удержавъ послѣдняго аманатомъ въ Сараѣ. Скучавъ долго неволею и праздностію — тщетно хотѣвъ, подобно сыну Донскаго, бѣжать въ Россію — Василій умилостивилъ наконецъ Тохтамыша и пріѣхалъ съ его жалованною грамотою княжить въ Городцѣ. Но сія милость Ханская казалась ему неудовлетворительною: съ помощію Великаго Князя онъ и братъ его, Симеонъ Суздальскій, (въ 1388 году) отняли Нижній у дяди, и презрѣвъ грамоты Ханскія, обязались во всякомъ случаѣ вѣрно служить Димитрію: Борисъ же остался Княземъ Городецкимъ, въ зависимости отъ Московскаго, который дѣйствуя такимъ образомъ противъ воли Тохтамыша, явно показывалъ худое къ нему уваженіе.

Смерть Князя Нижегородскаго.

Въ то время, какъ Россіяне Великаго

Вражда

между Велик. Князем и Владиміромъ.

Княженія съ надеждою или страхомъ могли готовиться ко второй Донской битвѣ, они были изумлены враждою своихъ двухъ главныхъ защитниковъ. Димитрій и Князь Владиміръ Андреевичь, братья и друзья, казались дотолѣ однимъ человѣкомъ, имѣя равную любовь къ отечеству и ко славѣ, испытанную общими опасностями, успѣхами и противностями рока. Вдругъ Димитрій, огорченный, какъ надобно думать, старѣйшими Боярами Владиміра и его къ

г. 1389

нимъ пристрастіемъ, велѣлъ ихъ взять подъ стражу, заточить, развезти по разнымъ городамъ. Сей поступокъ, доказывая власть Великокняжескую, могъ быть согласенъ съ законами справедливости, но крайне огорчилъ народъ, тѣмъ болѣе, что Татары начинали уже дѣйствовать противъ Россіи, взявъ нечаянно Переславль Рязанскій: единодушіе первыхъ ея Героевъ было всего нужнѣе для безопасности Государства (115). Явивъ примѣръ строгости, Димитрій спѣшилъ удовлетворить желанію народа и собственнаго сердца: чрезъ мѣсяцъ, въ день Благовѣщенія, обнялъ брата какъ друга и новою договорною грамотою утвердилъ

Ихъ примиреніе.

искренній съ нимъ союзъ. Въ ней сказано, что Владиміръ признаетъ Димитрія отцемъ, сына его Василія братомъ *старшимъ*, Георгія Димитріевича *равнымъ*, а меньшихъ сыновей Великаго Князя *младшими* братьями;

что они будутъ жить въ любви неразрывной, подобно какъ ихъ отцы жили съ Симеономъ Гордымъ, и должны взаимно объявлять другъ другу навѣты злыхъ людей, желающихъ поселить въ нихъ вражду; что ни Димитрію, ни Владиміру безъ общаго согласія не заключать договоровъ съ иными Владѣтелями; что первому не мѣшаться въ дѣла братнихъ городовъ, второму въ дѣла Великаго Княженія, но судить тяжбы Москвитянъ обоимъ вмѣстѣ чрезъ Намѣстниковъ, а въ случаѣ ихъ несогласія прибѣгать къ суду Митрополита или Третейскому, коего рѣшеніе остается закономъ и для Князей; что Великому Князю, ни Боярамъ его, не покупать селъ въ Удѣлѣ Владиміровомъ, ни Владиміру въ областяхъ, ему не принадлежащихъ; что если Димитрій, удовлетворяя нуждамъ государственнымъ, обложитъ данію своихъ Бояръ помѣстныхъ, то и Владиміровы обязаны внести такую же въ казну Великокняжескую; что гости, *суконники* и *городскіе люди* свободны отъ службы, и проч. Далѣе сказано, что Владиміръ, *если Богу* не угодно будетъ *избавить Россію отъ Моголовъ*, участвуетъ во всѣхъ ея тягостяхъ и даетъ Ханамъ *триста-двадцать* рублей въ число *пять тысячь* Димитріевыхъ, по сей же соразмѣрности платя и долги государственные.

Новый порядокъ наслѣдства.

Сія грамота наиболѣе достопамятна тѣмъ, что она утверждаетъ новый порядокъ наслѣдства въ Великокняжескомъ достоинствѣ, отмѣняя древній, по коему племянники долженствовали уступать оное дядѣ. Владиміръ именно признаетъ Василія и братьевъ его, въ случаѣ Димитріевой смерти, законными наслѣдниками Великаго Княженія.

Кончина Великаго Князя.

Примиреніе державныхъ братьевъ казалось истиннымъ торжествомъ государственнымъ. Народъ веселился, не предвидя несчастія, коему надлежало случиться толь скоро и толь внезапно. Димитрію едва исполнилось сорокъ лѣтъ: необыкновенная его взрачность, дородство, густые черные волосы и борода, глаза свѣтлые, огненные, изображая внутреннюю крѣпость сложенія, ручались за долголѣтіе (116). Вдругъ, къ общему ужасу, разнеслася вѣсть о тяжкой болѣзни Великаго Князя: къ успокоенію народа сказали, что опасность ея миновалась; но Димитрій, не обольщая себя надеждою, призвалъ Игуменовъ Сергія и Севастіана, вмѣстѣ съ девятью главными Боярами, и велѣлъ писать духовное завѣщаніе. Объявивъ Василія Димитріевича наслѣдникомъ Великокняжескаго достоинства, онъ каждому изъ пяти сыновей далъ особенные Удѣлы: Василію Коломну съ волостями, Юрію Звенигородъ и Рузу,

Андрею Можайскъ, Верею и Калугу, Петру Дмитровъ, Іоанну нѣсколько селъ, а Великой Княгинѣ Евдокіи разныя помѣстья и знатную часть Московскихъ доходовъ. Сверхъ областей наслѣдственныхъ, Димитрій отказалъ второму сыну Галичь, третьему Бѣлозерскъ, четвертому Угличь, купленные Калитою у тамошнихъ Князей Удѣльныхъ: сіи города дотолѣ не были еще совершенно присоединены къ Московскому Княженію.

Нѣсколько дней Бояре и граждане утѣшались мнимымъ выздоровленіемъ любимаго ихъ Государя. Въ сіе время супруга его родила шестаго сына, именемъ Константина, окрещеннаго старшимъ братомъ, Василіемъ Димитріевичемъ, и Маріею, вдовою послѣдняго Тысячскаго (117). Но скоро болѣзнь вновь усилилась, и Великій Князь, чувствуя свой конецъ, желалъ видѣть супругу, еще слабую отъ слѣдствія родовъ; изъявляя удивительную твердость, долго говорилъ съ нею и съ дѣтьми; приказывалъ имъ быть во всемъ ей послушными и дѣйствовать единодушно, любить отечество и вѣрныхъ слугъ его. Бояре въ безмолвной горести стояли вдали: онъ велѣлъ имъ приближиться и сказалъ: «Вамъ, свидѣтелямъ «моего рожденія и младенчества, извѣстна внутренность души моей. Съ вами я царствовалъ «и побѣждалъ враговъ для счастія Россіи; съ «вами веселился въ благоденствіи и скорбѣлъ «въ злополучіяхъ; любилъ васъ искренно и награждалъ по достоинству; не касался ни чести,

«ни собственности вашей, боясь досадить «вамъ однимъ грубымъ словомъ; вы были «не Боярами, но Князьями земли Рус-«ской. Теперь вспомните, что мнѣ всегда «говорили: *умремъ за тебя и дѣтей твоихъ.* «Служите вѣрно моей супругѣ и юнымъ «сыновьямъ: дѣлите съ ними радость и «бѣдствія.» Представивъ имъ семнадцати-лѣтняго Василія Димитріевича какъ будущаго ихъ Государя, онъ благословилъ его; избралъ ему девять совѣтниковъ изъ Вельможъ опытныхъ (118); обнялъ Евдокію, каждаго изъ сыновей и Бояръ; сказалъ: *Богъ мира да будетъ съ вами!* сложилъ руки на груди и скончался. На другой день погребли Димитрія въ церкви Архангела Михаила. Трапезундскій Митрополитъ Ѳеогностъ, пріѣхавшій на то время гостемъ въ Москву, совершилъ сей печальный обрядъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми Епископами и Святымъ Игуменомъ Сергіемъ.

Маія 19.

Не льзя, по сказанію Лѣтописцевъ, изобразить глубокой душевной скорби Россіянъ въ семъ случаѣ: долго стенаніе и вопль не умолкали при Дворѣ и на стогнахъ: ибо никто изъ потомковъ Ярослава Великаго, кромѣ Мономаха и Александра Невскаго, не былъ столь любимъ народомъ и Боярами, какъ Димитрій, за его великодушіе, любовь ко славѣ отечества, справедливость, добросердечіе. Воспитанный среди

Свойства Димитріевы.

опасностей и шума воинскаго, онъ не имѣлъ знаній почерпаемыхъ въ книгахъ, но зналъ Россію и науку правленія (119); силою одного разума и характера заслужилъ отъ современниковъ имя *орла высокопарнаго* въ дѣлахъ государственныхъ; словами и примѣромъ вливалъ мужество въ сердца воиновъ, и будучи младенецъ незлобіемъ, умѣлъ съ твердостію казнить злодѣевъ. Современники особенно удивлялись его смиренію въ счастіи. Какая побѣда въ древнія и новыя времена была славнѣе Донской, гдѣ каждый Россіянинъ сражался за отечество и ближнихъ? но Димитрій, осыпаемый хвалами признательнаго народа, опускалъ глаза внизъ и возносился сердцемъ единственно къ Богу всетворящему. — Цѣломудренный въ удовольствіяхъ законной любви супружеской, онъ до конца жизни хранилъ дѣвическую стыдливость, и ревностный во благочестіи подобно Мономаху, ежедневно ходилъ въ церковь, всякую недѣлю въ Великій постъ пріобщался Святыхъ Таинъ и носилъ власяницу на голомъ тѣлѣ; однакожь не хотѣлъ слѣдовать обыкновенію предковъ, умиравшихъ всегда Иноками: ибо думалъ, что нѣсколько дней или часовъ Монашества передъ кончиною не спасутъ души, и что Государю пристойнѣе умереть на тронѣ, нежели въ кельѣ.

Такимъ образомъ Лѣтописцы изображаютъ намъ добрыя свойства сего Князя; и славя его какъ *перваго побѣдителя Татаръ*, не ставятъ ему *въ вину, что онъ далъ* Тохтамышу разорить Ве-

ликое Княженіе, не успѣвъ собрать войска сильнаго, и тѣмъ продлилъ рабство отечества до временъ своего правнука.

Димитрій сдѣлалъ, кажется, и другую ошибку: имѣвъ случай присоединить Рязань и Тверь къ Москвѣ, не воспользовался онымъ: желая ли изъявить великодушное безкорыстіе? но добродѣтели Государя, противныя силѣ, безопасности, спокойствію Государства, не суть добродѣтели. Можетъ быть, онъ не хотѣлъ изгнаніемъ Михаила Тверскаго, шурина Ольгердова, раздражить Литвы, и думалъ, что Олегъ, хитрый, дѣятельный, любимый подданными, лучше Московскихъ Намѣстниковъ сохранитъ безопасность юго-восточныхъ предѣловъ Россіи, если искренно съ нимъ примирится для блага отечества. — Димитрій прибавилъ къ Московскимъ владѣніямъ одну купленную имъ Мещеру, и подчинивъ себѣ Князей Ярославскихъ, не хотѣлъ отнять у нихъ наслѣдственнаго Удѣла, довольный правомъ предписывать имъ законы (120).

Строеніе городовъ и монастырей.

Въ княженіе Донскаго были основаны города Курмышъ и Серпуховъ: первый (въ 1372 году) Борисомъ Константиновичемъ Городецкимъ, а вторый (въ 1374) Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, который, чтобы приманить туда людей, далъ жителямъ *многія* выгоды и льготу, оградилъ его ду-

бовыми стѣнами и сдѣлалъ въ немъ Намѣстникомъ своего Окольничаго, Якова Юрьевича Новосильца. Новогородцы, въ 1384 году, начавъ строить каменную крѣпость Яму на берегу Луги (нынѣ Ямбургъ), совершили оную въ 33 дни; а въ 1387 обвели Порховъ также кирпичными стѣнами, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ (121).— Знаменитые монастыри Чудовъ, Андроньевъ, Симоновскій въ Москвѣ, Высоцкій близъ Серпухова, и другіе остались также памятниками времень Донскаго. Первые два основаны Митрополитомъ Алексіемъ (который, обогативъ Чудовскую Обитель драгоцѣнными, золотыми сосудами, селами, рыбными ловлями, завѣщалъ погребсти себя въ оной), послѣдніе Святымъ Сергіемъ Радонежскимъ. Игуменъ Симонова монастыря, Ѳеодоръ, племянникъ Сергіевъ и Духовникъ Великаго Князя, отличаясь умомъ и знаніями, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Константинополь: поставленный тамъ въ Архимандриты, онъ исходатайствовалъ у Патріарха Нила, чтобы его Обитель называлась Патріаршею и ни въ чемъ не зависѣла отъ Митрополита Россійскаго (122). Исполняя волю Князя Владиміра Андреевича, своего друга, Св. Сергій избралъ прекрасное мѣсто въ двухъ верстахъ отъ новаго города Серпухова, и собственными руками заложивъ монастырь Высоцкій, оставилъ въ немъ игуменствовать любимаго ученика, именемъ Аѳанасія, который послѣ выѣхалъ навсегда изъ отечества, недовольный изгнаніемъ Митропо-

лита Кипріана, и преставился въ Царѣградѣ.

Церковныя дѣла, важныя по тогдашнему времени, заботили Великаго Князя не менѣе государственныхъ. Онъ простилъ Митрополита Пимена единственно въ досаду Кипріану, но не могъ имѣть къ нему ни любви, ни уваженія, и желалъ дать Церкви инаго, достойнѣйшаго Пастыря. Мы говорили о Епископѣ Діонисіи, врагѣ Митяя: обманомъ уѣхавъ въ Константинополь, онъ нашелъ милость въ Патріархѣ и возвратился оттуда съ саномъ *Архіепископа* Суздальскаго, Нижегородскаго и Городецкаго (123). Будучи хитръ, ласковъ, благотворителенъ, Діонисій умѣлъ оправдать себя въ глазахъ Димитрія и заслужилъ его доброе мнѣніе достохвальнымъ подвигомъ Христіанскаго учителя. Еще во время Алексія Митрополита открылась въ Новѣгородѣ ересь *Стригольниковъ*, названныхъ такъ отъ имени Карпа Стригольника, человѣка простаго, но ревностнаго суевѣра, утверждавшаго, что Іереи Россійскіе, будучи поставляемы за деньги, суть хищники сего важнаго сана, и что истинные Христіане должны отъ нихъ удаляться. Многіе люди, думая согласно съ нимъ, перестали ходить въ церковь, и народъ, озлобленный ихъ нескромными, дерзкими рѣчами, утопилъ въ Волховѣ трехъ главныхъ

виновниковъ раскола, Карпа и Діакона Никиту съ товарищемъ ([124]). Сія излишняя строгость, какъ обыкновенно бываетъ, не уменьшила, но втайнѣ умножила число еретиковъ: Архіепископъ Новогородскій Алексій писалъ о томъ къ Патріарху Нилу, который уполномочилъ Діонисія искоренить зло средствами благоразумнаго убѣжденія. Діонисій отправился въ Новгородъ, во Псковъ, гдѣ Стригольники имѣли также своихъ учениковъ; доказывалъ имъ, что плата, опредѣленная закономъ, не есть лихоимство, и наконецъ примирилъ ихъ съ Церковію, къ удовольствію всѣхъ правовѣрныхъ. Отдавая справедливость сей заслугѣ, Великій Князь желалъ видѣть Діонисія на мѣстѣ Пимена, и велѣлъ ему ѣхать въ Константинополь для поставленія, будучи увѣренъ въ согласіи Патріарха. Воля Димитріева дѣйствительно исполнилась; но Владиміръ Ольгердовичь Кіевскій остановилъ новаго Митрополита на возвратномъ пути изъ Греціи въ Москву, объявивъ, что Кипріанъ есть Глава всей Россійской Церкви — и честолюбивый Діонисій умеръ въ Кіевѣ подъ стражею. Такимъ образомъ Великій Князь два раза не имѣлъ успѣха въ избраніи Митрополитовъ, и какъ бы обезоруженный неблагопріятностію судьбы, хотѣлъ по крайней мѣрѣ, чтобы древняя столица Св. Владиміра и Москва имѣли одного Пастыря духовнаго. Начался судъ между Пименомъ и Кипріаномъ въ Царѣградѣ, куда Великій Князь, въ слѣдъ за первымъ, отправилъ Симо-

новскаго Архимандрита, Феодора, съ грамотами и дарами. Прошло около трехъ лѣтъ, и дѣло рѣшилось ничѣмъ: Кипріанъ остался Митрополитомъ Кіевскимъ, а Пименъ, возвратясь въ Москву, черезъ годъ уѣхалъ опять въ Грецію, тайно отъ Великаго Князя, расположеннаго къ нему весьма немилостиво: что случилось за мѣсяцъ до кончины Димитріевой.

Крещеніе Перми.

Важнѣйшимъ происшествіемъ для Церковной Исторіи сего времени было обращеніе Пермянъ въ Христіанскую Вѣру. Вся обширная страна отъ рѣки Двины до хребта горъ Уральскихъ издревле платила дань Россіянамъ; но довольные серебромъ и мѣхами, тамъ собираемыми, они не принуждали жителей къ перемѣнѣ Закона. Юный Монахъ, сынъ одного Устюжскаго церковника, именемъ Стефанъ, воспламенился ревностію быть Апостоломъ сихъ идолопоклонниковъ; выучился языку Пермскому, изобрѣлъ для него новыя особенныя буквы, числомъ 24, и перевелъ на оный главныя церковныя книги съ Славянскаго [128]; хотѣлъ также узнать языкъ Греческій и долго жилъ въ Ростовскомъ монастырѣ Св. Григорія Богослова, чтобы пользоваться тамошнею славною библіотекою. Изготовивъ себя ко званію народнаго учителя, онъ взялъ благословеніе отъ Коломенскаго Епископа, Герасима, Намѣстника Митро-

полiи, и Великокняжескiя грамоты для своей безопасности; отправился въ Пермь, и началъ проповѣдывать Бога истиннаго людямъ грубымъ, невѣждамъ, но добродушнымъ. Они слушали его съ изумленiемъ; нѣкоторые крестились охотно; другiе, въ особенности жрецы или кудесники Пермскiе, встревоженные сею новостiю, говорили: «Какъ вѣрить человѣку, изъ «Москвы пришедшему? Не Россiяне ли издревле «угнетаютъ Пермь тяжкими данями? Отъ нихъ «ли ждать намъ истины и добра? Служа многимъ «богамъ отечественнымъ, извѣданнымъ благо«дѣянiями долговременными, безумно промѣ«нять ихъ на одного, чуждаго и неизвѣстнаго. «Они посылаютъ намъ соболей, куницъ и ры«сей, коими Вельможи Русскiе украшаются, тор«гуютъ и дарятъ Хановъ, Грековъ и Нѣмцевъ. «Народъ! твои учители суть опытные старцы; а «сей иноплеменникъ юнъ лѣтами, слѣдственно «и разумомъ.» Но Стефанъ подъ защитою Княжескихъ грамотъ, Неба и своей кротости болѣе и болѣе успѣвалъ въ душеспасительномъ дѣлѣ; умноживъ число новыхъ Христiанъ до тысячи, онъ построилъ церковь близъ устья рѣки Вымы и славилъ Творца вселенныя на языкѣ Пермскомъ; а жители, самые упорные въ язычествѣ, съ любопытствомъ смотрѣли на обряды Христiанскаго богослуженiя, дивяся красотѣ храма. Наконецъ, желая доказать имъ безсилiе идоловъ, Стефанъ обратилъ въ пепелъ одну изъ ихъ знаменитѣйшихъ кумирницъ. Народъ ви-

дѣлъ и безмолвствовалъ въ ужасѣ, кудесники вопили, святый мужъ проповѣдывалъ. Тщетно главный волхвъ, именемъ Пама, хотѣлъ защитить свою Вѣру: кумиры, разрушенные пламенемъ, свидѣтельствовали ихъ ничтожность. Онъ вызвался пройти невредимъ сквозь огонь и воду, требуя, чтобы Стефанъ сдѣлалъ тоже. «Я не «повелѣваю стихіями,» отвѣтствовалъ смиренный Инокъ: «но Богъ Христіанскій великъ: «иду съ тобою.» Пама думалъ только устрашить его: видя же смѣлость противника, отказался отъ испытанія, и тѣмъ довершилъ торжество истинной Вѣры. Убѣжденные мудрымъ ученіемъ Стефана, жители цѣлыми толпами крестились и вмѣстѣ съ нимъ сокрушали идоловъ, въ домахъ, на улицахъ, дорогахъ и въ рощахъ, бросая въ огонь драгоцѣнныя кожи звѣрей, приносимыя въ даръ симъ деревяннымъ богамъ, и полотняныя тонкія пелены, коими ихъ обвивали. Пишутъ, что главными идолами народа Пермскаго и Обдорскаго были *Воипель* и такъ называемая *Золотая баба*, или каменное изображеніе старухи съ двумя младенцами; что суевѣрные, убивая лучшихъ своихъ оленей въ честь ея, кровію оныхъ мазали ротъ и глаза истукану, отвѣчавшему на вопросы любопытныхъ о тайнахъ судьбы; что близъ того мѣста, въ горахъ, часто раздавался звукъ, подобный трубному, и проч. Создавъ еще двѣ церкви, Стефанъ завелъ при оныхъ училища, чтобы образовать молодыхъ людей для сана Іерейскаго, и поѣхалъ въ Москву

требовать учрежденія особенной Епископіи Пермской. Великій Князь лично зналъ и любилъ его: Митрополитъ Пименъ также. Они нашли Стефана достойнымъ Епископскаго сана, и сей новый Святитель, возвратясь въ землю, имъ просвѣщенную, заслужилъ имя отца Пермянъ: училъ, благодѣтельствовалъ; во время голода доставлялъ имъ хлѣбъ изъ Вологды, и ѣздилъ въ Новгородъ ходатайствовать за нихъ у Правительства ([126]). Однимъ словомъ, введеніе Христіанства въ сихъ мѣстахъ, утвержденнаго одною Апостольскою проповѣдію и силою добродѣтели, было счастливою эпохою для обитателей и въ самомъ ихъ гражданскомъ состояніи: народъ благодарный нынѣ съ любовію говоритъ тамъ о дѣлахъ своего перваго наставника, описанныхъ Инокомъ Епифаніемъ, ученикомъ Св. Сергія. Употребивъ всю жизнь на благотвореніе, Стефанъ хотѣлъ закрыть глаза въ Москвѣ, гдѣ и преставился въ княженіе Василія Димитріевича (въ 1396 году) съ названіемъ Святаго; тѣло его погребено въ Кремлѣ, въ церкви Преображенія.

Сношенія съ Греціею.

Между достопамятностями Димитріева времени должно замѣтить частыя путешествія Греческихъ духовныхъ сановниковъ, особенно изъ Палестины, въ Москву для собранія милостыни. Знаменитѣйшій изъ нихъ былъ Іерусалимскій Архимандритъ Ни-

фонтъ, который посредствомъ золота, вывезеннаго имъ изъ Россіи, достигъ Патріаршества (127). Утѣсняемые невѣрными, Греки пользовались усердіемъ нашихъ предковъ къ Святымъ Мѣстамъ, и требуя денегъ для возстановленія храмовъ разоренныхъ, употребляли оныя болѣе на мірскія, нежели на церковныя нужды. — Вообще Греція, приближаясь къ своему конечному паденію, и недоброжелательствомъ Рима какъ бы исключенная изъ системы Державъ Христіанскихъ, была въ самой тѣсной связи съ единовѣрною Россіею, которая начинала воскресать въ Москвѣ, и хотя не могла защитить Константинополя, но удѣляла ему часть своего избытка, посылая дары Императору и Патріарху. Житель Цареградскій во глубинѣ нашего Сѣвера, какъ прежде въ Кіевѣ, находилъ для себя второе отечество, гдѣ люди ученые столько любили языкъ его, что Алексій Митрополитъ даже въ Русскихъ грамотахъ подписывалъ имя свое по-Гречески. Въ Константинополѣ обитало всегда множество Россіянъ, привлекаемыхъ купечествомъ или набожностію, и жившихъ тамъ обыкновенно въ монастырѣ Св. Іоанна Предтечи. Чтобы дать Читателю ясное понятіе о тогдашнемъ пути отъ Москвы до Царяграда, приведемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ записокъ одного Россійскаго

Путешест-

духовнаго сановника, бывшаго въ Греціи вмѣстѣ съ Митрополитомъ Пименомъ ([128]).

віе Пимена.

«Мы выѣхали изъ Москвы» — пишетъ онъ — «13 Апрѣля въ 1389 году, во Вторникъ Страстныя недѣли, и Митрополитъ «велѣлъ Епископу Смоленскому, Михаилу, «вмѣстѣ съ Архимандритомъ Спасскимъ «Сергіемъ записывать всѣ достопамятно-«сти сего путешествія. Пробывъ Великую «Субботу въ Коломнѣ, отправились мы «Окою въ день Пасхи къ Рязани, гдѣ, за «нѣсколько верстъ отъ Переславля, встрѣ-«тили насъ сыновья Олеговы: наконецъ и «самъ Князь со всѣми Боярами и со кре-«стами. Дружелюбно угостивъ Пимена, «онъ проводилъ его изъ города въ Ѳомино «Воскресеніе; а Воевода Княжескій, Ста-«ниславъ, долженствовалъ охранять насъ «въ пути до рѣки Дона: ибо въ сихъ мѣ-«стахъ бываютъ частые разбои. За нами «везли на колесахъ три струга съ большою «лодкою, и въ Четвертокъ спустили ихъ «на рѣку Донъ. Въ Пятницу мы пріѣхали «къ урочищу Киръ-Михаилову, гдѣ прежде «находился городъ. Тутъ откланялись Ми-«трополиту Бояре Олеговы и Епископы, «Ермій Рязанскій, Ѳеодоръ Ростовскій, «Евфросинъ Суздальскій, Даніилъ *Звениго-«родскій* ([129]). Исаакій же Черниговскій и «Михаилъ Смоленскій въ Воскресенье сѣли

«съ Пименомъ на суда и поплыли внизъ рѣкою «Дономъ.

«Не льзя вообразить ничего унылѣе сего путешествія. Вездѣ голыя, необозримыя пустыни; «нѣтъ ни селенія, ни людей; одни дикіе звѣри, «козы, лоси, волки, медвѣди, выдры, бобры, «смотрятъ съ берега на странниковъ какъ на «рѣдкое явленіе въ сей странѣ; лебеди, орлы, «гуси и журавли непрестанно парили надъ нами. «Тамъ существовали нѣкогда города знаменитые [130]: нынѣ едва примѣтны слѣды ихъ.

«Въ Понедѣльникъ миновали мы рѣку Мечу и «Сосну, во Вторникъ Острую Луку, въ Среду «Кривый Боръ [131], а въ шестый день плаванія «устье Воронежа. 9 Маія встрѣтилъ насъ Князь «Юрій Елецкій» (потомокъ Михаила Черниговскаго) «съ своими Боярами и со множествомъ «людей. Исполняя данное ему Олегомъ повелѣ«ніе, онъ изъявилъ Митрополиту искреннее дру«желюбіе и снабдилъ его всѣмъ нужнымъ.

«Оттуда приплыли мы къ Тихой Соснѣ, и на «ея берегахъ увидѣли рядъ бѣлыхъ каменныхъ «столповъ, подобныхъ малымъ стогамъ [132]: «работа и видъ прекрасны!

«Оставивъ за собою рѣки Червленный Яръ, «Битюгъ и Хоперъ, въ пятое Воскресеніе послѣ «Свѣтлаго миновали мы устье Медвѣдицы и «другихъ рѣкъ, а во Вторникъ *Серклію* (Сар«келъ?), городъ древній, а нынѣ только разва«лины [133]. Тутъ въ первый разъ на обѣихъ «сторонахъ Дона показались Татары Сарыхо-

«зина Улуса и безчисленное множество ихъ «скота, овецъ, козъ, воловъ, вельблюдовъ, «коней. Мысль, что мы уже вступили въ «землю сихъ варваровъ, приводила насъ «въ трепетъ; но они не сдѣлали никому «обиды, а только спрашивали вездѣ, куда «ѣдемъ, и давали намъ молока. Такимъ «образомъ проплывъ еще мимо Улуса Бу-«лятова и Акбугина, мы на канунѣ Возне-«сенія достигли Азова, города Фряжскаго «и Нѣмецкаго; а въ Недѣлю Святыхъ От-«цевъ перегрузились въ корабль на устьѣ «Дона.» Тутъ путешественникъ расказываетъ, что Генуэзцы, у коихъ Пименъ (въ 1380 году) занималъ деньги въ Греціи на имя Великаго Князя, схватили его какъ неисправнаго должника и хотѣли заключить въ темницу; однакожь Митрополитъ откупился серебромъ, и благополучно отправился въ свой путь Азовскимъ и Чернымъ моремъ.

Осыпая въ Москвѣ единовѣрныхъ Грековъ благодѣяніями, Димитрій привлекалъ въ Россію и другихъ Европейцевъ. Между его грамотами находимъ одну, данную Андрею *Фрязину* (вѣроятно Генуэзцу) на область Печерскую, бывшую прежде за дядею сего Андрея, Матѳеемъ Фрязиномъ (134). Въ грамотѣ сказано, чтобы жители ему повиновались, и что онъ, слѣдуя древнимъ уставамъ, долженъ блюсти тамъ

Италіянцы въ нашей службѣ.

общее спокойствіе. Димитрій, Глава Новогородцевъ, имѣлъ какъ видно право давать Намѣстника Печерянамъ, ихъ подданнымъ. Такимъ образомъ Москва и въ XIV вѣкѣ не чуждалась иностранцевъ, которые могли быть нужны для ея гражданскаго образованія, и мнѣніе, что до временъ Іоанна III она не имѣла никакого сношенія съ Западомъ Европы, есть ложное. Азовскіе и Таврическіе Генуэзцы служили посредниками между Италіею и нашимъ Сѣверомъ.

Деньги вмѣсто кунъ.

Въ государствованіе Донскаго Россіяне Великаго Княженія оставили куны, замѣнивъ оныя мелкою, серебряною монетою, для коей служила образцомъ Татарская. Моголы въ древнемъ своемъ отечествѣ и въ Китаѣ вмѣсто денегъ употребляли древесную кору и лоскутки кожаные съ клеймомъ Ханскимъ; но въ Бухаріи и въ Капчакѣ имѣли собственную серебряную и мѣдную монету: первая называлась *тангою*, вторая *пулою* (135). Россіяне симъименемъ назвали и свою, то есть, серебряную *деньгами*, а мѣдную *пулами*. Послѣднія уже ходили и при отцѣ Донскаго; а древнѣйшія изъ серебряныхъ, донынѣ намъ извѣстныхъ, биты въ княженіе Димитрія, вѣсомъ $\frac{1}{4}$ золотника, съ изображеніемъ всадника. Въ мирномъ условіи Тверскаго Князя съ Димитріемъ, заключенномъ

въ 1375 году, еще упоминается о *рѣзаняхъ* или мелкихъ кунахъ; но въ позднѣйшихъ договорахъ цѣны вещей опредѣляются только *алтынами* и *деньгами* (коихъ считалось 6 въ алтынѣ).

Огнестрѣльное искусство въ Россіи.

Послѣдній годъ Димитріева княженія особенно достопамятенъ началомъ огнестрѣльнаго искусства въ Россіи. Пишутъ, что Монахъ Францисканскій, Константинъ Англицевъ или Бартольдъ Шварцъ, изобрѣлъ порохъ около половины XIV вѣка, и сообщилъ сіе важное открытіе Венеціянамъ, воевавшимъ тогда съ Генуэзцами. Французы въ 1338 году уже знали оное, и Король Англійскій, Эдуардъ III, въ славной битвѣ при Кресн (въ 1346), разилъ непріятелей пушками. Вѣроятно, что Аравитяне еще гораздо ранѣе употребляли порохъ. Восточные Историки XIII столѣтія описываютъ его дѣйствіе, и Гренадскій Владѣтель, Абалвалидъ Исмаилъ Бенъ Ассеръ, въ 1312 году имѣлъ снарядъ огнестрѣльный. Нѣтъ сомнѣнія, что и Монахъ Рогеръ Баконъ за 100 лѣтъ до Бартольда Шварца умѣлъ составлять порохъ: ибо ясно говоритъ, въ своемъ твореніи de nullitate Magiae, о свойствѣ и силѣ онаго. Сказаніе нашего собственнаго Лѣтописца, что въ 1185 году Князь Половецкій, Кончакъ, возилъ съ собою Харазскаго Турка, *стрѣлявшаго живымъ огнемъ*, также заставляетъ

думать, что оружіе сего человѣка могло быть огнестрѣльное. Но въ Россіи оно не употреблялось до 1389 года, когда, по извѣстію одной лѣтописи, вывезли къ намъ изъ земли Нѣмецкой *арматы* и *стрѣльбу огненную*, съ того времени свѣданную Россіянами. Хотя еще въ описаніи Московской осады 1382 года упоминается о *пушкахъ*; но такъ назывались у насъ прежде не нынѣшнія воинскія орудія сего имени, а большіе самострѣлы или махины, коими осажденные бросали камни въ осаждающихъ. — При сынѣ Донскаго, Василіи, уже дѣлали въ Москвѣ и порохъ (136).

Кометы.

Наконецъ, описавъ исторію временъ Димитрія, прибавимъ, что Лѣтописцы наши, согласно съ другими, говорятъ о явленіи Кометъ зимою въ 1368 и весною въ 1382 годахъ (137): вторая, по ихъ мнѣнію, предвѣстила грозное Тохтамышево нашествіе. Достойно замѣчанія, что въ слѣдующій годъ около Москвы снѣгъ лежалъ цѣлый мѣсяцъ послѣ Святой Пасхи и люди ѣздили на саняхъ до 20 Апрѣля. Разныя небесныя знаменія, чудесныя для невѣжества, также засухи и великіе пожары были весьма обыкновенны въ государствованіе Димитрія.

Зима до 20 Апрѣля.

ГЛАВА II.

Великій Князь Василій Димитріевичь.

Г. 1389—1425.

Великое Княженіе сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ. Характеръ Аристократіи. Договоръ. Политика Василіева. Бракъ. Вел. Князь въ Ордѣ. Разореніе Вятки. Нижній Новгородъ и Суздаль присоединены къ Москвѣ. Дѣла съ Новымгородомъ. Нашествіе Тамерлана. Славная икона Владимірская. Бѣдствіе Азова. Дѣла Литовскія. Взятіе Смоленска. Свиданіе Вел. Князя съ Витовтомъ. Россія Литовская. Дѣла Новогородскія. Происшествія въ Ордѣ Замыслы Витовта. Наши завоеванія въ Болгаріи. Война Витовта съ Моголами. Эдигей. Кончина Князя Тверскаго. Временная независимость Велик. Княженія. Удача и неблагоразуміе Князя Смоленскаго. Политика Витовта. Неудовольствія Новогородцевъ. Злодѣйство Князя Смоленскаго. Разрывъ съ Литвою. Свидригайло. Войны съ Ливоніею. Нашествіе Эдигея. Письмо Эдигеево. Кончина Владиміра Храбраго. Происшествія въ Ордѣ. Дѣла Новогородскія. Язва. Голодъ. Мысль о преставленіи свѣта. Кончина и характеръ Василія. Завѣщаніе. Договоръ съ Рязанскимъ Княземъ. Дары посланные въ Грецію. Дочь Василіева за Императоромъ. Дѣла церковныя. Судная грамота. Разныя извѣстія. Добродѣтель супруги Донскаго.

Димитрій оставилъ Россію готовую снова противоборствовать насилію Хановъ; юный сынъ его, Василій, отложилъ до времени

Г. 1389.

Августа 15. Великое Княженіе сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ.

мысль о независимости, и былъ возведенъ на престолъ въ Владимірѣ Посломъ Царскимъ, Шахматомъ. Такимъ образомъ достоинство Великокняжеское сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ. Уже никто не спорилъ съ ними о сей чести. Хотя Борисъ Городецкій, старѣйшій изъ потомковъ Ярослава II, немедленно по кончинѣ Донскаго отправился въ Сарай; но цѣлію его исканій былъ единственно Нижній Новгородъ, отнятый у него племянниками. Тохтамышъ, неблагодарно предпріявъ воевать сильную Имперію Тамерланову, велѣлъ ему ѣхать за собою къ границамъ Персіи; наконецъ дозволилъ остаться въ Сараѣ, и разоривъ многіе города бывшаго своего заступника, по возвращеніи въ Улусы отпустилъ Бориса въ Россію съ новою жалованною грамотою на область Нижегородскую (138).

Характеръ Аристократіи.

Великій Князь, едва вступивъ въ лѣта юношества, могъ править Государствомъ только съ помощію Совѣта: окруженный усердными Боярами и сподвижниками Донскаго, онъ заимствовалъ отъ нихъ сію осторожность въ дѣлахъ государственныхъ, которая ознаменовала его тридцатишести-лѣтнее княженіе, и которая бываетъ свойствомъ Аристократіи, движимой болѣе заботливыми предвидѣніями ума, нежели смѣлыми внушеніями великодушія, равно

удаленной отъ слабости и пылкихъ страстей. Опасаясь правъ дяди Василіева, Князя Владиміра Андреевича, основанныхъ на старѣйшинствѣ и на славѣ воинскихъ подвиговъ, господствующіе Бояре стѣснили, кажется, его власть и не хотѣли дать ему надлежащаго участія въ правленіи: Владиміръ, ни въ чемъ не нарушивъ договора, заключеннаго съ Донскимъ — бывъ всегда ревностнымъ стражемъ отечества, и довольный жребіемъ Князя второстепеннаго— оскорбился неблагодарностію племянника, и со всѣми ближними уѣхалъ въ Серпуховъ, свой удѣльный городъ, а изъ Серпухова въ Торжекъ. Сія несчастная ссора, какъ и бывшая съ отцемъ Василія, скоро прекратилась возобновленіемъ дружественной грамоты 1388 года. Владиміръ, сверхъ его прежняго Удѣла и трети Московскихъ доходовъ, получилъ Волокъ и Ржевъ: за то обѣщалъ повиноваться юному Василію какъ старѣйшему, ходить на войну съ нимъ или съ полками Великокняжескими, *сидѣть въ осадѣ*, гдѣ онъ велитъ, и проч.; а съ Волока платить Ханамъ 170 рублей въ число пяти тысячь Василіевыхъ (139).

Договоръ.

Обстоятельство, что Владиміръ Андреевичь во время раздора съ племянникомъ жилъ въ области Новогородской, достойно замѣчанія. Владѣтели Московскіе, присвоивъ себѣ исключительное право на санъ

Великокняжескій, считали и Новгородъ наслѣдственнымъ ихъ достояніемъ, вопреки его древней, основанной на грамотахъ Ярославовыхъ свободѣ избирать Князей. г. 1390. Отъ того сыновья Калитины, Симеонъ, Іоаннъ, при восшествіи на престолъ были въ раздорѣ съ симъ гордымъ народомъ: Василій также; и Новогородцы охотно дали убѣжище недовольному Владиміру, чтобы имѣть въ немъ опору на всякой случай; но видя искреннее примиреніе дяди съ племянникомъ, желали и сами участвовать въ ономъ. Дѣло шло единственно о чести или обрядѣ. «Мы рады повиноваться Князю «Московскому,» говорили они: «только «прежде напишемъ условія какъ люди воль-«ные.» Сіи условія по обыкновенію состояли въ опредѣленіи извѣстныхъ правъ Княжескихъ и народныхъ. Василій не захотѣлъ спорить, и въ присутствіи Бояръ Новогородскихъ, въ Москвѣ, утвердивъ печатію договорную грамоту, отправилъ къ нимъ въ Намѣстники Вельможу Московскаго, Евстафія Сыту (140). — Замѣтимъ, что со временъ Калиты Новогородцы уже не имѣли собственныхъ, особенныхъ Князей, повинуясь Великимъ или Московскимъ, которые управляли ими чрезъ Намѣстниковъ: ибо Наримантъ, Патрикій, Лугвеній и другіе Князья, Литовскіе и Россійскіе, съ того времени находились у нихъ единственно

въ качествѣ Воеводъ, или частныхъ властителей.

Политика Василіева.

Три предмета долженствовали быть главными для Политики Государя Московскаго: надлежало прервать или облегчить цѣпи, возложенныя Ханами на Россію—удержать стремленіе Литвы на ея владѣнія, усилить Великое Княженіе присоединеніемъ къ оному Удѣловъ независимыхъ. Въ сихъ трехъ отношеніяхъ Василій Димитріевичь дѣйствовалъ съ неусыпнымъ попеченіемъ, но держась правилъ умѣренности, боясь излишней торопливости и добровольно оставляя своимъ преемникамъ дальнѣйшіе успѣхи въ славномъ дѣлѣ государственнаго могущества.

Бракъ.

На семнадцатомъ году жизни онъ сочетался бракомъ съ юною Софіею, дочерью Витовта, сына Кестутіева (141). Изгнанный Ягайломъ изъ отечества, сей витязь жилъ въ Пруссіи у Нѣмцевъ. Въ одной изъ лѣтописей сказано, что Василій, въ 1386 году бѣжавъ изъ Орды въ Молдавію, на пути въ Россію былъ задержанъ Витовтомъ въ какомъ-то Нѣмецкомъ городѣ, и наконецъ, освобожденный съ условіемъ жениться на его дочери, чрезъ пять лѣтъ исполнилъ сіе обѣщаніе, согласно съ честію и пользою государственною. Уже Витовтъ славился разумомъ и мужествомъ; имѣлъ также многихъ друзей въ Литвѣ, и *по всѣмъ* вѣроят-

ностямъ не могъ долго быть изгнанникомъ. Василій надѣялся пріобрѣсти въ немъ или сильнаго сподвижника противъ Ягайла или посредника для мира съ Литвою. Бояре Московскіе, Александръ Поле, Белевутъ, Селиванъ, ѣздили за невѣстою въ Пруссію и возвратились чрезъ Новгородъ. Князь Литовскій, Иванъ Олгимонтовичь, проводилъ ее до Москвы, гдѣ совершилось брачное торжество къ общему удовольствію народа.

Г. 1391. Января 9.

Г. 1392. Іюля 16. Вел. Князь въ Ордѣ.

Скоро Великій Князь отправился къ Хану. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Царевичь Беткутъ, посланный Тохтамышемъ отъ береговъ Волги и Казанки сквозь дремучіе лѣса къ Сѣверу, разорилъ Вятку, гдѣ со временъ Андрея Боголюбскаго обитали Новогородскіе выходцы въ свободѣ и независимости, торгуя или сражаясь съ Чудскими сосѣдственными народами (142). Слухъ о благосостояніи сей маленькой Республики вселилъ въ Моголовъ желаніе искать тамъ добычи и жертвъ корыстолюбія. Изумленные внезапнымъ ихъ нашествіемъ, жители не могли отстоять городовъ, основанныхъ среди пустынь и болотъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ: одни погибли отъ меча, другіе навѣки лишились вольности, уведенные въ плѣнъ Беткутомъ; многіе спаслися въ густотѣ лѣсовъ, и предпріяли отмстить Татарамъ. Новогородцы,

Разореніе Вятки.

Устюжане соединились съ ними, и на большихъ лодкахъ рѣкою Вяткою доплывъ до Волги, разорили Жукотинъ, Казань, Болгарскіе, принадлежащіе Ханамъ города, и пограбили всѣхъ купцевъ, ими встрѣченныхъ. Однакожь не сіи случаи заставили Великаго Князя ѣхать въ Орду: намѣреніе его обнаружилось въ слѣдствіяхъ, составившихъ достопамятную эпоху въ постепенномъ возвышеніи Московскаго Княженія. Онъ былъ принятъ въ Ордѣ съ удивительною ласкою. Еще никто изъ Владѣтелей Россійскихъ не видалъ тамъ подобной чести. Казалось, что не данникъ, а другъ и союзникъ посѣтилъ Хана. Утвердивъ Нижегородскую область за Княземъ Борисомъ Городецкимъ, Тохтамышъ, согласно съ мыслями Вельможъ своихъ, не усомнился признать Василія наслѣдственнымъ ея Государемъ. Великій Князь хотѣлъ еще болѣе, и получилъ все по желанію: Городецъ, Мещеру, Торусу, Муромъ. Послѣднія двѣ области были древнимъ Удѣломъ Черниговскихъ Князей и никогда не принадлежали роду Мономахову. Столь особенная благосклонность изъясняется обстоятельствами времени. Тохтамышъ, начавъ гибельную для себя войну съ грознымъ Тамерланомъ, боялся, чтобы Россіяне не пристали къ сему завоевателю, который, желая наказать неблагодарнаго повелителя Золотой Орды, шелъ отъ моря Аральскаго и Каспійскаго къ пустынямъ сѣверной Азіи. Хотя Лѣтописцы не говорятъ того, однакожь вѣроятно, что *Василій*, требуя милостей

Хана, обѣщалъ ему не только вѣрность, но и сильное вспоможеніе: какъ Глава Князей Россійскихъ, онъ могъ ручаться за другихъ, и тѣмъ обольстить или успокоить преемника Мамаева; корыстолюбіе Вельможъ Ординскихъ и богатые дары Василіевы рѣшили всякое сомнѣніе. Уже Тохтамышъ двинулся съ полками на встрѣчу къ непріятелю за Волгу и Яикъ (143): Великій Князь спѣшилъ удалиться отъ кровопролитія; а Посолъ Ханскій, Царевичь Уланъ, долженствовалъ возвести его на престолъ Нижегородскій.

Октабря 26.

Три мѣсяца Василій былъ въ отсутствіи: народъ Московскій праздновалъ возвращеніе юнаго Государя какъ особенную милость Небесную. Еще не доѣхавъ до столицы, Великій Князь изъ Коломны отправилъ Бояръ своихъ съ Ханскою грамотою и съ Посломъ Царевымъ въ Нижній, гдѣ Князь Борисъ, недоумѣвая, что ему дѣлать, собралъ Вельможъ на совѣтъ. Но знатнѣйшій изъ нихъ, именемъ Румянецъ, оказался предателемъ. Князь хотѣлъ затворить ворота городскія. «Посолъ Царевъ» (сказалъ Румянецъ) «и Бояре Московскіе ѣдутъ сюда «единственно для утвержденія любви и мира «съ тобою: впусти ихъ и не оскорбляй ложнымъ подозрѣніемъ. Окруженный нами, «вѣрными защитниками, чего можешь страшиться?» Князь согласился, и поздно уви-

Нижній Новгородъ и Суздаль присоединены къ Москвѣ.

дѣлъ измѣну. Бояре Московскіе, въѣхавъ въ городъ, ударили въ колокола, собрали жителей, объявили Василія ихъ Государемъ. Тщетно Борисъ звалъ къ себѣ дружину свою. Коварный Румянецъ отвѣтствовалъ: «мы уже не твои» — и съ другими единомышленниками предалъ Бориса слугамъ Великокняжескимъ (144). Самъ Василій съ Боярами старѣйшими прибылъ въ Нижній, гдѣ учредивъ новое правленіе, поручилъ сію область Намѣстнику, Димитрію Александровичу Всеволожу. Такъ рушилось, съ своими Удѣлами, особенное Княжество Суздальское, коего именемъ долго называлась сильная Держава, основанная Андреемъ Боголюбскимъ, или всѣ области сѣверо-восточной Россіи между предѣлами Новогородскими, Смоленскими, Черниговскими и Рязанскими. — Борисъ чрезъ два года умеръ. Его племянники, Василій, прозваніемъ Кирдяпа, и Симеонъ, бѣжавъ въ Орду, напрасно искали въ ней помощи. Хотя Царевичь Эйтякъ вмѣстѣ съ Симеономъ (въ 1399 году) приступалъ къ Нижнему и взялъ городъ обманомъ; но имѣя у себя едва тысячу воиновъ, не могъ удержать онаго (145). Супруга Симеонова, бывъ долго подъ стражею въ Россіи, нашла способъ уйти въ землю Мордовскую, подвластную Татарамъ, и жила въ какомъ-то селеніи у Христіанской церкви, сооруженной Хивинскимъ Туркомъ Хазибабою: Бояре Великаго Князя, посланные съ отрядомъ войска, взяли сію несчастную Княгиню и привезли въ Москву. Между

тѣмъ ея горестный супругъ, лишенный отечества, друзей, казны, восемь лѣтъ скитался съ Моголами по дикимъ степямъ, служилъ въ разныя времена четыремъ Ханамъ, и наконецъ прибѣгнулъ къ милости Великаго Князя, который возвратилъ ему семейство и позволилъ избрать убѣжище въ Россіи. Симеонъ, изнуренный печалями, добровольно удалился въ независимую область Вятскую, гдѣ и скончался чрезъ пять мѣсяцевъ (въ 1402 году), бывъ жертвою общей пользы государственной. Старшій братъ Симеоновъ, Василій Кирдяпа, умеръ также въ изгнаніи. Сыновья Василіевы и Борисовы то служили при Дворѣ Московскомъ, то уходили въ Орду; а внукъ Кирдяпинъ, Александръ Ивановичь Брюхатый, женился послѣ на дочери Великаго Князя, именемъ Василисѣ ([146]).

Дѣла съ Новымгородомъ.

Руководствуясь правилами государственнаго блага, Василій и въ другихъ случаяхъ не боялся казаться ни излишно властолюбивымъ, ни жестокимъ. Такъ въ слѣдствіе вторичнаго несогласія съ Новогородцами, не хотѣвшими платить ему *черной* или народной дани, изъявилъ онъ строгость необыкновенную, хитро соединивъ выгоды казны своей съ честію Главы Духовенства. Митрополитъ Кипріанъ, безспорно заступивъ мѣсто умершаго въ Царѣградѣ Пимена, ѣздилъ (въ 1392 году) изъ Москвы въ

Новгородъ; съ пышными обрядами служилъ Литургію въ Софійскомъ храмѣ; всенародно училъ народъ съ амвона, и двѣ недѣли пировалъ у тамошняго Архіепископа, Іоанна, вмѣстѣ съ знаменитѣйшими чиновниками, которые, въ знакъ особеннаго уваженія, отъ имени всего города подарили ему нѣсколько дворовъ. Но сіе дружелюбіе измѣнилось, когда Митрополитъ въ собраніи гражданъ объявилъ, чтобы они, слѣдуя древнему обыкновенію, относились къ нему въ дѣлахъ судныхъ. Посадникъ, Тысячскій и всѣ отвѣтствовали единодушно: «мы клялися, что не «будемъ зависѣть отъ суда Митрополитовъ, и «написали грамоту.» *Дайте мнѣ оную*, сказалъ Кипріанъ: *я сорву печать, и сниму съ васъ клятву*. Народъ не хотѣлъ, и Кипріанъ уѣхалъ съ великою досадою (147). Зная, сколь Митрополиты пребываніемъ своимъ въ Москвѣ способствовали знаменитости ея Князей и нужны для ихъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ Единовластіи, Василій съ жаромъ вступился за Пастыря Церкви. Посолъ Великокняжескій представилъ Новогородцамъ, что они, съ 1386 года платившіе Донскому народную дань, обязаны платить ее и сыну его; обязаны также признать Митрополита судіею въ дѣлахъ гражданскихъ, или испытаютъ гнѣвъ Государевъ. Новогородцы отвѣчали, что народная дань издревле шла обыкновенно въ общественную казну, а Князь довольствовался одними пошлинами и дарами; что второе требованіе Василія, касательно Митрополита, против-

по ихъ совѣсти ([148]). Сей отвѣтъ былъ принятъ за объявленіе войны. Полки Московскіе, Коломенскіе, Звенигородскіе, Дмитровскіе, предводимые дядею Великаго Князя, Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ, и сыномъ Донскаго, Юріемъ, взяли Торжекъ и множество плѣнниковъ въ областяхъ Новагорода, куда сельскіе жители съ имѣніемъ, съ дѣтьми бѣжали отъ меча и неволи. Уже рать Московская, совершивъ месть, возвратилась, когда Василій узналъ, что Торжекъ, оставленный безъ войска, бунтуетъ, и что ревностный доброхотъ Великокняжескій, именемъ Максимъ, убитъ друзьями Новогородскаго Правительства. Тутъ онъ рѣшился неслыханною у насъ дотолѣ казнію устрашить мятежниковъ: велѣлъ Боярамъ снова итти съ полками въ Торжекъ, изыскать виновниковъ убійства и представить въ Москву. Привели семдесятъ человѣкъ. Народъ собрался на площади и былъ свидѣтелемъ зрѣлища ужаснаго. Осужденные на смерть, сіи преступники исходили кровію въ мукахъ: имъ медленно отсѣкали руки, ноги, и твердили, что такъ гибнутъ враги Государя Московскаго! . . . Василій еще не имѣлъ и двадцати лѣтъ отъ рожденія: дѣйствуя въ семъ случаѣ, равно какъ и въ другихъ, по совѣту Бояръ, онъ хотѣлъ страхомъ возвысить достоинство Великокняжеское, которое упало вмѣстѣ съ

г. 1393.

Государствомъ отъ разновластія. — Новогородцы съ своей стороны искали себѣ удовлетворенія въ разбояхъ: взяли Кличенъ, Устюжну; сожгли Устюгъ, Бѣлозерскъ, не щадя и святыхъ храмовъ, обдирая иконы и книги церковныя: пытали богатыхъ людей, чтобы узнать, гдѣ скрыты ихъ сокровища; плѣняли гражданъ, земледѣльцевъ, и наполнивъ добычею множество лодокъ, отправили все внизъ по Двинѣ. Два Князя предводительствовали сими хищниками: Романъ Литовскій и Константинъ Іоанновичь Бѣлозерскій, коего отецъ и дѣдъ пали въ славной Донской битвѣ (149). Сей юный Князь, не захотѣвъ быть подручникомъ Государя Московскаго, вступилъ въ службу Новагорода, его непріятеля. Но война не продолжилась; ибо Новогородцы, извѣдавъ твердый характеръ Василія, разочли, что лучше уступить ему требуемую имъ дань, нежели отказаться отъ купеческихъ связей съ Московскими владѣніями и подвергать опасностямъ свою торговлю Двинскую, которой онъ, господствуя надъ Устюгомъ и Бѣлымозеромъ, легко могъ препятствовать: обстоятельство всегда рѣшительное въ ихъ ссорахъ съ Великими Князьями. Надлежало удовольствовать и Митрополита, тѣмъ необходимѣе, что Патріархъ Константинопольскій, Антоній, взялъ его сторону и велѣлъ имъ сказать: «повинуйтеся во всемъ «Главѣ Церкви Россійской.» И такъ они прислали знатнѣйшихъ людей въ Москву умилостивить Государя смиренными извиненіями и вручить

Кипріану судную грамоту. Митропол
благословилъ ихъ, а Великій Князь отп
вилъ Бояръ въ Новгородъ для утверж
нія мира. Съ ними ѣздилъ и Посолъ М
трополитовъ, коему чиновники и нар
дали тамъ 350 рублей въ знакъ дру
любія.

Въ то время, когда юный Василій,
обрѣтеніями и строгостію утверждая с
могущество, съ радостію взиралъ изд
на внѣшнія и внутреннія опасности К
чакской ненавистной Орды, — въ то са
время онъ увидѣлъ новую тучу варваро
готовую истребить счастливое творе
Іоанна Калиты, Героя Донскаго и его с
ственное, то есть, вторично обратить Р
сію въ кровавое пепелище. Мы упомин
о Тамерланѣ, Тимурѣ или Темиръ-А
кѣ [150]: будучи сыномъ одного ничтож
го Князька въ Имперіи Чагатайскихъ М
головъ, и рожденный во дни ея паде
когда безначаліе, раздоры, властолю
Эмировъ предали оную въ жертву Х
Кашгарскому и Гетамъ или Калмыкам
онъ въ первомъ цвѣтѣ юности замысл
избавить отечество отъ неволи, — возс
новить величіе онаго, наконецъ покор
вселенную и громомъ славы жить въ па
ти вѣковъ. Вздумалъ и совершилъ. Яв
ніе сихъ исполиновъ въ мірѣ, безжалос
убивающихъ милліоны, ненасытимыхъ

Нашествіе Тамерлана.

требленіемъ, и разрушающихъ древнія зданія гражданскихъ обществъ для основанія новыхъ, ничѣмъ не лучшихъ, есть тайна Провидѣнія. Движимые внутреннимъ безпокойствомъ духа, они стремятся отъ труднаго къ труднѣйшему, губятъ людей и въ награду отъ нихъ требуютъ себѣ названія Великихъ. Первые подвиги Тамерлановы были достохвальны: подъ защитою горъ и пустынь собирая вѣрныхъ товарищей, пріучая ихъ и себя къ воинской доблести, неутомимо тревожа Гетовъ, онъ безчисленными успѣхами купилъ славу Героя. Враги побѣжденные удалились; Держава Чагатайская возвратила свою независимость. Но ему надлежало еще смирить враговъ внутреннихъ, Эмировъ властолюбивыхъ, и самаго бывшаго друга и главнаго сподвижника, Гуссеина: они погибли, и народный сеймъ единодушно возгласилъ Тимура, на тридцать-пятомъ году его жизни, Монархомъ Чагатайской Державы и Сагебъ-Керемомъ или *владыкою міра*. Сидя въ златомъ вѣнцѣ на престолѣ сына Чингисханова, опоясанный Царскимъ поясомъ, осыпанный, по Восточному обыкновенію, золотомъ и каменьями драгоцѣнными, Тимуръ клялся Эмирамъ, стоящимъ предъ нимъ на колѣнахъ, оправдать дѣлами свое новое достоинство и побѣдить всѣхъ Царей земли. Боясь казаться народу хищникомъ, сей лукавый властолюбецъ жаловалъ потомковъ Чингисовыхъ въ Великіе Ханы, держалъ ихъ при себѣ и повелѣвалъ будто бы только именемъ сихъ за-

конныхъ Государей Могольскихъ. Война сл
вала за войною, и каждая была завоевані
Въ 1352 году, за семь лѣтъ до его восшес
на престолъ Чагатайскій, укрываясь въ пу
няхъ отъ непріятелей, онъ не имѣлъ въ
ничего, кромѣ одного тощаго коня и дря
го вельблюда; а чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣл
Монархомъ двадцати - шести Державъ въ т
частяхъ міра. Овладѣвъ восточными бере
моря Каспійскаго, устремился на Персію,
древній Иранъ, гдѣ, между рѣками Оксо
Тигромъ, долго царствовалъ родъ Чингис
но тогда, вмѣсто Монарха, господствовали
гіе Князья слабые: одни смиренно облоб
ли коверъ Тимурова престола; другіе сража
и гибли. Богатый Ормусъ заплатилъ ему
золотомъ: Багдадъ, нѣкогда столица вели
Калифовъ, покорился. Уже вся Азія отъ
Аральскаго до Персидскаго залива, отъ Тиф
до Евфрата и пустынной Аравіи, признавал
мура своимъ повелителемъ, когда онъ, соб
Эмировъ, сказалъ имъ: «Друзья и сподвижн
«счастіе, благопріятствуя мнѣ, зоветъ нас
«новымъ побѣдамъ. Имя мое привело въ у
«вселенную; движеніемъ перста потрясаю
«лю. Царства Индіи намъ отверсты: сокр
«что дерзнетъ противиться, и буду влад
«оныхъ» ([151]). Эмиры изумились: цѣпи гор
сокихъ, глубокія рѣки, пустыни, огромные
ны и милліоны воинственныхъ жителей ус
шали ихъ воображеніе. Но Тимуръ, увѣре

въ своемъ счастіи, шелъ смѣло по слѣдамъ Героя Македонскаго въ сію цвѣтущую страну міра, гдѣ Исторія полагаетъ колыбель человѣческаго рода, и куда искони стремились завоеватели, отъ Вакха до Семирамиды, отъ Сезостриса до Александра Великаго; въ страну славнѣйшую древностію преданій, но менѣе другихъ извѣстную по лѣтописямъ. Тимуръ перешелъ Индъ, взялъ Дели (гдѣ уже болѣе трехъ вѣковъ властвовали Султаны Магометанской Вѣры) и на берегахъ Гангеса истребивъ множество Гебровъ огнепоклонниковъ, остановился у той славной скалы, которая, имѣя видъ телицы, извергаетъ изъ нѣдръ своихъ сію знаменитую въ баснословіи Востока рѣку. Тамъ свѣдалъ онъ о бунтѣ Христіанъ Грузинскихъ; о блестящихъ успѣхахъ Баязетова оружія, и возвратился; смирилъ первыхъ, не взирая на ихъ неприступныя горы, и не терпя равнаго себѣ въ воинской славѣ, хотѣлъ, чтобы Султанъ Турецкій удержалъ быстрое стремленіе своихъ завоеваній, которыя въ окрестностяхъ Евфрата сближались съ Могольскими. «Знай» — писалъ онъ къ Баязету (152) — «что мои воинства покрываютъ землю отъ одного моря до другаго; что Цари служатъ мнѣ «тѣлохранителями и стоятъ рядами предъ шатромъ моимъ; что судьба у меня въ рукахъ и «счастіе всегда со мною. Кто ты? муравей Туркоманскій: дерзнешь ли возстать на слона? «Если ты въ лѣсахъ Анатоліи одержалъ нѣсколько побѣдъ ничтожныхъ; если робкіе Евро-

«нейцы обратили тылъ предъ тобою: славь Ма-
«гомета, а не храбрость свою. . . . Внемли совѣ-
«ту благоразумія: останься въ предѣлахъ отече-
«скихъ, какъ они ни тѣсны; не выступай изъ
«оныхъ, или погибнешь.» Гордый Баязетъ от-
вѣтствовалъ равнодушно: «Давно желаю вое-
«вать съ тобою. Хвала Всевышнему: ты идешь
«на мечь мой!» Баязетъ имѣлъ время изгото-
виться къ сей войнѣ: ибо врагъ его, раздражен-
ный тогда Султаномъ Египетскимъ, устремился
къ Средиземному морю. Сирія, Египетъ, украша-
емые древнею славою и развалинами, казались
Тимуру завоеваніемъ лестнымъ. Разбивъ Маме-
люковъ подъ стѣнами Алепа, въ тотъ самый
часъ, когда свирѣпые Моголы лили кровь еди-
новѣрцевъ въ семъ городѣ, Тимуръ спокойно
бесѣдовалъ съ учеными мужами Алепскими и
краснорѣчиво доказывалъ имъ, что онъ другъ
Божій; что одни упрямые враги его будутъ от-
вѣтствовать Небу за претерпѣваемыя ими бѣд-
ствія. Сей хитрый лицемѣръ дѣйствительно при
всякомъ случаѣ изъявлялъ набожность, предъ
битвами обыкновенно совершалъ молитву на
колѣнахъ, за побѣды торжественно благодарилъ
Всевышняго, и на пути къ Дамаску, гдѣ надле-
жало ему сразиться съ войскомъ Египетскимъ,
остановилъ многочисленные полки свои, чтобы
въ глазахъ ихъ смиренно поклониться мнимому
гробу Ноеву, священному для Мусульмановъ.
Султанъ Египетскій, Фаручь, заключилъ въ тем-
ницу Пословъ Могольскихъ: Тимуръ писалъ къ

стяжанію: ибо человѣкъ можетъ насы-
ся въ день одною половиною хлѣба. Ты
улъ оскорбить меня: если бы камни гово-
могли, они научили бы тебя осторожно-
Побѣдивъ Фаруча, онъ съ ласкою уго-
въ шатрѣ своемъ ученаго Кади Веледдина,
аннаго жителями Дамаска умилостивить
говорилъ съ нимъ объ исторіи народовъ
сѣ происшествія міра, Востока и Запада,
овамъ современнаго Арабскаго Писателя,
ему извѣстны); хвалилъ Государей мило-
хъ, и такъ мало заботился о снисканіи сей
дѣтели, что оставилъ въ Дамаскѣ однѣ
пепла. Нигдѣ Татары не находили столько
ства, золота и всякихъ драгоцѣнностей,
въ семъ городѣ, гдѣ шесть вѣковъ цвѣла
вля. — Скоро рѣшилась и судьба Баязето-
трашные Янычары уступили превосход-
числу, мужеству или счастію Моголовъ.

[illegible] Султано [illegible] Императора Греческаго; [illegible] моря Каспійскаго и Средиземнаго [illegible] Гангеса. Тимуръ [illegible] въ Самарканде [illegible] [illegible] Гангеса лучшей [illegible] человѣческихъ. [illegible] свои побѣды на мѣстѣ [illegible], [illegible] [illegible] Дели, Багдада, Дамаска, Смирны [illegible]

Еще Тимуръ не совершилъ всѣхъ [illegible] [illegible] завоеваній, когда, оскорбленный [illegible] [illegible] дарностію Тохтамыша, онъ въ первый [illegible] приближился къ границамъ Россіи. Войско [illegible] шло отъ Самарканда и рѣки Сихона черезъ [illegible] кентъ, Яссы или Туркестанъ, за коими [illegible] чиналось владѣніе Капчакской Орды [illegible]

сіи ужасныя пустыни. Четыре мѣсяца шли Татары къ Сѣверу, питаясь наиболѣе мясомъ дикихъ козъ, сайгаковъ, птичьими яицами и травою. Звѣриная ловля представляла въ сихъ пустыняхъ зрѣлище шумной войны. Разсыпаясь на великомъ пространствѣ, Моголы составляли кругъ и гнали звѣрей прямо къ ставкѣ Императорской при звукѣ оружія и трубъ. Тимуръ выѣзжалъ на конѣ, и встрѣчая цѣлыя стада всякаго рода животныхъ, стрѣлялъ любыхъ; наконецъ, утомленный охотою, входилъ въ шатеръ свой обѣдать. Тогда воины бросались на звѣрей, убивали всѣхъ безъ остатка, разводили безчисленные огни и садились пировать до вечера. Скудный ручей или мутное озеро бывали для нихъ въ сихъ безводныхъ мѣстахъ самымъ счастливѣйшимъ открытіемъ. — Достигнувъ пятидесятаго Градуса Широты, между рѣками Эмбою и Тоболомъ, войско остановилось. Тимуръ въ богатой одеждѣ и въ Царскомъ вѣнцѣ сѣлъ на коня; имѣя въ рукѣ златую державу, объѣхалъ всѣ полки, и довольный ихъ исправностію, вооруженіемъ, бодрымъ духомъ, велѣлъ итти далѣе, къ берегамъ Урала. Тамъ показалась многочисленная рать Тохтамышева. Сей Ханъ презрѣлъ совѣтъ умныхъ Вельможъ, которые говорили ему, что страшно быть врагомъ счастливаго: ненавидя въ Тимурѣ хищника власти, принадлежащей потомкамъ Чингисхановымъ, онъ грозился свергнуть его съ трона. Ежедневныя сшибки передовыхъ отрядовъ за-

бина морская не скроетъ врага
й мести.» Тохтамышъ хотѣлъ
асположился станомъ на берегу
о Монархъ Чагатайскій былъ г. 1395.
бентѣ. Между Терекомъ и Ку-
ь нынѣшняго Екатеринограда,
славное въ Восточныхъ лѣто-
вопролитіе. Потомки Чингисха-
лись между собою въ ужасномъ
и злобы, и гибли тмами. Пра-
и средина войска Тамерланова
; но сей свирѣпый Герой, рож-
ь счастливымъ, умѣлъ твердо-
нуть побѣду изъ рукъ Тохта-
: окруженный врагами, изло-
свое, уже не имѣя ни одной
колчанѣ, хладнокровно давалъ
овелѣніе сломить густыя толпы
кія. Стрѣлки его, чтобы остать-
жными, цѣлыми рядами броса-
ѣна, и лѣвое крыло шло впе-
Ханъ Золотой Орды могъ бы
иліемъ рѣшить битву въ свою
прежде времени ослабѣвъ ду-
илъ. Тамерланъ гнался за нимъ
дѣ, объявивъ Койричака Агле-
Урусова, Властителемъ Орды
, надѣлъ на него вѣнецъ Цар-

л, нанесенные Моголами Мого-
рили силы Волжскихъ и должен-

ствовали веселить Россіянъ мыслію о близкой счастливой свободѣ отечества. Надѣялись, что Тамерланъ, сокрушивъ непріятеля, вторично отступитъ къ границамъ своей Имперіи, и что внутреннія междоусобія Орды Капчакской довершатъ ея гибель. Но грозный завоеватель Востока въ слѣдъ за бѣгущимъ Тохтамышемъ устремился къ Сѣверу; перешелъ Волгу, степи Саратовскія, и вступивъ въ наши юго-восточные предѣлы, взялъ Елецъ, гдѣ господствовалъ Князь Ѳеодоръ, отрасль Карачевскихъ Владѣтелей и данникъ Олега Рязанскаго ([154]). Вѣсть о нашествіи сего новаго Батыя привела въ ужасъ всю Россію. Ожидали такого же общаго разрушенія, какое за 160 лѣтъ передъ тѣмъ было жребіемъ Государства нашего; разсказывали другъ другу о чудесныхъ завоеваніяхъ, о свирѣпости и несмѣтныхъ полкахъ Тамерлановыхъ; молились въ церквахъ и готовились къ Христіанской смерти, безъ надежды отразить силу силою. Но Великій Князь бодрствовалъ въ Совѣтѣ Бояръ мудрыхъ, и въ сіе рѣшительное время явилъ себя достойнымъ сыномъ Димитрія: не устрашился ни славы Тамерлана, ни четырехъ сотъ тысячь Моголовъ, которые, по слуху, шли подъ его знаменами; велѣлъ немедленно собираться войску и самъ принялъ начальство, въ первый разъ украсивъ юношеское чело свое шлемомъ браннымъ и напомнивъ Москвитянамъ тѣ незабвенныя дни, когда Герой Донскій ополчался на Мамая. Уже многіе изъ Воеводъ Дими-

тріевыхъ скончали жизнь; другіе, служивъ отцу, хотѣли служить и сыну; старцы сѣли на коней и явились предъ полками въ доспѣхахъ, обагренныхъ кровію Татарскою на Куликовѣ полѣ. Народъ ободрился: войско шло охотно, тѣмъ же путемъ, которымъ велъ оное Донскій противъ Мамая, и Великій Князь, поручивъ Москву дядѣ своему, Владиміру Андреевичу, сталъ за Коломною на берегу Оки, ежедневно готовый встрѣтить непріятеля.

Между тѣмъ всѣ церкви Московскія были отверсты съ утра до глубокой ночи. Народъ лилъ слезы предъ олтарями и постился. Митрополитъ училъ его и Вельможъ Христіанскимъ добродѣтелямъ, торжествующимъ въ бѣдствіяхъ. Но слабые трепетали. Желая успокоить гражданъ любезной ему столицы, Великій Князь писалъ къ Митрополиту изъ Коломны, чтобы онъ послалъ въ Владиміръ за иконою Дѣвы Маріи, съ коею Андрей Боголюбскій переѣхалъ туда изъ Вышегорода и побѣдилъ Болгаровъ. Сіе достопамятное пренесеніе славнаго въ Россіи Образа изъ древней въ ея новую столицу было зрѣлищемъ умилительнымъ: безчисленное множество людей на обѣихъ сторонахъ дороги преклоняло колѣна, съ усердіемъ и слезами взывая: *Матерь Божія! спаси землю Русскую!* Жители Владимірскіе провождали икону съ

Славная икона Владимірская.

горестію: Московскіе приняли съ восхищеніемъ, какъ залогъ мира и благоденствія. Митрополитъ Кипріанъ, Епископы и все Духовенство въ ризахъ служебныхъ, съ крестами и кадилами; за ними Владиміръ Андреевичь Храбрый, семейство Великокняжеское, Бояре и народъ встрѣтили святыню внѣ града на *Кучковѣ полѣ*, гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій; увидѣвъ оную вдали, пали ницъ, и въ радостномъ предчувствіи уже *благодарили* Небо ([155]). Поставили Образъ въ Соборномъ храмѣ Успенія и спокойнѣе ждали вѣстей отъ Великаго Князя.

Тамерланъ, плѣнивъ Владѣтеля Елецкаго со всѣми его Боярами, двинулся къ верховью Дона и шелъ берегами сей рѣки, опустошая селенія. Знаменитый Персидскій Историкъ сего времени, Шерефеддинъ, любя хвалить добродѣтели своего Героя, признается, что Тамерланъ, подобно Батыю, усыпалъ трупами поля въ Россіи, убивая не воиновъ, а только людей безоружныхъ. Казалось, что онъ хотѣлъ итти къ Москвѣ; но вдругъ остановился, и цѣлыя двѣ недѣли бывъ неподвиженъ, обратилъ свои знамена къ Югу и вышелъ изъ Россійскихъ владѣній. Безъ сомнѣнія не одно смѣлое, великодушное ополченіе Князя Московскаго произвело сіе удивительное для современниковъ дѣйствіе: над-

Августа 26.

лежитъ искать и другихъ причинъ вѣроятныхъ. Хотя Историки Восточные повѣствуютъ, что Моголы Чагатайскіе обогатились у насъ несмѣтною добычею, и навьючили вельблюдовъ слитками золота, серебра, мѣхами драгоцѣнными, кусками *тонкаго полотна Антіохійскаго* и *Русскаго* ([156]); однакожь вѣроятнѣе, что сокровища, найденныя ими въ Ельцѣ и въ нѣкоторыхъ городкахъ Рязанскихъ, не удовлетворяли ихъ корыстолюбію и не могли наградить за труды похода въ землѣ сѣверной, большею частію лѣсистой, скудной паствами и въ особенности тѣми изящными произведеніями человѣческаго ремесла, коихъ употребленіе и цѣну свѣдали Татары въ образованныхъ странахъ Азіи. Наступала дождливая осень: съ людьми обыкшими кочевать въ мѣстахъ плодоносныхъ и теплыхъ благоразумно ли было итти далѣе къ Сѣверу, чтобы встрѣтить зиму со всѣми ея жестокостями? И путь къ Москвѣ надлежало еще открыть битвою съ войскомъ довольно многочисленнымъ, которое умѣло побѣдить Мамая. Завоеваніе Индіи, Сиріи, Египта, богатыхъ Природою и торговлею, славныхъ въ Исторіи міра, плѣняло воображеніе Тамерлана: Россія, къ счастію, не имѣла для него сей прелести. Онъ спѣшилъ удалиться отъ непогодъ осеннихъ, и по теченію Дона спустился къ его устью.

Сія вѣсть радостно изумила наше войско. Никто не думалъ гнаться за врагомъ, который, еще не видавъ знаменъ Великаго Князя, не слы-

хавъ звука воинскихъ трубъ его, какъ бы въ смятеніи бѣжалъ къ Азову. Юный Государь могъ бы приписать спасеніе отечества великодушной своей твердости, но вмѣстѣ съ народомъ приписалъ оное силѣ сверхъестественной, и возвратясь въ Москву, соорудилъ каменный храмъ Богоматери съ монастыремъ на древнемъ *Кучковѣ полѣ* (157): ибо, какъ пишутъ современники, Тамерланъ отступилъ въ самый тотъ день и часъ, когда жители Московскіе на семъ мѣстѣ встрѣтили Владимірскую икону. Оттолѣ Церковь наша торжествуетъ праздникъ Срѣтенія Богоматери 26 Августа, въ память вѣкамъ, что единственно особенная милость Небесная спасла тогда Россію отъ ужаснѣйшаго изъ всѣхъ завоевателей.

Бѣдствіе Азова.

Что Тамерланъ готовилъ Москвѣ, то испыталъ несчастный Азовъ, богатый товарами Востока и Запада. Многочисленное Посольство, составленное изъ купцевъ Египетскихъ, Венеціянскихъ, Генуэзскихъ, Каталонскихъ и Бискайскихъ, встрѣтило Монарха Чагатайскаго на берегу Дона съ дарами и ласками. Онъ успокоилъ ихъ на словахъ, и въ тоже время велѣвъ одному изъ Эмировъ осмотрѣть городскія укрѣпленія, внезапно приступилъ къ онымъ. Азовъ и богатства его исчезли. Ограбивъ лавки и домы, умертвивъ или оковавъ цѣ-

пами всѣхъ тамошнихъ Христіанъ, которые не успѣли спастися бѣгствомъ на суда, Моголы обратили городъ въ пепелъ ([158]). — Завоевавъ землю Черкесскую и Ясскую, взявъ самыя неприступныя крѣпости въ Грузіи, Тамерланъ у подошвы Кавказа далъ праздникъ войску. Въ огромномъ шатрѣ, окруженномъ блестящими столпами, среди Вельможъ и Полководцевъ, онъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ, украшенномъ драгоцѣнными каменьями, и при звукѣ шумныхъ мусикійскихъ орудій пилъ Грузинское вино, желая здравія и дальнѣйшихъ побѣдъ своимъ неутомимымъ сподвижникамъ. Увѣдомленный о непокорствѣ жителей Астраханскихъ, Тамерланъ, презирая холодъ зимній и глубокій снѣгъ, пошелъ къ сему городу, укрѣпленному, сверхъ каменныхъ, *ледяными стѣнами;* срылъ его до основанія; разрушилъ огнемъ и столицу Ханскую, Сарай; наконецъ удалился къ границамъ своей Имперіи, предавъ, какъ онъ сказалъ, Державу Батыеву *губительному вѣтру истребленія.* Орда Капчакская находилась тогда въ жалостномъ состояніи: утративъ безчисленное множество людей въ битвахъ съ Моголами Чагатайскими, она была еще ѳеатромъ кровопролитныхъ междоусобій. Три Хана спорили о господствѣ надъ нею: Тохтамышъ, Койричакъ и Тимуръ Кутлукъ ([159]). Сей послѣдній, будучи также рода Батыева, и служивъ Тамерлану, въ противность его волѣ остался въ степяхъ Кап-

чакскихъ, набиралъ войско и величалъ себя истиннымъ Царемъ Ординскимъ.

Дѣла Литовскія.

Сіи происшествія, благопріятныя для Россіи, успокоивъ Великаго Князя въ разсужденіи Моголовъ, позволили ему обратить вниманіе на Литву, которою нѣсколько лѣтъ управлялъ Скиригайло, Намѣстникъ своего брата, Короля Польскаго. Но съ 1392 года тамъ уже властвовалъ независимо тесть Василіевъ, Витовтъ Александръ, въ слѣдствіе мира и договора съ Королемъ Ягайломъ, уступившимъ ему и Волынію съ Брестомъ. Одаренный отъ природы умомъ хитрымъ, Витовтъ пылалъ властолюбіемъ, и принявъ отъ Нѣмцевъ Вѣру Христіанскую, сохранилъ въ душѣ всю жестокость язычника (160); не только, подобно другимъ завоевателямъ, равнодушно жертвовалъ въ битвахъ безчисленнымъ множествомъ людей для пріобрѣтенія новыхъ земель, но смѣло нарушалъ и всѣ святѣйшіе уставы нравственности: игралъ клятвами, измѣнялъ; безжалостно лилъ кровь своихъ ближнихъ; умертвилъ трехъ сыновей Ольгердовыхъ: Вигунта Кревскаго отравилъ ядомъ; Наримана повѣсилъ на деревѣ и разстрѣлялъ; Коригайлу отсѣкъ голову. Въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ господствовалъ ихъ братъ, Корибутъ: Витовтъ плѣнилъ его, и выгнавъ Владиміра Ольгердовича изъ Кіева, отдалъ нашу древнюю сто-

лицу Скиригайлу, который, подобно Владиміру, исповѣдывалъ Вѣру Греческую, былъ щедръ къ народу, но свирѣпъ нравомъ, любилъ вино до крайности и жилъ не долго. Единственно ли по личной ненависти, или чтобы угодить коварному Витовту, желавшему взять себѣ Кіевъ, Архимандритъ монастыря Печерскаго зазвалъ Скиригайла въ гости, напоилъ, и далъ ему отраву, столь явно, что весь городъ зналъ причину его смерти ([161]). Народъ жалѣлъ объ немъ: слѣдственно не имѣлъ участія въ злодѣйствѣ; а Витовтъ, прославъ туда Князя Іоанна Ольшанскаго въ качествѣ своего Намѣстника, не думалъ о наказаніи сего злодѣйства, и тѣмъ какъ бы объявилъ себя тайнымъ совиновникомъ онаго. Скоро присоединилъ онъ къ Литовской Державѣ и всю Подолію, гдѣ княжилъ внукъ Ѳеодора Коріатовича, именемъ также Ѳеодоръ, присяжникъ Ягайловъ ([162]). Слабый Король Польскій не дерзалъ ни въ чемъ противиться мужественному, рѣшительному сыну Кестутіеву, и даже предавалъ ему единокровныхъ братьевъ. Вдовствующая супруга Ольгердова, Іуліанія, скончала дни свои въ Витебскѣ, и меньшій сынъ ея, Свидригайло, занявъ сей городъ силою, велѣлъ тамошняго Намѣстника Королевскаго сбросить съ высокой стѣны: оскорбленный тѣмъ Ягайло молилъ Витовта о мести. Она совершилась, но только въ пользу Государя Литовскаго, который, завоевавъ Друцкъ, Оршу и Витебскъ *съ помощію огнестрѣльнаго снаряда*, отправилъ къ

Королю плѣненнаго имъ Свидригайла, а владѣніе его взялъ себѣ. Кромѣ Литвы, господствуя въ лучшихъ областяхъ древней Россіи, Витовтъ хотѣлъ похитить и самый остатокъ ея достоянія.

Князь Смоленскій, Юрій Святославичь, шуринъ сего Князя, служилъ ему при осадѣ Витебска, какъ данникъ Литвы (163); но Витовтъ, желая совершенно покорить сіе Княженіе, собралъ войско многочисленное, и распустивъ слухъ, что идетъ на Тамерлана, вдругъ явился подъ стѣнами Смоленска, гдѣ Юрьевы братья ссорились другъ съ другомъ объ Удѣлахъ; самъ Юрій находился тогда въ Рязани у тестя своего, Олега. Глѣбъ Святославичь, старшій изъ братьевъ, пріѣхалъ съ Боярами въ станъ Литовскій: Витовтъ, обласкавъ его какъ друга, сказалъ, что слыша о раздорѣ Князей Смоленскихъ, желаетъ быть посредникомъ между ими и за каждымъ утвердить наслѣдственную собственность. Легковѣрные Святославичи спѣшили къ нему съ дарами, провождаемые всѣми знатнѣйшими Боярами, такъ что въ крѣпости не оставалось ни одного Воеводы, ни стражи. Ворота городскія были отворены; народъ, въ слѣдъ за Князьями, стремился толпами видѣть Героя Литовскаго, готоваго бороться съ великимъ Тамерланомъ. Но какъ скоро несчастные Князья вступили въ шатеръ Витовтовъ, сей коварный объявилъ ихъ своими плѣнниками; велѣлъ зажечь предмѣстіе, *и въ* ту же минуту устремился на городъ. Никто

не противился : Литовцы грабили, плѣняли жителей, и взявъ крѣпость, провозгласили Витовта Государемъ сей области Россійской. Народъ былъ въ изумленіи ([164]). Отправивъ Князей Смоленскихъ въ Литву, а Глѣбу Святославичу давъ въ Удѣлъ мѣстечко Полонное, Витовтъ старался утвердить за собою столь важное пріобрѣтеніе : жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Смоленскѣ; поручилъ его Намѣстнику, Князю Литовскому Ямонту, и чиновнику Василью Борейкову; тревожилъ легкими отрядами землю Рязанскую и дружески пересылался съ Великимъ Княземъ.

Взятіе Смоленска.

Нѣтъ сомнѣнія, что Василій Димитріевичь съ прискорбіемъ видѣлъ сіе новое похищеніе Россійскаго достоянія, и не могъ быть ослѣпленъ ласками тестя; но ему казалось благоразумнѣе соблюсти до времени пріязнь его и цѣлость хотя Московскаго Княжества, нежели подвергнуть гибели сію единственную надежду отечества, войною съ Государемъ сильнымъ, мужественнымъ, алчнымъ ко славѣ и къ пріобрѣтеніямъ. Василій осторожный, разсмотрительный, имѣлъ отважность, но только въ случаѣ необходимости, когда слабость и нерѣшительность ведутъ къ явному бѣдствію; онъ сразился бы съ Тамерланомъ, сокрушителемъ Имперій : но съ Витовтомъ еще можно было хитрить, и

г. 1396. Свиданіе Вел. Князя съ Витовтомъ.

Великій Князь самъ поѣхалъ къ нему въ Смоленскъ, гдѣ, среди веселыхъ пировъ наружнаго дружелюбія, они утвердили границы своихъ владѣній. Въ сіе время уже почти вся древняя земля Вятичей (нынѣшняя Орловская Губернія съ частію Калужской и Тульской) принадлежала Литвѣ: Карачевъ, Мценскъ, Бѣлевъ, съ другими удѣльными городами Князей Черниговскихъ, потомковъ Святаго Михаила, которые волею и неволею поддалися Витовту [165]. Захвативъ Ржевъ и Великія Луки, властвуя отъ границъ Псковскихъ съ одной стороны до Галиціи и Молдавіи, а съ другой до береговъ Оки, до Курска, Сулы и Днѣпра, сынъ Кестутіевъ былъ Монархомъ всей южной Россіи, оставляя Василію бѣдный Сѣверъ, такъ, что Можайскъ, Боровскъ, Калуга, Алексинъ, уже граничили съ Литовскимъ владѣніемъ. — Дѣла Ординскія были также предметомъ совѣщанія сихъ двухъ Государей, изъ коихъ одинъ мыслилъ только избавиться отъ ига, а другой возложить оное на самихъ Хановъ, или столь обезсилить ихъ, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не могли быть опасны для его областей полуденныхъ. — Вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ находился въ Смоленскѣ Митрополитъ Кипріанъ, ходатайствуя за пользу нашей Церкви или собственную. Давъ слово не притѣснять

Россія Литовская.

Вѣры Греческой, Витовтъ оставилъ Кипріана Главою Духовенства въ подвластной ему Россіи, и Митрополитъ, поѣхавъ въ Кіевъ, жилъ тамъ 18 мѣсяцевъ (166).

Вѣроятно, что Великій Князь взялъ обѣщаніе съ тестя своего не безпокоить и предѣловъ Рязанскихъ; по крайней мѣрѣ, свѣдавъ, что Олегъ самъ вошелъ въ Литовскія границы и началъ осаду Любутска (близъ Калуги), Василій послалъ туда Боярина, представить ему, сколь безразсудно оскорблять сильнаго. Олегъ возвратился; но Витовтъ уже хотѣлъ мести: вступилъ въ его землю (167); истребилъ множество людей; заставивъ Олега укрыться въ лѣсахъ, вышелъ съ добычею и плѣномъ. Сіе дѣйствіе не нарушило добраго согласія между имъ и Василіемъ Димитріевичемъ. Обагренный кровію бѣдныхъ Рязанцевъ, онъ заѣхалъ въ Коломну видѣться съ Великимъ Княземъ и весело праздновалъ тамъ нѣсколько дней, осыпаемый ласками и дарами.

Дѣла Новогородскія.

Непосредственнымъ, явнымъ слѣдствіемъ сего вторичнаго свиданія было общее ихъ Посольство къ Новогородцамъ съ требованіемъ, чтобы они прервали дружескую связь съ Нѣмцами, врагами Литвы. Витовтъ съ неудовольствіемъ видѣлъ также, что сынъ убитаго имъ Нариманта Ольгердовича, Патрикій, и Князь Смоленскій,

Василій Іоанновичь, нашли въ Новѣгородѣ убѣжище отъ его насилія; а Великій Князь могъ досадовать на чиновниковъ Новогородскихъ за то, что они въ противность договору, опять не хотѣли зависѣть въ судныхъ дѣлахъ отъ Митрополита. Кипріанъ, вторично бывъ у нихъ въ 1395 году вмѣстѣ съ Посломъ Константинопольскаго Патріарха, безполезно доказывалъ имъ, сколь такое нарушеніе обѣта несогласно съ доброю совѣстію и съ честію. Впрочемъ, смягченный дарами жителей, выѣхалъ оттуда мирно, благословивъ Архіепископа и народъ (168). Имѣлъ ли Василій Димитріевичь какую нибудь досаду на Ливонскихъ Нѣмцевъ, требуя отъ Новагорода разрыва съ ними, или желалъ сего единственно въ угодность тестю, неизвѣстно: вѣроятнѣе, что онъ только искалъ предлога для исполненія своихъ замысловъ, которые обнаружились въ послѣдствіи. Новогородцы съ удивленіемъ выслушали Посольство Московское и Витовтово. Бывъ семъ лѣтъ въ враждѣ съ Нѣмцами по дѣламъ купеческимъ, они въ 1391 году примирились торжественно на общемъ съѣздѣ въ Изборскѣ, гдѣ находились Депутаты Любека, Готландіи, Риги, Дерпта, Ревеля; обоюдно чувствуя нужду въ свободной торговлѣ, условились предать вѣчному забвенію взаимныя обиды, и Нѣмцы, пріѣхавъ въ Новгородъ, возстановили тамъ свою контору, церковь и дворы (169). Сія торговля процвѣтала тогда болѣе, нежели когда нибудь; изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Гер-

маніи купцы ежегодно являлись на берегахъ Волхова со всѣми ремесленными произведеніями Европы; и Новогородцы, ни мало не расположенные исполнить волю Государя Московскаго, еще менѣе Витовтову, отвѣтствовали: «Господинъ Князь «Великій! у насъ съ тобою миръ, съ Витовтомъ миръ и съ Нѣмцами миръ;» не хотѣли слушать угрозъ, но съ честію отпустили Пословъ назадъ.

Великій Князь — чаятельно, предвидѣвъ сей отказъ — немедленно *объявилъ гнѣвъ*, то есть войну Новугороду, и спѣшилъ воспользоваться ея правомъ. Земля Двинская издавна имѣла богатую торговлю, получая такъ называемое серебро *Закамское* и лучшіе мѣха съ границъ Сибири; славилась и другими выгодными промыслами, въ особенности птицеловствомъ, для коего Великіе Князья, въ силу договоровъ съ Новымгородомъ, ежегодно отправляли туда *сокольниковъ*, предписывая въ грамотахъ земскому начальству давать имъ подводы и кормъ (170). Еще Іоаннъ Калита замышлялъ овладѣть совершенно Двинскою землею: правнукъ его желалъ исполнить сіе намѣреніе, и сдѣлалъ то безъ всякаго кровопролитія. Не рѣдко утѣсняемые Новогородскимъ корыстолюбивымъ Правительствомъ, Двиняне дружелюбно встрѣтили рать Московскую, охотно поддалися г. 1397.

Василію Димитріевичу, и приняли отъ него Намѣстника, Князя Ѳеодора Ростовскаго. Самые Воеводы Новогородскіе, тамъ бывшіе, въ слѣдствіе тайныхъ сношеній съ Москвою, объявили себя вѣрными слугами Великаго Князя, который въ сіе время занялъ Торжекъ, Волокъ Ламскій, Бѣжецкій Верхъ и Вологду. Новогородцы ужаснулись: вмѣстѣ съ Заволочьемъ они лишались способа не только имѣть изъ первыхъ рукъ важныя произведенія климатовъ Сибирскихъ, но и выгодно торговать съ Нѣмцами, которые всего болѣе искали у нихъ мѣховъ драгоцѣнныхъ. Архіепископъ Новогородскій Іоаннъ, Посадникъ Богданъ и знаменитѣйшіе чиновники спѣшили въ Москву; но Великій Князь, лично оказавъ имъ ласку, не хотѣлъ слышать о возвращеніи Двинской земли.

г. 1398. Тогда отчаяніе пробудило воинственный духъ въ Новогородцахъ. Они собралися на Вѣче и требовали благословенія отъ Архіепископа, сказавъ ему: «Когда Великій «Князь измѣною и насиліемъ беретъ достояніе Святыя Софіи и Великаго Новагорода, мы готовы умереть за правду и за «нашего *Господина*, *за Великій Новгородъ*.» Архіепископъ благословилъ ихъ, и всѣ граждане дали клятву быть единодушными. Посадникъ Тимоѳей Юрьевичь, предводительствуя осмью тысячами воиновъ, обра-

тилъ въ пепелъ *старый* Бѣлозерскъ, а жители *новаго* откупились шестидесятью рублями. Князья Бѣлозерскіе и воеводы Московскіе, тамъ бывшіе, пріѣхали въ станъ Новогородскій съ изъявленіемъ покорности. Разоривъ богатыя волости Кубенскія близъ Вологды, Новогородцы три недѣли безъ успѣха осаждали Гледенъ, сожгли посады Устюга, даже Соборную въ немъ церковь, и взявъ тамъ славную чудотворную икону Богоматери, въ насмѣшку именовали ее своею плѣнницею (171). Войско ихъ раздѣлилось: 3000 пошли къ Галичу грабить и плѣнять людей; 5000, вступивъ въ Двинскую землю, осадили крѣпость Орлецъ, гдѣ заключился Намѣстникъ Великокняжескій съ Двинскими Новогородскими Воеводами, которые передались къ Государю Московскому. Нападали и оборонялись съ равнымъ усиліемъ близъ мѣсяца; наконецъ осажденные принуждены были сдаться: чѣмъ рѣшилась судьба всѣхъ Двинскихъ областей. Посадникъ Тимоѳей Юрьевичь въ одной рукѣ держалъ мечь казни для измѣнниковъ, въ другой милостивую грамоту для жителей, готовыхъ раскаяться въ винѣ своей: толпами стекаясь къ его знаменамъ, они смиренно *били челомъ*, въ надеждѣ на милосердіе Великаго Новагорода. Посадникъ оковалъ цѣпями главнаго Двинскаго Воеводу, Новогородскаго Боярина Іоанна съ братьями, Айфаломъ, Герасимомъ и Родіономъ; Великокняжескаго Намѣстника, Ѳеодора Ростовскаго, отнявъ у него казну, отпустилъ къ Госу-

дарю со всѣми людьми воинскими; обложилъ Московскихъ купцевъ тремя стами рублей, а Двинскихъ жителей двумя тысячами; взялъ у нихъ еще 3000 коней, и возвратился съ торжествомъ въ Новгородъ. Окованные измѣнники были представлены народу: Іоанна скинули съ моста въ Волховъ; братья его, Герасимъ и Родіонъ, постриглись въ Монахи, съ дозволенія Архіепископа и гражданъ; Айфалъ ушелъ съ дороги. — Зная мѣру силъ своихъ, и ни мало не ослѣпленные удачею мести, Новогородцы предложили миръ Великому Князю. Посадникъ Іосифъ и Тысячскій явились во дворцѣ его съ дарами и съ видомъ хитраго смиренія; не могли обольстить Государя проницательнаго, но успѣли во всемъ: ибо Василій зналъ, что Новогородцы въ то же время имѣли сношенія съ Витовтомъ, предлагая ему на нѣкоторыхъ условіяхъ быть ихъ Главою и покровителемъ ([172]). Великій Князь не сомнѣвался, что они могли дѣйствительно, въ случаѣ крайности, приступить къ Литвѣ, и скрывъ внутреннюю досаду, отказался отъ Двинской земли, Вологды и другихъ владѣній Новогородскихъ; далъ имъ миръ и послалъ брата своего, Андрея, для исполненія всѣхъ условій онаго. Тогда Витовтъ, считая себя осмѣяннымъ, немедленно отослалъ къ Новогородцамъ мирный дого-

г. 1399.

воръ, заключенный съ ними въ самый первый годъ восшествія его на престолъ Литовскій. Они также возвратили ему дружественную грамоту: что было объявленіемъ войны и называлось посылкою *разметныхъ грамотъ*. Но Витовтъ отсрочилъ сію войну, занимаясь приготовленіями къ другой, важнѣйшей.

Происшествія въ Ордѣ.

Тохтамышъ, по отшествіи Тамерлана, собралъ новыя силы: еще большая часть Орды признавала его своимъ Ханомъ. Онъ вступилъ въ Сарай, отправилъ Посольства къ Державамъ сосѣдственнымъ и называлъ себя единственнымъ повелителемъ Батыевыхъ Улусовъ (173). Но Тимуръ Кутлукъ или, по нашимъ лѣтописямъ, Темиръ Кутлуй — напалъ на него внезапно, побѣдилъ, и взялъ Сарай. Тохтамышъ съ своими Царицами, съ двумя сыновьями, съ казною и съ Дворомъ многочисленнымъ бѣжалъ въ Кіевъ, искать защиты сильнаго Витовта, который съ удовольствіемъ объявилъ себя покровителемъ столь знаменитаго изгнанника, гордо обѣщая возвратить ему Царство. Уже Витовтъ отвѣдалъ счастія противъ Моголовъ, и въ окрестностяхъ Азова плѣнивъ цѣлый Улусъ, населилъ ими разныя деревни близъ Вильны, гдѣ потомство ихъ живетъ и донынѣ (174). Онъ утѣшался мыслію слыть побѣдителемъ народа, коего ужасалась Азія и Европа, —

Замыслы Ви-

товта. располагать трономъ Батыевымъ, открыть себѣ путь на Востокъ и сокрушить самого Тамерлана. Готовя ударъ рѣшительный, Герой Литовскій желалъ, какъ вѣроятно, склонить и Великаго Князя къ содѣйствію: по крайней мѣрѣ въ сіе время пріѣзжалъ отъ него Посолъ въ Москву, Князь Ямонтъ, Намѣстникъ Смоленскій. Ничто не могло быть для Россіи благопріятнѣе войны между двумя народами, ей равно ненавистными: надлежало ли способствовать перевѣсу того или другаго? Ханы Ординскіе требовали отъ насъ дани: Литовцы совершеннаго подданства. Великое Княжество Московское, отсылая серебро въ Улусы, еще гордилось независимостію въ сравненіи съ бывшими Княжествами Днѣпровскими, и благоразумный Василій Димитріевичь, не смотря на мнимую дружбу тестя, зналъ, что онъ, захвативъ Смоленскую область, готовъ взять и Москву. И такъ, вмѣсто полковъ Великій Князь отправилъ въ Смоленскъ, гдѣ находился Витовтъ, супругу свою съ Боярами и привѣтливыми словами. Лукавый отецъ ея не уступалъ въ ласкахъ зятю; великолѣпно угостилъ дочь, нашихъ Бояръ, и въ знакъ родительской нѣжности далъ ей множество иконъ съ памятниками Страстей Господнихъ, выписанными изъ Греціи однимъ Княземъ Смоленскимъ ([175]).

Не хотѣвъ участвовать въ замышляемой

борьбѣ Литвы съ Моголами, Василій въ то же время не устрашился самъ поднять на нихъ мечь, чтобы отмстить имъ за разореніе Нижняго Новагорода, о коемъ мы выше упоминали. Онъ послалъ брата своего, Князя Юрія Димитріевича, въ Казанскую Болгарію съ сильнымъ войскомъ, которое взяло ея столицу (и нынѣ извѣстную подъ именемъ *Болгаровъ)*, Жукотинъ, Казань, Кременчугъ [176]; три мѣсяца опустошало сію торговую землю и возвратилось съ богатою добычею. Лѣтописцы говорятъ, что никогда еще полки Россійскіе не ходили столь далеко въ Ханскія владѣнія, и Василій Димитріевичь слылъ съ того времени *Завоевателемъ Болгаріи*; но время истинныхъ, прочныхъ завоеваній для Россіи еще не наступило.

Наша завоеванія въ Болгаріи.

Можетъ быть, хитрый Великій Князь въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ Витовтомъ представлялъ ему сей счастливый походъ какъ дѣйствіе союза, заключеннаго ими противъ Моголовъ, но Государь Литовскій, не менѣе хитрый, видѣлъ въ зятѣ тайнаго, опаснаго врага, который только до случая оставлялъ его спокойно владѣть наслѣдіемъ Ярославова потомства. Безопасность Литовскихъ пріобрѣтеній въ Россіи требовала гибели Княженія Московскаго, уже сильнаго; и Витовтъ, обѣщаясь возстановить власть Тохтамыша надъ Зо-

лотою Ордою, Заяицкою, Болгаріею, Тавридою и Азовомъ, именно поставилъ въ условіе, какъ увѣряютъ наши Лѣтописцы, чтобы сей Ханъ отдалъ Москву Литвѣ ([177]).

Война Витовтова съ Моголами.

Долго Витовтъ готовился къ важному походу, собирая войско въ Кіевѣ. Тщетно Польская Королева Ядвига, хваляся проницаніемъ будущаго, предсказывала ему бѣдствіе ([178]): слабый Ягайло далъ брату знатнѣйшихъ Воеводъ своихъ: Спитка Краковскаго, Сандивогія Остророгскаго, Доброгостія Самотульскаго, Іоанна Мазовскаго и другихъ съ отборными ратниками. Знамена Литовскія развѣвались предъ самыми стѣнами Кіева, украшенныя трофеями побѣдъ Гедимина, Ольгерда и Кестутія. Дружины нашихъ Князей, данниковъ Витовта, стояли въ рядахъ съ Литовцами, Жмудью, Волохами, а Моголы Тохтамышевы полкомъ особеннымъ, равно какъ и 500 богато-вооруженныхъ Нѣмцевъ, присланныхъ Великимъ Магистромъ Прусскаго Ордена. Пятдесятъ Князей, Россійскихъ и Литовскихъ, подъ верховнымъ начальствомъ Витовта предводительствовали ратію, многочисленною и бодрою.

Въ сіе время явился Посолъ Тимура Кутлука. Именемъ своего Хана онъ говорилъ Князю Литовскому: «Выдай мнѣ Тохтамы-«мыша, врага моего, нѣкогда Царя вели-«каго, нынѣ бѣглеца презрѣннаго: такъ

«непостоянна судьба жизни!» Витовтъ сказалъ (179): «иду видѣться съ Тимуромъ» — и пошелъ къ Югу тѣмъ самымъ путемъ, коимъ нѣкогда ходилъ Мономахъ разить дикихъ Половцевъ. За рѣками Сулою и Хороломъ, на берегахъ Ворсклы стоялъ Тимуръ Кутлукъ съ Моголами, болѣе желая мира, нежели битвы. «Почто идешь на «меня?» велѣлъ онъ сказать Витовту: «я «не вступалъ никогда въ землю твою съ «оружіемъ.» Князь Литовскій отвѣтствовалъ: «Богъ готовитъ мнѣ владычество «надъ всѣми землями. Будь моимъ сыномъ «и данникомъ, или будешь рабомъ.» Тимуръ неотступно предлагалъ миръ; признавалъ Витовта *старѣйшимъ*; соглашался даже, по словамъ нашихъ Лѣтописцевъ, платить ему ежегодно нѣкоторое количество серебра. Гордый Князь Литовскій, подражая хвастовству Восточному (180), хотѣлъ еще, чтобы Моголы изображали на своихъ деньгахъ знаменіе или печать его: въ такомъ случаѣ обѣщалъ не помогать Тохтамышу. Ханъ требовалъ срока на три дни, и между тѣмъ дарилъ, чествовалъ, ласкалъ Витовта Посольствами. Сіе удивительное смиреніе было, кажется, одною хитростію, чтобы продлить время и соединиться съ остальными полками Татарскими.

Все перемѣнилось, когда пришелъ въ станъ къ Моголамъ сѣдый Князь Эдигей, Эдигей.

славный умомъ и мужествомъ. Онъ былъ вторымъ Мамаемъ въ Ордѣ и повелѣвалъ Ханомъ; нѣкогда служилъ Тамерлану и носилъ на себѣ знаки его милостей. Свѣдавъ отъ Тимура о мирныхъ условіяхъ, предложенныхъ Витовтомъ, Эдигей сказалъ: «лучше умереть,» и требовалъ свиданія съ Княземъ Литовскимъ. Они съѣхались на берегу Ворсклы. «Князь храбрый!» говорилъ Вождь Татарскій: «Царь нашъ справедливо могъ признать тебя отцемъ: ты «его старѣе лѣтами, но моложе меня: и «такъ изъяви мнѣ покорность, плати дань «и на деньгахъ Литовскихъ изобрази печать мою.» Сія насмѣшка привела Витовта въ ярость: онъ громогласно возвѣстилъ битву и привелъ полки въ движеніе. Благоразумнѣйшій изъ Воеводъ его, Спитко Краковскій, видя множество Татаръ, еще совѣтовалъ искать мира на условіяхъ честныхъ для обѣихъ сторонъ; но юные витязи Литовскіе кричали: «сокрушимъ «невѣрныхъ!» и знаменитый Панъ Щуковскій, гордый сердцемъ, дерзкій языкомъ, сказалъ ему: «Если по любви къ женѣ «прекрасной и къ наслажденіямъ роскоши «ты боишься смерти, то не охлаждай дру«гихъ, готовыхъ отдать жизнь за славу.» Великодушный Спитко отвѣтствовалъ: «Несчастный! я паду въ битвѣ, а ты обра-

«тишь тылъ» ([181]). Войско Литовское перешло за Ворсклу и сразилось. Августа 12.

Рать Ханская была многочисленнѣе. Витовтъ надѣялся на свои пушки и пищали; но сіи орудія, какъ говорятъ Лѣтописцы, дѣйствовали слабо въ открытомъ полѣ, гдѣ Татары, разсыпаясь, могли нападать на ряды Литовскіе съ боку: скажемъ лучше, что искусство огнестрѣльное находилось тогда во младенчествѣ; не умѣли заряжать скоро, ни съ легкостію обращать пушку во всѣ стороны. Однакожь Литовцы привели въ смятеніе толпы Эдигеевы, и считали себя уже побѣдителями, когда Тимуръ Кутлукъ, ученикъ Тамерлановъ, зашелъ имъ въ тылъ и стремительнымъ ударомъ сломилъ полки ихъ. Тохтамышъ прежде всѣхъ оставилъ мѣсто сраженія; за нимъ Витовтъ и надменный Панъ Щуковскій; а великодушный Спитко умеръ Героемъ. Ужасное кровопролитіе продолжалось до самой глубокой ночи: Моголы рѣзали, топтали непріятелей, или брали въ плѣнъ, кого хотѣли. Ни Чингисханъ, ни Батый не одерживали побѣды совершеннѣйшей. Едва ли третія часть войска Литовскаго спаслася. Множество Князей легло на мѣстѣ, и въ томъ числѣ Глѣбъ Святославичь Смоленскій, Михаилъ и Димитрій Даниловичи Волынскіе, потомки славнаго Даніила, Короля Галицкаго — сподвижникъ

Димитрія Донскаго, Андрей Ольгердовичь, ко
рый бѣжавъ отъ Ягайла, нѣсколько врем
жилъ во Псковѣ, и возвратился служить Вит
ту — Димитрій Брянскій, также сынъ Ольг
довъ и также вѣрный союзникъ Донскаго
Князь Михайло Евнутіевичь, внукъ Геди
новъ — Іоаннъ Борисовичь Кіевскій — Ямон
Намѣстникъ Смоленскій, и другіе (182). Ханъ
муръ Кутлукъ гналъ остатки непріятельск
войска къ Днѣпру, взялъ съ Кіева 3000 руб.
серебра Литовскаго въ окупъ, а съ монасть
Печерскаго особенно 30 рублей; оставилъ та
своихъ Баскаковъ, и погромивъ Витовтовы
ласти до самаго Луцка, возвратился въ Улусы
Такъ Литовскій Герой, хотѣвъ удивить мі
великимъ подвигомъ, снискалъ одинъ сты
лишился войска, открылъ Моголамъ путь
свои владѣнія, и долженъ былъ опасаться е
дальнѣйшихъ худыхъ слѣдствій.

Вѣсть о несчастіи его произвела въ Моск
въ Новѣгородѣ, въ Рязани, дѣйствіе двояко
жалѣли о многихъ Россіянахъ, падшихъ по
знаменами Литовскими; съ изумленіемъ видѣ
сколь могущество Орды еще велико; боял
новой гордости, новаго тиранства Хановъ,
вмѣстѣ утѣшались мыслію, что силы опасн
Литвы ослабѣли. Но Витовтъ имѣлъ въ Рос
истиннаго друга, который огорчился бы е
бѣдствіемъ, если бы успѣлъ свѣдать оное. С
другъ, Князь Михаилъ Тверскій, преставился
чти въ самое то время, когда Ханъ разби

Литовцевъ ([183]). Безполезно истощивъ всѣ способы вредить Донскому, Михаилъ Александровичь жилъ наконецъ мирно, ибо видѣлъ, что правленіе юнаго Василія не уступаетъ Димитріеву ни въ силѣ, ни въ мудрости; оставивъ намѣреніе лишить Владѣтелей Московскихъ Великокняжескаго сана и вообще противиться успѣхамъ ихъ могущества, онъ заключилъ даже оборонительный союзъ съ Василіемъ на случай впаденія въ Россію Моголовъ, Нѣмцевъ, Ляховъ, Литвы, но тайно держался Витовта, какъ естественнаго недоброжелателя или завистника Москвы, и (въ 1397 году) посылалъ къ нему сына, Іоанна, женатаго на Маріи, сестрѣ Витовтовой, безъ сомнѣнія не столько для родственнаго свиданія, сколько для важныхъ государственныхъ переговоровъ.

Хотя Василій не изъявлялъ никакихъ враждебныхъ намѣреній въ разсужденіи Твери, однакожь Князь ея съ безпокойствомъ видѣлъ, что онъ весьма ласково принялъ его племянника, Іоанна Всеволодовича Холмскаго, который, не хотѣвъ зависѣть отъ дяди, уѣхалъ въ Москву, сочетался бракомъ съ Анастасіею, сестрою Великаго Князя, и былъ Намѣстникомъ въ Торжкѣ ([184]). Имѣя 66 лѣтъ отъ рожденія, Михаилъ еще бодрствовалъ духомъ и тѣломъ; но вдругъ занемогъ столь жестоко,

Кончина Князя Тверскаго.

что въ нѣсколько дней всѣ его силы исчезли. Онъ написалъ духовную грамоту: отдалъ старшему сыну, Іоанну, Тверь, Новый Городокъ, Ржевъ, Зубцевъ, Радиловъ, Вобрынъ, Опоки, Вертязинъ; другому сыну, Василію, и внуку Іоанну Борисовичу Кашинъ съ Коснятинымъ; а меньшему, Ѳеодору, два городка Микулина, повелѣвая имъ жить въ любви и слушаться брата старшаго. Обстоятельства кончины его достопамятны. Къ нему возвратились тогда Послы изъ Константинополя, Тверскій Протопопъ Даніилъ и церковники, которые ѣздили съ милостынею въ Грецію и привезли отъ Патріарха въ даръ Князю икону Страшнаго Суда. Забывъ болѣзнь и слабость, онъ всталъ съ ложа, встрѣтилъ сію икону на дворѣ, цѣловалъ оную съ великимъ усердіемъ, и пригласилъ къ себѣ на пиръ знатнѣйшее Духовенство вмѣстѣ съ нищими, слѣпыми и хромыми; братски обѣдалъ съ ними, и водимый слугами, каждому изъ гостей поднесъ такъ называемую *прощальную чашу* вина, моля ихъ, чтобы они благословили его. Никто не могъ удержаться отъ слезъ. Облобызавъ дѣтей, Бояръ, слугъ, Михаилъ пошелъ въ Соборную церковь, поклонился гробу отца и дѣда, указалъ мѣсто для своей могилы, и сталъ на паперти, гдѣ собралося множество людей, которые смотрѣли на него съ горестнымъ умиленіемъ. Сей нѣкогда величественный Князь бывъ необыкновенно высокъ и дороденъ, казался уже тѣнію; блѣдный, слабый, едва пере-

двигалъ ноги. Народъ плакалъ и безмолвствовалъ; но когда Михаилъ, смиренно преклонивъ голову, сказалъ: «иду отъ «людей къ Богу: братья! отпустите меня «съ искреннимъ благословеніемъ!» тогда всѣ зарыдали, единодушно восклицая: «Го«сподь благословитъ тебя, Князь добрый!» Онъ сошелъ съ ступеней. Сыновья и Бояре хотѣли вести его во дворецъ: но Михаилъ, къ изумленію ихъ, указалъ рукою на Лавру Св. Аѳанасія; приведенный въ сей монастырь, былъ тамъ постриженъ Епископомъ Арсеніемъ, названъ Матѳеемъ, и въ седьмый день скончался, съ именемъ Князя умнаго, милостиваго и *грознаго* въ похвальномъ смыслѣ: ибо онъ, какъ сказано въ лѣтописи, *не потакалъ Боярамъ*, любя правосудіе; истребилъ въ своемъ Княженіи разбои, воровство, ябеду; уничтожилъ *злые налоги торговые;* утвердилъ города, успокоилъ села, такъ, что жители другихъ областей тысячами переселялись въ Тверскую. — Съ жизнію Михаила исчезло и благоденствіе сего Княженія: начались Боярскія смуты и раздоры между его сыновьями. Іоаннъ, узнавъ о торжествѣ Хана и несчастіи своего шурина, отправилъ Посольство къ первому, смиренно моля, чтобы онъ далъ ему жалованную грамоту на всю землю Тверскую ([185]). Послы уже не застали Тимура Кутлука: онъ умеръ; но

г. 1400.

г. 1400. сынъ его, Шадибекъ, исполнилъ желаніе Іоанна, который, пользуясь милостивыми ярлыками Ханскими, вопреки совѣтамъ матери сталъ утѣснять братьевъ и племянника. Они искали защиты въ Москвѣ. Великій Князь безкорыстно старался мирить ихъ, хотя и не на-долго. Два раза Іоаннъ приступалъ къ Кашину, и держалъ брата, Василія Михайловича, какъ плѣнника въ Твери; освободилъ его, но послалъ въ Кашинъ своихъ Намѣстниковъ. Въ семъ междоусобіи Лѣтописцы обвиняютъ наиболѣе невѣстку Іоаннову, вдовствующую супругу Бориса Михайловича, родомъ Смолянку; впрочемъ онъ гналъ и сына ея, желая быть единовластнымъ. Въ угодность, можетъ быть, Государю Московскому Іоаннъ примирился съ зятемъ его, Княземъ Холмскимъ, и не мѣшалъ ему спокойно жить въ Удѣлѣ отцевскомъ; но сей Князь, скоро умершій Схимникомъ и бездѣтнымъ, долженъ былъ отказать свою наслѣдственную область сыну Іоаннову, Александру (186). Однимъ словомъ, Удѣльная Система вообще клонилась тогда въ Россіи къ паденію.

Не смотря на ослабленіе Литовскихъ силъ, Князь Тверскій желалъ остаться другомъ Витовта, и возобновилъ съ нимъ прежній союзъ, одобренный и, согласно съ ихъ волею, утвержденный Государемъ Василіемъ Димитріевичемъ, который не ду-

млъ объявить себя врагомъ тестя (уважая льва, хотя и раненнаго), особенно по тому, что имѣлъ причину опасаться Орды ([187]): ибо со времени нашествія Тамерланова прервалъ всѣ сношенія съ нею, какъ бы не зная, кого признавать ея Главою: Тохтамыша, или Шадибека, или Койричака. Одни внутренніе раздоры Моголовъ, не утишенные и славною ихъ побѣдою надъ Литвою, не дозволяли имъ обратить вниманія на Москву. — Витовтъ съ своей стороны болѣе нежели когда нибудь искалъ дружбы Великаго Князя, чтобы удалить его отъ союза съ Олегомъ и съ изгнанникомъ Смоленскимъ, Юріемъ Святославичемъ, который выдалъ дочь свою, Анастасію, за Василіева брата, Юрія; тогда же сынъ Владиміра Храбраго, Іоаннъ, женился на внукѣ Олеговой. Легко было предвидѣть, что Князь Смоленскій захочетъ воспользоваться несчастіемъ Литвы; въ самомъ дѣлѣ онъ неотступно убѣждалъ тестя возвратить ему престолъ: чего желалъ тайно Василій Димитріевичь, однакожь не согласился помогать имъ. Увѣренные по крайней мѣрѣ въ его искреннемъ доброхотствѣ, Олегъ и Юрій, собравъ войско, внезапно осадили Смоленскъ, гдѣ жители, ненавидя Литовское правленіе, отворили ворота и съ восхищеніемъ приняли своего законнаго Князя. Къ сожалѣнію, день на-

Временная независимость Великаго Княженія.

Г. 1401. Удача и неблагоразуміе Князя Смоленскаго.

роднаго торжества и веселія обратился въ день лютаго кровопролитія: Юрій Святославичь, ослѣпленный местію, умертвилъ Витовтова Намѣстника, Князя Романа Михайловича Брянскаго, происшедшаго отъ Св. Михаила Черниговскаго, и множество Бояръ Смоленскихъ, которые держали сторону Литвы (188). Онъ не зналъ, что милость въ такихъ случаяхъ благопріятствуетъ не только человѣколюбію, но и собственнымъ выгодамъ Государя. Головы отцевъ и мужей пали: жены, дѣти и друзья убіенныхъ остались, возбуждали въ народѣ ненависть къ свирѣпому Князю и могли говорить: «иноплеменный Витовтъ здѣсь «властвовалъ мирно; Князь Россійскій возвратился лить нашу кровь.» Одна жестокость раждаетъ часто необходимость другой. Когда Витовтъ, узнавъ о взятіи Смоленска, явился предъ стѣнами онаго съ войскомъ, съ пушками, многіе изъ гражданъ хотѣли сдаться Литвѣ. Умыселъ ихъ открылся: Юрій казнилъ всѣхъ безъ пощады, и на сей разъ отразивъ непріятеля, заключилъ съ нимъ перемиріе.

Ободренный своимъ успѣхомъ и неудачами Литвы, Князь Рязанскій послалъ сына, именемъ Родслава, воевать Брянскъ, имѣя намѣреніе, если можно, освободить и сей древній Черниговскій Удѣлъ отъ власти иноплеменниковъ. Но Витовтъ успѣлъ

г. 1402.

взять мѣры. Однимъ изъ лучшихъ его Полководцевъ былъ Лугвеній-Симеонъ Ольгердовичь: еще въ 1392 году онъ возвратился въ Литву изъ Новагорода, и женился на сестрѣ Василія Димитріевича (189), Маріи (которая, живъ съ нимъ пять лѣтъ, преставилась въ Мстиславлѣ, откуда тѣло ея привезли въ Москву). Лугвеній, отряженный Витовтомъ, соединился съ Александромъ Патрикіевичемъ Стародубскимъ, встрѣтилъ Рязанцевъ у Любутска, и побивъ ихъ на голову, плѣнилъ самого Родслава. Сей успѣхъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ весьма важенъ для Витовта: ободрилъ Литву, устрашилъ Россіянъ. Ненавидя Олега, Витовтъ мстилъ ему жестокимъ заключеніемъ сына его въ оковы и въ темницу, въ которой онъ томился три года, и наконецъ, за 2000 рублей, получилъ свободу. Старецъ Олегъ не могъ пережить сего несчастія и скончался Инокомъ: Князь ума рѣдкаго и славнѣйшій изъ всѣхъ Рязанскихъ Владѣтелей; долговременный, лукавый врагъ Донскаго и Москвы, но любимый своимъ народомъ и достохвальный въ его послѣднихъ усиліяхъ возвратить отечеству Литовскія завоеванія. Имѣвъ Христіанское имя Іакова, онъ названъ въ Монашествѣ Іоакимомъ и погребенъ въ Обители Солотчинской, имъ основанной близъ Рязани (190). Сынъ его, Ѳеодоръ, сѣлъ на престолѣ отца, утвержденный въ семъ наслѣдствѣ грамотою Хана Шадибека. (Чрезъ нѣкоторое время онъ былъ изгнанъ Княземъ Пронскимъ, Іоанномъ

Владиміровичемъ; а послѣ, заключи
нимъ миръ, княжилъ спокойно, буду
тѣсной связи съ шуриномъ своимъ,
даремъ Московскимъ).

г. 1403. Витовтъ еще нѣсколько времени о
лялъ Юрія Смоленскаго въ покоѣ. Со
силы, онъ послалъ Лугвенія на Вя
зная мужество сего Ольгердова сына
вѣренность къ нему Россіянъ, которы
били его какъ единовѣрнаго. Лугвеній
дѣлъ Вязьмою безъ кровопролитія,
нивъ ея Князя, Іоанна Святославича
Тогда Витовтъ со всѣми полками дви
къ Смоленску; цѣлыя семь недѣль
г. 1404. далъ его съ величайшимъ усиліемъ,
дневно стрѣляя изъ пушекъ, но отсту
безъ малѣйшаго успѣха: столь крѣ
былъ городъ, и столь упорно защищ
Юріемъ. Потерпѣли однѣ волости См
скія, разоренныя Литвою. Юрій, опа
новаго нападенія, желалъ видѣться с
ликимъ Княземъ; оставилъ въ Смоле
супругу, Бояръ, и давъ имъ слово воз
титься немедленно, спѣшилъ въ Мо
Василій Димитріевичь принялъ его др
любно. «Будь моимъ великодушнымъ
«кровителемъ,» говорилъ Юрій: «Вит
«тебя уважаетъ: примири насъ, или
«щити меня, если онъ презритъ твое х
«тайство. Когда же не хочешь того,
«Государемъ моимъ и Смоленскимъ.

«лаю лучше служить тебѣ, нежели видѣть ино-«племенника на престолѣ Мономахова потом-«ства.» Предложеніе казалось лестнымъ. Но зная твердое намѣреніе Витовта снова покорить Смоленскъ, чего бы то ни стоило; зная, что присоединить сіе Княженіе къ Москвѣ есть объявить ему войну, Великій Князь не соглашался быть ни ходатаемъ, ни защитникомъ, ни Государемъ Смоленска, слѣдуя правилу жить въ мирѣ съ Литвою, пока Витовтъ не касался собственныхъ Московскихъ владѣній. Такъ говорятъ Лѣтописцы; однакожь долговременное пребываніе Юрія въ Москвѣ свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ, что онъ не терялъ надежды успѣть въ своемъ исканіи: измѣнники предупредили его.

Будучи врагомъ опасной Литвы, сей Князь, къ несчастію, имѣлъ враговъ еще опаснѣйшихъ между Смоленскими Боярами, озлобленными казнію ихъ ближнихъ: пользуясь его отсутствіемъ, они тайно призвали Витовта и сдали ему городъ. Полки Литовскіе безъ малѣйшаго сопротивленія вступили въ крѣпость, обезоружили воиновъ, взяли нѣкоторыхъ вѣрныхъ Бояръ подъ стражу, впрочемъ не дѣлая жителямъ никакого вреда, соблюдая тишину, благоустройство. Супруга Юріева была отправлена въ Литву, и Витовтъ, занявъ всю Смоленскую область, вездѣ опредѣлилъ своихъ чиновниковъ, къ неудовольствію измѣнниковъ Россійскихъ, которые надѣялись управлять ею; но

гражданамъ и сельскимъ жителямъ даровалъ особенную льготу, желая отвратить народъ отъ Юрія и привязать къ себѣ (192): въ чемъ успѣлъ совершенно, и чрезъ нѣсколько лѣтъ въ кровопролитной съ Нѣмцами битвѣ, гдѣ болѣе 60,000 человѣкъ легло на мѣстѣ, одержалъ побѣду единственно храбростію вѣрныхъ ему Смоленскихъ воиновъ. — Такимъ образомъ взявъ древній городъ Россійскій въ первый разъ обманомъ, вторично измѣною, Витовтъ благоразумною политикою утвердилъ его за Литвою на 110 лѣтъ, и тѣмъ заключилъ ея важныя присвоенія въ Россіи. Время счастливыхъ возвратовъ было для насъ уже не далеко.

Полити-ка Витовта.

Нечаянная вѣсть о взятіи Смоленска поразила Юрія Святославича; изумила и Великаго Князя, такъ, что онъ вообразилъ себя обманутымъ, и призвавъ Юрія, осыпалъ его укоризнами, говоря: «Ты хотѣлъ «единственно обольстить меня лукавыми «предложеніями: Смоленскъ не могъ сдать-«ся Литвѣ безъ твоего повелѣнія» (193). Напрасно сей несчастный Князь увѣрялъ, что виною тому измѣна Бояръ: Василій остался въ подозрѣніи, и Юрій, не находя въ Москвѣ ни защиты, ни самой личной для себя безопасности, рѣшился искать той и другой въ вольномъ Новѣгородѣ.

Государствованіе Василія Димитріевича

было для Новогородцевъ временемъ безпокойнымъ: они никакъ не могли долго жить съ нимъ въ мирѣ, видя его непрестанныя покушенія на ихъ свободу и достояніе. Такъ онъ (въ 1401 году) велѣлъ Митрополиту задержать въ Москвѣ Новогородскаго Архіепископа Іоанна, который ревностно ходатайствовалъ за гражданскія права своей духовной паствы ([194]). Такъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, воины Великокняжескіе схватили въ Торжкѣ двухъ знаменитыхъ Бояръ, непріятныхъ Государю, и взяли все ихъ имѣніе. Такъ рать Московская безъ объявленія войны вступила въ Двинскую землю, будучи предводима Новогородскими измѣнниками, Айфаломъ и братомъ его, Герасимомъ разстригою, ушедшимъ изъ монастыря: они плѣнили Двинскаго Посадника, многихъ Бояръ, и вездѣ грабили безъ милосердія; но разбитые въ Колмогорахъ, оставили плѣнниковъ и бѣжали. (Сей мятежникъ Айфалъ, не успѣвъ въ замыслахъ противъ отечества, разбойничалъ послѣ на Камѣ и Волгѣ, имѣя у себя до 250 судовъ; былъ въ плѣну у Татаръ и наконецъ убитъ на Вяткѣ Михайломъ Разсохинымъ, подобнымъ ему бѣглецомъ Новогородскимъ). — Хотя Великій Князь освободилъ взятыхъ въ Торжкѣ Бояръ и Архіепископа Іоанна, болѣе трехъ лѣтъ сидѣвшаго въ кельѣ Николаевскаго

Неудовольствія Новогородцевъ.

монастыря; однакожь Новгородъ ждалъ и впредь съ его стороны такихъ же утѣсненій, будучи готовъ противиться онымъ.

Юрій Святославичь, съ сыномъ Ѳеодоромъ, братомъ Владиміромъ и Княземъ Симеономъ Мстиславичемъ Вяземскимъ, явился тамъ среди народа и смиренно просилъ убѣжища. Новогородцы любили казаться великодушными въ такихъ случаяхъ. Мысль быть покровителями одного изъ знаменитѣйшихъ Князей Россійскихъ, гонимаго Витовтомъ, отверженнаго Великимъ Княземъ, льстила ихъ гордости. Они приняли изгнанника съ ласкою, и сдѣлали еще болѣе: дали ему 13 городовъ въ управленіе ([195]): Русу, Ладогу и другіе, съ условіемъ, чтобы онъ, какъ воинъ мужественный, ревностно блюлъ цѣлость ихъ владѣній, не щадя ни трудовъ, ни жизни. Взаимныя клятвы утвердили сей договоръ, равно непріятный Витовту и Василію Димитріевичу. Первый, будучи тогда уже въ мирѣ съ Новымъгородомъ, жаловался, что его злодѣй снискалъ тамъ дружбу и довѣренность; а Великій Князь съ неудовольствіемъ видѣлъ, что сей народъ въ случаѣ столь важномъ дѣйствуетъ самовластно, безъ всякаго сношенія съ Москвою. Впрочемъ Юрій не долго жилъ въ области Новогородской: привыкнувъ господствовать неограниченно, онъ скучалъ своею зависимостію отъ народнаго Вѣча, и возвратился въ Москву съ новою надеждою на покровительство Василія Димитріе-

вича, который, начиная тогда ссориться съ Витовтомъ за впаденіе Литвы въ границы Пскова, принялъ Юрія весьма дружелюбно и сдѣлалъ Намѣстникомъ въ Торжкѣ. Но сей несчастный изгнанникъ скоро лишился и милости Великаго Князя и сожалѣнія людей, въ глазахъ цѣлой Россіи возложивъ на себя знаменіе гнуснаго преступника.

Г. 1406.

Князь Симеонъ Мстиславичь Вяземскій раздѣлялъ съ нимъ бѣдствіе изгнанія какъ другъ и знаменитый слуга его. Онъ имѣлъ прекрасную, добродѣтельную супругу, именемъ Іуліанію. Равно жестокій и сластолюбивый, Юрій пылалъ вожделѣніемъ осквернить ложе Симеоново; не успѣлъ въ томъ ни соблазномъ, ни коварными хитростями, и дерзнулъ на явное злодѣяніе: въ своемъ домѣ, среди веселаго пира, убилъ Князя Вяземскаго, и думалъ воспользоваться ужасомъ несчастной супруги. Но любя непорочность болѣе всего въ мірѣ, она схватила ножъ, и хотѣвъ ударить имъ насильника въ горло, уязвила въ руку. Одно чувство уступило мѣсто другому: любострастіе гнѣву. Юрій, обнаживъ мечь, догналъ Іуліанію на дворѣ, изрубилъ ее въ куски, и велѣлъ бросить въ рѣку (196). Такая гнусность могла постыдить вѣкъ: впечатлѣніе, произведенное оною въ сердцахъ современниковъ, оправдало его. Юрій, по-

Злодѣйство Князя Смоленскаго.

добно Каину ознаменованный печатію злодѣйства, гонимый всеобщимъ презрѣніемъ, не смѣя показаться ни Князьямъ, ни народу, уѣхалъ въ Орду; скитался въ степяхъ нѣсколько мѣсяцевъ и кончилъ жизнь въ одномъ пустынномъ монастырѣ области Рязанской. Онъ былъ послѣднимъ изъ Владѣтельныхъ Князей Смоленскихъ, происшедшихъ отъ внука Мономахова, Ростислава Мстиславича.

Разрывъ съ Литвою.

Наконецъ пришло время явной вражды между Государемъ Московскимъ и Литвою. Псковъ, освобожденный Новогородцами отъ всѣхъ обязанностей подданства, былъ управляемъ собственными законами; принималъ Намѣстниковъ отъ Василія Димитріевича, но избиралъ себѣ чиновниковъ и Князей или Воеводъ, иногда чужеземныхъ: такъ Андрей Ольгердовичь и сынъ его, Іоаннъ, нѣсколько времени начальствовали въ ономъ ([197]). Сія вольность не даровала благоденствія Псковитянамъ: угрожаемые съ одной стороны Ливонскимъ Орденомъ, съ другой Витовтомъ, напрасно требовали они защиты отъ своихъ братьевъ, Новогородцевъ, которые завидовали успѣхамъ ихъ счастливой торговли, и не только отказывались помогать имъ, не только въ мирныхъ договорахъ съ Нѣмцами, съ Литвою, умалчивали о Псковѣ, но даже сами тѣснили и приходили осаждать его; не

имѣя успѣха въ сихъ нападеніяхъ, мирились, и всегда неискренно. Сверхъ того онъ вторично былъ жертвою язвы, которая нѣсколько разъ возобновлялась. Чтобы воспользоваться его несчастіемъ, коварный Витовтъ, будто бы честно объявляя войну, послалъ *разметную* Псковскую *грамоту* къ Новогородцамъ, напалъ неожидаемо на владѣнія Псковитянъ, взялъ городъ Коложе и плѣнилъ 11,000 Россіянъ. Въ то же время Магистръ Ливонскій опустошилъ селенія вокругъ Изборска, Острова, Котельна. Еще не теряя бодрости, Псковитяне немедленно отмстили Витовту разореніемъ Великихъ Лукъ и Новоржева, ему подвластныхъ; отняли у Литвы Коложское знамя, и разбили Нѣмцевъ близъ Киремпе: но вѣдая мѣру силъ своихъ, прибѣгнули къ Государю Московскому. Хотя они, подобно Нову-городу, имѣли свою особенную систему политическую, и въ самомъ дѣлѣ мало зависѣли отъ Великаго Князя: однакожъ Василій, называясь ихъ Государемъ, рѣшился доказать истину сего названія; отправилъ къ нимъ брата, Константина Димитріевича, и требуя удовлетворенія отъ Витовта, началъ собирать полки. Его *система осторожности* не перемѣнилась: онъ хотѣлъ мира, но хотѣлъ доказать и готовность къ войнѣ въ случаѣ необходимости, чтобы удержать хищность Литвы и спасти остатокъ независимой Россіи.

Витовтъ отвѣтствовалъ гордо. Призвавъ въ союзъ къ себѣ Іоанна Михайловича Тверскаго,

Великій Князь послалъ Воеводъ на Литовскіе города: Серпейскъ, Козельскъ и Вязьму ([198]). Воеводы возвратились безъ успѣха: огорченный симъ худымъ началомъ, и думая, что Витовтъ со всѣми силами устремится на Москву, Василій Димитріевичь рѣшился возобновить дружелюбную связь съ Ордою, вопреки мнѣнію старыхъ Бояръ; требовалъ вспоможенія отъ Шадибека и представлялъ, что Литва есть общій ихъ врагъ. Не было слова о дани и зависимости: Василій искалъ только союза Татаръ, и юный Шадибекъ, управляемый доброхотами Государя Московскаго, дѣйствительно прислалъ ему нѣсколько полковъ. Выступивъ въ поле, Великій Князь сошелся съ Витовтомъ близъ Крапивны (въ Тульской Губерніи). Вмѣсто битвы, начались переговоры: ибо ни съ которой стороны не хотѣли отважиться на случай рѣшительный, и Герой Литовскій, помня претерпѣнное имъ бѣдствіе на берегахъ Ворсклы, уже научился не вѣрить счастію. Заключили перемиріе и разошлися.

г. 1407. Мира не было. Литовцы чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сожгли и присоединили къ своимъ владѣніямъ Одоевъ, гдѣ княжили потомки Св. Михаила Черниговскаго, бывъ въ нѣкоторой зависимости отъ сильнѣйшихъ Владѣтелей Рязанскихъ ([199]); а Великій Князь взялъ Дмитровецъ, но снова

заключилъ перемиріе съ тестемъ подъ Вязьмою, и также не на-долго. Еще за годъ до сего времени выѣхалъ въ Москву изъ Литвы сынъ Князя Іоанна Ольгимонтовича, Александръ Нелюбъ, со многими единоземцами: вступивъ въ нашу службу, онъ получилъ себѣ во владѣніе городъ Переславль Залѣсскій. Въ слѣдъ за нимъ прибылъ въ Москву Свидригайло Ольгердовичь, который, будучи недоволенъ даннымъ ему отъ Витовта Удѣломъ Сѣверскимъ, Брянскимъ, Стародубскимъ, и замышляя господствовать надъ всею Литвою, вздумалъ предложить услуги свои Великому Князю. Ему сопутствовали Епископъ Черниговскій Исакій, Князья Звенигородскіе, Александръ и Патрикій, Ѳеодоръ Александровичь Путивльскій, Симеонъ Перемышльскій, Михайло Хотетовскій, Урустай Минскій, и цѣлый полкъ Бояръ Черниговскихъ, Сѣверскихъ, Брянскихъ, Стародубскихъ, Любутскихъ, Рославскихъ, такъ, что дворецъ Московскій весь наполнился ими, когда они пришли къ Государю. Москвитяне съ любопытствомъ смотрѣли на своихъ единоплеменниковъ, уже принявшихъ обычаи иноземные; а Бояре южной Россіи дивились величію Москвы (за сто лѣтъ едва извѣстной по имени), красотѣ ея церквей, святыхъ Обителей, и пышности Двора Василіева, напомнившей имъ

г. 1408. Свидригайло.

древнія преданія о блестящемъ Дворѣ Ярослава Великаго. Всего же болѣе дивились они въ ней благоустройству гражданскому, необыкновенному въ ихъ странахъ, гдѣ троны Владимірова потомства стояли пусты, и гдѣ Паны Литовскіе, искажая языкъ Славянскій, давали чуждые законы народу. Великій Князь осыпалъ пришельцевъ милостями, и къ общему удивленію отдалъ Свидригайлу въ Удѣлъ не только Переславль, Юрьевъ, Волокъ, Ржевъ и половину Коломны, но даже столицу Владимірскую съ селами, доходами и людьми, какъ сказано въ лѣтописи [200]: столь выгодною казалась ему дружба сего Ольгердова сына. Легкомысленный, надменный Свидригайло увѣрительно говорилъ о тайныхъ связяхъ своихъ съ Вельможами Литовскими; хвалился завоевать съ помощію Москвитянъ въ нѣсколько мѣсяцевъ всю землю Витовтову; обѣщалъ Василію Новгородъ Сѣверскій и склонилъ его къ возобновленію непріятельскихъ дѣйствій противъ тестя. Великій Князь не былъ легковѣренъ; но могъ надѣяться, что имѣя съ собою Ягайлова брата, или подлинно найдетъ друзей въ Литвѣ, или пріобрѣтетъ миръ выгодный. Въ послѣднемъ отчасти и не обманулся. Витовтъ встрѣтилъ зятя на берегахъ Угры. Многочисленное войско его состояло, кромѣ Литвы, изъ полковъ Кіевскихъ (предводимыхъ Олелькомъ Владиміровичемъ, внукомъ Ольгердовымъ), Смоленскихъ, и даже изъ Нѣмцевъ, присланныхъ къ нему Великимъ Магистромъ Прусскимъ [201].

Тщетно Свидригайло искалъ измѣнниковъ въ станѣ Литовскомъ: самые Россіяне, служа Витовту, готовы были мужественно ударить на полки Великокняжескіе. Но зять и тесть наблюдали равную осторожность; съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали только легкими отрядами, избѣгая главнаго сраженія; наконецъ, въ слѣдствіе многихъ переговоровъ, согласились въ мирныхъ условіяхъ, назначивъ Угру предѣломъ между Литвою и Московскими владѣніями въ нынѣшней Калужской Губерніи. Города Козельскъ, Перемышль, Любутскъ, возвратились къ Россіи и были съ того времени Удѣломъ Владиміра Андреевича *Храбраго*. Сохраняя честь свою, Великій Князь не хотѣлъ выдать Свидригайла Витовту и, кажется, обязалъ тестя не безпокоить впредь области Псковитянъ, которые послѣ заключили съ Литвою миръ особенный.

Войны съ Ливоніею.

Впрочемъ покровительство Василія Димитріевича не доставило Пскову безопасности. Братъ его, Константинъ, взявъ за Наровою Нѣмецкій городокъ Порхъ, уѣхалъ назадъ въ Москву; а Магистръ Ливонскій, Конрадъ Фитингофъ, соединясь съ Курляндцами, разбилъ Псковитянъ: три Посадника и 700 лучшихъ гражданъ легло на мѣстѣ. Еще два раза входилъ онъ въ ихъ владѣнія, жегъ села, плѣнялъ людей, не щадя и Новогородцевъ, которые, злобствуя

на Псковитянъ, отказались и тогда дѣйств
съ ними за-одно противъ общихъ непрія
Сіи частыя войны съ Ливоніею обыкновен
имѣли никакихъ важныхъ слѣдствій. Хотя
цы мыслили присоединить Псковъ къ с
владѣніямъ съ согласія Витовта и Свидр
(какъ то видно изъ договора, заключе
между ими въ 1402 году): но имѣя болѣ
столюбія, нежели силы, они только гр
убивали нѣсколько сотъ человѣкъ и чувств
нужду въ мирѣ для выгодъ торговли ([202]). Н
ное Право съ обѣихъ сторонъ такъ мало у
лось, что иногда умерщвляли Пословъ: въ
гаузенѣ (въ 1414 году) изрубили Псковска
Псковѣ Дерптскаго. Сія вражда прекратил
1417 году мирнымъ договоромъ на 10 лѣ
Великій Князь участвовалъ въ ономъ как
средникъ. Но Псковитяне, честно соблюдая
съ Нѣмцами, снова возбудили на себя
Витовта, который принуждалъ ихъ объ
войну Ливоніи. Напрасно старались они
рично снискать его дружбу Посольствам
Литву и въ Москву. Витовтъ грозилъ им
престанно; однакожь не сдѣлалъ ничего б
вѣроятно изъ уваженія къ зятю, коего Пс
тяне всегда признавали своимъ верховным
сударемъ, и который давалъ имъ Князе
Намѣстниковъ. Три раза начальствовалъ
Константинъ, братъ Василіевъ; послѣ К
Ростовскіе, Андрей и Ѳеодоръ Александро

сынъ послѣдняго Александръ и Ѳеодоръ Патрикіевичь Литовскій.

Доселѣ государствованіе Василія было славно и счастливо: онъ усилилъ Великое Княженіе знаменитыми пріобрѣтеніями безъ всякаго кровопролитія; видѣлъ спокойствіе, благоустройство, избытокъ гражданъ въ областяхъ своихъ; обогатилъ казну доходами; уже не дѣлился ими съ Ордою и могъ считать себя независимымъ. Хотя Послы Ханскіе отъ времени до времени являлись въ Москвѣ (Царевичь Эйтякъ въ 1403 году, и Мирза, Казначей Шадибековъ, въ 1405): но, вмѣсто дани, получали единственно маловажные дары, и возвращались съ отвѣтомъ, что Великое Княженіе Московское будто бы оскудѣло и не въ силахъ платить серебра Ханамъ (203). Напрасно Тимуръ Кутлукъ и Шадибекъ звали къ себѣ Василія: онъ не хотѣлъ послать къ нимъ никого изъ своихъ братьевъ или Бояръ старѣйшихъ, ожидая, чѣмъ кончатся междоусобія Ординскія. Еще Тохтамышъ, отверженный Витовтомъ, скитался по отдаленнымъ Улусамъ, искалъ друзей и надѣялся возвратить себѣ Царство; когда же, настигнутый въ пустыняхъ, близъ Тюменя, отрядомъ войска Шадибекова, онъ палъ въ сраженіи: Великій Князь, съ намѣреніемъ питать мятежъ въ Ордѣ, далъ въ Россіи убѣжище сыновьямъ его. Слабый Ханъ молчалъ, а знаменитый Эдигей, сподвижникъ Тамерлановъ, побѣдитель Витовта, Князь всемогущій въ Улусахъ, находился въ дружескихъ сно-

шеніяхъ съ Василіемъ; давалъ ему лас
вое имя сына и коварный совѣтъ воев
Литву, въ то же время совѣтуя Вито
искоренить Московское Княженіе. Т
Моголы, нѣкогда страшные одною сил
уже начали хитрить въ слабости, стара
производить вражду между Государями,
нихъ опасными. Въ 1407 году, когда Кн
Тверскій, Іоаннъ Михайловичь, пріѣх
Волгою на судахъ въ Ханскую стол
(чтобы судиться тамъ съ Юріемъ Всев
довичемъ, братомъ умершаго Іоанна Х
скаго, желавшимъ присвоить себѣ Т
ское Княженіе), сдѣлалась въ Ордѣ п
мѣна: Булатъ-Салтанъ изгналъ Шадиб
зятя Эдигеева, и сѣлъ на Царство, но
более своихъ предшественниковъ завис
отъ Эдигея. Сей хитрый старецъ — в
что Государь Московскій и Витовтъ ни
не хотятъ отважиться на рѣшитель
войну между собою — предпріялъ н
нецъ оружіемъ смирить перваго; гот
рать многочисленную, все еще увѣр
его въ своей ревностной дружбѣ, и пис
къ нему, выступивъ въ походъ: «Се и
«Царь Булатъ съ Великою Ордою нака
«Литовскаго врага твоего за содѣя
«имъ зло Россіи. Спѣши изъявить П
«благодарность: если не лично, то при
«хотя сына, или брата, или Вельможу.»
сею грамотою пріѣхалъ въ Москву о

Нашествіе Эдигея.

изъ чиновниковъ Татарскихъ. Василій имѣлъ друзей въ Ордѣ и зналъ о ратныхъ ея движеніяхъ; но по всѣмъ извѣстіямъ думалъ, что Моголы дѣйствительно хотятъ воевать Литву: ибо Эдигей умѣлъ скрыть свою истинную цѣль отъ самыхъ Вельможъ Ханскихъ. Никто не безпокоился въ Москвѣ, гдѣ, по сказанію одного Лѣтописца, уже мало оставалось Бояръ старыхъ, и гдѣ юные совѣтники Великокняжескіе мечтали въ гордости, что они могутъ легко обманывать старца Эдигея и располагать въ нашу пользу силами Моголовъ. Однакожь Василій Димитріевичь былъ изумленъ скорымъ походомъ Ханскаго войска и немедленно отправилъ Боярина Юрія въ станъ онаго, чтобы имѣть вѣрнѣйшее свѣдѣніе о намѣреніи Татарскаго Полководца; велѣлъ даже собирать войско въ городахъ, на всякой случай. Но Эдигей, задержавъ Юрія, шелъ впередъ съ великою поспѣшностію — и чрезъ нѣсколько дней услышали въ Москвѣ, что полки Ханскіе стремятся прямо къ ней.

Сія вѣсть поколебала твердость Великокняжескаго Совѣта: Василій не дерзнулъ на битву въ полѣ и сдѣлалъ то же, что его родитель въ подобныхъ обстоятельствахъ: уѣхалъ съ супругою и съ дѣтьми въ Кострому, оставивъ защитниками столицы дядю, Владиміра Андреевича Храбраго, братьевъ Андрея и Петра со множествомъ Бояръ и Духовныхъ сановниковъ (Митрополитъ Кипріанъ уже скончался). Великій Князь надѣялся на крѣпость стѣнъ Москов-

скихъ, на дѣйствіе своихъ пушекъ и на жестокую тогдашнюю зиму, неблагопріятную для осады долговременной. Не одна робость, какъ вѣроятно, заставила его удалиться. Онъ могъ скорѣе Боярина или Намѣстника подвигнуть сѣверные города Россійскіе къ единодушному возстанію противъ непріятеля для избавленія столицы, и Татары не могли спокойно осаждать ее, зная, что Великій Князь собираетъ тамъ войско. Но граждане Московскіе судили иначе, и роптали, что Государь предаетъ ихъ врагу, спасая только себя и дѣтей. Напрасно Князь Владиміръ, украшенный сѣдиною честной старости и славною памятію Донской битвы, ободрялъ народъ своимъ величественнымъ спокойствіемъ въ опасности: слабые унывали. Чтобы Татары не могли сдѣлать примета къ стѣнамъ Кремлевскимъ, сей Князь велѣлъ зажечь вокругъ посады (204). Нѣсколько тысячь домовъ, гдѣ обитали мирныя семейства трудолюбивыхъ гражданъ, запылали въ одно время. Жители не думали спасать имѣнія, и толпами бѣжали къ городскимъ воротамъ. Отцы, матери, лишенные крова, ведя за руку или неся дѣтей, молили единственно о томъ, чтобы ихъ впустили въ оныя: необходимость предписывала жестокій отказъ, ибо отъ излишняго многолюдства опасались голода въ крѣпости. Зрѣлище было страшно: вездѣ огненныя рѣки и дымъ облаками, смятеніе, вопль, отчаяніе. Къ довершенію ужаса, многіе злодѣи гра-

били въ домахъ, еще не объятыхъ пламенемъ, и радовались общему бѣдствію.

Ноября 30, ввечеру, Татары показались, но вдали, опасаясь дѣйствія огнестрѣльныхъ городскихъ орудій. Декабря 1 пришелъ самъ Эдигей съ четырьмя Царевичами и многими Князьями, сталъ въ Коломенскомъ, отрядилъ 30,000 въ слѣдъ за Василіемъ къ Костромѣ, и послалъ одного изъ Царевичей, именемъ Булата, сказать Іоанну Михайловичу Тверскому, чтобы онъ немедленно шелъ къ нему со всею его ратію, самострѣлами и пушками (205). Между тѣмъ полки Татарскіе разсыпались по областямъ Великаго Княженія: взяли Переславль Залѣсскій, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Нижній-Новгородъ, Городецъ: то есть, сожгли ихъ, плѣнивъ жителей, ограбивъ церкви и монастыри. Счастливъ, кто могъ спастися бѣгствомъ! Не было ни малѣйшаго сопротивленія. Россіяне казались стадомъ овецъ, терзаемыхъ хищными волками. Граждане, земледѣльцы, падали ницъ предъ варварами; ждали рѣшенія судьбы своей, и Моголы отсѣкали имъ головы, или разстрѣливали ихъ въ забаву; избирали любыхъ въ невольники, другихъ только обнажали: но сіи несчастные, оставляемые безъ крова, безъ одежды среди глубокихъ снѣговъ въ жертву страшному холоду и мятелямъ, большею частію умирали. Плѣнниковъ связывали и вели какъ псовъ на смычкахъ: иногда одинъ Татаринъ гналъ передъ собою человѣкъ сорокъ (206). Тогда открылось, сколь защитники

иноплеменные ненадежны: гордый Свидригайло, начальствуя въ Владимірѣ и въ пяти другихъ городахъ, имѣя воинскую многочисленную дружину, обязанный милостію Великаго Князя, которая не измѣнилась и со времени неудачнаго похода Литовскаго, бѣжалъ и скрылся въ лѣсахъ отъ Моголовъ. (Сей мнимый Герой, обличивъ свое малодушіе, скоро выѣхалъ изъ Россіи съ великимъ богатствомъ и стыдомъ, ограбивъ на пути наши села и пригороды).

Эдигей, обложивъ Москву, нетерпѣливо ждалъ къ себѣ Князя Тверскаго съ орудіями стѣнобитными и не предпринималъ ничего противъ города; но Іоаннъ Михайловичь поступилъ въ семъ случаѣ какъ истинный Россіянинъ и другъ отечества: онъ гнушался мыслію способствовать гибели Московскаго Княженія, хотя и весьма опаснаго для независимости Тверскаго; поѣхалъ къ Эдигею одинъ съ немногими Боярами, и возвратился изъ Клина, будто бы отъ нездоровья (207). Сіе великодушіе могло стоить ему дорого: къ счастію, судьба спасла и Тверь и Москву.

Полки Ханскіе, которые гнались за Великимъ Княземъ, не могли настигнуть его и, къ досадѣ Эдигея, пришли назадъ. Не смотря на ослушаніе Іоанна Тверскаго и недостатокъ въ нужныхъ для осады снарядахъ, сей Вождь Ординскій упорствовалъ взять Москву, если не приступомъ, то голодомъ, и хотѣлъ зимовать въ Коломенскомъ. Но вѣсти, полученныя имъ отъ Хана, разстроили его намѣреніе. Уже прошелъ тотъ вѣкъ, ко-

гда наслѣдники Батыевы исчисляли рать свою не тысячами, а тмами, и могли въ одно время громить Востокъ и Западъ: внутреннія несогласія, кровопролитія, язва, Герой Донскій и Тамерланъ столь уменьшили многолюдство въ Улусахъ, что Булатъ, отправивъ войско въ Россію, остался беззащитнымъ, и едва не былъ плѣненъ какимъ-то мятежнымъ Ординскимъ Царевичемъ, хотѣвшимъ овладѣть его столицею. Ханъ заклиналъ Полководца своего возвратиться немедленно. Обстоятельства дѣйствительно были таковы, что Эдигей не могъ терять времени, съ одной стороны опасаясь Великаго Князя, собиравшаго въ Костромѣ войско, а съ другой еще страшнѣйшихъ враговъ въ Ордѣ; призвалъ Вельможъ на совѣтъ, и положилъ чрезъ нѣсколько часовъ отступить отъ нашей столицы; но желая казаться побѣдителемъ, а не бѣгущимъ, сколько для чести, столько и для самой безопасности, послалъ объявить Московскимъ начальникамъ, что соглашается не брать ихъ города, если они дадутъ ему окупъ.

Москва представляла зрѣлище и ратной дѣятельности и ревностныхъ подвиговъ благочестія; съ утра до ночи воины стояли на стѣнахъ, Священники въ отверстыхъ храмахъ пѣли молебны, народъ постился. «Богатые» — говоритъ Лѣтописецъ — «обѣщали Небу наградить бѣдныхъ, сильные не тѣснить слабыхъ, судіи быть правосудными,—и солгали предъ Богомъ» (208)! Владиміръ Андреевичь, Князья, Бояре, цѣлыя три

недѣли тщетно ждали приступа, и не имѣя запасовъ хлѣбныхъ, страшились голода. Удивленные предложеніемъ Эдигея, и не зная, что сдѣлало его миролюбивымъ, они съ радостію дали ему 3000 рублей, и прославили милость Божію, когда сей Князь, отправивъ впередъ добычу съ обозомъ, 21 Декабря выступилъ изъ Коломенскаго; взялъ еще на возвратномъ пути Рязань, и скоро удалился отъ предѣловъ Россійскихъ. Но слѣды сего ужаснаго нашествія остались на долго неизгладимы въ оныхъ. «Вся Россія» — пишутъ современники — «отъ рѣки Дона до Бѣлаозера и «Галича, была потрясена сею грозою. Цѣлыя «волости опустѣли. Кто избавился отъ смерти и «неволи, тотъ оплакивалъ ближнихъ или утрату «имѣнія. Вездѣ *туга* и скорбь, предсказанныя «нѣкоторыми книжниками года за три или за «четыре. Многія удивительныя знаменія также «возвѣстили гнѣвъ Божій: со многихъ святыхъ «иконъ текло муро, или капала кровь,» и проч. Суевѣріе всегдашнее въ такихъ случаяхъ: люди слабые, пораженные внезапнымъ ударомъ, обыкновенно ищутъ сверхъестественныхъ предзнаменованій его въ минувшемъ времени, какъ бы надѣясь впредь лучшимъ вниманіемъ къ таинственнымъ указаніямъ Судьбы отвращать подобныя бѣдствія.

Впрочемъ Эдигей, кромѣ добычи и плѣнниковъ, не пріобрѣлъ ничего важнаго симъ подвигомъ, къ коему онъ нѣсколько лѣтъ готовился, и грозное письмо, отправленное имъ съ пути къ Вели-

кому Князю, не имѣло никакихъ слѣдствій. Оно достопамятно: предлагаемъ его содержаніе ([209]).

Письмо Эдигеево.

«Отъ Эдигея поклонъ къ Василію, по «думѣ съ Царевичами и Князьями. — Ве«ликій Ханъ послалъ меня на тебя съ вой«скомъ, узнавъ, что дѣти Тохтамышевы «нашли убѣжище въ землѣ твоей. Вѣдаемъ «также происходящее въ областяхъ Мо«сковскаго Княженія: вы ругаетесь не толь«ко надъ купцами нашими, не только вся«чески тѣсните ихъ, но и самыхъ Пословъ «Царскихъ осмѣиваете. Такъ ли водилось «прежде? Спроси у старцевъ: земля Рус«ская была нашимъ вѣрнымъ Улусомъ; «*держала страхъ*, платила дань, чтила По«словъ и гостей Ординскихъ. Ты не хочешь «знать того — и что же дѣлаешь? Когда «Тимуръ сѣлъ на Царство, ты не видалъ «его въ глаза, не присылалъ къ нему ни «Князя, ни Боярина. Минуло Царство Тиму«рово: Шадибекъ 8 лѣтъ властвовалъ: ты «не былъ у него! Нынѣ царствуетъ Булатъ «уже третій годъ: ты, старѣйшій Князь въ «Улусѣ Русскомъ, не являешься въ Ордѣ! «Всѣ дѣла твои не добры. Были у васъ «нравы и дѣла добрыя, когда жилъ Бояринъ «Ѳеодоръ Кошка и напоминалъ тебѣ о Хан«скихъ благотвореніяхъ. Нынѣ сынъ его «недостойный, Іоаннъ, Казначей и другъ «твой: что скажетъ, тому вѣришь, а думы

«старцевъ земскихъ не слушаешь. Что «вышло? разореніе твоему Улусу. Хочешь «ли княжить мирно? призови въ совѣтъ «Бояръ старѣйшихъ: Илію Іоанновича, «Петра Константиновича, Іоанна Никитича «и другихъ, съ ними согласныхъ въ до- «брой думѣ; пришли къ намъ одного изъ «нихъ съ древними оброками, какіе вы пла- «тили Царю Чанибеку, да не погибнетъ въ «конецъ Держава твоя. Все, писанное то- «бою къ Ханамъ о бѣдности народа Рус- «скаго, есть ложь: мы нынѣ сами видѣли «Улусъ твой, и свѣдали, что ты собираешь «въ немъ по рублю съ двухъ сохъ: куда жь «идетъ серебро? Земля Христіанская оста- «лась бы цѣла и невредима, когда бы ты «исправно платилъ Ханскую дань; а нынѣ «бѣгаешь какъ рабъ! . . . Размысли и научи- ся!»—Но Великій Князь не хотѣлъ слушать- ся ни приказаній, ни совѣтовъ его, свѣдавъ о новомъ мятежѣ въ Ордѣ; возвратился въ столицу, и съ любовію обнялъ дядю своего, Владиміра Андреевича, довольный по край- ней мѣрѣ тѣмъ, что онъ, не имѣвъ способа защитить другіе города, сдалъ ему Москву въ цѣлости.

Г. 1410. Кончина Владиміра Храбраго.

Сей знаменитый внукъ Калитинъ жилъ не долго и преставился съ доброю славою Князя мужественнаго, любившаго пользу отечества болѣе власти. Онъ первый отка- зался отъ древнихъ правъ семейственнаго

старѣйшинства, и былъ изъ Князей Россійскихъ *первымъ дядею служившимъ племяннику*. Кратковременныя ссоры его съ Донскимъ и Василіемъ происходили не отъ желанія присвоить себѣ Великокняжескій санъ, а только отъ смутъ Боярскихъ. Сія великодушная жертва возвысила въ Владимірѣ предъ судилищемъ потомства достоинство Героя, который счастливымъ ударомъ рѣшилъ судьбу битвы Куликовской, а можетъ быть и Россіи. Въ Архивѣ нашихъ древностей хранятся договоры сего Князя съ Василіемъ и завѣщаніе. Онъ возвратилъ племяннику города Волокъ и Ржевъ, взявъ отъ него въ замѣну Угличь, Городецъ на Волгѣ, Козельскъ, Алексинъ, не въ Удѣлъ временный, а въ наслѣдственное владѣніе или въ отчину, съ обязательствомъ, въ случаѣ смерти Василіевой, повиноваться его сыну какъ Государю верховному, ходить съ нимъ самимъ на войну и посылать дѣтей своихъ съ полками Московскими (210). Въ духовной записи Владиміръ Андреевичь поручаетъ супругу и дѣтей Великому Князю; отказываетъ свою треть Москвы всѣмъ пяти сыновьямъ вмѣстѣ, такъ, чтобы они вѣдали ее погодно; старшему сыну, Іоанну, даетъ Серпуховъ, Алексинъ, Козельскъ, (а буде сей городъ снова отойдетъ къ Литвѣ, то Любутскъ) — Симеону Боровскъ и половину Городца: другую половину Ярославу, вмѣстѣ съ Малоярославцемъ (названнымъ такъ отъ имени сего Владимірова сына) — Андрею Радонежъ — Василію Перемышль

и Угличь — супругѣ Еленѣ Ольгер
множество селъ (въ томъ числѣ Кол
ское, Тайнинское и славную мельни
устьѣ Яузы); ей же съ меньшими д
большой дворъ Московскій (другимъ
новьямъ особенные домы и сады). С
телями духовной были Игумены Н
Радонежскій, Савва Спасскій и 5 Б
Владиміровыхъ. Какъ сія, такъ и дог
ныя, выше упомянутыя грамоты свидѣ
ствуютъ, что Великій Князь и Влади
надѣясь избавиться отъ ига Моголовъ
не были въ томъ увѣрены: ибо послѣ
обязывается дѣлить съ первымъ Орд
тягости и платить ему за Угличь 105
лей на семь тысячь рублей Ханской
а за Городецъ 160 р. на 1500 р.

Происшествія въ Ордѣ.

Въ самомъ дѣлѣ Великій Князь, пр
вой перемѣнѣ въ Ордѣ, еще на время
зался отъ государственной независим
Темиръ, неизвѣстный по лѣтописямъ
г. 1411. точнымъ, свергнулъ Булата, и прог
Эдигея къ берегамъ Чернаго моря, дол
былъ уступить престолъ Капчака Зел
г. 1412. Салтану, сыну Тохтамышеву, другу В
тову, нашему недоброжелателю, кот
прислалъ въ Россію грозныхъ Посло
въ досаду Василію Димитріевичу хо
возстановить Княженіе Нижегородс
объявивъ сыновей Бориса Констант
вича и Кирдяпы законными его наслѣ

ками [211]: чего они искали въ Ордѣ, и смѣлѣйшій изъ нихъ, Даніилъ Борисовичь, за годъ до того времени съ дружиною Князей Болгарскихъ разбилъ въ Лысковѣ брата Василіева, Петра Димитріевича; а Воевода Даніиловъ съ Казанскимъ Царевичемъ, Талычемъ, ограбилъ Владиміръ, имѣя у себя не болѣе пяти сотъ Моголовъ и Россіянъ: столь унизилась знаменитая столица Боголюбскаго! Лѣтописцы, въ объясненіе сего случая, сказываютъ, что она тогда не имѣла стѣнъ; что ея Намѣстникъ, Юрій Васильевичь Щека, былъ въ отсутствіи, и что непріятели тайно пришли лѣсомъ изъ-за рѣки Клязмы въ самый полдень, когда всѣ граждане спали! Самъ Митрополитъ, преемникъ Кипріановъ, Фотій, будучи въ сіе время близъ Владиміра, на Святомъ озерѣ, едва могъ спастися отъ Татаръ бѣгствомъ въ непроходимыя пустыни Сенежскія. Впрочемъ ни Лысковская побѣда, ни опустошеніе домовъ и церквей Владимірскихъ, не могли возвратить Даніилу родительскаго престола: союзники его, Казанскіе Моголы, немедленно ушли назадъ съ добычею. Но ярлыкъ Хана въ рукахъ Князей Нижегородскихъ, дружба Зелени-Салтана съ Витовтомъ, новый тѣсный союзъ Іоанна Михайловича Тверскаго съ Государемъ Литовскимъ, у коего сынъ его, Александръ, гостилъ въ Кіевѣ [212], и намѣреніе Іоанново ѣхать въ Орду, казались Василію Димитріевичу столь опасными, что онъ рѣшился самъ искать благосклонности Хана, и провождае-

мый всѣми знатнѣйшими Вельможами, съ богатыми дарами отправился въ столицу Капчакскую.

Но Зелени-Салтана уже не стало: другой сынъ Тохтамышевъ, Керимбердей, застрѣлилъ сего недруга Россіянъ, и воцарился. Сей новый Ханъ, какъ вѣроятно, по смерти отца имѣлъ съ другими братьями убѣжище въ областяхъ Московскихъ, и слѣдственно основанное на признательности благорасположеніе къ Василію: по крайней мѣрѣ Великій Князь, имъ обласканный, достигъ своей цѣли; то есть, возвратился съ увѣреніемъ, что бывшіе Владѣтели Суздальскіе не найдутъ въ немъ (Ханѣ) покровителя, а Витовтъ друга, особенно ко вреду Россіи. Іоаннъ Михайловичь Тверскій, также милостиво принятый Керимбердеемъ, съ его согласія удержалъ за собою Кашинъ, не смотря на всѣ исканія брата Василія Михайловича ([213]). Сей бѣдный Князь взятый подъ стражу Намѣстниками Тверскими ушелъ изъ заключенія, скитался по лѣсамъ былъ въ Москвѣ, у Хана, и не могъ нигдѣ найти защиты. Василій Димитріевичь хотя привезъ его съ собою изъ Орды, однакожь не хотѣлъ въ угодность изгнаннику ссориться съ Іоанномъ, который изъявилъ столько великодушія въ бѣдственное для Москвы время, и въ личномъ съ нимъ знакомствѣ, при Дворѣ Хана, доказалъ ему искренними объясненіями, что не имѣетъ никакихъ вредныхъ для Великаго Княженія замысловъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Василій, будучи въ Ханской столицѣ, снова обязался платить дань Мо-

голамъ: онъ платилъ ее, кажется, до самаго конца жизни своей, не смотря на внутреннія безпорядки, на частыя перемѣны въ Ордѣ. Керимбердей, другъ Россіянъ, былъ непріятелемъ Витовта, который, желая свергнуть его съ престола, объявилъ Царемъ Капчакскимъ Князя Могольскаго, именемъ Бетсабулу, и въ Вильнѣ торжественно возложилъ на него знаки Царскаго достоинства: богатую шапку и шубу, покрытую сукномъ багрянымъ (214). Керимбердей, побѣдивъ сего Витовтова Хана, отсѣкъ ему голову; но скоро погибъ отъ руки своего брата, Геремфердена, бывшаго усерднымъ союзникомъ Государя Литовскаго. Кромѣ сего главнаго Хана, непрестанно являлись въ Улусахъ иные Цари, воевали между собою или грабили наши предѣлы: такъ (въ 1415 году) одинъ изъ нихъ, взявъ Елецъ, убилъ тамошняго Князя; такъ Царь Баракъ, сынъ Койричака, побѣдивъ другаго, именемъ Куйдадата, приступалъ (въ 1422 году) къ Одоеву, и плѣнилъ множество людей, но долженъ былъ оставить ихъ, настиженный въ степяхъ Княземъ Юріемъ Романовичемъ Одоевскимъ и Мценскимъ Воеводою, Григоріемъ Протасьевичемъ, которые послѣ, соединясь съ Друцкими Князьями, разбили и Куйдадата. Сей Царь тревожилъ набѣгами и Литовскія и Россійскія области; по чему

г. 1415-1423.

Витовтъ, свѣдавъ о приближеніи его къ (
ву, требовалъ содѣйствія отъ Великаго
зя; и хотя Москвитяне не успѣли взять уч
въ битвѣ: однакожь Витовтовы Полково
плѣнивъ двухъ женъ Куйдадатовыхъ, одну
правили къ своему Государю, а другую въ
скву. — Между тѣмъ и старецъ Эдигей,
пивъ Орду Капчакскую или Волжскую сынов
Тохтамышевымъ, властвовалъ какъ Гос
независимый въ Улусахъ Черноморскихъ.
дучи врагомъ Витовта, онъ (въ 1416 году)
ирлъ многія Литовскія области; не могъ
укрѣпленнаго Кіевскаго замка, но ограби
сжегъ всѣ тамошнія церкви вмѣстѣ съ П
скою Лаврою, плѣнивъ нѣсколько тысячь
данъ, такъ, что съ сего времени, по сло
Историка Длугоша, Кіевъ опустѣлъ соверш
Наконецъ Эдигей, желая спокойствія, прис
въ даръ Витовту трехъ вельблюдовъ, по
тыхъ краснымъ сукномъ, и 27 коней, съ
дующею грамотою: «Князь знаменитый! въ
«дахъ и подвигахъ честолюбія застигла
«обоихъ унылая старость: посвятимъ миру
«токъ жизни. Кровь, проліянная нами въ
«вахъ взаимной ненависти, уже поглощена
«лею; слова бранныя, коими мы другъ
«огорчали, развѣяны вѣтромъ; пламя в
«очистило сердца наши отъ злобы; вода уга
«пламя» (215). Они заключили миръ.

Имѣя долговременную рать съ Прусс
Орденомъ, Витовтъ жилъ мирно съ Васил

Димитріевичемъ, который даже не отказался помогать ему войскомъ. Въ 1422 году, при осадѣ *Голуба* или Кульма, были у Витовта союзныя дружины Московская и Тверская, или *Великіе Россіяне*, какъ сказано въ тогдашней перепискѣ Ордена (216). Увѣряя зятя въ своей пріязни, Витовтъ въ тоже время грозилъ Новогородцамъ, какъ Державѣ особенной. Желая быть въ дружбѣ и съ Литовскимъ Государемъ и съ Московскимъ, они вторично приняли къ себѣ Ольгердова сына, Лугвенія, начальствовать въ ихъ областныхъ городахъ, а брата Василіева, Константина Димитріевича, Намѣстникомъ Великокняжескимъ въ столицу (217); но сія Политика не имѣла совершеннаго успѣха. Примирясь съ Нѣмцами, Витовтъ и Король Ягайло велѣли Лугвенію ѣхать въ Литву, и всѣ трое вмѣстѣ возвратили мирныя грамоты Новогородцамъ. Лугвеній писалъ, что онъ, бывъ у нихъ только на жалованьѣ, разрываетъ сію связь, непріятную его братьямъ, которые составляютъ съ нимъ одного человѣка. «Да будетъ война между нами!» сказали Вѣчу Послы Королевскіе и Витовтовы именемъ двухъ Государей: «вы обѣщали и не хотѣли «дѣйствовать съ нами противъ Нѣмцевъ; «вы торжественно злословите насъ и называете *погаными;* вы благотворите сыну «врага нашего, Юрія Святославича.»

Дѣла Новогородскія.

Θеодоръ Юрьевичь Смоленскій дѣйствительно жилъ тамъ и пользовался великодушною защитою Правительства: сей юный Князь спѣшилъ объявить своимъ покровителямъ, что не хочетъ быть для нихъ виною опасной вражды; онъ немедленно удалился въ Нѣмецкую землю. Новогородцы могли бы обратиться къ Великому Князю; но не имѣя къ нему довѣренности, старались сами обезоружить Витовта, и ссора кончилась миромъ (въ 1414 году), *на старыхъ условіяхъ*, какъ сказано въ лѣтописи: ибо Государь Литовскій не думалъ прямо воевать съ ними, а только искушалъ ихъ твердость угрозами, въ надеждѣ, что сія народная Держава согласится имѣть одну политическую систему съ Литвою, однихъ друзей и непріятелей: то есть, давать ему или войско или серебро въ случаѣ войны съ Нѣмцами. Властолюбіе его тогда не простиралось далѣе: ибо Василій Димитріевичь, уступивъ тестю Смоленскъ, безъ кровопролитія не уступилъ бы Новагорода, который издревле считался областію Великокняжескою. Однакожь Новогородцы поставили на своемъ, удержавъ право мириться и воевать по собственной волѣ, а не въ угодность Государю Литовскому.

Во все княженіе Василія Димитріевича они не имѣли никакой *важной* рати съ непріятелями внѣшними. Толпы Шведовъ грабили иногда въ окрестностяхъ городка Ямы (нынѣ Ямбурга), въ Кореліи и на берегахъ Невы, но уходили немедленно: Россіяне, въ наказаніе за то, сожгли пред-

мѣстіе Выборга и нѣсколько селъ въ окрестностяхъ. Двинскій Посадникъ, Яковъ Стефановичь, ходилъ съ малочисленною дружиною воевать предѣлы Норвегіи; а *Мурмане* или Норвежцы, числомъ до пяти сотъ, приплывъ въ лодкахъ къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ Архангельскъ, обратили въ пепелъ 3 церкви и злодѣйски умертвили Иноковъ Монастырей Николаевскаго и Михайловскаго.—Съ Ливонскими Нѣмцами (въ 1420 году) былъ у Новогородцевъ дружелюбный съѣздъ на берегу Наровы: именемъ первыхъ самъ Магистръ Сифертъ, Ландмаршалъ Вильрабе, Ревельскій Коммандоръ Дидрихъ и Фогтъ Венденскій Іоаннъ, отъ Россіянъ же Намѣстникъ Московскій, Князь Ѳеодоръ Патрикіевичь, два Посадника и три Боярина утвердили вѣчный миръ на древнихъ условіяхъ временъ Александра Невскаго, касательно границъ и торговли (218). Госвинъ, Феллинскій Коммандоръ, и Ругодивскій или Нарвскій Фогтъ, Германъ, пріѣзжали для того въ Новгородъ.

Сія вольная Держава долѣе обыкновеннаго наслаждалась тогда и внутреннимъ гражданскимъ спокойствіемъ. Только одинъ случай возмутилъ оное. Разскажемъ его въ доказательство, какія маловажныя причины могутъ иногда волновать общество народное. Нѣкто людинъ или простой гражданинъ, именемъ Стефанъ, злобствуя на Боярина Данила Божина, схватилъ его на улицѣ, крича: «добрые люди! помогите мнѣ управиться «съ злодѣемъ.» Народъ взялъ сторону людина,

и безъ всякаго изслѣдованія сбросилъ Данил
мосту. Одинъ добродушный рыболовъ не д
утонуть невинному Боярину, а народъ въ н
стовствѣ разграбилъ домъ сего человѣка. Д
могло бы тѣмъ кончиться; но Данило, жа
мести, посадилъ своего обидчика въ темниц
чемъ узнавъ, всѣ граждане Торговой Стор
взволновались, ударили въ Вѣчевый колок
надѣли доспѣхи, взяли знамя и пришли въ К
модемьянскую улицу, гдѣ жилъ Бояринъ Дан
въ нѣсколько минутъ домъ его былъ сравн
съ землею и Стефанъ освобожденъ. Завидуя
бытку Бояръ, и приписывая имъ дороговн
хлѣба, они разграбили множество дворовъ и
настырь Св. Николая, утверждая, что въ н
Боярскія житницы. Сторона Софійская, гдѣ
тали граждане знатнѣйшіе, противилась ихъ
дѣяніямъ, и также вооружилась. Звонили въ
локола, бѣгали, вопили, и стараясь занять Б
шой мостъ, стрѣляли другъ въ друга. Одн
словомъ, казалось, что свирѣпый непріятель
шелъ въ городъ, и что жители, по ихъ древн
любимому выраженію, умираютъ *за Свят
Софію*. Въ сіе самое время сдѣлалась ужас
гроза: отъ непрестанной молніи небо ка
лось пылающимъ; но мятежъ народа бы
еще ужаснѣе грозы. Тогда архіепископъ
вогородскій Симеонъ, возведенный на
степень по жребію изъ простыхъ Инок
(не будучи даже ни Священникомъ, ни Діа
номъ), мужъ рѣдкихъ добродѣтелей, собр

все Духовенство въ храмѣ Софійскомъ, облачился въ ризы Святительскія, и провождаемый Клиросомъ вышелъ къ народу, сталъ посреди мосту, и взявъ въ руки животворящій крестъ, началъ благословлять обѣ Стороны. Въ одно мгновеніе шумъ и волненіе утихли; толпы сдѣлались неподвижны; оружіе и шлемы упали на землю, и вмѣсто ярости изобразилось на лицахъ умиленіе. «Идите въ домы свои съ Богомъ и съ «миромъ!» вѣщалъ добродѣтельный Пастырь — и граждане въ безмолвіи, въ тишинѣ, въ духѣ смиренія и братства, разошлися [219]. Сей достопамятный случай прославилъ Архіепископа Симеона.

Съ Великимъ Княземъ жили Новогородцы въ мирѣ, болѣе притворномъ, нежели искреннемъ: они не преставали ни опасаться Василія, ни досаждать ему. Въ 1417 году измѣнники, бѣглецы Новогородскіе, Симеонъ Жадовскій и Михайло Разсохинъ, собравъ толпы бродягъ на Вяткѣ, въ Устюгѣ, вмѣстѣ съ Бояриномъ брата Василіева, Юрія Димитріевича, изъ областей Великокняжескихъ нападали на Двинскую землю и сожгли Колмогоры; за то Бояре Новогородскіе, выгнавъ сихъ разбойниковъ, сами ограбили Устюгъ, будто бы безъ вѣдома Правительства, такъ же, какъ Разсохинъ и Жадовскій дѣйствовали будто бы безъ всякаго сношенія съ Москвою [220]. Ссора Василія Димитріевича съ братомъ Константиномъ, въ 1420 году, подала Новогородцамъ случай сдѣлать не малую досаду первому. Слѣдуя

новому уставу въ правахъ наслѣдственныхъ, Великій Князь требовалъ отъ братьевъ, чтобы они клятвенно уступили старѣйшинство пятилѣтнему сыну его, именемъ Василію. Константинъ не хотѣлъ сдѣлать того и лишился Удѣла; Бояръ его взяли подъ стражу; имѣніе ихъ описали. Злобствуя на Великаго Князя, онъ уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ Правительство, ни мало не боясь Василіева гнѣва, съ отмѣнными ласками приняло Константина Димитріевича, дало ему въ Удѣлъ всѣ города, бывшіе за Лугвеніемъ, и какой-то особенный денежный сборъ, именуемый *Коробейщиною* [221]. Великій Князь долженъ былъ оскорбиться; но скрылъ гнѣвъ, и примирился съ братомъ, огорчаемый тогда ужасными естественными бѣдами отечества.

Язва. Язва, которая со времень Симеона Гордаго нѣсколько разъ посѣщала Россію, ужаснѣе прежняго открылась въ княженіе Василія Димитріевича: во Псковѣ и въ Новѣгородѣ была четыре раза, и дважды въ областяхъ Московскихъ, Тверскихъ, Смоленскихъ, Рязанскихъ. Признаки и слѣдствія оказывались тѣ же: а именно, желѣза, кровохарканіе, ознобъ, жаръ, — и смерть неминуемая. Иногда приходила сія гибельная чума во Псковъ изъ Ливонскаго Дерпта, иногда изъ другихъ мѣстъ, или возобновлялась отъ употребленія вещей зараженныхъ

выхъ. Опустошивъ Азію, Африку, Европу, она нигдѣ не свирѣпствовала такъ долго, какъ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ отъ 1352 года до 1427 въ разныя времена безчисленное множество людей было ея жертвою: въ одномъ Новѣгородѣ, по извѣстію Нѣмецкаго Историка Кранца, умерло 80,000 человѣкъ въ 6 мѣсяцевъ: «люди (говоритъ «онъ) ходя падали на улицахъ и въ одну «минуту испускали духъ; здоровые шли «погребать усопшихъ, и внезапно лишаясь «жизни, въ той же могилѣ были сами по«гребаемы» (222). Ни посты, ни чинъ Ангельскій не спасали: алчная смерть, въ городахъ и селахъ наполняя скудельницы трупами, искала добычи и въ святыхъ Обителяхъ душевнаго мира. Строили церкви; отказывали имѣніе монастырямъ: иныхъ средствъ не употребляли. Суевѣрные Псковитяне, желая смягчить Небо, сожгли 12 мнимыхъ вѣдьмъ, и зная по преданію, что древнѣйшая церковь Христіанская, въ ихъ городѣ созданная, была посвящена Св. Власію, возобновили оную на старомъ мѣстѣ, въ надеждѣ, что Господь скорѣе услышитъ тамъ ихъ моленіе о концѣ сего бѣдствія. Еще не довольно: въ 1419 году выпалъ глубокій снѣгъ 15 Сентября, когда еще хлѣбъ не былъ убранъ; сдѣлался общій голодъ и продолжался около трехъ лѣтъ во всей Россіи; люди питались кониною, ма-

Голодъ.

сомъ собакъ, кротовъ, даже трупами
вѣческими; умирали тысячами въ до
и гибли на дорогахъ отъ зимняго нео
новеннаго холода въ 1422 году. Сп
продавался оковъ ржи (или 8 осминъ
рублю, въ Костромѣ по два, въ Ниж
по шести рублей (что составляло фунт
$^{1}/_{4}$ серебра); наконецъ не-гдѣ было ку
осьмины. Зная, что во Псковѣ находи
много ржи запасной, жители Новог
скіе, Тверскіе, Московскіе, Чудь, Ко
толпами устремились въ сію область,
тые покупать и вывозить хлѣбъ, а ску
кормиться милостынею. Скоро цѣна
возвысилась, и четверть ржи стоила
около двухъ рублей. Псковитяне, за
тивъ вывозъ хлѣба, изгнали всѣхъ
шельцевъ, и сіи бѣдные съ женами
дѣтьми умирали на большой дорогѣ. К
того, Москва и Новгородъ были привод
въ ужасъ частыми пожарами. Въ 1421
необыкновенное наводненіе затопило б
шую часть Новагорода и 19 монасты
люди жили на кровляхъ; множество дом
и церквей обрушилось. Къ симъ страшн
явленіямъ надлежитъ еще прибавить з
безъ снѣга, бури неслыханныя, дожди
менные и славную Комету 1402 года,
суевѣровъ Италіи предвѣстницу смерти
Мысль о ланскаго Герцога, Іоанна Галеаса. Одн
преста- словомъ, Россіяне ждали конца міру, н

мысль имѣли самые просвѣщеннѣйшіе люди тогдашняго времени. «Іисусъ Христосъ» — говорили они — «сказалъ, что въ послѣд-«ніе дни будутъ великія знаменія небесныя, «гладъ, язвы, брани и неустройства; воз-«станетъ языкъ на языкъ, Царство на Цар-«ство: все видимъ нынѣ. Татары, Турки, «Фряги, Нѣмцы, Ляхи, Литва, воюютъ «вселенную. Что дѣлается въ нашемъ пра-«вославномъ отечествѣ? Князь возстаетъ «на Князя, братъ остритъ мечь на брата, «племянникъ *куетъ* копіе на дядю» (223). Въ самыхъ дѣлахъ государственныхъ о томъ упоминалось. Когда Псковитяне (въ 1397 году) заключали миръ съ Новогородцами, Архіепископъ Іоаннъ, будучи между ими посредникомъ, склонилъ ихъ къ дружелюбію словами: «дѣти! видите уже по-«слѣднее время!»

вленія свѣта.

Среди общаго унынія и слезъ, какъ говорятъ Лѣтописцы, Василій Димитріевичь преставился на 53 году отъ рожденія, княживъ 36 лѣтъ, съ именемъ Властителя благоразумнаго, не имѣвъ любезныхъ свойствъ отца своего, добросердечія, мягкости во нравѣ, ни пылкаго воинскаго мужества, ни великодушія геройскаго, но украшенный многими государственными достоинствами, чтимый Князьями, народомъ, уважаемый друзьями и непріятелями. Присвоивъ себѣ Нижній Новгородъ, *Суздаль*, Муромъ, —

Г. 1425. Февраля 27. Кончина и характеръ Василія.

рить на Литву, чтобы соединить южную Россію съ сѣверною, а послѣ тѣмъ удобнѣе свергнуть иго Ханское. Но всѣ ли обстоятельства намъ извѣстны? Успѣхъ предпріятія столь великаго и смѣлаго былъ ли дѣйствительно вѣроятенъ? Князь Московскій, Государь шести или семи нынѣшнихъ Губерній въ сѣверной Россіи, имѣлъ ли способъ сокрушить Витовта, который, властвуя надъ ея лучшею, многолюднѣйшею половиною и надъ всею Литвою, располагая также силами Польши, легко могъ, утративъ одно войско на берегахъ Ворсклы, собрать другое? Великій Князь безъ сомнѣнія не думалъ щадить тестя и не жертвовалъ отечествомъ какой нибудь семейственной слабости (бывъ нѣсколько разъ готовъ сразиться съ Витовтомъ въ полѣ); но дѣйствовалъ такъ по лучшему своему государственному разумѣнію. Смѣлость оправдывается только успѣхомъ; безвременная, неудачная губитъ Державы — и часто благодарность отечества принадлежитъ тому, кто безъ крайности не дерзалъ на опасность, и не искалъ имени *Великаго*.

Довольно, что Василій умѣлъ обуздывать тестя, и не далъ ему поглотить остальныхъ владѣній независимой Россіи. Съ 1408 года они жили въ непрерывномъ согласіи, и года за два до кончины Великаго Князя супруга его ѣздила къ отцу въ Смоленскъ, можетъ быть не только для свиданія, но и для важныхъ государственныхъ переговоровъ ([225]). Василій, кажется, чувствовалъ себя близкимъ къ смерти; хотѣлъ заблаго-

временно взять мѣры къ утвержденію сына на престолѣ Великокняжескомъ, и въ завѣщаніи своемъ говоритъ, что онъ поручаетъ его, вмѣстѣ съ матерію, дружескому заступленію тестя и брата, Государя Литовскаго, который именемъ Божіимъ ему въ томъ обязался (226). Вѣроятно, что Княгиня Софія въ семъ важномъ дѣлѣ была посредницею между отцемъ и супругомъ. Василій оставлялъ сына младенцемъ; зналъ честолюбіе братьевъ, въ особенности Юрія и Константина; предвидѣлъ, что они могутъ воспротивиться новому уставу наслѣдства, подчинявшему дядей племяннику, и надѣялся, что сильный и не менѣе гордый Витовтъ, признательный къ лестной его довѣренности, захочетъ оправдать ее ревностію къ пользѣ юнаго внука, согласной съ нашею государственною: ибо древній, многосложный, неясный законъ родоваго старѣйшинства болѣе всего питалъ междоусобіе въ Россіи. Могъ ли Великій Князь дѣйствительно ожидать безкорыстныхъ услугъ отъ тестя, посѣдѣвшаго въ козняхъ властолюбія? Но сія довѣренность кажется болѣе хитростію, нежели слабодушнымъ легковѣріемъ: она состояла только въ словахъ, и возлагая на Витовта обязанность защитить сына Василіева въ случаѣ насилія со стороны дядей, не давала Литвѣ никакихъ способовъ поработить Москву: ибо

Завѣщаніе.

Совѣтъ Великокняжескихъ Бояръ, пѣстуновъ Государя-отрока, зналъ, чего требовать отъ иноплеменнаго покровителя, и до чего не допускать его.

Въ семъ завѣщаніи Василій, *благословляя* сына *Великимъ Княженіемъ* и поручая матери, отказываетъ ему все родительское наслѣдіе и собственный *примыслъ* (Нижній Новгородъ, Муромъ), *треть Москвы* (ибо другія двѣ части принадлежали сыновьямъ Донскаго и Владиміра Андреевича), Коломну и села въ разныхъ областяхъ; сверхъ того *большой лугъ* за Москвою рѣкою, Ходынскую мельницу, дворъ Ѳоминскій у Боровицкихъ воротъ и загородный у Св. Владиміра; а изъ вещей драгоцѣнныхъ золотую шапку, бармы, крестъ Патріарха Филоѳея, каменный сосудъ Витовтовъ, хрустальный кубокъ, даръ Короля Ягайла, и проч.; всѣ иныя вещи отдаетъ супругѣ, также и многія волости, прибавляя: «тамъ Княгиня моя господствуетъ и «судитъ до кончины своей; но должна оставить «ихъ въ наслѣдство сыну: села же, ею купленныя, вольна отдать, кому хочетъ. Дочерямъ «отказываю каждой по пяти семей изъ рабовъ «моихъ; Княгинины холопи остаются служить «ей; прочихъ освобождаю» ([227]). Грамота скрѣплена восковыми печатями, четырмя Боярскими и пятою Великокняжескою съ изображеніемъ всадника; а внизу подписана Митрополитомъ Фотіемъ (Греческими словами). Замѣтимъ, что Василій Димитріевичь уже именно объявляетъ

здѣсь сына преемникомъ своимъ въ
стоинствѣ Великокняжескомъ; но при
ни старшаго сына, Іоанна, умершаго о
комъ, написавъ подобное же завѣщ
говоритъ въ ономъ [228]: «а дастъ
« Князю Ивану Великое Княженіе держа
слѣдственно еще предполагаетъ необх
мость Ханскаго на то согласія. Сія не
духовная сочинена около 1407 года, и с
плена одною серебряною, вызолоче
печатію съ изображеніемъ Св. Василі
ликаго и съ надписью: *Князя Великаг*
силія Димитріевича всея Руси.

Договоръ съ Рязанскимъ Княземъ.

Въ числѣ грамотъ сего времени со
нился также договоръ Великаго Княз
Ѳеодоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ,
санный въ 1403 году. Ѳеодоръ, обязы
чтить Василія старѣйшимъ братомъ, н
ваетъ Владиміра Андреевича и Юрія Д
тріевича равными себѣ, а другихъ сын
Донскаго меньшими братьями; даетъ с
не имѣть никакихъ сношеній съ Хана
съ Литвою безъ вѣдома Василіева, увѣ
лять его о всѣхъ движеніяхъ или нам
ніяхъ Орды, жить въ любви съ Князь
Торусскими и Новосильскими, слугами
ликаго Князя; признаетъ Оку грани
своихъ и Московскихъ владѣній, и п
Василій же, уступивъ ему Тулу, обѣщ
не подчинять себѣ ни земли Рязанской
ея Князей; именуетъ Ѳеодора *Вели*

Княземъ, но вообще говоритъ языкомъ верховнаго, хотя и снисходительнаго, или умѣреннаго въ властолюбіи повелителя (229).

Къ блестящимъ для Россіи дѣяніямъ Василіева государствованія принадлежитъ услуга, оказанная симъ Великимъ Княземъ Императору Греческому, Мануилу. Уже славное Царство Константина Великаго находилось при послѣднемъ издыханіи. Уступивъ всю Малую Азію, Ѳракію и другія владѣнія Османскимъ Туркамъ, которые осаждали и Царьградъ, спасенный единственно Тамерланомъ, счастливымъ врагомъ Баязетовымъ; утративъ почти все, кромѣ столицы, Мануилъ находился въ крайности, и не имѣя казны, не могъ имѣть и войска, нужнаго для своей защиты. Свѣдавъ о семъ жалостномъ оскудѣніи Монарха единовѣрнаго, Василій Димитріевичь не только самъ отправилъ къ нему (въ 1398 году) знатное количество серебра съ Монахомъ Ослѣбсю, бывшимъ Любутскимъ Боляричемъ, но уговорилъ и другихъ Князей Россійскихъ сдѣлать то же (230). Сіи дары были приняты въ Константинополѣ съ живѣйшею благодарностію: Царь, Патріархъ, народъ прославили великодушіе Россіянъ; и Мануилъ, чтобы еще болѣе утвердить дружелюбную связь съ Москвою, женилъ (въ 1414 году) сына своего, Іоанна, на дочери Василія Димитріевича, Аннѣ. И

Дары посланные въ Грецію

такъ брачные союзы между Государями Восточной Имперіи и Россійскими начались и заключились невѣстами одного имени.

Дочь Василіева за Императоромъ.

Бракъ первой Анны, супруги Владиміра Святаго, имѣлъ счастливыя дѣйствія для Греціи; но внука Донскаго видѣла тамъ одни бѣдствія, и чрезъ три года скончалась отъ мороваго повѣтрія ([231]). Супругъ ея царствовалъ подъ именемъ Іоанна Палеолога и не оставилъ дѣтей.

Дѣла церковныя.

Церковныя дѣла сего времени особенно достопамятны въ нашей Исторіи. Мы видѣли, что при Димитріи Россія имѣла двухъ Митрополитовъ: сѣверная Пимена, южная Кипріана. Кончина перваго соединила обѣ Митрополіи, и Кипріанъ, бывъ для того въ Царѣградѣ, выѣхалъ оттуда съ великою пышностію, провождаемый двумя Греческими Митрополитами, Адріанопольскимъ и Гаанскимъ, тремя Архіепископами (Θеодоромъ Ростовскимъ, Евфросиномъ Суздальскимъ, Исаакіемъ Черниговскимъ), Епископомъ Михаиломъ Смоленскимъ, Грекомъ Іеремією Рязанскимъ и Θеодосіемъ (*) Туровскимъ ([232]). Великій Князь, Бояре и народъ съ великою честію встрѣтили Кипріана въ Котлахъ, радуясь, что Глава все-

(*) См. Калайдовича о Туровскомъ Епископѣ. XVI (отмѣтка Историографа на собственномъ его экземплярѣ Ист. Гос. Росс).

го Духовенства Россійскаго снова будетъ обитать въ Московской столицѣ, и зная уже личныя его достоинства. Въ самомъ дѣлѣ сей Митрополитъ имѣлъ жаркое усердіе къ Вѣрѣ и нравственность непорочную, строго судилъ неправды Епископовъ, и не дозволялъ имъ противиться власти Княжеской. Такъ онъ справедливо наказалъ Епископа Тверскаго, Евфимія Вислена, обвиняемаго Княземъ, Духовенствомъ и народомъ въ разныхъ беззаконіяхъ; свелъ его съ Епископіи и велѣлъ ему жить въ кельѣ Чудова монастыря; а Епископа Туровскаго, Антонія, въ угодность Витовту лишивъ и сана Святительскаго, отнявъ у него *бѣлый* клобукъ, ризницу, источники и скрижали, заключилъ въ Симоновской Обители. Другой Епископъ Литовской Россіи, Савва Луцкій, (въ 1401 году) призванный на Соборъ девяти Архіереевъ въ Москвѣ, долженствовалъ отказаться отъ своей Епархіи: вѣроятно, также имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ Витовтовъ. Мы говорили о судьбѣ Архіепископа Новогородскаго Іоанна, около трехъ лѣтъ сидѣвшаго въ монастырѣ Николаевскомъ единственно по негодованію Великаго Князя на сего ревностнаго ходатая правъ Новогородскихъ. Дѣйствуя всегда согласно съ пользою или волею государственныхъ Властителей, Кипріанъ сохранилъ подъ своимъ начальствомъ Епархіи южной Россіи и былъ отмѣнно любимъ Василіемъ Димитріевичемъ. Мы должны упомянуть здѣсь о грамотѣ, будто бы данной Кипріану симъ Госу-

даремъ на суды церковные, и внесенной въ нѣкоторыя новѣйшія лѣтописи, съ прибавленіемъ, что она выписана изъ стараго Московскаго Номоканона [233]. Въ ней сказано: «Се азъ Князь «Великій Василій Димитріевичь, размысливъ съ «отцемъ своимъ, Митрополитомъ Кипріаномъ, «возобновляю древніе уставы церковные прадѣда «моего, Св. Владиміра, и сына его, Ярослава, «согласно съ Греческимъ Номоканономъ.... «Въ лѣто 6911» (1403). Сіи два устава, мнимый Владиміровъ и Ярославовъ, суть явно подложные: могъ ли благоразумный Василій Димитріевичь вѣрить ихъ истинѣ? могъ ли самъ Митрополитъ предложить Государю законы столь нелѣпые, по которымъ надлежало платить за бранное слово, сказанное женщинѣ, во сто разъ болѣе, нежели за гнуснѣйшія преступленія и злодѣйства [234]? Кипріанъ славился не только благочестіемъ, но и дарованіями разума. Уважаемый Константинопольскимъ Духовенствомъ, онъ былъ призванъ имъ на Соборъ, чтобы торжественно низвергнуть беззаконнаго Патріарха Макарія, и вмѣстѣ съ знаменитѣйшими Греческими Святителями подписалъ имя свое на *свиткѣ* Макаріева *осужденія*. Любя уединеніе, онъ жилъ большею частію внѣ Москвы, въ селѣ Голенищевѣ, между Воробьевыми горами и Поклонною, гдѣ наслаждаясь пріятными видами и тишиною, переводилъ книги съ Греческаго и сочинилъ житіе Св. Петра Митрополита [235], въ коемъ, говоря о себѣ весьма скромно, описы-

ваетъ видѣнныя имъ мятежи и бѣдствія въ Греціи. Какъ ревностный учитель Вѣры, онъ имѣлъ удовольствіе обратить трехъ знаменитыхъ Вельможъ Ханскихъ: Бахтыя, Хидыря и Мамата, которые выѣхали изъ Орды въ Москву, и просвѣщенные его бесѣдами, захотѣли креститься. Сей торжественный обрядъ совершился на берегу Москвы рѣки, въ присутствіи Великаго Князя и всего Двора, при колокольномъ звонѣ и радостныхъ восклицаніяхъ безчисленнаго народа. Москвитяне плакали отъ умиленія, видя древнихъ гордыхъ враговъ своихъ смиренно внимающихъ гласу Митрополита, и веселились мыслію, что торжество нашей Вѣры предзнаменуетъ и близкое торжество нашего отечества. Названные именами трехъ Святыхъ Отроковъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, сіи новокрещенные ходили вмѣстѣ по городу, дружелюбно кланялись народу и были имъ привѣтствуемы какъ братья [236]. — Уважаемый и любимый, Кипріанъ скончался въ маститой старости, за нѣсколько дней до смерти (въ 1406 году) написавъ грамоту къ Василію Димитріевичу, ко всѣмъ Князьямъ Россійскимъ, Боярамъ, Духовенству, мірянамъ, благословляя ихъ и требуя Христіанскаго прощенія. Архіепископъ Ростовскій, Григорій, читая оную въ слухъ надъ гробомъ его въ Успенскомъ Соборѣ, произвелъ общее рыданіе. Съ того времени всѣ новѣйшіе Митрополиты Московскіе списывали сію грамоту и приказывали читать ее на своемъ погребеніи.

Преемникомъ Кипріановымъ былъ (въ 1409 году) Фотій, Морейскій Грекъ, который зналъ хорошо языкъ Славянскій, хотя обыкновенно писалъ имя свое по-Гречески ([237]): мужъ разумный и добродѣтельный, какъ говорятъ Лѣтописцы, но весьма несчастливый въ своемъ церковномъ правленіи. Пріѣхавъ въ сѣверную Россію, опустошенную тогда Эдигеемъ, онъ съ великою ревностію старался о возстановленіи Митрополитскаго достоянія, расхищеннаго и непріятелемъ и корыстолюбцами. Стяжанія церковныя были захвачены мірянами; села, земли, воды, пошлины отняты: надлежало отыскивать ихъ и тягаться съ людьми сильными, съ Князьями, съ Боярами: чѣмъ Фотій возбудилъ на себя досаду многихъ; говорили, что онъ печется болѣе о мірскомъ, нежели о духовномъ; винили его въ излишнемъ корыстолюбіи, можетъ быть отчасти и справедливо; по крайней мѣрѣ самъ Великій Князь ему недоброхотствовалъ, и не любя Митрополита, смотрѣлъ по видимому равнодушно и на вредъ, скоро претерпѣнный Митрополіею.

Хитрый Витовтъ безъ сомнѣнія издавна видѣлъ съ неудовольствіемъ свои Россійскія земли подъ духовною властію Святителя иподержавнаго. Митрополиты наши именовались Кіевскими, но жили въ Москвѣ, усердствовали ея Государямъ, и повелѣвая совѣстію людей, питали духъ братства между южною и сѣверною Россіею, опасный для Правленія Литовскаго; сверхъ

того, собирая знатные доходы въ первой, истощали ея богатство и переводили оное въ Московское Великое Княженіе. Благоразумная Политика Кипріанова удаляла исполненіе Витовтова замысла: сей Пастырь, выѣхавъ изъ Литовскихъ владѣній въ Москву, какъ въ столицу Государя правовѣрнаго, слѣдственно и Митрополіи, не оставлялъ Кіева; посѣтивъ его въ 1396 году, жилъ тамъ около осьмнадцати мѣсяцевъ; ѣздилъ и въ другія южныя Епархіи; вообще угождалъ Витовту. Фотій, Монахъ отъ юности, мало свѣдущій въ дѣлахъ государственныхъ, и воспитанный въ ненависти къ Латинской Церкви, не искалъ милости въ Витовтѣ, усердномъ Католикѣ; не хотѣлъ даже быть въ областяхъ его, и требовалъ единственно доходовъ оттуда. Тогда Витовтъ, созвавъ Епископовъ южной Россіи, предложилъ имъ избрать особеннаго Митрополита, и велѣлъ подать себѣ жалобу на Фотія какъ на Пастыря нерадиваго. Тщетно Фотій хотѣлъ отвратить ударъ: онъ спѣшилъ въ Кіевъ, чтобы примириться съ Витовтомъ или ѣхать въ Константинополь къ Патріарху; но ограбленный въ Литвѣ, долженствовалъ возвратиться въ Москву. Намѣстники его были высланы изъ южной Россіи, волости и села Митрополитскія описаны на Государя и розданы Вельможамъ Литовскимъ ([238]). Согласно съ желаніемъ Духовенства, Витовтъ послалъ въ Константинополь ученаго Болгарина, именемъ Григорія Цамблака, ласковыми письмами убѣждая

Императора и Патріарха поставить сего достойнаго мужа въ Митрополиты Кіевскіе. Когда же, доброхотствуя Фотію, Патріархъ не исполнилъ его воли: всѣ Епископы южной Россіи съѣхались въ Новогродокъ, и сами собою, въ угодность Государю, посвятили Цамблака въ Митрополиты, написавъ во всенародное извѣстіе слѣдующую достопамятную грамоту (239):

«Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ, «свыше исходяй отъ Отца свѣтомъ. И мы пріяли «сей даръ Небесный; и мы утѣшились онымъ, «Епископы странъ Россійскихъ, друзья и братья «по Духу Святому, смиренный *Архіепископъ* Полоцкій и Литовскій, Θеодосій, Епископъ Исаакій Черниговскій, Діонисій Луцкій, Герасимъ «Владимірскій, Севастіанъ Смоленскій, Харитоній Хельмскій, Евфимій Туровскій. Видя запустѣніе Церкви Кіевской, главной въ Руси, имѣя «Пастыря только именемъ, а не дѣломъ, мы «скорбѣли душею: ибо Митрополитъ Фотій презиралъ наше духовное стадо; не хотѣлъ ни «править онымъ, ни видѣть его; корыстовался «единственно нашими церковными доходами, и «переносилъ въ Москву древнюю утварь Кіевскихъ храмовъ. Богъ милосердый подвигнулъ «сердце Великаго Князя Александра Витовта, «Литовскаго и многихъ Русскихъ земель Господаря: онъ изгналъ Фотія и просилъ инаго Митрополита отъ Царя и Патріарха; но ослѣпленные неправедною мздою, они не вняли моленію *«праведному*. Тогда Великій Князь собралъ насъ

«Епископовъ, всѣхъ Князей Литовскихъ, Рус-«скихъ и другихъ подвластныхъ ему, Бояръ, «Вельможъ, Архимандритовъ, Игуменовъ, Свя-«щенниковъ — и мы въ Новомъ Градѣ Литов-«скомъ, въ храмѣ Богоматери, по благодати «Святаго Духа и преданію Апостольскому посвя-«тили Кіевской Церкви Митрополита, именемъ «Григорія, и свергнули Фотія, представивъ его «вины Патріарху, да не рекутъ люди сторонніе: «*Государь Витовтъ иной Вѣры; онъ не печется о* «*Кіевской Церкви*, которая есть мать Русскимъ, «ибо Кіевъ есть мать всѣмъ градамъ нашимъ. «Епископы издревле имѣли власть ставить Ми-«трополитовъ, и при Великомъ Князѣ Изяславѣ «посвятили Климента. Такъ и Болгары, древнѣй-«шіе насъ въ Христіанствѣ, имѣютъ собствен-«наго Первосвятителя; такъ и Сербы, коихъ «земля не можетъ равняться ни величествомъ, «ни множествомъ народа съ областями Алексан-«дра Витовта. Но что говорить о Болгарахъ и «Сербахъ! Мы послѣдовали уставу Апостоловъ, «которые предали намъ, ученикамъ своимъ, бла-«годать Св. Духа, равно дѣйствующую на всѣхъ «Епископовъ. Собираяся во имя Господне, Свя-«тители вездѣ могутъ избирать достойнаго учи-«теля и Пастыря, Самимъ Богомъ избираемаго. «Да не скажутъ легкомысленные: *отлучимся* *отъ нихъ, когда они удалились отъ Церкви Грече-* *ской!* Нѣтъ: мы хранимъ преданія Святыхъ «Отцевъ, клянемъ ереси, чтимъ Патріарха Кон-«стантиноградскаго и другихъ; имѣемъ одну

«Вѣру съ ними, но отвергаемъ только беззакон-
«ную въ церковныхъ дѣлахъ власть, присвоен-
«ную Царями Греческими: ибо не Патріархъ, но
«Царь даетъ нынѣ Митрополитовъ, торгуя
«важнымъ Первосвятительскимъ саномъ. Такъ
«Мануилъ, любя не славу Церкви, а корысть
«свою, въ одно время прислалъ намъ трехъ Ми-
«трополитовъ: Кипріана, Пимена и Діонисія.
«Сіе было виною многихъ долговъ, убытковъ,
«мятежа, убійства [240], и — что всего хуже —
«безчестія для нашей Митрополіи. Разсудивъ
«же, что не подобаетъ Царю-мірянину ставить
«Митрополитовъ за деньги, мы избрали достой-
«наго Первосвятителя . . . . Въ лѣто 6924 Ин-
«дикта, Ноября 15» (въ 1415 году).

Тщетно Фотій писалъ грамоты къ Вельмо-
жамъ и народу южной Россіи, опровергая неза-
конное посвященіе Григорія, какъ дѣло одной
мірской власти или *иновѣрнаго мучителя*, врага
истинной Церкви [241]: древняя единственная
Митрополія наша раздѣлилась оттолѣ на двѣ, и
Московскіе Первосвятители оставались только
по имени Кіевскими. Григорій Цамблакъ, мужъ
ученый и книжный, замышляя для славы своей
соединить Церковь Греческую съ Латинскою,
ѣздилъ для того съ Литовскими Панами въ
Римъ и въ Константинополь, но возвратился
безъ успѣха и скончался въ 1419 году, хвали-
мый въ южной Россіи за свое усердіе къ Вѣ-
рѣ и проклинаемый въ Московской Соборной
церкви какъ отступникъ [242]. Онъ уставилъ

торжествовать память Св. Параскевы Тарновской и написалъ ея житіе вмѣстѣ со многими Христіанскими поученіями. Преемникомъ его въ Кіевской Митрополіи былъ Герасимъ, Смоленскій Епископъ, поставленный Константинопольскимъ Патріархомъ въ 1433 году ([243]).

Судная грамота.

Отвергая мнимую Василіеву грамоту о судѣ церковномъ, между памятниками его княженія нашли мы другую, гораздо несомнительнѣйшую, о судѣ гражданскомъ. Она тѣмъ любопытнѣе, что со временъ Ярослава Великаго до XV вѣка не встрѣчалось намъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ архивахъ, ничего относительнаго къ древнему Россійскому законодательству. Сія судная грамота писана къ Двинскимъ жителямъ, когда они въ 1397 году признали себя подданными Государя Московскаго, и содержитъ слѣдующее ([244]):

«Буде я, Великій Князь, опредѣлю къ «вамъ въ Намѣстники своего Боярина, или «Двинскаго, то они должны поступать со«гласно съ симъ предписаніемъ.

«Ежели сдѣлается убійство, то сыскать «убійцу; ежели не найдутъ его, то волость «платитъ Намѣстнику 10 рублей; за рану «кровавую 30 бѣлокъ, за синюю 15 бѣлокъ; «а преступникъ наказывается особенно.

«Кто обезчеститъ Боярина словами или

«ударитъ, съ того взыскиваютъ Намѣстники «пеню по чину или роду обиженнаго.

«Буде драка случится въ пиршествѣ, и тамъ «же прекратится миромъ: то Намѣстникамъ и «Дворянамъ нѣтъ дѣла; а буде миръ сдѣлается «уже послѣ, то Намѣстникъ беретъ куницу «*шерстью*.

«Перепахавъ или перекосивъ межу на одномъ «полѣ или на одномъ лугу, виновный даетъ ба-«рана, за перепаханную межу сельскую 30 бѣ-«локъ, за Княжескую 120 бѣлокъ; но его не вя-«зать. — Вообще всѣ судимые, дающіе порукъ, «остаются свободны. Съ человѣка скованнаго «Дворянамъ судейскимъ не просить ничего; вся-«кое обѣщаніе въ такомъ случаѣ недѣйстви-«тельно.

«У кого найдется краденое, но кто сведетъ съ «себя татьбу, и доищется вора: тому нѣтъ нака-«занія. Воръ же платитъ въ первый разъ цѣну «украденнаго; за преступленіе вторичное нака-«зывается тяжкою денежною пенею, а въ третій «разъ висѣлицею. Тать во всякомъ случаѣ дол-«женъ быть заклейменъ.

«Уличенный въ *самосудѣ* платитъ 4 рубля; а «самосудъ есть то, когда гражданинъ или земле-«дѣлецъ, схвативъ татя, отпуститъ его за день-«ги, а Намѣстники о семъ узнаютъ.

«Кто будучи вызываемъ къ суду, не явится, «на того Намѣстники даютъ грамоту *правую* «*безсудную* или обвинительную.

«Господинъ, ударивъ холопа своего и нечаян-

«но убивъ до смерти, не отвѣтствуетъ за то На-
«мѣстникамъ.

«Въ тяжбахъ со всякаго рубля Намѣстнику
«полтина.

«Обиженные Намѣстникомъ приносятъ жа-
«лобу мнѣ, Великому Князю. Я потребую его къ
«отвѣту; и буде въ срокъ не явится, то велю
«Приставу Княжескому поступить съ нимъ какъ
«съ виновнымъ.

«Двинскіе купцы не должны быть судимы ни
«въ Устюгѣ, ни въ Вологдѣ, ни въ Костромѣ.
«Если будутъ обличены въ татьбѣ, то предста-
«вить ихъ ко мнѣ, Великому Князю, и ждать
«моего суда, или жаловаться на нихъ Двин-
«скимъ моимъ Намѣстникамъ.

«Двиняне торгуютъ безъ пошлины во всѣхъ
«областяхъ Великаго Княженія, платя един-
«ственно Устюжскимъ и Вологодскимъ Намѣст-
«никамъ двѣ мѣры соли съ ладіи, а съ воза двѣ
«бѣлки,» и проч. Далѣе опредѣляется платежъ
Дворянамъ или судейскимъ Отрокамъ (какъ они
въ древней Русской Правдѣ именуются) за трудъ
и переѣзды.

Сіи законы уже не сходствуютъ съ Уставомъ
Ярослава Великаго, опредѣляя смертную казнь
за воровство, наказываемое у насъ въ старину
одною денежною пенею. — Подъ именемъ *бѣ-
локъ*, упоминаемыхъ здѣсь въ означеніи цѣнъ,
должно разумѣть не древнія векши, или кожа-
ную монету, а дѣйствительныя бѣльи шкуры,
такъ же, какъ въ другомъ мѣстѣ сей грамоты

сказано, что Намѣстникъ за драку беретъ куницу *шерстью:* слѣдственно кунью шкуру. Нѣтъ вѣроятности, чтобы виновный за кровавую рану и за перепаханіе межи платилъ только 30 *векшей:* сумму ничтожную по цѣнѣ древнихъ кожаныхъ денегъ. Впрочемъ сіи деньги, или *куны*, тогда еще ходили въ Двинской землѣ: ибо Новогородское Правительство отмѣнило ихъ уже въ 1410 году, замѣнивъ оныя мѣдными грошами Литовскими и Шведскими Ортугами, а въ 1420 году серебряною монетою, подобною Московской и другимъ Россійскимъ, продавъ мѣдную Нѣмцамъ. То же сдѣлали и Псковитяне; и съ сего времени во всей Россіи начала ходить собственная монета серебряная. Куны наконецъ столь унизились въ цѣнѣ, что въ 1407 году Псковитяне давали ими 15 гривенъ за полтину серебра (245).

Въ прибавленіе къ Исторіи Василія Димитріевича сообщимъ слѣдующія извѣстія:

Разныя извѣстія.

Въ его Княженіе Россіяне начали считать годы мірозданія съ Сентября мѣсяца, оставивъ древнее лѣтосчисленіе съ Марта. Вѣроятно, что Митрополитъ Кипріанъ первый ввелъ сію новость, подражая тогдашнимъ Грекамъ (246).

Уже при Димитріи Донскомъ нѣкоторые знаменитые граждане именовались по родамъ или фамиліямъ, вмѣсто прозвищъ,

коими различались прежде люди одного имени и отчества ([247]): при Василіи сіе обыкновеніе утвердилось, и древнія Славянскія имена вышли изъ употребленія.

Въ сіе время Москва славилась иконописцами, Симеономъ Чернымъ, старцемъ Прохоромъ, Городецкимъ жителемъ, Даніиломъ и Монахомъ Андреемъ Рублевымъ, столь знаменитымъ, что иконы его въ теченіе ста-пятидесяти лѣтъ служили образцемъ для всѣхъ иныхъ живописцевъ. Въ 1405 году онъ расписалъ церковь Св. Благовѣщенія на Дворѣ Великокняжескомъ, а въ 1408 Соборную Св. Богоматери въ Владимірѣ, первую вмѣстѣ съ Грекомъ Ѳеофаномъ и съ Прохоромъ, а вторую съ Даніиломъ. — И въ литейномъ художествѣ Москва имѣла искусныхъ мастеровъ: одинъ изъ нихъ (въ 1420 году) научилъ Псковскаго гражданина Ѳеодора лить свинцовыя доски для кровли церковной: за что Псковитяне дали ему 46 рублей. Дерптскіе Нѣмцы, скрывая отъ Россіянъ всѣ успѣхи полезныхъ художествъ, никакъ не хотѣли присылать къ нимъ своихъ мастеровъ ([248]).

Въ 1404 году Монахъ Аѳонской горы, именемъ Лазарь, родомъ Сербинъ, сдѣлалъ въ Москвѣ первые боевые часы, которые были поставлены на Великокняжескомъ дворѣ, за церковію Благовѣщенія, и стоили болѣе полутораста рублей, то есть, около тридцати фунтовъ серебра. Народъ удивлялся сему произведенію искусства какъ чуду ([249]).

Въ 1394 году Великій Князь, желая болѣе укрѣпить столицу, велѣлъ копать ровъ отъ Кучкова поля, или нынѣшнихъ Срѣтенскихъ воротъ, до Москвы-рѣки, глубиною въ человѣка, а шириною въ сажень. Для сего, къ неудовольствію гражданъ, надлежало разметать многіе домы: ибо ровъ шелъ сквозь улицы и дворы (250). Слѣдственно Москва была тогда уже обширнѣе нынѣшняго Бѣлаго города.

Въ 1390 году знатный юноша, именемъ Осей, сынъ Великокняжескаго пѣстуна, былъ смертельно уязвленъ оружіемъ въ Коломнѣ *на игрушкѣ*, какъ сказано въ лѣтописи (251): сіе извѣстіе служитъ доказательствомъ, что предки наши, подобно другимъ Европейцамъ, имѣли рыцарскія игры, столь благопріятныя для мужества и славолюбія юныхъ витязей.

Въ посланіи Митрополита Фотія, писанномъ въ 1410 году къ Новогородскому Архіепископу Іоанну, находимъ нѣкоторыя достопамятныя черты относительно къ тогдашнимъ понятіямъ, обыкновеніямъ и правамъ. Фотій велитъ наказывать эпитеміею мужа и жену, которые совокупились бракомъ безъ церковнаго, Іерейскаго благословенія, и вѣнчать свадьбы послѣ Обѣдни, а не въ полдень, не ночью; дозволяетъ третій бракъ единственно молодымъ людямъ, не имѣющимъ дѣтей, и съ условіемъ не входить въ церковь пять лѣтъ, или заслужить прощеніе искреннимъ, ревностнымъ покаяніемъ, слезами и сокрушеніемъ сердца; возбраняетъ дѣвицамъ за-

мужство прежде двѣнадцати лѣтъ; всѣхъ, дерзающихъ пить вино до обѣда, лишаетъ причащенія; строго осуждаетъ непристойную брань именемъ отца или матери; запрещаетъ Духовенству торговать и лихоимствовать, Инокамъ и Черницамъ жить въ одномъ монастырѣ, вдовымъ Іереямъ быть въ женскихъ Обителяхъ, людямъ легковѣрнымъ слушать басни и принимать *лихихъ бабъ съ узлами*, съ ворожбою и съ зеліемъ. Сей Митрополитъ изъявлялъ отмѣнное усердіе къ истинному Христіанскому просвѣщенію и писалъ многія учительныя посланія къ Духовенству, Князьямъ и народу (252).

Добродѣтель супруги Донскаго.

Василій Димитріевичь за 18 лѣтъ до кончины своей оплакалъ смерть матери, Евдокіи, славной умомъ, а еще болѣе Христіанскими добродѣтелями, и сравниваемой Лѣтописцами съ Маріею, супругою внука Мономахова, Всеволода Великаго, въ ревности къ украшенію церквей. Она построила Вознесенскій Дѣвическій монастырь въ Кремлѣ, церковь Рождества Богоматери и другія, расписанныя Грекомъ Ѳеофаномъ и Симеономъ Чернымъ (253). Сія Княгиня набожная сколь любила добродѣтель, столь ненавидѣла ея личину: изнуряя тѣло свое постами, хотѣла казаться тучною; носила на себѣ нѣсколько одеждъ; украшалась *бисеромъ*, являлась

вездѣ съ лицемъ веселымъ, и радовалась, слыша, что злословіе представляетъ ея цѣломудріе сомнительнымъ. Говорили, что Евдокія желаетъ нравиться, и даже имѣетъ любовниковъ. Сія молва оскорбила сыновей, особенно Юрія Димитріевича, который не могъ скрыть своего безпокойства отъ матери. Евдокія призвала ихъ, и свергнула съ себя часть одежды: сыновья ужаснулись, видя худобу ея тѣла и кожу совершенно изсохшую отъ неумѣреннаго воздержанія. «Вѣрьте — сказала она — что ваша мать «цѣломудренна; но видѣнное вами да будетъ «тайною для міра. Кто любитъ Христа, дол«женъ сносить клевету и благодарить Бога за «оную» ([284]). Но злословіе скоро умолкло: Евдокія, не за-долго до кончины оставивъ міръ, и названная въ монашествѣ Евфросиніею, преставилась съ именемъ Святой Угодницы Божіей.

ГЛАВА III.

Великій Князь Василій Василіевичь Темный.

Г. 1425 — 1462.

Чудо. Междоусобіе. Язва. Нашествіе Литвы. Съѣздъ въ Литвѣ. Характеръ Витовта. Происшествія Литовскія. Набѣги Татаръ. Судъ въ Ордѣ. Междоусобія. Злодѣйство. Распря съ Новымгородомъ. Рожденіе Іоанна Великаго. Дань Ординская. Изгнанный Ханъ въ Бѣлевѣ. Царство Казанское. Смерть Димитрія Краснаго. Соборъ Флорентійскій. Новая вражда. Дѣла Новогородскія. Войны. Храбрость Мустафы. Нашествіе Царя Казанскаго. Плѣнъ Великаго Князя. Ужасъ и бѣдствіе Москвы. Разбой Князя Тверскаго. Освобожденіе Василія. Землетрясеніе. Злодѣйство Шемякино. Ослѣпленіе Вел. Князя. Безразсудность Шемяки. Пословица. Вѣроломство. Смиреніе Василія. Обрученіе юнаго Іоанна. Изгнаніе Шемяки. Клятва. Благоразумное правленіе Василіево. Булла Папы. Іоаннъ Соправитель. Договоры. Достопамятное посланіе. Послѣдняя изъ знаменитыхъ битвъ Княжескаго междоусобія. Нашествіе Татаръ. Смерть Шемяки. Успѣхи Единовластія. Усмиреніе Новагорода. Рязанскій Князь воспитывается въ Москвѣ. Неблагодарность Василіева. Покореніе Вятки. Дѣла Псковскія. Набѣги Татаръ. Кончина и свойства Василіевы. Жестокость тогдашнихъ нравовъ. Суевѣріе. Перемѣна монеты въ Новѣгородѣ. Дѣла церковныя. Взятіе Константинополя Турками. Начало Крымской Орды.

Новый Великій Князь имѣлъ не болѣе десяти лѣтъ отъ рожденія. Подобно отцу и дѣду въ началѣ ихъ государствованія, онъ зависѣлъ отъ

Совѣта Боярскаго, но не могъ равняться съ ними ни въ счастіи, ни въ душевныхъ способностяхъ. Не бывъ еще никогда жертвою внутренняго междоусобія, Великое Княженіе Московское при Василіи Темномъ долженствовало испытать сіе зло и видѣть уничиженіе своего Вѣнценосца, имъ заслуженное. Только Провидѣніе, обстоятельства и вѣрность народная, какъ бы вопреки худымъ совѣтникамъ Престола спасли знаменитость Москвы и Россію.

Чудо. Сей князь еще въ колыбели именовался *Великимъ* по слѣдующему происшествію, коего истину утверждаютъ Лѣтописцы. Мать его не скоро разрѣшилась отъ бремени и терпѣла ужасныя муки. Безпокойный отецъ просилъ одного святаго Инока Іоанновской Обители молиться о Княгинѣ Софіи. «Не тревожься!» отвѣтствовалъ старецъ: «Богъ даруетъ тебѣ сына и наслѣд-«ника всей Россіи.» Между тѣмъ Духовникъ Великокняжескій, Священникъ Спасскаго Кремлевскаго монастыря, сидѣлъ въ своей кельѣ и вдругъ услышалъ голосъ: «иди и «дай имя *Великому Князю Василію.*» Священникъ отворилъ дверь, и не видя никого, удивился; спѣшилъ во дворецъ, и свѣдалъ, что Софія дѣйствительно въ самую ту минуту родила сына. Невидимаго вѣстника, приходившаго къ Духовнику, сочли Ангеломъ; младенца назвали Василіемъ, и на-

родъ съ сего времени видѣлъ въ немъ своего будущаго Государя, ожидая отъ него, какъ вѣроятно, чего нибудь необыкновеннаго ([255]). Надежда осталась безъ исполненія, но могла быть причиною особеннаго усердія Москвитянъ къ сему внуку Донскаго.

Междоусобіе.

Василій Димитріевичь преставился ночью: Митрополитъ Фотій въ тотъ же часъ послалъ своего Боярина, Іакинѳа Слебятева, въ Звенигородъ къ Князю Юрію Димитріевичу, съ требованіемъ, чтобы онъ, вмѣстѣ съ меньшими братьями, призналъ племянника Великимъ Княземъ ([256]). Но Юрій, всегда имѣвъ надежду, въ противность новому уставу, быть преемникомъ старшаго брата, не захотѣлъ ѣхать въ Москву, удалился въ Галичь, и свѣдавъ о торжественномъ восшествіи юнаго Василія на Великокняжескій престолъ, отправилъ къ нему Посла съ угрозами. Ни дядя, ни племянникъ не думалъ уступить старѣйшинства; и хотя заключили перемиріе до Петрова дни, однакожь Юрій, не теряя времени, собиралъ войско въ городахъ своего Удѣла. Великій Князь предупредилъ его, и вмѣстѣ съ другими дядями выступилъ къ Костромѣ. Юрій ушелъ въ Новгородъ Нижній; наконецъ за рѣку Суру, откуда Константинъ Димитріевичь, отправленный въ слѣдъ за нимъ съ полками Великокня-

жескими, возвратился въ Москву безъ во
битвы [257]. Юрій требовалъ новаго перем
на годъ; а Василій по совѣту матери, дяд
самого Витовта Литовскаго, послалъ къ нем
Галичъ Митрополита Фотія, который, б
встрѣченъ за городомъ всѣмъ Княжескимъ
мействомъ, съ изумленіемъ увидѣлъ тамъ
жество собраннаго изъ разныхъ областей н
да. Юрій думалъ похвалиться безчисленно
своихъ людей, и густыми толпами ихъ усы
всю гору при въѣздѣ въ Галичь съ Москов
стороны; но Митрополитъ, отгадавъ его мы
съ насмѣшкою далъ ему чувствовать, что кре
не не воины, и сермяги не латы. Начали г
рить о мирѣ: Юрій не хотѣлъ онаго, тр
единственно перемирія, и столь разгнѣвалъ
тія, что сей Первосвятитель, не благослови
Князя, ни города, немедленно уѣхалъ. Въ л
писи сказано, что въ самый день Митрополи
отбытія сдѣлался моръ въ Галичѣ; что Ю
приведенный тѣмъ въ ужасъ, верхомъ поска
въ слѣдъ за Фотіемъ, и догнавъ его за озер
въ селѣ Пасынковѣ, слезами и раскаяніемъ
дилъ возвратиться; что благословеніе Паст
данное народу, прекратило болѣзнь, и Князь
слалъ въ Москву двухъ Вельможъ заклю
миръ, обѣщавъ не искать Великаго Княж
пока Царь Ординскій рѣшитъ, кому прина
житъ оное.

Смутное начало Василіева княженія пре
щало бѣдствія государственныя Россіи, еще

стошаемой тою язвою, которую мы описали въ исторіи отца его, и которая съ Троицына дни возобновилась въ Москвѣ, завезенная туда изъ Ливоніи черезъ Псковъ, Новгородъ и Тверь, гдѣ въ одинъ годъ скончались Князь Іоаннъ Михайловичь, сынъ Іоанновъ Александръ и внукъ Юрій Александровичь, княживъ мѣсяцъ. Братъ Юріевъ, Борисъ, сѣлъ на Тверскомъ престолѣ, отдавъ племяннику, Іоанну Юрьевичу, городъ Зубцевъ и взявъ подъ стражу дядю своего, Василія Михайловича Кашинскаго. Въ Москвѣ преставились дядя Великаго Князя Петръ Димитріевичь и три сына Владиміра Храбраго, Андрей, Ярославъ и Василій. Въ Торжкѣ, Волокѣ, Дмитровѣ и въ другихъ городахъ умерло множество людей. Отличнымъ знакомъ сей новой язвы былъ синій или багровый пузырь на тѣлѣ: синій предзнаменовалъ неизбѣжную смерть въ третій день, а багровый выгнивалъ, и недужные оставались живы. Лѣтописецъ говоритъ, что съ сего времени, какъ нѣкогда съ Ноева потопа, вѣкъ человѣческій сократился въ Россіи, и предки наши сдѣлались щедушнѣе, слабѣе; что въ разныхъ мѣстахъ были страшныя явленія; что отъ великой засухи (въ 1430 году) воды истощились; земля, боры горѣли; люди среди густыхъ облаковъ дыма не могли видѣть другъ друга; звѣри, птицы и рыбы въ рѣкахъ уми-

Язва. Г. 1426-1431.

рали; вездѣ голодъ и болѣзни свирѣпствовали (258). Однимъ словомъ, послѣдніе годы Василія Димитріевича и первые сына его составляютъ печальнѣйшую эпоху нашей Исторіи въ XV вѣкѣ. Язва возобновлялась еще во Псковѣ и въ Москвѣ около 1442 и 1448 года.

Нашествіе Литвы.

Непріятели внѣшніе также безпокоили Россію. Корыстолюбивый Витовтъ, не боясь малолѣтнаго Василія, (въ 1426 году) приступилъ къ Опочкѣ, городу Псковскому, съ войскомъ многочисленнымъ, въ коемъ были даже Богемцы, Волохи и дружина Хана Татарскаго, Махмета. Жители употребили хитрость: сдѣлали тонкій мостъ передъ городскими воротами, укрѣпивъ его однѣми веревками, и набивъ подъ нимъ, въ глубокомъ рвѣ, множество острыхъ кольевъ; а сами укрылись за стѣнами. Непріятели, не видя никого, вообразили, что крѣпость пуста, и толпами бросились на мостъ: тогда граждане подрѣзали веревки. Литовцы, падая на колья, умирали въ мукахъ; другіе же, взятые въ плѣнъ, терпѣли еще лютѣйшія: граждане сдирали съ нихъ кожу, въ глазахъ Витовта и всего осаждающаго войска (259). Сіе варварство имѣло счастливый успѣхъ: ибо Князь Литовскій — увѣренный, что Россіяне будутъ обороняться до послѣдняго издыханія — отступилъ къ Вороначу. Тутъ сдѣлалась страш-

вая буря съ грозою, столь необыкновенная, что Литовцы ожидали преставленія свѣта, и самъ Витовтъ, обхвативъ руками шатерный столпъ, въ ужасѣ вопилъ: *Господи помилуй!* Сіе худое начало расположило его къ миру. Псковитяне, тревожимые Нѣмцами, оставленные Новогородцами, обманутые надеждою и на посредничество Великаго Князя, коего Посолъ не могъ ничего для нихъ сдѣлать, обязались заплатить Витовту 1450 рублей серебра. Чрезъ два года онъ посѣтилъ и богатыхъ Новогородцевъ, которые спорили съ нимъ о границахъ и дерзнули назвать его измѣнникомъ. Современный Историкъ Польскій описываетъ ихъ людьми мирными, преданными сластолюбію и роскоши: въ надеждѣ на свои непроходимыя болота они смѣялись надъ угрозами Витовта и велѣли ему сказать, что варятъ медъ для его прибытія; но сей старецъ, еще бодрый и дѣятельный, со многочисленнымъ войскомъ открылъ себѣ путь сквозь опасныя зыби такъ называемаго *Чернаго лѣса*. Десять тысячь работниковъ шли впереди съ сѣкирами, устилая дорогу срубленными деревьями, которыя служили мостомъ для пѣхоты, конницы и снаряда огнестрѣльнаго, пищалей, *тюфяковъ* и пушекъ. Витовтъ осадилъ Порховъ. Лѣтописцы разсказываютъ, что самая огромная изъ его пушекъ, сдѣланная Нѣмецкимъ мастеромъ Николаемъ, называемая *Галкою* и привезенная на 40 лошадяхъ, однимъ выстрѣломъ сразила каменную городскую башню и стѣну въ церкви Св. Ни-

колая; но разлетѣлась на части и своими обломками умертвила множество Литовцевъ, въ томъ числѣ и самого мастера вмѣстѣ съ Воеводою Полоцкимъ. Въ городѣ начальствовалъ Посадникъ Григорій и знаменитый мужъ Исаакъ Борецкій: не имѣя ни малой надежды отстоять крѣпость, они выѣхали къ непріятелю и предложили ему 5000 рублей; а Новогородцы, приславъ Архіепископа Евфимія съ чиновниками въ станъ Литовскій, также старались купить миръ серебромъ. Витовтъ могъ бы безъ сомнѣнія осадить и Новгородъ; однакожь — разсуждая, что вѣрное лучше невѣрнаго — взялъ 10,000 рублей, за плѣнниковъ же особенную тысячу, и сказавъ: «впредь не смѣйте называть меня ни измѣнни-«комъ, ни бражникомъ,» возвратился въ Литву. Сія дань, составляя не менѣе пятидесяти-пяти пудъ серебра, была тягостна для Новогородцевъ, которые собирали ее по всѣмъ ихъ областямъ и въ Заволочьѣ; каждые десять человѣкъ вносили въ казну рубль: слѣдственно въ Новогородской землѣ находилось не болѣе ста-десяти тысячь людей или владѣльцевъ, платившихъ государственныя подати (260).

Не смотря на сіи непріятельскія дѣйствія Витовта въ сѣверо-западной Россіи, онъ жилъ мирно съ юнымъ внукомъ своимъ, Великимъ Княземъ; обязалъ его даже клятвою не вступаться ни въ Новогородскія, ни въ Псковскія дѣла, и въ 1430 году дружески пригласилъ къ себѣ въ *гости* (261). Съ Василіемъ отправился въ Литву

и Митрополитъ Фотій. Въ Трокахъ нашли они сѣдаго, осьмидесятилѣтняго Витовта, окруженнаго сонмомъ Вельможъ Литовскихъ. Скоро съѣхались къ нему многіе гости знаменитые: Князья Борисъ Тверскій, Рязанскій, Одоевскіе, Мазовскіе, Ханъ Перекопскій, изгнанный Господарь Волошскій Илія, Послы Императора Греческаго, Великій Магистръ Прусскій, Ландмаршалъ Ливонскій съ своими сановниками, и Король Ягайло. Лѣтописцы говорятъ, что сей торжественный съѣздъ Вѣнценосцевъ и Князей представлялъ зрѣлище рѣдкое; что гости старались удивить хозяина великолѣпіемъ своихъ одеждъ и многочисленностію слугъ, а хозяинъ удивлялъ гостей пирами роскошными, какихъ не бывало въ Европѣ, и для коихъ ежедневно изъ погребовъ Княжескихъ отпускалось 700 бочекъ меду, кромѣ вина, Романеи, пива, — а на кухню привозили 700 быковъ и яловицъ, 1400 барановъ, 100 зубровъ, столько же лосей и кабановъ. Праздновали около семи недѣль, въ Трокахъ и въ Вильнѣ; но занимались и важнымъ дѣломъ: оно состояло въ томъ, что Витовтъ, по совѣту Цесаря Сигизмунда (имѣвшаго съ нимъ, въ Генварѣ 1429 года, свиданіе въ Луцкѣ) хотѣлъ назваться *Королемъ* Литовскимъ и принять вѣнецъ отъ руки Посла Римскаго. Къ досадѣ сего величаваго старца, Вельможи

Съѣздъ въ Литвѣ.

Польскіе воспротивились его намѣренію, боясь, чтобы Литва, сдѣлавшись особеннымъ Королевствомъ, не отдѣлилась отъ Польши, къ ихъ вреду обоюдному: чего дѣйствительно тайно желалъ хитрый Цесарь. Тщетно грозилъ Витовтъ: самъ Папа, взявъ сторону Ягайловыхъ Вельможъ, запретилъ ему думать о вѣнцѣ Королевскомъ, и веселые пиры заключились болѣзнію огорченнаго хозяина. Всѣ разъѣхались: одинъ Фотій жилъ еще нѣсколько дней въ Вильнѣ, стараясь, какъ вѣроятно, о присоединеніи Кіевской Митрополіи къ Московской; наконецъ, отпущенный съ ласкою, свѣдалъ въ Новогродкѣ о смерти Витовта ([262]). Сей Князь, тогда славнѣйшій изъ Государей сѣверной Европы, былъ для нашего отечества ужаснѣе Гедимина и Ольгерда, своими завоеваніями стѣснивъ предѣлы Россіи на Югѣ и Западѣ; въ тѣлѣ маломъ вмѣщалъ душу великую; умѣлъ пользоваться случаемъ и временемъ, повелѣвать народомъ и Князьями, награждать и наказывать; за столомъ, въ дорогѣ, на охотѣ занимался дѣлами; обогащая казну войною и торговлею, собирая несмѣтное множество серебра, золота, расточалъ оныя щедро, но всегда съ пользою для себя; человѣколюбія не вѣдалъ; смѣялся надъ правилами государственнаго нравоученія; нынѣ давалъ, завтра отнималъ безъ вины; не

Характеръ Витовта.

искалъ любви, довольствуясь страхомъ; въ пирахъ отличался трезвостію и подобно Ольгерду не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меда, но любилъ женъ, и не рѣдко оставляя рать въ полѣ, обращалъ коня къ дому, чтобы летѣть въ объятія юной супруги. Съ нимъ, по словамъ Историка Польскаго (263), возсіяла и затмилась слава народа Литовскаго, къ счастію Россіи, которая безъ сомнѣнія погибла бы навѣки, если бы Витовтовы преемники имѣли его умъ и славолюбіе; но Свидригайло, братъ Ягайловъ, и Сигизмундъ, сынъ Кестутіевъ, одинъ послѣ другаго властвовавъ надъ Литвою, изнуряли только ея силы междоусобіемъ, войнами съ Польшею, тиранствомъ и грабительствомъ. Свидригайло, зять Князя Тверскаго, Бориса, всегда омраченный парами вина, служилъ примѣромъ вѣтрености и неистовства, однакожь былъ любимъ Россіянами за его благоволеніе къ Вѣрѣ Греческой. Братъ Витовтовъ, Сигизмундъ, изгнавъ Свидригайла — бывшаго потомъ нѣсколько лѣтъ пастухомъ въ Молдавіи — господствовалъ какъ ужаснѣйшій изъ тирановъ, и палимый страстію златолюбія, губилъ Вельможъ, купцевъ, богатыхъ гражданъ, чтобы овладѣть ихъ достояніемъ; не вѣря людямъ, вмѣсто стражи держалъ при себѣ дикихъ звѣрей, и не могъ спастися отъ ножа убійцъ: Князья Іоаннъ

Происшествія Литовскія.

и Александръ Черторижскіе, внуки Ольгердовы, умертвили сего изверга, коего преемникомъ былъ (въ 1440 году) сынъ Ягайловъ, Казимиръ; а добродушный сынъ Сигизмундовъ, Михаилъ, умеръ изгнанникомъ въ Россіи, отравленный какимъ-то злодѣемъ по наущенію Вельможъ Литовскихъ, какъ думали. — Новогородцы въ 1431 году заключили мирный договоръ съ Свидригайломъ, а въ 1436 съ Сигизмундомъ (264).

Что въ сіе время происходило въ Ордѣ, о томъ не имѣемъ никакого свѣдѣнія. Въ 1426 году Татары плѣнили нѣсколько человѣкъ въ Украйнѣ Рязанской; другая многочисленная толпа ихъ, предводительствуемая Царевичемъ и Княземъ, чрезъ три года опустошила Галичь, Кострому, Плесо и Лугъ. Единственною цѣлію сихъ впаденій былъ грабежъ. Настигнувъ хищниковъ, Рязанцы отняли у нихъ и добычу и плѣнныхъ; а дяди Князя Великаго, Андрей и Константинъ Димитріевичи, ходили въ слѣдъ за Царевичемъ до Нижняго. Они не могли догнать непріятеля; но Князь Стародубскій-Пестрый и Θеодоръ Константиновичь Добрынскій, недовольные ихъ медленностію, тайно отдѣлились отъ Московскаго войска съ своими дружинами, и на голову побили задній отрядъ Татарскій. Осенью въ 1430 году Князь Ординскій

Набѣги Татаръ.

Айдаръ воевалъ Литовскую Россію и приступалъ ко Мценску; отраженный тамошнимъ храбрымъ начальникомъ, Григорьемъ Протасьевымъ, употребилъ обманъ: давъ ему клятву въ дружествѣ, вызвалъ его изъ города и взялъ въ плѣнъ. Золотая Орда повиновалась тогда Хану Махмету, который, уважая Народное Право, осыпалъ Айдара укоризнами, а мужественнаго Воеводу, Григорія, ласками, и возвратилъ ему свободу: примѣръ чести, весьма рѣдкій между варварами! Въ томъ же году, весною, Великій Князь посылалъ Воеводу своего, Князя Ѳеодора Давидовича Пестраго, на Волжскую и Камскую Болгарію, гдѣ Россіяне взяли не мало плѣнниковъ (265).

Миновало около шести лѣтъ послѣ заключеннаго юнымъ Василіемъ мира съ дядею его, Юріемъ: условіе, рѣшить споръ о Великомъ Княженіи судомъ Ханскимъ, оставалось безъ исполненія: для того ли, что Цари непрестанно мѣнялись въ мятежной Ордѣ, или Василій хотѣлъ уклониться отъ сего постыднаго для нашихъ Князей суда, въ надеждѣ смирить дядю? Они дѣйствительно въ 1428 году клятвою утвердили договоръ, чтобы каждому остаться при своемъ (266); но Юрій, года три живъ спокойно, объявилъ войну племяннику. Тогда Великій Князь предложилъ дядѣ ѣхать къ Царю Махмету: согласились, и Василій, раздавъ по церквамъ богатую милостыню, съ горестнымъ сердцемъ оставилъ Москву; въ прекрасный лѣтній день, Августа 15, обѣдалъ на лугу близъ Симонова монастыря, и не могъ

безъ слезъ смотрѣть на блестящія главы ея храмовъ. Никто изъ Князей Московскихъ не погибалъ въ Ордѣ: Бояре утѣшали юнаго Василія разсказами о чести и ласкахъ, оказанныхъ тамъ его родителю; но мысль, отдать себя въ руки невѣрнымъ и съ престола знаменитаго упасть къ ногамъ варвара, омрачала скорбію душу сего слабаго юноши. За нимъ отправился и Юрій. Они вмѣстѣ прибыли въ Улусъ Баскака Московскаго, Булата, друга Василіева и непріятеля Юріева. Но сей послѣдній имѣлъ заступника въ сильномъ Мурзѣ Тегинѣ, который увезъ его съ собою зимовать въ Тавриду и далъ слово исходатайствовать ему Великокняжеское достоинство. Къ счастію Василія, былъ у него Бояринъ хитрый, искательный, велерѣчивый, именемъ Іоаннъ Димитріевичь: онъ умѣлъ склонить всѣхъ Ханскихъ Вельможъ въ пользу своего юнаго Князя, представляя, что имъ будетъ стыдно, если Тегиня одинъ доставитъ Юрію санъ Великокняжескій; что сей Мурза необходимо присвоитъ себѣ власть и надъ Россіею и надъ Литвою, гдѣ господствуетъ другъ Юріевъ, Свидригайло; что самъ Царь Ординскій уже не посмѣетъ ни въ чемъ ослушаться Вельможи толь сильнаго, и что всѣ другіе сдѣлаются рабами Тегини. Такія слова уязвили *какъ стрѣла*, по выраженію Лѣтописца, сердце Вельможъ Хан-

Судъ въ Ордѣ.

скихъ, въ особенности Булата и Айдара: они усердно начали ходатайствовать у Царя за Василія и чернить Тегиню, такъ, что легковѣрный Махметъ наконецъ обѣщалъ имъ казнить смертію сего Мурзу, буде онъ дерзнетъ вступиться за Юрія. Весною дядя Г. 1432. Василіевъ пріѣхалъ изъ Тавриды въ Орду; а съ нимъ и Тегиня, который, свѣдавъ о расположеніи Царя, уже не смѣлъ ему противорѣчить. Махметъ нарядилъ судъ, чтобы рѣшить споръ дяди съ племянникомъ, и самъ предсѣдательствовалъ въ ономъ. Василій доказывалъ свое право на престолъ новымъ уставомъ Государей Московскихъ, по коему сынъ послѣ отца, а не братъ послѣ брата, долженствовалъ наслѣдовать Великое Княженіе. Дядя, опровергая сей уставъ, ссылался на лѣтописи и на завѣщаніе Димитрія Донскаго, гдѣ онъ (Юрій), въ случаѣ кончины Василія Димитріевича, названъ его преемникомъ (267). Тутъ Бояринъ Московскій, Іоаннъ, сталъ предъ Махметомъ и сказалъ: «Царь верховный! «молю, да позволишь мнѣ, смиренному хо«лопу, говорить за моего юнаго Князя. «Юрій ищетъ Великаго Княженія по древ«нимъ правамъ Россійскимъ, а Государь «нашъ по твоей милости, вѣдая, что оно «есть твой Улусъ: отдашь его, кому хо«чешь. Одинъ требуетъ, другой молитъ. «Что значатъ лѣтописи и мертвыя грамо-

«ты, гдѣ все зависитъ отъ воли Царской?
«Не она ли утвердила завѣщаніе Василія
«Димитріевича, отдавшаго Московское Кня-
«женіе сыну? Шесть лѣтъ Василій Василіе-
«вичь на престолѣ: ты не свергнулъ его,
«слѣдственно самъ признавалъ Государемъ
«законнымъ.» Сія, дѣйствительно хитрая
рѣчь имѣла успѣхъ совершенный: Махметъ
объявилъ Василія Великимъ Княземъ и
велѣлъ Юрію *вести подъ нимъ коня*: древ-
ній обрядъ Азіатскій, коимъ означалась
власть Государя верховнаго надъ его под-
ручниками или зависимыми Князьями. Но
Василій, уважая дядю, не хотѣлъ его уни-
чиженія; а какъ въ сіе время возсталъ на
Махмета другой Царь Могольскій, Кичимъ-
Ахметъ, то Мурза Тегиня, пользуясь смя-
теніемъ Хана, выпросилъ у него для Юрія
городъ Дмитровъ, область умершаго Князя
Петра Димитріевича. Племянникъ и дядя
благополучно возвратились въ Россію, и
Вельможа Татарскій, Уланъ Царевичь,
торжественно посадилъ Василія на тронъ
Великокняжескій въ Москвѣ, въ храмѣ Бо-
гоматери у златыхъ дверей [268]. Съ сего
времени Владиміръ утратилъ право города
столичнаго, хотя въ титулѣ Великихъ Кня-
зей все еще именовался прежде Москвы.

Междо-усобія.

Судъ Ханскій не погасилъ вражды между
дядею и племянникомъ. Опасаясь Василія,
Юрій выѣхалъ изъ Дмитрова, куда Великій

Князь немедленно прислалъ своихъ Намѣстниковъ, изгнавъ Юріевыхъ [269]. Скоро началась и явная война отъ слѣдующихъ двухъ причинъ. Московскій Вельможа Іоаннъ, оказавъ столь важную услугу Государю, въ награду за то хотѣлъ чести выдать за него дочь свою. Или невѣста не нравилась жениху, или Великій Князь вмѣстѣ съ матерію находилъ сей бракъ неприличнымъ: Іоаннъ получилъ отказъ, и Василій женился на Маріи, дочери Ярослава, внукѣ Владиміра Андреевича Храбраго. Надменный Бояринъ оскорбился. «Неблагодарный юноша обязанъ мнѣ Великимъ «Княженіемъ и не устыдился меня обезчестить,» говорилъ онъ въ злобѣ, и выѣхалъ изъ Москвы, сперва въ Угличь къ дядѣ Василіеву, Константину Димитріевичу, потомъ въ Тверь и наконецъ въ Галичь къ Юрію. Обоюдная ненависть къ Государю Московскому служила для нихъ союзомъ: забыли прошедшее и вымышляли способъ мести. Бояринъ Іоаннъ не сомнѣвался въ успѣхѣ войны: положили начать оную, какъ можно скорѣе. Между тѣмъ сыновья Юріевы, Василій Косой и Димитрій Шемяка, дружески пируя въ Москвѣ на свадьбѣ Великаго Князя, сдѣлались ему непріятелями отъ страннаго случая, который на долгое время остался памятнымъ для Москвитянъ. Князь Димитрій Константиновичь

г. 1433. Февраля 8.

Суздальскій нѣкогда подарилъ нареченному зятю своему, Донскому, золотой поясъ съ цѣпями, осыпанный драгоцѣнными каменьями; Тысячскій Василій, въ 1367 году, во время свадьбы Донскаго, тайно обмѣнялъ его на другой, гораздо меньшей цѣны, и далъ сыну Николаю, женатому на Маріи, старшей дочери Князя Суздальскаго (270). Переходя изъ рукъ въ руки, сей поясъ достался Василію Юріевичу Косому и былъ на немъ въ часъ свадебнаго Великокняжескаго пиршества. Намѣстникъ Ростовскій, Петръ Константиновичь, узналъ оный, и сказалъ о томъ матери Василія, Софіи, которая обрадовалась драгоцѣнной находкѣ, и, забывъ пристойность, торжественно сняла поясъ съ Юріевича. Произошла ссора: Косой и Шемяка, пылая гнѣвомъ, бѣжали изъ Дворца, клялись отмстить за свою обиду, и немедленно, исполняя повелѣніе отца, уѣхали изъ Москвы въ Галичь.

Прежде они хотѣли, кажется, быть миротворцами между Юріемъ и Великимъ Княземъ: тогда же, вмѣстѣ съ Бояриномъ Іоанномъ, старались утвердить родителя въ злобѣ на Государя Московскаго. Не теряя времени, они выступили съ полкомъ многочисленнымъ; а юный Василій Васиіевичь ничего не вѣдалъ, до самаго того времени, какъ Намѣстникъ Ростовскій прискакалъ къ нему съ извѣстіемъ, что Юрій въ Переславлѣ. Уже Совѣтъ Великокняжескій не походилъ на Совѣтъ Донскаго или сына его: безпечность и малодушіе господствовали въономъ. Вмѣсто

войска, отправили Посольство на встрѣчу къ Галицкому Князю съ ласковыми словами (271). Юрій стоялъ подъ стѣнами Троицкаго монастыря; онъ не хотѣлъ слышать о мирѣ: Вельможа Іоаннъ и другіе Бояре его ругали Московскихъ и съ безчестіемъ указали имъ возвратный путь. Тогда Великій Князь собралъ нѣсколько пьяныхъ воиновъ и купцевъ; въ двадцати верстахъ отъ столицы, на Клязьмѣ, сошелся съ непріятелемъ, и видя силу онаго, бѣжалъ назадъ; взялъ мать, жену; уѣхалъ въ Тверь, а изъ Твери въ Кострому, чтобы отдаться въ руки побѣдителю: ибо Юрій, вступивъ въ Москву и всенародно объявивъ себя Великимъ Княземъ, пошелъ туда и плѣнилъ Василія, который искалъ защиты въ слезахъ. Бояринъ Іоаннъ, думая согласно съ сыновьями Галицкаго Князя, считалъ всякое снисхожденіе неблагоразуміемъ. Юрій также не славился мягкимъ сердцемъ; но имѣлъ слабость къ одному изъ Вельможъ своихъ, Симеону Морозову, и принявъ его совѣтъ, далъ въ Удѣлъ племяннику Коломну. Они дружески обнялися. Дядя праздновалъ сей миръ веселымъ пиршествомъ, и съ дарами отпустилъ Василія въ его Удѣльный городъ.

Апрѣля 25.

Открылось, что Морозовъ или обманулъ своего Князя, или самъ обманулся. Пріѣхавъ въ Коломну, Василій началъ отовсюду

сзывать къ себѣ народъ, Бояръ, Князей: всѣ шли къ нему охотно, ибо признавали его законнымъ Государемъ, а Юрія хищникомъ, согласно съ новою системою наслѣдства, благопріятнѣйшею для общаго спокойствія. Сынъ, восходя на тронъ послѣ отца, оставлялъ все, какъ было, окруженный тѣми же Боярами, которые служили прежнему Государю: напротивъ чего братъ, княжившій дотолѣ въ какомъ нибудь особенномъ Удѣлѣ, имѣлъ своихъ Вельможъ, которые, переѣзжая съ нимъ въ наслѣдованную по кончинѣ брата землю, обыкновенно удаляли тамошнихъ Бояръ отъ правленія и вводили новости, часто вредныя. Столь явныя выгоды и невыгоды вооружили всѣхъ противъ старой мятежной системы наслѣдственной и противъ Юрія. Въ нѣсколько дней Москва опустѣла: граждане не пожалѣли ни жилищъ, ни садовъ своихъ, и съ драгоцѣннѣйшимъ имуществомъ выѣхали въ Коломну, гдѣ не доставало мѣста въ домахъ для людей, а на улицахъ для обозовъ. Однимъ словомъ, сей городъ сдѣлался истинною столицею Великаго Княженія, многолюдною и шумною. Въ Москвѣ же царствовали уныніе и безмолвіе: человѣкъ рѣдко встрѣчался съ человѣкомъ, и самые послѣдніе жители готовились къ переселенію. Случай единственный въ нашей Исторіи, и произведенный не столько любовію къ особѣ Василія, сколько усердіемъ къ правилу, что сынъ долженъ быть преемникомъ отца въ Великокняжескомъ санѣ!

Юрій укорялъ своего любимца, Морозова, неблагоразумнымъ совѣтомъ; а сыновья его, Косой и Шемяка, будучи нрава жестокаго, не удовольствовались словами: пришли къ сему Болрину въ набережныя сѣни, и сказавъ: «ты «погубилъ нашего отца!» собственною рукою умертвили его (272). Боясь гнѣва родительскаго, они выѣхали въ Кострому. Князь же Юрій, видя невозможность остаться въ Москвѣ, самъ отправился въ Галичь, велѣвъ объявить племяннику, что уступаетъ ему столицу, гдѣ Василій скоро явился съ торжествомъ и славою, имъ не заслуженною, провождаемый Боярами, толпами народа и радостнымъ ихъ кликомъ. Зрѣлище было необыкновенное: вся дорога отъ Коломны до Москвы представлялась улицею многолюднаго города, гдѣ пѣшіе и конные обгоняли другъ друга, стремясь въ слѣдъ за Государемъ, какъ *пчелы за маткою*, по старому, любимому выраженію нашихъ Лѣтописцевъ.

Но бѣдствія Василіева княженія только-что начинались. Хотя Юрій заключилъ миръ, возвратилъ племяннику Дмитровъ, взявъ за то Бѣжецкій Верхъ съ разными волостями, и далъ слово навсегда отступиться отъ большихъ сыновей, признавъ ихъ въ договорной грамотѣ врагами общаго спокойствія (273): однакожь скоро нарушилъ обѣщаніе, пославъ къ дѣтямъ свою Галицкую дружину, съ которою они разбили Московское войско на рѣкѣ Куси. Великій Князь разорилъ Галичь. Юрій ушелъ къ Бѣлоозеру:

собравъ же силы, и призвавъ Вят
вмѣстѣ съ тремя сыновьями, Косымъ,
мякою, Димитріемъ Краснымъ, одер
въ Ростовскихъ предѣлахъ столь р
тельную побѣду надъ Василіемъ, что
слабодушный Князь, не смѣвъ возврат
въ столицу, бѣжалъ въ Новгородъ, о
на Мологу, въ Кострому, въ Нижні
Юрій, осадивъ Москву, черезъ не
г. 1434. вступилъ въ Кремль, плѣнилъ мать
пругу Василіеву. Народъ былъ въ гор
«Не измѣняй мнѣ въ злосчастіи,» п
Великій Князь къ двоюродному брату,
ну, сыну умершаго Андрея Можайскаго
Іоаннъ отвѣтствовалъ ему: «Государь!
«измѣню тебѣ въ душѣ; но у меня ест
«родъ и мать: я долженъ мыслить объ
«безопасности; и такъ ѣду къ Юрію.»
Шемяка и Димитрій Красный стоял
войскомъ въ Владимірѣ, готовясь итт
Нижнему: Василій трепеталъ и думалъ
жать въ Орду: на сей разъ счастіе услу
ему лучше Москвитянъ.

Юрій, снова объявивъ себя Вели
Княземъ, договорными грамотами у
дилъ союзъ съ племянниками сво
Іоанномъ и Михаиломъ Андреевичами,
дѣтелями Можайска, Бѣлаозера, Ка
и съ Княземъ Іоанномъ Ѳеодорови
Рязанскимъ, требуя, чтобы они не и
никакого сношенія съ изгнанникомъ В

ліемъ (275). Достойно замѣчанія, что сіи грамоты начинаются словами: *Божіею милостію*, которыя прежде не употреблялись въ государственныхъ постановленіяхъ . . . . . Въ грамотѣ Рязанской сказано, что Тула принадлежитъ Іоанну, и что онъ не долженъ принимать къ себѣ Мещерскихъ Князей въ случаѣ ихъ невѣрности или бѣгства: сіи Князья, подданные Государя Московскаго, происходили, какъ вѣроятно, отъ Александра Уковича, у коего Димитрій Донской купилъ Мещеру. — Юрію было около шестидесяти лѣтъ отъ рожденія: не имѣя ни ума проницательнаго, ни души твердой, онъ любилъ власть единственно по тщеславію, и безъ сомнѣнія не возвысилъ бы Великокняжескаго сана въ народномъ уваженіи, если бы и могъ удержаться на престолѣ Московскомъ. Но Юрій внезапно скончался, оставивъ духовную, писанную, кажется, еще за-долго до его смерти (276): дѣля между сыновьями только свои наслѣдственные города, онъ велитъ имъ платить *Великому Князю* съ Галича и Звенигорода 1026 рублей въ счетъ Ординской *семитысячной* дани: слѣдственно или Василій тогда еще не былъ изгнанъ, или Юрій мыслилъ возвратить ему Великое Княженіе (что менѣе вѣроятно). Сынъ Юріевъ, Косой, немедленно принялъ на себя имя Государя Московскаго и далъ

Іюня 6.

знать о томъ своимъ братьямъ; они же, не люб
и презирая его, отвѣтствовали: «когда Богъ
«захотѣлъ видѣть отца нашего на престолѣ В
«ликокняжескомъ, то мы не хотимъ видѣть
«ономъ и тебя;» примирились съ Василіемъ,
выгнали Косаго изъ столицы. Въ знакъ благ
дарности Великій Князь, возвратясь на Моско
скій престолъ, отдалъ Шемякѣ Угличь со Рж
вомъ, наслѣдственную область умершаго дя
ихъ, Константина Димитріевича, а Красно
Бѣжецкій Верхъ, удержавъ за собою Звени
родъ, Удѣлъ Косаго, и Вятку. Мы имѣемъ и
договорную грамоту, наполненную дружески
съ обѣихъ сторонъ увѣреніями (277). Шемяк
слѣдуя обыкновенію, именуетъ въ оной Васил
старѣйшимъ братомъ, отдаетъ себя въ его п
кровительство, обязывается служить ему на во
нѣ, и платить часть Ханской дани, съ условіем
чтобы Великій Князь одинъ сносился съ Ордо
не допуская Удѣльныхъ Владѣтелей ни до к
кихъ хлопотъ.

Сіе дружество между Князьями равно мал
душными и жестокосердыми не могло бы
истиннымъ. Мы уже видѣли характеръ Шемяк
который не устыдился обагрить собственны
рукъ кровію Вельможи Морозова: увидимъ
Василіевъ въ дѣлѣ гнусномъ, достойномъ Азія
скаго варвара.

Но братъ Шемякинъ, Косой, еще превосх
дилъ ихъ въ свирѣпости: имѣя товарища в
бѣгствѣ своемъ, какого-то Князя Романа, о

велѣлъ отрубить ему руку и ногу, за то, что сей несчастный хотѣлъ тайно оставить его (278)! Напрасно искавъ заступниковъ въ Новѣгородѣ, ограбивъ берега Меты, Бѣжецкую и Двинскую область, Косой съ толпами бродягъ вступилъ въ сѣверные предѣлы Великаго Княженія; разбитый близъ Ярославля, ушелъ въ Вологду, плѣнилъ тамъ чиновниковъ Московскихъ, и съ новымъ войскомъ явился на берегахъ Костромы, гдѣ Великій Князь заключилъ съ нимъ миръ, отдавъ ему городъ Дмитровъ. Они не долго жили въ согласіи: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Косой выѣхалъ изъ Дмитрова въ Галичь, призвалъ Вятчанъ, и взявъ Устюгъ на договоръ, вѣроломно убилъ Василіева Намѣстника, Князя Оболенскаго, вмѣстѣ со многими жителями. Въ сіе время Шемяка пріѣхалъ въ Москву звать Великаго Князя на свадьбу, помолвивъ жениться на дочери Димитрія Заозерскаго: злобясь на его брата, Василій оковалъ Шемяку цѣпями и сослалъ въ Коломну (279). Дѣйствіе столь противное чести не могло быть оправдано подозрѣніемъ въ тайныхъ враждебныхъ умыслахъ сего Юріева сына, еще не доказанныхъ и весьма сомнительныхъ. Наконецъ въ Ростовской области встрѣтились непріятели: Косой предводительствовалъ Вятчанами и дружиною Шемяки; съ Василіемъ находились меньшій братъ Юрьевичей, Димитрій Красной, Іоаннъ Можайскій и Князь Іоаннъ Баба, одинъ изъ Друцкихъ Владѣтелей, пришедшій къ нему съ

полкомъ Литовскихъ копейщиковъ (280). Готовились къ битвѣ; но Косой, считая обманъ дозволенною хитростію, требовалъ перемирія. Неосторожный Василій заключилъ оное и распустилъ воиновъ для собранія съѣстныхъ припасовъ. Вдругъ сдѣлалась тревога: полки Вятскіе во всю прыть устремились къ Московскому стану, въ надеждѣ плѣнить Великаго Князя, оставленнаго ратниками. Тутъ Василій оказалъ смѣлую рѣшительность: увѣдомленный о быстромъ движеніи непріятеля, схватилъ трубу воинскую, и подавъ голосъ своимъ, не тронулся съ мѣста. Въ нѣсколько минутъ станъ наполнился людьми: непріятель вмѣсто оплошности, вмѣсто изумленія, увидѣлъ предъ собою блескъ оружія и стройные ряды воиновъ, которые однимъ ударомъ смяли его, погнали, разсѣяли. Несчастный Юрьевичь, готовивъ плѣнъ Василію, самъ попался къ нему въ руки: Воевода Борисъ Тоболинъ и Князь Іоаннъ Баба настигли Косаго въ постыдномъ бѣгствѣ (281). Совершилось злодѣйство, о коемъ не слыхали въ Россіи со втораго-надесять вѣка: Василій далъ повелѣніе ослѣпить сего брата двоюроднаго. Чтобы успокоить совѣсть, онъ возвратилъ Шемякѣ свободу и города Удѣльные. Въ договорной грамотѣ, тогда написанной, Шемяка именуетъ старшаго брата недругомъ

Злодѣйство.

Великаго Князя, обязываясь выдать все его имѣніе, въ особенности святыя иконы и кресты, еще отцемъ ихъ изъ Москвы увезенные; отказывается отъ Звенигорода, предоставляя себѣ полюбовно раздѣлить съ меньшимъ братомъ, Димитріемъ Краснымъ, другія области наслѣдственныя и данныя ему Великимъ Княземъ въ Угличѣ и Ржевѣ (282).—Несчастный слѣпецъ жилъ послѣ того 12 лѣтъ въ уединеніи, какъ бы забвенный всѣми и самыми единокровными братьями. Великій Князь будетъ наказанъ за свою жестокость, лишенный права жаловаться на подобнаго ему варвара.

Распря съ Новымгородомъ.

Спокойный внутри Московскаго владѣнія, сей юный Государь имѣлъ тогда распрю съ Новогородцами, которые въ самомъ началѣ его княженія посылали войско наказать Устюжанъ за ихъ грабительство въ Двинской землѣ, и взяли съ сего города въ окупъ 50,000 бѣлокъ и шесть сороковъ соболей, къ досадѣ Василія. Но онъ, не желая явной войны съ ними, вызвался отдать имъ всѣ родителемъ его захваченныя Новогородскія земли въ уѣздахъ Бѣжецкаго Верха, Волока Ламскаго, Вологды, съ условіемъ, чтобы и Бояре ихъ возвратили ему собственность Княжескую; однакожь не исполнялъ обѣщанія и не присылалъ Дворянъ своихъ для развода земель, пока Новогородцы не уступили ему *черной дани*, собираемой въ

сохи: неводъ, лавка, кузницаи чанъ к
ный за одну; что земледѣльцы, работа
изъ половины, платятъ только за пол
что наемники мѣсячные, лавочники и
росты Новогородскіе свободны отъ в
дани; что если кто, оставивъ свой д
уйдетъ въ господскій или утаитъ сох
платитъ за вину вдвое, и проч. (283). —
договоръ заключенъ былъ единствен
годъ: послѣ чего Новогородцы опять
рились съ Василіемъ, смѣясь надъ мнѣ
тѣхъ людей, которые совѣтовали н
раздражать Государей Московскихъ.
писцы повѣствуютъ, что внезапно
деніе тамошней великолѣпной церкв
Іоанна наполнило сердца ужасомъ,
двѣстивъ близкое паденіе Новагорода
гораздо благоразумнѣе можно было н
сего предвѣстія въ его нетвердой

торые болѣе и болѣе увѣрялись, что онъ подъ личиною гордости, основанной на древнихъ воспоминаніяхъ, скрываетъ свою настоящую слабость. Однѣ непрестанныя опасности Государства Московскаго, со стороны Моголовъ и Литвы, не дозволяли преемникамъ Іоанна Калиты заняться мыслію *совершеннаго* покоренія сей народной Державы, которую они старались только обирать, зная богатство ея купцевъ. Такъ поступилъ и Василій: зимою въ концѣ 1440 года двинулся съ войскомъ къ Новугороду, и на пути заключилъ съ нимъ миръ, взявъ 8000 рублей. Между тѣмъ Псковитяне, служа Великому Князю, успѣли разорить нѣсколько селеній въ областяхъ Новогородскихъ, а Заволочане въ Московской (286). — Въ сей самый годъ (1440), Генваря 22, родился у Василія сынъ, Тимоѳей-Іоаннъ, коему Провидѣніе, сверхъ многихъ великихъ дѣлъ, назначило сокрушить Новгородъ. Могла ли, по тогдашнему образу мыслей, будущая судьба Государя столь чрезвычайнаго утаиться отъ мудрыхъ гадателей? Пишутъ, что Новогородскій добродѣтельный старецъ, именемъ Мисаилъ, въ часъ Іоаннова рожденія пришелъ къ Архіепископу Евфимію, и сказалъ: «Днесь Великій Князь торжествуетъ: Господь даровалъ ему наслѣдника. Зрю младенца, ознаменованнаго величіемъ: се Игуменъ Троицкія

Рожденіе Іоанна Великаго.

«Обители, Зиновій, креститъ его, именуя «Іоанномъ! Слава Москвѣ: Іоаннъ побѣ«дитъ Князей и народы. Но горе нашей «отчизнѣ: Новгородъ падетъ къ ногамъ «Іоанновымъ, и не возстанетъ» (286)! Лѣтописцы не сомнѣвались въ истинѣ сего чудеснаго сказанія, изобрѣтеннаго безъ сомнѣнія уже въ то время, когда сынъ Василіевъ совершилъ безсмертные свои подвиги.

Дань Ордынская.

Василій старался жить дружно съ Ханомъ, и по вѣрному свидѣтельству грамотъ платилъ ему обыкновенную дань, вопреки нѣкоторымъ Лѣтописцамъ, сказывающимъ, что Царь Махметъ, любя его, освободилъ Россію отъ всѣхъ налоговъ (287). Впаденія Татаръ въ Рязанскія области не тревожили Москвитянъ; но перемѣна, случившаяся въ Ордѣ, нарушила спокойствіе Великаго Княженія. Махметъ (въ 1437 году) былъ изгнанъ изъ Улусовъ братомъ своимъ, Кичимомъ, искалъ убѣжища въ Россіи и занялъ Бѣлевъ, городъ Литовскій. Оказавъ нѣкогда благодѣяніе Василію, онъ надѣялся на его дружбу, и крайне изумился, услышавъ, что Великій Князь приказываетъ ему немедленно удалиться отъ предѣловъ Россійскихъ. Сей Ханъ, въ самомъ изгнаніи гордый, не хотѣлъ повиноваться, имѣя у себя около трехъ тысячъ воиновъ. Надлежало прибѣгнуть къ оружію. Василій по-

Изгнанный Ханъ въ Бѣлевѣ.

слалъ туда многочисленную рать, ввѣривъ оную братьямъ, Шемякѣ и Димитрію Красному, Вождямъ столь недостойнымъ, что они казались народу атаманами разбойниковъ, отъ Москвы до Бѣлева не оставивъ ни одного селенія въ цѣлости: вездѣ грабили, отнимали скотъ, имѣніе, и нагружали возы добычею. Конецъ отвѣтствовалъ началу. Приступивъ къ Бѣлеву, Московскіе Воеводы отвергнули всѣ мирныя предложенія Махмета, устрашеннаго ихъ силою, и вогнали Татаръ въ крѣпость, убивъ зятя Царева (288). На другой день Ханъ выслалъ трехъ Князей для переговоровъ. «Отдаю въ залогъ вамъ моего сына, Мамутека,» велѣлъ онъ сказать нашимъ Полководцамъ: «сдѣлаю все, чего требуете. Когда же Богъ возвратитъ мнѣ Царство, обязываюсь блюсти землю Русскую, и не брать съ васъ никакой дани.» Воеводы Московскіе не хотѣли ничего слушать. «И такъ смотрите!» сказали Князья Махметовы, возвысивъ голосъ, и перстомъ показывая имъ на Россійскихъ воиновъ, которые въ сію минуту толпами бѣжали отъ городскихъ стѣнъ, гонимые какимъ-то внезапнымъ ужасомъ. Вся рать Московская дрогнула и съ воплемъ устремилась въ бѣгство: Шемяка и другіе Князья также. Моголы едва вѣрили глазамъ своимъ; наконецъ поскакали за Россіянами, сѣкли ихъ, топтали и возвратились къ Хану съ вѣстію, что многочисленное войско Великокняжеское исчезло какъ дымъ. Успѣхъ столь блестящій не ослѣпилъ Махмета: сей

долго не могъ, ибо кровь непрестанно лила у него изъ носу. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастіе. Димитрій успокоился, требовалъ пищи, вина; заснулъ — и казался мертвымъ. Бояре оплакали Князя, закрыли одѣяломъ, выпили по нѣскольку стакановъ крѣпкаго меду и сами легли спать на лавкахъ въ той же горницѣ. Вдругъ мнимый мертвецъ скинулъ съ себя одѣяло, и не открывая глазъ, началъ пѣть стихиры. Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса. Разнесся слухъ о семъ чудѣ: дворецъ наполнился любопытными. Цѣлые три дни Князь пѣлъ и говорилъ о душеспасительныхъ предметахъ, узнавалъ людей, но не слыхалъ ничего: наконецъ дѣйствительно умеръ съ именемъ Святаго: ибо — какъ сказываютъ Лѣтописцы — тѣло его, чрезъ 23 дни открытое для погребенія въ Московскомъ Соборѣ Архангела Михаила, казалось живымъ безъ всякихъ знаковъ тлѣнія и безъ синеты (291). — Шемяка наслѣдовалъ Удѣлъ Краснаго, и еще нѣсколько времени жилъ мирно съ Великимъ Княземъ.

Соборъ Флорентійскій.

Въ сіи два года внутренняго спокойствія Москвитяне и вся Россія были тревожимы соблазномъ въ важномъ дѣлѣ церковномъ, о коемъ Лѣтописцы говорятъ весьма обстоятельно, и которое, минутно польстивъ властолюбію Рима, утвердило отцевъ на-

печали; жалѣетъ о дняхъ своей мирной,
енной юности; оплакиваетъ раздѣленіе Ми-
ліи, безвременную кончину Василія Дими-
ича, бѣдствія и междоусобія Великаго Кня-
(292). Шесть лѣтъ по смерти Фотія Церковь
сиротствовала безъ Главы, отъ внутрен-
смятеній Государства Московскаго. Сими
ятельствами думалъ воспользоваться Ми-
литъ Литовскій, Герасимъ, и старался под-
ъ себѣ Епископовъ Россіи, но безъ успѣха:
освятилъ въ Смоленскѣ только Новогород-
Архіепископа, Евфимія; другіе не хотѣли
съ нимъ никакого дѣла. Наконецъ Васи-
звалъ Святителей и велѣлъ имъ назначить
полита: всѣ единодушно выбрали знаме-
Іону, Архіерея Рязанскаго. «Такимъ обра-
» — говорятъ Лѣтописцы — «исполнилось
памятное слово блаженнаго Фотія, кото-
посѣтивъ однажды Симоновскую Обитель,

снискалъ любовь Папы: вѣроятно даже, ч
по согласію съ нимъ домогался власти над
сійскою Церковію, дабы тѣмъ лучше спосо
вать важнымъ намѣреніямъ Рима, о коихъ
говорить будемъ.

Супругъ Княжны Московской, Анны, I
Палеологъ, царствовалъ въ Константин
непрестанно угрожаемомъ силою Турецко
шенный едва не всѣхъ областей славной
жавы своихъ предковъ — стѣсненный в
лицѣ, и на берегахъ самаго Воспора видя
на Амуратовы — сей Государь искалъ пок
теля въ Римскомъ Первосвященникѣ, коег
хотя уже не была закономъ для Государей
пы, однакожь могла еще дѣйствовать н
Совѣты. Старецъ умный и честолюбивый,
ній IV, сидѣлъ тогда на Апостольскомъ п
лѣ: онъ именемъ Св. Петра обѣщалъ Импе
Іоанну воздвигнуть всю Европу на Турков

нія: истина, объясненная противорѣчіями, долженствовала быть общимъ уставомъ Христіанства. Императоръ совѣтовался съ Патріархами. Еще древнія предубѣжденія сильно отвращали ихъ отъ духовнаго союза съ надменнымъ Римомъ; но Амуратъ II уже измѣрялъ окомъ Царьградъ какъ свою добычу: предубѣжденія умолкли. Положили, да будетъ *осьмый* Соборъ Вселенскій въ Италіи. Тамъ, кромѣ Царя и знатнѣйшаго Духовенства обѣихъ Церквей, надлежало собраться всѣмъ Государямъ Европы въ духѣ любви Христіанской; тамъ Іоаннъ Палеологъ, вступивъ съ ними въ братскій союзъ единовѣрія, долженствовалъ убѣдительно представить имъ опасности своей Державы и Церкви православной, гремя въ ихъ слухъ именемъ Христа и Константина Великаго: успѣхъ могъ ли казаться сомнительнымъ? Евгеній ручался за оный, и сдѣлалъ еще болѣе: взялъ на себя всѣ расходы, коихъ требовало путешествіе Императора и Духовенства Греческаго въ Италію: ибо Византія, нѣкогда гордая и столь богатая, уже не стыдилась тогда жить милостынею иноплеменниковъ! Вооруженныя суда Евгеніевы явились въ пристани Царяграда: Императоръ съ братомъ своимъ, Димитріемъ Деспотомъ, съ Константинопольскимъ Патріархомъ Іосифомъ и съ семью стами первѣйшихъ сановниковъ Греческой Церкви, славныхъ ученостію или разумомъ, сѣли на оныя (24 Ноября, 1437 года) въ присутствіи безчисленнаго множества людей, которые громо-

Грецію, но обласканный Царемъ и Патріарх
которые, отпуская его съ честію, сказали
«жалѣемъ, что мы ускорили поставить Иси
«и торжественно обѣщаемъ тебѣ Россійскую
«трополію, когда она вновь упразднится.
нимъ прибылъ въ Москву и новый Митропол
не только именемъ, но и дѣломъ Іерархъ
Россіи: ибо Герасима Смоленскаго уже не
(Свидригайло, господствуя надъ Литвою, въ
году сжегъ его на кострѣ въ Витебскѣ, узн
что онъ находился въ тайныхъ сношеніях
Сигизмундомъ Кестутіевичемъ, врагомъ
неистоваго сына Ольгердова). Задобренный
сковыми письмами Царя и Патріарха, Ва
встрѣтилъ Исидора со всѣми знаками лю
дарилъ, угощалъ въ Кремлевскомъ дворцѣ
но изумился, свѣдавъ, что Митрополитъ н
ренъ ѣхать въ Италію. Сладкорѣчивый Иси
доказывалъ важность будущаго осьмаго Со
и необходимость для Россіи участвовать
ономъ. Пышныя выраженія не ослѣпили В
лія. Напрасно ученый Грекъ описывалъ ем
личіе сонма, гдѣ Востокъ и Западъ, ус
своихъ Царей и Первосвятителей, изрекутъ
измѣняемыя правила Вѣры. Василій отвѣт
валъ: «Отцы и дѣды наши не хотѣли слыш

году, Сентября 8, выѣхалъ изъ Москвы съ
копомъ Суздальскимъ Авраміемъ, со мно-
духовными и свѣтскими особами, коихъ
простиралось до ста. Сіе *первое* путеше-
Россіянъ въ Италію описано однимъ изъ
съ великою подробностію: сообщимъ здѣсь
торыя обстоятельства онаго (296).
вогородскій Архіепископъ Евфимій, бывъ
въ Москвѣ, проводилъ Исидора до своей
хіи; а Князь Тверскій, Борисъ, послалъ съ
въ Италію Вельможу Ѳому. Митрополитъ
Вышняго Волочка плылъ рѣкою Мстою до
города, гдѣ, равно какъ и во Псковѣ, Ду-
нство и гражданство изъявило усердную къ
любовь дарами и пиршествами. Доселѣ онъ
ся ревностнымъ наблюдателемъ всѣхъ об-
въ Православія; но выѣхавъ изъ Россіи,
дленно обнаружилъ соблазнительную на-
ность къ Латинству. Встрѣченный въ Ли-

чиновники Рижскіе также осыпали Митрополита ласками: веселили музыкою и пирами. Тамъ онъ получилъ письмо отъ Великаго Магистра Нѣмецкаго, учтивое, ласковое: сей знаменитый Властитель предлагалъ ему свои услуги и совѣты для безопаснаго путешествія чрезъ Орденскія владѣнія. Но Исидоръ сѣлъ въ Ригѣ на корабль, отправивъ болѣе двухъ сотъ лошадей сухимъ путемъ, и (19 Маія 1438 года) присталъ къ берегу въ Любекѣ, откуда чрезъ Люнебургъ, Брауншвейгъ, Лейпцигъ, Эрфуртъ, Бамбергъ, Нюренбергъ, Аугсбургъ и Тироль проѣхалъ въ Италію, вездѣ находя гостепріимство, дружелюбіе, почести, и вездѣ осматривая съ любопытствомъ не только монастыри, церкви, но и плоды трудолюбія, Искусствъ, ума гражданскаго. Съ какимъ удивленіемъ Россіяне, дотолѣ не выѣзжавъ изъ отечества, загрубѣвшаго подъ игомъ варваровъ, видѣли въ Нѣмецкой землѣ города цвѣтущіе, зданія прочныя, удобныя и красивыя, обширные сады, каменные водоводы, или, по ихъ словамъ, рукою человѣка пускаемыя рѣки! Достойно замѣчанія, что Эрфуртъ показался имъ самымъ богатѣйшимъ въ Германіи городомъ, наполненнымъ всякими товарами и хитрыми произведеніями рукодѣлія. Горы Тирольскія изумили нашихъ путешественниковъ своими снѣжными громадами, современными рожденію оныхъ (какъ говоритъ Авторъ) и превышающими теченіе облаковъ: зрѣлище въ самомъ дѣлѣ разительное для жителей плоской

земли, въ особенности непонятное для нихъ смѣшеніемъ климатовъ: ибо Россіяне въ одно время видѣли тамъ и вѣчное царство зимы, на вершинахъ горъ, и плодоносное лѣто со всѣми его красотами, неизвѣстными въ нашемъ сѣверномъ отечествѣ: лимоны, померанцы, каштаны, миндаль и гранаты, растущіе на отлогостяхъ Тирольскихъ, среди цвѣтниковъ естественныхъ. — Августа 18 Исидоръ прибылъ въ Феррару.

Въ семъ городѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ ожидали его Императоръ и Папа, какъ Главу Россійской знаменитой Церкви, мужа ученѣйшаго и друга Евгеніева. Кромѣ духовныхъ сановниковъ, Кардиналовъ, Митрополитовъ, Епископовъ, тамъ находились Послы Трапезундскіе, Иверскіе, Арменскіе, Волошскіе; но къ удивленію Іоанна Палеолога, не было ни Императора Нѣмецкаго, ни другихъ Вѣнценосцевъ Западныхъ. Латинская Церковь представляла тогда жалостное зрѣлище раздора; уже семь лѣтъ славный въ Исторіи *Соборъ Базельскій*, дѣйствуя независимо и въ противность Евгенію, смѣялся надъ его Буллами, давалъ законы въ дѣлахъ Вѣры, обѣщалъ искоренить злоупотребленія духовной власти, и преклонилъ къ себѣ почти всѣхъ Государей Европейскихъ, которые для того отказались участвовать въ Италіянскомъ Соборѣ ([297]). Однакожь засѣданія начались съ великою торжественностію въ Феррарѣ, въ церкви Св. Георгія, послѣ долговременнаго спора

между Императоромъ Іоанномъ и Папою о мѣстахъ: Евгеній желалъ сидѣть среди храма, какъ Глава Вѣры; Іоаннъ же хотѣлъ самъ председательствовать, подобно Царю Константину во время Собора Никейскаго. Рѣшили тѣмъ, чтобы въ срединѣ церкви, противъ олтаря, лежало Евангеліе; чтобы на правой сторонѣ Папа занималъ первое, возвышенное мѣсто между Католиками, а ниже его стоялъ тронъ для отсутствующаго Императора Нѣмецкаго; чтобы Царь Іоаннъ сидѣлъ на лѣвой, также на тронѣ, но далѣе Папы отъ олтаря [298]. Надлежало согласиться въ четырехъ мнѣніяхъ: 1) объ исхожденіи Св. Духа, 2) о чистилищѣ, 3) о квасныхъ просфорахъ, 4) о первенствѣ Папы. Съ обѣихъ сторонъ выбрали Ораторовъ: Римляне Кардиналовъ Альбергати, Іуліана, Епископа Родосскаго и другихъ; Греки трехъ Святителей, Марка Ефесскаго (мужа ревностнаго, велерѣчиваго), Исидора Россійскаго и юнаго Виссаріона Никейскаго, славнаго ученостію и разумомъ, но излишно уклоннаго въ разсужденіи Догматовъ Вѣры. Пятнадцать разъ сходились для пренія о Св. Духѣ: наши единовѣрцы утверждали, что онъ исходитъ единственно отъ Отца; а Римляне прибавляли: *и Сына*, ставя въ доказательство нѣкоторыя древнія рукописи Святыхъ Отцевъ, отвергаемыя Греками какъ подложныя. Умствовали, истощали всѣ хитрости богословской Діалектики и не могли согласиться въ сей части Символа: выраженіе Filioque оставалось ка-

мнемъ претыканія. Уже Марко Ефесскій гремѣлъ противъ Латинской ереси, и вмѣсто духовнаго братства ежедневно усиливался духъ раздора. Греки скучали въ отдаленіи отъ домовъ своихъ и жаловались на худое содержаніе: Евгеній также, не видя успѣха, скучалъ безполезными издержками, и въ концѣ зимы уговорилъ Императора переѣхать во Флоренцію, будто бы опасаясь язвы въ Феррарѣ, но въ самомъ дѣлѣ для того, что Флорентійцы дали ему не малую сумму денегъ за честь видѣть Соборъ въ ихъ городѣ (299).

Не льзя безъ умиленія читать въ Исторіи о послѣднихъ тайныхъ бесѣдахъ Іоанна Палеолога, въ коихъ сей несчастный Государь изливалъ всю душу свою предъ Святителями Греческими и Вельможами, изображая съ одной стороны любовь къ Правовѣрію, а съ другой бѣдствія Имперіи и надежду спасти ее посредствомъ соединенія Церквей (300). «Думаю только о благѣ «отечества и Христіанства,» говорилъ онъ: «по«слѣ долговременнаго отсутствія возвратимся ли «безъ успѣха, съ единымъ стыдомъ и горестію? «Не мыслю о своихъ личныхъ выгодахъ: жизнь «кратковременна, а дѣтей не имѣю; но безопас«ность Государства и миръ Церкви для меня «любезны.» Митрополитъ Россійскій осуждалъ упрямство Марка Ефесскаго и другихъ Святителей, говоря: «лучше соединиться съ Рим«лянами и душею и сердцемъ, нежели безъ вся«кой пользы уѣхать отсюда: и куда поѣдемъ?»

Виссаріонъ еще убѣдительнѣе представлялъ
лостное состояніе Имперіи. Наконецъ, по
гихъ прѣніяхъ, Греки уступили, и согласи
1) что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и С
2) что опрѣсноки и квасный хлѣбъ могутъ
равно употребляемы въ священнодѣйствіи; 3
души праведныя блаженствуютъ на небес
грѣшныя страдаютъ, а среднія между тѣм
другими очищаются, *или* палимыя огнемъ,
угнетаемыя густымъ мракомъ, *или* волну
бурею, *или* терзаемыя инымъ способомъ;
всѣ люди тѣлесно воскреснутъ въ день с
явятся предъ судилищемъ Христовымъ, дат
четъ въ дѣлахъ своихъ; 4) что Папа есть
мѣстникъ Іисуса Христа и Глава Церкви;
Патріархъ Константинопольскій занимаетъ
рую степень, и такъ далѣе. 6 Іюля (1439
было послѣднее засѣданіе Собора въ Каѳед
номъ храмѣ Флорентійскомъ, гдѣ обѣ Це
совокупили торжественность и великолѣпіе
ихъ обрядовъ, чтобы тѣмъ сильнѣе дѣйство
на сердца людей. Въ присутствіи безчислен
народа, между двумя рядами Папскихъ тѣл
нителей, вооруженныхъ палицами, одѣтых
латы серебряныя и держащихъ въ одной
пылающія свѣчи, Евгеній служилъ Обѣдню
гремѣла музыка Императорская; пѣли
Вседержителя на языкѣ Греческомъ и Ла
скомъ. Папа, воздѣвъ руки на небо, проли
слезы радости, величественно благословивъ
ря, Князей, Епископовъ, чиновниковъ Рос

лики Флорентійской, велѣлъ Кардиналу Іуліану и Архіепископу Виссаріону читать съ амвона *хартію соединенія*, написанную слѣдующимъ образомъ: «Да веселятся небеса и земля! Разрушилось средостѣніе между Восточною и Западною Церковію; миръ возвратился на краеугольный камень Христа; два народа уже составляютъ единый; мрачное облако скорби и раздора исчезло; тихій свѣтъ вожделѣннаго согласія сіяетъ паки. Да ликуетъ мать наша, Церковь, видя чадъ своихъ, послѣ долговременнаго разлученія, вновь совокупленныхъ любовію; да благодаритъ Всемогущаго, Который осушилъ ея горькія объ нихъ слезы. А вы, вѣрные сыны міра Христіанскаго, благодарите мать вашу Церковь Каѳолическую, за то, что Отцы Востока и Запада не устрашились опасностей пути дальняго, и великодушно сносили труды, дабы присутствовать на семъ святомъ Соборѣ и воскресить любовь, коея уже не было между Христіанами.» Слѣдуютъ упомянутыя статьи примиренія и согласія въ Догматахъ Вѣры, подписанныя Евгеніемъ, осмью Кардиналами, двумя Патріархами Латинскими (Іерусалимскимъ и Градскимъ), осмью Архіепископами, пятидесятью Епископами и другими сановниками; а отъ имени Грековъ Императоромъ, тремя Мѣстоблюстителями престоловъ Патріаршихъ (ибо Іосифъ, Патріархъ Константинопольскій, скончался за нѣсколько дней до того во Флоренціи), семнадцатью Митрополитами, Ар-

хіепископами и всѣми бывшими тамъ Свя
лями ([302]), кромѣ одного Марка Ефесскаго
молимаго старца, презрителя угрозъ и кор
Свѣдавъ, что сей твердый мужъ не подп
хартіи, Папа гнѣвно воскликнулъ: «и так
«ничего не сдѣлали!» и требовалъ, чтобы І
раторъ или принудилъ его къ согласію, н
казалъ какъ ослушника; но Марко тай
отъѣздомъ спасся отъ гоненія.

Выгоды, пріобрѣтенныя уступчивостію
ковъ, состояли для нихъ въ томъ, что Е
далъ имъ нѣсколько тысячь флориновъ,
зался прислать въ Константинополь 300 во
съ двумя галерами для охраненія сей сто
и въ случаѣ нужды обѣщалъ Іоанну им
Государей Европейскихъ гораздо сильнѣ
вспоможеніе. Греки хотѣли еще, чтобы т
богомольцевъ, ежегодно отправляясь изъ
пы моремъ въ Палестину, всегда пристава
Царѣградѣ для выгоды тамошнихъ жителе
па включилъ и сію статью въ договоръ;
нецъ съ великою честію отпустилъ Импера
который, бывъ два года въ отсутствіи, во
тился въ Грецію оплакать безвременную
чину своей юной супруги, Маріи, и видѣ
щій мятежъ Духовенства ([303]). Узнавъ п
шедшее на Флорентійскомъ Соборѣ, оно р
лилось во мнѣніяхъ: нѣкоторые хотѣли
жаться его постановленій; другіе, и бо
часть, вопили, что истинная Церковь гиб
и что не Пастыри вѣрные, но измѣнники,

пленные златомъ Римскимъ, заключили столь беззаконный, столь унизительный для Грековъ союзъ съ Папою; что одинъ Марко Ефесскій явилъ себя достойнымъ служителемъ Христовымъ, и проч. Сіи послѣдніе одержали верхъ. Вопреки Императору и новому Патріарху Митрофану, ревностному защитнику Соединенія, народъ бѣжалъ изъ храмовъ, гдѣ священнодѣйствовали ихъ единомышленники, оглашенные еретиками, отступниками, такъ, что не смотря на усилія Папы Евгенія и преемника его, не смотря на явную, неминуемую гибель своего отечества, Греки захотѣли лучше умереть, нежели согласиться на исхожденіе Св. Духа отъ Сына, на опрѣсноки и чистилище. Достопамятный примѣръ твердости въ богословскихъ мнѣніяхъ! Впрочемъ сомнительно, чтобы Папа могъ тогда спасти Имперію, если бы Восточная Церковь и покорилась его духовной власти. Вѣки Крестовыхъ ополченій миновали; ревностный духъ Христіанскаго братства уступилъ мѣсто малодушной Политикѣ въ Европѣ: каждый изъ Вѣнценосцевъ имѣлъ свою особенную государственную систему, искалъ пользы во вредѣ другихъ и не довѣрялъ имъ. Нѣмецкая земля, бывъ театромъ жестокой войны, произведенной расколомъ Іоанна Гусса, болѣе и болѣе слабѣла въ долговременное, ничтожное царствованіе Фридерика III. Англія и Франція съ величайшимъ усиліемъ боролись между собою. Испанія, еще раздѣленная, не простирала мыслей своихъ за-

лѣе собственныхъ ея предѣловъ. Португалл занималась единственно мореплаваніемъ и новы ми открытіями въ Африкѣ: Италія церковным дѣлами, торговлею и внутренними расприями. Д нія и Швеція, бѣдныя людьми и деньгами, со динялись на краткое время ко вреду обоюдном и непрестанно опасаясь другъ друга, не мѣша лись въ дѣла иныхъ Державъ Европейских Только Венгрія и Польша нѣсколько времен бодрствовали на берегахъ Дуная, изъявляя ре ность противиться успѣхамъ Амуратова оружі но Варнская битва, столь несчастная для Корол Владислава, на-долго отвратила ихъ отъ войн съ мужественными Турками. Еще духовная влас сильно дѣйствовала надъ умами и въ Совѣтах государственныхъ; но уже не имѣла прежня единства. Мнимая божественность Папъ исчезл Соборы, Костницкій и Базельскій, судили и ни вергали ихъ. Сіи шумные сонмы Церковной Ари стократіи издали готовили паденіе духовной совершенную независимость мірской власти Іерархи разныхъ земель уже разнствовали и в мысляхъ, во многихъ отношеніяхъ предпочита особенныя выгоды своихъ Государствъ Папи нымъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Европы мог ли Евгеній ручаться за единодушіе Вѣнценос цевъ ея, чтобы сокрушить Оттоманскую Держа ву, или погибнуть на берегахъ Воспора для спа сенія Византіи? Устрашенные побѣдами Амурат и Магомета II, Государи Западные трепетали в *бездѣйствіи*. Тщетно Герой Альбаніи, знамени-

тый Скандербегъ, давалъ имъ примѣръ великодушія, одинъ съ горстію людей отражая многочисленное воинство Султанское: ни мало не способные подражать ему, они не стыдились вовлекать его въ ихъ собственныя междоусобія, къ удовольствію невѣрныхъ (304). — Однимъ словомъ, Іоаннъ Палеологъ не только не успѣлъ, но, по всѣмъ вѣроятностямъ, и не могъ успѣть въ своемъ намѣреніи, чтобы соединеніемъ двухъ Церквей отвратить конечную гибель Имперіи Греческой.

Главныя орудія сего мнимаго соединенія, Архіепископъ Виссаріонъ и Митрополитъ Исидоръ, были награждены отъ Папы Кардинальскими шапками: первый остался въ Италіи; вторый съ имѣнемъ Легата Апостольскаго для всѣхъ земель сѣверныхъ отправился изъ Флоренціи 6 Сентября (305); сѣлъ на корабль въ Венеціи, переѣхалъ Адріатическое море и чрезъ Далмацію и Кроатскую землю прибылъ въ столицу Венгріи, въ Будинъ, откуда написалъ грамоты во всѣ подвѣдомыя ему Епархіи Литовскія, Россійскія, Ливонскую, изъясняясь такимъ образомъ: «Исидоръ, милостію Божіею преосвященный Митрополитъ Кіевскій и всея Руси, *Легатъ отъ ребра* «(a latere) *Апостольскаго*, всѣмъ и всякому Христіанину вѣчное спасеніе, миръ и благодать. «Возвеселитеся нынѣ о Господѣ: Церковь Восточная и Римская навѣки совокупилися въ древнее мирное единоначаліе. Вы, добрые Христіане Церкви Константинопольской, Русь, Сербы,

«Волохи, и всѣ вѣрующіе во Христа! прі
«сіе святое соединеніе съ духовною радос
«честію. Будьте истинными братьями Хрис
«Римскихъ. Единъ Богъ, едина Вѣра: люб
«миръ да обитаютъ между вами! А вы, пл
«Латинскія, также не уклоняйтеся отъ Г
«скихъ, признанныхъ въ Римѣ истинными
«стіанами: молитеся въ ихъ храмахъ, как
«въ вашихъ будутъ молиться. Исповѣдуйте
«хи свои тѣмъ и другимъ Священникамъ
«различія; отъ тѣхъ и другихъ принимайте
«Христово, равно святое и въ прѣсномъ
«кисломъ хлѣбѣ. Такъ уставила общая
«ваша, Церковь Каѳолическая,» и проч.

Исидоръ спѣшилъ въ Кіевъ, гдѣ Духове
встрѣтило его какъ единственнаго Митроп
всѣхъ Россійскихъ Епархій, и весною 1440
прибылъ въ Москву, съ грамотою отъ Пап
Великому Князю (306). Евгеній извѣщалъ е
«благословенномъ успѣхѣ Флорентійскаго
«бора, славномъ въ особенности для Р
«ибо Архипастырь ея болѣе другихъ способ
«валъ оному.» Письмо отъ начала до конца
ласково и скромно. Папа молилъ Василія
милостивымъ къ Исидору и давать ему тѣ
ковные оброки, коими издревле пользов
наши Митрополиты. Духовенство и народ
нетерпѣніемъ ожидали своего Первосвят
въ Кремлевскомъ храмѣ Богоматери. Иси
явился окруженный многими сановниками: п
нимъ несли крестъ Латинскій и три серебр

пелицы. Россіяне удивились сей новости, и еще болѣе, когда Митрополитъ въ Литургіи помянулъ Евгенія Папу, вмѣсто Вселенскихъ Патріарховъ. Когда же, по окончаніи службы, Діаконъ Исидоровъ, въ стихарѣ и съ орарiемъ ставъ на амвонѣ, велегласно прочиталъ грамоту Флорентійскаго Осьмаго Собора, столь несогласную съ древнимъ ученіемъ нашей Церкви: тогда всѣ, духовные и міряне, въ изумленіи смотрѣли другъ на друга, не зная, что мыслить о слышанномъ. Имя Собора Вселенскаго, Царя Іоанна, и согласіе знатнѣйшихъ православныхъ Іерарховъ Греціи, искони нашихъ учителей, заграждали уста: безмолвствовали Епископы и Вельможи.

Въ семъ общемъ глубокомъ молчаніи раздался только одинъ голосъ — Князя Великаго. Съ юныхъ лѣтъ зная твердо уставы Церкви и мнѣнія Святыхъ Отцевъ о Символѣ Вѣры, Василій увидѣлъ отступленіе Грековъ отъ ея правилъ, воспылалъ ревностію обличить беззаконіе, вступилъ въ прѣніе съ Исидоромъ и торжественно наименовалъ его лжепастыремъ, губителемъ душъ, еретикомъ; призвалъ на совѣтъ Епископовъ, Бояръ, искусныхъ въ книжномъ ученіи, и велѣлъ имъ основательно разсмотрѣть Флорентійскую Соборную грамоту. Всѣ прославили умъ Великаго Князя. Святители и Вельможи сказали ему: «Государь! мы дремали; ты единъ «изъ всѣхъ бодрствовалъ, открылъ истину, спасъ «Вѣру: Митрополитъ *отдалъ ее на златъ* Римскому Папѣ, и *возвратился* къ намъ съ ересью.»

Исидоръ силился доказывать противное, нс
успѣха: Василій посадилъ его за стражу въ
довѣ монастырѣ, требуя, чтобы онъ раска
отвергнувъ соединеніе съ Латинскою Церк
Такимъ образомъ хитрость, рѣдкій даръ сл
великій умъ сего честолюбиваго Грека, и
столь много дѣйствія на Флорентійскомъ (
рѣ, гдѣ ученѣйшая Греція состязалась с
момъ, оказались безсильными въ Москвѣ,
побѣждены здравымъ смысломъ Великаго К
увѣреннаго, что перемѣны въ Законѣ о
даютъ сердечное усердіе къ оному, и что
мѣняемые Догматы отцевъ лучше всяких
выхъ мудрованій. Узнавъ же, что Ис
чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ тайно ушелъ из
настыря, благоразумный Василій не в
гнаться за нимъ, ибо не хотѣлъ употреби
какихъ жестокихъ мѣръ противъ сего све
наго имъ Митрополита, который, въѣха
Россію гордо, пышно и величаво, бѣжал
нее какъ преступникъ, въ страхѣ, чтоб
сквитяне не сожгли его подъ именемъ ер
на кострѣ (307).

Исидоръ благополучно достигъ Рима с
чальнымъ извѣстіемъ о нашемъ упрямствѣ
награду за свой ревностный подвигъ з
одно изъ первыхъ мѣстъ въ Думѣ Кардина
еще именуясь *Россійскимъ;* а Великій Княз
согласія всѣхъ Епископовъ, вторично из
Іону въ Митрополиты, (въ 1443 году) отпр
Боярина Полуехта въ Константинополь с

мотою къ Царю и Патріарху, въ коей описываетъ всю исторію нашего Христіанства со временъ Владиміра, и говоритъ далѣе [308]: «По «кончинѣ блаженнаго Фотія земля Русская нѣ«сколько лѣтъ оставалась безъ духовнаго Па«стыря, волнуемая нашествіемъ варваровъ и «внутреннимъ междоусобіемъ: наконецъ мы «послали къ вамъ Епископа Рязанскаго, Іону, «мужа отъ юныхъ лѣтъ благочестиваго и добро«дѣтельнаго, желая, да поставите его въ Митро«политы; но вы, или отъ замедленія нашего, «или слѣдуя единственно прихоти самовластія, «дали намъ Исидора. Богу извѣстно, что я долго «колебался и мыслилъ отвергнуть его; но ласко«вая грамота Патріархова, моленіе Посла ваше«го и сладкорѣчивое смиреніе Исидорово трону«ли мое сердце . . . Когда же онъ, вопреки своей «клятвѣ, измѣнилъ Православію: тогда мы со«звали боголюбивыхъ Святителей нашей земли, «да изберутъ новаго достойнѣйшаго Митрополи«та, какъ и прежде, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, «у насъ бывало. Но хотимъ соблюсти обрядъ «древній: требуемъ твоего Царскаго согласія и «Патріаршаго благословенія, увѣряя васъ, что «никогда произвольно не отлучимся отъ Церкви «Греческой, доколѣ стоитъ Держава Русская. И «такъ ожидаемъ, что вы исполните мое прошеніе «и не замедлите увѣдомить насъ о вашемъ здра«віи, да возвеселимся духомъ нынѣ и присно и «во вѣки вѣковъ. Аминь.» Сей Посолъ не доѣхалъ до *Константинополя*: ибо Василій прика-

дѣлахъ нашей Церкви, хотя еще и не был
жественно признанъ ея Главою ([309]); а Епис
южной Россіи снова имѣли особеннаго М
полита, посвященнаго въ Римѣ, именемъ Г
рія Болгарина, ученика Исидорова, вмѣс
нимъ ушедшаго изъ Москвы. Они держ
Флорентійскаго Соединенія, которое въ Л
и въ Польшѣ доставило имъ всѣ выгоды и
имущества Духовенства Латинскаго, под
жденныя въ 1443 году указомъ Владислава II
Преемникъ Владиславовъ, Казимиръ, даж
варивалъ Великаго Князя признать Кіев
Іерарха Главою и Московскихъ Еписко
представляя, какъ вѣроятно, что духовное
values начальство
ноначаліе утвердитъ благословенный союз
жду сѣверною и южною Россіею; но Свят
наши предали Григорія анаѳемѣ. Моско
Митрополія осталась независимою, а Кіе
подвластною Риму, будучи составлена изъ
хій Брянской, Смоленской, Перемышльской
ровской, Луцкой, Владимірской, Поло
Хельмской и Галицкой ([311]).

Такія слѣдствія имѣлъ славный Соборъ
рентійскій. Еще нѣсколько лѣтъ защитни
противники его писали, спорили, опрове
другъ друга; наконецъ бѣдствіе, постигшее
стантинополь, пресѣкло и споры и долговр

ныя усилія властолюбиваго Рима для подчиненія себѣ Византійской Церкви. Духовенство же Московское, отвергнувъ соблазнъ, тѣмъ болѣе укрѣпилось въ Догматахъ Православія.

Россіяне имѣли нужду въ мирѣ церковномъ, чтобы великодушнѣе сносить несчастія государственныя, коими Небо скоро посѣтило наше отечество.

Новая вражда.

Уже осенью въ 1441 году открылась новая вражда между Великимъ Княземъ и Димитріемъ Шемякою, который, свѣдавъ о приближеніи Московскаго войска къ Угличу, бѣжалъ въ Новогородскую область, и, собравъ нѣсколько тысячь бродягъ, вмѣстѣ съ Княземъ Александромъ Черторижскимъ, выѣхавшимъ къ нему изъ Литвы, внезапно подступилъ къ Москвѣ: хотя Игуменъ Троицкій, Зиновій, примирилъ ихъ; но Шемяка, боясь Василія, далъ знать Новогородцамъ, что желаетъ навсегда къ нимъ переселиться. Они гордо сказали: «Да будетъ, Князь, твоя воля! Если хочешь къ «намъ, мы тебѣ рады; если не хочешь, «какъ тебѣ угодно» (312). Сей отвѣтъ или не полюбился ему, или тогдашнія обстоятельства Новагорода отвратили его отъ намѣренія искать тамъ убѣжища: Шемяка остался въ своемъ Удѣлѣ.

г. 1443-1445.

Новгородъ, волнуемый внутри, угрожаемый извнѣ, не *имѣлъ ни* твердаго правле-

нія, ни ясной политической системы
1442 году народъ, безъ всякаго доказа
ства обвиняя многихъ людей въ за
тельствѣ, жегъ ихъ на кострахъ, т
въ Волховѣ, побивалъ каменьемъ.
урожаи и десятилѣтняя дороговизна п
Дѣла Новогородскія. дили гражданъ въ отчаяніе. «Вопль
«naніе (говоритъ Лѣтописецъ) раздав
«на площадяхъ и на улицахъ; бѣдны
«тались какъ тѣни, падали, умирали,
«предъ родителями, отцы и матери
«дѣтьми; одни бѣжали отъ голода въ
«ву, или въ землю Нѣмецкую, и
«Псковъ; другіе изъ хлѣба шли въ ра
«къ купцамъ Магометанской и Жидо
«Вѣры. Не было правды ни въ судахъ
«во градѣ. Возстали ябедники, лжес
«тели, грабители; наши старѣйшины
«тили честь свою, и мы сдѣлались п
«ніемъ для сосѣдовъ» ([313]). Къ симъ в
нымъ бѣдствіямъ присоединились вн
опасности. Слабая Держава можетъ
ствовать только союзомъ съ силь
ослѣпленный Новгородъ досаждалъ
и не имѣлъ друзей. Одинъ изъ К
Суздальскихъ, Василій Юрьевичь,
Кирдяпинъ и наслѣдственный врагъ
сквы, былъ ласково принятъ Новог
цами и начальствовалъ у нихъ въ Ям
неудовольствію же Великаго Князя он
звали изъ Литвы внука Ольгердова,

Владиміровича, и дали ему свои пригороды въ угодность Казимиру; между тѣмъ не угодили и послѣднему. Казимиръ хотѣлъ, чтобы они взяли отъ него Намѣстниковъ въ свою столицу и явно отложились отъ Василія Василіевича, говоря: «для васъ единственно я не заключилъ съ нимъ «мира; поддайтесь мнѣ, и вы будете со всѣхъ «сторонъ безопасны» (314). Новогородцы, еще не расположенные измѣнить Русскому отечеству, посмѣялись надъ властолюбіемъ Казимира: отпустили Іоанна въ Литву, и вторично приняли къ себѣ Лугвеніева сына, Юрія, бывшаго въ Москвѣ. Тщетно Псковитяне искали ихъ дружбы и давали имъ примѣръ благоразумія, стараясь быть въ тѣсной связи съ Москвою, которая долженствовала рано или поздно спасти сѣверо-западную Россію отъ хищности иноплеменниковъ. Князья — иногда Россійскіе, иногда Литовскіе — начальствовали во Псковѣ, но всегда именемъ Великаго Князя, съ его согласія, и присягали въ вѣрности сперва ему, а потомъ народу. Слѣдуя инымъ правиламъ, Новогородцы видѣли въ гражданахъ сей области уже не братьевъ, а слугъ Московскихъ, и своихъ совмѣстниковъ въ выгодахъ Нѣмецкой торговли. Тѣ и другіе воевали, мирились, заключали договоры, особенно съ Державами иноземными, не думая о благѣ общемъ. Новогородцы въ 1442 году взяли всѣхъ Нѣмецкихъ купцевъ подъ стражу (316): Псковитяне дружелюбно торговали съ Ганзою. Въ Шведской *Финляндіи* властвовалъ тогда Госу-

Чухонцевъ за воровство въ землѣ своей: м
имъ, безъ объявленія войны бралъ люд
плѣнъ и требовалъ окупа. Въ 1443 году Маг
Ливонскаго Ордена, Финке фонъ-Обербер
возобновилъ миръ съ областію Псковско
10 лѣтъ и былъ непріятелемъ Новогород
сжегъ предмѣстіе Ямы, и велѣлъ сказат
какъ бы въ насмѣшку, что не онъ, а Ге
Клевскій изъ заморья воюетъ Россію.

Такъ сказано въ нашей лѣтописи: бумаг
мецкаго Ордена, хранящіяся въ древнемъ К
бергскомъ Архивѣ, объясняютъ для нас
предлогъ войны съ ея достопамятными об
тельствами ([316]). Еще въ 1438 году Великі
гистръ Нѣмецкій писалъ къ Новогород
Князю Юрію, чтобы онъ благосклонно пр
юнаго Принца Клевскаго, Эбергарда, ѣдуща
Палестину черезъ Россію, и доставилъ ем
способы для пути безопаснаго; но Эбер

сдѣланныя Нѣмцамъ *безпокойными*, *наглыми Россіянами*, *любящими отнимать чужое и жаловаться*. Великій Герцогъ Литовскій, Казиміръ, былъ между ими посредникомъ, величаясь именемъ *Государя Новогородцевъ*, единственно по тому, что они со временъ Гедиминовыхъ принимали къ себѣ Литовскихъ Князей въ областные начальники; но Финке, благосклонно встрѣтивъ Казиміровыхъ Пословъ, не устыдился взять подъ стражу Новогородскаго, даже ограбилъ его и выслалъ *нагаго* изъ Ливоніи. — Раздраженные Новогородцы опустошили Ливонскія селенія за Наровою: Нѣмцы землю Водскую, берега Ижеры и Невы; опять приступили къ Ямѣ и хотѣли пушками разрушить ея стѣны, но черезъ пять дней сняли осаду. Нѣмецкіе Лѣтописцы прибавляютъ, что Россіяне заманили Магистра въ какое-то ущелье и побили у него множество воиновъ; что онъ, желая отмстить имъ новымъ впаденіемъ въ ихъ предѣлы, возвратился съ новою неудачею и стыдомъ ([317]). Не смотря на то, гордый Финке вторично отвергнулъ мирныя предложенія Новогородцевъ, сказавъ ихъ Посламъ въ Ригѣ, что не заключитъ мира, если они не уступятъ ему всей рѣки Наровы съ островомъ. Доселѣ дѣйствовавъ только собственными силами, Ливонцы предпріяли наконецъ вооружить на Россіянъ знатную часть Европы, посредствомъ Великаго Магистра Прусскаго, бывшаго въ тѣсной связи съ Римомъ и съ Государями Сѣверными; хотѣли уже не грабежа, не

и Нейшлотъ, Шведамъ Орѣховъ, Ландскро
проч. Великій Магистръ Прусскій убѣждалъ
содѣйствовать молитвою и деньгами къ ус
нію *невѣрныхъ* Россіянъ; писалъ къ Импера
къ Курфирстамъ, и вызывалъ изъ Гер
всѣхъ православныхъ витязей служить Б
Его матери, казнить *отступниковъ злочест*
на берегахъ Волхова; писалъ также ко в
городамъ Ганзейскимъ, къ Любеку, Вис
Ростоку, Грейфсвальдену, чтобы они запр
купцамъ своимъ возить хлѣбъ въ Новго
Вооруженныя Ливонскія суда заняли Не
брали въ добычу всякой нагруженный съѣ
ми припасами корабль, идущій въ Ладо
озеро, не исключая ни союзныхъ Шведс
ни Прусскихъ. Войско Нѣмецкаго Ордена о
вилось моремъ изъ Данцига и сухимъ п
изъ Мемеля къ Нарвѣ: пѣхота, конница и
кари, съ Рыцаремъ Генрихомъ, искусны

ходы долженствовали склонить Небо къ совершенному истребленію сей Россійской народной Державы, болѣе именемъ, нежели силами *великой*, опустошенной тогда голодомъ и болѣзнями.

Какія были слѣдствія мѣръ столь важныхъ и грозныхъ? Въ нашихъ лѣтописяхъ сказано единственно, что Ливонскіе Рыцари, Король Шведскій и *Прусскій* (то есть, Великій Магистръ Нѣмецкаго Ордена) въ 1448 году имѣвъ битву съ Новогородцами на берегахъ Наровы, ушли назадъ: а Двиняне близъ Неноксы разбили Шведовъ, которые приходили туда моремъ изъ Лапландіи ([318]). — Ни *Татары*, ни *Волохи*, ни *Москвитяне* не помогали Новугороду. «Я даю ему «Князей, но безъ войска,» писалъ Казимиръ къ Нѣмцамъ. Въ бумагахъ Орденскихъ упоминается только о какомъ-то знаменитомъ человѣкѣ, который въ 1447 году ѣхалъ изъ Моравіи *съ шестью стами всадниковъ* на помощь къ Новогородскому Князю Юрію, сыну Лугвеніеву.

Въ сіе Время Новогородцы имѣли еще двухъ непріятелей: Князь Борисъ Тверскій безжалостно грабилъ ихъ землю, и народъ Югорскій, угнетаемый ими, объявилъ себя независимымъ. Воеводы Двинскіе, Василій Шенкурскій и Михайло Яковлевъ, пришли къ нимъ съ тремя тысячами воиновъ. Жители употребили хитрость. «Дайте «намъ время собрать дань,» говорили они: «сдѣ«лавъ расчетъ между собою, мы покажемъ вамъ «урочища и станы;» но усыпивъ Россіянъ обѣщаніями и ласками, побили ихъ наголову. Новогород-

Войны. Гораздо важнѣйшія происшествія
даютъ насъ въ Московскомъ Вели
Княженіи. Смерть Витовта, дѣда, опе
Василіева, уничтоживъ связь притвор
дружества между Литвою и нашимъ Г
дарствомъ, возобновила ихъ естествен
взаимную ненависть другъ ко другу,
усиленную раздоромъ Церковнымъ. Не
тели Казимировы искали убѣжища въ
сквѣ: сынъ Лугвеніевъ, Князь Юрій,
ѣхавъ изъ Новагорода, и занявъ воору
ною рукою Смоленскъ, Полоцкъ, Витеб
но будучи не въ силахъ противиться К
миру, бѣжалъ къ Великому Князю. О
кожь войны не было до 1444 года: в
время, зимою, Василій послалъ двухъ
жащихъ ему Царевичей Могольских
Брянскъ и Вязьму. Нечаянность ихъ
денія благопріятствовала успѣху, если

сколько сотъ Россіянъ подъ начальствомъ Воеводъ Можайскаго, Верейскаго и Боровскаго: презирая многочисленность непріятеля, они смѣло ударили на Казимировыхъ Пановъ въ Суходровѣ, и были разбиты. Впрочемъ Литовцы, не взявъ ни одного города удалились съ плѣнниками (320).

Великій Князь не могъ отразить ихъ для того, что имѣлъ дѣло съ другимъ непріятелемъ. Царевичь Золотой Орды, именемъ Мустафа, желая добычи, вступилъ въ Рязанскую область, плѣнилъ множество безоружныхъ людей, и взявъ за нихъ окупъ, ушелъ; но скоро опять возвратился къ Переславлю, требуя уже не денегъ, а только убѣжища. Настала зима необыкновенно холодная, съ глубокими снѣгами, жестокими морозами и вьюгами: Татары не могли достигнуть Улусовъ, лишились коней и сами умирали въ полѣ. Граждане Переславскіе, не смѣя отказать имъ, впустили ихъ въ свои жилища; однакожь не надолго: ибо Василій послалъ Князя Оболенскаго съ Московскою дружиною и съ Мордвою выгнать Царевича изъ нашихъ предѣловъ (321). Мустафа, равно опасаясь и жителей и рати Великокняжеской, по требованію первыхъ вышелъ изъ города, сталъ на берегахъ рѣчки Листани и спокойно ожидалъ непріятелей. Съ одной стороны наступили на него Воеводы Московскіе съ конницею и пѣхотою, вооруженною *ослопами* или палицами, топорами и рогатинами; съ другой Рязан-

скіе *Козаки* и Мордва на лыжахъ (*), съ сулицами, копьями и саблями. Татары, цѣпенѣя отъ сильнаго холода, не могли стрѣлять изъ луковъ, и не смотря на свою малочисленность, смѣло пустились въ ручной бой. Они конечно не имѣли средства спастися бѣгствомъ; но отъ нихъ зависѣло отдаться въ плѣнъ безъ кровопролитія: Мустафа не хотѣлъ слышать о такомъ стыдѣ, и бился до изнуренія послѣднихъ силъ. Никогда Татары не изъявляли превосходнѣйшаго мужества: одушевленные словами и примѣромъ начальника, рѣзались какъ изступленные и бросались грудью на копья. Мустафа палъ Героемъ, доказавъ, что кровь Чингисова и Тамерланова еще не совсѣмъ застыла въ сердцѣ Моголовъ; другіе также легли на мѣстѣ; плѣнниками были одни раненые, и побѣдители, къ чести своей, завидовали славѣ побѣжденныхъ. — Чрезъ нѣсколько времени Татары Золотой Орды — желая, какъ вѣроятно, отмстить за Мустафу — воевали области Рязанскія и Мордовскія: но не сдѣлали ничего важнаго.

Храбрость Мустафы.

Непріятель опаснѣйшій явился съ другой стороны, Царь Казанскій, Улу-Махметъ;

Нашествіе

(*) «*Ртахъ:* это родъ санокъ? Сибирск.» (Отмѣтка Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Ист. Гос. Росс.).

взялъ старый Новгородъ Нижній, оставленный безъ защиты, и шелъ къ Мурому (322). Великій Князь собралъ войско: Шемяка, Іоаннъ Андреевичь Можайскій, братъ его Михаилъ Верейскій и Василій Ярославичь Боровскій, внукъ Владиміра Храбраго, находились подъ Московскими знаменами. Махметъ отступилъ: передовый отрядъ нашъ разбилъ Татаръ близъ Мурома, Гороховца и въ другихъ мѣстахъ. Не желая во время тогдашнихъ зимнихъ холодовъ гнаться за Царемъ, Великій Князь возвратился въ столицу. Весною пришла вѣсть, что Махметъ осадилъ Нижній Новгородъ, пославъ двухъ сыновей, Мамутека и Ягуба, къ Суздалю. Уже полки были распущены: надлежало вновь собирать ихъ. Василій Васильевичь съ одною Московскою ратію пришелъ въ Юрьевъ, гдѣ встрѣтили его Воеводы Нижегородскіе: долго терпѣвъ недостатокъ въ хлѣбѣ, они зажгли крѣпость и ночью бѣжали оттуда. Чрезъ нѣсколько дней присоединились къ Москвитянамъ Князья Можайскій, Верейскій и Боровскій, но съ малымъ числомъ ратниковъ. Шемяка обманулъ Василія: самъ не поѣхалъ и не далъ ему ни одного воина; а Царевичь Бердата, другъ и слуга Россіянъ, еще оставался назади (323). Великій Князь расположился станомъ близъ Суздаля, на рѣкѣ Каменкѣ: слыша, что непріятель

Царя Казанскаго.

Іюля 6.

идетъ, воины одѣлись въ латы, и поднявъ знамена, изготовились къ битвѣ; но долго ждавъ Моголовъ, возвратились въ станъ. Василій ужиналъ и пилъ съ Князьями до полуночи; а въ слѣдующій день, по восхожденіи солнца отслушавъ Заутреню, снова легъ спать. Тутъ узнали о переправѣ непріятеля черезъ рѣку Нерль: сдѣлалась общая тревога. Великій Князь, схвативъ оружіе, выскочилъ изъ шатра, и въ нѣсколько минутъ устроивъ рать, бодро повелъ оную впередъ, при звукѣ трубъ, съ распущенными хоругвями. Но сіе шумное ополченіе, предводимое внуками Донскаго и Владиміра Храбраго, состояло не болѣе, какъ изъ 1500 Россіянъ, если вѣрить Лѣтописцу; силы Государства Московскаго не уменьшились: только Василій не умѣлъ подражать дѣду и словомъ творить многочисленныя воинства; земля оскудѣла не людьми, но умомъ Правителей.

Впрочемъ сія горсть людей казалась сонмомъ Героевъ, текущихъ къ вѣрной побѣдѣ. Князья и воины не уважали Татаръ; видѣли ихъ превосходную силу, и вопреки благоразумію схватились съ ними на чистомъ полѣ близъ монастыря Евфиміева. Непріятель былъ вдвое многочисленнѣе (324); однакожь Россіяне первымъ ударомъ обратили его въ бѣгство, можетъ быть притворное: онъ хотѣлъ, кажется, чтобы наше войско разстроилось. По крайней мѣрѣ такъ случилось: Москвитяне, видя тылъ непріятельской рати, устремились за нею безъ

всякаго порядка: всякой хотѣлъ единственно добычи; кто обдиралъ мертвыхъ, кто безъ памяти скакалъ впередъ, чтобы догнать обозъ Царевичей или брать плѣнниковъ. Татары вдругъ остановились, поворотили коней и со всѣхъ сторонъ окружили мнимыхъ побѣдителей, разсѣянныхъ, изумленныхъ. Еще Князья наши старались возстановить битву; сражались толпы съ толпами, воинъ съ воиномъ, долго, упорно: вездѣ число одолѣло, и Россіяне, положивъ на мѣстѣ 500 Моголовъ, были истреблены. Самъ Великій Князь, личнымъ мужествомъ заслуживъ похвалу — имѣя прострѣленную руку, нѣсколько пальцевъ отсѣченныхъ, тринадцать язвъ на головѣ, плеча и грудь синія отъ ударовъ — отдался въ плѣнъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Верейскимъ и знатнѣйшими Боярами. Іоаннъ Можайскій, оглушенный сильнымъ ударомъ, лежалъ на землѣ: оруженосцы посадили его на другаго коня и спасли. Василій Ярославичь Боровскій также ушелъ; но весьма не многіе имѣли сіе счастіе. Смерть или неволя были жребіемъ остальныхъ. Царевичи выжгли еще нѣсколько селъ, два дни отдыхали въ монастырѣ Евфиміевѣ, и снявъ тамъ съ несчастнаго Василія златые кресты, послали оные въ Москву, къ его матери и къ супругѣ, въ знакъ своей побѣды (325).

Плѣнъ Великаго Князя.

окрестныхъ селеній и пригородовъ, о
ляя домы, искали убѣжища въ стѣ
Кремлевскихъ: ибо ежечасно ждал
шествія варваровъ, обманутые слух
силѣ Царевичей. Новое бѣдствіе у
шило жалостную судьбу Москвитянъ и
шельцевъ: ночью сдѣлался пожаръ вн

Іюля 14.

Кремля, столь жестокій, что не ост
ни одного деревяннаго зданія въ цѣл
самыя каменныя церкви и стѣны въ
ныхъ мѣстахъ упали; сгорѣло около
тысячь человѣкъ и множество вс
имѣнія (326). Мать и супруга Великаго
зя съ Боярами спѣшили удалиться
сего ужаснаго пепелища: онѣ уѣха
Ростовъ, предавъ народъ отчаянію въ
тву. Не было ни Государя, ни прав
ни столицы. Кто могъ, бѣжалъ; но м
не знали, гдѣ найти пристанище, и н
тѣли пускать другихъ. Чернь въ шум
совѣтѣ положила укрѣпить городъ: и
ли властителей; запретили бѣгство; о
никовъ наказывали и вязали; починил
родскія ворота и стѣны; начали стро
жилища. Однимъ словомъ, народъ
собою возстановилъ и порядокъ изъ

началія и Москву изъ пепла, надѣясь, что Богъ возвратитъ ей и Государя. — Между тѣмъ, пользуясь ея сиротствомъ и несчастіемъ, хищный Князь Борисъ Александровичь Тверскій прислалъ Воеводъ своихъ разграбить въ Торжкѣ все имѣніе купцевъ Московскихъ (327).

Разбой Князя Тверскаго.

Не смотря на пороки или недостатки Василія, Россіяне Великаго Княженія видѣли въ немъ единственнаго законнаго Властителя и хотѣли быть ему вѣрными: плѣнъ его казался имъ тогда главнымъ бѣдствіемъ. Царевичи, хотя и побѣдители, вмѣсто намѣренія итти къ Москвѣ — чего она въ безразсудномъ страхѣ ожидала — мыслили единственно какъ можно скорѣе удалиться съ добычею и съ важнымъ плѣнникомъ, имѣя столь мало войска. Отъ Суздаля они пришли къ Владиміру (328); но только погрозивъ жителямъ, чрезъ Муромъ возвратились къ отцу въ Нижній. Самъ Махметъ опасался Россіянъ и не разсудилъ за благо остаться въ нашихъ предѣлахъ: зная расположеніе Шемяки, отправилъ къ нему Посла, именемъ Бигича, съ дружескими увѣреніями; а самъ отступилъ къ Курмышу, взявъ съ собою Великаго Князя и Михаила Верейскаго.

Августа 25.

Шемяка радовался бѣдствію Василія, которое удовлетворяло его властолюбію и ненависти къ сему злосчастному плѣннику.

Онъ принялъ Царскаго Мурзу съ ве
шею ласкою: угостилъ, и послалъ с
къ Махмету Дьяка Өедора Дубенска
окончанія договоровъ. Дѣло шло о
чтобы Василію быть въ вѣчной не
Шемякѣ Великимъ Княземъ подъ
ною Властію Царя Казанскаго. Но
метъ, долго не имѣвъ вѣсти о Б
вообразилъ или повѣрилъ слуху, ч
мяка убилъ его и хочетъ господс
въ Россіи независимо. Еще и друг
стоятельство могло способствовать
ливой перемѣнѣ въ судьбѣ Василія.
изъ Князей Болгарскихъ или Моголь
именемъ Либей, завладѣлъ тогда К
(послѣ онъ былъ умерщвленъ сыном
скимъ, Мамутекомъ). Желая скорѣ
вратиться въ Болгарію, Царь совѣт
съ ближними, призвалъ Великаго К
съ ласкою объявилъ ему свободу,
отъ него единственно умѣреннаго с
благодарности (329). Василій, прос
милость Неба и Царскую, выѣхал
Курмыша съ Княземъ Михаиломъ, с
рами и со многими Послами Татар
коимъ надлежало проводить его до
цы; отправилъ гонца въ Москву къ
кимъ Княгинямъ и самъ въ слѣдъ з
спѣшилъ въ любезное отечество.
тѣмъ Дьякъ Шемякинъ и Мурза
плыли Окою отъ Мурома къ Ни

Октября 1. Освобожденіе Василія.

услышавъ о свободѣ Великаго Князя, они возвратились отъ Дудина монастыря въ Муромъ, гдѣ Намѣстникъ, Князь Оболенскій, взялъ Бигича подъ стражу.

Землетрясеніе.

Въ тотъ самый день, когда Царь отпустилъ Василія въ Россію — 1 Октября — Москва испытала одинъ изъ главныхъ естественныхъ ужасовъ, весьма необыкновенный для странъ сѣверныхъ: землетрясеніе. Въ шестомъ часу ночи поколебался весь городъ, Кремль и посадъ, домы и церкви; но движеніе было тихо и непродолжительно: многіе спали и не чувствовали ничего; другіе обезпамятѣли отъ страха, думая, что земля отверзаетъ нѣдра свои для поглощенія Москвы (330). Нѣсколько дней ни о чемъ иномъ не говорили въ домахъ и на Красной площади; считали сей феноменъ предтечею какихъ нибудь новыхъ государственныхъ бѣдствій, и тѣмъ болѣе обрадовались нечаянному извѣстію о прибытіи Великаго Князя. Не только въ столицѣ, но и во всѣхъ городахъ, въ самыхъ хижинахъ сельскихъ добрые подданные веселились какъ въ день свѣтлаго праздника, спѣшили издалека видѣть Государя. Въ Переславлѣ нашелъ Василій мать, супругу, сыновей своихъ, многихъ Князей, Бояръ, дѣтей Боярскихъ и вообще столько ратныхъ людей, что могъ бы смѣло итти съ ними на сильнѣйшаго изъ враговъ Россіи.

Сія усердная, великолѣпная встрѣча на помнила величіе Героя Димитрія, привѣт ствуемаго народомъ послѣ Донской битвы дѣдъ плѣнялъ Россіянъ славою, внукъ тр галъ сердца своимъ несчастіемъ и неожи даемымъ спасеніемъ. — Но Василій (1 Ноября) съ горестію въѣхалъ въ столиц медленно возникающую изъ пепла; вмѣст улицъ и зданій видѣлъ пустыри; самъ н имѣлъ дворца, и живъ нѣсколько времен за городомъ въ домѣ своей матери, на В ганковѣ, занялъ въ Кремлѣ дворъ Кня Литовскаго, Юрія Патрикіевича.

Злодѣйство Шемяки.

Еще мѣра золъ, предназначенныхъ су бою сему Великому Князю, не исполн лась: ему надлежало испытать лютѣйше въ доказательство, что и на самой земл бываетъ возмездіе по дѣламъ кажда Опасаясь Василія, Димитрій Шемяка б жалъ въ Угличь, но съ намѣреніемъ пог бить неосторожнаго врага своего, которы еще не вѣдая тогда всей его злобы и пов ривъ ложному смиренію, новою догово ною грамотою утвердилъ съ нимъ миръ (331 Димитрій вступилъ въ тайную связь с Іоанномъ Можайскимъ, Княземъ слабымъ жестокосердымъ, легкомысленнымъ, и без труда увѣрилъ его, что Василій будто б клятвенно обѣщалъ все Государство Мо сковское Царю Махмету, а самъ намѣрен властвовать въ Твери. Скоро присталъ к

нимъ и Борисъ Тверскій, обманутый симъ вымысломъ, и страшась лишиться Княженія (332). Главными ихъ наушниками и подстрекателями были мятежные Бояре умершаго Константина Димитріевича, завистники Бояръ Великокняжескихъ; сыскались измѣнники и въ Москвѣ, которые взяли сторону Шемяки, вообще нелюбимаго: въ числѣ ихъ находились Бояринъ Иванъ Старковъ, нѣсколько купцевъ, Дворянъ, даже Иноковъ. Умыслили не войну, а предательство; положили нечаянно овладѣть столицею и схватить Великаго Князя; наблюдали всѣ его движенія и ждали удобнаго случая.

г. 1446.

Василій, слѣдуя обычаю отца и дѣда, поѣхалъ молиться въ Троицкую обитель (333), славную добродѣтелями и мощами Св. Сергія, взявъ съ собою двухъ сыновей съ малымъ числомъ придворныхъ. Заговорщики немедленно дали о томъ вѣсть Шемякѣ и Князю Можайскому, Іоанну, которые были въ Рузѣ, имѣя въ готовности цѣлый полкъ вооруженныхъ людей. Февраля 12 ночью они пришли къ Кремлю, гдѣ царствовала глубокая тишина; никто не мыслилъ о непріятелѣ; всѣ спали: бодрствовали только измѣнники, и безъ шума отворили имъ ворота. Князья вступили въ городъ, вломились во дворецъ, захватили мать, супругу, казну Василіеву, мно-

гихъ вѣрныхъ Бояръ, опустошивъ ихъ домы; однимъ словомъ, взяли Москву. Въ ту же самую ночь Шемяка послалъ Іоанна Можайскаго съ воинами къ Троицкой Лаврѣ.

Великій Князь, ничего не зная, слушалъ Обѣдню у гроба Св. Сергія. Вдругъ вбѣгаетъ въ церковь одинъ Дворянинъ, именемъ Бунко, и сказываетъ о происшедшемъ. Василій не вѣритъ. Сей Дворянинъ служилъ прежде ему, а послѣ отъѣхалъ къ Шемякѣ, и тѣмъ болѣе казался вѣстникомъ ненадежнымъ. «Вы только мутите «насъ,» отвѣтствовалъ Василій: «я въ мирѣ съ братьями» (334) — и выгналъ Бунка изъ монастыря; но одумался и послалъ нѣсколько человѣкъ занять гору на Московской дорогѣ. Передовые воины Іоанновы, увидѣвъ сихъ людей, извѣстили о томъ своего Князя: онъ велѣлъ закрыть 40 или 50 саней цыновками, и спрятавъ подъ ними ратниковъ, отправилъ ихъ къ горѣ. Стражи Василіевы дремали, не вѣря слуху о непріятелѣ, и спокойно глядѣли на мнимый обозъ, который, тихо взъѣхавъ на гору, остановился; цыновки слетѣли съ саней; явились воины и схватили оплошную стражу. Тогда — увѣренные, что жертва въ ихъ рукахъ — они сѣли на коней и пустились во всю прыть къ селу Клементьевскому. Уже Василій не могъ сомнѣваться въ опасности, собственными глазами видя скачущихъ всадниковъ: бѣжитъ на конюшенный дворъ, требуетъ лошадей, и не находитъ ничего *готоваго*; всѣ люди въ изумленіи отъ ужаса; в

знаютъ, что говорятъ и дѣлаютъ. Уже всадники предъ вратами монастырскими. Великій Князь ищетъ убѣжища въ церкви: пономарь, впустивъ его, запираетъ двери. Чрезъ нѣсколько минутъ монастырь наполнился людьми вооруженными: самъ Іоаннъ Можайскій подъѣхалъ на конѣ къ церкви и спрашивалъ, гдѣ Великій Князь? Услышавъ его голосъ, Василій громко закричалъ: «Братъ любезный! помилуй! Не лишай меня святаго мѣста: никогда не выду отсюда: здѣсь постригуся; здѣсь умру.» Взявъ съ гроба Сергіева икону Богоматери, онъ немедленнно отперъ южныя двери церковныя, встрѣтилъ Іоанна, и сказалъ ему: «Братъ и другъ мой! животворящимъ «крестомъ и сею иконою, въ сей церкви, надъ «симъ гробомъ Преподобнаго Сергія клялися мы «въ любви и вѣрности взаимной; а что теперь «дѣлается надо мною, не понимаю.» Іоаннъ отвѣтствовалъ: «Государь! если захотимъ тебѣ «зла, да будетъ и намъ зло. Нѣтъ, желаемъ «единственно добра Христіанству, и поступаемъ «такъ съ намѣреніемъ устрашить Махметовыхъ «слугъ, пришедшихъ съ тобою, чтобы они «уменьшили твой окупъ.» Великій Князь поставилъ икону на ея мѣсто, палъ ницъ предъ ракою Св. Сергія и началъ молиться громогласно, съ такимъ умиленіемъ, съ такимъ жаромъ, что самые злодѣи его не могли отъ слезъ удержаться; а Князь Іоаннъ, кивнувъ головою предъ образами, спѣшилъ выйти изъ церкви, и тихо сказалъ Боярину Шемякину, Никитѣ: «возь-

«ми его!» Василій всталъ и спросилъ: «гдѣ «братъ мой, Іоаннъ?» *Ты плѣнникъ Великаго Князя, Димитрія Юрьевича*, отвѣчалъ Никита, схвативъ его за руки. «Да будетъ «воля Божія!» сказалъ Василій. Жестокій Вельможа посадилъ несчастнаго Князя въ голыя сани вмѣстѣ съ какимъ-то Монахомъ и повезъ въ столицу; а Московскихъ Бояръ всѣхъ оковали цѣпями: другихъ же слугъ Великокняжескихъ ограбили и пустили нагихъ.

Февраля 16. Ослѣпленіе Великаго Князя.

На другой день привезли Василія въ Москву прямо на дворъ къ Шемякѣ, который жилъ въ иномъ домѣ; на четвертый день, ночью, ослѣпили Великаго Князя, отъ имени Димитрія Юрьевича, Іоанна Можайскаго и Бориса Тверскаго, которые велѣли ему сказать: «для чего любишь Татаръ и «даешь имъ Русскіе города въ кормленіе? «для чего серебромъ и золотомъ Христіан«скимъ осыпаешь невѣрныхъ? для чего из«нуряешь народъ податями? для чего ослѣ«пилъ ты брата нашего, Василія Косаго?» — Вмѣстѣ съ супругою отправили Великаго Князя въ Угличь, а мать его Софію въ Чухлому. Сыновья же Василіевы, Іоаннъ и Юрій, подъ защитою своей невинности спаслися отъ гонителей: пѣстуны сокрыли ихъ въ монастырѣ и ночью уѣхали съ ними къ Князю Ряполовскому, Ивану, въ село Боярово, не далеко отъ

Юрьева (335). Сей вѣрный Князь съ двумя братьями, Симеономъ и Димитріемъ, вооружился, собралъ людей, сколько могъ, и повезъ младенцевъ, надежду Россіи, въ Муромъ, укрѣпленный и безопаснѣйшій другихъ городовъ.

Ужасъ господствовалъ въ Великомъ Княженіи. Оплакивали судьбу Василія, гнушались Шемякою. Князь Боровскій, Василій Ярославичь, братъ Великой Княгини Маріи, не хотѣвъ остаться въ Россіи послѣ такого злодѣянія, отъѣхалъ въ Литовскую землю, гдѣ Казимиръ далъ ему въ Удѣлъ Брянскъ, Гомель, Стародубъ и Мстиславль. Но Дворяне Московскіе, хотя и съ печальнымъ сердцемъ, присягнули Димитрію Шемякѣ, всѣ, кромѣ одного, именемъ Ѳедора Басенка, торжественно объявившаго, что не будетъ служить варвару и хищнику. Димитрій велѣлъ оковать его: Басенокъ (336) ушелъ изъ темницы въ Литву со многими единомышленниками къ Василію Ярославичу, который сдѣлалъ его и Князя Симеона Ивановича Оболенскаго начальниками въ Брянскѣ. Шемяка, принявъ на себя имя Великаго Князя, отдалъ Суздаль презрительному сподвижнику своему, Іоанну Можайскому; но скоро взялъ у него назадъ сію область и въ слѣдствіе письменнаго договора уступилъ, вмѣстѣ съ Нижнимъ, съ Городцемъ и даже съ Вяткою, какъ законную наслѣдственную собственность, внукамъ Кирдяпинымъ, Василію и Ѳеодору Юрьевичамъ; то есть, безсмысленно хотѣлъ уничтожить полезное дѣло Василія I,

присоединившаго древнее Суздальское Княженіе къ Москвѣ. Въ договорной грамотѣ Шемяка, предоставивъ себѣ единственно честь старѣйшинства, соглашается, чтобы Юрьевичи, подобно ихъ прадѣду Димитрію Константиновичу, тестю Донскаго, господствовали независимо и сами управлялись съ Ордою (337); обѣ стороны равно обязываются не входить ни въ какіе особенные переговоры съ несчастнымъ слѣпцемъ Василіемъ; села и земли, купленныя Московскими Боярами вокругъ Суздаля, Городца, Нижняго, долженствовали безденежно возвратиться къ прежнимъ владѣльцамъ, и проч. Что заставило Шемяку быть столь благосклоннымъ къ двумъ изгнанникамъ, которые, не хотѣвъ служить Василію Темному, скитались по Россіи изъ мѣста въ мѣсто? Онъ боялся народной ненависти и малодушно искалъ опоры въ сихъ братьяхъ, изъ коихъ старшій, служа Новугороду, отличился въ битвѣ съ Нѣмцами и славился храбростію. Не имѣя ни совѣсти, ни правилъ чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка въ краткое время своего владычества усилилъ привязанность Москвитянъ къ Василію, и въ самыхъ гражданскихъ дѣлахъ попирая ногами справедливость, древніе уставы, здравый смыслъ, оставилъ навѣки память своихъ беззаконій въ народной по-

Безразсудность Шемяки.

словцѣ *о судѣ Шемякинѣ*, донынѣ употребительной ([338]).

Пословица.

Онъ не умертвилъ Великаго Князя единственно для того, что не имѣлъ дерзости Святополка I; лишивъ его зрѣнія, оправдывался закономъ мести и собственнымъ примѣромъ Василія, который ослѣпилъ Шемякина брата. Но Москвитяне — соглашаясь, что несчастіе Василіево было явнымъ попущеніемъ Божіимъ — усердно молили Небо избавить ихъ отъ Властителя недостойнаго; воспоминали добрыя качества слѣпца: его ревность въ Правовѣріи, судъ безъ лицепріятія, милость къ Князьямъ Удѣльнымъ, къ народу, къ самому Шемякѣ. Лазутчики Димитрія въ столицѣ, на площади, въ домахъ Бояръ и гражданъ, видѣли печаль, слышали укоризны; даже многіе города не поддавались ему. Въ сихъ обстоятельствахъ надлежало Шемякѣ показать смѣлую рѣшительность: къ счастію, злодѣи не всегда имѣютъ оную; устрашаются крайности, и не достигаютъ цѣли. Онъ боялся младенцевъ Великокняжескихъ, хранимыхъ въ Муромѣ Князьями Ряполовскими, вѣрными Боярами и малочисленною воинскою дружиною; но не хотѣлъ употребить насилія: призвалъ въ Москву Рязанскаго Епископа Іону, и сказалъ ему: «Мужъ святый! обѣщаю доставить тебѣ санъ Митрополита;

кій ; но Василій и семейство его
одъ стражею. Шемяка не испол-
а.

оломство изумило Бояръ : доб-
е Ряполовскіе были въ отчаяніи.
ь веселиться злобѣ,» сказали они
сь низвергнуть Димитрія. Къ
тали Князь Иванъ Стрига Обо-
Вельможа Ощера и многіе Дѣти
[340]): условились съ разныхъ сто-
къ Угличу ; въ одинъ день и
ся подъ его стѣнами , овладѣть
освободить Василія. Заговоръ
совершеннаго успѣха ; однакожь
счастливое дѣйствіе. Узнавъ на-
половскихъ, тайно выѣхавшихъ
ы, Димитрій отправилъ Воеводу
догонъ за ними ; но сіи муже-
витязи разбили дружину Шемя-
дя, что умыселъ ихъ открылся ,
ь Литву къ Василію Ярославичу
у , чтобы вмѣстѣ съ нимъ взять
ользу Великаго Князя. Они про-
а путь всѣмъ ихъ многочислен-
омышленникамъ : изъ столицы
городовъ люди бѣжали въ Ма-
проклиная Шемяку , который
въ Московскомъ дворцѣ, еже-
учая вѣсти о всеобщемъ него-
рода. Призвавъ Епископовъ, онъ
я съ ними и съ Княземъ Іоан-

Вѣроломство.

номъ Можайскимъ, освободить ли Васи
лія? чего неотступно требовалъ Іона, гово
ря ему: «Ты нарушилъ уставъ правды
«ввелъ меня въ грѣхъ, постыдилъ мою ст
«рость. Богъ накажетъ тебя, если не вы
«пустишь Великаго Князя съ семействомъ
«и не дашь имъ обѣщаннаго Удѣла. Мо
«жешь ли опасаться слѣпца и невинныхъ
«младенцевъ? Возьми клятву съ Василія,
«насъ Епископовъ во свидѣтели, что он
«никогда не будетъ врагомъ твоимъ.» Ш
мяка долго размышлялъ; наконецъ согл
сился.

Должны ли вѣроломные надѣяться
вѣрность обманутыхъ ими? Но злодѣ
освобождая себя отъ узъ нравственност
мыслятъ, что не всѣмъ дана сила попира
ногами святыню, и сами бываютъ жертво
легковѣрія. Димитрій хотѣлъ, по тогда
нему выраженію, *связать душу* Василіе
Крестомъ и Евангеліемъ, такъ, чтобы
оставить ему на выборъ ничего, кро
рабскаго смиренія или ада; пріѣхалъ
Угличь со всѣмъ Дворомъ, съ Князьям
Боярами, Епископами, Архимандритам
велѣлъ позвать Василія, обнялъ его др
жески, винился, изъявлялъ раскаяніе, тр
бовалъ прощенія великодушнаго. «Нѣтъ
отвѣтствовалъ Великій Князь съ серде
нымъ умиленіемъ: «я одинъ во всемъ ви
«новенъ; пострадалъ за грѣхи мои и бе

Смиреніе Василія.

«законія; излишно любилъ славу міра и «преступалъ клятвы; гналъ васъ, моихъ «братьевъ; губилъ Христіанъ и мыслилъ «еще изгубить многихъ; однимъ словомъ, «заслуживалъ казнь смертную. Но ты, Го-«сударь, явилъ милосердіе надо мною и «далъ мнѣ средство къ покаянію.» Слова лились рѣкою вмѣстѣ съ слезами; видъ, голосъ, подтверждали ихъ искренность. Шемяка былъ совершенно доволенъ; всѣ другіе плакали, славя Ангельское смиреніе души Василіевой. Можетъ быть, Великій Князь дѣйствительно говорилъ и чувствовалъ одно въ порывѣ Христіанской набожности, которая питается уничиженіемъ земной гордости. Обрядъ крестнаго цѣлованія заключился великолѣпною трапезою у Шемяки: Василій обѣдалъ у него съ супругою и съ дѣтьми, со всѣми Вельможами и Епископами; принялъ богатые дары и Вологду въ Удѣлъ; пожелалъ Димитрію благополучно властвовать надъ Московскимъ Государствомъ и съ своими домашними отправился къ берегамъ Кубенскаго озера. Сентября 15.

Скоро увидѣлъ Шемяка свою ошибку. Василій, пробывъ нѣсколько дней въ Вологдѣ какъ въ печальной ссылкѣ, поѣхалъ на богомолье въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь, гдѣ умный Игуменъ Трифонъ, согласно съ его желаніемъ, объявилъ ему, что клятва, данная имъ въ Угличѣ, не есть

законная, бывъ дѣйствіемъ неволи и с
ха. «Родитель оставилъ тебѣ въ насл
«Москву,» говорилъ Трифонъ: «да бу
«грѣхъ клятвопреступленія на мнѣ и на
«ей братіи! Иди съ Богомъ и съ прав
«на свою отчину; а мы за тебя, Госуд
«молимъ Бога.» Игуменъ и всѣ Іером
хи благословили Василія на Великое
женіе. Онъ успокоился въ совѣсти.
дневно приходило къ нему множество
дей изъ разныхъ городовъ, требуя ч
служить вѣрою и правдою истинному Г
дарю Россіи; въ томъ числѣ находи
знатнѣйшіе Бояре и Дѣти Боярскіе. В
лій уже не хотѣлъ ѣхать назадъ въ Во
ду, но прибылъ въ Тверь, гдѣ Князь
рисъ Александровичь, оставивъ преж
злобу, вызвался помогать ему, съ усл
емъ, чтобы онъ женилъ сына своего,
милѣтняго Іоанна, на его дочери, Ма
Торжественное обрученіе дѣтей утвер
союзъ между отцами, и Тверская друж
усилила Великокняжескую ([341]). Василій
шился итти къ Москвѣ.

Обрученіе юнаго Іоанна.

Съ другой стороны спѣшили туда Кня
Боровскій, Ряполовскіе, Иванъ Стр
Оболенскій, Θедоръ Басенокъ, собр
войско въ Литвѣ ([342]). На пути они неча
но встрѣтили Татаръ и готовились къ б
вѣ съ ними; но открылось, что сіи мним
непріятели шли на помощь къ Васил

предводимые Царевичами Касимомъ и Ягупомъ, сыновьями Царя Улу-Махмета. «Мы изъ земли «Черкасской и друзья Великаго Князя,» говорили Татары; «знаемъ, что сдѣлали съ нимъ «братья недостойные; помнимъ любовь и хлѣбъ «его; желаемъ теперь доказать ему нашу благо«дарность.» Князья Россійскіе дружески обнялися съ Царевичами и пошли вмѣстѣ.

Шемяка, свѣдавъ о намѣреніи Василія, и желая не допустить его до Москвы, расположился станомъ у Волока Ламскаго; но Великій Князь, увѣренный въ доброхотствѣ ея граждан, тайно отправилъ къ нимъ Боярина Плещеева съ малочисленною дружиною. Сей Бояринъ умѣлъ обойти рать Шемякину, и ночью, на канунѣ Рождества, былъ уже подъ стѣнами Кремлевскими. Въ церквахъ звонили къ Заутренѣ; одна изъ Княгинь ѣхала въ Соборъ: для нее отворили Никольскія ворота, и дружина Великокняжеская, пользуясь симъ случаемъ, вошла въ городъ. Тутъ раздался стукъ оружія: Намѣстникъ Шемякинъ убѣжалъ изъ церкви; Намѣстникъ Іоанна Можайскаго попался въ руки къ Василіевымъ Воеводамъ, которые въ полчаса овладѣли Кремлемъ. Бояръ непріятельскихъ оковали цѣпями; а граждане съ радостію вновь присягнули Василію (343).

Димитрій Шемяка услышалъ въ одно время, что Москва взята, и что отъ Твери идетъ на него Великій Князь, а съ другой стороны Василій Ярославичь Боровскій съ

ча съ Василіемъ Боровскимъ и заво
сей городъ, подъ коимъ убили одног
храбрѣйшихъ его Воеводъ, Литвина
Драницу; въ Ярославлѣ нашелъ Ца
чей, Касима съ Ягупомъ, и при воск
Февра-ля 17. ніяхъ усерднаго народа вступилъ въ
скву, пославъ Боярина Кутузова с
Шемякѣ: «Братъ Димитрій! какая
«честь и хвала держать въ неволѣ
«мою, а свою тетку? Ищи другой сла
«шей мести, буде хочешь: я сижу н
«столѣ Великокняжескомъ!» Димитрі
вѣтовался съ Боярами. Видя изнемо
своихъ людей, утомленныхъ бѣгство
желая смягчить Великаго Князя, и
ствуя въ самомъ дѣлѣ безполезност
залога — онъ велѣлъ знатному Бо
своему, Михайлу Сабурову, проводит
ликую Княгиню до Москвы. Василій в

Іоаннова; винились, давали обѣты вѣрности. Шемяка отказывался отъ Звенигорода, Вятки, Углича, Ржева: Іоаннъ отъ Козельска и разныхъ волостей; тотъ и другой обязывался возвратить все похищенное ими въ Москвѣ: казну, богатые кресты, иконы, имѣніе Княгинь и Вельможъ, древнія грамоты, ярлыки Ханскіе, требуя единственно, чтобы Василій оставилъ ихъ обоихъ мирно господствовать въ Удѣлахъ наслѣдственныхъ и не призывалъ къ себѣ до избранія Митрополита, который одинъ могъ надежно ручаться за личную для нихъ безопасность въ столицѣ ([345]). Великій Князь простилъ Іоанна, и далъ ему Бѣжецкій Верхъ, изъ уваженія къ его брату, Михаилу Андреевичу, и сестрѣ Анастасіи, супругѣ Бориса Тверскаго; но еще не хотѣлъ примириться съ Шемякою. Полки Московскіе шли къ Галичу. Наконецъ, убѣжденный ходатайствомъ ихъ общихъ родственниковъ, Василій простилъ и Шемяку, который обязался страшными клятвами быть ему искреннимъ другомъ, славить милость его до послѣдняго издыханія и никогда не мыслить о Великомъ Княженіи. Крестная или клятвенная грамота Димитріева, тогда написанная, заключалась сими словами: «Ежели преступлю обѣты Клятва. сеи, да лишуся милости Божіей и молитвы Святыхъ Угодниковъ земли нашея,

въ Ростовѣ у Епископа Ефрема.

Благоразумное правленіе Василіево.

Своимъ послѣднимъ несчастіемъ бы примиренный съ Судьбою, и въ с тѣ оказывая болѣе государственной пр ливости, нежели доселѣ, Василій н утверждать власть свою и силу Моско го Княженія. Возстановивъ спокой внутри онаго, онъ прежде всего далъ трополита Россіи, коего мы восемь не имѣли отъ раздоровъ Константино скаго Духовенства и отъ собствен нашихъ смятеній. Епископы Ефремъ стовскій, Аврамій Суздальскій, Вар Коломенскій, Питиримъ Пермскій с лись въ Москву; а Новогородскій и скій прислали грамоты, изъявляя сво номысліе съ ними [346]. Они, въ угод Государю, посвятили Іону въ Митро ты, ссылаясь будто бы, какъ сказа

Святителями, и строго укоряетъ Грековъ Флорентійскимъ Соборомъ. По крайней мѣрѣ съ того времени мы сдѣлались уже совершенно независимы отъ Константинополя по дѣламъ Церковнымъ: что служитъ къ чести Василія. Духовная опека Грековъ стоила намъ весьма дорого. Въ теченіе пяти вѣковъ, отъ Св. Владиміра до Темнаго, находимъ только шесть Митрополитовъ-Россіянъ; кромѣ даровъ, посылаемыхъ Царямъ и Патріархамъ, иноземные Первосвятители, всегда готовые оставить наше отечество, брали, какъ вѣроятно, мѣры на сей случай, копили сокровища и заблаговременно пересылали ихъ въ Грецію. Они не могли имѣть и жаркаго усердія къ государственнымъ пользамъ Россіи; не могли и столько уважать ея Государей, какъ наши единоземцы. Сіи истины очевидны; но страхъ коснуться Вѣры, и перемѣною въ ея древнихъ обычаяхъ соблазнить народъ, не дозволялъ Великимъ Князьямъ освободиться отъ узъ духовной Греческой власти; несогласія же Константинопольскаго Духовенства по случаю Флорентійскаго Собора представили Василію удобность сдѣлать то, чего многіе изъ его предшественниковъ хотѣли, но опасались.— Избраніе Митрополита было тогда важнымъ государственнымъ дѣломъ: онъ служилъ Великому Князю главнымъ орудіемъ въ обузданіи другихъ Князей. Іона старался подчинить себѣ и Литовскія Епархіи: доказывалъ тамошнимъ Епископамъ, что преемникъ Исидоровъ, Григо-

рій, есть Латинскій еретикъ и лжепастырь; однакожь не достигъ своей цѣли, и возбудилъ только гнѣвъ Папы, Пія II, который нескромною Буллою (въ 1458 году) объявилъ Іону *злочестивымъ сыномъ*, *отступникомъ*, и проч. (347).

Булла Папы.

Вторымъ попеченіемъ Василія было утвердить наслѣдственное право юнаго сына: онъ назвалъ десятилѣтняго Іоанна соправителемъ и *Великимъ Княземъ*, чтобы Россіяне заблаговременно привыкли видѣть въ немъ будущаго Государя: такъ именуется Іоаннъ въ договорахъ сего времени, заключенныхъ съ Новымгородомъ и съ разными Князьями (348). Во время несчастія Василіева Новогородцы признали Шемяку своимъ Княземъ и заставили его клятвенно утвердить всѣ древнія права ихъ: Василій, желая тогда отдохновенія и мира, также далъ имъ крестный обѣтъ не нарушать сихъ правъ, довольствоваться старинными Княжескими пошлинами и не требовать народной или Черной дани. Знатнѣйшіе сановники Новагорода пріѣзжали въ Москву и написали договоръ, во всемъ подобный тѣмъ, какіе они заключали съ Ярославомъ Ярославичемъ и другими Великими Князьями XIII вѣка. — Столь же снисходительно поступилъ Василій и съ внуками Кирдяпы: оставилъ ихъ господствовать въ Нижнемъ, въ Городцѣ, в

Г. 1449-1450. Іоаннъ соправитель.

Договоры.

Суздалѣ, съ условіемъ, чтобы они признавали его своимъ верховнымъ повелителемъ, отдали ему древніе ярлыки Ханскіе на сей Удѣлъ, не брали новыхъ и вообще не имѣли сношенія съ Ордою (349). — Князь Рязанскій, Іоаннъ Ѳеодоровичь, обязался грамотою не приставать ни къ Литвѣ, ни къ Татарамъ; быть вездѣ за-одно съ Василіемъ, и судиться у него въ случаѣ раздоровъ съ Княземъ Пронскимъ; а Великій Князь обѣщалъ уважать ихъ независимость, возвративъ Іоанну многія древнія мѣста Рязанскія по берегамъ Оки; Бориса же Тверскаго называетъ въ грамотѣ *равнымъ себѣ братомъ*, увѣряя, что ни онъ Василій, ни сынъ его не будетъ мыслить о присоединеніи Твери къ Московскимъ владѣніямъ, хотя бы Татары и предложили ему взять оную. Изъ благодарности къ вѣрнымъ своимъ друзьямъ и сподвижникамъ, Василію Ярославичу Боровскому и Михаилу Андреевичу, брату Іоанна Можайскаго, Великій Князь утвердилъ за первымъ Боровскъ, Серпуховъ, Лужу, Хотунь, Радонежъ, Перемышль, а за вторымъ Верею, Бѣлоозеро, Вышегородъ, оставивъ имъ обоимъ часть въ Московскихъ сборахъ, и даже освободивъ нѣкоторыя области Михаилова Удѣла на нѣсколько лѣтъ отъ Ханской дани, то есть, взявъ ее на себя. Сіи грамоты были всѣ подписаны Митрополитомъ Іоною, который способствовалъ и доброму согласію Василіеву съ Казимиромъ. Посолъ Литовскій, Гарманъ, былъ тогда въ Москвѣ съ письмами и съ дарами; а

Новое вѣроломство Шемяки.

Новое вѣроломство Шемяки на[рушило] спокойствіе Великаго Княженія. [В] концѣ 1447 года Епископы Россійс[кіе] имени всего Духовенства писали к[ъ] что онъ не исполняетъ договора: не [возвращаетъ] увезенной имъ Московской казны и [драго]цѣнной святыни; грабитъ Бояръ, к[оторые] перешли отъ него въ службу къ В[асилію]; сманиваетъ къ себѣ людей Велико[княже]скихъ; тайно сносится съ Новымгор[одомъ], съ Іоанномъ Можайскимъ, съ Вятк[ою], Казанью (350). Надъ *Синею* или Ног[айскою] Ордою, разсѣянною въ степяхъ меж[ду] зулукомъ и Синимъ или Аральски[мъ] ремъ, отчасти же между Чернымъ и Кубою, господствовалъ Седи-Ахмет[ъ], коего Послы пріѣзжали къ Великом[у] зю: Шемяка не хотѣлъ участвовать [въ из]держкахъ для ихъ угощенія, ни въ [дарахъ] Ханскихъ, отвѣтствуя Василію, что

толѣ и долженъ былъ оставить его; вы-
ь изъ Москвы только съ пятью слугами, и
звалъ Василія на Государство; снова по-
гъ оное — и долго ли пожилъ? Едва до-
желаемаго, и се въ могилѣ, осужденный
ми и Богомъ. Что случилось и съ братомъ
гъ? Въ гордости и высокоуміи онъ рѣзалъ
тіанъ, Иноковъ, Священниковъ: благо-
вуетъ ли нынѣ? Вспомни и собственныя
свои. Когда безбожный Царь Махметъ
ъ у Москвы, ты не хотѣлъ помогать Го-
ю и былъ виною Христіанской гибели:
ко истреблено людей, сожжено храмовъ,
ано дѣвицъ и Монахинь? Ты, ты будешь
ствовать Всевышнему. Напалъ варваръ
текъ: Великій Князь *сорокъ разъ* посылалъ
бѣ, молилъ итти съ нимъ на врага; но
ю! Пали вѣрные воины въ битвѣ крѣп-
имъ вѣчная память, а на тебѣ кровь ихъ!
дь избавилъ Василія отъ неволи: ослѣп-
ій властолюбіемъ, и презирая святость
ныхъ обѣтовъ, ты, вторый Каинъ и Свя-
къ въ братоубійствѣ, разбоемъ схватилъ,
йски истерзалъ его: на добро ли себѣ и
гъ? Долго ли господствовалъ? и въ тиши-
? Не безпрестанно ли волнуемый, порѣ-
ій страхомъ, спѣшилъ изъ мѣста въ мѣ-
гомимый въ день заботами, въ нощи сно-
іями и мечтами? Хотѣлъ бо́льшаго, но
илъ свое меньшее. Великій Князь снова
естолѣ, и въ новой славѣ: ибо даннаго

«Богомъ человѣкъ не отнимаетъ. Одно м
«діе Василіево спасло тебя. Государь ещ
«рилъ клятвѣ твоей и паки видитъ измѣн
«няемый честію Великокняжескаго имени
«ною, если она не Богомъ дарована; или
«мый златолюбіемъ, или уловленный пр
«женскою, ты дерзаешь быть вѣроломн
«исполняя клятвенныхъ условій мира: им
«себя Великимъ Княземъ, и требуешь
«отъ Новогородцевъ, будто бы для изгна
«таръ, призванныхъ Василіемъ и доселѣ
«отсылаемыхъ. Но ты виною сего: Тата
«медленно будутъ высланы изъ Россіи
«истинно докажешь свое миролюбіе Го
«Онъ знаетъ всѣ твои происки. Тобою
«ный, Казанскій Царевичъ Мамутекъ
«цѣпями Посла Московскаго. Седи-Ахм
«признаешь Царемъ; но развѣ не въ с
«Улусахъ отецъ твой судился съ Великим
«земъ? Не тѣ ли же Царевичи и Князья с
«нынѣ Седи-Ахмету? Уже миновало шест
«цевъ за срокъ, а ты не возвратилъ ни с
«крестовъ, ни иконъ, ни сокровищъ Вели
«жескихъ. И такъ мы, служители олта
«своему долгу молимъ тебя, Господинъ
«Димитрій, очистить совѣсть, удовле
«всѣмъ праведнымъ требованіямъ Велика
«зя, готоваго простить и жаловать тебя и
«женія къ нашему ходатайству, если обра
«къ раскаянію. Когда же въ безумной г
«посмѣешься надъ клятвами, то не мы,

«возложишь на себя тягость духовную: будешь «чуждъ Богу, Церкви, Вѣрѣ, и проклятъ навѣки «со всѣми своими единомышленниками и клевретами.» — Сіе посланіе не могло тронуть души, ожесточенной злобою. Прошло два года безъ кровопролитія, съ одной стороны въ убѣжденіяхъ миролюбія, съ другой въ тайныхъ и явныхъ козняхъ. Наконецъ Димитрій рѣшился воевать. Онъ хотѣлъ нечаянно взять Кострому; но Князь Стрига и мужественный Ѳеодоръ Басенокъ отразили приступъ. Узнавъ о томъ, Василій собралъ и полки и Епископовъ, свидѣтелей клятвы Шемякиной, чтобы побѣдить или устыдить его. Самъ Митрополитъ провождалъ войско къ Галичу. Какъ усердный Пастырь душъ, онъ еще старался обезоружить враговъ: успѣлъ въ томъ, но не на-долго. Шемяка не преставалъ коварствовать и замышлять мести. Тогда — видя, что одинъ гробъ можетъ примирить ихъ — Василій уже хотѣлъ дѣйствовать рѣшительно; призвалъ многихъ Князей, Воеводъ изъ другихъ городовъ, и составилъ ополченіе сильное. Шемяка, думая сперва уклониться отъ битвы, пошелъ къ Вологдѣ; но, вдругъ перемѣнивъ мысли, расположился станомъ близъ Галича: укрѣплялъ городъ, ободрялъ жителей, и всего болѣе надѣялся на свои пушки. Василій, лишенный зрѣнія, не могъ самъ начальствовать въ битвѣ: Князь Оболенскій предводительствовалъ Московскими полками и союзными Татарами. Оставивъ Государя за собою, подъ щитами вѣрной стражи,

они стройно и бодро приближались къ Галичу. Шемяка стоялъ на крутой горѣ, за глубокими оврагами; приступъ былъ труденъ. То и другое войско готовилось къ жестокому кровопролитію съ равнымъ мужествомъ: Москвитяне пылали ревностію сокрушить врага ненавистнаго, гнуснаго злодѣяніемъ и вѣроломствомъ; а Шемяка обѣщалъ своимъ первенство въ Великомъ Княженіи со всѣми богатствами Московскими. Полки Василіевы имѣли превосходство въ силахъ, Димитріевы выгоду мѣста. Князь Оболенскій и Царевичи ожидали засады въ дебряхъ; но Шемяка не подумалъ о томъ, воображая, что Москвитяне выдутъ изъ овраговъ утомленные, разстроенные и легко будутъ смяты его войскомъ свѣжимъ: онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ, какъ непріятель отъ береговъ озера шелъ медленно по тѣснымъ мѣстамъ. Наконецъ Москвитяне достигли горы и дружно устремились на ея высоту; задніе ряды ихъ служили твердою опорою для переднихъ, встрѣченныхъ сильнымъ ударомъ полковъ Галицкихъ. Схватка была ужасна: давно Россіяне не губили другъ друга съ такимъ остервененіемъ. Сія битва особенно достопамятна, какъ *послѣднее* кровопролитное дѣйствіе Княжескихъ междоусобій.... Москвитяне одолѣли: истребили почти всю пѣхоту Шемякину, и плѣнили его Бояръ;

Послѣдняя изъ знаменитыхъ битвъ Княже-

самъ Князь едва могъ спастися: онъ бѣжалъ въ Новгородъ. Василій, услышавъ о побѣдѣ, благодарилъ Небо съ радостными слезами; далъ Галичанамъ миръ и своихъ Намѣстниковъ; присоединилъ сей Удѣлъ къ Москвѣ и возвратился съ веселіемъ въ столицу (352).

ского междоусобія Г. 1450, Генваря 27.

Новогородцы не усомнились принять Димитрія Шемяку, величаясь достоинствомъ покровителей знаменитаго изгнанника, и надѣясь чрезъ то имѣть болѣе средствъ къ обузданію Василія въ замыслахъ его самовластія; не хотѣли помогать Димитрію, однакожь не мѣшали ему явно готовиться къ непріятельскимъ дѣйствіямъ противъ Великаго Князя, и собирать воиновъ, съ коими онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ взялъ Устюгъ (353). Шемяка мыслилъ завоевать сѣверный край Московскихъ владѣній, хотѣлъ пріобрѣсти любовь жителей, и для того не касался собственности частныхъ людей, довольствуясь единственно ихъ присягою; но тѣ, которые не соглашались измѣнить Великому Князю, были осуждены на смерть: безчеловѣчный Шемяка навязывалъ имъ камни на шею и топилъ сихъ добродѣтельныхъ гражданъ въ Сухонѣ. Не теряя времени, онъ пошелъ къ Вологдѣ, чтобы открыть себѣ путь въ Галицкую землю; но не могъ завладѣть ни однимъ городомъ и возвратился въ Устюгъ, гдѣ Вели-

Іюня 29.

кій Князь около двухъ лѣтъ оставлялъ е[го]
въ покоѣ.

Нашествіе Татаръ. Въ сіе время Татары занимали Василі[я]
Казань уже начала быть опасною для М[о]сковскихъ владѣній: въ ней царствовал[ъ]
Мамутекъ, сынъ Махметовъ, злодѣйск[и]
умертвивъ отца и брата (354). Въ 1446 год[у]
700 Татаръ Мамутековой дружины осаждали Устюгъ и взяли окупъ съ города мѣхами, но возвращаясь потонули въ рѣк[ѣ]
Ветлугѣ. Отрокъ Великокняжескій, десятилѣтній Іоаннъ Василіевичь, чрезъ два год[а]
ходилъ съ полками для отраженія Казанцевъ отъ Муромскихъ и Владимірских[ъ]
предѣловъ. Другія шайки хищниковъ Ординскихъ грабили близь Ельца и даже в[ъ]
Московской области: Царевичь Касимъ
вѣрный другъ Василіевъ, разбилъ ихъ в[ъ]
окрестностяхъ Похры и Битюга. Гораз[до]
г. 1451. болѣе страха и вреда претерпѣла наша столица отъ Царевича Мазовши: отецъ его
Седи-Ахметъ, Ханъ Синей или Ногайско[й]
Орды, требовалъ дани отъ Василія, и хотѣлъ принудить его къ тому оружіемъ. Великій Князь шелъ встрѣтить Царевича в[ъ]
полѣ; но свѣдавъ, что Татары уже близк[о]
и весьма многочисленны, возвратился в[ъ]
столицу, приказавъ Князю Звенигородскому не пускать ихъ черезъ Оку. Сей малодушный Воевода, объятый страхомъ, бѣжалъ со всѣми полками, и далъ непріяте-

лю путь свободный; а Василій, ввѣривъ защиту Москвы Іонѣ Митрополиту, матери своей Софіи, сыну Юрію и Боярамъ — супругу же съ меньшими дѣтьми отпустивъ въ Угличь — разсудилъ за благо удалиться къ берегамъ Волги, чтобы ждать тамъ Городскихъ Воеводъ съ дружинами (355).

Скоро явились Татары, зажгли посады и начали приступъ. Время было сухое, жаркое; вѣтеръ несъ густыя облака дыма прямо на Кремль, гдѣ воины, осыпаемые искрами, пылающими головнями, задыхались и не могли ничего видѣть, до самаго того времени, какъ посады обратились въ пепелъ, огонь угасъ и воздухъ прояснился. Тогда Москвитяне сдѣлали вылазку; бились съ Татарами до ночи и принудили ихъ отступить. Не смотря на усталость, никто не мыслилъ отдыхать въ Кремлѣ: ждали новаго приступа; готовили на стѣнахъ пушки, самострѣлы, пищали. Разсвѣтало; восходитъ солнце, и Москвитяне не видятъ непріятеля: все тихо и спокойно. Посылаютъ лазутчиковъ къ стану Мазовшину: и тамъ нѣтъ никого; стоятъ однѣ телеги, наполненныя желѣзными и мѣдными вещами; поле усѣяно оружіемъ и разбросанными товарами. Непріятель ушелъ ночью, взявъ съ собою единственно легкія повозки, а все тяжелое оставивъ въ добычу осажденнымъ. Татары, по сказанію Лѣтопис-

Іюля 2.

Іюля 23.

Подьячій, именемъ Бѣда, прискак[а]
Москву съ вѣстію о кончинѣ сего ж[...]
го Василіева недруга и былъ пожа[...]
въ Дьяки (357). Великій Князь изъяв[...]
скромную радость.

Успѣхи Единовластія. Г. 1454.

Какъ бы ободренный смертію о[...]
злодѣя, онъ началъ дѣйствовать [...]
смѣлѣе и рѣшительнѣе въ пользу [...]
властія. Іоаннъ Можайскій не хотѣл[...]
стѣ съ нимъ итти на Татаръ: [...]
Князь объявилъ ему войну, и застав[...]
бѣжать со всѣмъ семействомъ въ [...]
куда ушелъ изъ Новагорода и сынъ [...]
кинъ (358). Жители Можайска тре[...]
милосердія. «Даю вамъ миръ вѣч[...]
сказалъ Великій Князь: «отнынѣ н[...]
«вы мои подданные.» Намѣстники [...]
ліевы остались тамъ управлять наро[...]

Усмиреніе Новагорода.

Новогородцы давали убѣжище не[...]
лямъ Темнаго, говоря, что Свята[...]
никогда не отвергала несчастныхъ [...]
никовъ. Кромѣ Шемяки, они прив[...]
себѣ одного изъ Князей Суздальских[...]
силія *Гребенку*, не хотѣвшаго завис[...]
Москвы. Великій Князь имѣлъ и [...]
причины къ неудовольствію (359): [...]
родцы уклонялись отъ его суда, у[...]
Княжескія пошлины и называли п[...]
ры Вѣча вышнимъ законодательств[...]
слушаясь Московскихъ Намѣстни[...]
слѣдуя правилу, что уступчивость [...]

разумна единственно въ случаѣ крайности. Сей случай представился. Они знали, что Василій готовится къ походу; слышали угрозы; получили наконецъ *разметныя грамоты* въ знакъ объявленія войны — и все еще думали быть непреклонными. Великій Князь, провождаемый Дворомъ, г. 1456. прибылъ въ Волокъ, куда, не смотря на жестокую зиму, полки шли за полками, такъ, что въ нѣсколько дней составилась рать сильная. Тутъ Новогородцы встревожились, и Посадникъ ихъ явился съ челобитьемъ въ Великокняжескомъ станѣ: Василій не хотѣлъ слушать. Князь Оболенскій-Стрига и славный Ѳеодоръ Басенокъ, Герой сего времени, были посланы къ Русѣ, городу торговому, богатому, гдѣ никто не ожидалъ нападенія непріятельскаго: Москвитяне взяли ее безъ кровопролитія и нашли въ ней столько богатства, что сами удивились. Войску надлежало немедленно возвратиться къ Великому Князю: оно шло съ плѣнниками; за нимъ везли добычу. Воеводы остались назади, имѣя при себѣ не болѣе двухъ сотъ Боярскихъ Дѣтей и ратниковъ: вдругъ показалось 5000 конныхъ Новогородцевъ, предводимыхъ Княземъ Суздальскимъ. Москвитяне дрогнули; но Стрига и Ѳеодоръ Басенокъ сказали дружинѣ, что Великій Князь ждетъ побѣдителей, а не бѣглецовъ; что гнѣвъ

его страшнѣе толпы измѣнниковъ и малодушныхъ; что надобно умереть за правду и за Государя. Новогородцы хотѣли растоптать непріятеля: глубокій снѣгъ и плетень остановили ихъ. Видя, что они съ головы до ногъ покрыты желѣзными доспѣхами, Воеводы Московскіе велѣли стрѣлять не по людямъ, а по лошадямъ, которыя начали бѣситься отъ ранъ и свергать всадниковъ. Новогородцы падали на землю; вооруженные длинными копьями, не умѣли владѣть ими; передніе смѣшались: задніе обратили тылъ, и Москвитяне, убивъ нѣсколько человѣкъ, привели къ Василію знатнѣйшаго Новогородскаго Посадника, именемъ Михаила Тучу, взятаго ими въ плѣнъ на мѣстѣ сей битвы (360).

Извѣстіе о томъ привело Новгородъ въ страхъ несказанный. Ударили въ Вѣчевый колоколъ; народъ бѣжалъ на Дворъ Ярославовъ; чиновники совѣтовались между собою, не зная, что дѣлать; шумъ и вопль не умолкалъ съ утра до вечера. Гражданъ было много, но мало воиновъ смѣлыхъ; не надѣялись другъ на друга; рѣдкіе надѣялись и на собственную храбрость; кричали, что не время воинствовать, и лучше вступить въ переговоры. Отправили Архіепископа Евфимія, трехъ Посадниковъ, двухъ Тысячкихъ и 5 Выборныхъ отъ людей Житыхъ; велѣли имъ не жалѣть ласковыхъ словъ, ни самыхъ денегъ въ случаѣ необходимости. Сіе Посольство имѣло желаемое дѣйствіе. Архіепископъ нашелъ Василія

въ Яжелбицахъ; обходилъ всѣхъ Князей и Бояръ, склоняя ихъ быть миротворцами; молилъ самого Великаго Князя не губить народа легкомысленнаго, но полезнаго для Россіи своимъ купечествомъ, и готоваго загладить впредь вину свою искреннею вѣрностію. Обѣщанія не могли удовлетворить Василію: онъ требовалъ серебра и разныхъ выгодъ. Новогородцы дали Великому Князю 8500 рублей и договорною грамотою обязались платить ему Черную или народную дань, Виры или судныя пени; отмѣнили такъ называемыя *Вѣчевыя грамоты*, коими народъ стѣснялъ власть Княжескую; клялися не принимать къ себѣ Іоанна Можайскаго, ни сына Шемякина, ни матери, ни зятя его, и никого изъ лиходѣевъ Василіевыхъ; отступились отъ земель, купленныхъ ихъ согражданами въ областяхъ Ростовской и Бѣлозерской; обѣщали употреблять въ государственныхъ дѣлахъ одну печать Великокняжескую, и проч.; а Василій въ знакъ милости уступилъ имъ Торжекъ (301). Въ семъ мирѣ участвовали и Псковитяне, которые, забывъ долговременную злобу Новогородцевъ, давали имъ тогда помощь и находились въ раздорѣ съ Василіемъ. Такимъ образомъ Великій Князь, смиривъ Новгородъ, предоставилъ сыну своему довершить легкое покореніе онаго.

Въ то время умеръ въ Монашествѣ Князь Разан-

ская Княжь воспитывается въ Москвѣ. Рязанскій Іоаннъ Ѳеодоровичь, внукъ славнаго Олега, поручивъ осьмилѣтняго сына, именемъ Василія, и дочь Ѳеодосію Великому Князю. Сія довѣренность была весьма опасна для независимости Рязанскаго Княженія: Василій Темный, желая будто бы лучше воспитать дѣтей Іоанновыхъ, взялъ ихъ къ себѣ въ Москву, но пославъ собственныхъ Намѣстниковъ управлять Рязанью, властвовалъ тамъ какъ истинный Государь (362).

Неблагодарность Василіева. Властолюбіе его, кажется, болѣе и болѣе возрастало, заглушая въ немъ святѣйшія нравственныя чувства. Внукъ славнаго Владиміра *Храбраго*, Василій Ярославичь Боровскій, шуринъ, вѣрный сподвижникъ Темнаго, жертвовалъ ему своимъ владѣніемъ, отечествомъ; гнушаясь злодѣйствомъ Шемяки, не хотѣлъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній; осудилъ себя на горькую участь изгнанника, искалъ убѣжища въ землѣ чуждой, и непрестанно мыслилъ о средствахъ возвратить несчастному слѣпцу свободу съ престоломъ. Какая вина могла изгладить память такой добродѣтельной заслуги? И вѣроятно ли, чтобы Ярославичь, усердный другъ Василія, сверженнаго съ престола, заключеннаго въ темницѣ, измѣнилъ ему въ счастіи, когда сей Государь уже не имѣлъ совмѣстниковъ и властвовалъ въ мирномъ величіи? Дос-

лѣ Князь Боровскій не изъявлялъ излишняго честолюбія, довольный наслѣдственнымъ Удѣломъ и частію Московскихъ поміщинъ; охотно уступилъ Василію области Удѣла своего, Угличь, Городецъ, Козельскъ, Алексинъ, взявъ за то Бѣжецкій Верхъ съ Звенигородомъ, и новыми грамотами обязался признавать его сыновей наслѣдниками Великаго Княженія ([363]). Вѣроятнѣе, что Василій, желая сдѣлаться единовластнымъ, искалъ предлога снять съ себя личину благодарности, тягостной для малодушныхъ: клеветники могли услужить тѣмъ Государю, расположенному быть легковѣрнымъ — и Великій Князь, безъ всякихъ околичностей взявъ шурина подъ стражу, сослалъ его въ Угличь. Удѣлъ сего мнимаго преступника былъ объявленъ Великокняжескимъ достояніемъ; а сынъ Ярославича, Іоаннъ, ушелъ съ мачихою въ Литву, и вмѣстѣ съ другимъ изгнанникомъ, Іоанномъ Андреевичемъ Можайскимъ, вымышлялъ средства отмстить ихъ гонителю. Они заключили тѣсный союзъ между собою, написавъ слѣдующую грамоту (отъ имени юнаго Князя Боровскаго): «Ты, Князь Иванъ Андреевичь, будешь «мнѣ старшимъ братомъ. Великій Князь «вѣроломно изгналъ тебя изъ наслѣдствен«ной области, а моего отца безвинно «держитъ въ неволѣ. Пойдемъ искать

Іюля 10.

«тобою не примирится, клянуся помогать
«Если Богъ даруетъ намъ счастіе побѣди
«выгнать Василія, будь Великимъ Княземъ
«врати моему отцу города его, а мнѣ да
«тровъ и Суздаль. Не вѣрь клеветникам
«осуждай меня по злословію; что услы
«скажи мнѣ и не сомнѣвайся въ истинѣ
«крестныхъ оправданій. Что завоюемъ вм
«городовъ или казны, изъ того мнѣ треть
«де по грѣхамъ не сдѣлаемъ своего добра
«ла, то останемся и въ изгнаніи неразлуч
«въ какой землѣ найдешь себѣ мѣсто, там
«съ тобою,» и проч. (364). Сбылося тольк
слѣднее ихъ чаяніе: они долженствовали
реть изгнанниками. Враги Государя Моск
го имѣли убѣжище въ Литвѣ, но не нах
тамъ ни сподвижниковъ, ни денегъ. Каз
отправлялъ дружелюбныя Посольства къ
лію, думая единственно о безопасности с

вяли долгъ усердія къ законному ихъ Властителю, несправедливо утѣсненному; но Великій Князь наказалъ ихъ какъ злодѣевъ, и притомъ съ жестокостію необыкновенною: велѣлъ нѣкоторымъ отсѣчь руки и голову, другимъ отрѣзать носъ, иныхъ *бить кнутомъ* (365). Они погибли безъ стыда, съ совѣстію чистою. Народъ жалѣлъ объ нихъ.

Присвоивъ себѣ Удѣлъ Галицкій, Можайскій и Боровскій, Василій оставилъ только Михаила Верейскаго Княземъ Влатѣтельнымъ; другихъ не было: внуки Кирдяпины, нѣсколько лѣтъ правивъ древнею Суздальскою областію въ качествѣ Московскихъ присяжниковъ, волею или неволею выѣхали оттуда (366). Уже всѣ доходы Московскіе шли въ казну Великаго Князя; всѣ города управлялись его Намѣстниками. Одна Вятка, бывъ частію Галицкой области, не хотѣла повиноваться Василію: жители ея, какъ мы видѣли, помогали Юрію, Шемякѣ, Косому, и за нѣсколько лѣтъ до того времени сами собою выжгли Устюжскую крѣпость Гледенъ. Князь Ряполовскій, посланный смирить Вятчанъ, долго стоялъ у Хлынова и возвратился безъ успѣха: ибо они задобрили Воеводъ Московскихъ дарами. Въ слѣдующій годъ пошло туда новое сильное войско съ Великокняжескою дружиною, со многими Князьями, Боярами, Дѣтьми Боярскими; присоеди-

г. 1458-1459 Покореніе Вятки.

ствовался данію и правомъ располага
воинскими силами (367).

Любя умножать власть свою, онъ с
дерзалъ коснуться Твери, гдѣ Княз
рисъ Александровичь, сватъ его, ско
ся независимымъ (въ 1461 году), ост
престолъ сыну, именемъ Михаилу (3
Василій не тѣснилъ болѣе и Новог
цевъ, и дружелюбно гостилъ у них
1460 году) около двухъ мѣсяцевъ, и
ляя милость къ нимъ и Псковитянам
торые прислали ему въ даръ 50 р
жаловались на Нѣмцевъ и требовали
бы онъ позволилъ Князю Александр
торижскому остаться у нихъ Нам
комъ. Василій согласился; но Черт
скій самъ не захотѣлъ того и неме
уѣхалъ въ Литву. Псковитяне ж
имѣть у себя Василіева сына, Юрія;

Дѣла Псковскія.

чества. Надлежало отмстить Ливон-
Нѣмцамъ, которые, утвердивъ миръ
ссіянами на 25 лѣтъ, сожгли ихъ
вь на границѣ. Но дѣло обошлось
ойны. Орденъ требовалъ перемирія,
ченнаго потомъ съ *согласія Велико-
скаго* на пять лѣтъ въ Новѣгородѣ,
ріѣзжали для того Послы Архіепи-
Рижскаго и Дерптскіе; а Князь Юрій
ѣдъ за родителемъ возвратился въ
у, получивъ въ даръ отъ Псковн-
00 рублей и вмѣсто себя оставивъ у
Намѣстникомъ Іоанна Оболенскаго
у (369).

ъ сомнѣнія, что Василій въ послѣд-
ды жизни своей или совсѣмъ не пла-
ани Моголамъ, или худо удовлетво-
ихъ корыстолюбію: ибо они, не смо-
а собственныя внутреннія междоусо-
сто тревожили Россію, и приходили
йками, но цѣлыми полками. Два ра-
ско Седи-Ахметовой Орды вступало
ши предѣлы: Воевода Московскій,
Иванъ Юрьевичь, побѣдилъ Татаръ
сторонѣ Оки, ниже Коломны (370); а
Великаго Князя, Іоаннъ, мужествен-
азилъ ихъ отъ береговъ ея: послѣ
Ахматъ, Ханъ Большой Орды, сынъ
овъ, осаждалъ Переславль Рязан-
но съ великою потерею и стыдомъ
ся, виня главнаго Полководца свое-

Набѣги Татаръ.

Г. 1455-1461.

го, Казата Улана, въ тайномъ доброх
ствѣ къ Россіянамъ. — Царь Казанскій т
же былъ непріятелемъ Москвитянъ: Ве
кій Князь хотѣлъ самъ итти на Казань;
встрѣченный его Послами въ Владимі
заключилъ съ ними миръ.

Кончина и свойства Василіевы.

Василій еще не достигъ старости:
счастія и душевныя огорченія, имъ пре
пѣнныя, изнурили въ немъ тѣлесныя
лы. Онъ явно изнемогалъ, худѣлъ, и
мая, что у него сухотка, прибѣгнулъ
мнимому цѣлебному средству, тогда об
новенно употребляемому въ оной: ж
себѣ тѣло горящимъ трутомъ; сдѣла
раны, начали гнить, и больной, видя о
ность, хотѣлъ умереть Монахомъ: ему
говорили (371). Василій написалъ духовн
утвердилъ Великое Княженіе за старш
сыномъ, Іоанномъ, вмѣстѣ съ третію
сковскихъ доходовъ (другія же двѣ о
залъ меньшимъ сыновьямъ); Юрію отд
Дмитровъ, Можайскъ, Серпуховъ и
имѣніе матери своей, Софіи (которая
ставилась Инокинею въ 1453 году); тр
му сыну, Андрею Большому, Угличь,
жецкій Верхъ, Звенигородъ; четверт
именемъ Борису, Волокъ Ламскій, Рж
Рузу и села прабабы его, Маріи Голтяс
по ея завѣщанію; Андрею Меньшему
логду, Кубену и Заозерье; а матери
Ростовъ (съ условіемъ не касаться с

ственности тамошнихъ Князей), городокъ Романовъ, казну свою, всѣ Удѣльныя волости, которыя бывали прежде за Великими Княгинями, и всѣ, имъ купленныя или отнятыя у знатныхъ измѣнниковъ (что составляло великое богатство); сверхъ того клятвою обязалъ сыновей слушаться родительницы не только въ дѣлахъ семейственныхъ, но и въ государственныхъ (372). Такимъ образомъ онъ снова возстановилъ Удѣлы, довольный тѣмъ, что Государство Московское (за исключеніемъ Верен) остается подвластнымъ одному Дому его, и не заботясь о дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ: ибо думалъ болѣе о временной пользѣ своихъ дѣтей, нежели о вѣчномъ государственномъ благѣ; отнималъ города у другихъ Князей только для выгодъ собственнаго личнаго властолюбія; слѣдовалъ древнему обыкновенію, не имѣвъ твердости быть навѣки основателемъ новой, лучшей системы правленія, или Единовластія. Всего страннѣе то, что Василій въ духовномъ завѣщаніи *приказываетъ* супругу и дѣтей своихъ Королю Польскому, Казимиру, называя его братомъ. Оно подписано Митрополитомъ Ѳеодосіемъ, который за годъ до того времени былъ поставленъ нашими Святителями изъ Архіепископовъ Ростовскихъ на мѣсто скончавшагося Іоны. — Василій преставился на сорокъ-седьмомъ го-

г. 1462, Марта 17.

дѣдъ его повелѣвали ; терялъ честь
жаву, но оставилъ Государство Мос
сильнѣйшимъ прежняго : ибо рука
какъ бы вопреки малодушному Кня
но влекла оное къ величію, благос
доброе начало Калиты и Донскаго.

Жестокость тогдашнихъ нравовъ.

Кромѣ междоусобія, государст
Темнаго ознаменовалось разными
ствами, доказывающими свирѣпос
гдашнихъ нравовъ. Два Князя ослѣ
два Князя отравлены ядомъ (374). Н
ко чернь въ остервененіи своемъ бе
каго суда топила и жгла людей, об
мыхъ въ преступленіяхъ ; не толь
сіяне гнуснымъ образомъ терзали
плѣнныхъ : даже законныя казни из
ли жестокость варварскую. Іоаннъ
скій, осудивъ на смерть Боярина,
Дмитріевича, всенародно сжегъ его

но *бить кнутомъ*. Сіе унизительное еловѣчества обыкновеніе заимствова- і отъ Моголовъ.

Суевѣріе.

звѣріе и нелѣпыя понятія о случаяхъ твенныхъ господствовали въ умахъ, и иси сего времени наполнены извѣ- і о чудесныхъ явленіяхъ: то небо пы- въ огняхъ разноцвѣтныхъ, то вода цалась въ кровь; образа слезили; звѣ- ремѣняли свой видъ обыкновенный. 46 году Генваря 3, по баснословному ію Новогородскаго Лѣтописца, шелъ ый дождь, и сыпались изъ тучи на рожь, пшеница, ячмень, такъ, что ространство между рѣкою Мстою и вцемъ, верстъ на пятнадцать, покры- хлѣбомъ, собраннымъ крестьянами и сеннымъ въ Новгородъ, къ радост- изумленію его жителей, угнетае- дороговизною въ съѣстныхъ припа- [375].

Перемѣна монеты въ Новѣгородѣ.

же Лѣтописецъ, изображая тогдаш- есгодья своей отчизны, причисляетъ ымъ и перемѣну въ деньгахъ. Посад- Тысячскій и знатные граждане, из- пять мастеровъ, велѣли имъ пере- старую серебряную монету и вычи- за трудъ по деньгѣ съ двухъ гривенъ; ро отмѣнили и старые рубли, или ку- еребра, къ великому огорченію наро- оторый долго волновался и кричалъ;

что Правительство, подкупленное монетчиками, старается единственно дать имъ работу, не думая объ его убыткѣ. Нѣсколько человѣкъ, оговоренныхъ въ дѣланіи подложной монеты, утопили въ Волховѣ; другихъ ограбили (376).

Дѣла церковныя.

Мы описали святые подвиги Стефана Пермскаго, который водворилъ Христіанство на берегахъ сѣверной Камы: преемниками его въ Епископствѣ сей еще маловѣстной страны были Исаакій и Питиримъ, ревностные наставники и благотворители тамошнихъ обитателей. Дикіе народы сосѣдственные, омраченные тьмою идолопоклонства, возненавидѣли новыхъ Христіанъ Пермскихъ и тревожили ихъ своими набѣгами: такъ Князь Вогуличей, именемъ Асыка, съ сыномъ Юмшаномъ приходилъ (въ 1455 году) воевать берега Вычегды, и вмѣстѣ съ другими плѣнниками захвативъ самого Епископа Питирима, злодѣйски умертвилъ сего добродѣтельнаго Святителя (377). — Здѣсь въ первый разъ упоминается о Вогуличахъ въ дѣяніяхъ нашей Исторіи.

Въ сіе время былъ основанъ знаменитый монастырь Соловецкій, на дикомъ островѣ Бѣлаго моря, среди лѣсовъ и болотъ. Еще въ 1429 году благочестивый Инокъ Савватій водрузилъ тамъ крестъ и поставилъ уединенную келлію; а Св. Зосима, чрезъ

нѣсколько лѣтъ, создалъ церковь Преображенія, устроилъ Общежительство и выходилъ въ Новѣгородѣ жалованную грамоту на весь островъ, данную ему отъ Архіепископа Іоны и тамошняго Правительства за осмью свинцовыми печатями (378). Какъ въ иныхъ земляхъ алчная любовь къ корысти, такъ у насъ Христіанская любовь къ тихой, безмолвной жизни расширяла предѣлы обитаемые, знаменуя крестомъ ужасныя дотолѣ пустыни, неприступныя для страстей человѣческихъ.

Россіяне при Василіи Темномъ были поражены несчастіемъ Греціи какъ ихъ собственнымъ. Народъ, именуемый въ Восточныхъ лѣтописяхъ Гоцами, въ Византійскихъ Огузами или Узами, единоплеменный съ Торками, которые долго скитались въ степяхъ Астраханскихъ, служили Владиміру Святому, обитали послѣ близъ Кіева, и до самаго нашествія Татаръ составляли часть Россійскаго коннаго войска (379) — сей народъ мужественный, способствовавъ въ Азіи основанію и гибели разныхъ Державъ (Гасневидской, Сельчукской, Харазской) наконецъ подъ именемъ *Турковъ Османскихъ* основалъ сильнѣйшую Монархію, ужасную для трехъ частей міра, и еще донынѣ знаменитую. Османъ или Отоманъ, Эмиръ Султана Иконійскаго, воспользовался паденіемъ его Державы, разрушенной Моголами: сдѣлался независимымъ; захватилъ около 1292 года нѣкоторыя мѣста въ Виѳиніи, въ Пафлагоніи, въ Архипелагѣ, и далъ

наслѣдникамъ своимъ примѣръ счастлива
столюбія, коимъ они столь удачно воспо.
лись, что въ концѣ XIV вѣка уже госп
вали надъ всею Малою Азіею и Ѳракіею
живъ данію Константинополь. Тамерланъ
доусобіе сыновей Баязетовыхъ могли то.
время удержать быстрое стремленіе Осма
завоеваній: оно возобновилось при Аму
и наконецъ при Магометѣ II увѣнчалос
ніемъ Византіи, которое не было внезап
Европа долго ожидала его съ безпокойс
но побѣды, одержанныя Турками надъ Ко
Венгерскими, Сигизмундомъ и Владисл
вселяли ужасъ въ Государей Европейски
чувствительныхъ къ воплю Грековъ, надъ
восходила туча разрушенія. Самые Греки
гда Магометъ явно готовился осадить их
лицу, распоряжалъ полки, строилъ крѣп
берегахъ Воспора — въ безумномъ о
проклинали другъ друга за Богословскія
Славный Кардиналъ Исидоръ, бывшій
политъ Россійскій, находился тогда въ с
Византіи и предлагалъ Царю Константи
немъ Папы сильное вспоможеніе, съ усл
чтобы Духовенство Греческое утвердило
новленіе Флорентійскаго Собора. Царь, Вел
Іерархи, согласились: народъ не хотѣлъ
слышать; ревностные Иноки, Монахин
клицали на стогнахъ: «горе Латинской
образъ Богоматери спасетъ насъ» (380)!
знамя Султанское уже развѣвалось предъ в

омана. Магометъ съ двумя стами ты-
я воиновъ и съ тремя стами судовъ
упилъ къ Царюграду, гдѣ считалось
00 жителей, а вооружилось только
тысячь, гражданъ и Монаховъ, для
щиты: другіе единственно плакали,
ись въ церквахъ и звонили въ коло-
чтобы менѣе трепетать отъ грома
іетовыхъ пушекъ! Сія горсть людей,
нная двумя тысячами иноземцевъ
начальствомъ храбраго Генуэзскаго
я Джустиніани, представляла все мо-
тво Восточной Имперіи! Греки ожи-
чуда для ихъ спасенія; но случилось,
необходимо надлежало случиться:
іетъ, разрушивъ стѣны, по трупамъ
аровъ вошелъ въ городъ, и славная
ь великодушнаго Царя Константина
йно заключила бытіе Имперіи: онъ
среди непріятелей, сказавъ: «для че-
е могу умереть отъ руки Христіа-
?» . . . Вѣроятно, что нѣкоторые изъ
хъ единоземцевъ были очевидными
свидѣтелями: по крайней мѣрѣ Лѣ-
ецъ Московскій разсказываетъ весь-
одробно о всѣхъ обстоятельствахъ
и взятія Константинопольскаго, съ
омъ прибавляя, что храмъ Святыя
и, гдѣ Послы Владиміровы въ деся-
вѣкѣ плѣнились величіемъ и красо-
истиннаго богослуженія, обратился въ

Взятіе Константинополя Турками.

шеніемъ для Россіянъ. Другіе народы Европейскіе, не имѣя тѣсныхъ связей съ Греціею, оставались почти равнодушными къ ея бѣдствію; а Папа, Николай V, хвалился, что онъ предсказалъ ей гибель за нарушеніе Флорентійскаго договора. Хотя Кардиналъ Исидоръ, плѣненный въ Царѣградѣ Турками, но ушедшій изъ неволи, по возвращеніи въ Италію писалъ ко всѣмъ Государямъ Западнымъ, что они должны возстать на Магомета, *предтечу Антихристова* и *чадо Сатаны*: однакожь сіе краснорѣчивое посланіе (внесенное въ лѣтописи Латинской Церкви) осталось безъ дѣйствія (382). Награжденный за свое усердіе и страданіе милостію Папы, Исидоръ умеръ въ Римѣ съ именемъ Константинопольскаго Патріарха, и былъ погребенъ въ церкви Св. Петра, до конца жизни сѣтовавъ о паденіи Греческой Имперіи, любезнаго ему отечества, коего спасенію хотѣлъ онъ пожертвовать чистою Вѣрою своихъ предковъ.

Впрочемъ Россіяне, жалѣя о Греціи, ни мало не думали, чтобы могущество новой Турецкой Имперіи было и для нихъ опасно. Тогдашняя Политика наша не славилась прозорливостію, и за ближайшими опасностями не видала отдаленныхъ: Улусы и Литва ограничивали кругъ ея дѣятельности; Ливонскіе Нѣмцы и Шведы занимали единственно Новогородцевъ и Псковитянъ; все прочее составляло для насъ міръ чуждый, предметъ одного любопытства, а не государственнаго вниманія.

Начало Крымской Орды.

Съ Василіева времени сдѣлалась извѣстною *Крымская Орда*, составленная Эдигеемъ изъ Улусовъ Черноморскихъ. Повѣствуютъ, что сей знаменитый Князь, готовясь умереть, заклиналъ многочисленныхъ сыновей своихъ не дѣлиться: но они раздѣлились и всѣ погибли въ междоусобіи (383). Тогда Моголы Черноморскіе избрали себѣ въ Ханы осьмнадцати-лѣтняго юношу, одного изъ потомковъ Чингисовыхъ (какъ увѣряютъ), именемъ Ази, спасеннаго отъ смерти и воспитаннаго какимъ-то земледѣльцемъ въ тишинѣ сельской. Сей юноша, изъ благодарности къ своему благотворителю принявъ *его* имя, назвался Ази-*Гирей:* въ память чего и всѣ Ханы Крымскіе до самыхъ позднѣйшихъ временъ назывались *Гиреями*. Другіе же Историки пишутъ, что Ази-Гирей, сынъ или внукъ Тохтамышевъ, родился въ Литовскомъ городѣ Трокахъ, и что Витовтъ доставилъ ему господство въ Тавридѣ (384): по крайней мѣрѣ сей Ханъ былъ всегда усерднымъ другомъ Литвы и не тревожилъ ея владѣній, которыя простирались до самаго устья рѣкъ Днѣпра и Днѣстра (385). Покоривъ многіе Улусы въ окрестностяхъ Чернаго моря, Ази-Гирей основалъ новую независимую Орду Крымскую, обложилъ данію города Генуэзскіе въ Тавридѣ, имѣлъ сношеніе съ Папою, и желая наказать Та-

Волжскихъ за частыя ихъ впаденія
бласти Казимировы, разбилъ врага
го, Хана Седи-Ахмета, который, спа-
отъ него бѣгствомъ, искалъ приста-
въ Литвѣ и былъ тамъ заключенъ въ
щу: «дѣло весьма несогласное съ го-
рственнымъ благоразуміемъ,» пишетъ
рикъ Польскій ([386]): «способствуя уни-
ію Волжской Орды, мы готовили
опасныхъ непріятелей въ Россія-
ь, дотолѣ слабыхъ подъ ея игомъ.»
о новое гнѣздо хищниковъ, славныхъ
менемъ Татаръ Крымскихъ, до са-
ь позднѣйшихъ временъ безпокоило
отечество.

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ

ОТЪ НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ ДО ІОАННА III.

Сравненіе Россіи съ другими державами. Слѣдствіе нашего ига. Введеніе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. Благое дѣйствіе Вѣры. Измѣненіе гражданскаго порядка. Начало Самодержавія. Медленные успѣхи Единодержавія. Постепенная знаменитость Москвы. Зло имѣетъ и добрыя слѣдствія. Выгоды Духовенства: характеръ нашего. Мы не приняли обычаевъ Татарскихъ. Правосудіе. Искусство ратное. Происхожденіе Козаковъ. Купечество. Изобрѣтенія. Художества. Словесность. Пословицы. Пѣсни. Языкъ.

Наконецъ мы видимъ предъ собою цѣль долговременныхъ усилій Москвы: сверженіе ига, свободу отечества. Предложимъ Читателю нѣкоторыя мысли о тогдашнемъ состояніи Россіи, слѣдствіи ея двувѣковаго порабощенія.

Сравненіе Россіи съ другими Державами.

Было время, когда она, рожденная, возвеличенная Единовластіемъ, не уступала въ силѣ и въ гражданскомъ образованіи первѣйшимъ Европейскимъ Державамъ, основаннымъ на развалинахъ Западной Имперіи народами Германскими; имѣя тотъ

же характеръ, тѣ же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные намъ Варяжскими или Нѣмецкими Князьями, явилась въ новой политической системѣ Европы съ существенными правами на знаменитость и съ важною выгодою быть подъ вліяніемъ Греціи, единственной Державы, не испроверженной варварами. Правленіе Ярослава Великаго есть безъ сомнѣнія сіе счастливое для Россіи время: утвержденная и въ Христіанствѣ и въ порядкѣ государственномъ, она имѣла наставниковъ совѣсти, училища, законы, торговлю, многочисленное войско, флотъ, Единодержавіе и свободу гражданскую. Что въ началѣ XI вѣка была Европа? ѳеатромъ Помѣстнаго (Феодальнаго) тиранства, слабости Вѣнценосцевъ, дерзости Бароновъ, рабства народнаго, суевѣрія, невѣжества. Умъ Альфреда и Карла Великаго блеснулъ во мракѣ, но не надолго; осталась ихъ память: благодѣтельныя учрежденія и замыслы исчезли вмѣстѣ съ ними.

Но раздѣленіе нашего отечества и междоусобныя войны, истощивъ его силы, задержали Россіянъ и въ успѣхахъ гражданскаго образованія: мы стояли или двигались медленно, когда Европа стремилась къ просвѣщенію. Крестовые походы сообщили ей свѣдѣнія и художества Востока; оживили, распространили ея торговлю. Селенія и города откупались отъ утѣснительной власти Бароновъ; Государи по собственному движенію давали гражданамъ права и выгоды, благопріятныя для общей пользы, для промы-

шлености и для самыхъ нравовъ; лучшая Исправа (Полиція) земская начинала обуздывать силу, ограждать безопасностію пути, жизнь и собственность. Обрѣтеніе Іустиніанова Кодекса въ Амальфи было счастливою эпохою для Европейскаго правосудія: понятія людей о семъ важномъ предметѣ гражданства сдѣлались яснѣе, основательнѣе. Всеобщее употребленіе языка Латинскаго доставляло способъ и Духовнымъ и мірянамъ черпать мысли и познанія въ твореніяхъ древнихъ, уцѣлѣвшихъ въ наводненіе варварства. Однимъ словомъ, съ половины XI вѣка состояніе Европы явно перемѣнялось въ лучшее; а Россія со временъ Ярослава до самаго Батыя орошалась кровію и слезами народа. Порядокъ, спокойствіе, столь нужные для успѣховъ гражданскаго общества, непрестанно нарушались мечемъ и пламенемъ Княжескихъ междоусобій, такъ, что въ XIII вѣкѣ мы уже отставали отъ Державъ Западныхъ въ государственномъ образованіи.

Нашествіе Батыево испровергло Россію. Могла угаснуть и послѣдняя искра жизни; къ счастію, не угасла: имя, бытіе сохранилось; открылся только новый порядокъ вещей, горестный для человѣчества, особенно при первомъ взорѣ: дальнѣйшее наблюденіе открываетъ и въ самомъ злѣ причину блага, и въ самомъ разрушеніи пользу цѣлости.

Сѣнь варварства, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу въ то самое время, ко-

а благодѣтельныя свѣдѣнія и навыки болѣе и болѣе въ ней размножались, народъ свобождался отъ рабства, города входили въ тѣсную связь между собою для взаимной защиты въ утѣсненіяхъ; изобрѣтеніе компаса распространило мореплаваніе и торговлю; ремесленники, художники, Ученые ободрялись Правительствами; возникали Университеты для вышнихъ Наукъ; разумъ пріучался къ созерцанію, къ правильности мыслей; нравы смягчались; войны утратили свою прежнюю свирѣпость; Дворянство же стыдилось разбоевъ, и благородные витязи славились милосердіемъ къ слабымъ, великодушіемъ, честію; обходительность, людскость, учтивость сдѣлались извѣстны и любимы. Въ сіе же время Россія, терзаемая Моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: намъ было не до просвѣщенія!

Если бы Моголы сдѣлали у насъ то же, что въ Китаѣ, въ Индіи, или что Турки въ Греціи: если бы, оставивъ степь и кочеванье, переселились въ наши города: то могли бы существовать и донынѣ въ видѣ государства. Къ счастію, суровый климатъ Россіи удалилъ отъ нихъ сію мысль. Ханы желали единственно быть нашими господами *издали*, не вмѣшивались въ дѣла гражданскія, требовали только серебра и повиновенія отъ Князей. Но такъ называемые

Слѣдствіе нашего ига.

Послы Ординскіе и Баскаки, представляя въ Россіи лице Хана, дѣлали, что хотѣли; самые купцы, самые бродяги Могольскіе обходились съ нами какъ съ слугами презрительными. Что долженствовало быть слѣдствіемъ? нравственное униженіе людей. Забывъ гордость народную, мы выучились низкимъ хитростямъ рабства, замѣняющимъ силу въ слабыхъ; обманывая Татаръ, болѣе обманывали и другъ друга; откупаясь деньгами отъ насилія варваровъ, стали корыстолюбивѣе, и безчувственнѣе къ обидамъ, къ стыду, подверженные наглостямъ иноплеменныхъ тирановъ. Отъ временъ Василія Ярославича до Іоанна Калиты (періодъ самый несчастнѣйшій!) отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на Государство: сила казалась правомъ; кто могъ, грабилъ: не только чужіе, но и свои; не было безопасности ни въ пути, ни дома; татьба сдѣлалась общею язвою собственности ([387]). Когда же сія ужасная тьма неустройства начала проясняться, оцѣпенѣніе миновало, и законъ душа гражданскихъ обществъ, воспрянулъ отъ мертваго сна: тогда надлежало прибѣгнуть къ строгости неизвѣстной древнимъ Россіянамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что жестокія судныя казни означаютъ ожесточеніе сердецъ, и бываютъ слѣдствіемъ частыхъ злодѣяній. Добросердечный Мономахъ гово-

ъ дѣтямъ: «не убивайте виновнаго; Введеніе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній.
изнь Христіанина священна:» не менѣе
росердечный побѣдитель Мамаевъ, Ди-
рій, уставилъ торжественную смертную
нь, ибо не видалъ инаго способа устра-
ъ преступниковъ. Легкія денежныя пе-
иогли нѣкогда удерживать нашихъ пред-
ъ отъ воровства; но въ XIV столѣтіи
вѣшали татей. Россіянинъ Ярославова
а зналъ побои единственно въ дракѣ:
Татарское ввело тѣлесныя наказанія;
ервую кражу клеймили, за вины госу-
ственныя сѣкли кнутомъ. Былъ ли дѣй-
ителенъ стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ
овѣкъ съ клеймомъ вора оставался въ
ествѣ? — Мы видѣли злодѣянія и въ
ей древней Исторіи: но сіи времена
ставляютъ намъ черты гораздо ужас-
шаго свирѣпства въ изступленіяхъ Княжеской и народной злобы (388); чувство
тенія, страхъ, ненависть, господствуя
ушахъ, обыкновенно производятъ мрач-
суровость во нравахъ. Свойства наро-
изъясняются всегда обстоятельствами;
акожь дѣйствіе часто бываетъ долго-
меннѣе причины: внуки имѣютъ нѣко-
ыя добродѣтели и пороки своихъ дѣ-
ъ, хотя живутъ и въ другихъ обстоя-
ьствахъ. Можетъ быть, самый нынѣш-
характеръ Россіянъ еще являетъ пят-

на, возложенныя на него варварствомъ Моголовъ.

Нѣкоторые думали, что суевѣріе обезоруживало насъ противъ сихъ тирановъ; что Россіяне видѣли въ нихъ бичь гнѣва Небеснаго и не дерзали возстать на исполнителей Вышней мести, подобно какъ чернь донынѣ мыслитъ, что нельзя обыкновенными средствами угасить пожара, произведеннаго молніею. Исторія не доказываетъ того: Россіяне неоднократно изъявляли самую безразсудную дерзость въ усиліяхъ свергнуть иго; не доставало согласія и твердости. Но замѣтимъ, что вмѣстѣ съ иными благородными чувствами ослабѣла въ насъ тогда и храбрость, питаемая народнымъ честолюбіемъ. Прежде Князья дѣйствовали мечемъ: въ сіе время низкими хитростями, жалобами въ Ордѣ. Древніе Полководцы наши, воспаляя мужество въ воинахъ, говорили имъ о стыдѣ и славѣ: Герой Донской битвы о вѣнцахъ Мученическихъ (389). Если мы въ два столѣтія, ознаменованныя духомъ рабства, еще не лишились всей нравственности, любви къ добродѣтели, къ отечеству: то прославимъ дѣйствіе Вѣры; она удержала насъ на степени людей и гражданъ, не дала окаменѣть сердцамъ, ни умолкнуть совѣсти; въ уничиженіи имени Русскаго мы возвышали се-

Благое дѣйствіе Вѣры.

бя именемъ Христіанъ, и любили отечество какъ страну Православія.

Измѣненіе гражданскаго порядка.

Внутренній государственный порядокъ измѣнился: все, что имѣло видъ свободы и древнихъ гражданскихъ правъ, стѣснилось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь въ Ордѣ, возвращались оттуда грозными властелинами: ибо повелѣвали именемъ Царя верховнаго. Совершилось при Моголахъ легко и тихо, чего не сдѣлалъ ни Ярославъ Великій, ни Андрей Боголюбскій, ни Всеволодъ III: въ Владимірѣ и вездѣ, кромѣ Новагорода и Пскова, умолкъ Вѣчевый колоколъ, гласъ Вышняго народнаго законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству Славяно-Россовъ. Сіе отличіе и право городовъ древнихъ уже не было достояніемъ новыхъ: ни Москвы, ни Твери, коихъ знаменитость возникла при Моголахъ. Только однажды упоминается въ лѣтописяхъ о Вѣчѣ Московскомъ, какъ дѣйствіи чрезвычайномъ, когда столица, угрожаемая свирѣпымъ непріятелемъ, оставленная Государемъ, видѣла себя въ крайности безъ начальства. Города лишились права избирать Тысячскихъ, которые важностію и блескомъ своего народнаго сана возбуждали зависть не только въ Княжескихъ чиновникахъ, но и въ Князьяхъ (390).

Происхожденіе нашихъ Бояръ теряется

въ самой глубокой древности: сіе достоинс
могло быть еще старѣе Княжескаго, означая
тязей и гражданъ знатнѣйшихъ, которые
Славянскихъ Республикахъ предводительство
ли войсками, судили и рядили землю. Хотя
не было, кажется, никогда наслѣдственнымъ
только личнымъ; хотя въ Россіи давалось по
Государемъ ([391]): но каждый изъ древнихъ го
довъ имѣлъ своихъ особенныхъ Бояръ, ка
знатнѣйшихъ чиновниковъ народныхъ, и сам
Княжескіе Бояре пользовались какимъ-то пр
вомъ независимости: такъ въ договорныхъ г
мотахъ XIV и XV вѣка обыкновенно подтве
ждалась законная свобода Бояръ переходить
службы одного Князя къ другому; недовольн
въ Черниговѣ, Бояринъ съ своею многочисл
ною дружиною ѣхалъ въ Кіевъ, въ Галичь,
Владиміръ, гдѣ находилъ новыя помѣстья и з
ки всеобщаго уваженія ([392]). Однимъ словом
сіи государственные сановники издревле ка
лись народу мужами верховными, и занимая в
дѣ первыя мѣста вокругъ престоловъ, состав
ли у насъ нѣкоторую Аристократію. Но ко
южная Россія обратилась въ Литву; когда М
сква начала усиливаться, присоединяя къ с
города и земли; когда число Владѣтельныхъ К
зей уменьшилось, а власть Государева сдѣла
неограниченнѣе въ отношеніи къ народу: то
и достоинство Боярское утратило свою древн
важность. Гдѣ Бояринъ Василія Темнаго,
оскорбленный, могъ искать иной службы въ

чествѣ? Уже и слабая Тверь готовилась зависѣть отъ Москвы. — Власть народная также благопріятствовала силѣ Бояръ, которые, дѣйствуя чрезъ Князя на гражданъ, могли и чрезъ послѣднихъ дѣйствовать на перваго: сія опора исчезла. Надлежало или повиноваться Государю, или быть измѣнникомъ, бунтовщикомъ: не оставалось средины и никакого законнаго способа противиться Князю. — Однимъ словомъ, раждалось Самодержавіе.

Начало Самодержавія.

Сія перемѣна, безъ сомнѣнія непріятная для тогдашнихъ гражданъ и Бояръ, оказалась величайшимъ благодѣяніемъ Судьбы для Россіи. Удержавъ нѣкоторыя обыкновенія свободы, естественной только въ малыхъ областяхъ, предки наши не могли обуздывать ими воли Государя Единодержавнаго, каковъ былъ Владиміръ Святый или Ярославъ Великій, но пользовались оными во время раздробленія Государства, и борепіе двухъ властей, Княжеской съ народною, еще болѣе ослабляло силу его. Если Римъ спасался Диктаторомъ въ случаѣ великихъ опасностей, то Россія, обширный трупъ послѣ нашествія Батыева, могла ли инымъ способомъ оживиться и воскреснуть въ величіи? Требовалось единой и тайной мысли для намѣренія, единой руки для исполненія: ни шумные сонмы народные, ни медленныя думы Аристокра-

тіи не произвели бы сего дѣйствія. Народъ и въ самомъ уничиженіи ободряется и совершаетъ великое, но служа только орудіемъ, движимый, одушевляемый силою Правителей. Власть Боярская производила у насъ *Боярскія смуты.* Совѣтъ Вельможъ иногда внушаетъ мудрость Государю, но часто волнуется и страстями. Бояре не рѣдко питали междоусобіе Князей Россійскихъ; не рѣдко даже судились съ ними въ Ордѣ, обнося ихъ предъ Ханами [393]. Самодержавіе, искоренивъ сіи злоупотребленія, устранило важныя препятствія на пути Россіи къ независимости, и такимъ образомъ возникало вмѣстѣ съ Единодержавіемъ до временъ Іоанна III, которому надлежало совершить то и другое.

Медленные успѣхи Единодержавія.

Исторія свидѣтельствуетъ, что есть время для заблужденій и для истины: сколько вѣковъ Россіяне не могли живо увѣриться въ томъ, что соединеніе Княженій необходимо для ихъ государственнаго благоденствія? Нѣкоторые Вѣнценосцы начинали сіе дѣло, но слабо, безъ ревности достойной онаго; а преемники ихъ опять все разрушали. Даже и Москва, болѣе Кіева и Владиміра наученная опытами, какъ медленно и недружно двигалась къ государственной цѣлости! Уставилось лучшее право наслѣдственное; древніе Удѣлы возвра-

шались къ Великому Княженію: но оно, снова раздробляясь на части между сыновьями, внуками, правнуками Іоанна Калиты, въ истинномъ смыслѣ все еще не было единымъ Государствомъ; даже судное право, пошлины, доходы Московскіе принадлежали имъ совокупно. Такъ называемое *братское старѣйшинство* Великаго Князя состояло въ томъ, что Удѣльные Владѣтели, имѣя свои особенные гражданскіе уставы, законы, войска, монету, обязывались имѣть съ нимъ одну политическую систему, давать ему войско и серебро для Хановъ. Но сіе обязательство было условное: если онъ нарушалъ договоръ, всегда обоюдный; если утѣснялъ ихъ, то они могли, возвративъ крестныя грамоты, законно искать управы мечемъ. Народъ, граждане, Бояре Удѣльные знали только своего Князя, не присягали Государю Московскому, и въ случаѣ междоусобной войны лили кровь его подданныхъ, не заслуживая имени бунтовщиковъ. Такъ было еще и при Василіи Темномъ. Однакожь Великій Князь имѣлъ уже столько перевѣса въ силахъ, что могъ легко сдѣлаться единовластнымъ: все зависѣло отъ рѣшительной воли и твердаго характера; все изготовилось къ счастливой перемѣнѣ: теперь означимъ или напомнимъ Читателю, какими средствами?

Москва, будучи однимъ изъ бѣднѣйшихъ Посте-

Первая знаменитость Москвы.

Удѣловъ Владимірскихъ, ступила
шагъ къ знаменитости при Даніилѣ
рому внукъ Невскаго, Іоаннъ Ди
вичъ, отказалъ Переславль Залѣсскій
торый, побѣдивъ Рязанскаго Князя,
у него многія земли. Сынъ Даніи
Георгій, зять Хана Узбека, присое
къ своей области Коломну, завоева
жайскъ и выходилъ себѣ въ Ордѣ В
Княженіе Владимірское; а братъ Геор
Іоаннъ Калита, погубивъ Александра
скаго, сдѣлался истиннымъ Главою
иныхъ Князей, обязанный тѣмъ не
оружія, но единственно милости У
вой, которую снискалъ онъ умною
и богатыми дарами.

Предложимъ замѣчаніе любопытно
Татаръ обогатило казну Великокняж
исчисленіемъ людей, установленіемъ
ловной дани, и разными налогами,
неизвѣстными, собираемыми будто
Хана, но хитростію Князей обраще
въ ихъ собственный доходъ: Ба
сперва тираны, а послѣ мздоимные
нашихъ Владѣтелей, легко могли
обманываемы въ затруднительныхъ
тахъ (394). Народъ жаловался, од
платилъ; страхъ всего лишиться и
валъ новые способы пріобрѣтенія,
удовлетворять корыстолюбію варв
Такимъ образомъ мы понимаемъ у

тельный избытокъ Іоанна Даніиловича, купившаго не только множество селъ въ разныхъ земляхъ, но и цѣлыя области, гдѣ малосильные Князья, подверженные наглости Моголовъ и тѣснимые его собственнымъ властолюбіемъ, волею или неволею уступали ему свои наслѣдственныя права, чтобы имѣть въ немъ защитника для себя и народа. Сіи такъ называемые *Окупные Князьки* оставались между тѣмъ въ своихъ проданныхъ владѣніяхъ, пользуясь нѣкоторыми доходами и выгодами [395]. Угличь, Бѣлоозеро, Галичъ, Ростовъ, Ярославль сдѣлались снова городами Великокняжескими, какъ было при Всеволодѣ III.

Такъ возвеличилъ Москву Іоаннъ Калита, и внукъ его, Димитрій, дерзнулъ на битву съ Ханомъ. . . Сей Герой не пріобрѣлъ почти ничего, кромѣ славы; но слава умножаетъ силы — и наслѣдникъ Димитріевъ, ласкаемый, честимый въ Ордѣ, возвратился оттуда съ милостивымъ ярлыкомъ или съ жалованною грамотою на Суздаль, Городецъ, Нижній; возстановилъ такимъ образомъ *древнее Суздальское Великокняженіе Боголюбскаго* во всей полнотѣ онаго, и мирнымъ присвоеніемъ бывшихъ Удѣловъ Черниговскихъ — Мурома, Торусы, Новосиля, Козельска, Перемышля — распространилъ Московскую Державу, которая, съ прибавленіемъ Вятки, составляла уже знатную часть древней единовластной Россіи Ярослава Великаго, будучи сверхъ того

усилена внутри твердѣйшимъ началомъ
модержавія. Рюрикъ, Святославъ, В
димірѣ брали земли мечемъ: Князья
сковскіе поклонами въ Ордѣ — дѣйс
оскорбительное для нашей гордости,
спасительное для бытія и могуще
Россіи! Ярославъ обуздывалъ народ
Бояръ своимъ величіемъ: смиренные
рапствомъ Хановъ, они уже не спо
ли о правахъ съ Государемъ Моск
скимъ, требуя отъ него единственно
коя и безопасности со стороны Мо
ловъ; видѣли прежнихъ Владѣтельн
Князей слугами Донскаго, Василія Ди
тріевича, Темнаго, и менѣе жалѣли о св
древней вольности.

История не терпитъ Оптимизма и
должна въ происшествіяхъ искать д
зательствъ, что все дѣлается къ
шему: ибо сіе мудрованіе несвойст
но обыкновенному здравому смыслу
ловѣческому, для коего она пише
Нашествіе Батыево, кучи пепла и
повъ, неволя, рабство толь долго
менное, составляютъ конечно одно
величайшихъ бѣдствій, извѣстныхъ в
по Лѣтописямъ Государствъ; одна
и благотворныя слѣдствія онаго н
мнительны. Лучше, если бы кто
будь изъ потомковъ Ярославовыхъ
вратилъ сіе несчастіе возстановлен

Зло имѣетъ и добрыя

Единовластія въ Россіи, и правилами Самодержавія, ей свойственнаго, оградилъ ея внѣшнюю безопасность и внутреннюю тишину: но въ два вѣка не случилось того. Могло пройти еще сто лѣтъ и болѣе въ Княжескихъ междоусобіяхъ: чѣмъ заключились бы оныя? вѣроятно, погибелію нашего отечества: Литва, Польша, Венгрія, Швеція могли бы раздѣлить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытіе и Вѣру, которыя спаслися Москвою: Москва же обязана своимъ величіемъ Ханамъ.

слѣдствія.

Однимъ изъ достопамятныхъ слѣдствій Татарскаго господства надъ Россіею было еще возвышеніе нашего Духовенства, размноженіе Монаховъ и церковныхъ имѣній. Политика Хановъ, утѣсняя народъ и Князей, покровительствовала Церковь и ея служителей; изъявляла особенное къ нимъ благоволеніе; ласкала Митрополитовъ и Епископовъ; снисходительно внимала ихъ смиреннымъ моленіямъ, и часто, изъ уваженія къ Пастырямъ, прелагала гнѣвъ на милость къ паствѣ. Мы видѣли, какъ Св. Алексій Митрополитъ успокоивалъ отечество своимъ ходатайствомъ въ Ордѣ. Знатнѣйшіе люди, отвращаемые отъ міра всеобщимъ государственнымъ бѣдствіемъ, искали мира душевнаго въ святыхъ Обителяхъ, и мѣ-

Выгоды Духовенства.

няя одежду Княжескую, Боярскую, на ман тію Инока, способствовали тѣмъ знаме нитости духовнаго сана, въ коемъ даж и Государи обыкновенно заключали жизнь Ханы подъ смертною казнію запрещал своимъ подданнымъ грабить, тревожит монастыри, обогащаемые вкладами, имѣніемъ движимымъ и недвижимымъ (396) Всякой, готовясь умереть, что нибудь отказывалъ Церкви, особенно во время язвы которая столь долго опустошала Россію. Владѣнія церковныя, свободныя отъ налоговъ Ординскихъ и Княжескихъ, благоденствовали; сверхъ украшенія храмовъ и продовольствія Епископовъ, Монаховъ оставалось еще не мало доходовъ на покупку новыхъ имуществъ. Новогородскі Святители употребляли Софійскую казн въ пользу государственную (397); но Митро политы наши не слѣдовали сему досто хвальному примѣру. Народъ жаловался н скудость: Иноки богатѣли. Они занима лись и торговлею, увольняемые отъ купе ческихъ пошлинъ. — Кромѣ тогдашне набожности, соединенной съ высокимъ по нятіемъ о достоинствѣ Монашеской жизн одни мірскія преимущества влекли люд толпами изъ селъ и городовъ въ тихія, безо пасныя Обители, гдѣ слава благочестія, н граждалась не только уваженіемъ, но и до стояніемъ; гдѣ гражданинъ укрывался от

Характеръ нашего Духовенства.

василія и бѣдности, не сѣялъ и пожиналъ! Весьма не многіе изъ нынѣшнихъ монастырей Россійскихъ были основаны прежде или послѣ Татаръ: всѣ другіе остались памятникомъ сего времени.

Однакожь, не смотря на свою знаменитость и важность, Духовенство наше не оказывало излишняго властолюбія, свойственнаго Духовенству Западной Церкви, и служа Великимъ Князьямъ въ государственныхъ дѣлахъ полезнымъ орудіемъ, не спорило съ ними о мірской власти. Въ раздорахъ Княжескихъ Митрополиты бывали посредниками, но избираемыми единственно съ обоюднаго согласія, безъ всякаго дѣйствительнаго права; ручались въ истинѣ и святости обѣтовъ, но могли только убѣждать совѣсть, не касаясь *меча мірскаго*, сей обыкновенной угрозы Папъ для ослушниковъ ихъ воли; отступая же иногда отъ правилъ Христіанской любви и кротости, дѣйствовали такъ въ угодность Государямъ, отъ коихъ они совершенно зависѣли, ими назначаемые и свергаемые ([398]). Однимъ словомъ, Церковь наша вообще не измѣнялась въ своемъ главномъ, первобытномъ характерѣ, смягчая жестокіе нравы, умѣряя неистовыя страсти, проповѣдуя и Христіанскія и государственныя добродѣтели. Милости Ханскія не могли ни задобрить, ни усыпить ея Пастырей: они въ Батыево время благословляли Россіянъ на смерть великодушную, при Димитріи Донскомъ на битвы и побѣду. Когда Василій Темный ушелъ изъ осажденной Москвы, старецъ, Митрополитъ

Іона, взялъ на себя отстоять Кремль или погибнуть съ народомъ, и наконецъ, буде вѣрить лѣтописямъ, въ восторгѣ духа предвѣстилъ Василію близкую независимость Россіи ([399]). — Исторія подтверждаетъ истину, предлагаемую всѣми Поликами-Философами, и только для однихъ легкихъ умовъ сомнительную, что Вѣра есть особенная сила государственная. Въ Западныхъ странахъ Европейскихъ Духовная власть присвоила себѣ мірскую отъ того, что имѣла дѣло съ народами полудикими — Готѳами, Лонгобардами, Франками — которые, овладѣвъ ими и принявъ Христіанство, долго не умѣли согласить онаго съ своими гражданскими законами, ни утвердить естественныхъ границъ между сими двумя властями: а Греческая Церковь возсіяла въ Державѣ благоустроенной, и Духовенство не могло столь легко захватить чуждыхъ ему правъ. Къ счастію, Святый Владиміръ предпочелъ Константинополь Риму.

Такимъ образомъ имѣвъ вредныя слѣдствія для нравственности Россіянъ, но благопріятствовавъ власти Государей и выгодамъ Духовенства, господство Моголовъ оставило ли какіе иные слѣды въ народныхъ обычаяхъ, въ гражданскомъ законодательствѣ, въ домашней жизни, въ языкѣ Россіянъ? Слабые обыкновенно заимству-

ютъ отъ сильныхъ. Князья, Бояре, купцы, ремесленники наши живали въ Улусахъ, а Вельможи и купцы Ординскіе въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Но Татары были сперва идолопоклонники, послѣ Магометане: мы называли ихъ обычаи *погаными;* и чѣмъ удобнѣе принимали Византійскіе, освященные для насъ Христіанствомъ, тѣмъ болѣе гнушались Татарскими, соединяя ихъ въ нашемъ понятіи съ ненавистнымъ зловѣріемъ. Къ тому же, не смотря на униженіе рабства, мы чувствовали свое гражданское превосходство въ отношеніи къ народу кочующему. Слѣдствіемъ было, что Россіяне вышли изъ-подъ ига болѣе съ Европейскимъ, нежели Азіатскимъ характеромъ. Европа насъ не узнавала; но для того, что она въ сіи 250 лѣтъ измѣнилась, а мы остались, какъ были. Ея путешественники XIII вѣка не находили даже никакого различія въ одеждѣ нашей и Западныхъ народовъ (400): то же безъ сомнѣнія могли бы сказать и въ разсужденіи другихъ обычаевъ. Какъ въ Италіи, Франціи, Англіи съ паденія Рима, такъ у насъ съ призванія Князей Варяжскихъ все въ главныхъ чертахъ сдѣлалось Нѣмецкимъ, смѣшеннымъ съ остатками первобытныхъ обычаевъ Славянскихъ: къ чему послѣ присоединилось занятое нами отъ Грековъ. Древній характеръ Славянъ являлъ въ себѣ

правила обычаевъ Татарскихъ.

нѣчто Азіатское; являетъ и донынѣ: ибо они, вѣроятно, послѣ другихъ Европейцевъ удалились отъ Востока, кореннаго отечества народовъ. Не Татары выучили нашихъ предковъ стѣснять женскую свободу и человѣчество въ холопскомъ состояніи, торговать людьми, брать законныя взятки въ судахъ (что нѣкоторые называютъ Азіатскимъ обыкновеніемъ): мы все то видѣли у Славянъ и Россіянъ гораздо прежде. Въ языкѣ нашемъ довольно словъ Восточныхъ: но ихъ находимъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; а нѣкоторыя особенныя могли быть заимствованы нами отъ Козаровъ, Печенѣговъ, Ясовъ, Половцевъ, даже отъ Сарматовъ и Скиѳовъ: напрасно считаютъ оныя Татарскими, коихъ едва ли отыщется 40 или 50 въ Словарѣ Россійскомъ ([401]). Новыя понятія, новыя вещи требуютъ новыхъ словъ: что народъ гражданскій могъ узнать отъ кочующаго?

Правосудіе.

Татары не вступались въ наши судныя дѣла гражданскія. Во всѣхъ Московскихъ владѣніяхъ Государь давалъ законы и судилъ чрезъ своихъ Намѣстниковъ и Дворянъ: недовольные ими жаловались ему: ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ сего времени не упоминается о Приказахъ. Отъ Намѣстника зависѣли Дворскіе и Сотники: первые судили холопей, вторые поселянъ

такъ было и въ Удѣлахъ. Тяжбы между подданными двухъ разныхъ Княженій рѣшились Боярами, съ обѣихъ сторонъ избираемыми : въ случаѣ ихъ несогласія назначался посредникъ, или *Третейскій судъ*, коего рѣшеніе уже всегда исполнялось. Правосудіе тогдашнее не имѣло, по видимому, твердаго основанія и большею частію зависѣло отъ произвола судящихъ. *Русская Правда* лишилась достоинства и силы общаго народнаго уложенія, вмѣсто коего давали судьямъ наказы или грамоты Княжескія, весьма краткія, неопредѣлительныя ([402]). Кромѣ Двинской судной грамоты Василія Димитріевича мы имѣемъ еще двѣ пятаго-надесять вѣка : Псковскую и Новогородскую. Въ обѣихъ говорится о *законныхъ поединкахъ* въ случаѣ доноса сомнительнаго. Такое странное обыкновеніе господствовало въ цѣлой Европѣ нѣсколько вѣковъ, заступивъ мѣсто *искушеній посредствомъ огня и воды*. Въ *Русской Правдѣ* нѣтъ еще ни слова о сихъ поединкахъ; но въ 1228 году они уже были въ Россіи способомъ доказывать свою невинность предъ судіями, и назывались *Полемъ*. Искусство и сила казались дѣйствіемъ суда Небеснаго : одолѣть въ бою значило оправдаться. Тщетно Духовенство противилось столь несогласному съ Христіанскою Вѣрою уставу: Митрополитъ Фотій (въ 1410 году) писалъ къ Новогородскому Архіепископу Іоанну, что поединщики не должны вкушать тѣла и крови Христовой; что всякой, кто умертвитъ человѣка въ бою, отлу-

чается отъ Церкви на 18 лѣтъ, и что Іереи не могутъ отпѣвать убитыхъ (403): но древній обычай былъ сильнѣе убѣжденій Духовенства, церковной казни и разсудка. Въ грамотѣ Псковской опредѣлены нѣкоторыя судныя пени (404); на примѣръ, за вырваніе бороды надлежало платить 2 рубля. Далѣе назначаются разныя денежныя взысканія: на примѣръ, за барана хозяину 6 денегъ, за овцу десять, а судьѣ три; объявляются недѣйствительными купля, продажа и мѣна*, совершаемыя въ пьянствѣ; запрещается Княжескимъ людямъ держать корчмы и продавать медъ, а женщинамъ нанимать за себя судныхъ поединщиковъ, и проч. Сія грамота есть только отрывокъ или прибавленіе къ инымъ уставамъ; Новогородская же именно ссылается на другія, намъ неизвѣстныя грамоты, и содержитъ въ себѣ единственно особенныя постановленія, изъ коихъ явствуетъ, что Архіепископъ въ судахъ церковныхъ руководствовался Номоканономъ, а Посадникъ и Намѣстники Великокняжескіе старыми уставами Новогородскими; что они брали пошлину съ дѣлъ; что Тысяцкій имѣлъ свою особенную управу; что судьи ѣздили по городамъ, обязанные рѣшить всякое дѣло въ опредѣленный срокъ или заплатить пеню; что вмѣстѣ съ судьями и *Докладчиками* засѣдали Присяжные, знаменитые граждане, Бояре и Житые люди; что дѣло предлагалось такъ называемыми *Разскащиками* или Стряпчими, а записывалось Дьякомъ или Секретаремъ, съ прило

ъ ихъ печатей; что мужья отвѣтствовали
ахъ за женъ, а за вдовъ сыновья; что же-
ярскія и людей Житыхъ присягали дома;
лопи могли свидѣтельствовать только на
й, а *Псковитяне* никогда; что прежде за-
о осужденія никто на могъ быть лишаемъ
ы, и всякому обвиняемому давался срокъ;
тецъ и отвѣтчикъ подвергались тяжкому
нію, если беззаконно обносили другъ дру-
судей; что уличенный въ насильственномъ
іи платилъ пеню Великому Князю и Нову-
, Бояринъ 50 рублей, Житый двадцать, а
ій гражданинъ десять: слѣдственно нака-
множалось по мѣрѣ знатности или богат-
преступниковъ. Къ суду Святительскому
лись, кромѣ церковныхъ преступленій,
ла Іереевъ, Иноковъ, людей монастыр-
и проч.; а буде они имѣли дѣло съ міря-
то Намѣстники и судьи Епископскіе рѣ-
оное вмѣстѣ съ Княжескими или город-
чиновниками [405]. Въ Новѣгородѣ Святи-
ія денежныя пени были гораздо тягостнѣе
; на примѣръ, отъ суднаго рубля полу-
ладыка, Намѣстникъ или Ключникъ его за
гривну, а Посадникъ, Тысячскіе и судьи
лько семь денегъ. Такъ ли было и въ дру-
Княженіяхъ Россійскихъ, мы не знаемъ; но
ь, что Духовенство наше вездѣ старалось
ать свои права судебныя, доказывая ихъ
сть мнимыми церковными уставами Св.
міра и Ярослава Великаго. Послѣднимъ рѣ-

шителемъ въ судахъ церковныхъ былъ Митрополитъ: Новогородцы въ 1385 году отняли у него сіе доходное право, уставивъ, чтобы Архіепископъ и главные ихъ чиновники вершили всѣ дѣла независимо или безъ отчета.

Вообще съ XI вѣка мы не подвинулись впередъ въ гражданскомъ законодательствѣ; но, кажется, отступили назадъ къ первобытному невѣжеству народовъ въ сей важной части государственнаго благоустройства: чему виною были замѣшательства и непостоянство въ Правленіи внутреннемъ. Князья, не увѣренные въ твердости своихъ престоловъ, судя народъ по необходимости и для собственнаго прибытка, старались уменьшать для себя затрудненія: совѣсть, присяга, здравый умъ естественный казались самымъ простѣйшимъ способомъ рѣшить тяжбы, согласно съ древними обыкновеніями и безъ всякихъ письменныхъ, общихъ правилъ. Законодатель опредѣлялъ единственно родъ наказаній и денежныя пени для главныхъ преступленій: смертоубійства, воровства и проч. Судъ духовный, основанный на Кормчей Книгѣ или Номоканонѣ, былъ не лучше гражданскаго: ибо сіи законы Греческіе во многомъ не шли къ Россіи и долженствовали часто уступать мѣсто произволу судей. Въ такомъ состояніи находилось правосудіе и въ другихъ земляхъ Европейскихъ около десятаго вѣка; но въ пятомъ-надесять, имѣя училища законовѣдѣнія и Римское Право, Европа въ семъ отношеніи уже далеко насъ опередила.

Не менѣе отстали мы и въ искусствѣ ратномъ: Крестовые походы, духъ Рыцарства, долговременныя войны и наконецъ образованіе строевыхъ, всегдашнихъ войскъ произвели великіе успѣхи онаго во Франціи и въ другихъ земляхъ ([406]); а мы, кромѣ пороха, въ теченіе сихъ вѣковъ не знали и не пріобрѣли ничего новаго. Составъ нашей рати мало измѣнился. Всѣ главные чиновники государственные: Бояре *Старшіе*, *Большіе*, *Путные* (или помѣстные, коимъ давались земли, доходы казенные, *путевые* и другіе), *Окольничіе* или ближніе къ Государю люди, и Дворяне, были истиннымъ сердцемъ, лучшею, благороднѣйшею частію войска, и собственно именовались *Дворомъ Великокняжескимъ*. Второй многочисленнѣйшій родъ записныхъ людей воинскихъ назывался *Дѣтьми Боярскими*: въ нихъ узнаемъ прежнихъ Боярскихъ Отроковъ; а Княжескіе обратились въ Дворянъ. Всякой древній, областный городъ, имѣя своихъ Бояръ, имѣлъ и Дѣтей Боярскихъ, которые составляли воинскую дружину первыхъ ([407]). Купцы и граждане безъ крайности не вооружались, а земледѣльцы никогда ([408]). Герой Донскій умѣлъ вывести въ поле 150,000 ратниковъ, но для сего требовалось усилій необыкновенныхъ. Часто войско не успѣвало собраться, когда непріятель уже стоялъ подъ

Искусство ратное.

Москвою. Древніе обычаи не скоро уступаютъ мѣсто лучшимъ. Чтобы имѣть всегда полки готовые и не распускать ихъ, надлежало бы опредѣлить имъ жалованье: Государи наши скупились или не могли сдѣлать того безъ отягощенія подданныхъ налогами.

Иностранные Писатели говорятъ, что Россіяне сего времени сражались подобно Моголамъ: «не «стоя на мѣстѣ, а на скаку дѣйствуя стрѣлами «и копьями, то нападая, то вдругъ отступая» (409). Но лѣтописи наши доказываютъ противное: хотя главное и лучшее войско состояло всегда изъ конницы, однакожь мы имѣли и пѣхоту: становились въ ряды сомкнутые; отдѣляли часть войска впередъ, чтобы открыть или удерживать непріятеля, а другую скрывали въ засадѣ; одни полки начинали битву, другіе ждали времени и случая ударить на врага; въ срединѣ находились обыкновенно такъ называемыя *большія* или Княжескія знамена подъ защитою Дворянъ. Мы умѣли пользоваться мѣстомъ; располагались станомъ за оврагами и дебрями. Полководцы наши изъявляли иногда смѣлую рѣшительность великаго ума воинскаго, какъ Герой Донскій, быстрымъ движеніемъ предупредивъ соединеніе Мамая съ Ягайломъ. Куликовская битва достопамятна не только храбростію, но и самымъ искусствомъ. Александръ Невскій также показалъ оное въ сраженіи со Шведами и съ Ливонскими Меченосцами. Лѣтописцы отмѣнно славятъ ратный умъ Димитрія Волынскаго, побѣди-

теля Болгаровъ, Олегова и Мамаева: чѣмъ въ государствованіе Темнаго отличались Князь Василій Оболенскій и Московскій Дворянинъ Ѳеодоръ Басенокъ (410). Однакожь Россіяне XIV и XV вѣка вообще не могли равняться съ предками своими въ опытности воинской, когда частыя битвы съ непріятелями внѣшними и междоусобныя не давали засыхать крови на ихъ мечахъ, и когда они, такъ сказать, жили на полѣ сраженія. Кровь лилася и во время ига Ханскаго, но рѣдко въ битвахъ: видимъ много убійствъ, но гораздо менѣе ратныхъ подвиговъ.

Происхожденіе Козаковъ.

Замѣтимъ, что лѣтописи временъ Василія Темнаго въ 1444 году упоминаютъ о *Козакахъ* Рязанскихъ, особенномъ легкомъ войскѣ, славномъ въ новѣйшія времена. И такъ Козаки были не въ одной Украйнѣ, гдѣ имя ихъ сдѣлалось извѣстно по Исторіи около 1517 года (411); но вѣроятно, что оно въ Россіи древнѣе Батыева нашествія, принадлежало Торкамъ и Берендѣямъ, которые обитали на берегахъ Днѣпра, ниже Кіева. Тамъ находимъ и первое жилище Малороссійскихъ Козаковъ. Торки и Берендѣи назывались *Черкасами* (412): Козаки также. Вспомнимъ *Касоговъ*, обитавшихъ, по нашимъ лѣтописямъ, между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ; вспомнимъ и страну *Казахію*, полагаемую Императоромъ Кон-

стантиномъ Багрянороднымъ въ сихъ же мѣстахъ; прибавимъ, что Оссетинцы и нынѣ именуютъ Черкесовъ *Касахами* (413): столько обстоятельствъ вмѣстѣ заставляютъ думать, что Торки и Берендѣи, называясь *Черкасами*, назывались и *Козаками;* что нѣкоторые изъ нихъ, не хотѣвъ покориться ни Моголамъ, ни Литвѣ, жили какъ вольные люди на островахъ Днѣпра, огражденныхъ скалами, непроходимымъ тростникомъ и болотами; приманили къ себѣ многихъ Россіянъ, бѣжавшихъ отъ угнетенія; смѣшались съ ними, и подъ именемъ *Козаковъ* составили одинъ народъ, который сдѣлался совершенно Русскимъ, тѣмъ легче, что предки ихъ, съ десятаго вѣка обитавъ въ области Кіевской, уже сами были почти Русскими. Болѣе и болѣе размножаясь числомъ, питая духъ независимости и братства, Козаки образовали воинскую Христіанскую Республику въ южныхъ странахъ Днѣпра, начали строить селенія, крѣпости въ сихъ опустошенныхъ Татарами мѣстахъ; взялись быть защитниками Литовскихъ владѣній со стороны Крымцевъ, Турковъ, и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшаго имъ многія гражданскія вольности вмѣстѣ съ землями выше Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ городъ *Черкасы* названъ ихъ именемъ. Они раздѣлились на *сотни* и *полки*, коихъ Глава или Гетманъ въ знакъ уваженія получилъ отъ Государя Польскаго, Стефана Батори, знамя Королевское, бунчукъ, булаву и печать (414). Сіи-то природные

ины, усердные къ свободѣ и къ Вѣрѣ Гре-
ской, долженствовали въ половинѣ XVII вѣка
бавить Малороссію отъ власти иноплеменни-
въ и возвратить нашему отечеству древнее
стояніе онаго. — Собственно такъ называемые
зaки *Запорожскіе* были частію Малороссій-
ихъ: Сѣча ихъ, или земляная крѣпость ниже
нѣпровскихъ пороговъ, служила сперва сбор-
мъ мѣстомъ, а послѣ сдѣлалась жилищемъ
лостыхъ Козаковъ, не имѣвшихъ никакого
омысла, кромѣ войны и грабежа. — Вѣроятно,
о примѣръ Украинскихъ Козаковъ, всегда
оруженныхъ и готовыхъ встрѣтить непрія-
ля, далъ мысль и сѣвернымъ городамъ нашимъ
ставить подобное земское войско. Область Ря-
нская, наиболѣе подверженная нападенію Ор-
нскихъ хищниковъ, имѣла и болѣе нужды
такихъ защитникахъ. Люди молодые, без-
мовные, записывались въ Козаки, побуждае-
е къ тому или нѣкоторыми особенными,
жданскими выгодами — можетъ быть, осво-
жденіемъ отъ всякихъ податей — или пре-
стію добычи воинской (415). Въ Исторіи слѣ-
ощихъ временъ увидимъ *Козаковъ Ордин-
хъ*, *Азовскихъ*, *Ногайскихъ* и другихъ: сіе
я означало тогда *вольницу*, *наѣздниковъ*,
льцевъ, но не *разбойниковъ*, какъ нѣкоторые
верждаютъ, ссылаясь на лексиконъ Турец-
й (416): оно безъ сомнѣнія не бранное, когда
тязи мужественные, умирая за вольность, оте-
ство и Вѣру, добровольно такъ назвалися.

Купечество.

Россія, не смотря на всѣ бѣдствія, нанесенныя ей Моголами, въ XIV и въ XV вѣкѣ имѣла знатное купечество. Древній, славный *путь Греческій* для насъ закрылся: открылись новые пути торговли, съ Востокомъ чрезъ Орду, съ Константинополемъ и съ Западомъ чрезъ Азовъ посредствомъ рѣки Дона. Купцы, торгующіе шелковыми тканями, назывались въ Москвѣ *Сурожанами*, по имени Сурожскаго или Азовскаго моря [417]: ибо онѣ привозились къ намъ изъ Азова. Сіи купцы были главными, вмѣстѣ *съ суконниками*, которые продавали Нѣмецкія сукна, получая оныя изъ Новагорода, гдѣ цвѣла торговля Ганзейская. За сіи иностранныя произведенія мы платили мѣхами. Россія была тогда привольемъ звѣрей, птицъ и ловцевъ. Еще непроходимые, дремучіе лѣса осѣняли большую часть земли: тишина, царствуя въ глубокомъ уединеніи пустынь, благопріятствовала размноженію всякаго рода животныхъ. Какъ въ XI столѣтіи дикіе кони, буйволы, вепри, олени стадами гуляли въ лѣсахъ южной Россіи, такъ въ сѣверной около пятагонадесять вѣка бобры, козы, лоси витали на свободѣ: лебеди стаями плавали на рѣкахъ и озерахъ [418]. Россія, скудная людьми — отъ недавности своего населенія, отъ меча, отъ плѣненія, отъ частыхъ голодовъ и язвы — тѣмъ

...нѣе изобиловала дикими сокровищами Приро..., коихъ источники всегда изсякаютъ отъ воз...тающаго многолюдства. Ординскіе купцы ...вали въ Москвѣ, въ Твери, въ Ростовѣ; они ...тавляли намъ товары ремесленной Азіи и ло...дей, а брали въ обмѣнъ (сверхъ драгоцѣн...хъ мѣховъ, нашихъ собственныхъ и Перм...ихъ) множество ловчихъ птицъ, соколовъ, ...четовъ, привозимыхъ въ Великое Княженіе ... Двинской земли. Вѣроятно, что Россіяне пе...авали Моголамъ и Нѣмецкія сукна, такъ же, ...ъ Нѣмцамъ плоды Азіатскаго ремесла. Ка...ь заступила мѣсто древняго Царства Болгар...го: купцы Московскіе и другіе торговали въ ... съ Востокомъ. — Ханы для своихъ выгодъ ...ровительствовали у насъ торговлю, чтобы ..., обогащаясь ею, тѣмъ исправнѣе платили ...нискую дань. Славный Венеціянскій путеше...ственникъ, Марко Пауло, бывъ около 1270 года ... Великой Татаріи, въ Персіи и на берегахъ ...пійскаго моря, говоритъ о *хладной* Россіи, ...зывая, что ея жители бѣлы, вообще хороши ...цемъ, и что она богата *собственными серебря...ми рудниками* (419): мы не имѣли ихъ, но дѣй...ствительно могли хвалиться знатнымъ количе...ствомъ серебра, получаемаго нами отъ Нѣмец...кихъ купцевъ и черезъ Югру изъ Сибири. Но...вгородцы обѣщали Михаилу Тверскому 6000 ...итовъ серебра, а Витовту дѣйствительно за...платили около шестидесяти пудовъ: что прежде ...крытія Америки было весьма много. Не зна-

емъ за-подлинно, сколько мы ежегодно давали Ханамъ; однакожь извѣстно, что въ 1384 году съ каждой *деревни* собиралось для нихъ около 12 золотниковъ серебра; а *деревня* состояла тогда обыкновенно изъ двухъ или трехъ дворовъ. Города платили иногда и золотомъ (420). Кромѣ сего земледѣльцы вносили въ казну Великокняжескую по гривнѣ съ сохи; кузнецы, рыбаки, лавочники также по гривнѣ (что составляло болѣе двухъ золотниковъ серебра). Дань Ханская отчасти возвращалась къ намъ изъ Орды торговлею. Наконецъ мы столько имѣли серебра, что могли отмѣнить мордки или *куны*, древнія наши *ассигнаціи*, бывшія не менѣе пяти сотъ лѣтъ въ обращеніи, и весьма полезныя для успѣховъ промышлености за недостаткомъ въ металлахъ. Казна, соблюдая умѣренность въ выпускѣ сихъ кожаныхъ знаковъ, умѣла держать ихъ въ цѣнѣ до самаго нашествія Батыева: тогда упали куны ибо Моголы не брали ихъ вмѣсто серебра; онѣ ходили еще нѣсколько времени въ Новѣгородѣ и Псковѣ, не имѣвшихъ тѣсной связи съ Ордою; но скоро и тамъ исчезли отъ затрудненія въ торговыхъ счетахъ съ другими Россіянами, которые уже не признавали достоинства *мордокъ*: что прежде называлось *кунами*, стало называться *деньгами* (421) — и древняя кожаная гривна, оцѣненная на серебро, обратилась въ десятую часть рубля. Нѣтъ сомнѣнія, что сія перемѣна имѣла вредныя слѣдствія для внутренней торговли, вдругъ уменьшивъ въ

Россіи количество денегъ. Города купеческіе имѣли серебро; но другіе, менѣе торговые, долженствовали нуждаться въ знакахъ для оцѣнки вещей: такъ въ землѣ Двинской, по уничтоженіи кожаныхъ лоскутковъ, называемыхъ кунами и векшами, опять ходили дѣйствительныя шкуры куницъ и бѣлокъ вмѣсто денегъ, какъ было у насъ въ самую глубокую древность; то есть, возобновилась непосредственная мѣна вещей, обыкновенная въ состояніи полудикихъ народовъ.

Касательно нашей внутренней торговли замѣтимъ, что ея свобода и выгоды обыкновенно входили въ условія государственныхъ постановленій. Владѣтельные Князья, опредѣляя легкія законныя пошлины съ купеческихъ возовъ и лодокъ, прибавляли въ договорныхъ грамотахъ: «а купцамъ торговать безъ *рубежа* или безъ *зацѣпокъ*» (422). Кромѣ перевоза иностранныхъ вещей изъ мѣста въ мѣсто, жители нѣкоторыхъ областей промышляли своими особенными произведеніями: Новогородскіе хмѣлемъ и льномъ, Новоторжскіе кожами, Галичане и Двиняне солью. Соль Галицкая уже славилась при Донскомъ. Псковитяне въ 1364 году также завели-было соляныя варницы, но скоро оставили. Хлѣбъ и рыба составляли знатнѣйшій изъ торговъ внутреннихъ. Частые неурожаи, бѣдственные для народа, обогащали купцевъ прозорливыхъ.

Хотя Моголы какъ бы заградили насъ отъ Европы; хотя уже Вѣнценосцы ея не вступали

съ нашими въ брачные союзы, и кромѣ Иннокентіева Посольства къ Александру Невскому, кромѣ Исидорова путешествія въ Италію, не было у насъ никакихъ государственныхъ сношеній съ Западомъ; хотя вообще иностранныя лѣтописи сего времени почти не упоминаютъ о Россіи: однакожь, черезъ торговыя связи Новагорода съ Германіею, Москвитяне довольно скоро узнавали важнѣйшія Европейскія открытія, какъ-то изобрѣтеніе бумаги и пороха. Въ XV вѣкѣ мы уже перестали употреблять хартію или пергаменъ, замѣнивъ его гораздо дешевѣйшею тряпичною бумагою, покупаемою у Нѣмцевъ, которые доставляли намъ и снарядъ огнестрѣльный (423). Москва и Галичь оборонялись пушками; но въ описаніи полевыхъ битвъ говорится только о стрѣлахъ, мечахъ и копьяхъ: кажется, что пушки и пищали употреблялись единственно для защиты городовъ. — Къ художествамъ Русскимъ прибавилось одно новое: монетное; по крайней мѣрѣ со временъ Ярослава или со XII вѣка мы, кажется, не имѣли онаго. Монетчики назывались *денежниками*. — Памятниками тогдашняго зодчества остались нѣкоторыя довольно красивыя церкви, въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ. По лѣтописямъ извѣстно, что Св. Ольга жила въ каменномъ дворцѣ: въ Москвѣ же,

Изобрѣтенія, художества, роскошь, познанія, словесность.

мѣ церквей в городскихъ стѣнъ, не было ни
аго каменнаго зданія до XV вѣка: ибо
зья и Вельможи предпочитали деревянные
ы какъ благопріятнѣйшіе для здоровья.
рхъ того частые мятежи и государственныя
стройства отвращали самыхъ богатыхъ лю-
отъ мысли строить долговременно и прочно;
нѣтъ твердаго порядка гражданскаго, тамъ
ко бываютъ и твердыя зданія. Новогородскій
іепископъ Евфимій въ 1433 году поставилъ
бя на дворѣ *каменную съ тридцатью дверями
ату*, украшенную живописью и боевыми ча-
и, а Митрополитъ Іона такую же въ 1449
, съ домовымъ храмомъ Положенія Ризъ;
вую строили Нѣмецкіе Архитекторы. — Сре-
ынѣшней Москвы находилось еще не мало
ей и луговъ. Князья, Бояре имѣли свои
ницы, разные сады и домы загородные.
кошь состояла во множествѣ слугъ, въ бога-
одеждѣ, въ высокомъ домѣ, въ глубокихъ
ебахъ, наполненныхъ бочками крѣпкаго
; а всего болѣе въ созиданіи храмовъ и въ
оцѣнныхъ окладахъ иконъ. Упомянувъ о
ахъ, замѣтимъ, что Великіе Князья, уми-
, обыкновенно давали своимъ холопамъ во-
[424]) : такъ поступали и другіе знатные люди.
ѣтъ сомнѣнія, что древній Кіевъ, украшен-
памятниками Византійскихъ художествъ,
вляемый стеченіемъ купцевъ иностранныхъ,
ковъ, Нѣмцевъ, Италіянцевъ, превосходилъ
кву пятаго-надесять вѣка во многихъ отно-

шеніяхъ. Мы загрубѣли, однакожь не столько, чтобы умъ лишился всей животворной силы своей и не оказывалъ ни въ чемъ успѣховъ. Греція до самаго ея паденія не переставала дѣйствовать на Россію: брала отъ насъ серебро, но давала намъ вмѣстѣ съ мощами и книги. Основаніемъ Московской Патріаршей библіотеки, извѣстной въ ученой Европѣ, была Митрополитская, заведенная во время господства Ханскаго надъ Россіею и богатая не только церковными рукописями, но и древнѣйшими твореніями Греческой Словесности (425). Знаніе Еллинскаго языка составляло ученость, почти необходимую для знатнѣйшаго Духовенства, которое находилось въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ Царемградомъ. Такимъ образомъ церковная наша зависимость, вредная въ смыслѣ Политики, благопріятствовала у насъ просвѣщенію; то есть не давала ему совершенно угаснуть, по крайней мѣрѣ въ Духовенствѣ. Любопытные міряне искали свѣдѣній въ монастыряхъ: вопрошали Иноковъ о предметахъ Христіанства и нравственности, о самыхъ государственныхъ дѣяніяхъ временъ минувшихъ: ибо тамъ жила Исторія Россійская, какъ и прежде; тамъ, усерднымъ перомъ Черноризцевъ, она изображала плачевную судьбу отечества, мѣшая повѣствованіе съ наставленіями. Волынскій Лѣтописецъ приводитъ мѣста изъ Гомера: Московскій упоминаетъ о Пиѳагорѣ и Платонѣ (426). Кромѣ церковныхъ или душеспасительныхъ книгъ, мы имѣли отъ Грековъ все-

мірныя лѣтописи и разныя историческія, нравственныя, баснословныя повѣсти; на примѣръ: о *храбрости Александра Македонскаго*, переводъ Арріана — о *Синагрипѣ, Царѣ Адоровъ* — о *витязяхъ древности* — о *богатствахъ Индіи* (427), и проч. Вторая изъ сихъ повѣстей есть Арабская (изданная на Французскомъ языкѣ въ продолженіи *Тысячи-одной ночи*): вѣроятно, что она въ XIII или XIV вѣкѣ была переведена на Русской съ Греческаго. Между тогдашними произведеніями собственной нашей Словесности достопамятны піитическое изображеніе Куликовской битвы и похвала Димитрію Донскому. Первое, сочиненное Рязанцемъ, Іереемъ Софроніемъ, многими чертами напоминаетъ *Слово о полку Игоревѣ*, хотя и менѣе стихотворно. На примѣръ (428): «Князь Владиміръ такъ говоритъ «Димитрію: Воеводы наши крѣпки, витязи Рус«скіе славны, кони ихъ борзы, доспѣхи тверды, «щиты червленые, копья злаченыя, сабли булат«ныя, *курды* Ляцкія, колчаны Фряжскіе, сулицы «Нѣмецкія; всѣ пути знакомы имъ, берега Оки «свѣдомы. Хотятъ витязи положить свои голо«вы за Вѣру Христіанскую и за обиду Великаго «Князя Димитрія . . . . . Великая Княгиня Евдо«кія съ женами Воеводскими сидитъ печально «въ златоверхомъ теремѣ, подъ окнами южны«ми, смотритъ въ слѣдъ супругу милому, льетъ «слезы ручьями, и приложивъ руки къ персямъ, «такъ вѣщаетъ: Боже великій! умоляю Тебя «смиренно: сподоби меня еще видѣть моего

«друга, славнаго между людьми, Князя Дими-
«трія! Помоги ему на враговъ рукою крѣпкою!
«Да не падутъ Христіане отъ Мамая невѣрнаго,
«какъ пали нѣкогда отъ злаго Батыя! Да спа-
«сется остатокъ ихъ и да славитъ имя Твое свя-
«тое! Уныла земля Русская: только на Тебя
«уповаемъ, Око Всевидящее! Имѣю двухъ мла-
«денцевъ беззащитныхъ: кому закрыть ихъ отъ
«вѣтра бурнаго, отъ зноя палящаго? Возврати
«имъ отца, да царствуютъ во вѣки! . . . . .

«Славный Волынецъ, мужъ исполненный рат-
«ной мудрости, на канунѣ битвы, въ глубокую
«ночь, зоветъ Великаго Князя въ чистое поле,
«да узнаетъ тамъ судьбу отечества. Впереди
«станъ Мамаевъ: за ними Россійскій. *Внимай!*
«сказалъ Волынецъ . . . и Димитрій, обратясь
«къ Мамаеву стану, слышитъ стукъ и кличь,
«подобный шуму многолюднаго торжища или
«созидаемаго града, или звуку трубъ безчислен-
«ныхъ. Далѣе грозно воютъ звѣри и кричатъ
«вороны; гуси и лебеди плещутъ крылами по
«рѣкѣ Непрядвѣ и предвѣщаютъ грозу необы-
«чайную. *Обратися къ Стану Русскому!* гово-
«ритъ Волынецъ — *что слышишь?* . . . *Все тихо,*
«отвѣтствуетъ Димитрій: *вижу только сліяніе*
«*огней небесныхъ съ блестящими зарями* . . . .
«Волынецъ сходитъ съ коня; ухомъ приникаетъ
«къ землѣ; слушаетъ долго; встаетъ и безмолв-
«ствуетъ. Великій Князь требуетъ отповѣди.
«*Добро и зло ожидаетъ насъ*, говоритъ ему сей
«мудрый витязь: *плачутъ обѣ страны*, *единая*

какъ вдовица, другая какъ дѣва жалобнымъ гласомъ свирѣли. Ты побѣдишь, Димитрій; но много, много падетъ нашихъ! Димитрій пролилъ слезы . . . .

«Сходятся рати подъ густою мглою. Знамена «Христіанскія воспрянули; кони подъ всадниками присмирѣли; звучатъ трубы наши громко, «Татарскія глухо. Стонетъ земля на Востокъ до «моря, на Западъ до рѣки Дуная. Поле отъ тягости перегибается; воды изъ береговъ выступаютъ . . . . . Часъ насталъ. Каждый воинъ, ударивъ по коню, воскликнулъ: *Господи! помози Христіанамъ!* и быстро впередъ устремился . . . Сразились, не только оружіемъ, но и *сами о себя избивая другъ друга;* умирали подъ ногами конскими; задыхались отъ тѣсноты на полѣ Куликовѣ. Зари кровавыя блистаютъ отъ сіянія мечей; лѣсъ копій трещитъ и ломается. Удалые витязи наши какъ величественная дубрава склонялись на землю. О чудо! разверзлося небо надъ полками Димитрія; видимъ свѣтлое облако, исполненное рукъ человѣческихъ, «которыя держатъ лучезарные вѣнцы для побѣдителей . . . И се воины Князя Владиміра рвутся «изъ засады на Мамая, какъ соколы на стадо гусиное, какъ гости на пиръ брачный; ударили, и врагъ бѣжитъ, восклицая: *увы тебѣ, Мамай вознесся до небесъ, и въ адъ нисходишь!*» и проч.

Въ похвальномъ словѣ Димитрію есть сила и нѣжность. Описывая добродѣтели сего Великаго

«чилъ землю Русскую, которая во дни с
«женія *воскипѣла* славою; былъ для от
«стѣною и твердію, а для враговъ огнемъ
«чемъ; кротко-повелителенъ съ Князьями,
«*увѣтливъ* съ Боярами; имѣлъ умъ вы
«сердце смиренное; взоръ красный, ду
«стую; мало говорилъ, разумѣлъ много
«же говорилъ, тогда Философамъ загр
«уста; благотворя всѣмъ, могъ назватьс
«*слѣпыхъ*, *ногою хромыхъ*, *трубою спящ*
«*опасности* . . . . Когда же великій *Царь*
«Русскія, Димитрій, заснулъ сномъ вѣч
«тогда *аэръ* возмутился, земля потряслася
«ужаснулись. О день скорби и *туги*, день
«и бѣдствія, вопля и захлипанія! Наро
«щалъ: *о горе намъ, братіе! Князь Князе*
«*ставился; звѣзда, сіяющая міру, склони*
«*западу!*» — О супружеской взаимной
Димитрія и Великой Княгини Евдокіи
такъ: «Оба жили единою душею въ дву

ластовицы, какъ органы сладкозвучные.
ъ вѣщаетъ горестная: Зашелъ свѣтъ очей
хъ; погибло сокровище моей жизни! Гдѣ
безцѣнный? Почто не отвѣтствуешь су-
гѣ?.. Цвѣтъ прекрасный! для чего увя-
ль столь рано? виноградъ многоплодный!
ты не дашь плода моему сердцу, ни сла-
ги душѣ моей!.. Воззри, воззри на меня;
тися ко мнѣ на одрѣ своемъ; промолви
ю! Не уже ли забылъ меня? Се жена и дѣти
!.. Кому супругу приказываешь? на кого
этъ оставляешь?... Царь мой милый! какъ
иму тебя? какъ послужу тебѣ?.. Гдѣ честь
и слава? Былъ Государемъ всей земли
ской: нынѣ мертвъ и ничѣмъ не владѣешь!
ѣдитель народовъ побѣжденъ смертію! Из-
илась твоя слава вмѣстѣ съ лицемъ тво-
!... О жизнь души моей! не знаю, какъ
кать, какъ миловать тебя!... Багряницу
гоцѣнную промѣнялъ ты на сіи ризы бѣд-
! Не моего наряда одежду на себя возла-
пь!... Отвергнувъ Княжескій вѣнецъ, ху-
ъ платомъ главу покрываешь! Изъ палаты
ной въ сей гробъ переселяешься!... Ахъ!
бы Господь услышалъ молитву мою!...
пся и ты за свою Княгиню, да умру съ
ою, бывъ неразлучна съ тобою въ жизни!...
юность насъ не оставила; еще старость
ь не постигла! Ахъ! не долго я радовалась
мъ другомъ! За веселіе пришли слезы, за
хи скорбь несносная!... Почто я роди-

«мой, не могу разбудить тебя! Съ
«войны пришелъ ты, любезный? От
«столь утомился? Звѣри земные иду
«ложе свое, а птицы небесныя лет
«гнѣздамъ: ты же, любезный, отх
«навѣки отъ своего дому! . . . Кому
«доблю, какъ назову себя? Вдово
«ахъ! не знаю сего имени! Женою
«Царь оставилъ меня! . . . Вдовы ст
«утѣшайте меня! Вдовы юныя! плач
«мною! Горесть вдовья жалостнѣе
«горестей . . . . Боже великій, Царь
«Ты единъ буди мнѣ истиннымъ утѣ
«лемъ!» — Сія приведенныя нами
суть, кажется, лучшіе памятники то
няго краснорѣчія. Люди всегда нах
сильныя черты для описанія воин
ужасовъ и горестей любви: воображ
сердце дѣйствуютъ и въ то время,
умъ дремлетъ.

мени; на примѣръ: *гдѣ Царь тамъ и да; или: такали, такали Новогородцы, и протакали* (430). Нынѣ умники пи-тъ: въ старину только говорили; опыты блюденія, достопамятныя мысли въ вѣкъ неграмотный сообщались изустно. Нынѣ вутъ мертвые въ книгахъ: тогда жили пословицахъ. Все хорошо придуманное, льно сказанное, передавалось изъ рода родъ. Мы легко забываемъ читанное, я, что въ случаѣ нужды можемъ опять звернуть книгу: но предки наши помнили ышанное, ибо забвеніемъ могли навсегда ратить счастливую мысль или свѣдѣніе бопытное. Добрый купецъ, Бояринъ, ко грамотный, любилъ внучатамъ сво-ь твердить умное слово дѣда его, кото-е обращалось въ семейственную посло-цу. Такъ разумъ человѣческій въ са-мъ величайшемъ стѣсненіи находитъ кой нибудь способъ дѣйствовать, подоб-какъ рѣка, запертая скалою, ищетъ а хотя подъ землею, или сквозь камни ится мелкими ручейками. — Вѣроятно, и нѣкоторыя народныя пѣсни Русскія, особенности историческія о благосло-нныхъ временахъ Владиміра Святаго, ли сочинены въ вѣки нашего рабства сударственнаго, когда воображеніе, уны-я подъ игомъ невѣрныхъ, любило обо-ться воспоминаніемъ прошедшей славы

Пѣсни.

Языкъ. отечества. Русской поетъ въ веселіи и в[illegible] печали. — Вообще языкъ нашъ отъ XII до XV вѣка пріобрѣлъ болѣе чистоты и правильности. Оставляя употребленіе собственнаго Русскаго, необразованнаго нарѣчія, Писатели тщательнѣе держались Грамматики церковныхъ книгъ или древняго Сербскаго, коего памятникъ есть наша Библія [431], и коему слѣдовали они не только въ склоненіяхъ и въ спряженіяхъ, но и въ выговорѣ или въ изображеніи словъ; однакожъ, подобно Лѣтописцу Нестору, ошибались иногда и на употребленіе: отъ чего въ слогѣ нашемъ закоренѣла пестрота, освященная древностію, такъ, что мы и нынѣ въ одной книгѣ, на одной страницѣ пишемъ *злато* и *золото*, *гладъ* и *голодъ* *младость* и *молодость*, *пію* и *пью*. Еще не время было для Россіянъ дать языку [illegible] силу, гибкость, пріятность, тонкость, которыя соединяются съ выспренними успѣхами разума въ мирномъ благоденствіи гражданскихъ обществъ, съ богатствомъ мыслей и знаній, съ образованіемъ вкуса или чувства изящности: по крайней мѣрѣ видимъ, что предки наши трудились надъ яснѣйшимъ выраженіемъ своихъ мыслей, смягчали грубые звуки словъ, наблюдали въ ихъ теченіи какую-то плавность [432]. Наконецъ, не ослѣпляясь народнымъ самолюбіемъ, скажемъ, что Россіяне сихъ в[illegible]

мы въ сравненіи съ другими Европейцами могли по справедливости казаться невѣждами; однакожь не утратили всѣхъ признаковъ гражданскаго образованія и доказали, сколь оно *живуще* подъ самыми сильными ударами варварства!

Человѣкъ, преодолѣвъ жестокую болѣзнь, увѣряется въ дѣятельности своихъ жизненныхъ силъ и тѣмъ болѣе надѣется на долголѣтіе: Россія, угнетенная, подавленная всякими бѣдствіями, уцѣлѣла и возстала въ новомъ величіи, такъ, что Исторія едва ли представляетъ намъ два примѣра въ семъ родѣ. Вѣря Провидѣнію, можемъ ласкать себя мыслію, что Оно назначило Россіи быть долговѣчною.

КОНЕЦЪ V ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ V.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ ІОАННОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ ДОНСКІЙ.

Г. 1363—1389.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ДИМИТРІЕВИЧЪ.

Г. 1389—1425.

ГЛАВА III.

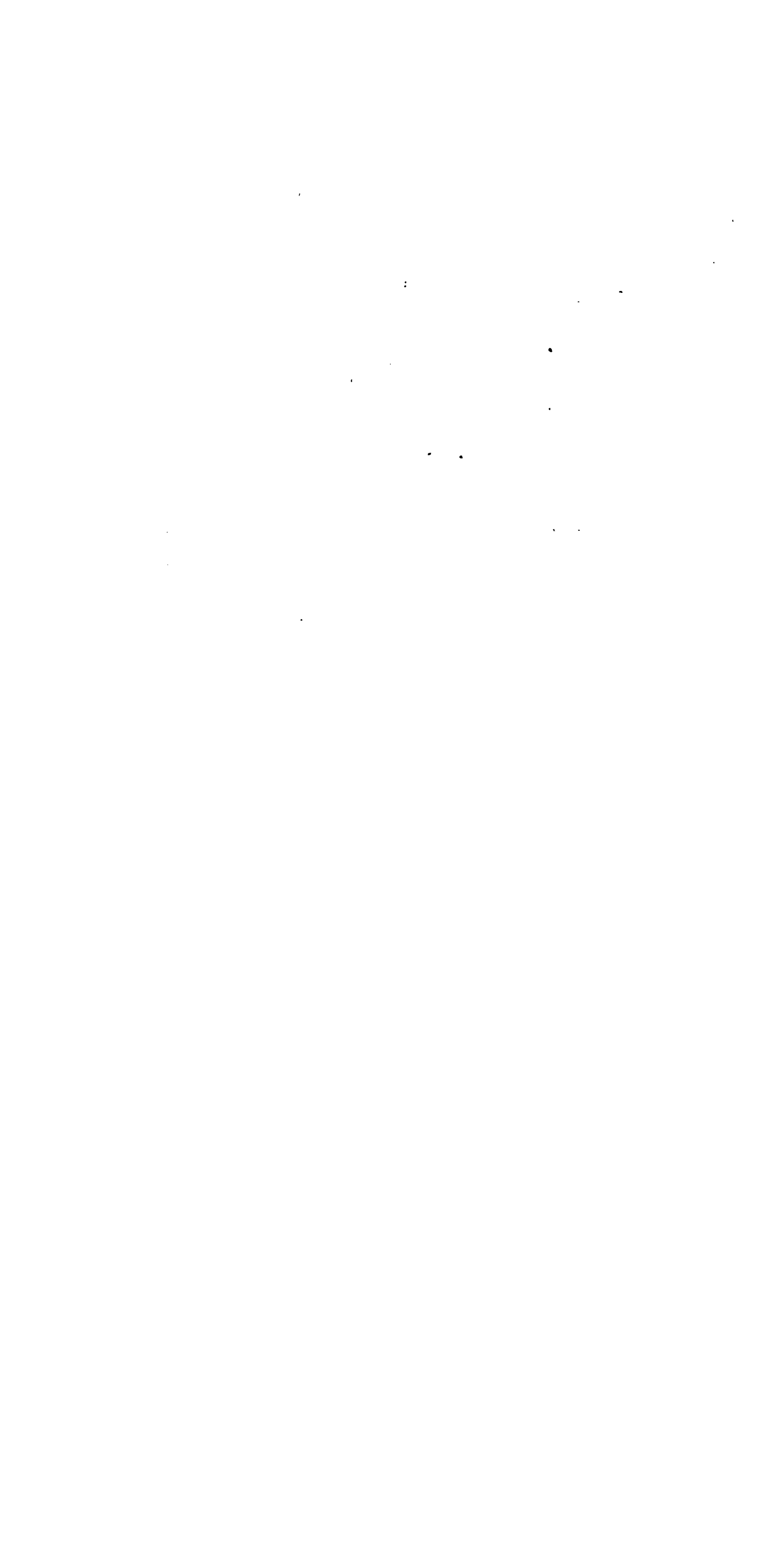
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВАСИЛІЕВИЧЬ ТЕМНЫЙ

Г. 1425—1462.

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ

ОТЪ НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ ДО ІОАННА III.

ИСТОРІЯ

УДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VI.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1852.

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VI.

ГЛАВА I.

Государь, Державный Великій Князь Іоаннъ III Василіевичь.

г. 1462—1472.

Вступленіе. Князь Рязанскій отпущенъ въ свою столицу. Договоръ съ Князьями Тверскимъ и Верейскимъ. Дѣла Псковскія. Ахматъ возстаетъ на Россію. Всеобщая мысль о скоромъ преставленіи свѣта. Кончина супруги Іоанновой. Избраніе новаго Митрополита. Походы на Казань. Война съ Новымгородомъ. Явленіе Кометъ. Завоеваніе Перми. Нашествіе Ахмата на Россію. Смерть Юрія, Іоаннова брата.

г. 1462. Вступленіе.

Отселѣ Исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной, описывая уже не безсмысленныя драки Княжескія, но дѣянія Царства, пріобрѣтающаго независимость и величіе. Разновластіе исчезаетъ вмѣстѣ съ нашимъ подданствомъ; образуется Держава сильная, какъ бы но-

вая для Европы и Азіи, которыя, видя оную с удивленіемъ, предлагаютъ ей знаменитое мѣсто въ ихъ системѣ политической. Уже союзы и войны наши имѣютъ важную цѣль: каждое особенное предпріятіе есть слѣдствіе главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народъ еще коснѣетъ въ невѣжествѣ, въ грубости; но Правительство уже дѣйствуетъ по законамъ ума просвѣщеннаго. Устрояются лучшія воинства, призываются Искусства, нужнѣйшія для успѣховъ ратныхъ и гражданскихъ; Посольства Великокняжескія спѣшатъ ко всѣмъ Дворамъ знаменитымъ; Посольства иноземныя одно за другимъ являются въ нашей столицѣ: Императоръ, Папа, Короли, Республики, Цари Азіатскіе привѣтствуютъ Монарха Россійскаго, славнаго побѣдами и завоеваніями, отъ предѣловъ Литвы и Новагорода до Сибири. Издыхающая Греція отказываетъ намъ остатки своего древняго величія: Италія даетъ первые плоды раждающихся въ ней художествъ. Москва украшается великолѣпными зданіями. Земля открываетъ свои нѣдра, и мы собственными руками извлекаемъ изъ оныхъ металлы драгоцѣнные. Вотъ содержаніе блестящей Исторіи Іоанна III, который имѣлъ рѣдкое счастіе властвовать сорокъ три года, и былъ достоинъ онаго, властвуя для величія и славы Россіянъ.

Іоаннъ на двѣнадцатомъ году жизни сочетался бракомъ съ Маріею, Тверскою Княжною; на осьмнадцатомъ уже имѣлъ сына, именемъ так-

же Іоанна, прозваніемъ *Младаго*, а на двацать-второмъ сдѣлался Государемъ. Но въ лѣта пылкаго юношества онъ изъявлялъ осторожность свойственную умамъ зрѣлымъ, опытнымъ, а ему природную: ни въ началѣ, ни послѣ не любилъ дерзкой отважности; ждалъ случая, избиралъ время; не быстро устремлялся къ цѣли, но двигался къ ней размѣренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости, уважая общее мнѣніе и правила вѣка. Назначенный Судьбою возстановить Единодержавіе въ Россіи, онъ не вдругъ предпріялъ сіе великое дѣло и не считалъ всѣхъ средствъ дозволенными. Московскіе Намѣстники управляли Рязанью; малолѣтный Князь ея, Василій, воспитывался въ нашей столицѣ; Іоаннъ однимъ словомъ могъ бы присоединить его землю къ Великому Княженію, но не хотѣлъ того, и послалъ шестнадцати-лѣтняго Василія господствовать въ Рязани, выдавъ за него меньшую сестру свою, Анну (¹). Призналъ также независимость Твери, заключивъ договоръ съ шуриномъ, Михаиломъ Борисовичемъ, какъ съ братомъ и *равнымъ* ему *Великимъ* Княземъ (²); не требовалъ для себя никакого старѣйшинства; далъ слово не вступаться въ *Домъ Святаго Спаса*, не принимать ни Твери, ни Кашина отъ Хана; утвердилъ

г. 1464. Князь Рязанскій отпущенъ въ свою столицу.

Договоръ съ Князьями.

границы ихъ владѣній, какъ онѣ были при Михаилѣ Ярославичѣ. Зять и шуринъ условились дѣйствовать за-одно противъ Татаръ, Литвы, Польши и Нѣмцевъ; вторый обязывался не имѣть никакого сношенія съ врагами перваго, съ сыновьями Шемяки, Василія Ярославича Боровскаго, и съ Можайскимъ; а Великій Князь обѣщалъ не покровительствовать враговъ Тверскаго. Михаилъ Андреевичь Верейскій по договорнымъ грамотамъ уступилъ Іоанну нѣкоторыя мѣста изъ своего Удѣла и призналъ себя *младшимъ* въ отношеніи къ самымъ меньшимъ его братьямъ; впрочемъ удержалъ всѣ старинныя права Князя Владѣтельнаго (3).

Дѣла Псковскія.

Псковитяне оскорбили Іоанна. Василій Темный не за-долго до кончины своей далъ имъ въ Намѣстники, безъ ихъ воли, Князя Владиміра Андреевича: они приняли его, но не любили и скоро выгнали: даже обругали и столкнули съ крыльца на Вѣчѣ. Владиміръ поѣхалъ жаловаться въ Москву, куда въ слѣдъ за нимъ прибыли и Бояре Псковскіе. Три дни Великій Князь не хотѣлъ ихъ видѣть; на четвертый выслушалъ извиненія, простилъ и милостиво дозволилъ имъ выбрать себѣ Князя. Псковитяне избрали Князя Звенигородскаго, Ивана Александровича: Іоаннъ утвердилъ его въ семъ достоинствѣ, и сдѣлалъ еще болѣе:

г. 1464-1465.

прислалъ къ нимъ войско, чтобы наказать Нѣмцевъ за нарушеніе мира: ибо жители Дерпта посадили тогда нашихъ купцевъ въ темницу. Сія война, какъ обыкновенно, не имѣла важныхъ слѣдствій. Нѣмцы съ великимъ стыдомъ бѣжали отъ передоваго отряда Россійскаго; а Псковитяне, имѣя у себя нѣсколько пушекъ, осадили Нейгаузенъ, и посредствомъ Магистра Ливонскаго скоро заключили перемиріе на девять лѣтъ, съ условіемъ, чтобы Епископъ Дерптскій, по древнимъ грамотамъ, заплатилъ какую-то дань Великому Князю, не утѣсняя въ семъ городѣ ни жителей Русской слободы, ни церквей нашихъ (4). Воевода Іоанновъ, Князь Ѳеодоръ Юрьевичь, возвратился въ Москву, осыпанный благодарностію Псковитянъ и дарами, которые состояли въ тридцати рубляхъ для него и въ пятидесяти для всѣхъ бывшихъ съ нимъ Бояръ ратныхъ.

Новогородцы не взяли участія въ сей войнѣ, и даже явно доброжелательствовали Ордену: въ досаду имъ Псковитяне отложились отъ ихъ Архіепископа, хотѣли имѣть своего особеннаго Святителя, и просили о томъ Великаго Князя. Еще Новгородъ находился въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ Москвою и слушался ея Государя: благоразумный Іоаннъ отвѣтствовалъ Псковитянамъ: «Въ дѣлѣ столь важномъ я долженъ «узнать мнѣніе Митрополита и всѣхъ Русскихъ «Епископовъ. Вы и старшіе братья ваши, Ново«городцы, моя отчина, жалуетесь другъ на дру-

«га; они требовали отъ меня Воеводы, что-«бы смирить васъ оружіемъ: я не велѣлъ «имъ мыслить о семъ междоусобіи, ни за-«держивать вашихъ Пословъ на пути ко «мнѣ; хочу тишины и мира; буду правед-«нымъ судіею между вами ([5]).» Сказавъ, совершилъ дѣло миротворца. Псковитяне возвратили церковныя земли Архіепископу Іонѣ и взаимными клятвами подтвердили древній союзъ братскій съ Новогородцами. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Духовенство Псковское, будучи весьма недовольно правленіемъ Іоны, обвиняемаго въ безпечности и корыстолюбіи, хотѣло безъ его вѣдѣнія рѣшить всѣ церковныя дѣла по Номоканону, и съ согласія гражданскихъ чиновниковъ написало судную для себя грамоту: но Великій Князь вторично вступился за древнія права Архіепископа: грамоту уничтожили, и все осталось, какъ было.

г. 1465. Ахматъ возстаетъ на Россію.

Три года Іоаннъ властвовалъ мирно и спокойно, не сложивъ съ себя имени данника Ординскаго, но уже не требуя милостивыхъ ярлыковъ отъ Хана на достоинство Великокняжеское и, какъ вѣроятно, не платя дани, такъ, что Царь Ахматъ, повелитель Волжскихъ Улусовъ, рѣшился прибѣгнуть къ оружію; соединилъ всѣ силы и хотѣлъ итти къ Москвѣ ([6]). Но счастіе, благопріятствуя Іоанну, воздвигло Орду на Орду: Ханъ Крымскій, Ази-Гир-

встрѣтилъ Ахмата на берегахъ Дона :
ася кровопролитная война между ими,
сія осталась въ тишинѣ, готовясь къ
имъ подвигамъ.

мѣ внѣшнихъ опасностей и непрія-
юный Іоаннъ долженъ былъ внутри
рства преодолѣть общее уныніе сер-
какое-то разслабленіе, дремоту силъ
ныхъ. Истекала седьмая тысяча лѣтъ
творенія міра по Греческимъ Хроно-
: суевѣріе съ концемъ ея ждало и
міру. Сія несчастная мысль, влады-
я въ умахъ, вселяла въ людей рав-
іе ко славѣ и благу отечества ([7]);
стыдились государственнаго ига,
плѣнялись мыслію независимости,
, что все не на-долго. Но печальное
сильнѣе дѣйствовало на сердца и
женіе. Затмѣнія, мнимыя чудеса
ли простолюдиновъ болѣе, нежели
нибудь. Увѣряли, что Ростовское
цѣлыя двѣ недѣли страшно выло
ночь и не давало спать окрестнымъ
ямъ ([8]). Были и важныя, дѣйстви-
ыя бѣдствія : отъ чрезвычайнаго хо-
морозовъ пропадалъ хлѣбъ въ по-
два года сряду выпадалъ глубокій
въ Маѣ мѣсяцѣ ([9]). Язва, называе-
ъ лѣтописяхъ *желѣзою*, еще искала
ъ въ Россіи, особенно въ Новаго-
ихъ и Псковскихъ владѣніяхъ, гдѣ,

Всеобщая мысль о скоромъ преставленіи свѣта.

г. 1466-1467.

если вѣрить исчисленію одного Лѣтописца, въ два года умерло 250,652 человѣка; въ одномъ Новѣгородѣ 48,402, въ монастыряхъ около 8,000 (10). Въ Москвѣ, въ другихъ городахъ, въ селахъ и на дорогахъ также погибло множество людей отъ сей заразы (11).

Кончина супруги Іоанновой.

Огорчаясь вмѣстѣ съ народомъ, Великій Князь сверхъ того имѣлъ несчастіе оплакать преждевременную смерть юной, нѣжной супруги, Маріи. Она скончалась внезапно: Іоаннъ находился тогда въ Коломнѣ: мать его и Митрополитъ погребли ее въ Кремлевской церкви Вознесенія (гдѣ со времени Василія Димитріевича начали хоронить Княгинь). Сію неожидаемую кончину приписывали дѣйствію яда, единственно потому, что тѣло умершей вдругъ отекло необыкновеннымъ образомъ. Подозрѣвали жену Дворянина Алексѣя Полуевктова, Наталью, которая, служа Маріи, однажды посылала ея поясъ къ какой-то ворожеѣ. Доказательства столь невѣрныя не убѣдили Великаго Князя въ истинѣ предполагаемаго злодѣйства; однакожь Алексѣй Полуевктовъ шесть лѣтъ не смѣлъ показываться ему на глаза (12).

Къ горестнымъ случаямъ сего времени Лѣтописцы причисляютъ и то, что Первосвятитель Ѳеодосій, добродѣтельный, ревностный, оставилъ Митрополію. Причина

памятна. Набожность, питаемая мы-
о скоромъ преставленіи свѣта, спо-
вовала неумѣренному размноженію
вѣ и Священнослужителей: всякой
ый человѣкъ хотѣлъ имѣть свою
вь. Празднолюбцы шли въ Діаконы и
ны, соблазняя народъ не только гру-
невѣжествомъ, но и развратною жиз-
Митрополитъ думалъ пресѣчь зло:
дѣльно собиралъ ихъ, училъ, вдо-
постригалъ въ Монахи, распутныхъ
ъ сана и наказывалъ безъ милосер-
лѣдствіемъ было, что многія церкви
ѣли безъ Священниковъ. Сдѣлался
ъ на Ѳеодосія, и сей Пастырь стро-
о не весьма твердый въ душѣ, съ го-
отказался отъ правленія. Великій
призвалъ въ Москву своихъ брать-
всѣхъ Епископовъ, духовныхъ са-
ковъ, которые единодушно избрали
льскаго Святителя, Филиппа, въ Ми-
литы; а Ѳеодосій заключился въ Чу-
монастырѣ, и взявъ въ келлію къ
одного прокаженнаго, ходилъ за нимъ
нца жизни, самъ омывая его стру-
). Россіяне жалѣли о Пастырѣ столь
честивомъ, и страшились, чтобы Не-
казнило ихъ за оскорбленіе святаго

Избраніе новаго Митрополита.

конецъ Іоаннъ предпріялъ воинскими
твіями разсѣять свою печаль и возбу-

Походы на Казань.

имѣлъ сношенія съ Вельможами К
ми, и тайно приглашенный ими с
ихъ новаго Царя, Ибрагима, его
требовалъ войска отъ Іоанна, кот
удовольствіемъ видѣлъ случай п
себѣ власть надъ опасною Казанью
успоковть наши восточныя грани
верженныя впаденіямъ ея хищнаг
ственнаго народа ([14]). Князь Иван

Сентяб-
ря 14.

вичь Патрекеевъ и Стрига-Оболен
ступили изъ Москвы съ полками:
указывалъ имъ путь, и думалъ
явиться подъ стѣнами Ибрагимо
лицы; но многочисленная рать Ка
предводимая Царемъ, уже стояла н
Волги, и принудила Московскихъ
итти назадъ. Въ семъ неудачном
немъ походѣ Россіяне весьма мн
терпѣли отъ ненастья и дождей, т

слалъ отрядъ къ Галичу, гдѣ Татары не могли сдѣлать важнаго вреда: ибо Великій Князь успѣлъ взять мѣры, занявъ воинскими дружинами всѣ города пограничные: Нижній, Муромъ, Кострому, Галичь (15).

Немедленно другая рать Московская съ Княземъ Симеономъ Романовичемъ пошла изъ Галича въ Черемисскую землю (въ нынѣшнюю Вятскую и Казанскую Губернію) сквозь дремучіе лѣса, уже наполненные снѣгомъ, и въ самые жестокіе морозы. Повелѣніе Государя и надежда обогатиться добычею дали воинамъ силу преодолѣть всѣ трудности. Болѣе мѣсяца шли они по лѣснымъ пустынямъ, не видя ни селеній, ни пути предъ собою: не люди, но звѣри жили еще на дикихъ берегахъ Ветлуги, Усты, Кумы. Вступивъ въ землю Черемисскую, изобильную хлѣбомъ и скотомъ — управляемую собственными Князьями, но подвластную Царю Казанскому — Россіяне истребили все, чего не могли взять въ добычу; рѣзали скотъ и людей; жгли не только селенія, но и бѣдныхъ жителей, избирая любыхъ въ плѣнники. Наше право войны было еще древнее, варварское; всякое злодѣйство въ непріятельской странѣ считалось законнымъ. — Князь Симеонъ доходилъ почти до самой Казани, и безъ битвы проливъ множество крови, возвратился съ именемъ побѣдителя. — Князь

6 Декабря.

г. 1468

Иванъ Стрига-Оболенскій выгналъ Казанскихъ разбойниковъ изъ Костромской области. Князь Даніилъ Холмскій побилъ другую шайку ихъ близъ Мурома: только не многіе спаслися бѣгствомъ въ дремучіе лѣса, оставивъ своихъ коней. Муромцы, Нижегородцы опустошили берега Волги въ предѣлахъ Ибрагимова Царства.

Іоаннъ еще хотѣлъ подвига важнѣйшаго, чтобы загладить первую неудачу, и смирить Ибрагима; собралъ всѣхъ Князей, Бояръ, и самъ повелъ войско къ границѣ, оставивъ въ Москвѣ меньшаго брата, Андрея. По древнему обыкновенію нашихъ Князей онъ взялъ съ собою и десятилѣтняго сына своего, чтобы заблаговременно пріучить его къ ратному дѣлу. Но сей походъ не совершился. Узнавъ о прибытіи Литовскаго, Казимирова Посла, Якова Писаря, то есть Секретаря Государственнаго, Іоаннъ велѣлъ ему быть къ себѣ въ Переславль и ѣхать назадъ къ Королю съ отвѣтомъ; а самъ, неизвѣстно для чего, возвратился въ Москву [16], пославъ изъ Владиміра только малый отрядъ на Кичменгу, гдѣ Казанскіе Татары жгли и грабили села. Оставивъ намѣреніе лично предводительствовать ратію, Іоаннъ далъ повелѣніе Воеводамъ итти къ берегамъ Камы изъ Москвы, Галича, Вологды, Устюга и Кичменги съ Дѣтьми Боярскими и Козаками. Главными начальниками были Руно Московскій и Князь Иванъ Звенецъ Устюжскій. Всѣ соединились въ землѣ *Вятской*, подъ Котельничемъ, и шли берегомъ

рѣки Вятки, землею Черемисскою, до Камы, Тамлуги и Перевоза Татарскаго, откуда поворотили Камою къ Бѣлой Воложкѣ, разрушая все огнемъ и мечемъ, убивая, плѣняя беззащитныхъ. Настигнувъ въ одномъ мѣстѣ 200 вооруженныхъ Казанцевъ, Полководцы Московскіе устыдились дѣйствовать противъ нихъ всѣми силами, и выбрали охотниковъ, которые истребили сію толпу, взявъ въ плѣнъ двухъ ея начальниковъ. Иныхъ битвъ не было: Татары, привычные ко впаденіямъ въ чужія земли, не умѣли оборонять своихъ. Перехвативъ на Камѣ множество богатыхъ купеческихъ судовъ, Россіяне съ знатною добычею возвратились черезъ Великую Пермь къ Устюгу и въ Москву ([17]). — Съ другой стороны ходилъ на Казанцевъ Воевода Нижегородскій, Князь Ѳедоръ Хрипунъ Ряполовскій, съ Московскою дружиною, и встрѣтивъ на Волгѣ отрядъ Царскихъ тѣлохранителей, побилъ его на голову. Въ числѣ плѣнниковъ, отосланныхъ къ Іоанну въ Москву, находился знаменитый Князь Татарскій, Хозюмъ Бердей ([18]).

Іюня 4.

Но Казанцы между тѣмъ присвоили себѣ господство надъ Вяткою: сильное войско ихъ, вступивъ въ ея предѣлы, такъ устрашило жителей, что они, не имѣя большаго усердія къ Государямъ Московскимъ, безъ сопротивленія объявили себя

крикомъ и трубнымъ звукомъ. Утренняя заря едва освѣтила небо: Казанцы еще спали. Россіяне безъ сопротивленія вошли въ улицы: грабили, рѣзали; освободили бывшихъ тамъ плѣнниковъ Московскихъ, Рязанскихъ, Литовскихъ, Вятскихъ, Устюжскихъ, Пермскихъ, и зажгли предмѣстіе со всѣхъ сторонъ. Татары съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми запираясь въ домахъ, были жертвою пламени. Обративъ въ пепелъ все, что могло сгорѣть, Россіяне усталые, обремененные добычею, отступили, сѣли на суда и пошли къ Коровничьему острову, гдѣ стояли цѣлую недѣлю безъ всякаго дѣла: чѣмъ Руно навлекъ на себя подозрѣніе въ измѣнѣ. Многіе думали, что онъ, пользуясь ужасомъ Татаръ, сквозь пламя и дымъ предмѣстія могъ бы войти въ городъ, но силою отвелъ полки отъ приступа, чтобы тайно взять окупъ съ Царя (22). По крайней мѣрѣ никто не понималъ, для чего сей Воевода, имѣя славу разума необыкновеннаго, тратитъ время; для чего не дѣйствуетъ или не удаляется съ добычею и плѣнниками?

Легко было предвидѣть, что Царь не будетъ дремать въ своей, кругомъ обожженной столицѣ: наконецъ Русской плѣнникъ (23), выбѣжавъ изъ Казани, принесъ вѣсть къ нашимъ, что Ибрагимъ соединилъ всѣ полки Камскіе, Сыплинскіе, Костяцкіе, Бѣловолжскіе, Вотяцкіе, Башкирскіе, и готовится въ слѣдующее утро наступить на Россіянъ конною и судовою

ратію. Воеводы Московскіе спѣшили взять мѣ-
ры: отобрали молодыхъ людей и послали ихъ
съ большими судами къ Ирихову острову, не
велѣвъ имъ ходить на узкое мѣсто Волги; а сами
остались на берегу, чтобы удерживать непрія-
теля, который дѣйствительно вышелъ изъ го-
рода. Хотя молодые люди не послушались Вое-
водъ и стали какъ бы нарочно въ узкомъ про-
токѣ, гдѣ непріятельская конница могла стрѣ-
лять въ нихъ: однакожь мужественно отбили
е. Воеводы столь же удачно имѣли бой съ лод-
ками Казанскими, и прогнавъ оныя къ городу,
соединились съ своими большими судами у Ири-
хова острова, славя побѣду и Государя.

Тутъ прибылъ къ нимъ главный Воевода,
Князь Константинъ Беззубцевъ, изъ Нижняго
Новагорода, свѣдавъ, что они, въ противность
Іоаннову намѣренію, подступили къ Казани.
Помслѣ успѣхъ служилъ имъ оправданіемъ:
Константинъ хотѣлъ еще важнѣйшаго: отпра-
вилъ гонцевъ въ Москву, съ вѣстію о проис-
шедшемъ, и въ Вятку, съ повелѣніемъ, чтобы
я жители немедленно шли къ нему подъ Ка-
зань ([24]). Онъ еще не зналъ ихъ коварства.
Іоаннъ, пославъ весною главную рать въ Ниж-
ній, въ тоже время приказалъ Князю Даніилу
Ярославскому съ отрядомъ Дѣтей Боярскихъ и
съ полкомъ Устюжанъ, а другому Воеводѣ, Са-
бурову, съ Вологжанами плыть на судахъ къ
Вяткѣ, взять тамъ всѣхъ людей годныхъ къ рат-
ному дѣлу и съ ними итти на Царя Казанскаго.

биться на сухомъ пути, и ночевали на другой сторонѣ Волги. Въ слѣдующее утро ни тѣ, ни другіе не думали возобновить битвы; и Князь Беззубцевъ благополучно доплылъ до Нижняго.

Не столь счастливъ былъ Князь Ярославскій. Видя непослушаніе Вятчанъ, онъ рѣшился итти безъ нихъ, чтобы въ окрестностяхъ Казани соединиться съ Московскою ратію. Увѣдомленный о походѣ его, Ибрагимъ заградилъ Волгу судами и поставилъ на берегу конницу. Произошла битва достопамятная мужествомъ обоюднымъ: хватались за руки, сѣклись мечами. Главные изъ Вождей Московскихъ пали мертвые; другіе были ранены или взяты въ плѣнъ; но Князь Василій Ухтомскій одолѣвалъ многочисленность храбростію: сцѣплялся съ Ибрагимовыми судами, разилъ непріятелей ослопомъ, и топилъ ихъ въ рѣкѣ. Устюжане, вмѣстѣ съ нимъ оказавъ рѣдкую неустрашимость, пробились сквозь Казанцевъ, достигли Новагорода Нижняго и дали знать о томъ Іоанну, который, въ знакъ особеннаго благоволенія, прислалъ имъ *двѣ золотыя деньги* и нѣсколько кафтановъ. Устюжане отдали *деньги* своему Іерею, сказавъ ему: «молись Богу за Государя и православное «воинство; а мы готовы и впредь такъ сражаться (26).»

Обманутый льстивыми обѣщаніями Ибрагимовой матери, не довольный и нашими Воеводами, Іоаннъ предпріялъ новый походъ въ ту же осень, вручивъ предводительство своимъ

братьямъ, Юрію и Андрею. Весь Дворъ Великокняжескій и всѣ Князья *Служивые* находились съ ними. Въ числѣ знатнѣйшихъ Воеводъ Лѣтописцы именуютъ Князя Ивана Юрьевича Патрекеева. Даніилъ Холмскій велъ передовый полкъ (27); многочисленная рать шла сухимъ путемъ, другая плыла Волгою; обѣ подступили къ Казани, разбили Татаръ въ вылазкѣ, отняли воду у города, и принудили Ибрагима заключить миръ *на всей волѣ* Государя Московскаго: то есть, исполнить всѣ его требованія. Онъ возвратилъ свободу нашимъ плѣнникамъ, взятымъ въ теченіе сорока лѣтъ (28).

Сентября 1.

Война съ Новымгородомъ.

Сей подвигъ былъ первымъ изъ знаменитыхъ успѣховъ государствованія Іоаннова: вторый имѣлъ еще благопріятнѣйшія слѣдствія для могущества Великокняжескаго внутри Россіи. Василій Темный возвратилъ Новогородцамъ Торжекъ; но другія земли, отнятыя у нихъ сыномъ Донскаго, Василіемъ Димитріевичемъ, оставались за Москвою: еще не увѣренные въ твердости Іоаннова характера, и даже сомнѣваясь въ ней по первымъ дѣйствіямъ сего Князя, ознаменованнымъ умѣренностію, миролюбіемъ, они вздумали быть смѣлыми, въ надеждѣ показаться ему страшными, унизить гордость Москвы, возстановить древнія права своей воль-

юсти, утраченныя излишнею уступчивостію хъ отцевъ и дѣдовъ. Съ симъ намѣреніемъ риступили къ дѣлу: захватили многіе доходы, емли и воды Княжескія; взяли съ жителей приігу только именемъ Новагорода; презирали оанновыхъ Намѣстниковъ и Пословъ; властію ѣча брали знатныхъ людей подъ стражу на ородищѣ, мѣстѣ не подлежащемъ народной правѣ; дѣлали обиды Москвитянамъ (29). Госурь нѣсколько разъ требовалъ отъ нихъ удовлетворенія: они молчали. Наконецъ пріѣхалъ ъ Москву Новогородскій Посадникъ, Василій ananьинъ, съ обыкновенными дѣлами земскими; о не было слова въ отвѣтъ на жалобы Іоанноы. «Я ничего не знаю,» говорилъ Посадникъ оярамъ Московскимъ: «Великій Новгородъ не алъ мнѣ никакихъ о томъ повелѣній.» Іоаннъ тпустилъ сего чиновника съ такими словами: Скажи Новогородцамъ, моей отчинѣ, чтобы они, признавъ вину свою, исправились; въ земли и воды мои не вступалися, имя мое *держали честно и грозно по старинѣ*, исполняя обѣтъ крестный, если хотятъ отъ меня покровительства и милости; скажи, что терпѣнію бываетъ конецъ, и что мое не продолжится.»

Великій Князь въ то же время написалъ къ ѣрнымъ ему Псковитянамъ, чтобы они, въ лучаѣ дальнѣйшей строптивости Новогородевъ, готовились вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовать ротивъ сихъ ослушниковъ. Намѣстникомъ его о Псковѣ былъ тогда Князь Ѳеодоръ Юрьевичь,

знаменитый Воевода, который съ Московскою дружиною защитилъ сію область въ послѣднюю войну съ Нѣмцами: изъ отмѣннаго уваженія къ его особѣ Псковитяне дали ему судное право во всѣхъ *двенадцати* своихъ пригородахъ; а дотолѣ Князья судили и рядили только въ *семи*; прочіе зависѣли отъ народной власти (30). Бояринъ Московскій, Селиванъ, вручилъ Псковитянамъ грамоту Іоаннову. Они сами имѣли разныя досады отъ Новогородцевъ (31); однакожь, слѣдуя внушеніямъ благоразумія, отправили къ нимъ Посольство съ предложеніемъ быть миротворцами между ими и Великимъ Княземъ. «Не «хотимъ кланяться Іоанну, и не просимъ «вашего ходатайства,» отвѣтствовали тамошніе Правители: «но если вы добросо«вѣстны и намъ друзья, то вооружитесь за «насъ противъ самовластія Московска«го (32).» Псковитяне сказали: «увидимъ»— и дали знать Великому Князю, что они готовы помогать ему всѣми силами.

г. 1470. Между тѣмъ, по сказанію Лѣтописцевъ, были страшныя знаменія въ Новѣгородѣ: сильная буря сломила крестъ Софійской церкви; древніе Херсонскіе колокола въ монастырѣ на Хутынѣ сами собою издавали печальный звукъ; кровь являлась на гробахъ, и проч. (33) Люди тихіе, миролюбивые, трепетали и молились Богу: другіе

лась надъ ними и мнимыми чудесами.
омыслeнный народъ болѣе нежели ко-
нибудь мечталъ о прелестяхъ свободы;
лъ тѣснаго союза съ Казимиромъ, и
ялъ отъ него Воеводу, Князя Михаила
ьковича, коего братъ, Симеонъ, го-
ствовалъ тогда въ Кiевѣ съ честiю и
ю, *подобно древнимъ Князьямъ Влади-*
а племени, какъ говорятъ Лѣтопис-
[34]). Множество Пановъ и витязей Ли-
ихъ прiѣхало съ Михаиломъ въ Нов-
ъ.

сiе время скончался Новогородскiй
ыка Iона: народъ избралъ въ Архiе-
пы Протодiакона Өеофила, коему не
было ѣхать въ Москву для поставле-
езъ согласiя Iоаннова ([35]): Новгого-
ы чрезъ Боярина своего, Никиту, про-
о томъ Великаго Князя, мать его и
ополита. Iоаннъ далъ *опасную грамо-*
ля прiѣзда Өеофилова въ столицу, и
отпуская Посла, сказалъ ему: «Өео-
ь, вами избранный, будетъ принятъ
естiю и поставленъ въ Архiепископы;
арушу ни въ чемъ древнихъ обыкно-
й, и готовъ васъ жаловать, какъ мою
ину, если вы искренно признаете вину
о, не забывая, что мои предки имено-
ь Великими Князьями Владимiрскими,
города и всея Руси.» Посолъ, возвра- г. 1471.
въ Новгородъ, объявилъ народу о ми-

ной Державѣ.

Вопреки древнимъ обыкновеніямъ и
Славянскимъ, которые удаляли женс
отъ всякаго участія въ дѣлахъ граж
жена гордая, честолюбивая, вдова быв
садника Исаака Борецкаго, мать двухъ
уже взрослыхъ, именемъ Мароа, предп
шить судьбу отечества. Хитрость, в
знатность, богатство и роскошь дост
способъ дѣйствовать на Правительство
ные чиновники сходились въ ея ве
номъ (36) или, по тогдашнему, *чудно*
пировать и совѣтоваться о дѣлахъ важн
Такъ Св. Зосима, Игуменъ монастыря
каго, жалуясь въ Новѣгородѣ на оби
скихъ жителей, въ особенности тамошн
кащиковъ Боярскихъ, долженъ былъ и
кровительства Мароы, которая имѣла
ской землѣ богатыя села. Сперва, о

бенной милости, пожаловалъ ея сына, Димитрія, въ знатный чинъ Боярина Московскаго [38], сія гордая жена хотѣла освободить Новгородъ отъ власти Іоанновой, и, по увѣренію Лѣтописцевъ, выйти за-мужъ за какого-то Вельможу Литовскаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ господствовать, именемъ Казимировымъ, надъ своимъ отечествомъ. Князь Михаилъ Олельковичь, служивъ ей нѣсколько времени орудіемъ, утратилъ ея благосклонность и съ досадою уѣхалъ назадъ въ Кіевъ, ограбивъ Русу [39]. Сей случай доказывалъ, что Новгородъ не могъ ожидать ни усердія, ни вѣрности отъ Князей Литовскихъ; но Борецкая, открывъ домъ свой для шумныхъ сонмищъ, съ утра до вечера славила Казимира, убѣждая гражданъ въ необходимости искать его защиты противъ утѣсненій Іоанновыхъ. Въ числѣ ревностныхъ друзей Посадницы былъ Монахъ Пименъ, Архіепископскій Ключникъ: онъ надѣялся заступить мѣсто Іоны и сыпалъ въ народъ деньги изъ казны Святительской, имъ расхищенной. Правительство свѣдало о томъ, и заключивъ сего коварнаго Инока въ темницу, взыскало съ него 1000 рублей пени [40]. Волнуемый честолюбіемъ и злобою, Пименъ клеветалъ на избраннаго Владыку Ѳеофила, на Митрополита Филиппа; желалъ присоединенія Новогородской Епархіи къ Литвѣ, и лаская себя мыслію получить санъ Архіепископа отъ Григорія Кіевскаго, Исидорова ученика, помогалъ Марѳѣ совѣтомъ, кознями, деньгами.

Видя, что Посольство Боярина Никиты сдѣлало въ народѣ впечатлѣніе противное ея намѣренію и расположило многихъ гражданъ къ дружелюбному сближенію съ Государемъ Московскимъ, Мароа предпріяла дѣйствовать рѣшительно. Ея сыновья, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленнымъ сонмомъ людей подкупленныхъ, явились на Вѣчѣ и торжественно сказали, что настало время управиться съ Іоанномъ; что онъ не Государь, а злодѣй ихъ; что Великій Новгородъ есть самъ себѣ Властелинъ; что жители его суть вольные люди и не *отчина* Князей Московскихъ; что имъ нуженъ только покровитель; что симъ покровителемъ будетъ Казимиръ, и что не Московскій, а Кіевскій Митрополитъ долженъ дать Архіепископа Святой Софіи. Громогласное восклицаніе: «не хотимъ Іоанна! да здравствуетъ «Казимиръ!» служило заключеніемъ ихъ рѣчи. Народъ восколебался. Многіе взяли сторону Борецкихъ и кричали: «да исчезнетъ Москва!» Благоразумнѣйшіе сановники, старые Посадники, Тысячскіе, Житые люди хотѣли образумить легкомысленныхъ согражданъ и говорили: «Братья! что замышляете? измѣнить Руси и пра«вославію? поддаться Королю иноплеменному и «требовать Святителя отъ еретика Латинскаго? «Вспомните, что предки наши, Славяне, добро«вольно вызвали Рюрика изъ земли Варяжской; «что болѣе шести сотъ лѣтъ его потомки закон«но княжили на престолѣ Новогородскомъ; что

мы обязаны истинною Вѣрою Святому Владиміру, отъ коего происходитъ Великій Князь Іоаннъ, и что Латинство донынѣ было для насъ ненавистно.» Единомышленники Мареины не давали имъ говорить; а слуги и наемники ея бросали въ нихъ каменьями, звонили въ Вѣчевые колокола, бѣгали по улицамъ и кричали: «хотимъ за Короля!» Другіе: «хотимъ къ Москвѣ православной, къ Великому Князю Іоанну и къ отцу его, Митрополиту Филиппу!» Нѣсколько дней городъ представлялъ картину ужаснаго волненія. Нареченный Владыка Ѳеофилъ ревностно противоборствовалъ усиліямъ Мареиныхъ друзей и говорилъ имъ: «или не измѣняйте православію или не буду никогда Пастыремъ отступниковъ: иду назадъ въ смиренную келлію, откуда вы извлекли меня на позорище мятежа.» Но Борецкіе превозмогли, овладѣли правленіемъ и погубили отечество, какъ жертву ихъ страстей личныхъ ([41]). Совершилось, чего издавна желали завоеватели Литовскіе, и чѣмъ Новгородъ стращалъ иногда Государей Московскихъ: онъ поддался Казимиру добровольно и торжественно. Дѣйствіе беззаконное: хотя сія область имѣла особенные уставы и вольности, данныя ей, какъ извѣстно, Ярославомъ Великимъ; однакожь составляла всегда часть Россіи и не могла перейти къ иноплеменникамъ безъ измѣны или безъ нарушенія коренныхъ государственныхъ законовъ, основанныхъ на Естественномъ Правѣ. Многочисленное Посольство

отправилось въ Литву съ богатыми дарами и съ предложенiемъ, чтобы Казимиръ былъ Главою Новогородской Державы на основанiи древнихъ уставовъ ея гражданской свободы. Онъ принялъ всѣ условiя, и написали грамоту слѣдующаго содержанiя:

«*Честный* Король Польскiй и Князь Великiй «Литовскiй заключилъ дружественный союзъ съ «нареченнымъ Владыкою Ѳеофиломъ, съ Посад-«никами, Тысячскими Новогородскими, съ Боя-«рами, людьми Житьими, купцами и со всѣмъ «Великимъ Новымгородомъ; а для договора бы-«ли въ Литвѣ Посадникъ Аѳанасiй Евстафiе-«вичь, Посадникъ Димитрiй Исаковичь (Борец-«кiй) . . . отъ людей Житьихъ Панфилъ Сели-«фонтовичь, Кириллъ Ивановичь . . . Вѣдать «тебѣ, честному Королю, Великiй Новгородъ по «сей Честной грамотѣ и держать на Городищѣ «своего Намѣстника Греческой Вѣры, вмѣстѣ «съ Дворецкимъ и Тiуномъ, коимъ имѣть при «себѣ не болѣе пятидесяти человѣкъ. Намѣст-«нику судить съ Посадникомъ на дворѣ Архiе-«пископскомъ, какъ Бояръ, Житьихъ людей, «Младшихъ гражданъ, такъ и сельскихъ жите-«лей, согласно съ правдою, и не требовать ни-«чего, кромѣ судной законной пошлины; но въ «судъ Тысячскаго, Владыки и монастырей ему «не вступаться. Дворецкому жить на Городищѣ «во дворцѣ и собирать доходы твои вмѣстѣ съ «Посадникомъ; а Тiуну вершить дѣла съ нашими «*приставами*. Если Государь Московскiй пой-

«деть войною на Великій Новгородъ, то тебѣ «Господину, честному Королю, или въ твое от«сутствіе Радѣ Литовской дать намъ скорую по«мощь. — Ржева, Великія Луки и Холмовскій «погостъ остаются землями Новогородскими; но «платятъ дань тебѣ, честному Королю. — Ново«городецъ судится въ Литвѣ по вашимъ, Лит«винъ въ Новѣгородѣ по нашимъ законамъ безъ «всякаго притѣсненія . . . Въ Русѣ будешь имѣть «десять соляныхъ варницъ; а за судъ полу«чаешь тамъ и въ другихъ мѣстахъ, что издрев«ле установлено. Тебѣ, честному Королю, не «выводить отъ насъ людей, не купить ни селъ, «ни рабовъ, и не принимать ихъ въ даръ, ни «Королевѣ, ни Панамъ Литовскимъ; а намъ не «тaить законныхъ пошлинъ. Посламъ, Намѣст«никамъ и людямъ твоимъ не брать подводъ въ «землѣ Новогородской, и волости ея могутъ «быть управляемы только нашими собственными «чиновниками. — Въ Лукахъ будетъ твой и «нашъ Тіунъ: Торопецкому не судить въ Ново«городскихъ владѣніяхъ. Въ Торжкѣ и Волокѣ «имѣй Тіуна; съ нашей стороны будетъ тамъ «Посадникъ. — Купцы Литовскіе торгуютъ съ «Нѣмцами единственно чрезъ Новогородскихъ. «Дворъ Нѣмецкій тебѣ не подвластенъ: не мо«жешь затворить его. — Ты, честный Король, «не долженъ касаться нашей православной Вѣ«ры: гдѣ захотимъ, тамъ и посвятимъ нашего «Владыку (въ Москвѣ или въ Кіевѣ); а Рим«скихъ церквей не ставить нигдѣ въ землѣ Но-

«вогородской. — Если примиришь насъ съ Вели-
«кимъ Княземъ Московскимъ , то изъ благодар-
«ности уступимъ тебѣ всю народную дань, соби-
«раемую ежегодно въ Новогородскихъ обла-
«стяхъ ; но въ другіе годы не требуй оной. —
«Въ утвержденіе договора цѣлуй крестъ къ Ве-
«ликому Новугороду за все свое Княжество и за
«всю Раду Литовскую *въ правду*, *безъ извѣта*; а
«Послы наши цѣловали крестъ *Новогородскою ду-
«шею* къ честному Королю за Великій Новго-
«родъ» (42).

И такъ сей народъ легкомысленный еще же-
лалъ мира съ Москвою, думая, что Іоаннъ устра-
шится Литвы , не захочетъ кровопролитія и ма-
лодушно отступится отъ древнѣйшаго Княже-
ства Россійскаго. Хотя Намѣстники Московскіе,
бывъ свидѣтелями торжества Мароиныхъ по-
борниковъ , уже не имѣли никакого участія въ
тамошнемъ правленіи , однакожь спокойно жили
на Городищѣ, увѣдомляя Великаго Князя о
всѣхъ происшествіяхъ. Не смотря на свое явное
отступленіе отъ Россіи, Новогородцы хотѣли
казаться умѣренными и справедливыми ; твер-
дили, что отъ Іоанна зависитъ остаться другомъ
Святой Софіи ; изъявляли учтивость его Боя-
рамъ , но послали Суздальскаго Князя , Василья
Шуйскаго-Гребенку, начальствовать въ Двин-
ской землѣ, опасаясь, чтобы рать Московская не
овладѣла сею важною для нихъ страною.

Еще желая употребить послѣднее миролюби-
вое средство , Великій Князь отправилъ въ Нов-

благоразумнаго чиновника, Ивана Өедо-
Товаркова, съ такимъ увѣщаніемъ (43):
Новогородскіе! Рюрикъ, Св. Владиміръ
икій Всеволодъ Юрьевичь, мои предки,
ѣвали вами; я наслѣдовалъ сіе право:
вас, храню, но могу и казнить за дерз-
слушаніе. Когда вы бывали подданными
? Нынѣ же раболѣпствуете иновѣрнымъ,
пая священные обѣты. Я ничѣмъ не отя-
ь васъ, и требовалъ единственно древней
ой дани. Вы измѣнили мнѣ: казнь Божія
вами! Но еще медлю, не любя кровопро-
и готовъ миловать, если съ раскаяніемъ
атитесь подъ сѣнь отечества.» Въ то же
Митрополитъ Филиппъ писалъ къ нимъ:
у о мятежѣ и расколѣ вашемъ. Бѣд-
но и единому человѣку уклониться отъ
праваго: еще ужаснѣе цѣлому народу.
щите, да страшный серпъ Божій, видѣн-
Пророкомъ Захаріею, не снидетъ на главу
ъ ослушныхъ. Вспомните реченное въ
іи: *бѣги грѣха яко ратника; бѣги отъ
сти, яко отъ лица зміина.* Сія *прелесть*
Латинская: она уловляетъ васъ. Развѣ
ръ Константинополя не доказалъ ея ги-
аго дѣйствія? Греки царствовали, Греки
лись во благочестіи: соединились съ Ри-
, и служатъ нынѣ Туркамъ. Доселѣ вы
цѣлы подъ крѣпкою рукою Іоанна: не
яйтеся отъ *святой, великой старины*, и не
айте словъ Апостола: *Бога бойтеся, а*

«*Князя чтите.* — Смиритеся, и Богъ мира да «будетъ съ вами (44)!» — Сіи увѣщанія остались безполезны: Мароа съ друзьями своими дѣлала, что хотѣла въ Новѣгородѣ. Устрашаемые ихъ дерзостію, люди благоразумные тужили въ домахъ и безмолвствовали на Вѣчѣ, гдѣ клевреты или наемники Борецкихъ вопили: «Новгородъ «Государь намъ, а Король покровитель!» Однимъ словомъ, Лѣтописцы сравниваютъ тогдашнее состояніе сей народной Державы съ древнимъ Іерусалимомъ, когда Богъ готовился предать его въ руки Титовы. Страсти господствовали надъ умомъ, и Совѣтъ Правителей казался сонмомъ заговорщиковъ.

Посолъ Московскій возвратился къ Государю съ увѣреніемъ, что не слова и не письма, но одинъ мечь можетъ смирить Новогородцевъ. Великій Князь изъявилъ горесть: еще размышлялъ, совѣтовался съ матерью, съ Митрополитомъ, и призвалъ въ столицу братьевъ, всѣхъ Епископовъ, Князей, Бояръ и Воеводъ. Въ назначенный день и часъ они собралися во дворцѣ. Іоаннъ вышелъ къ нимъ съ лицемъ печальнымъ: открылъ Государственную Думу, и предложилъ ей на судъ измѣну Новогородцевъ. Не только Бояре и Воеводы, но и Святители отвѣтствовали единогласно: «Государь! возьми ору«жіе въ руки!» Тогда Іоаннъ произнесъ рѣшительное слово: «да будетъ война!» и еще хотѣлъ слышать мнѣніе Совѣта о времени благопріятнѣйшемъ для ея начала, сказавъ: «Весна уж

упила: Новгородъ окруженъ водою,
ми, озерами и болотами непроходи-
и. Великіе Князья, мои предки, стра-
ись ходить туда съ войскомъ въ лѣт-
время, и когда ходили, то теряли мно-
во людей.» Съ другой стороны по-
ность обѣщала выгоды: Новогородцы
готовились къ войнѣ, и Казиміръ не
скоро дать имъ помощи. Рѣшились
длить, въ надеждѣ на милость Божію,
істіе и мудрость Іоаннову. Уже сей
арь пользовался общею довѣренно-
Москвитяне гордились имъ, хвалили
равосудіе, твердость, прозорливость;
али любимцемъ Неба, Властителемъ
збраннымъ; и какое-то новое чувство
рственнаго величія вселилось въ ихъ
(45).

нъ послалъ *складную грамоту* къ
ородцамъ, объявляя имъ войну съ
леніемъ всѣхъ ихъ дерзостей, и въ Маія 23.
лько дней устроилъ ополченіе: убѣ-
Михаила Тверскаго дѣйствовать съ
за-одно, и велѣлъ Псковитянамъ итти
вугороду съ Московскимъ Воеводою,
мъ Ѳеодоромъ Юрьевичемъ Шуй-
; Устюжанамъ и Вятчанамъ въ Двин-
землю подъ начальствомъ двухъ Вое-
Василья Ѳедоровича Образца и Бо-
Слѣпаго Тютчева (46); Князю Даніилу Іюня 6.
кому съ Дѣтьми Боярскими изъ Мо-

сквы къ Русѣ, а Князю Василью Ивановичу Оболенскому-Стригѣ съ Татарскою конницею къ берегамъ Мсты.

Іюня 13.

Сіи отряды были только передовыми. Іоаннъ, слѣдуя обыкновенію, раздавалъ милостыню и молился надъ гробами Святыхъ Угодниковъ и предковъ своихъ; наконецъ, принявъ благословеніе отъ Митрополита и Епископовъ, сѣлъ на коня и повелъ главное войско изъ столицы. Съ нимъ находились всѣ Князья, Бояре, Дворяне Московскіе и Татарскій Царевичь Даніяръ, сынъ Касимовъ. Сынъ и братъ Великаго Князя, Андрей Меньшій, остались въ Москвѣ: другіе братья, Князья Юрій, Андрей, Борисъ Васильевичи, и Михаилъ Верейскій, предводительствуя своими дружинами, шли разными путями къ Новогородскимъ границамъ; а Воеводы Тверскіе, Князь Юрій Андреевичь Дорогобужскій и Иванъ Жито, соединились съ Іоанномъ въ Торжкѣ. Началося страшное опустошеніе. Съ одной стороны Воевода Холмскій и рать Великокняжеская, съ другой Псковитяне, вступивъ въ землю Новогородскую, истребляли все огнемъ и мечемъ [47]. Дымъ, пламя, кровавыя рѣки, стонъ и вопль отъ Востока и Запада неслися къ берегамъ Ильменя. Москвитяне изъявляли остервененіе неописанное: Новогородцы измѣнники казались имъ хуже Татаръ. Не было пощады ни

Іюня 20.

Іюня 29.

бѣднымъ земледѣльцамъ, ни женщинамъ. Лѣтописцы замѣчаютъ, что Небо, благопріятствуя Іоанну, изсушило тогда всѣ болота; что отъ Маія до Сентября мѣсяца ни одной капли дождя не упало на землю: зыби отвердѣли; войско съ обозами вездѣ имѣло путь свободный, и гнало скотъ по лѣсамъ, дотолѣ непроходимымъ.

Псковитяне взяли Вышегородъ. Холмскій обратилъ въ пепелъ Русу. Не ожидавъ войны лѣтомъ и нападенія столь дружнаго, сильнаго, Новогородцы послали сказать Великому Князю, что они желаютъ вступить съ нимъ въ переговоры и требуютъ отъ него *опасной грамоты* для своихъ чиновниковъ, которые готовы ѣхать къ нему въ станъ. Но въ то же время Мареа и единомышленники ея старались увѣрить согражданъ, что одна счастливая битва можетъ спасти ихъ свободу. Спѣшили вооружить всѣхъ людей, волею и неволею; ремесленниковъ, гончаровъ, плотниковъ одѣли въ доспѣхи и посадили на коней: другихъ на суда. Пѣхотѣ велѣли плыть озеромъ Ильменемъ къ Русѣ, а конницѣ, гораздо многочисленнѣйшей, итти туда берегомъ. Холмскій стоялъ между Ильменемъ и Русою, на Коростынѣ: пѣхота Новогородская приближилась тайно къ его стану, вышла изъ судовъ, и не дожидаясь коннаго войска, стремительно ударила на оплошныхъ Москвитянъ. Но Холмскій и товарищъ его, Бояринъ Өеодоръ Давидовичь, храбростію загладили свою неосторожность: положили на мѣстѣ 500 непріятелей, разсѣяли

остальныхъ , и съ жестокосердіемъ, с
ственнымъ тогдашнему вѣку, прика
отрѣзать плѣнникамъ носы, губы, пос
ихъ искаженныхъ въ Новгородъ ([48]).
сквитяне бросили въ воду всѣ латы, шл
щиты непріятельскіе, взятые въ доб
ими , говоря , что войско Великаго К
богато собственными доспѣхами и
имѣетъ нужды въ измѣнническихъ.

Новогородцы приписали сіе песч
тому, что конное ихъ войско не соед
лось съ пѣхотнымъ, и что особенный п
Архіепископскій отрекся отъ битвы,
завъ : «Владыка Ѳеофилъ запретилъ н
«поднимать руку на Великаго Князя, а
«лѣлъ сражаться только съ невѣрн
«Псковитянами ([49]).» Желая обмануть
анна, Новогородскіе чиновники отпра
къ нему втораго Посла, съ увѣрені
что они готовы на миръ, и что войско
еще не дѣйствовало противъ Москов
го ([50]). Но Великій Князь уже имѣлъ
вѣстіе о побѣдѣ Холмскаго , и став
Іюля 9. берегу озера Коломны , приказалъ
Воеводѣ итти за Шелонь на встрѣч
Псковитянамъ, и вмѣстѣ съ ними къ
вугороду: Михаилу же Верейскому оса
городокъ Демонъ. Въ самое то время,
гда Холмскій думалъ переправляться
другую сторону рѣки, онъ увидѣлъ неп
теля столь многочисленнаго, что Мос

тяне изумились. Ихъ было 5,000, а Новогородцевъ отъ 30,000 до 40,000: ибо друзья Борецкихъ еще успѣли набрать и выслать нѣсколько полковъ, чтобы усилить свою конную рать. Но Воеводы Іоанновы, сказавъ дружинѣ: «настало время «послужить Государю; не убоимся ни трехъ «сотъ тысячь мятежниковъ; за насъ прав«да и Господь Вседержитель,» бросились на коняхъ въ Шелонь, съ крутаго берега, и въ глубокомъ мѣстѣ; однакожь никто изъ Москвитянъ не усомнился слѣдовать ихъ примѣру; никто не утонулъ; и всѣ, благополучно переѣхавъ на другую сторону, устремились въ бой съ восклицаніемъ: *Москва* ([51])! Новогородскій Лѣтописецъ говоритъ, что соотечественники его бились мужественно и принудили Москвитянъ отступить, но что конница Татарская, бывъ въ засадѣ, нечаяннымъ нападеніемъ разстроила первыхъ и рѣшила дѣло ([52]). Но по другимъ извѣстіямъ Новогородцы не стояли ни часу: лошади ихъ, язвимыя стрѣлами, начали сбивать съ себя всадниковъ; ужасъ объялъ Воеводъ малодушныхъ и войско неопытное; обратили тылъ; скакали безъ памяти и топтали другъ друга, гонимые, истребляемые побѣдителемъ; утомивъ коней, бросались въ воду, въ тину болотную; не находили пути въ лѣсахъ своихъ, тонули или умирали отъ ранъ;

Іюля 14.

никовъ, а въ томъ числѣ двухъ знат
Посадниковъ, Василія–Казимера съ Ди
Исаковымъ Борецкимъ [54]; наконецъ
ные возвратились на мѣсто битвы. Х
Бояринъ Θеодоръ Давидовичь, трубн
комъ возвѣстивъ побѣду, сошли съ ко
ложились къ образамъ подъ знаменам
славили милость Неба. Боярскій сынъ
Замятня, спѣшилъ извѣстить Государя,
тогда въ Яжелбицахъ, что одинъ п
отрядъ его войска рѣшилъ судьбу Но
что непріятель истребленъ, а рать М
цѣла. Сей вѣстникъ вручилъ Іоанну до
грамоту Новогородцевъ съ Казимиро
денную въ ихъ обозѣ между другими б
и даже представилъ ему человѣка, кот
салъ оную [55]. Съ какою радостію Вели
слушалъ вѣсть о побѣдѣ [56], съ такимъ
ваніемъ читалъ сію законопреступную

родцамъ съ Бояриномъ ихъ, Лукою, ашаясь вступить съ ними въ договоры; ылъ въ Русу и явилъ примѣръ стро- и: велѣлъ отрубить головы знатнѣй- ъ плѣнникамъ, Боярамъ Дмитрію Иса- , Мареину сыну, Василью Селезеневу , Кипріяну Арбузееву и Іеремію Сухо- , Архіепископскому Чашнику, рев- ньымъ благопріятелямъ Литвы; Васи- Казимера, Матвѣя Селезенева и дру- послалъ въ Коломну, окованныхъ ими; нѣкоторыхъ въ темницы Москов- а прочихъ безъ всякаго наказанія стилъ въ Новгородъ (58), соединяя ми- рдіе съ грозою мести, отличая глав- ь, дѣятельныхъ враговъ Москвы отъ й слабыхъ, которые служили имъ ко орудіемъ. Рѣшивъ такимъ образомъ ть плѣнниковъ, онъ расположился ста- ь на устьѣ Шелони.

Іюля 24.

Іюля 27

ь сей самый день новая побѣда увѣн- оружіе Великокняжеское въ отдален- ь предѣлахъ Заволочья. Московскіе оды, Образецъ и Борисъ Слѣпый, водительствуя Устюжанами и Вятчана- на берегахъ Двины сразились съ Кня- Василіемъ Шуйскимъ, вѣрнымъ слу- Новогородской свободы. Рать его со- ла изъ двѣнадцати тысячь Двинскихъ ечерскихъ жителей: Іоаннова только четырехъ. Битва продолжалась цѣлый

день съ великимъ остервененіемъ. Убивъ трехъ Двинскихъ знаменоносцевъ, Москвитяне взяли хоругвь Новогородскую, и къ вечеру одолѣли врага. Князь Шуйскій раненный едва могъ спастися въ лодкѣ, бѣжалъ въ Колмогоры, оттуда въ Новгородъ; а Воеводы Іоанновы, овладѣвъ всею Двинскою землею, привели жителей въ подданство Москвы (59).

Миновало около двухъ недѣль послѣ Шелонской битвы, которая произвела въ Новогородцахъ неописанный ужасъ. Они надѣялись на Казимира, и съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей отъ своего Посла, отправленнаго къ нему черезъ Ливонію, съ усильнымъ требованіемъ, чтобы Король спѣшилъ защитить ихъ; но сей Посолъ возвратился, и съ горестію объявилъ, что Магистръ Ордена не пустилъ его въ Литву (60). Уже не было времени имѣть помощи, ни силъ противиться Іоанну. Открылась еще внутренняя измѣна. Нѣкто, именемъ Упадышь, тайно доброхотствуя Великому Князю, съ единомышленниками своими въ одну ночь заколотилъ желѣзомъ 55 пушекъ въ Новѣгородѣ: Правители казнили сего человѣка (61); не смотря на всѣ несчастія, хотѣли обороняться: выжгли посады, не жалѣя ни церквей, ни монастырей; учредили безсмѣнную стражу: день и ночь вооруженные люди ходили по городу, чтобы обуздывать народъ; другіе стояли на стѣнахъ и башняхъ, готовые къ бою съ Москвитянами. Однакожь миролюбивые начали изъявлять болѣе смѣлости,

ывая, что упорство безполезно; явно обви-
друзей Мареы въ приверженности къ Лит-
говорили: «Іоаннъ передъ нами; а гдѣ
ь Казимиръ?» Городъ, стѣсненный Велико-
ескими отрядами и наполненный множе-
ъ пришельцевъ, которые искали тамъ убѣ-
отъ Москвитянъ, терпѣлъ недостатокъ въ
ныхъ припасахъ; дороговизна возрастала;
совсѣмъ не было на торгу: богатые пита-
пшеницею; а бѣдные вопили, что Прави-
ихъ безумно раздражили Іоанна и начали
, не подумавъ о слѣдствіяхъ (62). Вѣсть о
Димитрія Борецкаго и товарищей его сдѣ-
глубокое впечатлѣніе какъ въ народѣ, такъ
чиновникахъ: доселѣ никто изъ Великихъ
й не дерзалъ торжественно казнить перво-
нныхъ гордыхъ Бояръ Новогородскихъ.
ъ разсуждалъ, что времена перемѣнились;
Небо покровительствуетъ Іоанна и даетъ
мѣлость вмѣстѣ съ счастіемъ; что сей Го-
ь правосуденъ: караетъ и милуетъ; что
спастися смиреніемъ, нежели погибнуть
прямства. Знатные сановники видѣли мечь
своею головою: въ такомъ случаѣ рѣдкіе
уютъ личною безопасностію правилу или
мыслей. Самые усердные изъ друзей Мар-
съ, тѣ, которые ненавидѣли Москву по
стной любви къ вольности отечества, мол-
мъ или языкомъ умѣренности хотѣли за-
ть прощеніе Іоанново. Еще Мареа сили-
дѣйствовать на умы и сердца, возбуждая

много времени оставалось для размышлен
новники, граждане единодушно предложил
реченному Архіепископу Θеофилу быть
таемъ мира. Сей разумный Инокъ со мн
Посадниками, Тысячскими и людьми Жи
всѣхъ пяти Концевъ отправился на судах
ромъ Ильменемъ къ устью Шелони, въ
Московскій. Не смѣя вдругъ явиться Госу
они пошли къ его Вельможамъ и просил
заступленія: Вельможи просили Іоанн
братьевъ, а братья самого Іоанна. Чрез
сколько дней онъ дозволилъ Посламъ
предъ лицемъ своимъ. Θеофилъ вмѣстѣ с
гими духовными особами и знатнѣйшіе
ники Новогородскіе, вступивъ въ шатеръ
кокняжескій, пали ницъ, безмолвствовали
ливали слезы. Іоаннъ, окруженный со
Бояръ, имѣлъ видъ грозный и суровый. «
«динъ, Князь Великій!» сказалъ Θеофилъ:

немъ Стефана Бородатаго, коему надлежало исчислить передъ Новогородскими Послами всѣ древнія ихъ измѣны (64); но Послы не хотѣли оправдываться, и требовали единственно милосердія. Тутъ братья и Воеводы Іоанновы ударили челомъ за народъ виновный; молили долго, неотступно. Наконецъ Государь изрекъ слово великодушнаго прощенія, слѣдуя, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, внушеніямъ Христіанскаго человѣколюбія и совѣту Митрополита Филиппа помиловать Новогородцевъ, если они раскаются (65); но мы видимъ здѣсь дѣйствіе личнаго характера, осторожной Политики, умѣренности сего Властителя, коего правиломъ было: *не отвергать хорошаго для лучшаго*, не со всѣмъ вѣрнаго. Авг. 11.

Новогородцы за вину свою обѣщали внести въ казну Великокняжескую 15,500 рублей или около осьмидесяти пудъ серебра, въ разные сроки, отъ 8 Сентября до Пасхи; возвратили Іоанну прилежащія къ Вологдѣ земли, берега Пинеги, Мезены, Немьюги, Выи, Поганой Суры, Пилья горы, мѣста уступленныя Василію Темному, но послѣ отнятыя ими; обязались въ назначенныя времена платить Государямъ Московскимъ *черную* или народную дань, также и Митрополиту судную пошлину; клялися ставить своихъ Архіепископовъ

только въ Москвѣ, у гроба Св. Петра Чудотворца, въ Дому Богоматери; не имѣть никакого сношенія съ Королемъ Польскимъ, ни съ Литвою; не принимать къ себѣ тамошнихъ Князей и враговъ Іоанновыхъ: Князя Можайскаго, сыновей Шемяки и Василія Ярославича Боровскаго; отмѣнили такъ называемыя Вѣчевыя грамоты; признали верховную судебную власть Государя Московскаго, въ случаѣ несогласія его Намѣстниковъ съ Новогородскими сановниками; обѣщались не издавать впредь судныхъ грамотъ безъ утвержденія и печати Великаго Князя, и проч. Возвращая имъ Торжекъ и новыя свои завоеванія въ Двинской землѣ, Іоаннъ по обычаю цѣловалъ крестъ, въ увѣреніе, что будетъ править Новымгородомъ согласно съ древними уставами онаго, безъ всякаго насилія. Сіи взаимныя условія или обязательства изображены въ шести, тогда написанныхъ грамотахъ, отъ 9 и 11 Августа, въ коихъ юный сынъ Іоанновъ именуется также, подобно отцу, Великимъ Княземъ всей Россіи ([66]). Помиривъ еще Новгородъ съ Псковитянами, Іоаннъ увѣдомилъ своихъ Полководцевъ, что война прекратилась; ласково угостилъ Ѳеофила и всѣхъ Пословъ; отпустилъ ихъ съ милостію, и въ слѣдъ за ними велѣлъ ѣхать Боярину Ѳеодору Давидовичу, взять присягу съ Новогородцевъ на Вѣчѣ. Давъ слово забыть прошедшее, Великій Князь оставилъ въ покоѣ и самую Марѳу Борецкую, и не хотѣлъ *упомянуть* объ ней въ договорѣ, какъ бы изъ

презрѣнія къ слабой женѣ. Исполнивъ свое намѣреніе, наказавъ мятежниковъ, свергнувъ тѣнь Казимирову съ древняго престола Рюрикова, онъ съ честію, славою и богатою добычею возвратился въ Москву. Сынъ, братъ, Вельможи, воины и купцы встрѣтили его за 20 верстъ отъ столицы, народъ за семь, Митрополитъ съ Духовенствомъ передъ Кремлемъ на площади. Всѣ привѣтствовали Государя какъ побѣдителя, изъявляя радость (67).

Сент. 1.

Еще Новгородъ остался Державою наружною; но свобода его была уже единственно милостію Іоанна и долженствовала исчезнуть по мановенію Самодержца. Нѣтъ свободы, когда нѣтъ силы защитить ее. Всѣ области Новогородскія, кромѣ столицы, являли отъ предѣловъ восточныхъ до моря зрѣлище опустошенія, произведенного не только ратію Великокняжескою, но и шайками вольницы: граждане и жители сельскіе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ходили за вооруженными толпами изъ Московскихъ владѣній грабить и наживаться. Погибло множество людей. Къ довершенію бѣдствія, 9,000 человѣкъ, призванныхъ въ Новгородъ изъ Уѣздовъ для защиты его, возвращаясь осенью въ свои домы на 180 судахъ, утонули въ бурномъ Ильменѣ (68). Зимою Священноинокъ Ѳеофилъ съ духовными и мірскими сановниками

пріѣхалъ въ Москву и былъ поста
въ Архіепископы (69). Когда сей тор
венный обрядъ совершился, Ѳеофи
амвонѣ смиренно преклонилъ выю
Іоанномъ и молилъ его умилосерд
надъ знатными Новогородскими пл
ками, Василіемъ-Казимеромъ и дру
которые еще сидѣли въ Московскихъ
ницахъ: Великій Князь даровалъ имъ
боду, и Новгородъ принялъ ихъ съ д
любіемъ, а Владыку своего съ благод
стію, легкомысленно надѣясь, что в
торговля, мудрость Вѣча и правила б
разумнѣйшей Политики изцѣлятъ глу
язвы отечества.

Г. 1472. Явленіе Кометъ.

Въ исходѣ сего года явилась Комет
началѣ слѣдующаго другая (70); н
трепеталъ, ожидая чего нибудь ужас
Іоаннъ же, не участвуя въ страхѣ су
ныхъ, спокойно мыслилъ о важном
воеваніи. Древняя славная Біармія
Пермь уже въ XI вѣкѣ платила дан

Завоеваніе Перми.

сіянамъ, въ гражданскихъ отноше
зависѣла отъ Новагорода, въ церков
отъ нашего Митрополита, но всегда
собственныхъ Властителей, и торгова
Москвитянами какъ Держава свобо
Присвоивъ себѣ Вологду, Великіе К
желали овладѣть и Пермію, однако
толѣ не могли: ибо Новогородцы кр
стояли за оную, обогащаясь тамъ м

Нѣмецкихъ суконъ на мѣха драгоцѣнные на серебро, которое именовалось *Закамскимъ* и столь прельщало хитраго Іоанна Калиту [71]. Въ самомъ Шелонскомъ договорѣ Новогородцы включили Пермь въ число ихъ законныхъ владѣній [72]; но Іоаннъ III, подобно Калитѣ дальновидный и гораздо его сильнѣйшій, воспользовался первымъ случаемъ исполнить намѣреніе своего пращура безъ явной несправедливости. Въ Перми обидѣли нѣкоторыхъ Москвитянъ: сего было довольно для Іоанна: онъ послалъ туда Князя Ѳеодора Пестраго съ войскомъ, чтобы доставить имъ законную управу.

Полки выступили изъ Москвы зимою, въ Ѳоминой недѣлѣ пришли къ рѣкѣ Черной, спустились на плотахъ до мѣстечка Анфаловскаго, сѣли на коней и близъ городка Искора встрѣтились съ Пермскою ратію. Побѣда не могла быть сомнительною: Князь Ѳеодоръ разсѣялъ непріятелей; плѣнилъ ихъ Воеводъ, Кача, Бурмата, Мичкина, Зырана; взялъ Искоръ съ иными городками, сжегъ ихъ, и на устьѣ Почки, впадающей въ Колву, заложилъ крѣпость: а другой Воевода, Гаврило Нелидовъ, имъ отряженный, овладѣлъ Урошомъ и Чердынью, схвативъ тамошняго Князя Христіанской Вѣры, именемъ Михаила. Вся земля Пермская покорилась

Іюня 26.

Іоанну, и Князь Ѳеодоръ прислалъ къ нему, вмѣстѣ съ плѣнными, 16 сороковъ черныхъ соболей, драгоцѣнную шубу соболью, 29 *поставовъ* Нѣмецкаго сукна, 3 панцыря, шлемъ и двѣ сабли булатныя. Сіе завоеваніе, коимъ владѣнія Московскія прислонились къ хребту горъ Уральскихъ, обрадовало Государя и народъ, обѣщая важныя торговыя выгоды, и напомнивъ Россіи счастливую старину, когда Олегъ, Святославъ, Владиміръ, брали мечемъ чуждыя земли, не теряя собственныхъ. — Вѣроятно, что Пермскій Князь Михаилъ возвратился въ свое отечество, гдѣ послѣ господствовалъ и сынъ его, Матѳей, какъ присяжникъ Іоанновъ. Первымъ *Россійскимъ* Намѣстникомъ Великой Перми былъ въ 1505 году Князь Василій Андреевичъ Коверъ (73).

Нашествіе Ахмата. Доселѣ Великій Князь еще не имѣлъ дѣла съ главнымъ врагомъ нашей независимости, съ Царемъ Большой или Золотой Орды, Ахматомъ, коего толпы въ 1468 году нападали единственно на Рязанскую землю, не дерзнувъ итти далѣе: ибо въ упорной битвѣ съ тамошними Воеводами потеряли много людей (74). Благоразумный Іоаннъ, готовый къ войнѣ, хотѣлъ удалить ее: время усиливало Россію, ослабляя могущество Хановъ. Но другой естественный врагъ Москвы, Казимиръ Литовскій, упо

треблялъ всѣ способы подвигнуть Ахмата на Великаго Князя. Дѣдъ Іоанновъ, Василій Димитріевичь, купилъ въ Литвѣ одного Татарина, именемъ Мисюря, Витовтова плѣнника, котораго внукъ, Кирей, рожденный въ холопствѣ, бѣжалъ отъ Іоанна въ Польшу, и снискалъ особенную милость Казимирову (76). Сей Государь хотѣлъ употребить его въ орудіе своей ненависти къ Россіи, послалъ въ Золотую Орду съ ласковыми грамотами, съ богатыми дарами, и предлагалъ Ахмату тѣсный союзъ, чтобы вмѣстѣ воевать наше отечество. Кирей имѣлъ умъ хитрый, зналъ хорошо и Татаръ и Москву: доказывалъ Хану необходимость предупредить Іоанна, замышляющаго быть Самовластителемъ независимымъ; подкупалъ Вельможъ Ординскихъ, и легко склонилъ ихъ на свою сторону: ибо они недоброжелательствовали Великому Князю за его къ нимъ презрѣніе или скупость. Уже Москва не удовлетворяла ихъ алчному корыстолюбію; уже Послы наши не пресмыкались въ Улусахъ съ мѣшками серебра и золота. Главный изъ Вельможъ Ханскихъ, именемъ Темиръ, всѣхъ ревностнѣе помогалъ Кирею; но цѣлый годъ миновалъ въ одnихъ переговорахъ. Междоусобія Татаръ не дозволяли Ахмату удалиться отъ береговъ Волги, и въ то время, когда Посолъ Литовскій твердилъ ему о древнемъ величіи Хановъ, знаменитая ихъ столица, городъ Сарай, основанный Батыемъ, не могъ защитить себя отъ набѣга смѣлыхъ Вятчанъ: приплывъ

Волгою и слыша, что Ханъ кочуетъ верстахъ въ пятидесяти оттуда, они въ расплохъ взяли сей городъ, захватили всѣ товары, нѣсколько плѣнниковъ, и съ добычею ушли назадъ, сквозь множество Татарскихъ судовъ, которыя хотѣли преградить имъ путь ([76]). Наконецъ Ахматъ, взявъ мѣры для безопасности Улусовъ, отправилъ съ Киреемъ собственнаго Посла къ Казимиру, обѣщалъ немедленно начать войну, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣйствительно вступилъ въ Россію съ знатными силами, удержавъ при себѣ Московскаго чиновника, который былъ посланъ къ нему отъ Государя съ мирными предложеніями ([77]).

Великій Князь, узнавъ о томъ, отрядилъ Боярина Θеодора Давидовича съ Коломенскою дружиною къ берегамъ Оки; за нимъ Диніила Холмскаго, Князя Оболенскаго-Стригу и братьевъ своихъ съ иными полками; услышалъ о приближеніи Хана къ Алексину, и самъ немедленно выѣхалъ изъ столицы въ Коломну, чтобы оттуда управлять движеніями войска. При немъ находился и сынъ Касимовъ, Царевичь Даніяръ, съ своею дружиною: такимъ образомъ Политика Великихъ Князей вооружала Моголовъ противъ Моголовъ. Но еще сильно дѣйствовалъ ужасъ Ханскаго имени: не смотря на 180,000 воиновъ которые стали между непріятелемъ и Москвою заняв пространство ста-пятидесяти верстъ ([78]) не смотря на общую довѣренность къ мудрости и счастію Государя, Москва страшилась, и маг-

каго Князя съ его сыномъ для безопасности
ла въ Ростовъ ([79]).

матъ приступилъ къ Алексину, гдѣ не было
ушекъ, ни пищалей, ни самострѣловъ ([80]);
ожь граждане побили множество непріяте-
На другой день Татары сожгли городъ вмѣ-
ъ жителями; бѣгущихъ взяли въ плѣнъ, и
лись цѣлыми полками въ Оку, чтобы уда-
на малочисленный отрядъ Москвитянъ, ко-
стояли на другомъ берегу рѣки. Началь-
сего отряда, Петръ Ѳедоровичь и Семенъ
мпшевъ, долго имѣвъ перестрѣлку, хотѣли
тступить, когда сынъ Михаила Верейскаго,
Василій, прозваніемъ Удалый, подоспѣлъ
мъ съ своею дружиною, а скоро и братъ
овъ, Юрій. Москвитяне прогнали Татаръ
у и стали рядами на лѣвой сторонѣ ея, го-
къ битвѣ рѣшительной: новые полки не-
анно къ нимъ подходили съ трубнымъ зву-
съ распущенными знаменами. Ханъ Ах-
внимательно смотрѣлъ на нихъ съ другаго
, удивляясь многочисленности, стройности
ь, блеску оружія и доспѣховъ. «Ополченіе
(говорятъ Лѣтописцы) колебалось подоб-
еличественному морю, ярко освѣщенному
цемъ.» Татары начали отступать, сперва
медленно; а ночью побѣжали, гонимые
ъ страхомъ: ибо никого изъ Москвитянъ
ло за Окою. Сіе нечаянное бѣгство прои-
, какъ сказывали, отъ жестокой зарази-
ой болѣзни, которая открылась тогда въ

Ахматовомъ войскѣ (81). — Великій Князь послалъ Воеводъ своихъ въ слѣдъ за непріятелемъ; но Татары въ шесть дней достигли до своихъ *Катуновъ* или Улусовъ, откуда прежде шли къ Алексину шесть недѣль: Россіяне не могли или не хотѣли нагнать ихъ, взявъ нѣсколько плѣнниковъ и часть обоза непріятельскаго; а Великій Князь распустилъ войско, удостовѣренный, что Ханъ не скоро осмѣлится предпріять новое впаденіе въ Россію. Между тѣмъ Казиміръ, союзникъ Моголовъ, не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія въ ихъ пользу, имѣя важную распрю съ Государемъ Венгерскимъ и занятый дѣлами Богеміи, сей слабодушный Король предалъ Ахмата такъ же, какъ и Новогородцевъ. Авг. 23. Іоаннъ возвратился въ Москву съ торжествомъ побѣдителя.

Смерть Юрія, Іоаннова брата.

Скоро послѣ того онъ и всѣ Москвитяне были огорчены преждевременною кончиною Князя Юрія Васильевича. Меньшіе братья его и самъ Великій Князь находились въ Ростовѣ, у матери, тогда нездоровой. Митрополитъ Филиппъ не смѣлъ безъ повелѣнія Іоаннова хоронить тѣла Юріева, которое, въ противность обыкновенію, четыре дни стояло въ Церкви Архангела Михаила. Великій Князь пріѣхалъ оросить слезами гробъ достойнаго брата, не только имъ, но и всѣми искренно любимаго з

брыя свойства и за ратное мужество, онъ славился. — Юрій скончался холо- на тридцать-второмъ году жизни, и въ омъ завѣщаніи отказалъ свое имѣніе ма- братьямъ, сестрѣ, Княгинѣ Рязанской, въ имъ выкупить разныя, заложенныя щи, серебряныя, золотыя, и даже сукна кія: ибо на немъ осталось болѣе семи- рублей долгу ([82]). О городахъ своихъ — ѣ, Можайскѣ, Серпуховѣ — онъ не упо- въ духовной. Іоаннъ, присоединивъ Великому Княженію, досадилъ завистли- братьямъ; но мать благоразумными увѣ- ми прекратила ссору, отдавъ Андрею Ва- чу мѣстечко Романовъ: Великій Князь ъ Борису Вышегородъ, а меньшему Ан- Горусу, утвердивъ грамотами наслѣдствен- ѣлы за ними и за дѣтьми ихъ ([83]).

ГЛАВА II.

Продолжение государствованія Іоан-нова.

Г. 1472—1477.

Бракъ Іоанновъ съ Греческою Царевно[й] ства изъ Рима и въ Римъ. Заключе Фрязина и Тревизана. Посла Вене[ц] Пренiе Легата Папскаго о Вѣрѣ. Слѣдс нова брака для Россіи. Выѣзжіе Грец Софіины. Посольства въ Венецію. Зо стотель строитъ въ Москвѣ храмъ Успе ніе другихъ церквей, палатъ и стѣнъ скихъ. Льютъ пушки, чеканятъ монету Ливоніею, съ Литвою, съ Крымомъ, шою Ордою, съ Персіею. Посолъ Ве Контарини въ Москвѣ.

Бракъ Іоанновъ съ Греческою Царевною. Посольства изъ Рима и въ Римъ.

Въ сіе время судьба Іоаннова оз валась новымъ величіемъ посре брака, важнаго и счастливаго для ибо слѣдствіемъ онаго было то, чт па съ любопытствомъ и съ поч обратила взоръ на Москву, дотолѣ вѣстную; что Государи и народы щеннѣйшіе захотѣли нашего дру что мы, вступивъ въ непосредс сношенія съ ними, узнали много

полезнаго какъ для внѣшней силы государственной, такъ и для внутренняго гражданскаго благоденствія.

Послѣдній Императоръ Греческій, Константинъ Палеологъ, имѣлъ двухъ братьевъ, Димитрія и Ѳому, которые, подъ именемъ Деспотовъ господствуя въ Пелопоннесѣ или въ Мореѣ, ненавидѣли другъ друга, воевали между собою и тѣмъ довершили торжество Магомета II: Турки овладѣли Пелопоннесомъ. Димитрій искалъ милости въ Султанѣ, отдалъ ему дочь свою въ сераль и получилъ отъ него въ удѣлъ городъ въ во Ѳракіи; но Ѳома, гнушаясь невѣрными, съ женою, съ дѣтьми, съ знатнѣйшими Греками ушелъ изъ Корфу въ Римъ, гдѣ Папа, Пій II, и Кардиналы, уважая въ немъ остатокъ древнѣйшихъ Государей Христіанскихъ, и въ благодарность за сокровище, имъ привезенное: за главу Апостола Андрея (съ того времени хранимую въ церкви Св. Петра) назначили сему знаменитому изгнаннику 300 золотыхъ ефимковъ ежемѣсячнаго жалованья (84). Ѳома умеръ въ Римѣ. Сыновья его, Андрей и Мануилъ, жили благодѣяніями новаго Папы, Павла II, не заслуживая ихъ своимъ поведеніемъ, весьма легкомысленнымъ и соблазнительнымъ; но юная сестра ихъ, дѣвица, именемъ Софія, одаренная красотою и разумомъ, была предметомъ общаго доброжелательства. Папа искалъ ей достойнаго жениха, и замышляя тогда воздвигнуть всѣхъ Государей Европейскихъ на опаснаго для самой

издавна зналъ единовѣрную Москву и в
щую силу ея Государей, извѣстныхъ
дѣламъ ихъ съ Литвою, съ Нѣмецк
номъ, и въ особенности по Флорентій
бору, гдѣ Митрополитъ нашъ, Исидо
ставлялъ столь важное лице въ церков
ніяхъ. Отдаленность, благопріятствуя
вію, раждала слухи о несмѣтномъ бо
многочисленности Россіянъ. Папа над
первыхъ чрезъ Царевну Софію, воспит
правилахъ Флорентійскаго Соединенія
Іоанна къ принятію оныхъ и тѣмъ под
бѣ нашу Церковь; во вторыхъ, лестны
честолюбія свойствомъ съ Палеолога
дить въ немъ ревность къ освобожден
отъ ига Магометова. Въ слѣдствіе сег
нія Кардиналъ Виссаріонъ, въ качеств
единовѣрца, отправилъ Грека, имене
съ письмомъ къ Великому Князю (въ 1
предлагая ему руку Софіи, знамениті

пежника или монетчика, который уже давно находился въ службѣ Великаго Князя, переселясь къ намъ, какъ вѣроятно, изъ Тавриды, и принявъ Вѣру Греческую.

Сіе важное Посольство весьма обрадовало Іоанна; но, слѣдуя правиламъ своего обыкновеннаго, хладнокровнаго благоразумія, онъ требовалъ совѣта отъ матери, Митрополита Филиппа, знатнѣйшихъ Бояръ: всѣ думали согласно съ нимъ, что самъ Богъ посылаетъ ему столь знаменитую невѣсту, *отрасль царственнаго древа, коего сѣнь покоила* нѣкогда *все Христіанство* православное, нераздѣленное; что сей благословенный союзъ, напоминая Владиміровъ, сдѣлаетъ Москву какъ бы новою Византіею, и дастъ Монархамъ нашимъ права Императоровъ Греческихъ. — Великій Князь желалъ чрезъ собственнаго Посла удостовѣриться въ личныхъ достоинствахъ Софіи, и велѣлъ для того Ивану Фрязину ѣхать въ Римъ, имѣя довѣренность къ сему Венеціянскому уроженцу, знакомому съ обычаями Италіи. Посолъ возвратился благополучно, осыпанный ласками Павла II и Виссаріона; увѣрилъ Іоанна въ красотѣ Софіи, и вручилъ ему живописный образъ ея (86), вмѣстѣ съ листами отъ Папы для свободнаго проѣзда нашихъ Пословъ въ Италію за невѣстою: о чемъ Павелъ особенно писалъ къ Королю Польскому, именуя Іоанна любезнѣйшимъ сыномъ, Государемъ *Московіи*, Новагорода, Пскова и другихъ земель (87). — Между тѣмъ сей Папа умеръ, и слухъ пришелъ въ Москву,

Послы, что преемникъ Павловъ называет
томъ: они не хотѣли возвратиться для
санія грамоты; вычистивъ въ ней имя
написали Сикстово, и въ Маѣ прибыли в

Папа, Виссаріонъ и братья Софіины
ли ихъ съ отмѣнными почестями. 22
торжественномъ собраніи Кардиналовъ,
IV объявилъ имъ о Посольствѣ и сва
Іоанна, Великаго Князя *Бѣлой Россіи* ([38])
торые изъ нихъ сомнѣвались въ правосл
го Монарха и народа его; но Папа отв
валъ, что Россіяне участвовали въ Фл
скомъ Соборѣ и приняли Архіепископа
трополита отъ Латинской Церкви; что
лаютъ нынѣ имѣть у себя Легата Римск
торый могъ бы изслѣдовать на мѣстѣ обр
ры ихъ и заблуждающимся указать пути
ный; что ласкою, кротостію, снисхожден
добно обращать сыновъ ослѣпленныхъ

десять соболей. Въ грамотѣ сказано было единственно такъ: «Сиксту, Первосвятителю Римскому, Іоаннъ, Великій Князь Бѣлой Руси, кланяется и проситъ вѣрить его Посламъ.» Именемъ Государя они привѣтствовали Папу, который въ отвѣтѣ своемъ хвалилъ Іоанна за то, что онъ, какъ добрый Христіанинъ, *не отвергаетъ Собора Флорентійскаго*, и не принимаетъ Митрополитовъ отъ Патріарховъ Константинопольскихъ, избираемыхъ Турками; что хочетъ совокупиться бракомъ съ Христіанкою, воспитанною въ столицѣ Апостольской, и что *изъявляетъ приверженность къ Главѣ Церкви*. Въ заключеніе Святый Отецъ благодарилъ Великаго Князя за дары.—Тутъ находились Послы Неаполитанскіе, Венеціянскіе, Медіоланскіе, Флорентійскіе и Феррарскіе. Іюня 1 Софія въ церкви Св. Петра была обручена Государю Московскому, коего лице представлялъ главный изъ его повѣренныхъ, Иванъ Фрязинъ.

Іюня 12 собралися Кардиналы для дальнѣйшихъ переговоровъ съ Россійскими Послами, *которые увѣряли Папу о ревности ихъ Монарха къ благословенному соединенію Церквей*. Сикстъ IV, такъ же какъ и Павелъ II, имѣя надежду изгнать Магомета изъ Царяграда, хотѣлъ, чтобы Государь Московскій склонилъ Хана Золотой Орды воевать Турцію. Послы Іоанновы отвѣтствовали, что Россіи легко воздвигнуть Татаръ на Султана; что они своимъ несмѣтнымъ числомъ могутъ еще подавить Европу и Азію; что *для*

сего нужно только послать въ Орду тысячь десять золотыхъ ефимковъ и богатые, особенные дары Хану, коему удобно сдѣлать впаденіе въ Султанскія области чрезъ Паннонію; но что Король Венгерскій едва ли согласится пропустить столь многочисленное войско чрезъ свою Державу; что сіи вѣроломные наемники, въ случаѣ неисправнаго платежа, бываютъ злѣйшими врагами того, кто ихъ нанялъ; что побѣда Татаръ оказалась бы равно бѣдственною и для Турковъ и для Христіанъ. Однимъ словомъ, Послы Московскіе старались доказать, что неблагоразумно искать помощи въ Ордѣ, и Папа удовольствовался надеждою на собственныя силы Іоанна, единовѣрца Грековъ и естественнаго непріятеля ихъ утѣснителей (89).

Такъ говорятъ церковныя лѣтописи Римскія о Посольствѣ Московскомъ. Дѣйствительно ли Великій Князь манилъ Папу обѣщаніями принять уставъ Флорентійскаго Собора, или Иванъ Фрязинъ клеветалъ на Государя, употребляя во зло его довѣренность? или Католики, обманывая самихъ себя, не то слышали и писали, что говорилъ Посолъ нашъ? сіе остается неяснымъ. — Папа далъ Софіи богатое вѣно и послалъ съ нею въ Россію Легата, именемъ Антонія, провождаемаго многими Римлянами; а Царевичи Андрей и Мануилъ отправили Посломъ къ Іоанну Грека Димитрія. Невѣста имѣла свой особенный Дворъ, чиновниковъ и служителей: къ нимъ присоединились и другіе Греки, которые надѣя-

лась обрѣсти въ единовѣрной Москвѣ второе для себя отечество. Папа взялъ нужныя мѣры для безопасности Софіи на пути, и велѣлъ, чтобы во всѣхъ городахъ встрѣчали Царевну съ надлежащею честію, давали ей съѣстные припасы, лошадей, проводниковъ, въ Италіи и въ Германіи, до самыхъ областей Московскихъ. 24 Іюня она выѣхала изъ Рима, Сентября 1 прибыла въ Любекъ, откуда 10 числа отправилась на лучшемъ кораблѣ въ Ревель; 21 Сентября вышла тамъ на берегъ и жила десять дней, пышно угощаемая на иждивеніе Ордена. Гонецъ Ивана Фрязина спѣшилъ изъ Ревеля черезъ Псковъ и Новгородъ въ Москву съ извѣстіемъ, что Софія благополучно переѣхала море. Посолъ Московскій встрѣчалъ ее въ Дерптѣ, привѣтствуя именемъ Государя и Россіи (90).

Между тѣмъ вся область Псковская была въ движеніи: Правители готовили дары, запасъ, медъ и вина для Царевны; разсылали всюду гонцевъ; украшали суда, лодки, и 11 Октября выѣхали на Чудское озеро, къ устью Эмбаха, встрѣтить Софію, которая со всѣми ея многочисленными спутниками тихо подъѣзжала къ берегу. Посадники, Бояре, вышедши изъ судовъ и наливъ виномъ кубки, ударили челомъ своей будущей Великой Княгинѣ. Достигнувъ наконецъ земли Русской, гдѣ Провидѣніе судило ей жить и царствовать; видя знаки любви, слыша усердныя привѣтствія Россіянъ, она не хотѣла медлить ни часу на берегу Ливонскомъ: Степенный

Посадникъ принялъ ее и всѣхъ бывшихъ съ нею на суда. Два дни плыли озеромъ; ночевали у Св. Николая въ Устьяхъ, и 13 Октября остановились въ монастырѣ Богоматери: тамъ Игуменъ с братіею отпѣлъ за Софію молебенъ; она одѣлас въ *Царскія ризы*, и встрѣченная Псковскимъ Ду ховенствомъ у городскихъ воротъ, пошла в Соборную церковь, гдѣ народъ съ любопыт ствомъ смотрѣлъ на Папскаго Легата, Антонія на его червленную одежду, высокую Епископ скую шапку, перчатки, и на серебряное, лито распятіе, которое несли передъ нимъ. Къ со блазну нашихъ Христіанъ правовѣрныхъ, се Легатъ, вступивъ въ церковь, не поклонил святымъ иконамъ; но Софія велѣла ему прил житься къ образу Богоматери, замѣтивъ общ негодованіе. Тѣмъ болѣе народъ плѣнился Ца ревною, которая съ живѣйшимъ усердіемъ мо лилась Богу, наблюдая всѣ обряды Греческа Закона. Изъ церкви повели ее въ Великокняж скій дворецъ. По тогдашнему обыкновенію го степріимство изъявлялось дарами: Бояре и ку цы поднесли Софіи пятдесятъ рублей деньгам а Ивану Фрязину десять рублей. Признательн къ усердію Псковитянъ, она чрезъ пять дне выѣзжая оттуда, сказала имъ съ ласкою: «Сп «шу къ моему и вашему Государю; благодар «чиновниковъ, Бояръ и весь Великій Псковъ «угощеніе, и рада при всякомъ случаѣ ходата «ствовать въ Москвѣ по дѣламъ вашимъ.» — В Новѣгородѣ была ей такая же встрѣча отъ Ар

пскова, Посадниковъ, Тысячскихъ, Бояръ и
цевъ; но Царевна спѣшила въ Москву, гдѣ
нъ ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ (91).
же Софія находилась въ пятнадцати верстахъ
столицы, когда Великій Князь призвалъ Бо-
на совѣтъ, чтобы рѣшить свое недоумѣніе.
атъ Папскій, желая имѣть болѣе важности въ
ахъ Россіянъ, во всю дорогу ѣхалъ съ Ла-
скимъ *крыжемъ:* то есть, предъ нимъ въ осо-
ыхъ саняхъ везли серебряное распятіе, о
ъ мы выше упоминали. Великій Князь не
ѣлъ оскорбить Легата, но опасался, чтобы
квитяне, увидѣвъ сей торжественный обрядъ
вѣрія, не соблазнились, и желалъ знать мнѣ-
Бояръ. Нѣкоторые думали, согласно съ на-
ъ Посломъ, Иваномъ Фрязиномъ, что не
кно запрещать того изъ уваженія къ Папѣ;
іе, что доселѣ въ землѣ Русской не оказыва-
почестей Латинской Вѣрѣ; что примѣръ и
ль Исидора еще въ свѣжей памяти. Іоаннъ
ся къ Митрополиту Филиппу, и сей старецъ
аромъ отвѣтствовалъ: «Буде ты позволишь
благовѣрной Москвѣ нести крестъ передъ
инскимъ Епископомъ, то онъ внидетъ въ
ныя врата, а я, отецъ твой, изъиду другими
ъ изъ града. Чтить Вѣру чуждую есть уни-
ъ собственную.» Великій Князь немедленно
алъ Боярина, Феодора Давидовича, взять
тъ у Легата и спрятать въ сани. Легатъ по-
вался, хотя и съ неудовольствіемъ: тѣмъ бо-
спорилъ Иванъ Фрязинъ, осуждая Митропо-

лита. «Въ Италіи (говорилъ онъ) честил
«Пословъ Великокняжескихъ: слѣдствен
«въ Москвѣ надобно честить Папскаго.» Се
Фрязинъ, будучи въ Римѣ, таилъ перемѣн
Вѣры своей, сказывался Католикомъ, и в
самомъ дѣлѣ, принявъ Греческій Законъ в
Россіи только для мірскихъ выгодъ, вну
тренно исповѣдывалъ Латинскій, счита
насъ суевѣрами. Но Бояринъ Өеодоръ Да
видовичь исполнилъ повелѣніе Государя.

Царевна въѣхала въ Москву 12 Ноябр
рано по утру, при стеченіи любопытна
народа. Митрополитъ встрѣтилъ ее въ це
кви: принявъ его благословеніе, она по
шла къ матери Іоанновой, гдѣ увидѣлась с
женихомъ. Тутъ совершилось обрученіе
послѣ чего слушали обѣдню въ деревянно
Соборной церкви Успенія (ибо старая к
менная была разрушена, а новая недостро
на). Митрополитъ служилъ со всѣмъ зна
нѣйшимъ Духовенствомъ и великолѣпіем
Греческихъ обрядовъ; наконецъ обвѣнча
Іоанна съ Софіею, въ присутствіи его м
тери, сына, братьевъ, множества Князей
Бояръ, Легата Антонія, Грековъ и Ри
лянъ (92). На другой день Легатъ и Посо
Софіиныхъ братьевъ, торжественно пре
ставленные Великому Князю, вручили е
письма и дары.

Заключеніе

Въ то время, когда Дворъ и народъ въ М
сквѣ праздновали свадьбу Государя, гла

ный пособникъ сего счастливаго брака, Иванъ Фрязинъ, вмѣсто чаемой награды заслужилъ оковы. Возвращаясь въ первый разъ изъ Рима чрезъ Венецію и называясь Великимъ Бояриномъ Московскимъ, онъ былъ обласканъ Дожемъ, Николаемъ Троно, который, узнавъ отъ него о тѣсныхъ связяхъ Россіянъ съ Моголами Золотой Орды, вздумалъ отправить туда Посла чрезъ Москву, чтобы склонить Хана къ нападенію на Турцію. Сей Посолъ, именемъ Иванъ Батистъ Тревизанъ, дѣйствительно пріѣхалъ въ нашу столицу съ грамотою отъ Дожа къ Великому Князю и съ прозьбою, чтобы онъ велѣлъ проводить его къ Хану Ахмату; но Иванъ Фрязинъ уговорилъ Тревизана не отдавать Государю ни письма, ни обыкновенныхъ даровъ; обѣщалъ и безъ того доставить ему все нужное для путешествія въ Орду, и пришедши съ нимъ къ Великому Князю, назвалъ сего Посла купцемъ Венеціянскимъ, своимъ племянникомъ. Ложь ихъ открылась прибытіемъ Софіи: Легатъ Папскій и другіе изъ ея спутниковъ, зная лично Тревизана — зная также, съ чѣмъ онъ посланъ въ Москву — сказали о томъ Государю. Іоаннъ, взыскательный, строгій до суровости, въ гнѣвѣ своемъ за дерзкій обманъ велѣлъ Фрязина оковать цѣпями, сослать въ Коломну, домъ разорить, жену и дѣтей

Ивана Фрязина и Тревизана, Посла Венеціянскаго.

взять подъ стражу, а Тревизана казнить смертію. Едва Легатъ Папскій и Греки могли спасти жизнь сего послѣдняго усерднымъ за него ходатайствомъ, умоливъ Государя, чтобы онъ прежде обослался съ Сенатомъ и Дожемъ Венеціянскимъ (93).

Ласкаемый въ Москвѣ, Посолъ Римскій, согласно съ даннымъ ему отъ Папы наставленіемъ, домогался, чтобы Россія приняла уставъ Флорентійскаго Собора. Можетъ быть, Іоаннъ, во время сватовства искавъ благосклонности Папы, давалъ сію надежду словами двусмысленными; но будучи уже супругомъ Софіи, не хотѣлъ о томъ слышать. Лѣтописецъ говоритъ, что Легатъ Антоній имѣлъ прѣнія съ нашимъ Митрополитомъ Филиппомъ, но безъ малѣйшаго успѣха; что Митрополитъ, опираясь на особенную мудрость какого-то Никиты, Московскаго книжника (94), ясно доказалъ истину Греческаго Исповѣданія, и что Антоній, не находя сильныхъ возраженій, самъ прекратилъ споръ, сказавъ: «нѣтъ книгъ со мною.» Пробывъ одиннадцать недѣль въ Москвѣ, Легатъ и Посолъ Софіиныхъ братьевъ отправились назадъ въ Италію съ богатыми дарами для Папы и Царевичей отъ Великаго Князя, сына его и Софіи, которая, по извѣстію Нѣмецкихъ Историковъ, обѣщавъ Сиксту IV наблюдать внушенныя ей правила Западной Цер-

Прѣнія Легата Папскаго о Вѣрѣ.

г. 1473. Генваря 26

квы, обманула его и сдѣлалась въ Москвѣ ревностною Христіанкою Вѣры Греческой (95).

Главнымъ дѣйствіемъ сего брака (какъ мы уже замѣтили) было то, что Россія стала извѣстнѣе въ Европѣ, которая чтила въ Софіи племя древнихъ Императоровъ Византійскихъ, и, такъ сказать, провождала ее глазами до предѣловъ нашего отечества; начались государственныя сношенія, пересылки; увидѣли Москвитянъ дома и въ чужихъ земляхъ; говорили объ ихъ странныхъ обычаяхъ, но угадывали и могущество. Сверхъ того многіе Греки, пріѣхавшіе къ намъ съ Царевною, сдѣлались полезны въ Россіи своими знаніями въ художествахъ и въ языкахъ, особенно въ Латинскомъ, необходимомъ тогда для внѣшнихъ дѣлъ государственныхъ; обогатили спасенными отъ Турецкаго варварства книгами Московскія церковныя библіотеки и способствовали велелѣпію нашего Двора сообщеніемъ ему пышныхъ обрядовъ Византійскаго, такъ, что съ сего времени столица Іоаннова могла дѣйствительно именоваться новымъ Царемградомъ, подобно древнему Кіеву. Слѣдственно паденіе Греціи, содѣйствовавъ возрожденію Наукъ въ Италіи, имѣло счастливое вліяніе и на Россію. — Нѣкоторые знатные Греки выѣхали къ намъ послѣ изъ самаго Констан-

Слѣдствія Іоаннова брака для Россія.

Выѣзжіе Греки.

Магомета II, уѣхалъ въ Царьградъ;
осыпанный благодѣяніями Султана
велъ остатокъ жизни въ изобиліи:
же, совокупившись бракомъ съ одн
путною Гречанкою, два раза (въ
1490 году) пріѣзжалъ въ Москву и
дочь свою, Марію, за Князя Васи
хайловича Верейскаго; однакожь
тился въ Римъ (гдѣ лежатъ кости е
лѣ отцевскихъ въ храмѣ Св. Петр
жется, что онъ былъ не доволен
кимъ Княземъ: ибо въ духовномъ з
ніи отказалъ свои права на Вос
Имперію не ему, а иновѣрнымъ
рямъ Кастилліи, Фердинанду и Е

Новый гербъ Россіи.

тѣ [97], хотя Іоаннъ, по свойству с
ми Греческими, принялъ и гербъ их
двуглаваго, соединивъ его на свое
съ Московскимъ: то есть, на одной

зать Дожу: «кто шлетъ Посла чрезъ мою землю «тайно, обманомъ, не испросивъ дозволенія, «тотъ нарушаетъ уставы чести.» Дожъ и Сенатъ, услышавъ, что бѣдный Тревизанъ сидитъ въ Москвѣ подъ стражею окованный цѣпями, прибѣгнули къ ласковымъ убѣжденіямъ, прося, чтобы Великій Князь освободилъ его для общаго блага Христіанъ и отправилъ къ Хану, снабдивъ всѣмъ нужнымъ для сего путешествія, изъ дружбы къ Республикѣ, которая съ благодарностію заплатитъ сей долгъ. Іоаннъ умилостивился (100), освободилъ Тревизана, далъ ему семдесятъ рублей, и вмѣстѣ съ нимъ пославъ въ Орду Дьяка своего возбуждать Хана противъ Магомета II, увѣдомилъ о томъ Венеціянскаго Дожа. Сіе новое Посольство въ Италію особенно любопытно тѣмъ, что главою онаго былъ уже не иноземецъ, но Россіянинъ, именемъ Семенъ Толбузинъ, который взялъ съ собою Антона Фрязина въ качествѣ переводчика, и сверхъ государственнаго дѣла имѣлъ порученіе вывезти оттуда искуснаго зодчаго.

Здѣсь въ первый разъ видимъ Іоанна пекущагося о введеніи художествъ въ Россію: ознаменованный величіемъ духа, истинно Царскимъ, онъ хотѣлъ не только ея свободы, могущества, внутренняго благоустройства, но и внѣшняго великолѣпія, которое сильно дѣйствуетъ на воображеніе людей, и принадлежитъ къ успѣхамъ ихъ гражданскаго состоянія. Владиміръ Святый и Ярославъ Великій украсили древній Кіевъ па-

и бѣдствій, не могла еще похвалитьс
нимъ, истинно величественнымъ зданіе
борный храмъ Успенія, основанный Св
политомъ Петромъ, уже нѣсколько лѣтъ
паденіемъ, и Митрополитъ Филиппъ жел
двигнуть новый по образцу Владимірска
го готовились; вызывали отовсюду стр
заложили церковь съ торжественными о
съ колокольнымъ звономъ, въ присутств
Двора; перенесли въ оную изъ старо
Князя Георгія Даніиловича и всѣхъ Мит
товъ (самъ Государь, сынъ его, братья,
шіе люди несли мощи Св. Чудотворца
особеннаго покровителя Москвы). Се
еще не былъ достроенъ, когда Филиппъ
политъ, скоро послѣ Іоаннова бракос
преставился, испуганный пожаромъ,
обратилъ въ пепелъ его Кремлевскій до
ливаясь слезами надъ гробомъ Св. Пет

литы Соборомъ нашихъ Святителей) также ревностно пекся объ ея строеніи; но едва складенная до сводовъ, она съ ужаснымъ трескомъ упала, къ великому огорченію Государя и народа ([102]). Видя необходимость имѣть лучшихъ художниковъ, чтобы воздвигнуть храмъ достойный быть первымъ въ Россійской Державѣ, Іоаннъ послалъ во Псковъ за тамошними каменщиками, учениками Нѣмцевъ, и велѣлъ Толбузину, чего бы то ни стоило, сыскать въ Италіи Архитектора опытнаго для сооруженія Успенской Каѳедральной церкви. Вѣроятно даже, что сіе дѣло было главною виною его Посольства. Уже Италія, пробужденная зарею Наукъ, умѣла цѣнить памятники древней Римской, изящной Архитектуры, презирая Готическую, столь несоразмѣрную, неправильную, тяжелую, и Арабскую, расточительную въ мелочныхъ украшеніяхъ. Образовался новый, лучшій вкусъ въ зданіяхъ, хотя еще и несовершенный, но Италіянскіе Архитекторы уже могли назваться превосходнѣйшими въ Европѣ.

Зодчій Аристотель строитъ въ Москвѣ.

Принятый въ Венеціи благосклонно отъ новаго Дожа, Марчелла, и взявъ съ Республики семь сотъ рублей за все, чѣмъ снабдили Тревизана въ Москвѣ изъ казны Великокняжеской, Толбузинъ нашелъ тамъ зодчаго, Болонскаго уроженца, именемъ Фіоравенти-Аристотеля, котораго Маго-

фунтовъ серебра. Онъ уже слав
имъ искусствомъ (*) такъ, что Пр
ство съ трудомъ отпустило его, вт
ніе Государю Московскому. При
столицу нашу, сей художникъ ос
развалины новой Кремлевской цер
лилъ гладкость работы, но сказалъ
весть наша не имѣетъ достаточн
сти, а камень не твердъ, и что л
лать своды изъ плиты. Онъ ѣздил
димiръ, видѣлъ тамъ древнюю С
церковь, и дивился въ ней произве
ликаго искусства; далъ мѣру кирп
залъ, какъ надобно обжигать его,
творять известь; нашелъ лучшую
Андроньевымъ монастыремъ; мах
извѣстною тогдашнимъ Москвит
называемою *бараномъ*, разрушилъ
ванія стѣны Кремлевской церкви,

храмъ Успенія, донынѣ стоящій предъ нами, какъ знаменитый памятникъ Греко-Италіянской Архитектуры XV вѣка, чудесный для современниковъ, достойный хвалы и самыхъ новѣйшихъ знатоковъ Искусства, своимъ твердымъ основаніемъ, расположеніемъ, соразмѣрностію, величіемъ (103). Построенная въ четыре года, сія церковь была освящена въ 1479 году, Августа 12, Митрополитомъ Геронтіемъ съ Епископами.

Строеніе другихъ церквей, палатъ и стѣнъ Кремлевскихъ.

Чтобы представить Читателямъ въ одномъ мѣстѣ все сдѣланное Іоанномъ для украшенія столицы, опишемъ здѣсь и другія зданія его времени. Довольный столь счастливымъ опытомъ Аристотелева искусства, онъ разными Посольствами старался призывать къ себѣ художниковъ изъ Италіи (104): создалъ новую церковь Благовѣщенія на своемъ дворѣ, а за нею — на площади, гдѣ стоялъ теремъ — огромную палату, основанную Маркомъ Фрязиномъ въ 1487 году и совершенную имъ въ 1491 съ помощію другаго Италіянскаго Архитектора, Петра Антонія (105). Она долженствовала быть мѣстомъ торжественныхъ собраній Двора, особенно въ случаѣ Посольствъ иноземныхъ, когда Государь хотѣлъ являться въ величіи и блескѣ, слѣдуя обычаю Монарховъ Византійскихъ. Сія палата есть такъ называемая *Грановитая*, ко-

торая въ теченіе трехъ-сотъ двадцати лѣтъ сохранила всю цѣлость и красоту свою: тамъ видимъ и нынѣ тронъ Вѣнценосцевъ Россійскихъ, съ коего они въ первые дни ихъ царствованія изливаютъ милости на Вельможъ и народъ. — Дотолѣ Великіе Князья обитали въ деревянныхъ зданіяхъ: Іоаннъ (въ 1492 году) велѣлъ разобрать ветхій дворецъ и поставить новый па Ярославскомъ мѣстѣ, за церковію Архангела Михаила; но не долго жилъ въ ономъ: сильный пожаръ (въ 1493 году) обратилъ весь городъ въ пепелъ, отъ Св. Николая на Пескахъ до поля за Москвою рѣкою и за Срѣтинскою улицею: Арбатъ, Неглинную, Кремль, гдѣ сгорѣли дворы Великаго Князя и Митрополитовъ со всѣми житницами на Подолѣ, обрушилась церковь Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ (подъ коею хранилась казна Великой Княгини Софіи), и вообще не осталось ни одного цѣлаго зданія, кромѣ новой палаты и Соборовъ (въ Успенскомъ обгорѣлъ олтарь, крытый Нѣмецкимъ желѣзомъ). Государь переѣхалъ въ какой-то большой домъ на Яузу, къ церкви Св. Николая Подкопаева, и рѣшился соорудить дворецъ каменный, заложенный въ Маѣ 1499 года Медіоланскимъ Архитекторомъ, Алевизомъ, на старомъ мѣстѣ, у Благовѣщенія; глубокіе погребы и ледники служили основаніемъ сего великолѣпнаго зданія, совершеннаго черезъ девять лѣтъ и нынѣ именуемаго *дворцемъ теремнымъ*. Между тѣмъ Іоаннъ жилъ на своемъ Кремлевскомъ дворѣ въ деревянныхъ

хъ, а иногда на Воронцовѣ полѣ. Угож-
:ударю, знатные люди также начали стро-
ѣ каменные домы: въ лѣтописяхъ упоми-
о палатахъ Митрополита, Василія Ѳедо-
Образца и Головы Московскаго, Дмитрія
ировича Ховрина [106].

чественныя Кремлевскія стѣны и башни
ѣрно воздвигнуты Іоанномъ: ибо древ-
, сдѣланныя въ княженіе Димитрія Дон-
разрушились, и столица наша уже не имѣ-
енной ограды. Антонъ Фрязинъ въ 1485
юля 19, заложилъ на Москвѣ рѣкѣ стрѣль-
въ 1488 другую, Свибловскую, съ тайни-
ли подземельнымъ ходомъ; Италіянецъ
построилъ Беклемишевскую; Петръ Ан-
Фрязинъ двѣ надъ Боровицкими и Кон-
но-Еленскими воротами, и третію Фро-
ю; башня надъ рѣчкою Неглинною совер-
въ 1492 году неизвѣстнымъ Архитекто-
Окружили всю крѣпость высокою, твер-
широкою стѣною, и Великій Князь прика-
юмать вокругъ не только всѣ дворы, но и
, уставивъ, чтобы между ею и город-
строеніемъ было не менѣе ста-девяти
й [107]. Такимъ образомъ Іоаннъ укра-
укрѣпилъ Москву, оставивъ Кремль дол-
ымъ памятникомъ своего царствованія,
не превосходнѣйшимъ въ сравненіи со
иными Европейскими зданіями пятаго-на-
вѣка. — Послѣднимъ дѣломъ Италіянска-
ества при семъ Государѣ было основаніе

новаго Архангельскаго Собора, куда перенесли гробы древнихъ Князей Московскихъ изъ ветхой церкви Св. Михаила, построенной Іоанномъ Калитою, и тогда разобранной ([108]). — Кромѣ зодчихъ, Великій Князь выписывалъ изъ Италіи мастеровъ пушечныхъ и серебрениковъ. Фрязинъ, Павелъ Дебосисъ, въ 1488 году слилъ въ Москвѣ огромную Царь-пушку ([109]). Въ 1494 году выѣхалъ къ намъ изъ Медіолана другой художникъ огнестрѣльнаго дѣла, именемъ Петръ. Италіянскіе серебреники начали искусно чеканить Русскую монету, вырѣзывая на оной свое имя: такъ на многихъ деньгахъ Іоанна Василіевича видимъ надпись: Aristoteles ([110]): ибо сей знаменитый Архитекторъ славился и монетнымъ художествомъ (сверхъ того лилъ пушки и колокола). — Однимъ словомъ, Іоаннъ, чувствуя превосходство другихъ Европейцевъ въ гражданскихъ искусствахъ, ревностно желалъ заимствовать отъ нихъ все полезное, кромѣ обычаевъ, усердно держась Русскихъ; оставлялъ Вѣрѣ и Духовенству образовать умъ и нравственность людей; не думалъ въ философическомъ смыслѣ просвѣщать народа, но хотѣлъ доставить ему плоды Наукъ, нужнѣйшіе для величія Россіи. — Теперь обратимся къ государственнымъ происшествіямъ.

Льютъ пушки, чеканятъ монету

Западъ Россіи, Нѣмцы и Литва были

предметомъ Іоаннова вниманія. Князь Өеодоръ Юрьевичь Шуйскій, нѣсколько лѣтъ властвовавъ во Псковѣ какъ Государевъ Намѣстникъ, и свѣдавъ, что тамошніе граждане, не любя его, послали къ Великому Князю требовать себѣ инаго Правителя, уѣхалъ въ Москву. Псковитяне желали вторично имѣть своимъ Княземъ Ивана Стригу, или Бабича, или Стригина брата, Князя Ярослава: Государь далъ имъ послѣдняго, сказавъ, что первые нужны ему самому для ратнаго дѣла (111). Въ то же время Псковитяне извѣстили Іоанна о непріятельскомъ расположеніи Ливонскаго Ордена. Еще не минулъ срокъ перемирія, заключеннаго ими съ Магистромъ въ 1463 году на девять лѣтъ, когда Нѣмцы, подведенные Русскими лазутчиками, сожгли нѣсколько деревень на берегахъ Синяго озера (112): Псковитяне, казнивъ своихъ измѣнниковъ, удовольствовались жалобами на вѣроломство Ордена. Въ 1471 году Магистръ прислалъ брата своего сказать имъ, что онъ намѣренъ переселиться изъ Риги въ Феллинъ, и желаетъ соблюсти дружбу съ ними, требуя, чтобы они не вступались въ землю и воды за Краснымъ городкомъ. Псковитяне отвѣтствовали, что Магистръ воленъ жить, гдѣ ему угодно; что миръ съ ихъ стороны не будетъ нарушенъ, но что упомянутыя мѣста издревле суть достояніе

Г. 1472-1474. Дѣла съ Ливоніею.

Великихъ Князей ([113]). Условились рѣшить споръ на общемъ съѣздѣ, и назначили время. Уже Іоаннъ, замышляя быть истиннымъ Государемъ всей Россіи, не считалъ дѣлъ Псковскихъ или Новогородскихъ какъ бы чуждыми для Москвы: онъ послалъ своего Боярина выслушать требованія Ордена; но переговоры, бывшіе въ Нарвѣ и въ Новѣгородѣ, не имѣли успѣха: Нѣмецкіе Послы уѣхали назадъ съ досадою, и Великій Князь, исполняя желаніе Псковитянъ, отправилъ къ нимъ войско, составленное изъ городскихъ полковъ и Дѣтей Боярскихъ, коими предводительствовалъ славный мужъ, Князь Даніилъ Холмскій, имѣя подъ своимъ начальствомъ болѣе двадцати Князей. Чиновники Псковскіе, встрѣтивъ сію знатную рать съ хлѣбомъ и съ медомъ, удивились ея многочисленности, такъ, что она едва могла помѣститься въ городѣ, за рѣкою Великою. Холмскій нетерпѣливо желалъ вступить въ Ливонію: къ несчастію, сдѣлалась оттепель въ Декабрѣ мѣсяцѣ; рѣки вскрылись; не было ни зимняго, ни лѣтняго пути; воины скучали праздностію, а граждане убыткомъ, ибо должны были безденежно кормить и людей и коней. Съ Москвитянами пришло нѣсколько сотъ Татаръ: сіи наемники силою отнимали у жителей скотъ и разные запасы, пока Холмскій строгостію не унялъ ихъ, опредѣливъ, что городъ обязанъ ежедневно давать на содержаніе полковъ.

Но сей убытокъ былъ вознагражденъ счастли-

ѣдствіями. Слухъ о прибытіи Москов-
и столь испугалъ Магистра и Епископа
аго, что они немедленно прислали сво-
ювниковъ для возобновленія мира ([114]):
на двадцать пять, а вторый на тридцать
ъ условіемъ, чтобы Нѣмцамъ не всту-
въ земли Псковитянъ, давать вездѣ сво-
путь ихъ купцамъ и не пропускать въ
изъ Ливоніи ни меда, ни пива. Въ семъ
ѣ участвовали и Новогородцы, коихъ
также готовилось дѣйствовать противъ
вмѣстѣ съ Великокняжескимъ. Такъ Іо-
одилъ единство въ систему внѣшней По-
Россійской, къ крайнему безпокойству
западныхъ сосѣдовъ, видѣвшихъ, что
одъ, Псковъ и Москва дѣлаются одною
ою, управляемою Государемъ благоразум-
иролюбивымъ, но рѣшительнымъ въ на-
хъ и сильнымъ въ исполненіи. Получивъ
е, что Магистръ и Правительство Дерпт-
ятвою утвердили мирныя условія, Князь
й возвратился въ Москву съ честію и съ
двухъ сотъ рублей отъ признательныхъ
тянъ, которые особенною грамотою, от-
ною съ гонцемъ, изъявили благодар-
анну за его милостивое вспоможеніе.
еликій Князь не былъ доволенъ ни ими,
мскимъ: ими за то, что они дерзнули,
знатныхъ людей, прислать къ нему гон-
нязь Холмскій заслужилъ гнѣвъ Іоанновъ
о виною, вѣроятно не умышленною: ибо

сей Государь, строгій по нраву и правиламъ, скоро простилъ ему оную, взявъ съ него *клятвенную грамоту* слѣдующаго содержанія: «Я «Князь Данило Дмитріевичь Холмскій билъ че«ломъ Государю за мою вину посредствомъ «Господина Геронтія Митрополита и Еписко«повъ: во уваженіе чего онъ простилъ меня, «слугу своего; а мнѣ Князю Данилу быть ему «вѣрнымъ до конца жизни и не искать службы «въ иныхъ земляхъ. Когда же преступлю клят«ву, да лишуся милости Божіей и благослове«нія Пастырскаго въ сей вѣкъ и въ будущій: «Государь же и дѣти его вольны казнить ме«ня (115),» и проч. Сверхъ того Вельможи дали восемь *поручныхъ грамотъ* за Холмскаго, обязываясь, въ случаѣ его измѣны, внести въ казну двѣ тысячи рублей. Іоаннъ же, въ знакъ искренняго прощенія, пожаловалъ Князя Данила Бояриномъ (116).

Псковитяне, услышавъ о гнѣвѣ Государя, немедленно отправили къ нему Князя Ярослава Васильевича съ тремя Посадниками и многими Боярами: Іоаннъ не пустилъ ихъ къ себѣ на глаза, даже въ городъ, такъ, что они, простоявъ пять дней въ шатрахъ на полѣ, должны были ѣхать обратно; наконецъ, смягченный ихъ скорбію и новымъ торжественнымъ Посольствомъ, сей хитрый Государь принялъ отъ нихъ въ даръ сто пятдесятъ рублей и милостиво объявилъ, что будетъ править своею Псковскою отчиною согласно съ древними грамотами

еликихъ Князей ([117]): то есть, онъ хо-
ѣлъ, наблюдая во всемъ достоинство Мо-
арха, пріучить и Вельможъ и гражданъ
ъ благоговѣнію предъ его священнымъ
іномъ, и грозя внѣшнимъ непріятелямъ,
множалъ внутреннюю силу Россіи стро-
имъ дѣйствіемъ Самодержавной власти.
Доселѣ Іоаннъ не имѣлъ никакихъ из-
ѣстныхъ дѣлъ, ни сношеній съ Литвою,
льнымъ ударомъ меча исхитивъ изъ ея
укъ Новгородъ, и до времени оставляя
азимира тщетно злобиться на Россію. Од-
а Псковитяне пересылались съ симъ Ко-
олемъ, желая дружелюбно утвердить гра-
ницы между его и своими владѣніями. Съ
бѣихъ сторонъ честили и дарили По-
ловъ, съѣзжались сановники на рубежѣ и
е могли согласиться въ прѣніяхъ. Самъ
азимиръ былъ въ Полоцкѣ, обѣщался
обственными глазами осмотрѣть всѣ спор-
ыя мѣста, но не сдержалъ слова ([118]). Ла-
ая Псковитянъ, онъ давалъ имъ чувство-
ать, что признаетъ ихъ народомъ воль-
ымъ, независимымъ отъ Москвы и го-
овъ всегда жить въ дружбѣ съ ними.
сенью въ 1473 году открылись непрія-
льскія дѣйствія между Москвитянами и
итвою. Первые, ограбивъ городъ Лю-
тскъ, ушли назадъ съ добычею и плѣн-
иками; а Любчане напали на Князя Си-
еона Одоевскаго, Россійскаго подданнаго,

Дѣла съ Литвою.

все насиліемъ отнятое возвращать сполна, и съ обѣихъ сторонъ ѣздить Посламъ свободно безъ платежа купеческихъ пошлинъ.—Вмѣстѣ съ Ази-Бабою отправился въ Крымъ Посломъ Бояринъ Никита Беклемишевъ, коему, сверхъ упомянутаго мирнаго договора, даны были еще прибавленія: первое въ такихъ словахъ: «ты, Великій Князь, обязанъ слать ко мнѣ Царю «*поминки* или дары ежегодные.» Государь велѣлъ Беклемишеву согласиться на сіе единственно въ случаѣ неотступнаго Ханскаго требованія. Во второмъ прибавленіи Іоаннъ обѣщался дѣйствовать съ Менгли-Гиреемъ совокупно противъ Хана Золотой Орды, Ахмата, если онъ (Менгли-Гирей) самъ будетъ помогать Россіи противъ Короля Польскаго. — Никита Беклемишевъ долженъ былъ увѣриться въ пріязни ближнихъ Князей Царевыхъ, одарить ихъ соболями, заѣхать въ Кафу, изъявить благодарность Хозѣ Кокосу за оказанную имъ услугу въ сношеніяхъ съ Крымскимъ Царемъ, и требовать отъ тамошняго Консула, чтобы Генуэзцы выдали Россійскимъ купцамъ отнятые у нихъ товары на двѣ тысячи рублей, и впредь не дѣлали подобнаго насилія, вреднаго для успѣховъ взаимной торговли.

Ноябра 15.

Беклемишевъ возвратился въ Москву съ Крымскимъ Посломъ, Довлетекомъ Мур-

ою, и съ клятвенною Ханскою грамою (124), на коей Іоаннъ, въ присутствіи его Мурзы, цѣловалъ крестъ въ увѣреніе, что будетъ точно исполнять всѣ условія союза. — Довлетекъ жилъ въ Москвѣ четыре мѣсяца и поѣхалъ назадъ въ Тавриду съ Великокняжескимъ чиновникомъ, Алексѣемъ Ивановымъ Старковымъ, коего наказъ состоялъ въ слѣдующемъ: «*Сказать Хану:* Князь Великій Іоаннъ *челомъ бьетъ.* «Ты пожаловалъ меня себѣ братомъ и другомъ, чтобы намъ имѣть общихъ пріятелей и враговъ: благодарствую за твое жалованье. — Ты хочешь, чтобы я принялъ къ себѣ Зенебека Царевича: въ минувшее лѣто онъ просился въ мою службу; но я отказалъ ему, считая его твоимъ «недругомъ: нынѣ послалъ за нимъ въ «Орду, чтобы сдѣлать тебѣ угодное. — Мы «взаимно обязались крѣпкимъ словомъ «любви по нашей Вѣрѣ: не преступай «клятвы; я исполню свою.» Но въ семъ заключенномъ между Россіею и Крымомъ договорѣ не упоминалось именно ни объ Ахматѣ, ни о Казимирѣ: Іоаннъ не обязывался воевать съ первымъ, ибо Менгли-Гирей не далъ клятвы дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіею противъ послѣдняго. Старковъ долженствовалъ объявить Хану, что одно не можетъ быть безъ другаго. Сверхъ того ему велѣно было жаловаться на Кафин-

Г. 1475. Мартъ.

скихъ Генуэзцевъ, ограбившихъ какого-то Россійскаго Посла и нашихъ купцевъ: въ случаѣ неудовлетворенія Іоаннъ грозилъ силою управиться съ сими разбойниками. — Наконецъ Посолъ Московскій имѣлъ приказаніе вручить дары Манкупскому Князю *Исайку* (изъ благодарности за дружелюбное принятіе Никиты Беклемишева) и развѣдать чрезъ Хозю Кокоса, сколько тысячь золотыхъ готовитъ сей Владѣтель въ приданое за своею дочерью, которую онъ предлагалъ въ невѣсты сыну Великаго Князя, Іоанну Іоанновичу (125). Извѣстно, что Манкупъ (нынѣ мѣстечко въ Тавридѣ, на высокой, неприступной горѣ), былъ прежде знаменитою крѣпостію и назывался *городомъ Готѳскимъ*: ибо тамъ съ третьяго вѣка обитали Готѳы Тетракситы (126), Христіане Греческой Вѣры, данники Козаровъ, Половцевъ, Моголовъ, Генуэзцевъ, но управляемые собственными Властителями, изъ коихъ послѣдній былъ сей Исайко, пріятель Іоанновъ по единовѣрію.

Старковъ не могъ исполнить данныхъ ему повелѣній: ибо все перемѣнилось въ Тавридѣ. Братъ Ханскій Айдаръ, собравъ многочисленную толпу преданныхъ ему людей, изгналъ неосторожнаго Менгли-Гирея, бѣжавшаго въ Кафу къ Генуэзцамъ. Скоро явился на Черномъ морѣ сильный Турецкій флотъ подъ начальствомъ Визиря Магометова, Ахмета Паши; сей искусный Вождь, приставъ къ берегамъ Тавриды, въ шесть дней овладѣлъ Кафою, гдѣ въ пер-

й разъ кровь Русская пролилася отъ
на Оттомановъ: тамъ находилось мно-
ство нашихъ купцевъ; нѣкоторые изъ
хъ лишились жизни, другіе имѣнія и
ьности ([127]). Генуэзцы ушли въ Ман-
гъ, какъ въ неприступное мѣсто; но Ви-
ръ осадилъ и сію крѣпость. Пишутъ, что
начальникъ, выѣхавъ на охоту, былъ
тъ въ плѣнъ Турками, и что осажден-
е, потерявъ бодрость, искали спасенія
бѣгствѣ, гонимые, убиваемые непріяте-
ъ. Истребивъ до основанія Державу
нуэзскую въ Тавридѣ, болѣе двухъ вѣ-
въ существовавшую, и покоривъ весь
ымъ Султану, Ахметъ Паша возвратил-
въ Константинополь съ великимъ богат-
юмъ и съ плѣнниками, въ числѣ коихъ
лъ и Менгли-Гирей съ двумя братья-
([128]). Султанъ обласкалъ сего Хана,
звалъ законнымъ Властителемъ Крыма,
велѣвъ изобразить его имя на монетѣ,
правилъ господствовать надъ симъ по-
островомъ въ качествѣ своего присяж-
ка. — Но Менгли-Гирей, еще не успѣвъ
зстановить въ Тавридѣ порядка, разру-
ннаго Турецкимъ завоеваніемъ, былъ
орично изгнанъ оттуда Ахматомъ, Ца- г. 1476.
мъ Золотой Орды, котораго сынъ, пред-
дительствуя сильнымъ войскомъ, овла-
лъ всѣми городами Крымскими ([129]).
Іоаннъ, огорченный новымъ бѣдствіемъ

Менгли-Гирея, въ то же время свѣдалъ, что Ахматъ, добровольно или принужденно, уступилъ Тавриду Царевичу Зенебеку, который прежде искалъ службы въ Россіи. Зенебекъ, ставъ Ханомъ Крымскимъ, не ослѣпился своимъ временнымъ счастіемъ, предвидѣлъ опасности и прислалъ въ Москву чиновника, именемъ Яфара Бердѣя, узнать, можетъ ли онъ, въ случаѣ изгнанія, найти у насъ безопасное убѣжище. Великій Князь отвѣтствовалъ ему чрезъ гонца (130): «Еще не имѣя ни силы, ни «власти, и будучи единственно *Козакомъ*, «ты спрашивалъ у меня, найдешь ли от«дохновеніе въ землѣ моей, если конь твой «утрудится въ полѣ? Я обѣщалъ тебѣ без«опасность и спокойствіе. Нынѣ радуюсь «твоему благополучію; но если обстоятель«ства перемѣнятся, то считай мою землю «вѣрнымъ для себя пристанищемъ.» Сей гонецъ долженъ былъ изъясниться съ Зенебекомъ наединѣ и предложить ему возобновленіе союза, заключеннаго между Россіею и Менгли-Гиреемъ.

г. 1477.

Дѣла съ Большою Ордою.

Въ семъ сношеніи не было слова о Царѣ Большой Орды, Ахматѣ, который, не смотря на свое неудачное покушеніе смирить Іоанна оружіемъ, еще именовался нашимъ верховнымъ Властителемъ и требовалъ дани. Пишутъ, что Великая Княгиня Софія, жена хитрая, честолюбивая, не преставала

возбуждать супруга къ сверженію ига, говоря ему ежедневно: «долго ли быть мнѣ рабынею Ханскою?» Въ Кремлѣ находился особенный для Татаръ домъ, гдѣ жили Послы, чиновники и купцы ихъ, наблюдая за всѣми поступками Великихъ Князей, чтобы извѣщать о томъ Хана: Софія не хотѣла терпѣть столь опасныхъ лазутчиковъ; послала дары женѣ Ахматовой и писала къ ней, что она, имѣвъ какое-то видѣніе, желаетъ создать храмъ на Ординскомъ подворьѣ (гдѣ нынѣ церковь Николы Гостунскаго): проситъ его себѣ, и даетъ вмѣсто онаго другое. Царица согласилась: домъ разломали, и Татары, выѣхавъ изъ него, остались безъ пристанища: ихъ уже не впускали въ Кремль. Пишутъ еще, что Софія убѣдила Іоанна не встрѣчать Пословъ Ординскихъ, которые обыкновенно привозили съ собою *басму*, образъ или *болванъ* Хана; что древніе Князья Московскіе всегда выходили пѣшіе изъ города, кланялись имъ, подносили кубокъ съ молокомъ кобыльимъ, и для слушанія Царскихъ грамотъ подстилая мѣхъ соболій подъ ноги чтецу, преклоняли колѣна. На мѣстѣ, гдѣ бывала сія встрѣча, создали въ Іоанново время церковь, именуемую донынѣ Спасомъ *на Болвановкѣ* (131). — Однакожь, въ надеждѣ скоро видѣть гибель Орды, какъ необходимое

г. 1471-1477.

слѣдствіе внутреннихъ ея междоусобій, Великій Князь уклонялся отъ войны съ Ахматомъ, и манилъ его обѣщаніями; платилъ ему, кажется, и нѣкоторую дань: ибо въ грамотахъ, тогда писанныхъ, все еще упоминается о *выходѣ Ординскомъ* (132). Въ 1474 году былъ въ Улусахъ нашъ Посолъ Никифоръ Басенковъ, а въ Москвѣ Ханскій, именемъ Карачукъ: съ послѣднимъ находилось 600 служителей и 3200 торговыхъ людей, которые привели 40,000 Азіатскихъ лошадей для продажи въ Россіи (133). Въ 1475 году Дьякъ Іоанновъ, Лазаревъ, возвратился изъ Большой Орды съ извѣстіемъ, что Ханъ отпустилъ Венеціянскаго Посла, Тревизана, въ Италію моремъ, не изъявивъ желанія воевать съ Турками (134). Изгнавъ Менгли-Гирея изъ Крыма, Ахматъ, ободренный симъ успѣхомъ, велѣлъ гордо сказать Іоанну чрезъ Мурзу, именемъ Бочюка, чтобы онъ вспомнилъ древнюю обязанность Россійскихъ Князей, и немедленно самъ ѣхалъ въ Орду поклониться Царю своему (135); Великій Князь дружелюбно угостилъ Бочюка, послалъ съ нимъ въ Улусы Тимоѳея Бестужева, вѣроятно и дары, но не думалъ исполнить требованія Ахматова.

Дѣла съ Персіею.

Въ сіе время мы имѣли сношеніе и съ Персіею, гдѣ царствовалъ славный Узунъ-Гассанъ, Князь племени Туркоманскаго,

овладѣвшій всѣми странами Азіи отъ Инда и Окса до Евфрата (136). Слыша о знаменитыхъ успѣхахъ его оружія, дѣятельная Республика Венеціянская отправила къ нему Посла, именемъ Контарини, съ предложеніемъ дѣйствовать общими силами противъ Магомета II. Контарини ѣхалъ туда черезъ Польшу, Кіевъ, Кафу, Мингрелію, Грузію, и встрѣтилъ въ Экбатанѣ чиновника Великокняжескаго, Марка Руфа, Италіянскаго или Греческаго уроженца, который имѣлъ переговоры съ Царемъ Узуномъ. Великій Князь безъ сомнѣнія искалъ дружбы Персидскаго завоевателя, съ намѣреніемъ угрожать ею Хану Большой Орды, Ахмату: сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что Узунъ-Гассанъ, семидесятилѣтній, но бодрый старецъ, вообще ненавидѣлъ Моголовъ, зависѣвъ нѣкогда отъ Тамерлановыхъ слабыхъ наслѣдниковъ, и владѣя южными берегами Каспійскаго моря, былъ въ сосѣдствѣ съ Ахматовыми Улусами. Посолъ Московскій отправился назадъ въ Россію вмѣстѣ съ Персидскимъ; въ числѣ ихъ спутниковъ находился и Контарини: ибо — свѣдавъ, что Кафа завоевана Турками — онъ уже не хотѣлъ прежнимъ путемъ возвратиться въ Италію, и ввѣрилъ судьбу свою Марку Руфу, который взялъ съ собою его и Монаха Французскаго, Людовика, называвшагося Патріархомъ Ан-

Посолъ Венеціянскій, Контарини, въ Москвѣ.

тіохійскимъ и Посломъ Герцога Бургундскаго (137). Мы имѣемъ описаніе ихъ любопытнаго путешествія. Они ѣхали изъ Тифлиса черезъ *Кирополь* или Шамаху, *богатую шелкомъ*, Дербентъ и Астрахань, гдѣ господствовали три брата, племянники Ахматовы. Городъ сей состоялъ изъ землянокъ, обнесенныхъ худою стѣною; а жители хвалились древнею торговою знаменитостію онаго, сказывая, что ароматы, привозимые нѣкогда въ Венецію, шли отъ нихъ Волгою и Дономъ. Тамошніе купцы доставляли въ Москву шелковыя ткани, покупая въ Россіи мѣха и сѣдла. Имя Великаго Князя было особенно уважаемо въ Астрахани за его щедрость и пріязнь къ ея Ханамъ, которые ежегодно отправляли къ нему Посольства. Марко Руфъ и Контарини съ величайшею осторожностію ѣхали по степямъ Донскимъ и Воронежскимъ, боясь хищныхъ Татаръ; не видали ничего, кромѣ неба и земли; часто имѣли недостатокъ въ водѣ; не находили ни вѣрныхъ дорогъ, ни мостовъ; сами дѣлали плоты, гдѣ надлежало переправляться черезъ рѣки, и восхвалили милость Божію, когда достигли благополучно до Рязанской области, лѣсной, мало населенной, но обильной хлѣбомъ, мясомъ, медомъ, и совершенно безопасной для путешественниковъ. Выѣхавъ изъ Астрахани 10 Августа, они прибыли въ Москву 26 Сентября въ 1476 году, видѣвъ только два города на пути, Рязань и Коломну. Немедленно представленный *Государю*, и три раза обѣдавъ за его столомъ

стѣ со многими Боярами, Контарини хва-
величественную Іоаннову наружность,
ку, привѣтливость, умное любопытство.
да я» — пишетъ онъ — «говоря съ нимъ,
почтенія отступалъ назадъ, сей Монархъ
гда самъ приближался ко мнѣ, съ отмѣн-
мъ вниманіемъ слушалъ мои слова; весьма
ого осуждалъ поступокъ нашего единозем-
Ивана Баптиста Тревизана, но увѣрялъ
я въ своемъ особенномъ дружествѣ къ Ве-
іянской Республикѣ; дозволилъ мнѣ видѣть
еликую Княгиню Софію, которая обошлась
мною весьма ласково, приказавъ, чтобы я
нялся отъ нее нашему Дожу и Сенату.»
тарини жилъ въ домѣ Италіянскаго зодчаго,
стотеля; но ему велѣно было переѣхать въ
ой. Не имѣя денегъ для пути, онъ ждалъ
съ нетерпѣніемъ изъ Венеціи. Между тѣмъ
кій Князь ѣздилъ осматривать границы
восточныхъ областей своихъ, подвержен-
ь набѣгамъ степныхъ Татаръ: когда же
ратился, то немедленно приказалъ, изъ ува-
я къ Венеціянской Республикѣ, ссудить его
казны нужною суммою денегъ. Сверхъ того
тарини получилъ въ даръ тысячу червон-
и шубу. Передъ отъѣздомъ обѣдая во
цѣ, онъ долженъ былъ выпить серебряную
у крѣпкаго меда и взять ее себѣ въ знакъ
енной Государевой благосклонности. Іоаннъ
олилъ ему не пить, сказавъ, что иноземцы
тъ не слѣдовать Русскимъ обычаямъ, и

прощаясь съ нимъ (въ Генварѣ 1477 го
ма милостиво, желалъ, чтобы Республи
ціянская осталась навсегда другомъ Мос
то же время Великій Князь отпустилъ д
Французскаго, Людовика, который,
себя Патріархомъ Антіохійскимъ, но ис
Вѣру Латинскую, былъ задержанъ въ
какъ обманщикъ: ходатайство Контари
Марка Руфа возвратило ему свободу. —
словомъ, Контарини, строго осуждая т
нравы Россіянъ, ихъ нетрезвость, г
любовь къ праздности, говоритъ о д
свойствахъ и разумѣ Іоанна съ вели
хвалою.

ГЛАВА III.

Продолженіе Государствованія Іоаннова.

Г. 1475—1481.

Совершенное покореніе Новагорода. Обозрѣніе исторіи его отъ начала до конца. Рожденіе Іоаннова сына, Василія-Гавріила. Посольство въ Крымъ. Сверженіе ига Ханскаго. Ссора Великаго Князя съ братьями. Походъ Ахмата на Россію. Краснорѣчивое посланіе Архіепископа Вассіана къ Великому Князю. Разореніе Большой Орды и смерть Ахмата. Кончина Андрея Меньшаго, брата Іоаннова. Посольство въ Крымъ.

Такимъ образомъ до Тибра, моря Адріатическаго, Чернаго и предѣловъ Индіи обнимая умомъ государственную систему Державъ, сей Монархъ готовилъ знаменитость внѣшней своей Политики утвержденіемъ внутренняго состава Россіи. — Ударилъ послѣдній часъ Новогородской вольности! Сіе важное происшествіе въ нашей Исторіи достойно описанія подробнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ возсѣлъ на престолъ съ мыслію оправдать титулъ Великихъ Князей, которые со времен Си-

Совершенное покореніе Новагорода.

меона Гордаго именовались *Государями всея Руси;* желалъ ввести совершенное Единовластие, истребить Удѣлы, отнять у Князей и граждан права несогласныя съ онымъ, но только въ удобное время, пристойнымъ образомъ, безъ явнаго нарушенія торжественныхъ условій, безъ насилія дерзкаго и опаснаго, вѣрно и прочно: однимъ словомъ, съ наблюденіемъ всей свойственной ему осторожности. Новгородъ измѣнялъ Россіи, приставъ къ Литвѣ; войско его было разсѣяно, гражданство въ ужасѣ: Великій Князь могъ бы тогда покорить сію область; но мыслилъ, что народъ, вѣками пріученный къ выгодамъ свободы, не отказался бы вдругъ отъ ея прелестныхъ мечтаній; что внутренніе бунты и мятежи развлекли бы силы Государства Московскаго, нужныя для внѣшней безопасности; что должно старые навыки ослаблять новыми и стѣснять вольность прежде уничтоженія оной, дабы граждане, уступая право за правомъ, ознакомились съ чувствомъ своего безсилія, слишкомъ дорого платили за остатки свободы, и наконецъ, утомляемые страхомъ будущихъ утѣсненій, склонились предпочесть ей мирное спокойствіе неограниченной Государевой власти. Іоаннъ простилъ Новогородцевъ, обогативъ казну свою ихъ серебромъ, утвердивъ верховную власть Княжескую въ дѣлахъ судныхъ и въ Политикѣ; но, такъ сказать, не спускалъ глазъ съ сей народной Державы, старался умножать въ ней число преданныхъ ему людей, питалъ несо

гласіе между Боярами и народомъ, являлся въ правосудіи защитникомъ невинности, дѣлалъ много добра, обѣщалъ болѣе. Если Намѣстники его не удовлетворяли всѣмъ справедливымъ жалобамъ истцевъ, то онъ винилъ недостатокъ древнихъ законовъ Новогородскихъ, хотѣлъ самъ быть тамъ, изслѣдовать на мѣстѣ причину главныхъ неудовольствій народныхъ, обуздать утѣснителей, и (въ 1475 году) дѣйствительно, призываемый Младшими гражданами (138), отправился къ берегамъ Волхова, поручивъ Москву сыну. Сіе путешествіе Іоанново — безъ войска, съ одною избранною, благородною дружиною (139) — имѣло видъ мирнаго, но торжественнаго величія: Государь объявилъ, что идетъ утвердить спокойствіе Новагорода, коего знатнѣйшіе сановники и граждане ежедневно выѣзжали къ нему, отъ рѣки Цны до Ильменя, на встрѣчу съ привѣтствіями и съ дарами, съ жалобами и съ оправданіемъ: Старые Посадники, Тысячскіе, люди Житые, Намѣстникъ и Дворецкій Великокняжескіе, Игумены, чиновники Архіепископскіе. За 90 верстъ отъ города ожидали Іоанна Владыка Ѳеофилъ, Князь Василій Васильевичь Шуйскій-Гребенка, Посадникъ и Тысячскій Степенные, Архимандритъ Юріева монастыря и другіе первостепенные люди, коихъ дары состояли въ бочкахъ вина, бѣ-

Г. 1475

лаго и краснаго. Они имѣли честь обѣдать съ Государемъ. За ними явились Старосты улицъ Новогородскихъ; послѣ Бояре и всѣ жители Городища, съ виномъ, съ яблоками, винными ягодами. Безчисленныя толпы народныя встрѣтили Іоанна передъ Городищемъ, гдѣ онъ слушалъ Литургію и ночевалъ; а на другой день угостилъ обѣдомъ Владыку, Князя Шуйскаго, Посадниковъ, Бояръ, и 23 Ноября въѣхалъ въ Новгородъ. Тамъ, у вратъ Московскихъ, Архіепископъ Ѳеофилъ, исполняя Государево повелѣніе, со всѣмъ Клиросомъ, съ иконами, крестами и въ богатомъ Святительскомъ облаченіи принялъ его, благословилъ, и ввелъ въ храмъ Софіи, въ коемъ Іоаннъ поклонился гробамъ древнихъ Князей: Владиміра Ярославича, Мстислава Храбраго — и привѣтствуемый всѣмъ народомъ, изъявилъ ему за любовь благодарность, обѣдалъ у Ѳеофила, веселился, говорилъ только слова милостивыя, и взявъ отъ хозяина въ даръ 3 постава Ипрскихъ суконъ ([140]), сто корабельниковъ (Нобилей или двойныхъ червонцевъ ([141])), рыбій зубъ и двѣ бочки вина, возвратился въ свой дворецъ на Городище.

За днемъ пиршества слѣдовали дни суда. С утра до вечера дворецъ Великокняжескій не затворялся для народа. Одни желали только видѣть лице сего Монарха и въ знакъ усердія поднести ему дары; другіе искали правосудія. Паденіе Державъ народныхъ обыкновенно предвѣщается наглыми злоупотребленіями силы, неис

полненіемъ законовъ: такъ было и въ Новѣгородѣ. Правители не имѣли ни любви, ни довѣренности гражданъ; пеклися только о собственныхъ выгодахъ; торговали властію, тѣснили непріятелей личныхъ, похлѣбствовали роднымъ и друзьямъ; окружали себя толпами прислужниковъ, чтобы ихъ воплемъ заглушать на Вѣчѣ жалобы утѣсняемыхъ. Цѣлыя улицы, чрезъ своихъ повѣренныхъ, требовали Государевой защиты, обвиняя первѣйшихъ сановниковъ. «Они «не судьи, а хищники,» говорили челобитчики, и доносили, что Степенный Посадникъ, Василій Ананьинъ, съ товарищами пріѣзжалъ разбоемъ въ улицу Славкову и Никитину, отнялъ у жителей на тысячу рублей товара, многихъ убилъ до смерти. Другіе жаловались на грабежъ Старостъ. Іоаннъ, еще слѣдуя древнему обычаю Новогородскому, далъ знать Вѣчу, чтобы оно приставило стражу къ обвиняемымъ; велѣлъ имъ явиться на судъ, и самъ выслушавъ ихъ оправданія, рѣшилъ — въ присутствіи Архіепископа, знатнѣйшихъ чиновниковъ, Бояръ — что жалобы справедливы; что вина доказана; что преступники лишаются вольности; что строгая казнь будетъ имъ возмездіемъ, а для другихъ примѣромъ. Обративъ въ ту же минуту глаза на двухъ Бояръ Новогородскихъ, Ивана Аѳанасьева и сына его, Елевѳерія, онъ сказалъ гнѣвно: «Изъидите! вы хотѣли предать отечество Литвѣ.» Воины Іоанновы оковали ихъ цѣпями, также Посадника Ананьина и Бояръ, Ѳедора

Исакова (Мареина сына), Ивана Ло
скаго и Богдана. Сіе дѣйствіе самовла
поразило Новогородцевъ; но всѣ, п
пивъ взоръ, молчали.

На другой день Владыка Өеофилъ и
гіе Посадники явились въ Великокн
скомъ дворцѣ, съ видомъ глубокой ск
моля Іоанна, чтобы онъ приказалъ от
заключенныхъ Бояръ на поруки, воз
тивъ имъ свободу. «Нѣтъ,» отвѣтство
Государь Өеофилу: «тебѣ, богомольцу
«шему, и всему Новугороду извѣстно,
«сіи люди сдѣлали много зла отечеств
«нынѣ волнуютъ его своими кознями.»
послалъ главныхъ преступниковъ ок
ныхъ въ Москву; но, изъ уваженія к
датайству Архіепископа и Вѣча, ос
дилъ нѣкоторыхъ, менѣе виновныхъ,
казавъ взыскать съ нихъ денежную п
чѣмъ и заключился грозный судъ Ве
княжескій. Снова начались пиры для Г
даря и продолжались около шести не
г. 1476. Всѣ знатнѣйшіе люди угощали его рос
ными обѣдами: Архіепископъ трих
другіе по одному разу, и дарили день
драгоцѣнными сосудами, шелковыми
нями, сукнами, ловчими птицами, боч
вина, рыбьими зубами, и проч. На
мѣръ, Князь Василій Шуйскій пода
три половинки сукна, три камки, трид
карабельниковъ, два кречета и сок

Владыка двѣсти корабельниковъ, пять поставовъ сукна, жеребца, а на проводы бочку вина и двѣ меда; въ другой же разъ триста корабельниковъ, золотой ковшъ съ жемчугомъ (вѣсомъ въ фунтъ), два рога, окованные серебромъ, серебряную мису (вѣсомъ въ шесть фунтовъ), пять сороковъ соболей и десять поставовъ сукна; Василій Казимеръ золотой ковшъ (вѣсомъ въ фунтъ), сто корабельниковъ и два кречета; Яковъ Коробъ двѣсти корабельниковъ, два кречета, рыбій зубъ и поставъ *рудожелтаго* сукна; знатная вдова, Настасья Иванова, 30 корабельниковъ, десять поставовъ сукна, два сорока соболей и два зуба. Сверхъ того Степенный Посадникъ, Ѳома, избранный на мѣсто сверженнаго Василія Ананьина, и Тысячскій Есиповъ поднесли Великому Князю отъ имени всего Новагорода тысячу рублей. Въ день Рождества Іоаннъ далъ у себя обѣдъ Архіепископу и первымъ чиновникамъ, которые пировали во дворцѣ до глубокой ночи. Еще многіе знатные чиновники готовили пиршества; но Великій Князь объявилъ, что ему время ѣхать въ Москву, и только принялъ отъ нихъ назначенные для него дары. Лѣтописецъ говоритъ, что не осталось въ городѣ ни одного зажиточнаго человѣка, который бы не поднесъ чего нибудь Іоанну, и самъ не былъ отдаренъ милостиво, или одеждою драгоцѣнною, или камкою, или серебрянымъ кубкомъ, соболями, конемъ и проч. — Никогда Новогородцы не изъявляли такого усердія къ Великимъ Князьямъ, хотя оно

8*

происходило не отъ любви, но отъ страха: Іоаннъ ласкалъ ихъ, какъ Государь можетъ ласкать подданныхъ, съ видомъ милости и привѣтливаго снисхожденія.

Великій Князь, пируя, занимался и дѣлами государственными. Правитель Швеціи, Стенъ Стуръ, прислалъ къ нему своего племянника, Орбана, съ предложеніемъ возобновить миръ, нарушенный впаденіемъ Россіянъ въ Финляндію ([142]). Іоаннъ угостилъ Орбана, принялъ отъ него въ даръ статнаго жеребца, и велѣлъ Архіепископу именемъ Новагорода утвердить на нѣсколько лѣтъ перемиріе съ Швеціею по древнему обыкновенію. — Послы Псковскіе, вручивъ Іоанну дары, молили его, чтобы онъ не дѣлалъ никакихъ перемѣнъ въ древнихъ уставахъ ихъ отечества; а Князь Ярославъ, тамошній Намѣстникъ, пріѣхавъ самъ въ Новгородъ, жаловался что Посадники и граждане не даютъ ему всѣхъ законныхъ доходовъ. Великій Князь отправилъ туда Бояръ, Василія Китая и Морозова, сказать Псковитянамъ, чтобы они въ пять дней удовлетворили требованіямъ Намѣстника, или будутъ имѣть дѣло съ Государемъ раздраженнымъ ([143]). Ярославъ получилъ все желаемое. — Бывъ девять недѣль въ Новѣгородѣ, Іоаннъ выѣхалъ оттуда со множествомъ серебра и золота, какъ сказано въ лѣтописи ([144]). Воинская дружина его стояла по монастырямъ вокругъ города и плавала въ изобиліи; брала, что хотѣла: никто не смѣлъ жаловаться. Архіепископъ Ѳеофилъ

знатнѣйшіе чиновники проводили Государя до перваго стана, гдѣ онъ съ ними обѣдалъ, казался веселъ, доволенъ. Но судьба сей народной Державы уже была рѣшена въ умѣ его.

Заточеніе шести Бояръ Новогородскихъ, сосланныхъ въ Муромъ и въ Коломну, оставило горестное впечатлѣніе въ ихъ многочисленныхъ друзьяхъ: они жаловались на самовластіе Великокняжеское, противное древнему уставу, по коему Новогородецъ могъ быть наказываемъ только въ своемъ отечествѣ. Народъ молчалъ, изъявляя равнодушіе; но знатнѣйшіе граждане взяли ихъ сторону, и нарядили Посольство къ Великому Князю: самъ Архіепископъ, три Посадника и нѣсколько Житыхъ людей пріѣхали въ Москву бить челомъ за своихъ несчастныхъ Бояръ. Два раза Владыка Ѳеофилъ обѣдалъ во дворцѣ, однакожь не могъ умолить Іоанна, и съ горестію уѣхалъ на Страстной недѣлѣ, не хотѣвъ праздновать Пасхи съ Государемъ и съ Митрополитомъ (145).

г. 1477. Между тѣмъ рѣшительный судъ Великокняжескій полюбился многимъ Новогородцамъ, такъ, что въ слѣдующій годъ нѣкоторые изъ нихъ отправились съ жалобами въ Москву; въ слѣдъ за ними и отвѣтчики, знатные и простые граждане, отъ Посадниковъ до земледѣльцевъ: вдовы, сироты,

«умѣлъ довести ихъ до сего унич
Еще онъ не сдѣлалъ всего: пришло вр
шить начатое.

Умное правосудіе Іоанново плѣня
тѣхъ, которые искали правды и люб
утѣсненная слабость, оклеветанная
находили въ немъ защитника, спасите
истиннаго Монарха, или судію непр
низкимъ побужденіямъ личности: о
видѣть судную власть въ однѣхъ ру
Другіе, или завидуя силѣ первостепе
гражданъ, или ласкаемые Іоанномъ,
благопріятствовали Самодержавію. Сі
сленные друзья Великаго Князя, мож
сами собою, а можетъ быть и по со
нимъ замыслили слѣдующую хитрость
оныхъ, чиновникъ Назарій и Дьякъ В
рія, въ видѣ Пословъ отъ Архіеписко
соотечественниковъ, явились предъ

сягнуть ему какъ *полному Властителю*, единственному законодателю и судіи? соглашаются ли не имѣть у себя Тіуновъ, кромѣ Княжескихъ, и отдать ему Дворъ Ярославовъ, древнее мѣсто Вѣча (147)? Изумленные граждане отвѣтствовали: «мы не посылали съ тѣмъ къ Великому Князю; это ложь.» Сдѣлалось общее волненіе. Они терпѣли оказанное Іоанномъ самовластіе въ дѣлахъ судныхъ какъ *чрезвычайность*, но ужаснулись мысли, что сія чрезвычайность будетъ уже *закономъ;* что древняя пословица: *Новгородъ судится своимъ судомъ*, утратитъ навсегда смыслъ, и что Московскіе Тіуны будутъ рѣшить судьбу ихъ. Древнее Вѣче уже не могло ставить себя выше Князя, но по крайней мѣрѣ существовало именемъ и видомъ: Дворъ Ярославовъ былъ святилищемъ народныхъ правъ: отдать его Іоанну значило торжественно и навѣки отвергнуться оныхъ. Сіи мысли возмутили даже и самыхъ мирныхъ гражданъ, расположенныхъ повиноваться Великому Князю, но въ угодность собственному, внутреннему чувству блага, не слѣпо, не подъ остріемъ меча, готоваго казнить всякаго по мановенію Самовластителя. Забвенные единомышленники Марѳины воспрянули какъ бы отъ глубокаго сна, и говорили народу, что они лучше его предвидѣли будущее; что друзья или слуги Московскаго Князя суть измѣнники, коихъ торжество есть гробъ отечества. Народъ остервенился, искалъ предателей, требовалъ мести. Схватили одного знаменитаго

мужа, Василія Никифорова, и привели на Вѣче, обвиняя его въ томъ, что онъ былъ у Великаго Князя и далъ клятву служить ему противъ отечества. «Нѣтъ,» отвѣтствовалъ Василій: «я клялся Іоанну единственно въ вѣрности, въ доброжелательствѣ, но безъ измѣны моему истинному Государю, Великому Новугороду; безъ измѣны вамъ, моимъ господамъ и братьямъ.» Сего несчастнаго изрубили въ куски топорами (198); умертвили еще Посадника, Захарію Овина, который ѣздилъ судиться въ Москву и самъ доносилъ гражданамъ на Василія Никифорова; казнили и брата его, Козьму, на дворѣ Архіепископскомъ; многихъ иныхъ ограбили, посадили въ темницу, называя ихъ совѣтниками Іоанновыми: другіе разбѣжались. Между тѣмъ народъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла Послу Московскому и многочисленной дружинѣ его: сановники честили ихъ, держали около шести недѣль, и наконецъ отпустили именемъ Вѣча съ такою грамотою къ Іоанну: «Кланяемся тебѣ, *Господину нашему*, Великому Князю; а *Государемъ* не зовемъ. Судъ твоимъ Намѣстникамъ будетъ на «Городищѣ по старинѣ; но твоего суда, ни твоихъ Тіуновъ у насъ не будетъ. *Дворища Ярославля* не даемъ. Хотимъ жить по договору, «клятвенно утвержденному на Коростынѣ тобою «и нами (въ 1471 году). Кто же предлагалъ тебѣ быть *Государемъ* Новогородскимъ, тѣхъ «самъ знаешь и казни за обманъ; мы здѣсь также казнимъ сихъ лживыхъ предателей. А тебѣ,

Господинъ, челомъ бьемъ, чтобы ты держалъ насъ въ старинѣ, по крестному цѣлованію [149].» Такъ писали они, и еще сильнѣе говорили на Вѣчѣ, не скрывая мысли снова податься Литвѣ, буде Великій Князь не откажется отъ своихъ требованій [150].

Но Іоаннъ не любилъ уступать, и безъ сомнѣнія предвидѣлъ отказъ Новогородцевъ, желая только имѣть видъ справедливости въ семъ раздорѣ. Получивъ ихъ смѣлый отвѣтъ, онъ съ печалію объявилъ Митрополиту Геронтію, матери, боярамъ, что Новгородъ, произвольно давъ ему имя Государя, запирается въ томъ, дѣлаетъ его лжецомъ предъ глазами всей земли Русской, казнитъ людей вѣрныхъ своему законному Монарху какъ злодѣевъ, и грозится вторично измѣнить святѣйшимъ клятвамъ, Православію, отечеству. Митрополитъ, Дворъ и вся Москва думали согласно, что сіи мятежники должны почувствовать всю тягость Государева гнѣва. Началось молебствіе въ церквахъ; раздавали милостыню по монастырямъ и богадѣльнямъ; отправили гонца въ Новгородъ съ *грамотою складною* [151] или съ объявленіемъ войны, и полки собралися подъ стѣнами Москвы. Медленный въ замыслахъ важныхъ, но скорый въ исполненіи, Іоаннъ или не дѣйствовалъ или дѣйствовалъ рѣшительно, всѣми силами: не осталось ни одного мѣстечка, которое не прислало бы ратниковъ на службу Великокняжескую. Въ числѣ ихъ находились и жители областей Кашинской, Бѣжец-

кой, Новоторжской: ибо Іоаннъ присоединилъ къ Москвѣ часть сихъ Тверскихъ и Новогородскихъ земель.

Поручивъ столицу юному Великому Князю, сыну своему, онъ самъ выступилъ съ войскомъ 9 Октября, презирая трудности и неудобства осенняго похода въ мѣстахъ болотистыхъ. Хотя Новогородцы и взяли нѣкоторыя мѣры для обороны, но знали слабость свою, и прислали требовать *опасныхъ грамотъ* отъ Великаго Князя для Архіепископа Ѳеофила и Посадниковъ, коимъ надлежало ѣхать къ нему для мирныхъ переговоровъ ([152]). Іоаннъ велѣлъ остановить сего посланнаго въ Торжкѣ, также и другаго; обѣдалъ въ Волокѣ у брата, Бориса Васильевича, и былъ встрѣченъ именитымъ Тверскимъ Вельможею, Княземъ Микулинскимъ, съ учтивымъ приглашеніемъ заѣхать въ Тверь, отвѣдать хлѣба-соли у Государя его, Михаила. Іоаннъ вмѣсто угощенія требовалъ полковъ, и Михаилъ не смѣлъ ослушаться, заготовивъ, сверхъ того, всѣ нужные съѣстные припасы для войска Московскаго. Самъ Великій Князь шелъ съ отборными полками между Яжелбицкою дорогою и Мстою; Царевичь Даніяръ и Василій Образецъ по Замстѣ; Даніилъ Холмскій предъ Іоанномъ съ Дѣтьми Боярскими, Владимірцами, Переславцами и Костромитянами; за нимъ два Боярина съ Дмитровцами и Кашинцами; на правой сторонѣ Князь Симеонъ Ряполовскій съ Суздальцами и Юрьевцами; на лѣвой братъ Великаго

Князя, Андрей Меньшій, и Василій Сабуровъ съ Ростовцами, Ярославцами, Угличанами и Бѣжичанами; съ ними также Воевода матери Іоанновой, Семенъ Пѣшекъ, съ ея Дворомъ; между дорогами Яжелбицкою и Демонскою Князья Александръ Васильевичь и Борисъ Михайловичь Оболенскіе; первый съ Колужанами, Алексинцами, Серпуховцами, Хотуничами, Москвитянами, Радонежцами, Новоторжцами (153); вторый съ Можайцами, Волочанами, Звенигородцами и Ружанами; по дорогѣ Яжелбицкой Бояринъ Θеодоръ Давидовичь съ Дѣтьми Боярскими Двора Великокняжескаго и Коломенцами, также Князь Иванъ Васильевичь Оболенскій со всѣми его братьями и многими Дѣтьми Боярскими. 4 Ноября присоединились къ войску Іоаннову полки Тверскіе, предводимые Княземъ Михайломъ Θеодоровичемъ Микулинскимъ.

Въ Еглинѣ, Ноября 8, Великій Князь потребовалъ къ себѣ задержанныхъ Новогородскихъ *опасчиковъ* (то есть, присланныхъ за *опасными грамотами*): Старосту Даниславской улицы, Θеодора Калитина, и гражданина Житаго, Ивана Маркова. Они смиренно ударили ему челомъ, именуя его *Государемъ*. Іоаннъ велѣлъ имъ дать пропускъ для Пословъ Новогородскихъ. — Между тѣмъ многіе знатные Новогородцы прибыли въ Московскій станъ и вступили въ службу къ Великому Князю, или предвидя неминуемую гибель своего отечества, или спасаясь отъ злобы тамошняго народа, который гналъ всѣхъ Бо-

яръ, подозрѣваемыхъ въ тайныхъ связяхъ съ Москвою ([154]).

Ноября 19, въ Палинѣ, Іоаннъ вновь устроилъ войско для начатія непріятельскихъ дѣйствій: ввѣрилъ передовый отрядъ брату своему, Андрею Меньшему, и тремъ храбрѣйшимъ Воеводамъ: Холмскому съ Костромитянами, Ѳеодору Давидовичу съ Коломенцами, Князю Ивану Оболенскому Стригѣ съ Владимірцами; *въ правой рукѣ* велѣлъ быть брату, Андрею Большему, съ Тверскимъ Воеводою, Княземъ Микулинскимъ, съ Григоріемъ Никитичемъ, съ Иваномъ Житомъ, съ Дмитровцами и Кашинцами; въ *лѣвой* брату, Князю Борису Васильевичу, съ Княземъ Васильемъ Михайловичемъ Верейскимъ и съ Воеводою матери своей, Семеномъ Пѣшкомъ; а въ собственномъ полку Великокняжескомъ знатнѣйшему Боярину, Ивану Юрьевичу Патрекееву, Василію Образцу съ Боровичами, Симеону Ряполовскому, Князю Александру Васильевичу, Борису Михайловичу Оболенскому и Сабурову съ ихъ дружинами, также всѣмъ Переславцамъ и Муромцамъ. Передовый отрядъ долженъ былъ занять Бронницы ([155]).

Еще не довольный многочисленностію своей рати, Государь ждалъ Псковитянъ. Тамошній Князь Ярославъ, ненавидимый народомъ, но долго покровительствуемый Іоанномъ — бывъ даже въ явной войнѣ съ гражданами, не смѣвшими выгнать его, и пьяный имѣвъ съ ними битву *среди* города ([156]) — наконецъ по указу Госуда-

реву выѣхалъ оттуда. Псковитяне желали себѣ въ Намѣстники Князя Василья Васильевича Шуйскаго: Іоаннъ отправилъ его къ нимъ изъ Торжка, и велѣлъ, чтобы они немедленно вооружились противъ Новагорода. Обыкновенное ихъ благоразуміе не измѣнилось и въ семъ случаѣ: Псковитяне предложили Новогородцамъ быть за нихъ ходатаями у Великаго Князя; но получили въ отвѣтъ: «или заключите съ нами особенный «тѣсный союзъ какъ люди вольные, или обой«демся безъ вашего ходатайства» ([157]). Когда же Псковитяне, исполняя Іоанново приказаніе, грамотою объявили имъ войну, Новогородцы одумались и хотѣли, чтобы они вмѣстѣ съ ними послали чиновниковъ къ Великому Князю; но Дьякъ Московскій, Григорій Волнинъ, пріѣхавъ во Псковъ отъ Государя, нудилъ ихъ немедленно сѣсть на коней и выступить въ поле. Между тѣмъ сдѣлался тамъ пожаръ: граждане письменно извѣстили Іоанна о своей бѣдѣ, называли его *Царемъ Русскимъ* и давали ему разумѣть, что не время воевать людямъ, которые льютъ слезы на пеплѣ своихъ жилищъ ([158]); однимъ словомъ, всячески уклонялись отъ похода, предвидя, что въ паденіи Новагорода можетъ не устоять и Псковъ. Отговорки были тщетны: Іоаннъ велѣлъ, и Князь Шуйскій ([159]), взявъ осадныя орудія — пушки, пищали, самострѣлы — съ семью Посадниками вывелъ рать Псковскую, которой надлежало стать на берегахъ Ильменя, при устьѣ Шелони.

«*сударь* Князь Великій! я, богомолецъ т
«химандриты, Игумены и Священники в
«ми Соборовъ бьемъ тебѣ челомъ. Ты
«жилъ гнѣвъ *на свою отчину*, на Велик
«городъ ; огнь и мечь твой ходятъ по з
«шей; кровь Христіанская льется. Госуда
«луйся : молимъ тебя со слезами [160] ;
«миръ и освободи Бояръ Новогородских
«ченныхъ въ Москвѣ!» А Посадники и
люди говорили такъ: «*Государь* Князь
«Степенный Посадникъ Ѳома Андреевъ
«рые Посадники, Степенный Тысячскій
«Максимовъ и Старые Тысячскіе, Бо
«тые, купцы, черные люди и весь Вели
«городъ, твоя отчина, мужи вольные, б
«бѣ челомъ, и молятъ о мирѣ и свободѣ
«Бояръ заключенныхъ.» Посадникъ Лу
ровъ примолвилъ: «Государь! челобит
«каго Новагорода предъ тобою: повели
«ворить съ твоими Боярами.» Іоаннъ н

«чтобы Государь принялъ въ милость Великій «Новгородъ, мужей вольныхъ, и мечь свой «унялъ.» — Өеофилактъ Посадникъ: «Желаемъ «освобожденія Бояръ Новогородскихъ.» — Лука Посадникъ: «Желаемъ, чтобы Государь вся«кіе четыре года ѣздилъ въ свою отчину, Вели«кій Новгородъ, и бралъ съ насъ по тысячѣ «рублей; чтобы Намѣстникъ его судилъ съ По«садникомъ въ городѣ; а чего они не управятъ, «то рѣшитъ самъ Великій Князь, пріѣхавъ къ «намъ на четвертый годъ; но въ Москву да не «зоветъ судящихся!» — Яковъ Өедоровъ: «Да «не велитъ Государь вступаться своему Намѣст«нику въ особенные суды Архіепископа и По«садника!» Житые люди сказали, что подданные Великокняжескіе зовутъ ихъ на судъ къ Намѣстнику и Посаднику въ Новѣгородѣ, а сами хотятъ судиться единственно на Городищѣ; что сіе несправедливо, и что они просятъ Великаго Князя подчинить тѣхъ и другихъ суду Новогородскому ([161]). — Посадникъ Яковъ Коробъ заключилъ сими словами: «Челобитье наше предъ «Государемъ: да сдѣлаетъ, что ему Богъ поло«житъ на сердце!»

Іоаннъ въ тотъ же день велѣлъ Холмскому, Боярину Өеодору Давидовичу, Князю Оболенскому-Стригѣ и другимъ Воеводамъ подъ главнымъ начальствомъ брата его, Андрея Меньшаго, итти изъ Бронницъ къ Городищу и занять монастыри, чтобы Новогородцы не выжгли оныхъ. Воеводы перешли озеро Ильмень по

«кій Іоаннъ Василіевичь всея Руси теб
«му богомольцу Владыкѣ, Посадникамъ
«тымъ людямъ такъ отвѣтствуетъ на ва
«битье.» — Бояринъ Василій Борисови
должалъ: «Вѣдаете сами, что вы пр
«намъ, мнѣ и сыну моему, чрезъ санов
«зарія и Дьяка Вѣчеваго, Захарію, быт
«ми Государями; а мы послали Бояръ св
«Новгородъ узнать, что разумѣете подъ с
«немъ? Но вы заперлися, укоряя насъ, В
«Князей, насиліемъ и ложью; сверхъ то
«ли намъ и многія иныя досады. Мы т
«ожидая вашего исправленія; но вы болѣе
«лукавствовали, и мы обнажили мечь,
«Господню: *аще согрѣшитъ къ тебѣ бра*
«*обличи его наединѣ; аще не послушает*
«*съ собою два или три свидѣтеля; аще л*
«*не послушаетъ, повѣждь Церкви; аще*
«*Церкви нерадѣти начнетъ, будете яко*

емъ Великаго Князя: «Вы хотите свободы Бояръ вашихъ, мною осужденныхъ; но вѣдаете, что весь Новгородъ жаловался мнѣ на ихъ беззаконія, грабежи, убійства: ты самъ, Лука Исаковъ, находился въ числѣ истцевъ; и ты, Григорій Кипріяновъ, отъ имени Никитиной улицы; и ты, Владыка, и вы, Посадники, были свидѣтелями ихъ уличенія. Я мыслилъ казнить преступниковъ, но даровалъ имъ жизнь, ибо вы молили меня о томъ. Пристойно ли вамъ нынѣ упоминать о сихъ людяхъ?» — Князь Иванъ Юрьевичь заключилъ сими словами отвѣтъ Государевъ: «буде Новгородъ дѣйствительно желаетъ нашей милости, то ему извѣстны условія.»

Архіепископъ и Посадники отправились назадъ съ Великокняжескимъ приставомъ для ихъ безопасности. — 27 Ноября Іоаннъ, подступивъ къ Новугороду съ братомъ Андреемъ Меньшимъ и съ юнымъ Верейскимъ Княземъ, Василіемъ Михайловичемъ, расположился у Троицы Паозерской на берегу Волхова, въ трехъ верстахъ отъ города, въ селѣ Лошинскаго, гдѣ былъ нѣкогда домъ Ярослава Великаго, именуемый Ракомлею (163); велѣлъ брату стать въ монастырѣ Благовѣщенія, Князю Ивану Юрьевичу въ Юрьевѣ, Холмскому въ Аркадьевскомъ, Сабурову у Св. Пантелеймона, Александру Оболенскому у Николы на Мостищахъ, Борису Оболенскому на Соковѣ у Богоявленія, Ряполовскому на Пидьбѣ (164), Князю Василію Верейскому на Лисьей

Горкѣ, а Бояриву Ѳеодору Давидовичу и Князю Ивану Стригѣ на Городищѣ. 29 Ноября пришелъ съ полкомъ братъ Іоанновъ, Князь Борисъ Васильевичь, и сталъ на берегу Волхова въ Кречневѣ, селѣ Архіепископа. — 30 Ноября Государь велѣлъ Воеводамъ отпускать половину людей для собранія съѣстныхъ припасовъ до 10 Декабря, а 11 число быть всѣмъ на-лице, каждому на своемъ мѣстѣ; и въ тотъ же день послалъ гонца сказать Намѣстнику Псковскому, Князю Василію Шуйскому, чтобы онъ спѣшилъ къ Новугороду съ огнестрѣльнымъ снарядомъ ([165]).

Новогородцы хотѣли сперва изъявлять неустрашимость; дозволили всѣмъ купцамъ иноземнымъ выѣхать во Псковъ съ товарами: укрѣпились деревянною стѣною по обѣимъ сторонамъ Волхова; заградили сію рѣку судами; избрали Князя Василія Шуйскаго-Гребенку въ Военачальники, и не имѣя друзей, ни союзниковъ, не ожидая ни откуда помощи, обязались между собою клятвенною грамотою быть единодушными, показывая, что надѣются въ крайности на самое отчаяніе, и готовы отразить приступъ, какъ нѣкогда предки ихъ отразили сильную рать Андрея Боголюбскаго. Но Іоаннъ не хотѣлъ кровопролитія, въ надеждѣ, что они покорятся, и взялъ мѣры для доставленія всего нужнаго многочисленной рати своей. Исполняя его повелѣніе, богатые Псковитяне отправили къ нему обозъ съ хлѣбомъ, пшеничною мукою, колачами, рыбою, медомъ и разными товарами для вольной

продажи; прислали также и мостниковъ ([166]). Великокняжескій станъ имѣлъ видъ шумнаго торжища, изобилія; а Новгородъ, окруженный полками Московскими, былъ лишенъ всякаго сообщенія. Окрестности также представляли жалкое зрѣлище: воины Іоанновы не щадили бѣдныхъ жителей, которые въ 1471 году безопасно скрывались отъ нихъ въ лѣсахъ и болотахъ, но въ сіе время умирали тамъ отъ морозовъ и голода ([167]).

Декабря 4 вторично прибылъ къ Государю Архіепископъ Ѳеофилъ съ тѣми же чиновниками, и молилъ его только о мирѣ, не упоминая ни о чемъ иномъ. Бояре Московскіе, Князь Иванъ Юрьевичь, Ѳеодоръ Давидовичь и Князь Иванъ Стрига отпустили ихъ съ прежнимъ отвѣтомъ, что Новогородцы знаютъ, какъ надобно бить челомъ Великому Князю. — Въ сей день пришли къ городу Царевичь Даніяръ съ Воеводою, Василіемъ Образцемъ, и братъ Великаго Князя, Андрей Старшій, съ Тверскимъ Воеводою: они расположились въ монастыряхъ Кирилловѣ, Андреевѣ, Ковалевскомъ, Волотовѣ, на Деревеницѣ и у Св. Николы на Островкѣ ([168]).

Видя умноженіе силъ и непреклонность Великаго Князя — не имѣя ни смѣлости отважиться на рѣшительную битву, ни запасовъ для выдержанія осады долговременной — угрожаемые и мечемъ и голодомъ, Новогородцы чувствовали необходимость уступить, желали единственно длить время, и безъ надежды спасти вольность

надѣялись переговорами сохранить хотя нѣкоторыя изъ ея правъ. Декабря 5 Владыка Ѳеофилъ съ Посадниками и съ людьми Житьими, ударивъ челомъ Великому Князю въ присутствіи его трехъ братьевъ, именемъ Новагорода сказалъ: «Государь! мы, виновные, ожидаемъ твоей ми-«лости: *признаемъ* истину Посольства Назаріева «и Дьяка Захаріи; но какую власть желаешь «имѣть надъ нами?» Іоаннъ отвѣтствовалъ имъ чрезъ Бояръ: «Я доволенъ, что вы признаете «вину свою и сами на себя свидѣтельствуете. «Хочу властвовать въ Новѣгородѣ, какъ вла-«ствую въ Москвѣ.» — Архіепископъ и Посадники требовали времени для размышленія. Онъ отпустилъ ихъ съ повелѣніемъ дать рѣшительный отвѣтъ въ третій день. — Между тѣмъ пришло войско Псковское, и Великій Князь расположивъ его въ Бискупицахъ, въ селѣ Ѳедотинѣ, въ монастырѣ Троицкомъ на Варяжи, приказалъ знаменитому своему художнику, Аристотелю, строить мостъ подъ Городищемъ, какъ бы для приступа. Сей мостъ, съ удивительною скоростію сдѣланный на судахъ черезъ рѣку Волховъ, своею твердостію и красою заслужилъ похвалу Іоаннову ([169]).

7 Декабря Ѳеофилъ возвратился въ станъ Великокняжескій съ Посадниками и съ Выборными отъ пяти Концевъ Новогородскихъ. Іоаннъ выслалъ къ нимъ Бояръ. Архіепископъ молчалъ: говорили только Посадники. Яковъ Коробъ сказалъ: «Желаемъ, чтобы Государь ве-

лѣлъ Намѣстнику своему судить вмѣстѣ съ нашимъ Степеннымъ Посадникомъ.» — Ѳеофилактъ: «Предлагаемъ Государю ежегодную дань со всѣхъ волостей Новогородскихъ, съ двухъ сохъ гривну.» Лука: «Пусть Государь держитъ Намѣстниковъ въ нашихъ пригородахъ; но судъ да будетъ по старинѣ.» — Яковъ Ѳедоровъ билъ челомъ, чтобы Великій Князь не выводилъ людей изъ владѣній Новогородскихъ, не вступался въ отчины и земли Боярскія, не звалъ никого на судъ въ Москву. Наконецъ всѣ просили, чтобы Государь не требовалъ Новогородцевъ къ себѣ на службу, и поручилъ имъ единственно оберегать сѣверо-западные предѣлы Россіи.

Бояре донесли о томъ Великому Князю, и вышли отъ него съ слѣдующимъ отвѣтомъ: «Ты, богомолецъ нашъ, и весь Новгородъ признали меня Государемъ; а теперь хотите мнѣ указывать, какъ править вами?—Ѳеофилъ и Посадники били челомъ и сказали: «Не смѣемъ *указывать;* но только желаемъ вѣдать, какъ Государь намѣренъ властвовать въ своей Новогородской отчинѣ: ибо Московскихъ обыкновеній не знаемъ.» Великій Князь велѣлъ своему Боярину, Ивану Юрьевичу, отвѣтствовать такъ: «Знайте же, что въ Новѣгородѣ не быть ни Вѣчевому колоколу, ни Посаднику, а будетъ одна власть Государева; что какъ въ странѣ Московской, такъ и здѣсь хочу имѣть волости и села; что древнія земли Великокняжескія, вами отня-

«тыя, суть отнынѣ моя собственность. Но снис-«ходя на ваше моленіе, обѣщаю не выводить «людей изъ Новагорода, не вступаться въ отчи-«ны Бояръ, и судъ оставить по старинѣ.»

Прошла цѣлая недѣля: Новгородъ не присылалъ отвѣта Іоанну. Декабря 14 явился Θеофилъ съ чиновниками и сказалъ Боярамъ Великокняжескимъ: «Соглашаемся не имѣть ни Вѣча, ни «Посадника; молимъ только, чтобы Государь «утолилъ навѣки гнѣвъ свой и простилъ насъ «искренно, съ условіемъ не выводить Новгородцевъ въ Низовскую землю, не касаться соб-«ственности Боярской, не судить насъ въ Мо-«сквѣ и не звать туда на службу.» Великій Князь далъ слово. Они требовали присяги. Іоаннъ отвѣтствовалъ, что Государь не присягаетъ. «Удо-«вольствуемся клятвою Бояръ Великокняже-«скихъ или его будущаго Намѣстника Новгородскаго,» сказали Θеофилъ и Посадники: но и въ томъ получили отказъ; просили *опасной грамоты:* и той имъ не дали. Бояре Московскіе объявили, что переговоры кончились.

Тутъ любовь къ древней свободѣ въ послѣдній разъ сильно обнаружилась на Вѣчѣ. Новгородцы думали, что Великій Князь хочетъ обмануть ихъ, и для того не даетъ клятвы въ вѣрномъ исполненіи его слова. Сія мысль поколебала въ особенности Бояръ, которые не стояли ни за Вѣчевый колоколъ, ни за Посадника, но стояли за свои отчины. «Требуемъ битвы!» восклицали тысячи: «умремъ за вольность и Святу-

Софію!» Но сей порывъ великодушія не произелъ ничего, кромѣ шума, и долженъ былъ уступить хладнокровію разсудка. Нѣсколько дней ародъ слушалъ прѣніе между друзьями свободы и мирнаго подданства: первые могли обѣщать ему одну славную гибель среди ужасовъ города и тщетнаго кровопролитія; другіе жизнь, езопасность, спокойствіе, цѣлость имѣнія: и и наконецъ превозмогли. Тогда Князь Василій асильевичь Шуйскій Гребенка, доселѣ вѣрный ащитникъ свободныхъ Новогородцевъ, торжетвенно сложилъ съ себя чинъ ихъ Воеводы и ерешелъ въ службу къ Великому Князю, который принялъ его съ особенною милостію (170).

29 Декабря Послы Вѣча, Архіепископъ Ѳеоилъ и знатнѣйшіе граждане, снова прибыли въ еликокняжескій станъ, хотя и не имѣли *опаса*; зъявили смиреніе, и молили, чтобы Государь, тложивъ гнѣвъ, сказалъ имъ изустно, чѣмъ алуетъ свою Новогородскую отчину. Іоаннъ риказалъ впустить ихъ и говорилъ такъ: «Милость моя не измѣнилась; что обѣщалъ, то обѣщаю и нынѣ: забвеніе прошедшаго, судъ по старинѣ, цѣлость собственности частной, увольненіе отъ Низовской службы; не буду звать васъ въ Москву; не буду выводить людей изъ страны Новогородской.» Послы ударили челомъ и вышли; а Бояре Великокняжескіе напоили имъ, что Государь требуетъ волостей и елъ въ землѣ ихъ. Новогородцы предложили ему Луки Великія и Ржеву Пустую: онъ не взялъ.

Предложили еще десять волостей Ар
скопскихъ и монастырскихъ: не в
тѣхъ. «Избери же, что тебѣ самому
«но,» сказали они: «полагаемся во
«на Бога и на тебя.» Великій Князь
половины всѣхъ волостей Архіеп
скихъ и монастырскихъ: Новогород
гласились, но убѣдили его не отним
мель у нѣкоторыхъ бѣдныхъ монас
Іоаннъ требовалъ вѣрной описи во
и въ знакъ милости взялъ изъ Ѳе
выхъ только десять: что, вмѣстѣ с
стырскими, составляло около 2700
или тяголъ, кромѣ земель Новоторж
г. 1478. также ему отданныхъ (171).—Прошл
дней въ переговорахъ.

Января 8 Владыка Ѳеофилъ, Пос
и Житые люди молили Великаго
снять осаду: ибо тѣснота и недостат
хлѣбѣ произвели болѣзни въ городѣ
что многіе умирали. Іоаннъ велѣл
рамъ своимъ условиться съ ними о
хотѣлъ брать по семи денегъ съ к
земледѣльца; но согласился уменьш
дань втрое (172). «Желаемъ еще дру
«лости,» сказалъ Ѳеофилъ: «молим
«бы Великій Князь не посылалъ к
«своихъ писцовъ и даньщиковъ, к
«обыкновенно тѣснятъ народъ; но
«ритъ онъ совѣсти Новогородской
«исчислимъ людей, и вручимъ деньг

«му прикажетъ; а кто утаитъ хотя единую душу, «да будетъ казненъ.» Іоаннъ обѣщалъ.

Января 10 Бояре Московскіе требовали отъ Ѳеофила и Посадниковъ, чтобы Дворъ Ярославовъ былъ немедленно очищенъ для Великаго Князя, и чтобы народъ далъ ему клятву въ вѣрности. Новогородцы хотѣли слышать присягу: Государь послалъ ее къ нимъ въ Архіепископскую палату, съ своимъ Подъячимъ (173). На третій день Владыка и сановники ихъ сказали Боярамъ Іоанновымъ: «Дворъ Ярославовъ есть на«слѣдіе Государей, Великихъ Князей: когда имъ «угодно взять его, и съ площадью, да будетъ «ихъ воля. Народъ слышалъ присягу и готовъ «цѣловать крестъ, ожидая всего отъ Государей, «какъ Богъ положитъ имъ на сердце, и не имѣя «уже инаго упованія.» Дьякъ Новогородскій списалъ сію клятвенную грамоту, а Владыка и пять Концевъ утвердили оную своими печатями (174). Января 13 многіе Бояре Новогородскіе, Житые люди и купцы присягнули въ станѣ Іоанновомъ. Тутъ Государь велѣлъ сказать имъ, что пригороды ихъ, Заволочане и Двиняне будутъ оттолѣ цѣловать крестъ на имя Великихъ Князей, не упоминая о Новѣгородѣ; чтобы они не дерзали мстить своимъ единоземцамъ, находящимся у него въ службѣ, ни Псковитянамъ, и въ случаѣ споровъ о земляхъ ждали рѣшенія отъ Намѣстниковъ, не присвоивая себѣ никакой своевольной управы (175). Новогородцы обѣщались, и вмѣстѣ съ Ѳеофиломъ просили, чтобы Госу-

дарь благоволилъ изустно и громко объ
имъ свое милосердіе. Іоаннъ, возвысив
лосъ, сказалъ: «Прощаю, и буду отнынѣ
«вать тебя, своего богомольца, и нашу от
«Великій Новгородъ.»

Января 15 рушилось древнее Вѣче, котор
сего дня еще собиралось на дворѣ Яро
Вельможи Московскіе, Князь Иванъ Юрье
Ѳеодоръ Давидовичь и Стрига-Оболенскій,
пивъ въ палату Архіепископскую, сказали
Государь, внявъ моленію Ѳеофила, всего
щеннаго Собора, Бояръ и гражданъ, навѣ
бываетъ вины ихъ, въ особенности изъ у
нія къ ходатайству своихъ братьевъ, съ у
емъ, чтобы Новгородъ, давъ искренній
вѣрности, не измѣнялъ ему ни дѣломъ, н
слію ([176]). Всѣ знатнѣйшіе граждане, Бояре
тые люди, купцы цѣловали крестъ въ Арх
скопскомъ домѣ, а Дьяки и воинскіе чино
Іоанновы взяли присягу съ народа, съ
скихъ слугъ и женъ въ пяти Концахъ. Но
родцы выдали Іоанну ту грамоту, коею они
вились стоять противъ него единодушно,
торая скрѣплена была пятидесятью-осмью
тями ([177]).

Января 18 всѣ Бояре Новогородскіе, Дѣт
ярскіе и Житые люди били челомъ Іоанну
бы онъ принялъ ихъ въ свою службу. Имъ
явили, что сія служба, сверхъ иныхъ обя
стей, повелѣваетъ каждому изъ нихъ изв
*Вели*каго Князя о всякихъ злыхъ против

умыслахъ, не исключая ни брата, ни друга, и требуетъ скромности въ тайнахъ Государевыхъ ([178]). Они обѣщали то и другое. — Въ сей день Іоаннъ позволилъ городу имѣть свободное сообщеніе съ окрестностями; Января 20 отправилъ гонца въ Москву къ матери своей (которая безъ него постриглась въ Инокини ([179])], къ Митрополиту и къ сыну съ извѣстіемъ, что онъ *привелъ Великій Новгородъ во всю волю свою;* на другой день допустилъ къ себѣ тамошнихъ Бояръ, Житыхъ людей и купцевъ съ дарами, и послалъ своихъ Намѣстниковъ, Князя Ивана Стригу и брата его, Ярослава, занять Дворъ Ярославовъ; а самъ не ѣхалъ въ городъ, ибо тамъ свирѣпствовали болѣзни.

Наконецъ, 29 Января, въ Четвертокъ Масленой недѣли, онъ съ тремя братьями и съ Княземъ Василіемъ Верейскимъ прибылъ въ церковь Софійскую, отслушалъ Литургію, возвратился на Паозерье, и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ знатнѣйшихъ Новогородцевъ. Архіепископъ предъ столомъ поднесъ ему въ даръ панагію обложенную золотомъ и жемчугами, труѳово яицо окованное серебромъ въ видѣ кубка, чарку сердоликовую, хрустальную бочку, серебряную мису въ 6 фунтовъ и 200 корабельниковъ или 400 червонцевъ. Гости пили, ѣли и бесѣдовали съ Іоанномъ.

Февраля 1 онъ велѣлъ взять подъ стражу Купеческаго Старосту, Марка Памфиліева, Февраля 2 славную Маръу Борецкую ([180]) съ ея внук-

комъ Василіемъ Ѳеодоровымъ (коего
умеръ въ Муромской темницѣ), а послѣ пя
тыхъ людей Григорія Кипріанова, Ивана
на, Акинѳа съ сыномъ Романомъ и Юрія
хова, отвезти въ Москву, и все ихъ имѣні
сать въ казну. Сіи люди были единств
жертвою грознаго Московскаго Самодер
или какъ явные, непримиримые враги ег
какъ извѣстные друзья Литвы. Никто не
за нихъ вступиться. Февраля 3 Намѣстни
ликокняжескій, Иванъ Оболенскій-Стрига
скалъ всѣ письменные договоры, заключ
Новгородцами съ Литвою, и вручилъ ихъ
ну.—Все было спокойно; но Великій Кня
слалъ въ городъ еще двухъ иныхъ Нам
ковъ, Василія Китая и Боярина Ивана Зи
вича, для соблюденія тишины, велѣвъ и
нять домъ Архіепископскій.

Февраля 8 Іоаннъ вторично слушалъ
гію въ Софійской церкви и обѣдалъ у с
станѣ съ братомъ Андреемъ Меньшимъ,
хіепископомъ и знатнѣйшими Новгоро
Февраля 12 Владыка Ѳеофилъ предъ О
вручилъ Государю дары: цѣнь, двѣ ч
ковшъ золотые, вѣсомъ около девяти фу
вызолоченную кружку, два кубка, мису
серебряные, вѣсомъ въ тридцать одинъ
съ половиною, и 200 корабельниковъ
Февраля 17, рано по утру, Великій Князь
вился въ Москву; на первомъ станѣ, въ Я
угостилъ обѣдомъ Архіепископа, Бояръ

тыхъ людей Новогородскихъ; принялъ отъ нихъ нѣсколько бочекъ вина и меда; самъ отдарилъ всѣхъ, отпустилъ съ милостію въ Новгородъ, и пріѣхалъ въ столицу 5 Марта. Въ слѣдъ за нимъ привезли въ Москву славный Вѣчевый колоколъ Новогородскій и повѣсили его на колокольнѣ Успенскаго Собора, на площади. — Если вѣрить сказанію современнаго Историка, Длугоша, то Іоаннъ пріобрѣлъ несмѣтное богатство въ Новѣгородѣ, и нагрузилъ 300 возовъ серебромъ, золотомъ, каменьями драгоцѣнными, найденными имъ въ древней казнѣ Епископской, или у Бояръ, коихъ имѣніе было описано, сверхъ безчисленнаго множества шелковыхъ тканей, суконъ, мѣховъ и проч. Другіе цѣнятъ сію добычу въ 14,000,000 флориновъ ([182]): что безъ сомнѣнія увеличено.

Такъ Новгородъ покорился Іоанну, болѣе шести вѣковъ слывъ въ Россіи и въ Европѣ Державою народною или Республикою, и дѣйствительно имѣвъ образъ Демократіи: ибо Вѣче гражданское присвоивало себѣ не только законодательную, но и вышнюю исполнительную власть; избирало, смѣняло не только Посадниковъ, Тысячскихъ, но и Князей, ссылаясь на жалованную грамоту Ярослава Великаго; давало имъ власть, но подчиняло ее своей верховной; принимало жалобы, судило и наказывало въ случаяхъ важныхъ; даже съ Московскими Государями, даже и съ Іоанномъ заключало условія, *взаимною* клятвою утверждаемыя, и въ наруше-

ніи оныхъ имѣя право мести или войны; однимъ словомъ, владычествовало какъ собраніе народа Аѳинскаго или Франковъ на полѣ Марсовомъ, представляя лице Новагорода, который именовался *Государемъ.* Не въ правленіи вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ — какъ думали нѣкоторые Писатели — но въ первобытномъ составѣ всѣхъ Державъ народныхъ, отъ Аѳинъ и Спарты до Унтервальдена или Глариса, надлежитъ искать образцевъ Новгородской политической системы, напоминающей ту глубокую древность народовъ, когда они, избирая сановниковъ вмѣстѣ для войны и суда, оставляли себѣ право наблюдать за ними, свергать въ случаѣ неспособности, казнить въ случаѣ измѣны или несправедливости, и рѣшить все важное или чрезвычайное въ общихъ совѣтахъ. Мы видѣли, что Князья, Посадники, Тысячскіе въ Новѣгородѣ судили тяжбы и предводительствовали войскомъ: такъ древніе Славяне, такъ нѣкогда и всѣ иные народы не знали различія между воинскою и судебною властію. Сердцемъ или главнымъ составомъ сей Державы были Огнищане или Житые люди, то есть, домовитые или владѣльцы: они же и первые воины, какъ естественные защитники отечества; изъ нихъ выходили *Бояре* или граждане знаменитые заслугами. Торговля произвела купцевъ: они, какъ менѣе способные къ ратному дѣлу, занимали вторую степень; а третью свободные, но бѣднѣйшіе люди, названные Черными. *Граждане Младшіе* явились въ новѣйшія вре-

нева и стали между купцами и Черными людьми. Каждая степень безъ сомнѣнія имѣла свои права: вѣроятно, что Посадники и Тысячскіе избирались только изъ Бояръ; а другіе сановники изъ Житыхъ, купцевъ и Младшихъ гражданъ, но не изъ Черныхъ людей, хотя и послѣдніе участвовали въ приговорахъ Вѣча (183). Бывшіе Посадники, въ отличіе отъ Степенныхъ или настоящихъ именуясь *Старыми*, преимущественно уважались до конца жизни. — Умъ, сила и властолюбіе нѣкоторыхъ Князей, Мономаха, Всеволода III, Александра Невскаго, Калиты, Донскаго, сына и внука его, обуздывали свободу Новогородскую, однакожь не перемѣнили ея главныхъ уставовъ, коими она столько вѣковъ держалась, стѣсняемая временно, но никогда не отказываясь отъ своихъ правъ.

Обозрѣніе Исторіи Новагорода.

Исторія Новагорода составляетъ любопытнѣйшую часть древней Россійской. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ климатѣ суровомъ основанный, можетъ быть, толпою Славянскихъ рыбарей, которые въ водахъ Ильменя наполняли свои мрежи изобильнымъ ловомъ, онъ умѣлъ возвыситься до степени Державы знаменитой. Окруженный слабыми, мирными племенами Финскими, рано научился господствовать въ сосѣдствѣ; покоренный смѣлыми Варягами, заимствовалъ отъ нихъ духъ купече-

ства, предпріимчивость и мореплаваніе; изгналъ сихъ завоевателей, и будучи жертвою внутренняго безпорядка, замыслилъ Монархію, въ надеждѣ доставить себѣ тишину для успѣховъ гражданскаго общежитія и силу для отраженія внѣшнихъ непріятелей; рѣшилъ тѣмъ судьбу цѣлой Европы сѣверной, и давъ бытіе, давъ Государей нашему отечеству, успокоенный ихъ властію, усиленный толпами мужественныхъ пришельцевъ Варяжскихъ, захотѣлъ опять древней вольности: сдѣлался собственнымъ законодателемъ и судіею, ограничивъ власть Княжескую; воевалъ и купечествовалъ; еще въ X вѣкѣ торговалъ съ Царемградомъ (184), еще во XII посылалъ корабли въ Любекъ (185); сквозь дремучіе лѣса открылъ себѣ путь до Сибири, и горстію людей покоривъ обширныя земли между Ладогою, морями Бѣлымъ и Карскимъ, рѣкою Обію и нынѣшнею Уфою, насадилъ тамъ первыя сѣмена гражданственности и Вѣры Христіанской; передавалъ Европѣ товары Азіатскіе и Византійскіе, сверхъ драгоцѣнныхъ произведеній дикой Натуры; сообщалъ Россіи первые плоды ремесла Европейскаго, первыя открытія Искусствъ благодѣтельныхъ; славясь хитростію въ торговлѣ (186), славился и мужествомъ въ битвахъ, съ гордостію указывая на свои стѣны, подъ коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбскаго; на Альту, гдѣ Ярославъ Великій съ вѣрными Новогородцами побѣдилъ злочестиваго Святополка; на Липицу, гдѣ Мсти-

славъ Храбрый съ ихъ дружиною сокрушилъ ополченіе Князей Суздальскихъ ([187]); на берега Невы, гдѣ Александръ смирилъ надменность Биргера, и на поля Ливонскія, гдѣ Орденъ Меченосцевъ столь часто уклонялъ знамена предъ Святою Софіею, обращаясь въ бѣгство. Такія воспоминанія, питая народное честолюбіе, произвели извѣстную пословицу: *кто противъ Бога и Великаго Новагорода* ([188])? Жители его хвалились и тѣмъ, что они не были рабами Моголовъ, какъ иные Россіяне: хотя и платили дань Ординскую, но Великимъ Князьямъ, не зная Баскаковъ и не бывъ никогда подвержены ихъ тиранству.

Лѣтописи Республикъ обыкновенно представляютъ намъ сильное дѣйствіе страстей человѣческихъ, порывы великодушія и не рѣдко умилительное торжество добродѣтели, среди мятежей и безпорядка, свойственныхъ народному правленію: такъ и лѣтописи Новагорода въ неискусственной простотѣ своей являютъ черты плѣнительныя для воображенія. Тамъ народъ, подвигнутый омерзѣніемъ къ злодѣйствамъ Святополка, забываетъ жестокость Ярослава I, хотящаго удалиться къ Варягамъ; разсѣкаетъ ладіи, приготовленныя для его бѣгства, и говоритъ ему: «ты умертвилъ нашихъ братьевъ, но «мы идемъ съ тобою на Святополка и Болеслава; у тебя нѣтъ казны: возьми все, что имѣемъ ([189]).» Здѣсь Посадникъ Твердиславъ, несправедливо гонимый, слышитъ вопль убійцъ, посланныхъ вонзить ему мечь въ сердце, и ве-

ни [190]. Тутъ достойный Архіеп
въ рукѣ крестъ, является среди у
усобной брани; возноситъ руку
щую, именуетъ Новогородцевъ д
и стукъ оружія умолкаетъ: он
братски обнимаютъ другъ друга
вахъ съ врагами иноплеменным
Тысячскіе умирали впереди за Свя
Святители Новогородскіе, избир
народа, по всеобщему уваженію к
свойствамъ, превосходили иныхъ
ми Пастырскими и гражданскими
ну свою для общаго блага; строи.
ни, мосты, и даже посылали
бенный полкъ, который назы
нимъ [193]; будучи главными блю
восудія, внутренняго благоустр
ревностно стояли за Новгородъ,
гнѣва Митрополитовъ, ни мести

исполнять договоры, и слово: *Новогородская честь*, *Новогородская душа*, служило иногда вмѣсто клятвы ([195]). — Республика держится добродѣтелію, и безъ нее упадаетъ.

Паденіе Новагорода ознаменовалось утратою воинскаго мужества, которое уменьшается въ Державахъ торговыхъ съ умноженіемъ богатства, располагающаго людей къ наслажденіямъ мирнымъ. Сей народъ считался нѣкогда самымъ воинственнымъ въ Россіи, и гдѣ сражался, тамъ побѣждалъ, въ войнахъ междоусобныхъ и внѣшнихъ ([196]): такъ было до XIV столѣтія. Счастіемъ спасенный отъ Батыя, и почти свободный отъ ига Моголовъ, онъ болѣе и болѣе успѣвалъ въ купечествѣ, но слабѣлъ доблестію: сія вторая эпоха, цвѣтущая для торговли, бѣдственная для гражданской свободы, начинается со временъ Іоанна Калиты. Богатые Новогородцы стали откупаться серебромъ отъ Князей Московскихъ и Литвы; но вольность спасается не серебромъ, а готовностію умереть за нее: кто откупается, тотъ признаетъ свое безсиліе, и манитъ къ себѣ Властелина. Ополченія Новогородскія въ XV вѣкѣ уже не представляютъ намъ ни пылкаго духа, ни искусства, ни успѣховъ блестящихъ. Что кромѣ неустройства и малодушнаго бѣгства видимъ въ послѣднихъ рѣшительныхъ битвахъ за свободу? Она принадлежитъ льву, не агнцу, и Новгородъ могъ только избирать одного изъ двухъ Государей, Литовскаго или Московскаго: къ счастію, наслѣд-

и государственныя добродѣтели, можетъ ть : «Іоаннъ былъ достоинъ сокрушить ю вольность Новогородскую, ибо хотѣлъ дараго блага всей Россіи.»

ѣсь умолкаетъ *особенная* Исторія Новаго-. Прибавимъ къ ней остальныя извѣстія о бѣ его въ государствованіе Іоанна. Въ 1479 Великій Князь ѣздилъ туда, смѣнилъ Архіеопа Ѳеофила, будто бы за тайную связь съ вою ([198]), и прислалъ въ Москву, гдѣ онъ зъ шесть лѣтъ умеръ въ Обители Чудов-, какъ послѣдній изъ знаменитыхъ народъ Владыкъ; преемникомъ его былъ Іеромоь Троицкій, именемъ Сергій, избранный *по бію* изъ трехъ духовныхъ особъ : чѣмъ Веій Князь хотѣлъ изъявить уваженіе къ древу обычаю Новогородцевъ, отнявъ у нихъ во имѣть *собственныхъ* Святителей ([199]). Сей хіепископъ, не любимый гражданами, черезъ сколько мѣсяцевъ возвратился въ Троицкую итель за болѣзнію. Мѣсто его заступилъ Чуіскій Архимандритъ Геннадій. — Не могъ угъ исчезнуть духъ свободы въ народѣ, коый пользовался ею столько вѣковъ, и хотя было общаго мятежа, однакожь Іоаннъ виъ неудовольствіе и слышалъ тайныя жалобы вогородцевъ : надежда, что вольность можетъ креснуть, еще жила въ ихъ сердцѣ; не рѣдко аруживалась природная имъ строптивость; рывались и злые умыслы. Чтобы искоренить опасный духъ, онъ прибѣгнулъ къ средству

рѣшительному: въ 1481 году велѣлъ взять тамъ подъ стражу знатныхъ людей: Василія Казимера съ братомъ Яковомъ Коробомъ, Михаила Берденева и Луку Ѳедорова, а скоро и всѣхъ главныхъ Бояръ, коихъ имущество, движимое и недвижимое, описали на Государя. Нѣкоторыхъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ, пытали: они сами доносили другъ на друга; но приговоренные къ смерти, объявили, что взаимные ихъ доносы были клеветою, вынужденною муками: Іоаннъ велѣлъ разослать ихъ по темницамъ; другимъ, явно невиннымъ, далъ помѣстья въ областяхъ Московскихъ. Въ числѣ богатѣйшихъ гражданъ, тогда заточенныхъ, Лѣтописецъ именуетъ *славную* жену Анастасію и Боярина Ивана Козмина: у первой въ 1476 году пировалъ Великій Князь съ Дворомъ своимъ; а вторый уходилъ въ Литву съ тридцатью слугами, но будучи недоволенъ Казимиромъ, возвратился въ отчизну и думалъ по крайней мѣрѣ умереть тамъ спокойно [200]. — Въ 1487 году перевели изъ Новагорода въ Владиміръ 50 лучшихъ семействъ купеческихъ. Въ 1488 году Намѣстникъ Новогородскій, Яковъ Захарьевичъ, казнилъ и повѣсилъ многихъ Житыхъ людей, которые хотѣли убить его, и прислалъ въ Москву болѣе осьми тысячь Бояръ, именитыхъ гражданъ и купцевъ, получившихъ земли въ Владимірѣ, Муромѣ, Нижнемъ, Переславлѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ, Костромѣ; а на ихъ земли, въ Новгородъ, послали Москвитянъ,

юдей служивыхъ и гостей [201]. Симъ переселеніемъ былъ навѣки усмиренъ Новгородъ. Остался трупъ: душа исчезла; иные жители, иные обычаи и нравы, свойственные Самодержавію. Іоаннъ въ 1500 году, съ согласія Митрополитова, роздалъ всѣ Новгородскія церковныя имѣнія въ помѣстье Дѣтямъ Боярскимъ [202].

Одинъ Псковъ еще сохранилъ древнее гражданское образованіе, Вѣче и народныхъ сановниковъ, обязанный тѣмъ своему послушанію. Великій Князь, довольный его содѣйствіемъ въ походѣ Новогородскомъ, прислалъ ему въ даръ кубокъ, и милостиво обѣщалъ *не премѣнять старины;* а свѣдавъ, что Послы Великокняжескіе дѣлаютъ тамъ наглыя обиды жителямъ, съ гордостію отвергаютъ дары Вѣча, но своевольно берутъ у гражданъ и поселянъ, что имъ вздумается, онъ строго запретилъ такія насилія [203]. Въ семъ случаѣ, какъ и въ другихъ, видимъ Іоанново правило соглашать вводимое имъ Единовластіе съ уставомъ естественной справедливости, и не отнимать ничего безъ вины. Псковъ удержалъ до времени свои законы гражданскіе, ибо не оспоривалъ Государевой власти отмѣнить ихъ.

Довольный славнымъ успѣхомъ Новогородскаго похода, Іоаннъ скоро насладился и живѣйшею семейственною радостію. Софія была уже матерію трехъ дочерей: Елены, Θеодосіи и второй Елены [204]; хотѣла сына, и вмѣстѣ съ су-

пругомъ печалилась, что Богъ не исполняетъ ихъ желанія. Для сего ходила она пѣшкомъ молиться въ Обитель Троицкую, гдѣ, какъ пишутъ, явился ей Св. Сергій, держа на рукахъ своихъ благовиднаго младенца, приближился къ Великой Княгинѣ и *ввергнулъ его въ ея нѣдра:* Софія затрепетала отъ видѣнія столь удивительнаго; съ усердіемъ облобызала мощи Святаго, и чрезъ девять мѣсяцевъ родила сына, Василія-Гавріила. Сію повѣсть разсказывалъ самъ Василій (уже будучи Государемъ) Митрополиту Іоасафу (205). Послѣ того Софія имѣла четырехъ сыновей: Георгія, Димитрія, Симеона, Андрея, дочерей Ѳеодосію и Евдокію (206).

Рожденіе Василія Гавріила.

Покореніе Новагорода есть важная эпоха сего славнаго княженія: слѣдуетъ другая, еще важнѣйшая: торжественное возстановленіе нашей государственной независимости, соединенное съ конечнымъ паденіемъ Большей или Золотой Орды. Тутъ ясно открылась мудрость Іоанновой Политики, которая неусыпно искала дружбы Хановъ Таврическихъ, чтобы силою ихъ обуздывать Ахмата и Литву. Не долго Зенебекъ господствовалъ въ Тавридѣ: Менгли-Гирей изгналъ его, воцарился снова и прислалъ извѣстить о томъ Іоанна, который немедленно отправилъ къ нему гонца съ поздравленіемъ, а скоро (въ 1480 году)

г. 1478-1480.

Посоль-

Боярина, Князя Ивана Звенца ([207]). Сей
[П]осолъ долженъ былъ сказать Хану, что
[В]еликій Князь, изъ особенной къ нему
[д]ружбы, принялъ къ себѣ не только из-
[г]наннаго Царя Зенебека, но и двухъ брать-
[е]въ Менгли-Гиреевыхъ, Нордоулата и Ай-
[д]ара, жившихъ прежде въ Литвѣ, дабы от-
[н]ять у нихъ способъ вредить ему; что Го-
[с]ударь согласенъ дѣйствовать съ Менгли-
[Г]иреемъ противъ Ахмата, если онъ будетъ
[е]му поборникомъ противъ Казимира Ли-
[т]овскаго. На сихъ условіяхъ надлежало
[П]ослу заключить союзъ съ Ханомъ: для че-
[г]о и дали ему *шертную* или клятвенную
[г]рамоту съ повелѣніемъ изъяснить Вель-
[м]ожамъ Крымскимъ, сколь усердно Го-
[с]ударь доброжелательствуетъ ихъ Царю.
[С]верхъ того Бояринъ Звенецъ имѣлъ по-
[р]ученіе отдать Хану на-единѣ тайную гра-
[м]оту, утвержденную крестнымъ цѣловані-
[е]мъ и золотою печатію: сею грамотою, по
[ж]еланію Менгли-Гирея написанною, Вели-
[к]ій Князь обязывался дружески принять
[е]го въ Россіи, буде онъ въ третій разъ ли-
[ш]ится престола; не только обходиться съ
[н]имъ какъ съ Государемъ вольнымъ, неза-
[в]исимымъ, но и способствовать ему всѣми
[с]илами къ возвращенію Царства. Испы-
[т]авъ непостоянство судьбы, умный, доб-
[р]ый Менгли-Гирей хотѣлъ взять мѣры на
[с]лучай ея новыхъ превратностей и забла-

[Посоль]ство въ Крымъ.

Политикою утвержденный, услов
стѣ воевать или мириться; набл
движенія Ахмата и Литвы; тайн
мѣшать ихъ замысламъ, вредны
или другой стороны; наконец
Державамъ, Москвѣ и Крыму, д
какъ единой во всѣхъ случаяхъ.

Сверженіе ига Ханскаго.

Увѣренный въ дружбѣ Менгл
въ собственныхъ силахъ, Іоанн
стію нѣкоторыхъ Лѣтописцевъ
вывести Ахмата изъ заблужден
ственно объявить свободу Росс
щимъ образомъ. Сей Ханъ отп
Москву новыхъ Пословъ требо
Ихъ представили къ Іоанну:
басму (или образъ Царя), излома
силъ на землю, растопталъ ногам
лѣлъ умертвить Пословъ, кромѣ
сказалъ ему: «спѣши объявить
«лѣнное тобою: что сдѣлалось с

ласнѣе съ характеромъ Іоанновой осто-ожности и съ послѣдствіями, приписыва-тъ ополченіе Ханское единственно науще-іямъ Казимировымъ. Съ ужасомъ видя озрастающее величіе Россіи, сей Государь ослалъ одного служащаго ему Князя Та-арскаго, именемъ Акирея Муратовича (209), ъ Золотую Орду, склонять Ахмата къ силь-ому впаденію въ Россію, обѣщая съ своей стороны сдѣлать то же. Время казалось бла-гопріятнымъ: Орда была спокойна; племян-никъ Ахматовъ, именемъ Касыда, долго споривъ съ дядею о Царствѣ, наконецъ съ нимъ примирился (210). Злобствуя на Вели-каго Князя за его ослушаніе (211) и не до-вольный умѣренностію даровъ его, Ханъ условился съ Королемъ, чтобы Татарамъ итти изъ Волжскихъ Улусовъ къ Окѣ, а Литовцамъ къ берегамъ Угры, и съ двухъ сторонъ въ одно время вступить въ Россію. Первый сдержалъ слово, и лѣтомъ (въ 1480 году) двинулся къ предѣламъ Московскимъ со всею Ордою, съ племянникомъ Касыдою, съ шестью сыновьями и множествомъ Кня-зей Татарскихъ. — Къ ободренію враговъ нашихъ служила тогда и несчастная распря оаннова съ братьями: обстоятельства ея остойны замѣчанія (212).

Ссора Великаго Князя съ

Государь, смѣнивъ Намѣстника бывшаго ъ Великихъ Лукахъ, Князя Ивана Оболен-скаго-Лыка, велѣлъ ему заплатить большее

братьями.

количество серебра тамошнимъ гражданамъ, которые приносили на него жалобы, отчасти несправедливыя. Князь Лыко въ досадѣ уѣхалъ къ брату Іоаннову, Борису, въ Волокъ Ламскій, пользуясь древнимъ правомъ Боярскимъ переходить изъ службы Государя Московскаго къ Князьямъ Удѣльнымъ. Іоаннъ требовалъ сего бѣглеца отъ брата; но Борисъ отвѣтствовалъ: «не выдаю; а если онъ виновенъ, то нарядимъ судъ.» Вмѣсто суда Великій Князь приказалъ Намѣстнику Боровскому тайно схватить Лыка, гдѣ бы то ни было, и скованнаго представить въ Москву: что онъ и сдѣлалъ. Князь Борисъ Васильевичь оскорбился; писалъ къ брату, Андрею Суздальскому, о семъ беззаконномъ насиліи, и говорилъ, что Іоаннъ тиранствуетъ, презираетъ святые древніе уставы и единоутробныхъ, не далъ имъ части ни изъ Удѣла Юріева, ни изъ областей Новогородскихъ, завоевавъ ихъ вмѣстѣ съ ними; что терпѣнію долженъ быть конецъ, и что они не могутъ послѣ того жить въ Государствѣ Московскомъ. Андрей былъ такого же мнѣнія: собравъ многочисленную дружину, оба съ женами и дѣтьми выѣхали изъ своихъ Удѣловъ; не хотѣли слушать Боярина Іоаннова, посланнаго уговорить ихъ (213); спѣшили къ Литовской границѣ, злодѣйствуя на пути огнемъ и мечемъ какъ въ землѣ

епріятельской; остановились въ Великихъ Лукахъ и требовали отъ Казимира, чтобы въ за нихъ вступился. Король, обрадованный симъ случаемъ ([214]), далъ городъ Витебскъ на содержаніе ихъ семействъ, къ крайнему безпокойству всѣхъ Россіянъ, устрашенныхъ вѣроятностію междоусобной войны ([215]). Между тѣмъ Великій Князь подозрѣвалъ мать свою въ тайномъ согласіи съ его братьями, зная отмѣнную любовь ея къ Андрею ([216]), и хотѣлъ быть великодушнымъ: послалъ къ нимъ Ростовкаго Святителя, Вассіана, съ Бояриномъ Василіемъ Ѳедоровичемъ Образцемъ, и предлагалъ миръ искренній, обѣщая Андрею, сверхъ наслѣдственнаго Удѣла, Алексинъ и Калугу ([217]). Но братья съ гордостію отвергнули всѣ убѣжденія Вассіановы и милость Іоаннову.

Походъ Ахмата на Россію.

Тогда услышали въ Москвѣ о походѣ Ахмата, который шелъ медленно, ожидая вѣстей отъ Казимира. Іоаннъ все предвидѣлъ: какъ скоро Золотая Орда двинулась, Менгли-Гирей, вѣрный его союзникъ, по условію съ нимъ напалъ на Литовскую Подолію и тѣмъ отвлекъ Казимира отъ содѣйствія съ Ахматомъ. Зная же, что сей послѣдній оставилъ въ своихъ Улусахъ только женъ, дѣтей и старцевъ, Іоаннъ велѣлъ Крымскому Царевичу Нордоулату и Воеводѣ Звенигородскому, Князю Василью

Ноздроватому, съ небольшимъ отрядомъ сѣсть на суда и плыть туда Волгою, чтобы разгромить беззащитную Орду или по крайней мѣрѣ устрашить Хана (218). Москва въ нѣсколько дней наполнилась ратниками. Передовое войско уже стояло на берегу Оки. Сынъ Великаго Князя, Младый Іоаннъ, выступилъ со всѣми полками изъ столицы въ Серпуховъ 8 Іюня; а дядя его, Андрей Меньшій, изъ своего Удѣла. Самъ Государь еще оставался въ Москвѣ недѣль шесть; наконецъ, свѣдавъ о приближеніи Ахмата къ Дону, 23 Іюля отправился въ Коломну, поручивъ храненіе столицы дядѣ своему, Михаилу Андреевичу Верейскому, и Бояриву Князю Ивану Юрьевичу, Духовенству, купцамъ и народу. Кромѣ Митрополита, находился тамъ Архіепископъ Ростовскій, Вассіанъ, старецъ ревностный ко славѣ отечества (219). Супруга Іоаннова выѣхала съ Дворомъ своимъ въ Дмитровъ, откуда на судахъ удалилась къ предѣламъ Бѣлаозера; а мать его, Инокиня Марѳа, внявъ убѣжденіямъ Духовенства, къ утѣшенію народа осталась въ Москвѣ (220).

Великій Князь принялъ самъ начальство надъ войскомъ, прекраснымъ и многочисленнымъ, которое стояло на берегахъ Оки рѣки, готовое къ битвѣ (221). Вся Россія съ надеждою и страхомъ ожидала слѣдствій. Іоаннъ былъ въ положеніи Димитрія Донскаго, шедшаго сразиться съ Мамаемъ: имѣлъ полки лучше устроенные, Воеводъ опытнѣйшихъ, болѣе славы и величія; но

зрѣлостію лѣтъ, природнымъ хладнокровіемъ, осторожностію располагаемый не вѣрить слѣпому счастію, которое иногда бываетъ сильнѣе доблести въ битвахъ, онъ не могъ спокойно думать, что одинъ часъ рѣшитъ судьбу Россіи; что всѣ его великодушные замыслы, всѣ успѣхи медленные, постепенные, могутъ кончиться гибелію нашего войска, развалинами Москвы, новою тягчайшею неволею отечества, и единственно *отъ нетерпѣнія:* ибо Золотая Орда нынѣ или завтра долженствовала исчезнуть по ея собственнымъ, внутреннимъ причинамъ разрушенія. Димитрій побѣдилъ Мамая, чтобы видѣть пепелъ Москвы и платить дань Тохтамышу: гордый Витовтъ, презирая остатки Капчакскаго Ханства, хотѣлъ однимъ ударомъ сокрушить ихъ, и погубилъ рать свою на берегахъ Ворсклы. Іоаннъ имѣлъ славолюбіе не воина, но Государя; а слава послѣдняго состоитъ въ цѣлости Государства, не въ личномъ мужествѣ: цѣлость, сохраненная осмотрительною уклончивостію, славнѣе гордой отважности, которая подвергаетъ народъ бѣдствію. Сіи мысли казались благоразуміемъ Великому Князю и нѣкоторымъ изъ Бояръ, такъ, что онъ желалъ, если можно, удалить рѣшительную битву.

Ахматъ, слыша, что берега Оки къ Рязанскимъ предѣламъ вездѣ заняты Іоанновымъ войскомъ, пошелъ отъ Дона мимо Мценска, Одоева и Любутска къ Угрѣ, въ надеждѣ соединиться тамъ съ Королевскими полками, или вступить

въ Россію съ той стороны, откуда его не ожидали. Великій Князь, давъ повелѣніе сыну и брату итти къ Калугѣ и стать на лѣвомъ берегу Угры, самъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ жители посадовъ перебиралися въ Кремль съ своимъ драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ, и видя Іоанна, вообразили, что онъ бѣжитъ отъ Хана. Многіе кричали въ ужасѣ: «Государь выдаетъ насъ Татарамъ! отя-«гощалъ землю налогами, и не платилъ дани Ор-«динской! разгнѣвилъ Царя, и не стоитъ за оте-«чество!» Сіе неудовольствіе народное, по словамъ одного Лѣтописца ([222]), столь огорчило Великаго Князя, что онъ не въѣхалъ въ Кремль, но остановился въ Красномъ селѣ, объявивъ, что прибылъ въ Москву для совѣта съ матерію, Духовенствомъ и Боярами. «Иди же смѣло на «врага!» сказали ему единодушно всѣ Духовные и мірскіе сановники. Архіепископъ Вассіанъ, сѣдый, ветхій старецъ, въ великодушномъ порывѣ ревностной любви къ отечеству воскликнулъ: «Смертнымъ ли бояться смерти? Рокъ неизбѣ-«женъ. Я старъ и слабъ; но не убоюся меча Та-«тарскаго, не отвращу лица моего отъ его бле-«ска ([223]).» — Іоаннъ желалъ видѣть сына, и велѣлъ ему быть въ столицу съ Даніиломъ Холмскимъ: сей пылкій юноша не поѣхалъ, отвѣтствуя родителю: «ждемъ Татаръ;» а Холмскому: «лучше мнѣ умереть здѣсь, нежели удалиться «отъ войска.» Великій Князь уступилъ общему мнѣнію, и далъ слово крѣпко противоборствовать Хану. Въ сіе время онъ помирился съ

ратьями, коихъ Послы находились въ Москвѣ; бѣщалъ жить съ ними дружно, надѣлить ихъ овыми волостями, требуя единственно, чтобы ни спѣшили къ нему съ своею воинскою дру-жиною для спасенія отечества. Мать, Митропо-литъ, Архіепископъ Вассіанъ, добрые совѣтни-и, а всего болѣе опасность Россіи, къ чести бѣихъ сторонъ, прекратили вражду единокров-ыхъ (224). — Іоаннъ взялъ мѣры для защи-ы городовъ; отрядилъ Дмитровцевъ въ Пере-лавль (225), Москвитянъ въ Дмитровъ; велѣлъ жечь посады вокругъ столицы, и 3 Октября, ринявъ благословеніе отъ Митрополита, поѣ-алъ къ войску. Никто ревностнѣе Духовен-тва не ходатайствовалъ тогда за свободу отече-тва и за необходимость утвердить оную мечемъ. Іервосвятитель Геронтій, знаменуя Государя рестомъ, съ умиленіемъ сказалъ: «Богъ да со-хранитъ твое Царство и дастъ тебѣ побѣду, якоже древле Давиду и Константину! Мужай-ся и крѣпися, о сынъ духовный! какъ истин-ный воинъ Христовъ. Добрый пастырь пола-гаетъ душу свою за овцы: ты не наемникъ! Избави врученное тебѣ Богомъ словесное ста-до отъ грядущаго нынѣ звѣря. Господь намъ поборникъ!» Всѣ духовные примолвили: *Аминь! уди тако!* и молили Великаго Князя не слушать нимыхъ друзей мира, коварныхъ или малодуш-ыхъ.

Іоаннъ пріѣхалъ въ Кременецъ, городокъ на ерегу Лужи (226), и далъ знать Воеводамъ, что

будетъ оттуда управлять ихъ движеніями. Полки наши, расположенные на шестидесяти верстахъ, ждали непріятеля, отразивъ легкій передовый отрядъ его, который искалъ переправы черезъ Угру. 8 Октября, на восходѣ солнца, вся сила Ханская подступила къ сей рѣкѣ. Сынъ и братъ Великаго Князя стояли на противномъ берегу. Съ обѣихъ сторонъ пускали стрѣлы: Россіяне дѣйствовали и пищалями. Ночь прекратила битву. На другой, третій и четвертый день опять сражались издали. Видя, что наши не бѣгутъ, и стрѣляютъ мѣтко, въ особенности изъ пищалей, Ахматъ удалился за двѣ версты отъ рѣки, сталъ на обширныхъ лугахъ и распустилъ войско по Литовской землѣ для собранія съѣстныхъ припасовъ (227). Между тѣмъ многіе Татары выѣзжали изъ стана на берегъ и кричали нашимъ: «Дайте путь Царю, или онъ силою дойдетъ до Великаго Князя, а вамъ будетъ худо.»

Миновало нѣсколько дней. Іоаннъ совѣтовался съ Воеводами: всѣ изъявляли бодрость, хотя и говорили, что силы непріятельскія велики. Но онъ имѣлъ двухъ любимцевъ, Боярина Ощеру и Григорія Мамона, коего мать была сожжена Княземъ Іоанномъ Можайскимъ за мнимое волшебство (228): сіи, какъ сказано въ лѣтописи, тучные Вельможи любили свое имѣніе, женъ и дѣтей гораздо болѣе отечества, и не преставали *шептать* Государю, что лучше искать мира. Они смѣялись надъ геройствомъ нашего Духовенства, которое, не имѣя понятія о случайностяхъ вой-

ны, хочетъ кровопролитія и битвы; напоминали Великому Князю о судьбѣ его родителя, Василія Темнаго, плѣненнаго Татарами; не устыдились думать, что Государи Московскіе, издревле обязывая себя клятвою не поднимать руки на Хановъ, не могутъ безъ вѣроломства воевать съ ними. Сіи внушенія дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что были согласны съ правилами собственнаго опасливаго ума Іоаннова. Любимцы его жалѣли своего богатства: онъ жалѣлъ своего величія, снисканнаго трудами осьмнадцати лѣтъ, и не увѣренный въ побѣдѣ, мыслилъ сохранить оное дарами, учтивостями, обѣщаніями. Однимъ словомъ, Государь послалъ Боярина, Ивана Ѳедоровича Товаркова, съ мирными предложеніями къ Ахмату и Князю Ординскому, Темиру. Но Царь не хотѣлъ слушать ихъ, отвергнулъ дары, и сказалъ Боярину: «я пришелъ сюда наказать «*Ивана* за его неправду, за то, что онъ не ѣдетъ «ко мнѣ, не бьетъ челомъ и уже *девять* лѣтъ не «платилъ дани. Пусть самъ явится предо мною: «тогда Князья наши будутъ за него ходатайство-«вать, и я могу оказать ему милость (229).» Темиръ также не взялъ даровъ, отвѣтствуя, что Ахматъ гнѣвенъ, и что Іоаннъ долженъ у *Царскаго стремени* вымолить себѣ прощеніе. Великій Князь не могъ унизиться до такой степени раболѣпства. Получивъ отказъ, Ахматъ сдѣлался снисходительнѣе, и велѣлъ объявить Іоанну, чтобы онъ прислалъ сына или брата, или хотя Вельможу, Никифора Басенка, угодника Ор-

иженіе низводятъ они твое величество!
ать землю Русскую огню и мечу, церкви
)енію, тьмы людей погибели! Чье сердце
нное не изліется въ слезахъ отъ единыя
іи? О Государь! кровь паствы вопіетъ на
, обвиняя пастыря. И куда бѣжать? гдѣ во-
шься, погубивъ данное тебѣ Богомъ стадо?
*раеши ли яко орелъ, и посреди ли звѣздъ гнѣ-
ѣбѣ устроишь? свергнетъ тебя Господь и от-*
г.... Нѣтъ, нѣтъ! уповаемъ на Вседержителя.
ь, ты не оставишь насъ, не явишься бѣгле-
ь, и не будешь именоваться предателемъ
ества!... Отложи страхъ и возмогай о Го-
ѣ въ державѣ крѣпости Его! Единъ поже-
тысящу, и два двигнутъ тьму, по слову
і святаго: *не суть боги ихъ яко Богъ нашъ!*
одь мертвитъ и живитъ: Онъ дастъ силу
мъ воинамъ. Язычникъ, Философъ Демо-
ъ, въ числѣ главныхъ Царскихъ добродѣ-
й ставитъ прозорливость въ мірскихъ слу-
ъ, твердость и мужество. Поревнуй пре-
, своимъ: они не только землю Русскую
или, но и многія иныя страны покоряли;
мни Игоря, Святослава, Владиміра, коихъ
ики были Цари Греческіе, и Владиміра Мо-
іха, ужаснаго для Половцевъ; а прадѣдъ
великій, хвалы достойный Димитрій, не
, ли невѣрныхъ Татаръ побѣдилъ за До-
ь? Презирая опасность, сражался впереди;
умалъ: *имѣю жену, дѣтей и богатство;
а возьмутъ землю мою, вселюся индѣ* — по

«сталъ въ лице Мамаю, и Богъ осѣнилъ главу «его въ день брани. Не уже ли скажешь, что ты «обязанъ клятвою своихъ предковъ не поднимать руки на Хановъ? Но Димитрій поднялъ «оную. Клятва принужденная разрѣшается Митрополитомъ и нами: мы всѣ благословляемъ «тебя на Ахмата, не Царя, но разбойника и *Богоборца*. Лучше солгать и спасти Государство, «нежели истинствовать и погубить его. По какому святому закону ты, Государь православный, обязанъ уважать сего злочестиваго самозванца, который силою поработилъ нашихъ «отцевъ за ихъ малодушіе, и воцарился, не будучи ни Царемъ, ни племени Царскаго? То «было дѣйствіемъ гнѣва Небеснаго; но Богъ «есть отецъ чадолюбивый: наказуетъ и милуетъ; древле потопилъ Фараона и спасъ Израиля: спасетъ и народъ твой, и тебя, когда «покаяніемъ очистишь свое сердце: ибо ты человѣкъ и грѣшенъ. Покаяніе Государя есть «искренній обѣтъ блюсти правду въ судахъ, «любить народъ, не употреблять насилія, оказывать милость и виновнымъ . . . Тогда Богъ «возставитъ намъ тебя, Государя, яко древле «Моисея, Іисуса и другихъ, освободившихъ Израиля, да и новый Израиль, земля Русская, «освободится тобою отъ нечестиваго Ахмата, «новаго Фараона: Ангелы снидутъ съ небесъ въ «помощь твою; Господь пошлетъ тебѣ отъ Сіона «жезлъ силы, и одолѣеши враговъ, и смятутся, «и погибнутъ. Тако глаголетъ Господь: *Азъ воз-*

двигохъ тя, Царя правды, и пріяхъ тя за руку десную, и укрѣпихъ тя, да послушаютъ тебе языцы, и крѣпость Царей разрушиши; и Азъ предъ тобою иду, и горы сравняю, и двери мѣдныя сокрушу, и затворы желѣзныя сломлю . . . и даруетъ тебѣ Всевышній Царство славное, и сынамъ сыновъ твоихъ въ родъ и родъ во вѣки. А мы Соборами Святительскими день и нощь молимъ Его, да разсыплются племена нечестивыя, хотящія брани; да будутъ омрачены молніею небесною и яко псы гладные да лижутъ землю языками своими! Радуемся и веселимся, слыша о доблести твоей и Богомъ даннаго тебѣ сына: уже вы поразили невѣрныхъ; но не забуди слова Евангельскаго: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ.* — Наконецъ прошу тебя, Государь, не осудить моего худоумія; писано бо есть: *дай мудрому вину, и будетъ мудрѣе.* Да будетъ тако! Благословеніе нашего смиренія на тебѣ, на твоемъ сынѣ, на всѣхъ Боярахъ и Воеводахъ, на всемъ Христолюбивомъ воинствѣ . . . Аминь.»

Прочитавъ сіе письмо, достойное великой души безсмертнаго мужа, Іоаннъ, какъ сказано въ лѣтописи (232), *исполнился веселія, мужества и крѣпости;* не мыслилъ болѣе о средствахъ мира, но мыслилъ единственно о средствахъ побѣды, и готовился къ битвѣ. Скоро прибыли къ нему братья его, Андрей и Борисъ, съ ихъ многочисленною дружиною: не было ни упрековъ, ни извиненій, ни условій; единокровные обнялися

ударъ Ахмату: «довольно; не губи остатковъ!» Нордоулатъ удалился; а Ханъ, свѣдавъ о разореніи Улусовъ, оставилъ Россію, чтобы защитить свою собственную землю (237). Сіе обстоятельство служитъ къ чести Іоаннова ума: заблаговременно взявъ мѣры отвлечь Ахмата отъ Россіи, Великій Князь ждалъ ихъ дѣйствія, и для того не хотѣлъ битвы. Но всѣ другіе Лѣтописцы славятъ единственно милость Божію и говорятъ: «Да не похвалятся легкомысленные страхомъ ихъ оружія! Нѣтъ, не оружіе и не мудрость человѣческая, но Господь спасъ нынѣ Россію (238)!» Іоаннъ, распустивъ войско, съ сыномъ и съ братьями пріѣхалъ въ Москву славословить Всевышняго, за побѣду, данную ему безъ кровопролитія. Онъ не увѣнчалъ себя лаврами, какъ побѣдитель Мамаевъ, но утвердилъ вѣнецъ на главѣ своей и независимость Государства. Народъ веселился; а Митрополитъ уставилъ особенный ежегодный праздникъ Богоматери и крестный ходъ Іюня 23 (239) въ память освобожденія Россіи отъ ига Моголовъ: ибо здѣсь конецъ нашему рабству.

Разореніе Большей Орды и смерть Ахмата.

Ахматъ имѣлъ участь Мамая. Онъ вышелъ изъ Литвы съ богатою добычею: Князь *Шибанскихъ* или Тюменскихъ Улусовъ, Ивакъ, желая отнять ее, съ Ногайскими Мурзами, Ямгурчеемъ, Мусою, и съ

шестнадцатью тысячами Козаковъ гнался за нимъ отъ береговъ Волги до Малаго Донца, гдѣ сей Ханъ, близъ Азова, остановился зимовать, распустивъ своихъ Улановъ. Ивакъ приближился ночью, окружилъ на разсвѣтѣ Царскую *бѣлую вежу*, собственною рукою умертвилъ спящаго Ахмата, безъ сраженія взялъ Орду, его женъ, дочерей, богатство, множество Литовскихъ плѣнниковъ, скота; возвратился въ Тюмень и прислалъ объявить Великому Князю, что злодѣй Россіи лежитъ въ могилѣ (240). Еще такъ называемая Большая Орда не совсѣмъ исчезла, и сыновья Ахматовы удержали въ степяхъ Волжскихъ имя Царей; но Россія уже не покланялась имъ, и знаменитая столица Батыева, гдѣ наши Князья болѣе двухъ вѣковъ раболѣпствовали Ханамъ, обратилась въ развалины, донынѣ видимыя на берегу Ахтубы: тамъ среди обломковъ гнѣздятся змѣи и ехидны (241). — Отселѣ Татары Шибанскіе и Ногайскіе, коихъ Улусы находились между рѣкою Бузулукомъ и моремъ Аральскимъ (242), являются дѣйствующими въ нашей Исторіи и въ сношеніяхъ съ Москвою, не рѣдко служа орудіемъ ея политикѣ. Князь Ивакъ Тюменскій хвалился происхожденіемъ своимъ отъ Чингиса и правомъ на тронъ Батыевъ, называя Ахмата, его братьевъ и сыновей дѣтьми Темиръ-Кутлуя, а себя истиннымъ Царемъ *Бесерменскимъ* (243); искалъ дружбы Іоанновой и величался именемъ равнаго ему Государя, уже не дерзая требовать съ насъ дани и

мыслить, чтобы Россіяне были природными подданными всякаго Хана Татарскаго.

Замѣтимъ тогдашнее расположеніе умовъ. Не смотря на благоразумныя мѣры, взятыя Іоанномъ для избавленія Государства отъ злобы Ахматовой; не смотря на бѣгство непріятеля, на цѣлость войска и Державы, Москвитяне, веселяся и торжествуя, не были совершенно довольны Государемъ: ибо думали, что онъ не явилъ въ семъ случаѣ свойственнаго великимъ душамъ мужества и пламенной ревности жертвовать собою за честь, за славу отечества. Осуждали, что Іоаннъ, готовясь къ войнѣ, послалъ супругу въ отдаленныя сѣверныя земли, думая о личной ея безопасности болѣе, нежели о столицѣ, гдѣ надлежало ободрить народъ присутствіемъ Великокняжескаго семейства. Строго осуждали и Софію, что она безъ всякой явной опасности бѣгала съ знатнѣйшими женами Боярскими изъ мѣста въ мѣсто, не хотѣла даже остаться и въ Бѣлозерскѣ, уѣхала далѣе къ морю, и на пути позволяла многочисленнымъ слугамъ своимъ грабить жителей какъ непріятелей (244). И такъ славнѣйшее дѣло Іоанново для потомства, конечное сверженіе Ханскаго ига, въ глазахъ современниковъ не имѣло полной, чистой славы, обнаруживъ въ немъ, по ихъ мнѣнію, боязливость или нерѣшительность, хотя сія мнимая слабость происходитъ иногда отъ самой глубокой мудрости человѣческой, которая не

есть Божественная, и предвидя многое, знаетъ, что не предвидитъ всего.

Тѣмъ болѣе народъ славилъ твердость нашего Духовенства, и въ особенности Вассіана, коего посланіе къ Великому Князю ревностные друзья отечества читали и переписывали съ слезами умиленія. Сей добродѣтельный старецъ едва имѣлъ время благословить начало государственной независимости въ Россіи: занемогъ и скончался, оплакиваемый всѣми добрыми согражданами (245). Славная память его осталась навѣки неразлучною съ памятію нашей свободы. — Тогда же преставился и братъ Великаго Князя, Андрей Меньшій, любимый народомъ за вѣрность и бодрую дѣятельность, оказанную имъ противъ Ахмата (246). Въ духовномъ завѣщаніи онъ признаетъ себя должникомъ Іоанна, получивъ отъ него 30,000 рублей для платежа въ Орды, въ Казань и Царевичу Даніяру; велитъ выкупить разныя вещи, отданныя имъ въ залогъ Ивану Фрязину и другимъ; не оставивъ ни дѣтей, ни жены, отказываетъ Государю Удѣлъ свой, его сыновьямъ иконы, кресты, поясы и цѣпи золотыя, братьямъ Андрею и Борису нѣкоторыя волости, Троицкому монастырю 40 деревень на Вологдѣ и проч. (247). Такимъ образомъ дѣлая себя единственнымъ наслѣдникомъ своихъ ближнихъ, умирающихъ бездѣт-

Г. 1481.

Кончина Андрея, меньшаго брата Іоаннова.

ными, Великій Князь новыми договорными грамотами утвердилъ за Андреемъ старшимъ, за Борисомъ и за дѣтьми ихъ, Удѣлы родительскіе съ частію Московскихъ пошлинъ; далъ еще первому городъ Можайскъ, а второму нѣсколько селъ, съ условіемъ, чтобы они не вступались въ его пріобрѣтенія, настоящія и будущія. Въ сихъ грамотахъ упоминается объ издержкахъ Ординскихъ (248): хотя Великій Князь уже не мыслилъ быть данникомъ, но предвидѣлъ необходимость подкупать Татаръ, чтобы располагать ихъ остальными силами въ нашу пользу. Содержаніе Царевича Даніяра и братьевъ Менгли-Гиреевыхъ, Нордоулата и Айдара, сосланнаго за что-то въ Вологду (249); наконецъ дары посылаемые въ Тавриду, въ Казань, въ Ногайскіе Улусы, требовали не малыхъ расходовъ, въ коихъ Андрей и Борисъ Василіевичи обязывались участвовать (250).

Посольство въ Крымъ.

Благополучно отразивъ Ахмата, свѣдавъ о гибели его, и миромъ съ братьями успокоивъ какъ Россію, такъ и собственное сердце, Іоаннъ послалъ къ Менгли-Гирею Боярина Тимоѳея Игнатьевича Скрябу (251), съ извѣстіемъ о своемъ успѣхѣ и съ напоминаніемъ, чтобы сей Ханъ не забывалъ ихъ договора дѣйствовать всегда общими силами противъ Волжской Орды и Казимира, въ случаѣ, если преемники Ахма-

товы или Король замыслятъ опять воевать Россію. Бояринъ Тимоѳей долженъ былъ говорить въ особенности съ Княземъ Крымскимъ, Именекомъ, нашимъ доброжелателемъ, и вручить его сыну, Довлетеку, *опасную грамоту* съ золотою печатію для свободнаго пребыванія во всѣхъ Московскихъ владѣніяхъ: ибо Довлетекъ, не вѣря спокойствію мятежной Тавриды, просилъ о томъ Іоанна. Странное дѣйствіе судьбы: Россія, столь долго губимая Татарами, сдѣлалась ихъ покровительницею и вѣрнымъ убѣжищемъ въ несчастіяхъ!

ГЛАВА IV.

Продолженіе Государствованія Іоаннова.

Г. 1480 — 1490.

Война съ Ливонскимъ Орденомъ. Литовскія дѣла. Ханъ Крымскій опустошаетъ Кіевъ. Сыновья Ахматовы воюютъ съ Крымскимъ Ханомъ. Король Венгерскій Матѳей въ дружбѣ съ Іоанномъ. Бракъ сына Іоаннова съ Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавскаго. Завоеваніе Твери. Присоединеніе Удѣла Верейскаго къ Москвѣ. Князья Ростовскіе, Ярославскіе лишены правъ Владѣтельныхъ. Происшествія Рязанскія. Покореніе Казани. Сношенія съ Ханомъ Крымскимъ. Посольство Муртозы, сына Ахматова, въ Москву. Посольство Ногайское. Покореніе Вятки. Завоеваніе земли Арской. Кончина Іоанна Младаго. Казнь врача. Соборъ на еретиковъ Жидовскихъ. Сверженіе Митрополита; избраніе новаго.

Г. 1480. Война съ Ливонскимъ Орденомъ.

Въ сіе время Іоаннъ предпріялъ нанести ударъ Ливонскимъ Нѣмцамъ. Еще въ 1478 году, покоряя Новгородъ, Московская рать входила въ ихъ Нарвскіе предѣлы и возвратилась оттуда съ добычею (252). Скоро послѣ того купцы Псковскіе были задержаны въ Ригѣ и въ Дерптѣ: у нѣкоторыхъ отняли товары, другихъ заключили въ тем-

у. Псковитяне сдѣлали тоже и съ купцами птскими; но не хотѣли войны, и считая себя мирѣ съ Нѣмцами, удивились, когда Рыцари ли Вышегородокъ. Сіе извѣстіе пришло во овъ ночью: ударили въ Вѣчевый колоколъ; ждане собралися, и на разсвѣтѣ выступили тивъ непріятеля. Оставивъ Вышегородокъ, цы явились подъ Гдовомъ. Съ помощію Вего Князя, и съ его Воеводою, Княземъ Анмъ Никитичемъ Ногтемъ, присланнымъ изъ агорода, Псковитяне заставили ихъ бѣжать, гли Костеръ на рѣкѣ Эмбахѣ, взяли тамъ колько пушекъ, осаждали Дерптъ и возвраись обремененные добычею. Сіе впаденіе Росъ въ Дерптскую землю описано самимъ Магромъ Ливонскимъ, Бернгардомъ, въ донесеего къ Главѣ Прусскаго Ордена (253): нѣтъ ости, въ которой бы онъ не обвинялъ ихъ; ніе людей безоружныхъ было легчайшимъ злодѣйствъ, ими будто бы совершенныхъ. омнимъ Читателю сказаніе Византійскихъ ориковъ о свирѣпости древнихъ Славянъ или ѣствованіе нашихъ Лѣтописцевъ о набѣгахъ арскихъ: Россіяне, по словамъ Бернгарда, ли не превзошли тогда сихъ варваровъ. истръ готовилъ месть: свѣдавъ, что Воевода ковскій, недовольный Псковитянами, ушелъ нихъ съ своею дружиною, и что Іоаннъ заь войною съ Ахматомъ, Бернгардъ требовалъ ощи, людей и денегъ отъ Прусскаго Ордена; ая дѣйствовать всѣми силами, но боясь упу-

стить время, приступилъ къ Изборску: не могъ взять его, и выжегъ только окрестности. Псковитяне, видя огонь и дымъ, жаловались на своего Князя, Василія Шуйскаго, что онъ пьетъ и грабитъ ихъ, а защитить не умѣетъ. Нѣмцы обратили въ пепелъ городокъ Кобылій, умертвивъ до четырехъ тысячь жителей, и наконецъ (въ 1480 году, Августа 20) осадили Псковъ. Войско ихъ, какъ пишутъ, состояло изъ 100,000 человѣкъ, большею частію крестьянъ, худо вооруженныхъ и совсѣмъ неспособныхъ къ ратнымъ дѣйствіямъ, такъ, что необозримый станъ его за рѣкою Великою походилъ на Цыганскій (254): шумъ и безпорядокъ господствовали въ ономъ. Но Псковитяне ужаснулись. Многіе бѣжали, и самъ Князь Шуйскій уже садился на коня, чтобы слѣдовать примѣру малодушныхъ: граждане остановили его; дѣлали мирныя предложенія Магистру, съ обрядами священными носили вокругъ стѣнъ одежду своего незабвеннаго Героя Довмонта, и наконецъ исполнились мужества. Бернгардъ, имѣя 13 Дерптскихъ судовъ съ пушками, старался зажечь городъ. Нѣмцы пристали къ берегу: тутъ Россіяне, вооруженные сѣкирами, мечами, камнями, устремились въ бой, и смяли ихъ въ рѣку. Нѣмцы тонули, бросаясь на суда; а ночью, снявъ осаду, ушли (255). «Мы тщетно предлагали Россіянамъ битву въ «полѣ,» говоритъ Бернгардъ въ письмѣ къ начальнику Прусскаго Ордена: «рѣка Великая не «допустила насъ до города» (256). Ожидая новаго

нападенія, Псковитяне требовали защиты отъ братьевъ Іоанновыхъ, Андрея и Бориса, которые ѣхали тогда изъ Великихъ Лукъ въ Москву съ сильною дружиною; но сіи Князья отвѣтствовали, что имъ не время думать о Нѣмцахъ, и мимоѣздомъ ограбили нѣсколько деревень, за то, какъ сказано въ одной лѣтописи, что Псковитяне, опасаясь Іоаннова гнѣва, не хотѣли принять къ себѣ ихъ Княгинь, бывшихъ въ Литвѣ (257).

Магистръ, испытавъ неудачу, распустилъ войско: сія оплошность дорого стоила бѣдной землѣ его. Свѣдавъ о непріятельскихъ дѣйствіяхъ Ордена, и не имѣя уже другихъ враговъ, Іоаннъ послалъ Воеводъ, Князей Ивана Булгака и Ярослава Оболенскаго, съ двадцатью тысячами на Ливонію, кромѣ особенныхъ полковъ Новогородскихъ, предводимыхъ Намѣстниками, Княземъ Василіемъ Ѳедоровичемъ и Бояриномъ Иваномъ Зиновьевичемъ. Псковъ былъ мѣстомъ соединенія Россійскихъ силъ, достаточныхъ для завоеванія всей Ливоніи; но умѣренный Іоаннъ не хотѣлъ онаго, имѣя въ виду иныя, существеннѣйшія пріобрѣтенія: желалъ единственно вселить ужасъ въ Нѣмцевъ и тѣмъ на-долго успокоить наши сѣверо-западные предѣлы. Въ исходѣ Февраля, 1481 году, рать Великокняжеская, конница и пѣхота, вступила въ Орденскія

г. 1481.

владѣнія и раздѣлилась на три части: одна пошла къ Маріенбургу, другая къ Дерпту, третья къ Вальку ([258]). Непріятель нигдѣ не смѣлъ явиться въ полѣ: Россіяне цѣлый мѣсяцъ дѣлали, что хотѣли въ землѣ его; жгли, грабили; взяли Феллинъ, Тарвастъ, множество людей, лошадей, колоколовъ, серебра, золота; захватили обозъ Магистра: едва и самъ Бернгардъ не попался имъ въ руки, бѣжавъ изъ Феллина за день до ихъ прихода. Нѣкоторые города откупались: Лѣтописецъ обвиняетъ корыстолюбіе Князей Булгака и Ярослава, тайно бравшихъ съ нихъ деньги ([259]). Всѣхъ болѣе потерпѣли Священники: Москвитяне ругались надъ ними, сѣкли ихъ и жгли, какъ сказано въ бумагахъ Орденскихъ ([260]): Дворянъ, купцевъ, земледѣльцевъ, женъ, дѣтей отправляли тысячами въ Россію и тяжелые обозы съ добычею. Весенняя распутица освободила наконецъ Ливонію: полки наши возвратились во Псковъ; а Бернгардъ, оплакивая судьбу Ордена, винилъ во всемъ Великаго Магистра Прусскаго, не давшаго ему помощи; другіе же обвиняли Епископа Дерптскаго, который, имѣя свое особенное войско, не хотѣлъ дѣйствовать совокупно съ Рыцарями ([261]). Но обстоятельства перемѣнились: Орденъ три вѣка боролся съ Новогородцами и Псковитянами, часто несогласными между собою: Единовластіе дава-

о Россіи такую силу, что бытіе Ливоніи же находилось въ опасности. — Въ 1483 оду Послы Іоанновы заключили въ Нарвѣ еремиріе съ Нѣмцами на 20 лѣтъ (262).

Г. 1482-1488.

Съ Литвою не было ни войны, ни мира. оаннъ предлагалъ миръ, но требовалъ наихъ городовъ и земель, коими завладѣлъ итовтъ; а Король требовалъ Великихъ укъ и даже Новагорода (263). Съ обѣихъ торонъ недоброжелательствовали другъ ругу, стараясь вредить тайно и явно. Росія имѣла друзей въ Литвѣ между Князьями диновѣрными: трое изъ нихъ, Ольшанскій, Михаилъ Олельковичь и Ѳедоръ Бѣльскій, равнуки славнаго Ольгерда, будучи недовольны Казимиромъ, замыслили поддаться оанну съ ихъ Уделами въ землѣ Сѣверкой (264). Сіе намѣреніе открылось: Король елѣлъ схватить двухъ первыхъ; а Бѣльскій (въ 1482 году) ушелъ въ Москву, оставивъ въ Литвѣ юную супругу на другой ень своей женитьбы. Такъ сказано о семъ роисшествіи въ нашихъ лѣтописяхъ. Исорикъ Польскій говоритъ слѣдующее: Князья Сѣверскіе, пріѣхавъ въ Вильну, хотѣли видѣть Короля; но стражъ не позволилъ имъ войти во дворецъ, и дверью прихлопнулъ одному изъ нихъ ногу: Казимиръ осудилъ сего воина на смерть, однакожь не могъ укротить тѣмъ злобы Князей: считая себя несносно обиженны-

Литовскія дѣла.

«ми, и давно имѣя разныя досады на Пра-
«вительство Литовское, къ нимъ неблаго-
«склонное за иновѣріе, они поддалися Го-
«сударю Московскому ([265]).» Іоаннъ, въ
надеждѣ воспользоваться услугами Бѣль-
скаго, принялъ его съ отмѣнною милостію
и далъ ему въ отчину городокъ Демонъ.

Казиміръ поставилъ 10,000 ратниковъ
въ Смоленскѣ ([266]), однакожь не смѣлъ на-
чать войны; ласково угостилъ въ Гроднѣ
чиновниковъ Пскова и снисходительно удо-
влетворилъ всѣмъ ихъ требованіямъ въ
спорныхъ дѣлахъ съ Литвою; между тѣмъ
совѣтовалъ Ахматовымъ сыновьямъ, Сеидъ-
Ахмату и Муртозѣ, тревожить Россію, и
старался отвлечь Хана Менгли-Гирея отъ
нашего союза: въ чемъ едва было и не
успѣлъ, подкупивъ Вельможу Крымскаго,
Именека, который склонилъ Государя свое-
го заключить (въ 1482 году) миръ съ Лит-
вою. Но Іоаннъ разрушилъ сей замыслъ:
Послы Великокняжескіе ([267]), Юрій Ше-
стакъ и Михайло Кутузовъ, сильными пред-
ставленіями заставили Менгли-Гирея снова
объявить себя непріятелемъ Казиміро-
вымъ, такъ, что онъ въ 1482 году, осенью,
со многочисленными конными толпами
явился на берегахъ Днѣпра, взялъ Кіевъ,
плѣнилъ тамошняго Воеводу, Ивана Хот-
ковича, опустошилъ городъ, сжегъ мона-
стырь Печерскій и прислалъ къ Великому

Ханъ Крымскій опустошилъ Кіевъ.

Князю Дискосъ и Потиръ Софійскаго храма, вылитые изъ золота (268). Сей случай оскорбилъ православныхъ Москвитянъ, которые видѣли съ сожалѣніемъ, что Россія насылаетъ варваровъ на единовѣрныхъ, жечь и грабить святыя церкви, древнѣйшіе памятники нашего Христіанства; но Великій Князь, думая единственно о выгодахъ государственныхъ, изъявилъ благодарность Хану (269), убѣждая его и впредь ревностно исполнять условія ихъ союза. «Я съ своей стороны»—приказывалъ къ нему Іоаннъ—не упускаю ни единаго случая дѣлать тебѣ угодное: содержу твоихъ братьевъ въ Россіи, Нордоулата и Айдара, съ немалымъ убыткомъ для казны моей.» Великій Князь въ самомъ дѣлѣ поступалъ какъ истинный, усердный другъ Менгли-Гиреевъ. Взаимная ненависть Хановъ Крымской и Золотой Орды не прекратилась смертію Ахмата, не смотря на то, что Султанъ Турецкій, правомъ верховнаго Мусульманскаго Властителя, запретилъ имъ воевать между собою (270). Скитаясь въ Донскихъ степяхъ съ особеннымъ своимъ Улусомъ, Царь Муртоза, при наступленіи жестокой зимы (въ 1485 году), искалъ убѣжища отъ голода въ окрестностяхъ Тавриды: Менгли-Гирей вооружился, плѣнилъ его, отослалъ въ Кафу и разбилъ еще Улусъ Князя Золотой Орды, Темира; но сей Князь въ слѣдующее

Сыновья Ахматовы воюютъ съ Крымскимъ Ханомъ.

лѣто, соединясь съ другимъ Ахматовымъ сыномъ (271), нечаянно напалъ на Тавриду— когда жители и воины ея занимались хлѣбопашествомъ — едва не схватилъ самого Менгли-Гирея, освободилъ Муртозу и съ добычею удалился въ степи. Великій Князь, свѣдавъ о томъ, немедленно отрядилъ войско на Улусы Ахматовыхъ сыновей и прислалъ къ Менгли-Гирею многихъ Крымскихъ плѣнниковъ, выручѳнныхъ Россіянами (272).

Король Венгерскій Матвей въ дружбѣ съ Іоанномъ.

Въ Венгріи царствовалъ Матѳей Корвинъ, сынъ славнаго Гуніада, знаменитый остроуміемъ и мужествомъ: будучи непріятелемъ Казиміра, онъ искалъ дружбы Государя Московскаго, и въ 1482 году прислалъ къ нему чиновника, именемъ Яна (273); а Великій Князь, принявъ его благосклонно, вмѣстѣ съ нимъ отправилъ къ Королю Дьяка Ѳедора Курицына, чтобы утвердить договоръ, заключенный въ Москвѣ между сими двумя Государствами, и размѣняться грамотами. Обѣ Державы условились вмѣстѣ воевать Королевство Польское въ удобное для того время. — Венгрія, бывъ нѣкогда въ частыхъ сношеніяхъ съ южною Россіею, уже около двухъ сотъ лѣтъ какъ бы не существовала для нашей Исторіи: Іоаннъ возобновилъ сію древнюю связь, которая могла распространить славу его имени въ Европѣ и способствовать нашему граждан-

кому образованію. Великій Князь требовалъ отъ Матѳея, чтобы онъ доставилъ ему: 1) художниковъ, умѣющихъ лить пушки и стрѣлять изъ ныхъ; 2) *Размысловъ* или Инженеровъ; 3) серебренниковъ для дѣланія большихъ и малыхъ сосудовъ; 4) зодчихъ для строенія церквей, палатъ и городовъ; 5) горныхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи руды золотой и серебреной, также въ отдѣленіи металла отъ земли. «У насъ есть серебро и золото,» велѣлъ онъ сказать Королю: но мы не умѣемъ чистить руды. Услужи намъ, и тебѣ услужимъ всѣмъ, что находится въ моемъ Государствѣ» (274). — Дьякъ Курицынъ, возвращаясь въ Москву, былъ задержанъ Турками въ Бѣлѣгородѣ, но освобожденъ стараніемъ Короля и Менгли-Гирея. Новыя взаимныя Посольства, ласковыя письма и дары утверждали сію пріязнь. Іоаннъ (въ 1488 году) подарилъ Матѳею чернаго соболя съ коваными золотыми ноготками, обсаженными крупнымъ Новогородскимъ жемчугомъ (275); въ знакъ особеннаго уваженія допускалъ къ себѣ Пословъ Венгерскихъ, изустно говорилъ съ ними, дозволялъ имъ садиться и самъ подавалъ кубокъ вина. Зная, что дружество Государей бываетъ основано на Политикѣ, онъ внимательно наблюдалъ Матѳееву и предписывалъ своимъ Посламъ развѣдывать о всѣхъ его сношеніяхъ съ Турціею, Римскимъ Императоромъ, съ Богеміею и съ Казимиромъ.

Въ сіе время явилась новая знаменитая Держава въ сосѣдствѣ съ Литвою и сдѣлалась пред-

метомъ Іоанновой Политики. Мы говорили о началѣ Молдавскаго Княжества ([276]), управляемаго Воеводами, коихъ имена едва намъ извѣстны до самаго Стефана IV или Великаго, дерзнувшаго обнажить мечь на ужаснаго Магомета II, и славными побѣдами, одержанными имъ надъ многочисленными Турецкими воинствами, вписавшаго имя свое въ Исторію рѣдкихъ Героевъ: мужественный въ опасностяхъ, твердый въ бѣдствіяхъ, скромный въ счастіи, приписывая его только Богу, покровителю добродѣтели, онъ былъ удивленіемъ Государей и народовъ, съ малыми средствами творя великое. Вѣра Греческая, сходство въ обычаяхъ, употребленіе одного языка въ церковномъ служеніи и въ дѣлахъ государственныхъ, необыкновенный умъ обоихъ Властителей, Россійскаго и Молдавскаго, согласіе ихъ выгодъ и правилъ служили естественною связію между ими. Стефанъ, кромѣ Турковъ, опасался честолюбиваго Казимира и Менгли-Гирея: первый хотѣлъ, чтобы Молдавія зависѣла отъ Королевства Польскаго; вторый, будучи присяжникомъ Султана, угрожалъ ей нападеніемъ. Іоаннъ могъ содѣйствовать ея независимости и безопасности, обуздывая Короля страхомъ войны, а Менгли-Гирея дружественными представленіями, съ условіемъ, чтобы и Стефанъ, въ случаѣ нужды, помогалъ Россіи усердно. Сей *Воевода* и *Господарь* — такъ называетъ онъ себя въ своихъ грамотахъ ([277]) — противоборствуя насиліямъ Султановъ, утѣснителей

ін, имѣлъ еще особенное право на
ество зятя Палеологовъ, который при-
гербъ ихъ и съ нимъ обязательство
врагомъ Магометовыхъ наслѣдни-
.

кимъ образомъ расположенные къ
еннему союзу, Іоаннъ и Стефанъ утвер-
оный семейственнымъ: вторый пред-
илъ выдать дочь свою, Елену, за стар-
сына Іоаннова, избравъ въ посредни-
мать Великаго Князя ([278]). Бояринъ
айло Плещеевъ съ знатною дружиною
482 году отправился за невѣстою въ
давію, гдѣ и совершилось обрученіе.
анъ отпустилъ дочь въ Россію съ сво-
оярами: Ланкомъ, Синкомъ, Гераси-
ь и съ женами ихъ. Она ѣхала черезъ
у: Казимиръ не только далъ ей свобод-
путь, но и прислалъ дары въ знакъ
вости ([279]). Прибывъ въ Москву послѣ
иппова заговѣнья, Елена жила въ Воз-
нскомъ монастырѣ у матери Великаго
зя, и до свадьбы имѣла время познако-
ся съ женихомъ. Ихъ обвѣнчали въ
ій праздникъ Крещенія ([280]). Увидимъ,
Судьба не благословила сего союза.

Бракъ сына Іоаннова съ Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавскаго.

итрою внѣшнею Политикою утверждая
пасность Государства, Іоаннъ возвели-
ь его внутри новымъ успѣхомъ Едино-
тія. Онъ уже покорилъ Новгородъ,
ъ Двинскую землю, завоевалъ Пермь

Завоеваніе Твери.

отдаленную; но въ осмидесяти верстахъ отъ Москвы видѣлъ Россійское особенное Княжество, Державу равнаго себѣ Государя, по крайней мѣрѣ именемъ и правами. Со всѣхъ сторонъ окруженная Московскими владѣніями, Тверь еще возвышала независимую главу свою, какъ малый островъ среди моря, ежечасно угрожаемый потопленіемъ. Князь Михаилъ Борисовичь, шуринъ Іоанновъ, зналъ опасность и не вѣрилъ ни свойству, ни грамотамъ договорнымъ, коими сей Государь утвердилъ его независимость: надлежало по первому слову смиренно оставить тронъ, или защитить себя иноземнымъ союзомъ. Одна Литва могла служить ему опорою, хотя и весьма слабою, какъ то свидѣтельствовалъ жребій Новагорода; но личная ненависть Казимирова къ Великому Князю, примѣръ бывшихъ Тверскихъ Владѣтелей, искони друзей Литвы, и легковѣріе надежды, вселяемое страхомъ въ малодушныхъ, обратили Михаила къ Королю: будучи вдовцемъ (281), онъ вздумалъ жениться на его внукѣ (282), и вступилъ съ нимъ въ тѣсную связь. Дотолѣ Іоаннъ, въ нужныхъ случаяхъ располагая Тверскимъ войскомъ, оставлялъ шурина въ покоѣ: узнавъ же о семъ тайномъ союзѣ, и, какъ вѣроятно, обрадованный справедливымъ поводомъ къ разрыву, немедленно объявилъ Михаилу войну (въ 1485

ну). Сей Князь, затрепетавъ, спѣшилъ умиловить Іоанна жертвами: отказался отъ имени ...наго ему брата, призналъ себя *младшимъ*, ...упилъ Москвѣ нѣкоторыя земли, обязался ...оду ходить съ нимъ на войну ([283]). Тверскій ...ископъ былъ посредникомъ, и Великій Князь, ...лая обыкновенно казаться умѣреннымъ, дол...терпѣливымъ, отсрочилъ гибель сей Державы. ...мирной договорной грамотѣ, тогда написан...й, сказано, что Михаилъ разрываетъ союзъ ... Королемъ и безъ вѣдома Іоаннова не долженъ ...ѣть съ нимъ никакихъ сношеній, ни съ сы...вьями Шемяки, Князя Можайскаго, Боровска..., ни съ другими Россійскими бѣглецами; что ...ъ клянется за себя и за дѣтей своихъ вовѣки ... поддаваться Литвѣ; что Великій Князь обѣ...етъ не вступаться въ Тверь, и проч. ([284]). Но ...й договоръ былъ послѣднимъ дѣйствіемъ ...ерской независимости: Іоаннъ въ умѣ своемъ ...шилъ ея судьбу, какъ прежде Новогородскую; ...чалъ тѣснить землю и подданныхъ Михайло...ихъ: если они чѣмъ нибудь досаждали Москви...намъ, то онъ грозилъ и требовалъ ихъ казни; ...если Москвитяне отнимали у нихъ собствен...сть, и дѣлали имъ самыя несносныя обиды, то ... было ни суда, ни управы. Михаилъ писалъ и ...ловался: его не слушали. Тверитяне, видя, ...о уже не имѣютъ защитника въ своемъ Госу...рѣ, искали его въ Московскомъ: Князья Мику...нскій и Дорогобужскій вступили въ службу ...ликаго Князя, который далъ первому въ по-

мѣстье Дмитровъ, а второму Ярославль. Вслѣдъ за ними пріѣхали и многіе Бояре Тверскіе ([285]). Что оставалось Михаилу? готовить себѣ убѣжище въ Литвѣ. Онъ послалъ туда вѣрнаго человѣка: его задержали, и представили Іоанну письмо Михаилово къ Королю, достаточное свидѣтельство измѣны и вѣроломства: ибо Князь Тверскій обѣщался не сноситься съ Литвою, а въ семъ письмѣ еще возбуждалъ Казимира противъ Іоанна. Несчастный Михаилъ отправилъ въ Москву Епископа и Князя Холмскаго съ извиненіями: ихъ не приняли. Іоаннъ велѣлъ Намѣстнику Новогородскому, Боярину Якову Захарьевичу, итти со всѣми силами ко Твери, а самъ, провождаемый сыномъ и братьями, выступилъ изъ Москвы 21 Августа со многочисленнымъ войскомъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ (ввѣреннымъ искусному Аристотелю); Сентября 8 осадилъ Михаилову столицу и зажегъ предмѣстіе. Чрезъ два дни явились къ нему всѣ тайные его доброжелатели Тверскіе, Князья и Бояре, оставивъ Государя своего въ несчастіи. Михаилъ видѣлъ необходимость или спасаться бѣгствомъ или отдаться въ руки Іоанну; рѣшился на первое, и ночью ушелъ въ Литву. Тогда Епископъ, Князь Михаилъ Холмскій съ другими Князьями, Боярами и земскими людьми, сохранивъ до конца вѣрность къ ихъ законному Властителю, отворили городъ Іоанну, вышли и поклонились ему какъ общему Монарху Россіи. Великій Князь послалъ Бояръ своихъ и Дьяковъ

взять присягу съ жителей; запретилъ воинамъ грабить; 15 Сентября въѣхалъ въ Тверь, слушалъ Литургію въ храмѣ Преображенія, и торжественно объявилъ, что даруетъ сіе Княжество сыну, Іоанну Іоанновичу; оставилъ его тамъ, и возвратился въ Москву. Чрезъ нѣкоторое время онъ послалъ Бояръ своихъ въ Тверь, въ Старицу, Зубцовъ, Опоки, Клинъ, Холмъ, Новогородокъ, описать всѣ тамошнія земли и раздѣлить ихъ на сохи для платежа казенныхъ податей (286).

Столь легко исчезло бытіе Тверской знаменитой Державы, которая отъ временъ Святаго Михаила Ярославича именовалась *Великимъ* Княженіемъ и долго спорила съ Москвою о первенствѣ. Ея народъ, уступая другимъ Россіянамъ въ промышлености, славился мужествомъ и вѣрностію къ Государямъ. Князья Тверскіе имѣли до 40,000 коннаго войска; но будучи врагами Московскихъ, не хотѣли участвовать въ великомъ подвигѣ нашего освобожденія и тѣмъ лишились права на общее сожалѣніе въ ихъ бѣдствіи. Михаилъ Борисовичь кончилъ дни свои изгнанникомъ въ Литвѣ, не оставивъ сыновей.

Іоаннъ извѣстилъ Матѳея, Короля Венгерскаго, о покореніи Твери, и велѣлъ сказать ему: «Я уже началъ воевать съ Казиміромъ, ибо «Князь Тверскій его союзникъ. Намѣстники мои «заняли разныя мѣста въ Литовскихъ предѣлахъ, «и Ханъ Менгли-Гирей, исполняя мою волю, «огнемъ и мечемъ опустошаетъ Казимировы «владѣнія. И такъ помогай мнѣ, какъ мы усло-

«вились ([287]).» Но Матоей, отнявъ тогда у Императора знатную часть Австріи и Вѣну, хотѣлъ отдохновенія въ старости. «Душев-«но радуюсь» — писалъ онъ къ Великому Князю — «успѣхамъ твоего Единовластія «въ Россіи. Я готовъ исполнить договоръ «и вступить въ землю общаго врага нашего, «когда узнаю, что ты всѣми силами про-«тивъ него дѣйствуешь. Ожидаю сей вѣ-«сти.» Между тѣмъ, возбуждая другъ друга къ войнѣ Польской, они не начинали ее и занимались иными дѣлами.

Присоединеніе Верейскаго Удѣла къ Москвѣ. Князья Ростовскіе, Ярославскіе лишены правъ владѣтельныхъ.

Взявъ Тверь мечемъ, Іоаннъ грамотою присвоилъ себѣ Удѣлъ Верейскій. Единственный сынъ и наслѣдникъ Князя Михаила Андреевича, Василій, женатый на Гречанкѣ Маріи, Софіиной племянницѣ, долженъ былъ еще при жизни родителя выѣхать изъ отечества, бывъ виною раздора въ семействѣ Великокняжескомъ, какъ сказываетъ Лѣтописецъ ([288]). Іоаннъ, въ концѣ 1483 года обрадованный рожденіемъ внука, именемъ Димитрія ([289]), хотѣлъ подарить невѣсткѣ, Еленѣ, драгоцѣнное узорочье первой Княгини своей; узнавъ же, что Софія отдала его Маріи или мужу ея Василію Михайловичу Верейскому, такъ разгнѣвался, что велѣлъ отнять у него все женнино приданое и грозилъ ему темницею. Василій въ досадѣ и страхѣ бѣжалъ съ супругою въ Литву; а Великій Князь,

бъявивъ его навѣки лишеннымъ отцевскаго аслѣдія, клятвенною грамотою обязалъ Михаи-а Андреевича не имѣть никакого сообщенія съ ыномъ измѣнникомъ, и города Ярославецъ, ѣлоозеро, Верею по кончинѣ своей уступить му, Государю Московскому, въ потомственное ладѣніе [290]. Михаилъ Андреевичь умеръ вес-ою въ 1485 году [291], сдѣлавъ Великаго Князя аслѣдникомъ и душеприкащикомъ, не смѣвъ въ уховной ничего отказать сыну въ знакъ благо-ловенія, ни иконы, ни креста, и моля единст-енно о томъ, чтобы Государь не пересуживалъ го судовъ [292].

Присоединяя Удѣлы къ Великому Княженію, оаннъ искоренялъ и всѣ остатки сей несчаст-ой для Государства системы. Ярославль уже авно зависѣлъ отъ Москвы, но его Князья еще мѣли особенныя наслѣдственныя права, несо-ласныя съ Единовластіемъ: они добровольно ступили ихъ Государю. Половина Ростова еще азывалась отчиною тамошнихъ Князей, Влади-іра Андреевича, Ивана Ивановича, дѣтей ихъ племянниковъ: они продали ее Великому Кня-ю [293]. — Симъ возстановилась цѣлость сѣвер-ой Россійской Державы, какъ была оная при ндреѣ Боголюбскомъ или Всеволодѣ III. Уси-енное сверхъ того подданствомъ Новагорода и сѣхъ его обширныхъ владѣній, также Удѣловъ Iуромскаго и нѣкоторыхъ Черниговскихъ, Ве-икое Княженіе Московское было уже достойно мени Государства. — Но Рязань еще сохраняла

Происшествія Рязанскія.

видъ Державы особенной: любя сестру свою, Княгиню Анну, Іоаннъ позволялъ супругу и сыновьямъ ея господствовать тамъ независимо. Зять его, Василій Ивановичь, преставился въ 1483 году, отказавъ большему сыну, Ивану, Великое Княженіе Рязанское, съ городами Переславлемъ, Ростиславлемъ и Пронскимъ, а Ѳеодору меньшему Перевитескъ и Старую Рязань съ третію доходовъ Переславскихъ. Сіи два брата жили мирно, слушаясь родительницы, которая брала себѣ четвертую часть изъ всѣхъ казенныхъ пошлинъ, и въ 1486 году заключили между собою договоръ ([294]), чтобы одному наслѣдовать послѣ другаго, если не будетъ у нихъ дѣтей, и чтобы никакимъ образомъ не отдавать своего Княжества въ иной родъ. Они боялись, кажется, чтобъ Государь Московскій не объявилъ себя ихъ наслѣдникомъ.

Новый блестящій успѣхъ прославилъ оружіе Іоанново. Еще въ 1478 году Царь Казанскій, нарушивъ клятвенные обѣты, воевалъ зимою область Вятскую, приступалъ къ ея городамъ, опустошилъ села и вывелъ оттуда многихъ плѣнниковъ, будучи обманутъ ложною вѣстію, что Іоаннъ разбитъ Новогородцами и самъ-четвертъ ушелъ раненный въ Москву ([295]). Великій Князь отмстилъ ему весною: Устюжане и Вятчане выжгли селенія въ окрестностяхъ

Камы; а Воевода Московскій, Василій Образецъ, на берегахъ Волги: онъ доходилъ изъ Нижняго до самой Казани и приступилъ къ городу; но страшная буря заставила его удалиться. Царь Ибрагимъ просилъ мира, заключилъ его и скоро умеръ (296), оставивъ многихъ дѣтей отъ разныхъ женъ. Казань сдѣлалась ѳеатромъ несогласія и мятежа чиновниковъ: одни хотѣли имѣть Царемъ Магметъ-Аминя, меньшаго Ибрагимова сына, коего мать, именемъ Нурсалтанъ, дочь Темирова, сочеталась вторымъ бракомъ съ Ханомъ Таврическимъ, Менгли-Гиреемъ (297); другіе держали сторону Алегама, старшаго сына, и съ помощію Ногаевъ возвели его на престолъ, къ неудовольствію Іоанна, который доброжелательствовалъ пасынку своего друга, Менгли-Гирея, зналъ ненависть Алегамову къ Россіи и сверхъ того опасался тѣснаго союза Казани съ Ногаями. Юный Магметъ-Аминь пріѣхалъ въ Москву (298): Великій Князь далъ ему въ помѣстье Коширу и наблюдалъ всѣ движенія Алегамовы. Воеводы Московскіе стояли на границахъ; вступали иногда и въ Казанскую землю (299). Царь мирился; нелюбимый подданными, обѣщалъ быть намъ другомъ, обманывалъ и злодѣйствовалъ (300). Наконецъ, Іоаннъ, видя непримиримую его злобу, въ Апрѣлѣ 1487 года послалъ Магметъ-Аминя и славнаго Даніила

г. 1487.

Холмскаго съ сильною ратію къ Казани. Маія 18 Холмскій осадилъ ее: Іюля 9 взялъ городъ и Царя. Сію радостную вѣсть привезъ въ Москву Князь Ѳедоръ Ряполовскій ([301]): Іоаннъ велѣлъ пѣть молебны, звонить въ колокола, и съ умиленіемъ благодарилъ Небо, что Оно предало ему въ руки Мамутеково Царство, гдѣ отецъ его Василій Темный, лилъ слезы въ неволѣ. Но мысль, совершенно овладѣть симъ древнимъ Болгарскимъ Царствомъ и присоединить оное къ Россіи, еще не представлялась ему или казалась неблагоразумною: народъ Вѣры Магометовой, духа ратнаго, безпокойнаго, не легко могъ быть обузданъ властію Государя Христіанскаго, и мы еще не имѣли всегдашняго, непремѣннаго войска, коему надлежало бы хранить страну завоеванную, обширную и многолюдную. Іоаннъ только назвался *Государемъ Болгаріи* ([302]), но далъ ей собственнаго Царя: Холмскій его именемъ возвелъ Магметъ-Аминя на престолъ, казнилъ нѣкоторыхъ знатныхъ Улановъ или Князей, и прислалъ Алегама въ Москву, гдѣ народъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ, видя Царя Татарскаго плѣнникомъ въ нашей столицѣ. Алегамъ съ двумя женами былъ сосланъ въ Вологду; а мать, братья и сестры его въ Карголомъ на Бѣлѣозерѣ.

Сноше- Іоаннъ немедленно увѣдомилъ о семъ

счастливомъ происшествіи Менгли-Гирея, и въ особенности Царицу Нурсалтанъ, умную, честолюбивую, желая, чтобы она, изъ благодарности за ея сына, имъ возвеличеннаго, способствовала твердости союза между Россіею и Крымомъ (303). Сія искренняя, взаимная пріязнь не измѣнялась. Великій Князь увѣдомлялъ Менгли-Гирея о замыслахъ Хановъ Ординскихъ, о частыхъ ихъ сношеніяхъ съ Казимиромъ; и свѣдавъ, что они двинулись къ Тавридѣ, отрядилъ Козаковъ съ Нордоулатомъ, бывшимъ Царемъ Крымскимъ, на Улусы Золотой Орды; велѣлъ и Магметъ-Аминю тревожить ее нападеніями (304); совѣтовалъ также Менгли-Гирею возбудить Ногаевъ противъ сыновей Ахматовыхъ. Сообщеніе между Тавридою и Россіею подвергалось крайнимъ затрудненіямъ, ибо Волжскіе Татары хватали въ степяхъ, кого встрѣчали, на берегахъ Оскола и Мерли: для того Іоаннъ предлагалъ Хану уставить новый путь черезъ Азовъ, съ условіемъ, чтобы Турки освобождали Россіянъ отъ всякой пошлины. Сія безопасность пути нужна была не только для государственныхъ сношеній и купцевъ, но и для иноземныхъ художниковъ, вызываемыхъ Великимъ Княземъ изъ Италіи и ѣздившихъ въ Москву черезъ Кафу. Кромѣ обыкновенныхъ гонцевъ, отправлялись въ Тавриду и знаменитые По-

ніи съ Ханомъ Крымскимъ.

слы: въ 1486 году Семенъ Борисовичъ, въ 1487 Бояринъ Дмитрій Васильевичъ Шеинъ (305), съ ласковыми грамотами и дарами, весьма умѣренными; на примѣръ, въ 1486 году Іоаннъ послалъ Царю три шубы — рысью, кунью и бѣличью — три соболя и корабельникъ, женѣ и его брату, Калгѣ Ямгурчею, по корабельнику, а дѣтямъ по червонцу. За то и самъ хотѣлъ даровъ: узнавъ, что Царица Нурсалтанъ достала славную Тохтамышеву жемчужину (которую, можетъ быть, сей Ханъ похитилъ въ Москвѣ при Димитріи Донскомъ) онъ неотступно требовалъ ее въ письмахъ и наконецъ получилъ отъ Царицы. — Какъ истинный другъ Менгли-Гирея, Іоаннъ способствовалъ его союзу съ Королемъ Венгерскимъ, и не далъ ему сдѣлать важной политической ошибки. Сей случай достопамятенъ, показывая умъ Великаго Князя и простосердечіе Хана. Братья Менгли-Гиреевы, Айдаръ и Нордоулатъ, добровольно пріѣхавъ въ Россію, уже не имѣли свободы выѣхать оттуда. Ханъ Золотой Орды, Муртоза, желалъ переманить Нордоулата къ себѣ и (въ 1487 году) прислалъ своего чиновника въ Москву съ письмами къ нему и къ Великому Князю, говоря первому: «Братъ «и другъ мой, сердцемъ праведный, вели«чествомъ знаменитый, опора Бесермен«скаго Царства! ты вѣдаешь, что мы дѣти

Посольство Муртозы, сына Ахматова, въ Москву.

«единаго отца; предки наши, омраченные вла-
«столюбіемъ, возстали другъ на друга: не мало
«было зла и кровопролитія; но раздоры утихли:
«слѣды крови омылися млекомъ, и пламень вра-
«жды погасъ отъ воды любовной. Братъ твой,
«Менгли-Гирей, снова возбудилъ междоусобіе:
«за что Господь наказалъ его столь многими бѣд-
«ствіями. Ты, краса отечества, живешь среди
«невѣрныхъ: сего мы не можемъ видѣть спокой-
«но, и шлемъ твоему величеству *тяжелый по-
«клонъ съ легкимъ даромъ* чрезъ слугу, Шихъ-
«Баглула: открой ему тайныя свои мысли. Хо-
«чешь ли оставить страну злочестія? Мы пишемъ
«о томъ къ *Ивану*. Гдѣ ни будешь, будь здравъ
«и люби наше братство (306).» Письмо къ Вели-
кому Князю содержало въ себѣ слѣдующее:
«Муртозино слово Ивану. Знай, что Царь Нор-
«доулатъ всегда любилъ меня: отпусти его, да
«возведу на Царство, свергнувъ моего злодѣя,
«Менгли-Гирея. Удержи въ залогъ жену и дѣтей
«Нордоулатовыхъ: когда онъ сядетъ на пре-
«столъ, тогда возметъ ихъ у тебя добромъ и лю-
«бовію.» Великій Князь посмѣялся надъ гордо-
стію Муртозы; задержавъ его Посла, извѣстилъ
о томъ Менгли-Гирея, и прибавилъ, что Король
Польскій тайно зоветъ къ себѣ другаго брата
Ханскаго, Айдара. Но Менгли-Гирей, не весьма
прозорливый, скучая множествомъ заботъ, самъ
желалъ уступить Нордоулату половину трона,
чтобы онъ, вмѣстѣ съ нимъ царствуя, своимъ
умомъ и мужествомъ облегчилъ ему тягость вла-

сти. «Отправь его ко мнѣ,» писалъ Менгли-Гирей къ Іоанну: «мы забудемъ прошедшее. «Айдара же не боюсь: пусть идетъ, куда «хочетъ.» Великій Князь отвѣтствовалъ, что не можетъ исполнить требованія столь неблагоразумнаго; что властолюбіе не знаетъ ни братства, ни благодарности; что Нордоулатъ, бывъ самъ Царемъ въ Тавридѣ, не удовольствуется частію власти, имѣя дарованія и многихъ единомышленниковъ; что долгъ пріязни есть остерегать пріятеля, и не соглашаться на то, что ему вредно (307). Сіи представленія образумили и, можетъ быть, спасли Менгли-Гирея.

Посольство Ногайское. г. 1489

Несчастная судьба Алегама оскорбила Шибанскихъ и Ногайскихъ Владѣтелей, связанныхъ съ нимъ родствомъ: Царь Ивакъ, Мурзы Алачь, Муса, Ямгурчей и жена его, прислали въ Москву грамоты, убѣждая въ нихъ Іоанна освободить сего плѣнника. Ивакъ писалъ къ Великому Князю: «Ты мнѣ братъ: я Государь Бесерменскій, а ты Христіанскій. Хочешь ли быть «въ любви со мною? отпусти моего брата, «Алегама. Какая тебѣ польза держать его «въ неволѣ? Вспомни, что ты, заключая съ «нимъ договоры, обѣщалъ ему доброжела«тельство и пріязнь.» Мурзы изъявляли въ своихъ письмахъ болѣе смиренія, говоря, что они шлютъ Великому Князю *тяжелые поклоны* съ *легкимъ даромъ*, и ждутъ отъ

о милости; что отцы ихъ жили всегда въ бви съ Государями Московскими; что обстоятьства удаляли Юртъ Иваковъ отъ предѣловъ ссіи, но что сей Царь, побѣдивъ недруговъ, ова къ ней приблизился и хочетъ Іоанновой ужбы. Послы Ногайскіе желали еще, чтобы пцы ихъ могли свободно пріѣзжать къ намъ и рговать вездѣ безъ пошлинъ. Государь велѣлъ ъявить имъ слѣдующій отвѣтъ: «Алегама, бманщика и клятвопреступника, мною сверженнаго, не отпускаю; а другомъ вашимъ быть оглашаюсь, если Царь Ивакъ казнитъ разбойиковъ, людей Алегамовыхъ, которые у него кивутъ и грабятъ землю мою и сына моего, Магметъ-Аминя; если возвратитъ все похищенное ими и не будетъ впредь терпѣть подобныхъ злодѣйствъ.» Въ ожиданіи сего требуемаго удовлетворенія Іоаннъ задержалъ въ Москвѣ одного зъ Пословъ, отпустилъ другихъ, и велѣлъ, тобы Ногайцы ѣздили въ Россію всегда чрезъ Казань и Нижній, а не Мордовскою землею, какъ ни пріѣхали (308). Сіи сношенія продолжались и ъ слѣдующіе годы, представляя мало достопамятнаго для Исторіи. Видимъ только, что Орда огайская, кочуя на берегахъ Яика и близъ Тюзня, имѣла разныхъ Царей и сильныхъ Мурзъ и Князей Владѣтельныхъ; называясь ихъ другъ, Іоаннъ говорилъ съ ними языкомъ повелителя; *дозволилъ* Князю Мусѣ, внуку Эдигееву племяннику Темирову, выдать дочь свою за гметъ-Аминя, но не велѣлъ послѣднему выда-

вать сестры за сына Мурзы Ногайскаго, Ямгурчея, коего люди, вмѣстѣ съ жителями Астраханскими, грабили нашихъ рыболововъ на Волгѣ (309); не смотря на всѣ убѣдительныя прозьбы Ногайскихъ Владѣтелей, держалъ Алегама въ неволѣ, отвѣтствуя: «изъ уваженія къ вамъ даю ему всякую льготу;» посылалъ къ нимъ гонцевъ и дары, Ипрскія сукна, кречетовъ, рыбьи зубы, не забывая и женъ ихъ, которыя въ своихъ припискахъ именовались его *сестрами;* но, строго наблюдая пристойность въ Дворскихъ обрядахъ и различая Пословъ, Великій Князь изъяснялся съ Ногайскими единственно черезъ второстепенныхъ сановниковъ, Казначеевъ и Дьяковъ. Главною цѣлію Іоанновой Политики въ разсужденіи сего кочеваго народа было возбуждать его противъ Ахматовыхъ сыновей и не допускать до впаденія въ землю Казанскую, гдѣ Магметъ-Аминь царствовалъ какъ присяжникъ и *данникъ* Россіи: ибо въ тогдашнихъ бумагахъ находимъ жалобу Магметъ-Аминя на чиновника Московскаго, Ѳедора Киселева, который сверхъ обыкновенныхъ пошлинъ взялъ у жителей Цывильской области нѣсколько кадокъ меда, лошадей, куницъ, бобровъ, лисьихъ шкуръ и проч. (310).

Поко- Подчинивъ себѣ Казань, Государь утвердилъ власть свою надъ Вяткою. Въ то вре-

когда Холмскій дѣйствовалъ противъ ама, безпокойный ея народъ, не менѣе хъ братьевъ, Новогородцевъ, привяый къ древнимъ уставамъ вольности, вилъ непослушаніе, и выгналъ Наника Великокняжескаго. Не смотря на очисленность войска, бывшаго въ Каомъ походѣ, Іоаннъ имѣлъ еще иное отовности, и послалъ Воеводу, Юрія така-Кутузова, смирить мятежниковъ; Вятчане умѣли обольстить Кутузова: явъ ихъ оправданіе, онъ возвратился иромъ ([311]). Великій Князь назначилъ ихъ Полководцевъ, Князя Данiила ю и Григорья Морозова, которые съ 00 воиновъ приступили къ Хлынову. ели обѣщались повиноваться, платить и *служить службы* Великому Князю, е хотѣли выдать главныхъ виновни- бунта: Аникіева, Лазарева и Богодайова. Воеводы грозили огнемъ: велѣли жить городъ плетнями, а плетни берепъ и смолою. Оставалось нѣсколько тъ на размышленіе: Вятчане предста- Аникіева съ товарищами, коихъ неенно послали окованныхъ къ Государю. Народъ присягнулъ въ вѣрности. Ему новый уставъ гражданскій, согласный самодержавіемъ, и вывели оттуда всѣхъ читыхъ земскихъ людей, гражданъ, цевъ съ женами и дѣтьми въ Москву ([312]).

рeніе Вятки.

ной скорби отца и подданныхъ скончался, имѣвъ отъ рожденія 32 года (316). Іоаннъ немедленно приказалъ заключить Мистра Леона въ темницу и черезъ шесть недѣль казнилъ всенародно на Болвановкѣ за Москвою рѣкою (317). Въ семъ, для насъ жестокомъ дѣлѣ народъ видѣлъ одну справедливость: ибо Леонъ обманулъ Государя и самъ себя обрекъ на казнь. Такую же участь имѣлъ въ 1485 году и другой врачь, Нѣмецъ Антонъ, лекарствами уморивъ Князя Татарскаго, сына Даніярова: онъ былъ выданъ роднымъ головою, и зарѣзанъ ножемъ подъ Москворѣцкимъ мостомъ, къ ужасу всѣхъ иноземцевъ, такъ, что и славный Аристотель хотѣлъ немедленно уѣхать изъ Россіи: Іоаннъ разгнѣвался и велѣлъ заключить его въ домѣ; но скоро простилъ (318).

Казнь врача.

Строгій въ наказаніи бѣдныхъ неискусныхъ врачей, сей Государь въ то же время изъявилъ похвальную умѣренность въ случаѣ важномъ для Вѣры, въ расколѣ столь бѣдственномъ, по выраженію современника, Св. Іосифа Волоцкаго, что благочестивая земля Русская не видала подобнаго соблазна отъ вѣка Ольгина и Владимірова. Разскажемъ обстоятельства. Былъ въ Кіевѣ Жидъ именемъ Схаріа, умомъ хитрый, языкомъ острый: въ 1470 году пріѣхавъ въ Новгородъ съ Княземъ Михаиломъ

Соборъ на еретиковъ Жидовскихъ.

льковичемъ, онъ умѣлъ обольстить тамъ
хъ Священниковъ, Діонисія и Алексія; увѣ-
ь ихъ, что законъ Моисеевъ есть единый
ественный; что Исторія Спасителя выду-
а; что Христосъ еще не родился; что не дол-
покланяться иконамъ, и проч. Завелась Жи-
ская ересь (319). Попъ Алексій назвалъ себя
аамомъ, жену свою Саррою, и развратилъ,
стѣ съ Діонисіемъ, многихъ Духовныхъ и
нъ, между коими находился Протоіерей Со-
ской Церкви, Гавріилъ, и сынъ знатнаго
рина, Григорій Михайловичь Тучинъ. Но
но понять, чтобы Схаріа могъ столь легко
ножить число своихъ учениковъ Новаго-
скихъ, если бы мудрость его состояла един-
нно въ отверженіи Христіанства и въ про-
вленіи Жидовства: Св. Іосифъ Волоцкій
тъ ему имя *Астролога* и *чернокнижника:* и
ь вѣроятно, что Схаріа обольщалъ Россіянъ
ейскою Каббалою, наукою плѣнительною для
ѣждъ любопытныхъ и славною въ XV вѣкѣ,
да многіе изъ самыхъ ученыхъ людей (на
имѣръ, Іоаннъ Пикъ Мирандольскій) искали
ней разрѣшенія всѣхъ важнѣйшихъ загадокъ
ума человѣческаго. Каббалисты хвалились
вними преданіями, будто-бы дошедшими до
хъ отъ Моисея; многіе увѣряли даже, что
ѣютъ книгу, полученную Адамомъ отъ Бога,
главный источникъ Соломоновой мудрости;
они знаютъ всѣ тайны Природы, могутъ
ясиять сновидѣнія, угадывать будущее, по-

велѣвать Духами; что сею наукою Моисей восторжествовалъ надъ Египетскими волхвами, Илія повелѣвалъ огнемъ небеснымъ, Даніилъ смыкалъ челюсти львамъ; что Ветхій Завѣтъ исполненъ хитрыхъ иносказаній, объясняемыхъ Каббалою; что она творитъ чудеса посредствомъ нѣкоторыхъ словъ Библіи, и проч. Не удивительно, если сіи внушенія произвели сильное дѣйствіе въ умахъ слабыхъ, и хитрый Жидъ, овладѣвъ ими, увѣрилъ ихъ въ томъ, что Мессія еще не являлся въ мірѣ. — Внутренно отвергая святыню Христіанства, Новогородскіе еретики соблюдали наружную пристойность, казались смиренными постниками, ревностными въ исполненіи всѣхъ обязанностей благочестія, такъ, что Великій Князь въ 1480 году взялъ Поповъ Алексія и Діонисія въ Москву, какъ Пастырей отличныхъ достоинствами: первый сдѣлался Протоіереемъ храма Успенскаго, а второй Архангельскаго. Съ ними перешелъ туда и расколъ, оставивъ корень въ Новѣгородѣ. Алексій снискалъ особенную милость Государя, имѣлъ къ нему свободный доступъ, и тайнымъ своимъ ученіемъ прельстилъ Архимандрита Симоновскаго, Зосиму, Инока Захарію, Дьяка Великокняжескаго Ѳедора Курицына и другихъ. Самъ Государь, не подозрѣвая ереси, слыхалъ отъ него рѣчи двусмысленныя, таинственныя: въ чемъ послѣ каялся наединѣ Святому Іосифу, говоря, что и невѣстка его, Княгиня Елена, была вовлечена въ сей Жидовскій расколъ однимъ

зъ учениковъ Алексіевыхъ, Иваномъ Макси-
овымъ ([320]). Между тѣмъ Алексій до конца жи-
ни пользовался довѣренностію Государя, и все-
да хваля ему Зосиму, своего единомышлен-
ика, былъ главною виною того, что Іоаннъ, по
мерти Митрополита Геронтія, возвелъ сего
рхимандрита Симоновскаго (въ 1490 году) на
тепень Первосвятителя ([321]). «Мы увидѣли» —
ишетъ Іосифъ — «чадо Сатаны на престолѣ
Угодниковъ Божіихъ, Петра и Алексія; уви-
дѣли хищнаго волка въ одеждѣ мирнаго па-
стыря.» Тайный Жидовинъ еще скрывался подъ
ичиною Христіанскихъ добродѣтелей.

Наконецъ Архіепископъ Геннадій открылъ
ресь въ Новѣгородѣ: собравъ всѣ объ ней из-
ѣстія и доказательства, прислалъ дѣло на судъ
осударю и Митрополиту вмѣстѣ съ виновными,
ольшею частію Попами и Діаконами; онъ на-
меновалъ и Московскихъ ихъ единомышлен-
иковъ, кромѣ Зосимы и Дьяка Ѳедора Кури-
ына. Государь призвалъ Епископовъ, Тихона
Ростовскаго, Нифонта Суздальскаго, Симеона
Рязанскаго, Вассіана Тверскаго, Прохора Сар-
скаго, Филоѳея Пермскаго, также многихъ Ар-
химандритовъ, Игуменовъ, Священниковъ, и
велѣлъ Соборомъ изслѣдовать ересь ([322]). Ми-
рополитъ предсѣдательствовалъ. Съ ужасомъ
лушали Геннадіеву обвинительную грамоту:
амъ Зосима казался изумленнымъ. Архіепи-
копъ Новогородскій доносилъ, что сіи отступ-
ики злословятъ Христа и Богоматерь, плюютъ

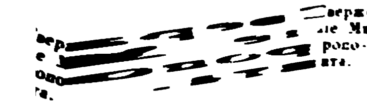
на кресты, называютъ иконы болванами, *грызутъ оныя зубами*, повергаютъ въ мѣста нечистыя, не вѣрятъ ни Царству Небесному, ни воскресенію мертвыхъ, и безмолвствуя при усердныхъ Христіанахъ, дерзостно развращаютъ слабыхъ. Призвали обвиняемыхъ: Инока Захарію, Новогородскаго Протопопа Гавріила, Священника Діонисія и другихъ (глава ихъ, Алексій, умеръ года за два до сего времени). Они во всемъ заперлися (323); но свидѣтельства, Новогородскія и Московскія, были не сомнительны. Нѣкоторые думали, что уличенныхъ надобно пытать и казнить: Великій Князь не захотѣлъ того, и Соборъ, дѣйствуя согласно съ его волею, проклялъ ересь, а безумныхъ еретиковъ осудилъ на заточеніе (324). Такое наказаніе по суровости вѣка и по важности разврата было весьма человѣколюбиво. Многіе изъ осужденныхъ были посланы въ Новгородъ: Архіепископъ Геннадій велѣлъ посадить ихъ на коней, лицемъ къ хвосту, въ одеждѣ вывороченной, въ шлемахъ берестовыхъ, острыхъ, какіе изображаются на бѣсахъ, съ мочальными кистями, съ вѣнцемъ соломеннымъ и съ надписью: *се есть Сатанино воинство!* Такимъ образомъ возили сихъ несчастныхъ изъ улицы въ улицу; народъ плевалъ имъ въ глаза, восклицая: *се враги Христовы!* и въ заключеніе сжегъ у нихъ на головѣ шлемы. Тѣ, которые хвалили сіе дѣйствіе какъ достойное ревности Христіанской, безъ сомнѣнія осуждали умѣренность Великаго Князя, не

іаго употребить ни меча, ни огня для
іенія ереси. Онъ думалъ, что клятва Цер-
достаточна для отвращенія людей сла-
тъ подобныхъ заблужденій.
Зосима, не дерзнувъ на Соборѣ покрови-
ювать своихъ обличенныхъ тайныхъ дру-
тался въ душѣ еретикомъ; соблюдая на-
› пристойность, скрытно вредилъ Хри-
ву, то изъясняя ложно Св. Писаніе, то
ы съ удивленіемъ находя въ немъ про-
чія; иногда же, въ порывѣ искренности,
енно отвергая ученіе Евангельское, Апо-
ское, Святыхъ Отцевъ, говорилъ пріяте-
«что такое Царство Небесное? что вто-
ришествіе и воскресеніе мертвыхъ? кто
, того нѣтъ и не будетъ.» Придворный
Ѳедоръ Курицынъ и многіе его сообщни-
ке дѣйствовали во мракѣ; имѣли учени-
олковали имъ Астрологію, Іудейскую му-
, ослабляя въ сердцахъ Вѣру истинную.
уетнаго любопытства и сомнѣнія въ важ-
хъ истинахъ Христіанства обнаруживался
ахъ и на торжищахъ: Иноки и свѣтскіе
порили о Естествѣ Спасителя, о Троицѣ,
сти иконъ, и проч. Всѣ зараженные ере-
ставляли между собою нѣкоторый родъ
› общества, коего гнѣздо находилось въ
хъ Митрополитовыхъ: тамъ они сходи-
ствовать и пировать. — Ревностные вра-
заблужденій были предметомъ гоненія:
удалилъ отъ церкви многихъ Священни-

ковъ и Діаконовъ, котор усердіемъ къ православію и Жидовскому расколу. «Не судилъ онъ злобиться и на е ... духовные да пропов миръ.»

Такъ повѣствуетъ Св. Іо тель и начальникъ монасты скаго. Историкъ, можетъ бы безпристрастный: по край лый, неустрашимый прот ибо онъ еще во время Зоси тительства дерзалъ облича видимъ изъ письма его к Епископу, Нифонту. «Сокры — пишетъ Іосифъ — «отле «древніе орлы Вѣры, Свят «тельные, коихъ гласъ воз «въ саду Церкви, и которы «когтями всякое око, не пр «божественность Спасителя. тамо змій пагубный, изрыг «спода и Его Матерь [325].» (Нифонта очистить Церковь наго логовѣ соблазна, откр дарю, свергнуть Зосиму: ч лось. Увѣрился ли Великій лѣ Митрополита, неизвѣст году, безъ суда и безъ шум какъ бы добровольно удали новъ, а оттуда въ Троицкій

Сверженіе Митрополита.

то, какъ сказано въ лѣтописи, что сей Первосвятитель не радѣлъ о Церкви и любилъ вино (326). Благоразумный Іоаннъ не хотѣлъ, можетъ быть, соблазнить Россіянъ всенароднымъ осужденіемъ Архипастыря, имъ избраннаго, и для того не огласилъ его дѣйствительной вины.

Избраніе новаго.

Преемникъ Зосимы въ Митрополіи былъ Игуменъ Троицкій, Симонъ. Здѣсь Лѣтописцы сообщаютъ намъ нѣкоторыя, весьма любопытныя обстоятельства. Когда Владыки Россійскіе въ Великокняжеской Думѣ нарекли Симона достойнымъ Первосвятительства, Государь пошелъ съ нимъ изъ Дворца въ церковь Успенія, провождаемый сыновьями, внукомъ, Епископами, всѣми Боярами и Дьяками. Поклонились иконамъ и гробамъ Святительскимъ; пѣли, читали молитвы и тропари. Іоаннъ взялъ будущаго Архипастыря за руку, и выходя изъ церкви, въ западныхъ дверяхъ *предалъ* Епископамъ, которые отвели его въ домъ Митрополитовъ. Тамъ, отпустивъ ихъ съ благословеніемъ, сей скромный мужъ обѣдалъ съ Иноками Троицкаго монастыря, съ своими Боярами и Дѣтьми Боярскими. Въ день посвященія онъ ѣхалъ на *осляти*, коего велъ знатный сановникъ Михайло Русалка. Совершились обряды, и новый Митрополитъ долженъ былъ итти на свое мѣсто. Вдругъ священнодѣйствіе остано-

ковъ и Діаконовъ, которые отличались усердіемъ къ православію и ненавистію къ Жидовскому расколу. «Не должно (говорилъ онъ) злобиться и на еретиковъ: Пастыри духовные да проповѣдуютъ только «миръ!»

Такъ повѣствуетъ Св. Іосифъ, основатель и начальникъ монастыря Волоколамскаго. Историкъ, можетъ быть, не совсѣмъ безпристрастный: по крайней мѣрѣ смѣлый, неустрашимый противникъ ереси: ибо онъ еще во время Зосимина Первосвятительства дерзалъ обличать ее, какъ то видимъ изъ письма его къ Суздальскому Епископу, Нифонту. «Сокрылись отъ насъ» — пишетъ Іосифъ — «отлетѣли ко Христу «древніе орлы Вѣры, Святители добродѣ«тельные, коихъ гласъ возвѣщалъ истину «въ саду Церкви, и которые истерзали бы «когтями всякое око, не право зрящее на «божественность Спасителя. Нынѣ шипитъ тамо змій пагубный, изрыгая хулу на Го«спода и Его Матерь ([325]).» Онъ заклинаетъ Нифонта очистить Церковь отъ неслыханнаго дотолѣ соблазна, открыть глаза Государю, свергнуть Зосиму: что и совершилось. Увѣрился ли Великій Князь въ расколѣ Митрополита, неизвѣстно; но въ 1494 году, безъ суда и безъ шума, велѣлъ ему какъ бы добровольно удалиться въ Симоновъ, а оттуда въ Троицкій монастырь, за

Сверженіе Митрополита.

то, какъ сказано въ лѣтописи, что сей Первосвятитель не радѣлъ о Церкви и любилъ вино (326). Благоразумный Іоаннъ не хотѣлъ, можетъ быть, соблазнить Россіянъ всенароднымъ осужденіемъ Архипастыря, имъ избраннаго, и для того не огласилъ его дѣйствительной вины.

Избраніе новаго.

Преемникъ Зосимы въ Митрополіи былъ Игуменъ Троицкій, Симонъ. Здѣсь Лѣтописцы сообщаютъ намъ нѣкоторыя, весьма любопытныя обстоятельства. Когда Владыки Россійскіе въ Великокняжеской Думѣ нарекли Симона достойнымъ Первосвятительства, Государь пошелъ съ нимъ изъ Дворца въ церковь Успенія, провождаемый сыновьями, внукомъ, Епископами, всѣми Боярами и Дьяками. Поклонились иконамъ и гробамъ Святительскимъ; пѣли, читали молитвы и тропари. Іоаннъ взялъ будущаго Архипастыря за руку, и выходя изъ церкви, въ западныхъ дверяхъ *предалъ* Епископамъ, которые отвели его въ домъ Митрополитовъ. Тамъ, отпустивъ ихъ съ благословеніемъ, сей скромный мужъ обѣдалъ съ Иноками Троицкаго монастыря, съ своими Боярами и Дѣтьми Боярскими. Въ день посвященія онъ ѣхалъ на *осляти*, коего велъ знатный сановникъ Михайло Русалка. Совершились обряды, и новый Митрополитъ долженъ былъ итти на свое мѣсто. Вдругъ священнодѣйствіе остано-

вилось; пѣніе умолкло: взоры Духовенства и Вельможъ устремились на Іоанна. Государь выступилъ и громогласно сказалъ Митрополиту: «Всемогущая и Животворящая Святая Троица, «дарующая намъ Государство всея Руси, подаетъ «тебѣ сей великій престолъ Архіерейства руко-«возложеніемъ Архіепископовъ и Епископовъ «нашего Царства. Воспріими жезлъ Пастырства; «взыди на сѣдалище старѣйшинства во имя Го-«спода Іисуса; моли Бога о насъ — и да подастъ «тебѣ Господь здравіе со многоденствомъ.» Тутъ хоръ пѣвчихъ возгласилъ *Исполлаэти Деспота*. Митрополитъ отвѣтствовалъ: «Всемогущая и «вседержащая десница Вышняго да сохранитъ «мирно твое Богопоставленное Царство, Само-«державный Владыко! да будетъ оно много-«лѣтно и побѣдительно со всѣми повинующи-«мися тебѣ Христолюбивыми воинствами и на-«родами! Во вся дни живота твоего буди здравъ, «творя добро, о Государь Самодержавный!» Пѣвчіе возгласили Іоанну многолѣтіе. — Великіе Князья всегда располагали Митрополіею, и нѣтъ примѣра въ нашей Исторіи, чтобы власть духовная спорила съ ними о семъ важномъ правѣ; но Іоаннъ хотѣлъ утвердить оное священнымъ обрядомъ: самъ указалъ Митрополиту престолъ и торжественно дѣйствовалъ въ храмѣ: чего мы доселѣ не видали.

Къ успокоенію правовѣрныхъ, новый Митрополитъ ревностно старался искоренить Жидовскую ересь; еще ревностнѣе Іосифъ Волоцкій

ый, имѣя доступъ къ Государю, требовалъ
его, чтобы онъ велѣлъ по всѣмъ городамъ
и казнить еретиковъ. Великій Князь го-
ъ, что надобно истреблять развратъ, но
казни, противной духу Христіанства; ино-
ыводимый изъ терпѣнія, приказывалъ Іо-
умолкнуть; иногда обѣщалъ ему поду-
(327), и не могъ рѣшиться на жестокія
гва, такъ, что многіе дѣйствительные или
ие еретики умерли спокойно; а знатный
Ѳедоръ Курицынъ еще долго пользовался
енностію Государя и былъ употребляемъ
лахъ Посольскихъ (328).

ГЛАВА V.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Г. 1491—1496.

Заключеніе Андрея, Іоаннова брата. Смерть его и Бориса Василіевича. Посольства Императора Римскаго и наши къ нему. Открытіе Печерскихъ рудниковъ. Посольство Датское, Чагатайское, Иверское. Первое дружелюбное сношеніе съ Султаномъ. Посольства въ Крымъ. Литовскія дѣла. Смерть Казимира: сынъ его, Александръ, на тронѣ Литовскомъ. Непріятельскія дѣйствія противъ Литвы. Переговоры о мирѣ и сватовствѣ. Злоумышленіе на жизнь Іоаннову. Посольство Князя Мазовецкаго въ Москву. Миръ съ Литвою. Іоаннъ отдаетъ дочь свою, Елену, за Александра. Новыя неудовольствія между Россіею и Литвою.

Г. 1491. 1493. Заключеніе Андрея, Іоаннова брата.

Обратимся къ государственнымъ происшествіямъ. — Великій Князь жилъ мирно съ братьями до кончины матери, Инокини Маѳы: она преставилась въ 1484 году [329], и съ того времени началось взаимное подозрѣніе между ими. Андрей и Борисъ не могли привыкнуть къ новому порядку вещей и досадовали на властолюбіе Іоанна, который, непрестанно усиливая Государство Московское, не давалъ имъ части въ сво-

ихъ пріобрѣтеніяхъ. Лишенные защиты и посредничества любимой, уважаемой родительницы, они боялись, чтобы Великій Князь не отнялъ у нихъ и наслѣдственныхъ Удѣловъ. Іоаннъ также, зная сіе внутреннее расположеніе братьевъ, помня ихъ бѣгство въ Литву и наглыя злодѣйства въ предѣлахъ Россійскихъ, не имѣлъ къ нимъ ни довѣренности, ни любви; но соблюдалъ пристойность, не хотѣлъ быть явнымъ утѣснителемъ, и въ 1486 году обязался новою договорною грамотою не присвоивать себѣ ни Андреевыхъ, ни Борисовыхъ городовъ, требуя, чтобы сіи Князья не входили въ переговоры съ Казиміромъ, съ Тверскимъ изгнанникомъ Михаиломъ, съ Литовскими Панами, Новогородцами, Псковитянами, и немедленно сообщали ему всѣ ихъ письма (330). Слѣдственно Іоаннъ опасался тайной связи между братьями, Литвою и тѣми Россіянами, которые не любили Самодержавія: можетъ быть, и зналъ объ ней, желая прервать оную или въ противномъ случаѣ не оставить братьямъ уже никакого извиненія. Еще они съ обѣихъ сторонъ удерживались отъ явныхъ знаковъ взаимнаго недоброжелательства, когда Андрею Василіевичу сказали, что Великій Князь намѣренъ взять его подъ стражу: Андрей хотѣлъ бѣжать; одумался, и велѣлъ Московскому Боярину, Ивану Юрьевичу, спросить у Государя, чѣмъ онъ заслужилъ гнѣвъ его? Бояринъ не дерзнулъ вмѣшаться въ дѣло столь опасное. Андрей самъ пришелъ къ брату, и хотѣлъ знать вину

свою. Великій Князь изумился: ставилъ Небо во свидѣтели, что не думалъ сдѣлать ему ни малѣйшаго зла, и требовалъ, чтобы онъ наименовалъ клеветника. Андрей сослался на своего Боярина, Образца: Образецъ на слугу Іоаннова, Мунта Татищева; а послѣдній признался, что сказалъ то единственно въ шутку. Государь, успокоивъ брата, далъ повелѣніе отрѣзать Татищеву языкъ: ходатайство Митрополитово спасло несчастнаго отъ сей казни; однакожь его высѣкли кнутомъ (331). Въ 1491 году Великій Князь посылалъ войско противъ Ординскихъ Царей, Сеилъ-Ахмута и Шигъ-Ахмета, которые хотѣли итти на Тавриду, но удалились отъ ея границъ, свѣдавъ, что Московская рать уже стоитъ на берегахъ Донца. Полководцы Іоанновы, Царевичь Салтаганъ, сынъ Нордоулатовъ, и Князья Оболенскіе, Петръ Никитичь и Рѣпня, возвратились, не сдѣлавъ ничего важнаго (332). Въ семъ походѣ долженствовали участвовать и братья Великаго Князя; но Андрей не прислалъ вспомогательной дружины къ Салтагану. Іоаннъ скрылъ свою досаду. Осенью, Сентября 19, пріѣхавъ изъ Углича въ Москву, Андрей былъ цѣлый вечеръ во дворцѣ у Великаго Князя. Они казались совершенными друзьями: бесѣдовали искренно и весело. На другой день Іоаннъ черезъ Дворецкаго, Князя Петра Шастунова, звалъ брата къ себѣ на обѣдъ, встрѣтилъ ласково, поговорилъ съ нимъ, и вышелъ въ другую компату, отославъ Андреевыхъ Бояръ въ столовую *гридню*, гдѣ ихъ

немедленно взяли подъ стражу. Въ то же
Князь Симеонъ Ивановичь Ряполовскій
гими иными Вельможами явился передъ
мъ, хотѣлъ говорить и не могъ ясно про-
і ни одного слова, заливаясь слезами; на-
дрожащимъ голосомъ сказалъ: *Государь
Андрей Василіевичь! пойманъ еси Богомъ,
сдаремъ Великимъ Княземъ, Иваномъ Ва-
чемъ, всея Руси, братомъ твоимъ ста-
ъ.* Андрей всталъ и съ твердостію отвѣт-
ъ: «*воленъ Богъ, да Государь братъ мой;
ышній разсудитъ насъ въ томъ, что ли-
свободы безвинно.*» Андрея свели на Ка-
дворъ, оковали цѣпями, и приставили къ
ногочисленную стражу, состоящую изъ
и Бояръ; двухъ его сыновей, Ивана и
ія, заключили въ Переславлѣ; дочерей
и на свободѣ (333): Удѣлъ же ихъ ро-
присоединили къ Великому Княженію.
оправдать себя, Іоаннъ объявилъ Андрея
икомъ: ибо сей Князь, нарушивъ клят-
обѣтъ, замышлялъ возстать на Государя
ратьями Юріемъ, Борисомъ и съ Андре-
ньшимъ, переписывался съ Казимиромъ
хматомъ, наводя ихъ на Россію; вмѣстѣ
ісомъ уѣзжалъ въ Литву; наконецъ ослу-
Великаго Князя и не посылалъ Воеводъ
противъ Сеидъ-Ахмута (334). Только по-
і вина имѣла видъ справедливости: дру-
къ старыя, были заглажены миромъ въ
ду; или надлежало уличить Андрея, что

онъ уже послѣ того писалъ къ Казимиру. Однимъ словомъ, Іоаннъ въ семъ случаѣ поступилъ жестоко, оправдываясь, какъ вѣроятно, въ собственныхъ глазахъ извѣстною строптивостію Андрея, государственною пользою, требующею безпрекословнаго Единовластія, и примѣромъ Ярослава I, который также заключилъ брата. — Государь тогда же потребовалъ къ себѣ и Бориса Василіевича: сей Князь съ ужасомъ и трепетомъ явился въ Московскомъ дворцѣ, но черезъ три дни былъ съ милостію отпущенъ назадъ въ Волокъ [335].

Смерть Андрея и Бориса Василіевича.

Андрей въ 1493 году умеръ въ темницѣ, къ горести Великаго Князя, по увѣренію Лѣтописцевъ. Разсказываютъ, что онъ (въ 1498 году) призвавъ Митрополита и Епископовъ во дворецъ, встрѣтилъ ихъ съ лицемъ печальнымъ, безмолвствовалъ, заплакалъ и началъ смиренно каяться въ своей жестокости, бывъ виною жалостной, безвременной кончины брата. Митрополитъ и Епископы сидѣли: Государь стоялъ передъ ними и требовалъ прощенія. Они успокоили его совѣсть: отпустили ему грѣхъ, но съ пастырскимъ душеспасительнымъ увѣщаніемъ [336]. — Борисъ Василіевичъ также скоро преставился. Сыновья его, Өеодоръ и Иванъ, наслѣдовали достояніе родителя. Въ 1497 году они уступили Великому Князю Коломенскія и дру-

гія села, взявъ за нихъ Тверскія. Иванъ Борисовичь, умирая въ 1503 году, отказалъ Государю Рузу и половину Ржева, вмѣстѣ съ его *воинскою рухлядью*, доспѣхами и конями (337). Такъ въ Государствѣ Московскомъ исчезали всѣ особенныя наслѣдственныя власти, уступая Великокняжеской.

Между тѣмъ и внѣшнія политическія отношенія Россіи болѣе и болѣе возвышали достоинство ея Монарха. Послы Ольгины находились въ Германіи, при Оттонѣ I, а Нѣмецкіе въ Кіевѣ около 1075 года; Изяславъ I и Владиміръ Галицкій искали покровительства Римскихъ Императоровъ; Генрикъ IV былъ женатъ на Княжнѣ Россійской, и Фридерикъ Барбаруса уважалъ Всеволода III (338): но съ того времени мы не имѣли сообщенія съ Имперіею, до 1486 года, когда знатный Рыцарь, именемъ Николай Поппель, пріѣхалъ въ Москву съ письмомъ Фридерика III, безъ всякаго особеннаго порученія, единственно изъ любопытства. «Я видѣлъ» — говорилъ онъ — «всѣ земли Христіанскія и всѣхъ Королей: «желаю узнать Россію и Великаго Князя (339).» Бояре ему не вѣрили и думали, что сей иноземецъ съ какимъ нибудь злымъ намѣреніемъ подосланъ Казимиромъ Литовскимъ; однакожь Поппель, удовлетворивъ своему любопытству, благополучно

Посольства Императора Римскаго в нашв къ нему.

выѣхалъ изъ Россіи, и чрезъ два года возвратился въ качествѣ Посла Императорскаго съ новою грамотою отъ Фридерика и сына его, Короля Римскаго, Максимиліана, писанною въ Ульмѣ 26 Декабря, 1488 года. Принятый ласково, онъ въ первомъ свиданіи съ Московскими Боярами, Княземъ Иваномъ Юрьевичемъ, Даніиломъ Холмскимъ и Яковомъ Захарьевичемъ, говорилъ слѣдующее: «Выѣхавъ изъ Россіи, я на«шелъ Императора и Князей Германскихъ въ «Нюренбергѣ; бесѣдовалъ съ ними о странѣ ва«шей, о Великомъ Князѣ, и вывелъ ихъ изъ за«блужденія: они думали, что Іоаннъ есть дан«никъ Казимировъ. *Нѣтъ*, сказалъ я: *Государь «Московскій сильнѣе и богатѣе Польскаго; Дер«жава его неизмѣрима, народы многочисленны, «мудрость знаменита*. Однимъ словомъ, самый «усерднѣйшій изъ слугъ Іоанновыхъ не могъ бы «говорить объ немъ иначе, ревностнѣе и спра«ведливѣе. Меня слушали съ удивленіемъ, осо«бенно Императоръ, въ часъ обѣда ежедневно «разговаривая со мною. Наконецъ сей Монархъ, «желая быть союзникомъ Россіи, велѣлъ мнѣ «ѣхать къ вамъ Посломъ со многочисленною «дружиною. Еще ли не вѣрите истинѣ моего зва«нія? За два года я казался здѣсь обманщикомъ, «ибо имѣлъ съ собою только двухъ служителей. «Пусть Великій Князь пошлетъ собственнаго чи«новника къ моему Государю: тогда не останет«ся ни малѣйшаго сомнѣнія.» Но Іоаннъ уже вѣрилъ Послу, который именемъ Фридерико-

ымъ предложилъ ему выдать его дочь, Елену ли Θеодосію, за Албрехта, Маркграфа Баденскаo, племянника Императорова, и желалъ видѣть евѣсту. Великій Князь отвѣтствовалъ ему чеезъ Дьяка, Θедора Курицына, что вмѣстѣ съ имъ отправится въ Германію Посолъ Россійкій, коему велѣно будетъ изъясниться о семъ ъ Императоромъ, и что обычаи наши не дозвояютъ прежде времени показывать юныхъ дѣицъ женихамъ или сватамъ. — Второе предлоеніе Поппелево состояло въ томъ, чтобы оаннъ запретилъ Псковитянамъ вступаться въ емли Ливонскихъ Нѣмцевъ, подданныхъ Импеіи. Государь велѣлъ отвѣтствовать, что Псковитяне владѣютъ только собственными ихъ землями и не вступаются въ чужія.

Весьма достопамятна третія аудіенція, данная Іослу Фридерикову въ *набережныхъ сѣняхъ*, гдѣ амъ Великій Князь слушалъ его, отступивъ нѣсколько шаговъ отъ своихъ Бояръ. «Молю о скромности и тайнѣ,» сказалъ Поппель: «ежели непріятели твои, Ляхи и Богемцы, узнаютъ, о чемъ я говорить намѣренъ: то жизнь моя будетъ въ опасности. Мы слышали, что ты, Государь, требовалъ себѣ отъ Папы *Королевскаго* достоинства; но знай, что не Папа, а только Императоръ жалуетъ въ Короли, въ Принцы и въ Рыцари. Если желаешь быть Королемъ, то предлагаю тебѣ свои услуги. Надлежитъ единственно скрыть сіе дѣло отъ Монарха Польскаго, который боится, чтобы ты, сдѣлавшись ему

«равнымъ Государемъ, не отнялъ у него древ-«нихъ земель Россійскихъ.» Отвѣтъ Іоанновъ изображаетъ благородную, истинно Царскую гордость. Бояре сказали Послу такъ: «Государь, Ве-«ликій Князь, Божіею милостію наслѣдовалъ «Державу Русскую отъ своихъ предковъ, а *по-«ставленіе* имѣетъ отъ Бога, и молитъ Бога, «да сохранитъ оную ему и дѣтямъ его вовѣ-«ки; а поставленія отъ иной власти никогда не «хотѣлъ и не хочетъ» (340). Поппель не смѣлъ болѣе говорить о томъ, и вторично обратился къ сватовству. «Великій Князь» — сказалъ онъ — «имѣетъ двухъ дочерей: если не благоволитъ «выдать ни которой за Маркграфа Баденскаго, то «Императоръ представляетъ ему въ женихи од-«ного изъ Саксонскихъ знаменитыхъ Принцевъ, «сыновей его племянника (Курфирста Фридери-«ка); а другая Княжна Россійская можетъ быть «супругою Сигизмунда, Маркграфа Бранденбург-«скаго, коего старшій братъ есть зять Короля «Польскаго.» На сіе не было отвѣта, и Поппель скоро отправился изъ Москвы въ Данію чрезъ Швецію, для какого-то особеннаго Императорскаго дѣла: Государь же послалъ въ Нѣмецкую землю Грека, именемъ Юрія Траханіота, или Трахонита, выѣхавшаго къ намъ съ Великою Княгинею, Софіею, давъ ему слѣдующее наставленіе:

I. «Явить Императору и сыну его, Римскому «Королю Максиміліану, вѣрющую Посольскую «грамоту (341). Увѣрить ихъ въ искренней пріяз-

ни Іоанновой. — II. Условиться о взаимныхъ дружественныхъ Посольствахъ и свободномъ сообщеніи обѣихъ Державъ. — III. Ежели спросятъ, намѣренъ ли Великій Князь выдать свою дочь за Маркграфа Баденскаго? то отвѣтствовать, что сей союзъ не пристоенъ для знаменитости и силы Государя Россійскаго, брата древнихъ Царей Греческихъ, которые, переселясь въ Византію, уступили Римъ Папамъ. Но буде Императоръ пожелаетъ сватать нашу Княжну за сына своего, Короля Максимиліана: то ему не отказывать, и дать надежду. — IV. Искать въ Германіи и принять въ службу Россійскую полезныхъ художниковъ, горныхъ мастеровъ, Архитекторовъ и проч.» На издержки дано было ему 0 соболей и 3000 бѣлокъ (342). Іоаннъ написалъ ъ нимъ дружественныя грамоты къ Бургомистрамъ Нарвскому, Ревельскому и Любекскому.

Траханіотъ поѣхалъ (22 Марта) изъ Москвы ъ Ревель, оттуда въ Любекъ и Франкфуртъ, гдѣ ылъ представленъ Римскому Королю Максимиліану, говорилъ ему рѣчь на языкѣ Ломбардкомъ и вручилъ дары Великокняжеские, 40 соолей, шубы горностаевую и бѣличью. Докторъ, 'еоргъ Торнъ, именемъ Максимиліана отвѣалъ Послу на томъ же языкѣ, изъявляя благоарность и пріязнь сего Вѣнценосца къ Государю Московскому (343). Посла осыпали въ Германіи ласками и привѣтствіями. Король Римскій, стрѣчая его, сходилъ обыкновенно съ трона и ажалъ подлѣ себя; то же дѣлалъ и самъ Импе-

раторъ. Они стоя подавали ему руку въ знакъ уваженія къ Великому Князю (344). Болѣе ничего не знаемъ о переговорахъ Траханіота, который возвратился въ Москву 16 Іюля, 1490 года, съ новымъ Посломъ Максимиліановымъ, Георгомъ Делаторомъ (345). Не за-долго до того времени умеръ славный Король Матоей, и Паны Венгерскіе соглашались избрать на его мѣсто Казимирова сына, Владислава, Государя Богемскаго, въ досаду Максимиліану, считавшему себя законнымъ наслѣдникомъ Матоеевымъ. Сіе обстоятельство соединяло Австрійскую Политику съ нашею: Максимиліанъ хотѣлъ завоевать Венгрію, Іоаннъ южную Литовскую Россію: они признавали Казимира общимъ врагомъ, и Делаторъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе успѣть въ государственномъ дѣлѣ, объявилъ желаніе Римскаго Короля (тогда вдоваго) быть Іоанну зятемъ: хотѣлъ видѣть юную Княжну и спрашивалъ о цѣнѣ ея приданаго. Отвѣтъ состоялъ въ учтивомъ отказѣ: Послу изъяснили наши обычаи. Какой стыдъ для отца и невѣсты, если бы сватъ отвергнулъ ее! Могъ ли знаменитый Государь съ безпокойствомъ и страхомъ ждать, что слуга иноземнаго Властителя скажетъ объ его дочери? Изъяснили также Делатору, что Вѣнценосцамъ не прилично торговаться въ приданомъ; что Великій Князь безъ сомнѣнія назначитъ его по достоинству жениха и невѣсты, но уже послѣ брака; что надобно согласиться прежде въ дѣлѣ важнѣйшемъ, а именно въ томъ, чтобы Княжна

йская, если будетъ супругою Максимиліа-
е перемѣняла Вѣры, имѣла у себя церковь
ескую и Священниковъ. Для послѣдняго Ве-
Князь требовалъ увѣрительной записи; но
торъ сказалъ, что онъ для сего не уполно-
тъ. И такъ перестали говорить о бракѣ.
накожь союзъ государственный заключился,
исали договоръ слѣдующаго содержанія:
о волѣ Божіей и нашей любви мы Іоаннъ,
іею милостію Государь всея Русіи, Влади-
кій, Московскій, Новогородскій, Псковскій,
рскій, Вятскій, Пермскій, Болгарскій» (то
, Казанскій) «и проч. условились съ своимъ
омъ, Максимиліаномъ, Королемъ Римскимъ
нíяземъ Австрійскимъ, Бургонскимъ, Лота-
скимъ, Стирскимъ, Каринтійскимъ и проч.
ь въ вѣчной любви и согласіи, чтобы помо-
другъ другу во всѣхъ случаяхъ. Если Ко-
Польскій и дѣти его будутъ воевать съ
ю, братомъ моимъ, за Венгрію, твою отчи-
то извѣсти насъ, и поможемъ тебѣ усерд-
безъ обмана. Если же и мы начнемъ *добы-*
Великаго Княженія Кіевскаго и другихъ
ль Русскихъ, коими владѣетъ Литва: то
омимъ тебя, и поможешь намъ усердно,
обмана. Если и не успѣемъ обослаться, но
емъ, что война началась съ твоей или моей
оны: то обязываемся немедленно итти
ъ ко другу на помощь. — Послы и купцы
и да ѣздятъ свободно изъ одной земли въ
ую. На семъ цѣлую крестъ къ тебѣ, моему

«брату.... Въ Москвѣ, въ лѣто 6998 (1490), Августа 16 ([346]).»

Сей первый договоръ съ Австріею, написанный на хартіи, былъ скрѣпленъ золотою Великокняжескою печатію. Делаторъ, видѣвъ супругу Іоаннову, Софію ([347]), поднесъ ей въ даръ отъ Максимиліана сѣрое сукно и попугая; а Государь, пожаловавъ его въ *Золотоносцы*, далъ ему золотую цѣпь съ крестомъ, горностаевую шубу и серебряныя *остроги* или шпоры, какъ бы въ знакъ Рыцарскаго достоинства ([348]). Делаторъ выѣхалъ изъ Москвы Августа 19, вмѣстѣ съ нашими Послами, Траханіотомъ и Дьякомъ Васильемъ Кулешинымъ. Наказъ, имъ данный, состоялъ въ слѣдующемъ: 1) «Вручить Максиміліану договорную Іоаннову грамоту и присягнуть въ вѣрномъ исполненіи условій. 2) Взять «съ него такую же, писанную языкомъ Славянскимъ; а буде напишутъ оную по-Нѣмецки или «по-Латини ([349]), то изъяснить, что обязатель«ство Великаго Князя не имѣетъ силы, ежели въ «грамотѣ будутъ отмѣны противъ Русской» (ибо Траханіотъ и Кулешинъ не знали сихъ двухъ языковъ). 3) «Максимиліанъ долженъ утвердить «союзъ цѣлованіемъ креста передъ нашими По«слами. 4) Объявить Королю согласіе Іоаннова «выдать за него дочь, съ условіемъ, чтобы она «не перемѣняла Закона. 5) Сказать ему, что По«сламъ его и Московскимъ лучше ѣздить впредь «чрезъ Данію и Швецію, для избѣжанія непрі«ятностей, какія могутъ имъ встрѣтиться въ

«Польскихъ владѣніяхъ. 6) Требовать, чтобы «онъ далъ Великому Князю лекаря искуснаго въ «цѣленіи внутреннихъ болѣзней и ранъ. 7) При«вѣтствовать единственно Короля Римскаго, а «не Императора: ибо Делаторъ, будучи въ Мо«сквѣ, не сказалъ Великому Князю ни слова отъ «Фридерика.» Не смотря на государственную важность заключаемаго съ Австріею союза, Іоаннъ, какъ видимъ, строго наблюдалъ достоинство Россійскаго Монарха, и въ сіе же время отослалъ изъ Москвы безъ отвѣта слугу Поппелева, который пріѣзжалъ въ Россію за живыми лосями для Императора, но съ письмомъ не довольно учтивымъ отъ господина своего. Не взявъ даровъ Поппелевыхъ, богатаго мониста съ ожерельемъ, Великій Князь милостиво принялъ отъ его слуги двѣ обьяри, и далъ ему за то 120 соболей, цѣною въ 30 червонцевъ [350].

Траханіотъ и Кулешинъ писали къ Государю изъ Любека, что Король Датскій и Князья Нѣмецкіе, свѣдавъ объ ихъ прибытіи въ Германію, и желая добра Казимиру, замышляли сдѣлать имъ остановку въ пути; что Посолъ Максимиліановъ ѣдетъ вмѣстѣ съ ними и возметъ мѣры для ихъ безопасности; что Римскій Король уже завоевалъ многія мѣста въ Венгріи. Они наѣхали Максимиліана въ Нюренбергѣ, вручили ему дары отъ Іоанна и Великой Княгини (80 соболей, камку и птицу кречета); явили письменный договоръ, имъ одобренный и клятвенно утвержденный, но не упоминали о сватовствѣ,

ибо слышали, что Максимиліанъ, долго не имѣвъ отвѣта отъ Великаго Князя, въ угожденіе своему отцу помолвилъ на Княжнѣ Бретанской. Пробывъ тамъ отъ 22 Марта до 23 Іюня (1491 года), Послы Іоанновы возратились въ Москву Августа 30 съ Максимиліановою союзною грамотою, которую Великій Князь приказалъ отдать въ хранилище государственное (351).

Въ слѣдъ за ними Король Римскій вторично прислалъ Делатора, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ клятвеннаго Іоаннова обѣта исполнять заключенный договоръ. Государь сдѣлалъ тоже, что Максимиліанъ: цѣловалъ крестъ передъ его Посломъ. Изъявивъ совершенное удовольствіе и благодарность Короля, Делаторъ молилъ Великаго Князя не досадовать за помолвку его на Принцессѣ Бретанской, и разсказалъ длинную исторію въ оправданіе сего поступка. «Король «Римскій» — говорилъ онъ — «весьма желалъ «чести быть зятемъ Великаго Князя; но Богъ не «захотѣлъ того. Разнесся въ Германіи слухъ, «что я и Послы Московскіе, въ 1490 году отплывъ на двадцати четырехъ корабляхъ изъ «Любека, утонули въ морѣ. Государь нашъ думалъ, что Іоаннъ не свѣдалъ о его намѣреніи «вступить въ бракъ съ Княжною Россійскою. «Дальнее разстояніе не дозволяло отправить новаго Посольства, и согласіе Великаго Князя было еще не вѣрно. Между тѣмъ время текло. «Князья Нѣмецкіе требовали отъ Императора, «чтобы онъ женилъ сына и предложили въ не-

«вѣсты Анну Бретанскую. Фридерикъ убѣдилъ «Максимиліана принять ея руку. Когда же Государь нашъ узналъ, что мы живы, и что Княжна Россійская могла быть его супругою: то искренно огорчился, и донынѣ жалѣетъ о невѣ«стѣ столь знаменитой.» Сія справедливая или выдуманная повѣсть удовлетворила Іоанновой чести: онъ не изъявилъ ни малѣйшей досады, и не отвѣчалъ Послу ни слова. Делаторъ, какъ бы въ знакъ особенной, неограниченной къ нему довѣренности Максимиліановой, извѣстилъ Великаго Князя о тайныхъ видахъ Австрійской Политики. Долговременная война Нѣмецкаго Ордена съ Польшею рѣшилась (въ 1466 году) совершенною зависимостію перваго отъ Казимира, такъ, что Великій Магистръ Лудвигъ назвалъ себя его присяжникомъ, и Рыцарство, нѣкогда Державное, стенало подъ игомъ чужеземной власти. Максимиліанъ тайно возбуждалъ Орденъ свергнуть сіе иго и снова прибѣгнуть къ оружію; но Магистры Нѣмецкій и Ливонскій требовали отъ него, чтобы онъ прежде доставилъ имъ важное покровительство Монарха Россійскаго, сильнаго и грознаго. Делаторъ убѣждалъ Великаго Князя послать Московскаго чиновника въ Ливонію для переговоровъ, дать ея Рыцарямъ вѣчный миръ, не тѣснить ихъ и *взять Орденъ въ его милостивое соблюденіе.* — Столь же усердно ходатайствовалъ Посолъ за Швецію. Государственный ея Правитель, Стенъ-Стуръ, находился въ дружественной связи съ Максими-

ліаномъ, и жаловался ему на обиды Россіянъ, которые въ 1490 году ужаснымъ образомъ свирѣпствовали въ Остерботнѣ: жгли, рѣзали, мучили жителей, присвоивая себѣ господство надъ Финляндіею (352). Делаторъ молилъ Іоанна оставить сію несчастную землю въ покоѣ. Наконецъ предлагалъ, чтобы Московскіе Послы ѣздили въ Имперію чрезъ Мекленбургъ и Любекъ, а не чрезъ Данію, гдѣ въ разсужденіи ихъ не соблюдаются уставы чести и гостепріимства: ибо Король держитъ сторону Казимирову. — Замѣтимъ, что Посолъ Максимиліановъ въ своихъ аудіенціяхъ именовалъ Великаго Князя *Царемъ;* такъ и наши Послы называли Іоанна въ Германіи: Нѣмцы же въ переводѣ дипломатическихъ бумагъ употребляли имя Kayser, Imperator, вмѣсто Царя (353).

Отвѣтъ Великаго Князя, сообщенный Послу Казначеемъ Дмитріемъ Владиміровичемъ и Дьякомъ Ѳедоромъ Курицынымъ, былъ такой: «Я «заключилъ искренній союзъ съ моимъ братомъ «Максимиліаномъ; хотѣлъ помогать ему всѣми «силами въ завоеваніи Венгріи, и готовился «самъ сѣсть на коня; но слышу, что Владиславъ, «сынъ Казимировъ, объявленъ тамъ Королемъ, «и что Максимиліанъ съ нимъ примирился: слѣдственно мнѣ теперь нечего дѣлать. Однакожъ «вмѣстѣ съ тобою отправлю къ нему Пословъ. «Не измѣню клятвѣ. Если братъ мой рѣшится «воевать, то иду немедленно на Казимира и сыновей его, Владислава и Албрехта. Въ угодность

«Максимиліану буду посредникомъ его союза съ «Господаремъ Молдавскимъ, Стефаномъ. Что «касается до Магистровъ Прусскаго и Ливонска-«го, то я готовъ взять ихъ въ мое храненіе. По-«слѣдній желаетъ условиться о мирѣ съ моими «особенными Послами и вмѣсто *челобитья* пи-«сать въ договорахъ *моленіе;* но да будетъ все «по старому. Прежде онъ *билъ челомъ* вольному «Новугороду: нынѣ да имѣетъ дѣло съ тамош-«ними моими Намѣстниками, людьми знатны-«ми.» — О Швеціи не было слова въ отвѣтѣ.

Делаторъ выѣхалъ изъ Москвы 12 Апрѣля, 1492 года ([354]), съ Великокняжескимъ Приставомъ, коему надлежало довольствовать его всѣмъ нужнымъ до самой границы. Такъ обыкновенно бывало: Приставы встрѣчали и провожали Пословъ. Маія 6 снова отправился Траханіотъ съ Дьякомъ Михайломъ Ропкинымъ въ Германію. Ему велѣно было именемъ Іоанновымъ *спросить Максимиліана о здравіи , но не править поклона:* ибо Делаторъ въ первой аудіенціи не кланялся ни Великому Князю, ни супругѣ его отъ своего Короля, а спрашивалъ только о здравіи ([355]). Наказъ сего Посольства былъ слѣдующій:

«Объявить Максимиліану, что Великій Князь, «вступивъ съ нимъ въ союзъ, желалъ вѣрно «исполнять условія, и для того не хотѣлъ гово-«рить о мирѣ съ Посломъ Литовскимъ, бывшимъ «въ Москвѣ: слѣдственно и Король Римскій не «долженъ мириться съ Богеміею и Польшею безъ «Іоанна, который готовъ, въ случаѣ его вѣрно-

«сти, дѣйствовать съ нимъ за-одно всѣми сила-«ми, ему Богомъ данными. — Если онъ заклю-«чилъ миръ съ Владиславомъ, то развѣдать о «тайныхъ причинахъ онаго. Узнать всѣ обстоя-«тельства и виды Австрійской Политики: имѣетъ «ли Максимиліанъ сильныхъ доброжелателей въ «Венгріи, и кого именно? не для того ли усту-«паетъ оную Владиславу, чтобы воевать съ Го-«сударемъ Французскимъ, который, по слуху, «отнимаетъ у него невѣсту, Анну Бретанскую?— «Ежели бракъ Римскаго Короля не состоял-«ся, то искуснымъ образомъ внушить ему, что «Великій Князь, можетъ быть, не отринетъ «его вторичнаго сватовства, когда Императоръ «и Максимиліанъ пришлютъ къ нему убѣдитель-«ную грамоту съ *человѣкомъ добрымъ*» (то есть, знатнымъ). «Въ такомъ случаѣ изъясниться о «Вѣрѣ Греческой, о церкви и Священникахъ. А «буде Король женится на Принцессѣ Бретан-«ской, то говорить о сынѣ его, Филиппѣ, или о «Саксонскомъ Курфирстѣ Фридерикѣ. Навѣдать-«ся также о пристойныхъ невѣстахъ для сына «Государева, Василія, изъ дочерей Королев-«скихъ, и проч.; но соблюдать благоразумную «осторожность, чтобы не повредить Государевой «чести. — Заѣхать къ Саксонскому Курфирсту, «поднести ему въ даръ 40 соболей и сказать: Ве-«ликій Князь благодаритъ тебя за охраненіе его «Пословъ въ землѣ твоей: и впредь охраняй «ихъ, равномѣрно и тѣхъ, которые ѣздятъ къ «намъ изъ *странъ Италійскихъ*. Дозволяй ху-

«дожникамъ, твоимъ подданнымъ, переселяться «въ Россію: за что Великій Князь готовъ служить «тебѣ всѣмъ, чѣмъ изобилуетъ земля его.»

Послы наши имѣли письма къ Герцогу Мекленбургскому, къ Бургомистрамъ и Ратманамъ городовъ Нѣмецкихъ, о свободномъ ихъ пропускѣ; въ Нарвѣ и въ Ревелѣ они должны были вручить сіи грамоты *сидя*. — Донесенія, писанныя ими къ Государю въ пути, любопытны своею подробностію, вмѣщая въ себѣ извѣстія не только о главныхъ дѣлахъ Европейской Политики, но и купеческія: на примѣръ, о дороговизнѣ хлѣба во Фландріи, гдѣ ластъ ржи стоилъ тогда 100 червонцевъ (336). Описывая войну Максиміліана съ Королемъ Французскимъ, Траханіотъ и Яропкинъ говорятъ о союзѣ перваго съ Англіею, Шотландіею, Испаніею, Португалліею и со всѣми Князьями Нѣмецкими; о мирѣ его съ Владиславомъ, который обязался ему заплатить за Венгрію 100,000 червонцевъ, объявивъ Максиміліана послѣ себя наслѣдникомъ; увѣдомляютъ также о походѣ Султанскаго войска въ Сервію; однимъ словомъ, представляютъ всѣ движенія Европы очамъ любопытнаго Іоанна, который хотѣлъ быть самъ однимъ изъ ея великихъ Монарховъ.

Приплывъ на кораблѣ изъ Ревеля въ Германію, Траханіотъ и Яропкинъ жили нѣсколько мѣсяцевъ въ Любекѣ — не зная, куда ѣхать къ Максиміліану, занятому тогда Французскою войною — и для перевода Нѣмецкихъ бумагъ, ими

получаемыхъ, приняли въ Государеву службу тамошняго славнаго *книгопечатника*, Варѳоломея, который далъ имъ клятву таить содержаніе оныхъ. Они нашли Максимиліана въ Кольмарѣ, гдѣ и были отъ 15 Генваря до 23 Марта. Политика его уже перемѣнилась: сей Государь, довольный условіями заключеннаго съ Владиславомъ мира, не думалъ болѣе о сѣверномъ союзѣ, употребляя всѣ усилія противъ Франціи. Послы наши — не сдѣлавъ, кажется, ничего — возвратились въ Москву въ Іюлѣ 1493 года (357).

Такимъ образомъ прекратились на сей разъ сношенія Великокняжескаго Двора съ Имперіею, хотя и не имѣвъ важныхъ государственныхъ слѣдствій, однакожь удовлетворивъ честолюбію Іоанна, который поставилъ себя въ оныхъ наравнѣ съ первымъ Монархомъ Европы. — Связь съ Германіею доставила намъ и другую существенную выгоду. Новое великолѣпіе Двора Московскаго, новыя Кремлевскія зданія, сильныя ополченія, Посольства, дары, требовали издержекъ, которыя истощали казну болѣе, нежели прежняя дань Ханская. Доселѣ мы пользовались единственно чужими драгоцѣнными металлами, добываемыми внѣшнею торговлею и мѣною съ Сибирскими народами черезъ Югру: сей послѣдній источникъ, какъ вѣроятно, оскудѣлъ или совсѣмъ закрылся: ибо въ лѣтописяхъ и въ договорахъ XV вѣка уже нѣтъ ни слова о *серебрѣ Закамскомъ* (358). Но издавна былъ у насъ слухъ, что страны полуночныя, близъ Каменнаго Поя-

са, изобилуютъ металлами: присоединивъ къ Московской Державѣ Пермь, Двинскую землю, Вятку, Іоаннъ желалъ имѣть людей свѣдущихъ въ горномъ искусствѣ. Мы видѣли, что онъ писалъ о томъ къ Королю Венгерскому (359): но Траханіотъ, кажется, первый вывезъ ихъ изъ Германіи. Въ 1491 году два Нѣмца, Иванъ и Викторъ, съ Андреемъ Петровымъ и Василіемъ Болтинымъ отправились изъ Москвы искать серебряной руды въ окрестностяхъ Печеры (360). Черезъ семь мѣсяцевъ они возвратились съ извѣстіемъ, что нашли оную, вмѣстѣ съ мѣдною, на рѣкѣ Цыльмѣ, верстахъ въ двадцати отъ Космы, въ трехъ стахъ отъ Печеры и въ 3500 отъ Москвы, на пространствѣ десяти верстъ. Сіе важное открытіе сдѣлало Государю величайшее удовольствіе, и съ того времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету изъ своего серебра; имѣли и золотыя деньги или медали Россійскія. Въ собраніи нашихъ древностей хранится снимокъ золотой медали 1497 году съ изображеніемъ Св. Николая: въ надписи сказано, что *Великій Государь* вылилъ сей *единый талеръ* изъ золота для *Княгини* (Княжны) своей, Ѳеодосіи (361). На серебряныхъ деньгахъ Іоаннова времени обыкновенно представлялся всадникъ съ мечемъ.

Открытіе Печерскихъ рудниковъ.

Можетъ быть, слухъ о новыхъ, въ сѣверной Россіи открытыхъ, богатыхъ рудникахъ скоро дошелъ до Германіи и возбудилъ тамъ любопытство увѣриться въ справедливости онаго (Европа еще не знала Америки, и нуждаясь въ драгоцѣнныхъ металлахъ, долженствовала брать живѣйшее участіе въ такомъ открытіи): по крайней мѣрѣ въ 1492 году пріѣхалъ въ Москву Нѣмецъ Михаилъ Снупсъ съ письмомъ къ Великому Князю отъ Максимиліана и дяди его, Австрійскаго Эрцгерцога Зигмунда, княжившаго въ Инспрукѣ: они дружески просили Іоанна, чтобы онъ дозволилъ сему путешественнику осмотрѣть все любопытное въ нашемъ отечествѣ, учиться языку Русскому, видѣть обычаи народа и пріобрѣсти знанія нужныя для успѣховъ общей Исторіи и Географіи. Снупсъ, обласканный Великимъ Княземъ, немедленно изъявилъ желаніе ѣхать въ дальнѣйшія страны полунощныя и на Востокъ, къ берегамъ Оби. Іоаннъ усомнился, и наконецъ рѣшительно отказалъ ему. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, Снупсъ отправился назадъ въ Германію прежнимъ путемъ, чрезъ Ливонію, съ слѣдующимъ письмомъ отъ Великаго Князя къ Максимиліану и Зигмунду: «Изъ дружбы къ вамъ мы ласково «приняли вашего человѣка, но не пустили его «въ страны отдаленныя, гдѣ течетъ рѣка Обь, «за неудобностію пути: ибо самые люди наши, «ѣздящіе туда для собранія дани, подвергают«ся не малымъ трудамъ и бѣдствіямъ. Мы не

зволили ему также возвратиться къ
мъ чрезъ владѣнія Польскія или Турец-
я : ибо не можемъ отвѣтствовать за без-
асность сего пути. Богъ да блюдетъ
ше здравіе (362).» Вѣроятно, что Іоаннъ
сался сего Нѣмца какъ лазутчика, и не
ѣлъ, чтобы онъ видѣлъ наши сѣверо-
точныя земли, гдѣ открылся новый
очникъ богатства для Россіи.

Посольство Датское.

торымъ достопамятнымъ Посольствомъ
сываемыхъ нами временъ было Дат-
е. Если не Данія, то по крайней мѣрѣ
вегія издревле имѣла сношенія съ Но-
городомъ, по сосѣдству съ его сѣвер-
и областями. Дворъ Ярослава Великаго
жилъ убѣжищемъ для ея знаменитыхъ
анниковъ (363); Александръ Невскій
ѣлъ женить сына на дочери Гаконо-
(364); мы упоминали также о договорѣ
вегіи съ Правительствомъ Новогород-
мъ въ 1326 году (365): но отдаленная
сква скрывалась во мракѣ неизвѣстно-
для трехъ Сѣверныхъ Королевствъ до
о времени, какъ Великій Князь сдѣлал-
Самодержцемъ всей Россіи, отъ бере-
ъ Волги до Лапландіи. Пріязнь, бывшая
жду тогдашнимъ Королемъ Датскимъ,
зномъ, сыномъ Христіановымъ, и Ка-
иромъ, заставила перваго нарушить
съ гостепріимства въ разсужденіи Пос-
ъ Московскихъ, когда они ѣхали въ Лю-

бекъ чрезъ его землю: ибо Трахаиіотъ и Ярошкинъ жаловались на претерпѣнныя ими въ ней обиды; но существенныя выгоды государственныя перемѣнили образъ мыслей сего Монарха: будучи врагомъ Шведскаго Правителя, онъ увидѣлъ пользу быть другомъ Великаго Князя, чтобы страхомъ нашего оружія обуздывать Шведовъ, и Посолъ Датскій (въ 1493 году) заключилъ въ Москвѣ союзъ любви и братства съ Россіею. Грекъ Дмитрій Ралевъ и Дьякъ Зайцовъ отправились въ Данію для размѣна договорныхъ грамотъ (366).

Упомянемъ также о двухъ Посольствахъ Азіатскихъ. Неизмѣримая Держава, основанная завоеваніями дикаго Героя, Тамерлана, хотя не могла по его смерти устоять въ своемъ величіи и раздѣлилась: однакожь имя Царства Чагатайскаго, составленнаго изъ Бухаріи и Хорасана, еще гремѣло въ Азіи: Султанъ Абусаидъ, внукъ Тамерланова сына, Мирана, господствовалъ отъ береговъ моря Каспійскаго до Мультана въ Индіи, и въ 1468 году убитый Персидскимъ Царемъ Гассаномъ, оставилъ сію обширную страну въ наслѣдіе сыновьямъ, коихъ междоусобіе предвѣстило ихъ общую гибель. Гуссеинъ Мирза, правнукъ втораго Тамерланова сына, Омара, завладѣлъ Хорасаномъ; прославился многими побѣдами, одержанными имъ надъ Татарами-Узбеками; любилъ добродѣтель, Науки; слышалъ о величіи Государя Россійскаго, и желая

о дружбы, въ 1489 году прислалъ въ Москву какого-то *богатыря* Уруса для заключенія союза съ Іоанномъ (367). Можетъ быть, онъ хотѣлъ, чтобы Великій Князь, имѣя связь съ Ногаями, возбудилъ ихъ противъ Узбековъ. Но Царство Чагатайское отжило вѣкъ свой: Ханъ Узбекскій, Шайбани-Бегъ, въ началѣ XVI вѣка изгналъ Гуссейновыхъ сыновей изъ Хорасана, овладѣвъ и Бухаріею, откуда послѣдній Султанъ Тамерланова рода, Баборъ, ушелъ въ Индостанъ, гдѣ Судьба опредѣлила ему быть основателемъ Имперіи такъ называемаго *Великаго Могола*.

Чагатайское, Иверское посольство.

Иверія, или нынѣшняя Грузія, искони славилась воинскою доблестію своего народа, такъ, что ни Персидское, ни Македонское оружіе не могло поработить его; славилась также богатствомъ (древніе Аргонавты искали *Златаго руна* въ сосѣдственной съ нею Мингреліи). Завоеванная Помпеемъ, она дѣлается съ того времени извѣстною въ Римской Исторіи, которая именуетъ намъ ея разныхъ Царей, данниковъ Рима. Одинъ изъ нихъ, Фарасманъ II, вѣрный другъ Императора Адріана, удостоился чести приносить богамъ жертву въ Капитоліи и видѣть свой изваянный образъ въ храмѣ Беллоны на берегу Тибра. Но далѣе не находимъ уже никакихъ извѣстій о сей странѣ до раздѣленія Имперіи;

знаемъ только, что Христіанская Вѣра начала тамъ утверждаться еще со временъ Константина Великаго; что Св. Симеонъ Столпникъ способствовалъ успѣхамъ ея; что Иверія, имѣя всегда собственныхъ Царей или Князей, зависѣла то отъ Монарховъ Персидскихъ, то отъ Императоровъ Греческихъ, была покорена Моголами и въ 1476 году подвластна Царю Персидскому, Узунъ-Гассану (368). Нѣтъ сомнѣнія, что Россія издревле находилась въ связи съ единовѣрною Грузіею: Изяславъ I, какъ извѣстно, былъ женатъ на Княжнѣ Абассинской, а сынъ Андрея Боголюбскаго супругомъ славной Грузинской Царицы, Тамари (369). Сія связь, прерванная нашествіемъ Батыевымъ, возобновилась: Послы Князя Иверскаго, Александра, именемъ Нариманъ и Хоземарумъ, въ 1492 году пріѣхали къ Іоанну, требовать его покровительства (370). Уважаемый въ Персіи и въ странахъ окрестныхъ, Великій Князь могъ дѣйствительно быть заступникомъ своихъ утѣсненныхъ единовѣрцевъ, которые оплакивали паденіе Греціи, и подъ игомъ варваровъ закоснѣвъ въ невѣжествѣ, имѣли нужду въ совѣтахъ нашего Духовенства для Христіанскаго просвѣщенія. Александръ въ грамотѣ своей смиренно именуетъ себя *холопомъ* Іоанна, его же называетъ великимъ Царемъ, *свѣтомъ зеленаго неба*, *звѣздою темныхъ*, *надеждою Христіанъ*, *подпорою бѣдныхъ*, *закономъ*, *истинною управою всѣхъ Государей*, *тишиною земли* и ревностнымъ *обѣтникомъ Св. Николая*.

Занимаясь дѣлами Европы и Азіи, могъ ли Іоаннъ оставить безъ примѣчанія Державу Оттоманскую, которая уже столь сильно дѣйствовала на судьбу трехъ частей міра? Какъ зять Палеологовъ и сынъ Греческой Церкви, утѣсняемой Турками, онъ долженствовалъ быть врагомъ Султановъ; но не хотѣлъ себя обманывать: видѣлъ, что еще не пришло время для Россіи бороться съ ними; что здравая Политика велитъ ей употреблять свои юныя силы на иные предметы, ближайшіе къ истинному благу ея: для того, заключая союзы съ Венгріею и Молдавіею, не касался дѣлъ Турецкихъ, имѣя въ виду одну Литву, нашего врага естественнаго. Выгодная торговля купцевъ Московскихъ въ Азовѣ и Кафѣ, управляемой Константинопольскими Пашами, зависимость Менгли-Гирея (важнѣйшаго союзника Россіи) отъ Султановъ, и надежда вредить Казимиру чрезъ Оттоманскую Порту склоняли Іоанна къ дружбѣ съ нею: онъ ждалъ только пристойнаго случая, и тѣмъ болѣе обрадовался, узнавъ, что Султанскіе Паши, говоря въ Бѣлегородѣ съ Дьякомъ его, Ѳедоромъ Курицынымъ, объявили ему желаніе ихъ Государя искать Іоанновой пріязни (371). Великій Князь поручилъ Менгли-Гирею основательно развѣдать о семъ предложеніи, и Султанъ, Баязетъ II, отвѣтствовалъ: «ежели Государь Московскій тебѣ, Менгли-Гирею, братъ: то будетъ и мнѣ братъ (372).» Слѣдующее происшествіе служило поводомъ къ первому государственному

сношенію между нами и Портою. Купцевъ Россійскихъ обижали въ Азовѣ и въ Кафѣ, такъ, что они перестали наконецъ ѣздить въ Султанскія владѣнія. Паша Кафинскій жаловался на то Баязету, слагая вину на Менгли-Гирея, будто-бы отвратившаго Россіянъ отъ торговли съ симъ городомъ; а Менгли-Гирей хотѣлъ, чтобы Іоаннъ оправдалъ его въ глазахъ Султана. Удовлетворяя требованію оклеветаннаго друга, и какъ бы единственно изъ снисхожденія, Великій Князь написалъ такую грамоту къ Баязету (373):

Первое дружелюбное сношеніе съ Султаномъ Турецкимъ.

«Султану, *вольному* Царю Государей Турскихъ и *Азямскихъ*, земли и моря, Баязету. «Іоаннъ Божіею милостію единый правый «наслѣдственный Государь всея Русіи и «многихъ иныхъ земель отъ Сѣвера до «Востока. Се наше слово къ твоему Величеству. Мы не посылали людей другъ ко «другу спрашивать о здравіи; но купцы «мои ѣздили въ страну твою и торговали «съ выгодою для обѣихъ Державъ. Они «уже нѣсколько разъ жаловались мнѣ на «твоихъ чиновниковъ: я молчалъ. Нако«нецъ, въ теченіе минувшаго лѣта, Азов«скій Паша принудилъ ихъ копать ровъ и «носить каменья для городскаго строенія. «Сего мало: въ Азовѣ и въ Кафѣ отни«маютъ у нашихъ купцевъ товары за пол«цѣны; въ случаѣ болѣзни одного изъ

нихъ, кладутъ печать на имѣніе всѣхъ: если умираетъ, то все остается въ казнѣ; если выздоравливаетъ, отдаютъ назадъ только половину. Духовныя завѣщанія не уважаемы: Турецкіе чиновники не признаютъ наслѣдниковъ, кромѣ самихъ себя, въ Русскомъ достояніи. Узнавъ о сихъ обидахъ, я не велѣлъ купцамъ ѣздить въ твою землю. Прежде они платили единственно законную пошлину и торговали свободно: отъ чего же родилось насиліе? знаешь или не знаешь онаго?.... Еще одно слово: отецъ твой (Магометъ II) былъ Государь великій и славный: онъ хотѣлъ, какъ сказываютъ, отправить къ намъ Пословъ съ дружескимъ привѣтствіемъ; но его намѣреніе, по волѣ Божіей, не исполнилось. Для чего же не быть тому нынѣ? Ожидаемъ отвѣта. Писано въ Москвѣ, 31 Августа» (въ 1492 году). — Менгли-Гирей долженъ былъ доставить сію грамоту Баязету: увидимъ слѣдствіе.

Посольство въ Крымъ.

Тѣсная связь Іоаннова съ Ханомъ Таврическимъ не ослабѣвала, утверждаемая частыми Посольствами и дарами. Въ 1490 году ѣздилъ въ Тавриду Князь Василій Ромодановскій съ увѣреніемъ, что войско наше готово всегда тревожить Золотую Орду [374]. Сія тѣнь Батыева Царства скиталась изъ мѣста въ мѣсто: иногда пере-

ходила за Днѣпръ, иногда удалялась къ предѣламъ страны Черкесской, къ берегамъ Кумы. Тщетно сыновья Ахматовы вмѣстѣ съ Царемъ Астраханскимъ, Абдылъ-Керимомъ, замышляли впаденіе въ Тавриду, оберегаемую съ одной стороны Россіянами, Магметъ-Аминемъ Казанскимъ и Ногаями, а съ другой Султаномъ, который далъ Менгли-Гирею 2000 воиновъ для его защиты. Крымцы отгоняли стада у Волжскихъ Татаръ, и въ одной кровопролитной сшибкѣ убили сына Ахматова, Едигея. — Въ 1492 году новый Посолъ Іоанновъ, Лобанъ Колычевъ, убѣждалъ Менгли-Гирея воевать Литовскія владѣнія, представляя, что Ординскіе Цари злодѣйствуютъ ему единственно по внушеніямъ Казимировымъ (375). Ханъ отвѣтствовалъ: «Я съ братомъ моимъ, «Великимъ Княземъ, всегда одинъ человѣкъ, и «строю теперь при устьѣ Днѣпра, на старомъ «*городищѣ*, новую крѣпость, чтобы оттуда вре«дить Польшѣ.» Сія крѣпость была *Очаковъ*, основанный на какихъ-то древнихъ развалинахъ. Братъ Ханскій, Усмемиръ, и племянникъ Довлетъ жили у Казимира: Великій Князь, для безопасности Менгли-Гирея, старался переманить ихъ въ Россію, но не могъ; въ угодность ему принялъ также меньшаго пасынка его, Абдылъ-Летифа, и съ честію отправилъ къ Царю Казанскому, Магметъ-Аминю. Менгли-Гирей желалъ еще, чтобы онъ далъ Коширу въ помѣстье Царевичу Мамытеку, сыну Мустафы: сіе требованіе не было уважено, равно какъ и другое,

тобы Іоаннъ заплатилъ 33,000 алтынъ, зятыхъ Ханомъ въ долгъ у жителей Кафинскихъ для строенія Очакова. «Не строеніемъ безполезныхъ крѣпостей, отдаленныхъ отъ Литвы» — приказывалъ Великій Князь къ своему другу — «но частыми впаденіями въ ея земли долженъ ты безпокоить общихъ враговъ нашихъ.» Ханъ юбилъ дары; просилъ кречетовъ и соболей для Турецкаго Султана: Государь далъ, однакожь не безкорыстно, и (въ 1491 оду) походомъ Воеводъ Московскихъ на Улусы Золотой Орды оказавъ услугу Менли-Гирею, хотѣлъ, чтобы онъ въ знакъ лагодарности прислалъ къ нему свой *большой красной лалъ.* Замѣтимъ еще, что Ханъ Крымскій, опасаясь Іоаннова подозрѣнія, сносился съ Царемъ Казанскимъ олько чрезъ Москву: всякую грамоту ихъ ереводили и читали Государю, который умалъ, что осторожность не мѣшаетъ ружбѣ ([376]).

Литовскія дѣла.

Такъ было до 1492 года, когда важная еремѣна случилась въ Литвѣ и перемѣила систему Россіи. Не смотря на взаимую ненависть между сими двумя Державами, ни которая не хотѣла явной войны. Казимиръ, уже старый и всегда малодушный, боялся твердаго, хитраго, дѣятельнаго и счастливаго Іоанна, увѣнчаннаго лавою побѣдъ; а Великій Князь отлагалъ

плѣнниками въ Ордѣ. Въ Маѣ 1492 году былъ отправленъ въ Варшаву (*) Иванъ Никитичь Беклемишевъ съ предложеніемъ, чтобы Король отдалъ намъ городки Хлепенъ, Рогачевъ и другія мѣста, издревле Россійскія, и чтобы съ обѣихъ сторонъ выслать Бояръ на границу для изслѣдованія взаимныхъ обидъ. Но Беклемишевъ возвратился съ извѣстіемъ, что Казимиръ умеръ 25 Іюня; что старшій его сынъ, Албертъ, сдѣлался Королемъ Польскимъ, а меньшій, Александръ, Великимъ Княземъ Литовскимъ.

Смерть Казимира. Сынъ его Александръ на тронѣ Литовскомъ

Сей случай казался благопріятнымъ для Россіи: Литва, избравъ себѣ иного Властителя, уже не могла располагать силами Польши, которая не имѣла вражды съ нами и долженствовала слѣдовать особенной государственной системѣ. Іоаннъ немедленно послалъ Константина Заболоцкаго къ Менгли-Гирею, убѣдить его, чтобы онъ воспользовался смертію Короля и шелъ на Литовскую землю, не отлагая похода до весны; что Волжская Орда кочуетъ въ отдаленныхъ восточныхъ предѣлахъ и не опасна для Тавриды; что ему никогда не будетъ лучшаго времени отмстить Казимировымъ сыновьямъ

(*) «Краковъ» (собственноручная поправка Историографа на его экземплярѣ).

за всѣ злыя козни отца ихъ [378]. — Другой Великокняжескій чиновникъ, Иванъ Плещеевъ, отправился къ Стефану Молдавскому, вѣроятно съ такими же представленіями [379]. Начались и непріятельскія дѣйствія съ нашей стороны: Князь Ѳедоръ Телепня-Оболенскій, вступивъ съ полкомъ въ Литву, разорилъ Мценскъ и Любутскъ; Князья Перемышльскіе и Одоевскіе, служащіе Іоанну, плѣнили въ Мосальскѣ многихъ жителей, Намѣстниковъ и Князей съ ихъ семействами; другой отрядъ завоевалъ Хлепенъ и Рогачевъ [380].

Непріятельскія дѣйствія противъ Литвы.

Между тѣмъ новый Государь Литовскій, Александръ, всего болѣе желалъ мира съ Россіею, отъ юныхъ лѣтъ слышавъ непрестанно о величіи и побѣдахъ ея Самодержца. Вѣрнѣйшимъ средствомъ снискать Іоаннову пріязнь казалось ему супружество съ одною изъ его дочерей, и Намѣстникъ Полоцкій, Янъ, писалъ о томъ къ первому Воеводѣ Московскому, Князю Ивану Юрьевичу, представляя, что Россія и Литва наслаждались счастливымъ миромъ, когда дѣдъ Іоанновъ, Василій Димитріевичь, совокупился бракомъ съ дочерію Витовта [381]. Скоро явилось въ Москвѣ и торжественное Посольство Литовское [382]. Панъ Станиславъ Глѣбовичь, вручивъ вѣрющую грамоту, объявилъ Іоанну о смерти Казимира, о восшествіи Александра на престолъ, и

Переговоры о мирѣ и сватовствѣ.

требовалъ удовлетворенія за разореніе Мценска и другихъ городовъ. Ему отвѣтствовали, что мы должны были отмстить Литвѣ за грабежи ея подданныхъ; что плѣнники будутъ освобождены, когда Александръ удовольствуетъ всѣхъ обиженныхъ Россіянъ, и проч. Станиславъ, пируя у Воеводы Московскаго, Князя Ивана Юрьевича, въ веселомъ разговорѣ упомянулъ о сватовствѣ: онъ былъ не трезвъ, и для того не получилъ отвѣта; а на другой день сказалъ, что Литовскіе Сенаторы желаютъ сего брака, но что ему велѣно тайно развѣдать о мысляхъ Великаго Князя. Дѣло столь важное требовало осторожности: не входя ни въ какія изъясненія, Послу дали чувствовать, что надобно утвердить искренній, вѣчный миръ прежде, нежели говорить о сватовствѣ; что миръ легко можетъ быть заключенъ, если Правительство Литовское удержится отъ *лишнихъ рѣчей* и требованій неосновательныхъ. То же написалъ и Князь Иванъ Юрьевичь къ Намѣстнику Полоцкому.

Станиславъ уѣхалъ изъ Москвы и непріятельскія дѣйствія продолжались. Князья г. 1493. Воротынскіе, Симеонъ Ѳедоровичь съ племянникомъ Иваномъ Михайловичемъ, вступивъ въ нашу службу, засѣли города Литовскіе, Серпейскъ и Мещовскъ: Воевода Смоленскій, Панъ Юрій, и Князь Симеонъ

Можайскій выгнали ихъ оттуда; но Государь послалъ сильное войско, Московское и Рязанское, которое взяло приступомъ Серпейскъ и городокъ Опаковъ; а Мещовскъ сдался. Въ числѣ плѣнниковъ находились многіе знатные Смоляне и Паны Двора Александрова (383). Другое наше войско покорило Вязму: ея Князья, присягнувъ Государю, остались въ наслѣдственномъ владѣніи; также и Князь Мезецкій, выдавъ Іоанну своихъ двухъ братьевъ, сосланныхъ въ Ярославль за ихъ усердіе къ Литвѣ (384). Князья Воротынскіе завоевали Мосальскъ (385).

Злоумышленіе на жизнь Іоаннову.

Въ сіе время открылось въ Москвѣ гнусное злоумышленіе, коего истинный виновникъ уже тлѣлъ во гробѣ, но которое едва не исполнилось и не пресѣкло славнаго теченія Іоанновой жизни. Никогда выгода государственная не можетъ оправдать злодѣянія; нравственность существуетъ не только для частныхъ людей, но и для Государей: они должны поступать такъ, чтобы правила ихъ дѣяній могли быть общими законами. Кто же уставитъ, что Вѣнценосецъ имѣетъ право тайно убить другаго, находя его опаснымъ для своей Державы: тотъ разрушитъ связь между гражданскими обществами, уставитъ вѣчную войну, безпорядокъ, ненависть, страхъ, подозрѣніе между ими, совершенно противные ихъ

цѣли, которая есть безопасность, спокойствіе, миръ. Не такъ разсуждалъ отецъ Александровъ, Казиміръ: онъ подослалъ къ Іоанну Князя Ивана Лукомскаго, племени Владимірова, съ тѣмъ, чтобы злодѣйски убить или отравить его. Лукомскій клялся исполнить сіе адское порученіе, привезъ съ собою въ Москву ядъ, составленный въ Варшавѣ (*), и будучи милостиво обласканъ Государемъ, вступилъ въ нашу службу; но какою-то счастливою нескромностію обнаружилъ свой умыселъ: его взяли подъ стражу; нашли и ядъ, коимъ онъ хотѣлъ умертвить Государя, чтобы сдержать данное Казиміру слово. Злодѣйство столь необыкновенное требовало и наказанія чрезвычайнаго: Лукомскаго и единомышленника его, Латинскаго толмача, Поляка Матіаса, сожгли въ клѣткѣ на берегу Москвы-рѣки [386]. Князь Ѳеодоръ Бѣльскій также впалъ въ подозрѣніе, и былъ сосланъ въ Галичь: ибо Лукомскій доказывалъ, что сей легкомысленный родственникъ Казимировъ хотѣлъ тайно уѣхать отъ насъ въ Литву. Открылись и другіе преступники, два брата, Алексѣй и Богданъ Селевины, граждане Смоленскіе: будучи плѣнниками въ Москвѣ, они жили на свободѣ, употребляли во зло довѣренность Государеву къ ихъ честности, имѣли связь съ Литвою и посылали вѣсти къ Александру Литовскому. Богдана засѣкли

(*) «Польшѣ» (собственноручная поправка Исторіографа на его экземплярѣ).

кнутомъ до смерти: Алексѣю отрубили голову.

Такое происшествіе не могло расположить Іоанна къ миру: онъ непрестанно побуждалъ Менгли-Гирея воевать Литву. Посолъ Александра, Князь Глинскій, находился тогда въ Крыму, и требовалъ, чтобы Ханъ снесъ городъ Очаковъ, построенный имъ на Литовской землѣ. Въ угодность Великому Князю, Менгли-Гирей задержалъ Глинскаго, зимою подступилъ къ Кіеву, и выжегъ окрестности Чернигова, но за разлитіемъ Днѣпра возвратился въ Перекопъ ([387]). Между тѣмъ Воевода Черкасскій, Богданъ, разорилъ Очаковъ, къ великой досадѣ Хана, истратившаго 150,000 алтынъ на строеніе онаго. «Мы ничего «важнаго не сдѣлаемъ врагамъ своимъ, если не «будемъ имѣть крѣпости при устьѣ Днѣпра,» писалъ Менгли-Гирей къ Великому Князю ([388]), увѣдомляя, что Александръ посредствомъ Султана Турецкаго предлагалъ ему миръ и 13,500 червонцевъ за Литовскихъ плѣнниковъ, но что онъ, какъ вѣрный союзникъ Іоанновъ, не хотѣлъ о томъ слышать; что сей новый Государь Литовскій, слѣдуя Политикѣ отца, возбуждаетъ Ахматовыхъ сыновей противъ Тавриды и Россіи; что Царь Ординскій, Шигъ-Ахмедъ, женатый на дочери Ногайскаго Князя Мусы, и за то сверженный съ престола, опять царствуетъ вмѣстѣ съ братомъ Сеидъ-Махмутомъ ([389]); что войско Крымское всегда готово итти на нихъ и на Литву, и проч. Въ самомъ дѣлѣ Менгли-Гирей

не преставалъ тревожить Александровыхъ владѣній набѣгами и грабежемъ.

Посольство Князя Мазовецкаго въ Москву.

Новый союзникъ представился Іоанну, Владѣтельный Князь Мазовецкій, Конрадъ, племени древнихъ Вѣнценосцевъ Польскихъ. Будучи тогда врагомъ сыновей Казимировыхъ, онъ желалъ вступить въ тѣсную связь съ Россіею и прислалъ въ Москву Варшавскаго Намѣстника, Ивана Подосю, сватать за него одну изъ дочерей Великаго Князя. Сей бракъ казался пристойнымъ и выгоднымъ для нашей Политики; но Государь не хотѣлъ вдругъ изъявить согласія, и самъ отправилъ Пословъ въ Мазовію для заключенія предварительнаго договора съ ея Княземъ: 1) о вспоможеніи, которое онъ даетъ Россіи противъ сыновей Казимировыхъ; 2) о назначеніи вѣна для будущей супруги его: то есть Іоаннъ требовалъ, чтобы она имѣла въ собственномъ владѣніи нѣкоторые городы и волости въ Мазовіи (390). — Не знаемъ, съ какимъ отвѣтомъ возвратились Послы: но сіе сватовство не имѣло дальнѣйшихъ слѣдствій, вѣроятно отъ перемѣны обстоятельствъ.

Если и Казимиръ, Государь Литвы и Польши, опасался войны съ Іоанномъ: то Александръ, властвуя единственно надъ первою, и не увѣренный въ усердной помощи брата, могъ ли безъ крайности отва-

житься на кровопролитіе? Менгли-Гирей опустошалъ, Стефанъ Молдавскій грозилъ, заключивъ тѣсный союзъ между собою посредствомъ Іоанна (391), и слѣдуя его указаніямъ. Но всего опаснѣе былъ самъ Великій Князь, именемъ отечества и единовѣрія призывая къ себѣ всѣхъ древнихъ Россіянъ, которые составляли большую часть Александровыхъ подданныхъ. Уже Москва расширила свои предѣлы до Жиздры и самаго Днѣпра, дѣйствуя не столько мечемъ, сколько приманомъ. Въ городахъ, въ селахъ и въ битвахъ страшились измѣны. — И такъ Александръ рѣшительно хотѣлъ искренняго, вѣчнаго мира.

Не столь легко изъяснить обстоятельствами миролюбіе Іоанна; все ему благопріятствовало: онъ имѣлъ сильное, опытное войско, друзей въ Литвѣ и счастіе, важное въ дѣлахъ человѣческихъ; видѣлъ ея боязнь и слабость; могъ обѣщать себѣ рѣдкую славу и даже Христіанскую заслугу, то есть, возвратить отечеству лучшую его половину, а Церкви шесть или семь знаменитыхъ Епархій, насиліемъ Латинскимъ отторженныхъ отъ ея истиннаго, общаго Пастырства. Но мы знаемъ характеръ Іоанновъ, для коего умѣренность была закономъ въ самомъ счастіи; знаемъ умъ его, который не любилъ отважности, кромѣ необходимой. Властвовавъ уже болѣе тридцати лѣтъ въ непрестанной и часто безпокойной дѣятельности, онъ хотѣлъ тишины, согласной съ достоинствомъ великаго Монарха

и благомъ Державы. Вообще люди на шестомъ десятилѣтіи жизни рѣдко предпринимаютъ трудное и менѣе обольщаются успѣхами отдаленными. Покушеніе завоевать всю древнюю южную Россію возбудило бы противъ насъ не только Польшу, но и Венгрію, и Богемію, гдѣ царствовалъ братъ Александровъ, Владиславъ; надлежало бы воевать долго и не распускать полковъ: что казалось тогда невозможностію. Союзъ Хана Крымскаго и Стефана Великаго, полезный для усмиренія Литвы, не могъ быть весьма надеженъ въ усильномъ бореніи съ сими тремя Государствами. Менгли-Гирей зависѣлъ отъ Султана, готоваго иногда оказывать услуги Венгріи и Польшѣ: хотя не измѣнялъ Іоанну, однакожь не во всемъ удовлетворялъ ему: на примѣръ, безъ его вѣдома освободилъ Глинскаго, ссылался съ Александромъ и дѣйствовалъ противъ Литвы слабо, недружно ([392]). Стефанъ же имѣлъ болѣе ума и мужества, нежели силъ, истощаемыхъ имъ въ войнахъ съ Турками. — Замѣтимъ наконецъ, что время уже пріучило Сѣверную Россію смотрѣть на Литовскую какъ на чуждую землю; въ обычаяхъ и нравахъ сдѣлалась перемѣна, и связь единородства ослабѣла. Іоаннъ, отнявъ у Литвы нѣкоторыя области, былъ доволенъ симъ знакомъ превосходства силъ, и лучше хотѣлъ миромъ утвердить пріобрѣтенное, нежели войною искать новыхъ пріобрѣтеній.

Въ слѣдъ за Литовскими Послами, бывшими въ Москвѣ, Великій Князь отправилъ Дворянина

Загряскаго къ Александру, съ объявленіемъ, что отчины Князей Воротынскихъ, Бѣлевскихъ, Мезецкихъ и Вяземскихъ, служащихъ Государю, будутъ впредь частію Россіи, и что Литовское Правительство не должно вступаться въ оныя. Въ вѣрющей грамотѣ, данной Загряскому, Іоаннъ по своему обыкновенію назвалъ себя Государемъ *всей Россіи*. Сей Посолъ имѣлъ также письмо отъ юнаго сына Іоаннова, Василія, къ изгнаннику, Князю Василію Михайловичу Верейскому, коему дозволялось возвратиться въ Москву: ибо Великая Княгиня Софія исходатайствовала ему прощеніе (393). Въ Вильнѣ отвѣчали Загряскому, что новые Послы Александровы будутъ въ Москву: они дѣйствительно пріѣхали въ исходѣ Іюня съ требованіемъ, чтобы Іоаннъ не только отдалъ ихъ Государю всѣ захваченныя Россіянами Литовскія области, но и казнилъ виновниковъ сего насилія; сверхъ того изъявили негодованіе, что Великій Князь употребляетъ въ грамотахъ титулъ новый и *высокій*, именуясь Государемъ *всей Россіи* и многихъ земель; а въ заключеніе сказали Воеводѣ Московскому, Ивану Юрьевичу, что Александръ, по желанію Сенаторовъ Литовскихъ, готовъ начать переговоры о вѣчномъ мирѣ (394). Отвѣтъ Іоанновыхъ Бояръ состоялъ въ слѣдующемъ: «Князья Воротынскіе и другіе искони были слу«гами нашихъ Государей. Пользуясь *невзгодою* «*Россіи*, Литва завладѣла ихъ странами: теперь «иныя времена. — Великій Князь не пишетъ въ

«грамотахъ своихъ ничего *высокаго*, а на-
«зывается Властителемъ земель, данныхъ
«ему Богомъ.»

г. 1494. Въ Генварѣ 1494 году *Великіе Послы* Литовскіе, Воевода Троцкій, Петръ Яновичь Бѣлой и Станиславъ Гастольдъ, Староста Жмудскій, прибыли въ Москву для заключенія мира. Они хотѣли возобновить договоръ Казимировъ съ Василіемъ Темнымъ, а наши Бояре древнѣйшій Ольгердовъ съ Симеономъ Гордымъ и отцемъ Донскаго. Первые уступали Іоанну Новгородъ, Псковъ и Тверь въ вѣчное потомственное владѣніе, но требовали всѣхъ иныхъ городовъ, коими завладѣли Россіяне въ новѣйшія времена. «Вы уступаете намъ не свое, а «наше,» сказали Бояре. Спорили долго, хитрили и нѣсколько разъ прерывали сношенія; наконецъ согласились, чтобы Вязма, Алексинъ, Тѣшиловъ, Рославль, Веневъ, Мстиславль, Таруса, Оболенскъ, Козельскъ, Серенскъ, Новосиль, Одоевъ, Воротынскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Мещера остались за Россіею; а Смоленскъ, Любутскъ, Мценскъ, Брянскъ, Серпейскъ, Лучинъ, Мосальскъ, Дмитровъ, Лужинъ и нѣкоторыя иныя мѣста по Угру за Литвою ([395]). Княземъ Мезецкимъ или Мещовскимъ дали волю служить, кому они хотятъ. Александръ обѣщалъ признать Великаго Князя *Государемъ всей Россіи*, съ тѣмъ, чтобы онъ не требо-

Миръ съ Литвою.

валъ Кіева. Тогда Послы Литовскіе, вторично представленные Іоанну, начали дѣло сватовства, и Государь изъявилъ согласіе выдать дочь свою, Елену, за Александра, взявъ слово, что онъ не будетъ нудить ее къ перемѣнѣ Вѣры. На другой день, Февраля 6, въ комнатахъ у Великой Княгини Софіи они увидѣли невѣсту, которая чрезъ Окольничаго спросила у нихъ о здоровьѣ будущаго супруга. Тутъ, въ присутствіи всѣхъ Бояръ, совершилось обрученіе. Станиславъ Гастольдъ заступалъ мѣсто жениха, ибо старшему Послу, Воеводѣ Петру, *имѣвшему вторую жену*, не дозволили быть дѣйствующимъ въ семъ обрядѣ. Іереи читали молитвы. Обмѣнялись перстнями и крестами, висящими на золотыхъ цѣпяхъ.

Іоаннъ отдаетъ дочь свою, Елену, за Александра.

Февраля 7 Послы именемъ Александра присягнули въ вѣрномъ соблюденіи мира; а Великій Князь цѣловалъ крестъ въ томъ же. Главныя условія договора, написаннаго на хартіи съ золотою печатію, были слѣдующія: 1) «Жить обоимъ Государямъ «и дѣтямъ ихъ въ вѣчной любви и помо«гать другъ другу во всякомъ случаѣ; «2) владѣть каждому своими землями по «древнимъ рубежамъ; 3) Александру не «принимать къ себѣ Князей Вяземскихъ, «Новосильскихъ, Одоевскихъ, Воротын«скихъ, Перемышльскихъ, Бѣлевскихъ, «Мещерскихъ, Говдыревскихъ, ни Вели-

«кихъ Князей Рязанскихъ, остающихся *на сто-*
«*ронѣ* Государя Московскаго, коему и рѣшить
«ихъ спорныя дѣла съ Литвою; 4) двухъ Князей
«Мезецкихъ, сосланныхъ въ Ярославль, освобо-
«дить; 5) въ случаѣ обидъ выслать общихъ су-
«дей на границу; 6) измѣнниковъ Россійскихъ,
«Михаила Тверскаго, сыновей Князя Можай-
«скаго, Шемяки, Боровскаго, Верейскаго, ни-
«куда не отпускать изъ Литвы: буде же уйдутъ,
«то вновь не принимать ихъ; 7) Посламъ и куп-
«цамъ ѣздить свободно изъ земли въ землю,» и
проч. ([396]) — Сверхъ того Послы дали слово,
что Александръ обяжется грамотою не безпо-
коить супруги въ разсужденіи Вѣры. Они три
раза обѣдали у Государя и получили въ даръ бо-
гатыя шубы съ серебряными ковшами ([397]). От-
пуская ихъ, Великій Князь сказалъ изустно:
«Петръ и Станиславъ! милостію Божіею мы
«утвердили дружбу съ зятемъ и братомъ Але-
«ксандромъ; что обѣщали, то исполнимъ. Послы
«мои будутъ свидѣтелями его клятвы ([398]).»

Для сего Князья Василій и Симеонъ Риполов-
скіе, Михайло Яропкинъ и Дьякъ Ѳедоръ Кури-
цынъ были посланы въ Вильну ([399]). Александръ,
присягнувъ, размѣнялся мирными договорами;
написалъ также грамоту о Законѣ будущей су-
пруги, но вмѣстилъ слова: «если же Великая
«Княгиня Елена сама захочетъ принять Римскую
«Вѣру, то ея воля.» Сіе дополненіе едва не оста-
новило брака: Іоаннъ гнѣвно велѣлъ сказать
Александру, что онъ по видимому не хочетъ

ыть его зятемъ. Бумагу переписали, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилось въ нашей столицѣ Великое Посольство Литовское. Воевода Виленскій, Князь Александръ Юрьевичь, Князь Янъ Заберезенскій, Намѣстникъ Полоцкій, Панъ Юрій, Намѣстникъ Браславскій, и множество знатнѣйшихъ Дворянъ пріѣхали за невѣстою, блистая великолѣпіемъ въ одеждѣ, въ услугѣ и въ украшеніи коней своихъ. Въ вѣрющей грамотѣ Александръ именовалъ Великаго Князя отцемъ и тестемъ. Выслушавъ рѣчь Посольскую, Іоаннъ сказалъ: «Государь вашъ, братъ и зять мой, восхотѣлъ прочной любви и дружбы съ нами: да будетъ! «Отдаемъ за него дочь свою. — Онъ долженъ помнить условіе, скрѣпленное его печатію, чтобы дочь наша не перемѣняла Закона ни въ какомъ случаѣ, ни принужденно, ни собственною волею. — Скажите ему отъ насъ, чтобы онъ дозволилъ ей имѣть придворную церковь Греческую [400]. «Скажите, да любитъ жену, какъ Законъ «Божественный повелѣваетъ, и да веселится сердце родителя счастіемъ супруговъ! «— Скажите отъ насъ Епископу и Панамъ «вашей Думы Государственной, чтобы они утверждали Великаго Князя Александра въ любви къ его супругѣ и въ дружбѣ съ нами. Всевышній да благословитъ сей союзъ!»

Г. 1495. Генваря 6.

Генваря 13 Іоаннъ, отслушавъ Литургію въ Успенскомъ храмѣ со всѣмъ Великокняжескимъ семействомъ и съ Боярами, призвалъ Литовскихъ Вельможъ къ церковнымъ дверямъ, вручилъ имъ невѣсту и проводилъ до саней. Въ Дорогомиловѣ Елена остановилась и жила два дни: братъ ея, Василій, угостилъ тамъ Пановъ роскошнымъ обѣдомъ; мать почевала съ нею, а Великій Князь два раза пріѣзжалъ обнять любезную ему дочь, съ которою разставался навѣки. Онъ далъ ей слѣдующую записку: «Память Великой Княжнѣ Еленѣ. Въ божницу Латинскую не «ходить, а ходить въ Греческую церковь: изъ «любопытства можешь видѣть первую или монастырь Латинскій, но только однажды или два «раза. Если свекровь твоя будетъ въ Вильнѣ и «прикажетъ тебѣ итти съ собою въ божницу, то «проводи ее до дверей и скажи учтиво, что «идешь въ свою церковь.» — Невѣсту провожали Князь Симеонъ Ряполовскій, Бояринъ Михайло Яковлевичь Русалка и Прокофій Зиновьевичь съ женами, Дворецкій Дмитрій Пѣшковъ, Дьякъ и Казначей Василій Кулешинъ, нѣсколько Окольничихъ, Стольниковъ, Конюшихъ, и болѣе сорока знатныхъ Дѣтей Боярскихъ. Въ тайномъ наказѣ, данномъ Ряполовскому, велѣно было требовать, чтобы Елена вѣнчалась въ Греческой церкви, въ Русской одеждѣ, и при совершеніи брачнаго обряда на вопросъ Епископа о любви ея къ Александру отвѣтствовала: *любъ ми, и не оставити ми его до живота никоея ради болѣзни,*

кромѣ Закона; держать мнѣ Греческій, а ему не нудить меня къ Римскому. Іоаннъ не забылъ ничего въ своихъ предписаніяхъ, назначая даже, какъ Еленѣ одѣваться въ пути, гдѣ и въ какихъ церквахъ пѣть молебны, кого видѣть, съ кѣмъ обѣдать, и проч. (401).

Ея путешествіе отъ предѣловъ Россіи до Вильны было веселымъ торжествомъ для народа Литовскаго, который видѣлъ въ ней залогъ долговременнаго, счастливаго мира. Въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Вельможи и Духовенство встрѣчали ее съ дарами и съ любовію, радуясь, что кровь Св. Владиміра соединяется съ Гедиминовою; что Церковь Православная, сирая, безгласная въ Литвѣ, найдетъ ревностную покровительницу на тронѣ; что симъ брачнымъ союзомъ возобновляется древняя связь между единоплеменными народами. Александръ выслалъ знатнѣйшихъ чиновниковъ привѣтствовать Елену на пути и самъ встрѣтилъ ее за три версты отъ Вильны, окруженный Дворомъ и всѣми Думными Панами. Невѣста и женихъ, ступивъ на разостланное алое сукно и золотую камку, подали руку другъ другу, сказали нѣсколько ласковыхъ словъ, и вмѣстѣ въѣхали въ столицу, онъ на конѣ, она въ саняхъ, богато украшенныхъ (402). Невѣста въ Греческой церкви Св. Богоматери отслушала молебенъ: Боярыни Московскія расплели ей косу, надѣли на голову кику съ покрываломъ, осыпали ее хмѣлемъ и повели къ жениху въ церковь Св. Станислава,

гдѣ вѣнчалъ ихъ, на бархатѣ и на соболяхъ, Латинскій Епископъ и нашъ Священникъ Ѳома. Тутъ былъ и Виленскій Архимандритъ Макарій, Намѣстникъ Кіевскаго Митрополита (403); но не смѣлъ читать молитвъ. Княгиня Ряполовская держала надъ Еленою вѣнецъ, а Дьякъ Кулешинъ скляницу съ виномъ. — По совершеніи обрядовъ Александръ торжественно принялъ Бояръ Іоанновыхъ; начались веселые пиры: открылись и взаимныя неудовольствія.

Давно замѣчено Историками, что рѣдко брачные союзы между Государями способствуютъ благу Государствъ: каждый Вѣнценосецъ желаетъ употребить свойство себѣ въ пользу; вмѣсто уступчивости раждаются новыя требованія, и тѣмъ чувствительнѣе бываютъ отказы. Кажется, что Іоаннъ и Александръ въ семъ случаѣ не хотѣли обмануть другъ друга, но сами обманулись: по крайней мѣрѣ первый дѣйствовалъ откровеннѣе, великодушнѣе, какъ должно сильнѣйшему; не уступалъ, однакожь и не мыслилъ коварствовать, съ прискорбіемъ видя, что надежда обѣихъ Державъ не исполнилась, и что свойство не принесло ему мира надежнаго.

Новыя неудовольствія

Еще во время сватовства Александръ съ досадою писалъ въ Москву о новыхъ обидахъ, дѣлаемыхъ Россіянами Литвѣ (404):

Іоаннъ обѣщалъ управу; но самъ былъ не доволенъ тѣмъ, что Александръ именовалъ его въ грамотахъ только Великимъ Княземъ, а не *Государемъ всей Россіи*. Весною пріѣхалъ изъ Литвы Маршалокъ Станиславъ съ брачными дарами: вручивъ ихъ Государю и семейству его, онъ жаловался ему на Молдавскаго Воеводу, Стефана, разорившаго городъ Бряславль, и на Пословъ Московскихъ, Князя Ряполовскаго и Михайла Русалку, которые, ѣдучи изъ Вильны въ Москву, будто бы грабили жителей; требовалъ еще, чтобы всѣ Россійскіе чиновники, служащіе Еленѣ, были отозваны назадъ: «ибо она имѣетъ довольно своихъ «подданныхъ для услуги.» Іоаннъ обѣщалъ примирить Стефана съ зятемъ; но досадовалъ, что Александръ не позволилъ ни православному Епископу, ни Архимандриту Макарію вѣнчать Елены, не соглашается построить ей домовую церковь Греческаго Закона, удалилъ отъ нее почти всѣхъ Россіянъ, и весьма худо содержитъ остальныхъ. Жалоба на Московскихъ Пословъ была клеветою: напротивъ того они дорогою терпѣли во всемъ недостатокъ (405). — Отпустивъ Станислава, Великій Князь послалъ гонца въ Вильну навѣдаться о здоровьѣ Елены, и далъ ему два письма: одно съ обыкновенными привѣтствіями, а другое съ тайными наставленіями, желая, что-

между Россіею и Литвою.

бы она не имѣла при себѣ чиновниковъ, ни слугъ Латинской Вѣры, и никакъ не отпускала нашихъ Бояръ, изъ коихъ главнымъ былъ тогда Князь Василій Ромодановскій, присланный въ Вильну съ женою ([406]). Для переписки съ родителемъ Елена употребляла Московскаго Подьячаго и должна была скрывать оную отъ супруга: положеніе весьма опасное и непріятное! Юная Великая Княгиня, одаренная здравымъ смысломъ и нѣжнымъ сердцемъ, вела себя съ удивительнымъ благоразуміемъ, и сохраняя долгъ покорной дочери, не измѣняла мужу, ни государственнымъ выгодамъ ея новаго отечества; никогда не жаловалась родителю на свои домашнія неудовольствія, и старалась утвердить его въ союзѣ съ Александромъ. Въ сіе время разнесся слухъ въ Вильнѣ, что Ханъ Менгли-Гирей идетъ на Литву: Елена вмѣстѣ съ супругомъ писала къ Іоанну, чтобы онъ, исполняя договоръ, защитилъ ихъ; о томъ же писала и къ матери въ выраженіяхъ убѣдительныхъ и ласковыхъ ([407]).

Великій Князь находился въ обстоятельствахъ затруднительныхъ: безъ вѣдома и безъ участія Менгли-Гиреева вступивъ въ тѣсный союзъ съ Александромъ, ихъ бывшимъ непріятелемъ, онъ извѣстилъ Хана Таврическаго о семъ важномъ происшествіи, увѣряя его въ неизмѣнной дружбѣ своей, и предлагая ему также помириться съ Литвою. Отвѣтъ Менгли-Гиреевъ, сильный искренностію и прямодушіемъ, содержалъ въ себѣ упреки, отчасти справедливые. «Съ удивленіемъ

читаю твою грамоту,» писалъ Ханъ къ Госу-
дарю: «ты вѣдаешь, измѣнялъ ли я тебѣ въ
дружбѣ, предпочиталъ ли ей мои особенныя
выгоды, усердно ли помогалъ тебѣ на враговъ
твоихъ! *Другъ и братъ великое дѣло; не скоро
добудешь его:* такъ я мыслилъ, и жегъ Литву,
громилъ Улусы Ахматовыхъ сыновей, не слу-
шалъ ихъ предложеній, ни Казимировыхъ, ни
Александровыхъ: что жь моя награда? Ты
сталъ другомъ нашихъ злодѣевъ, а меня оста-
вилъ имъ въ жертву!... Сказалъ ли намъ хотя
единое слово о своемъ намѣреніи? Не разсу-
дилъ и подумать съ твоимъ братомъ (408)!»
Однакожь Менгли-Гирей все еще держался Вели-
каго Князя, и даже снова клялся умереть его
вѣрнымъ союзникомъ; не отвергалъ и мира съ
Литвою, требуя единственно, чтобы Александръ
удовлетворилъ ему за понесенные имъ въ вой-
нѣ убытки.

И такъ Іоаннъ могъ бы легко примирить зятя
съ Ханомъ; но прежде надлежало удостовѣ-
риться въ искренней дружбѣ перваго: отвѣт-
ствуя ему, что договоръ съ нашей стороны бу-
детъ исполненъ, и что войско Россійское готово
защитить Литву, если Менгли-Гирей не согла-
сится на миръ, Іоаннъ послалъ въ Вильну Боя-
рина Кутузова, съ требованіемъ, чтобы Але-
ксандръ непремѣнно позволилъ супругѣ своей
имѣть домовую церковь, не принуждалъ ее но-
сить Польскую одежду, не давалъ ей слугъ Рим-
скаго Исповѣданія, писалъ въ грамотахъ весь

титулъ Государя согласно съ условіемъ, не запрещалъ вывозить серебра изъ Литвы въ Россію, и чтобы наконецъ отпустилъ въ Москву жену Князя Бѣльскаго ([409]). Въ угодность зятю, Великій Князь отозвалъ изъ Вильны Бояръ Московскихъ, коихъ Александръ считалъ опасными доносителями и ссорщиками: остались при Еленѣ только Священникъ Ѳома съ двумя Крестовыми Дьяками и нѣсколько Русскихъ поваровъ. Не смотря на то, зять не хотѣлъ исполнить ни одного изъ требованій Іоанновыхъ, отвѣтствуя на первое, что уставъ предковъ его запрещаетъ строить вновь церкви нашего Исповѣданія, и что Елена можетъ ходить въ приходскую, которая недалеко отъ дворца. «Какое мнѣ дѣло до «вашихъ уставовъ?» возражалъ Государь: «у тебя супруга православной Вѣры, и ты «обѣщалъ ей свободу въ Богослуженіи.» Но Александръ упрямился; не отпустилъ даже и Княгини Бѣльской, говоря, что она сама не ѣдетъ въ Россію.

г. 1495-1496. Къ симъ досадамъ онъ присовокупилъ новую. Султанъ Турецкій, Баязетъ, получивъ грамоту Великаго Князя ([410]), и строго запретивъ утѣснять купцевъ нашихъ, торгующихъ въ Кафѣ и Азовѣ, немедленно отправилъ въ Москву Посла съ дружественными увѣреніями: Александръ велѣлъ ему и бывшимъ съ нимъ Константи-

нопольскимъ гостямъ возвратиться изъ Кіева въ Турцію, приказавъ къ Іоанну, что никогда Султанскіе Послы не ѣзжали въ Россію чрезъ Литву, и что они могутъ быть лазутчиками (411).

Однакожь Великій Князь еще изъявлялъ доброхотство зятю, и далъ ему знать, что Стефанъ Молдавскій и Менгли-Гирей соглашаются жить въ мирѣ съ Литвою (412). Сего недовольно: услышавъ, что Александръ, по совѣту Думныхъ Пановъ, готовъ отдать въ Удѣлъ меньшему брату, Сигизмунду, Кіевскую область, Іоаннъ писалъ къ Еленѣ, чтобы она всячески старалась отвратить мужа отъ намѣренія столь вреднаго. Повторимъ собственныя слова его: «Я слыхалъ «о неустройствахъ, какія были въ Литвѣ отъ «Удѣльнаго Правленія. И ты слыхала о нашихъ «собственныхъ бѣдствіяхъ, произведенныхъ «разновластіемъ въ княженіе отца моего; по«мнишь, что и самъ я терпѣлъ отъ братьевъ. «Чему быть доброму, когда Сигизмундъ сдѣ«лается у васъ особеннымъ Государемъ? Совѣ«тую, ибо люблю тебя, милую дочь свою; не «хочу вашего зла. Если будешь говорить мужу, «то говори единственно отъ себя (413).» Въ семъ случаѣ Іоаннъ явилъ образъ мыслей достойный Монарха сильнаго и великодушнаго: имѣлъ досаду на зятя, но какъ искренній другъ предостерегалъ его отъ гибельной погрѣшности, не смотря на то, что Россія могла бы воспользоваться ею.

Сіе великодушіе, по видимому, не тронуло

Александра: онъ съ грубостію отвѣтствовалъ, что не видитъ расположенія къ миру въ нашихъ союзникахъ, Менгли-Гиреѣ и Стефанѣ, непрестанно враждующихъ Литвѣ; что тесть указываетъ ему въ его дѣлахъ, и не даетъ никакой управы. Огорченный Великій Князь, жалуясь Еленѣ на мужа ея, спрашивалъ, для чего онъ не хочетъ жить съ нимъ въ любви и братствѣ? «Для того» — писалъ Александръ къ тестю — «что ты завладѣлъ многими городами и волостями, издавна Литовскими; что пересылаешься «съ нашими недругами, Султаномъ Турецкимъ, «Господаремъ Молдавскимъ и Ханомъ Крымскимъ, а доселѣ не помирилъ меня съ ними, «вопреки нашему условію имѣть однихъ друзей «и непріятелей; что Россіяне, не взирая на миръ, «всегда обижаютъ Литовцевъ. Если дѣйствительно желаешь братства между нами, то возврати мое и съ убытками, запрети обиды, и докажи тѣмъ свою искренность: союзники твои, «увидѣвъ оную, престанутъ мнѣ злодѣйствовать (414).» Елена въ сей грамотѣ приписала только поклонъ родителю.

Всѣ неудовольствія Александровы происходили, кажется, отъ того, что онъ жалѣлъ о городахъ, уступленныхъ имъ Россіи, и съ прискорбіемъ оставлялъ Елену Греческою Христіанкою. Іоаннъ не отнялъ ничего новаго у Литвы послѣ заключеннаго договора; видя же упрямство, несправедливость и грубости зятя, бралъ свои мѣры. Боярицъ Князь Звенецъ поѣхалъ къ

гли-Гирею: извиняясь, что за худою зимнею гою не увѣдомилъ его во-время о сватов- Александровомъ, Іоаннъ убѣждалъ Хана ить прошедшее. «Не требую» — говорилъ —«но соглашаюсь, чтобы ты жилъ въ мирѣ Литвою; а если зять мой будетъ опять тебѣ и мнѣ врагомъ, то мы возстанемъ на него щими силами ([415]).» Вѣроятно, что Іоаннъ имъ же образомъ писалъ и къ Стефану Мол- йому: по крайней мѣрѣ сіи два союзника сіи не спѣшили мириться съ Александромъ, ликій Князь въ случаѣ войны могъ надѣять- а ихъ усердную помощь.

ГЛАВА VI.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Г. 1495—1503.

Заложенъ Иваньгородъ. Гнѣвъ Вел. Князя на Ливонскихъ Нѣмцевъ и заключеніе всѣхъ купцевъ Ганзейскихъ въ Россіи. Союзъ съ Даніею. Война съ Шведами. Іоаннъ въ Новѣгородѣ. Походъ на Гамскую землю или Финляндію. Дѣла Казанскія. Первое наше Посольство въ Константинополь. Рязанская Княгиня въ Москвѣ и выдаетъ дочь за Бѣльскаго. Гнѣвъ Іоанновъ на супругу и сына, Василія. Великій Князь торжественно вѣнчаетъ на Царство внука своего, юнаго Димитрія Іоанновича; мирится съ супругою, казнитъ Бояръ и называетъ Василія Вел. Княземъ Новагорода и Пскова. Посолъ изъ Шамахи. Посольство въ Венецію и въ Константинополь. Завоеваніе земли Югорской или сѣверо-западной Сибири. Посланъ Воевода въ Казань. Разрывъ съ Литвою. Князья Черниговскій и Рыльскій поддаются Іоанну. Завоеваніе Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. Князья Трубчевскіе добровольно покоряются. Мѣстничество нашихъ Воеводъ. Битва на берегахъ Ведроши. Ханъ Крымскій опустошаетъ Литву и Польшу. Союзъ Александра съ Ливонскимъ Орденомъ. Переговоры о мирѣ. Александръ избранъ въ Польскіе Короли. Новая побѣда надъ Литвою близъ Мстиславля. Война съ Орденомъ. Сраженіе близъ Изборска. Болѣзнь въ Ли-

онской рати. Россіяне опустошаютъ Ливонію. арь Большой Орды, Шихъ-Ахметъ, помогаетъ итвѣ. Ханъ Крымскій совершенно истребляетъ и остатки Батыева Царства. Александръ вѣ- оломно заключаетъ Шигъ-Ахмета. Досада Ха- а Крымскаго на Великаго Князя. Іоаннъ, за- ючивъ невѣстку и внука, объявляетъ Василія аслѣдникомъ. Разрывъ съ Стефаномъ Молдав- кимъ. Смерть Стефанова. Осада Смоленска. итва съ Магистромъ Ливонскимъ близъ Пско- . Папа старается о мирѣ. Перемиріе съ Лит- ою и съ Орденомъ. Хитрость Вел. Князя. лександръ безразсудно досаждаетъ ему.

мѣя Литву главнымъ предметомъ своей итики, Государь съ тою же дѣятельно- занимался и другими внѣшними дѣ- , важными для чести и безопасности іи. Онъ велѣлъ въ 1492 году заложить иную крѣпость противъ Нарвы, на Дѣ- ей горѣ, съ высокими башнями, и на- ъ ее, по своему имени, *Иваньгородъ*, къ кому безпокойству Ливонскихъ Нѣм- , которые однакожь не могли ему въ воспрепятствовать, и въ 1493 году олжили миръ съ Россіею на десять (416). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ — пишетъ Нѣмецкій Историкъ — «все- одно сожгли въ Ревелѣ одного Россія- а, уличеннаго въ гнусномъ преступле- (417), и легкомысленные изъ тамош- ъ гражданъ сказали его единозем-

Заложенъ Иваньгородъ.

Гнѣвъ Великаго Князя на Ливонскихъ Нѣмцевъ, и заключеніе всѣхъ купцевъ Ганзейскихъ въ Россіи.

«цамъ: *мы сожгли бы и вашего Князя, если «бы онъ сдѣлалъ у насъ то же.* Сіи безразсудныя слова, пересказанныя Государю «Московскому, возбудили въ немъ столь «великій гнѣвъ, что онъ изломалъ трость «свою, бросилъ на землю, и взглянувъ на «небо, грозно произнесъ: *Богъ суди мое «дѣло и казни дерзость.»* А нашъ Лѣтописецъ говоритъ, что Ревельцы обижали купцевъ Новогородскихъ, грабили ихъ на морѣ, безъ обсылки съ Іоанномъ и безъ изслѣдованія варили его подданныхъ въ котлахъ, дѣлая несносныя грубости Посламъ Московскимъ, которые ѣздили въ Италію и въ Нѣмецкую землю (418). Раздраженный Государь требовалъ, чтобы Ливонское Правительство выдало ему Магистратъ Ревельскій (419), и получивъ отказъ, велѣлъ схватить Ганзейскихъ купцевъ въ Новѣгородѣ: ихъ было тамъ 49 человѣкъ, изъ Любека, Гамбурга, Грейфсвальда, Люнебурга, Мюнстера, Дортмунда, Билефельда, Унны, Дуизбурга, Эймбека, Дудерштата, Ревеля и Дерпта. Запечатали Нѣмецкіе гостиные дворы, лавки и божницу; отняли и послали въ Москву всѣ товары, цѣною на милліонъ гульденовъ (420); заключили несчастныхъ въ тяжкія оковы и въ душныя темницы. Вѣсть о семъ бѣдственномъ случаѣ произвела тревогу во всей Германіи. Давно не бывало подобнаго,

городъ въ самыхъ пылкихъ ссорахъ съ Ли-
скимъ Орденомъ щадилъ купцевъ Ганзей-
къ, имѣя нужду во многихъ вещахъ, ими
авляемыхъ Россіи: ибо они привозили къ
ь не только Фламандскія сукна и другія Нѣ-
кія рукодѣлія, но и соль, медъ, пшеницу [421].
за находилась тогда на вышней степени ея
ы и богатства. Новогородская Контора сего
опамятнаго купеческаго союза издавна счи-
сь матерію другихъ: ударъ столь жестокій
извелъ всеобщее замѣшательство въ дѣлахъ
го. Послы Великаго Магистра, семидесяти
одовъ Нѣмецкихъ и зятя Іоаннова, Алексан-
пріѣхали въ Москву ходатайствовать за
зу и требовать освобожденія купцевъ, пред-
ая съ обѣихъ сторонъ выслать судей на
ровъ рѣки Наровы для разбора всѣхъ неудо-
ьствій [422]. Миновало болѣе года: заключен-
томились въ темницахъ. Наконецъ Госу-
ь умилостивился, и велѣлъ отпустить ихъ:
оторые умерли въ оковахъ, другіе потонули
морѣ на пути изъ Ревеля въ Любекъ; не мно-
возвратились въ отечество, и всѣ лишились
нія: ибо имъ не отдали товаровъ [423]. Симъ
сѣклась торговля Ганзейская въ Новѣгородѣ,
зъ для него источникомъ богатства и самаго
жданскаго просвѣщенія въ то время, когда
сія, омраченная густыми тѣнями варварства
гольскаго, симъ однимъ путемъ сообщалась
Европою. Іоаннъ безъ сомнѣнія сдѣлалъ
ибку, послѣдовавъ движенію гнѣва; хотѣлъ

исправить оную и не могъ: Нѣмецкіе купцы уже страшились ввѣрять судьбу свою такой землѣ, гдѣ единое мановеніе грознаго Самовластителя лишало ихъ вольности, имѣнія и жизни, не отличая виновныхъ отъ невинныхъ. Любекъ, Гамбургъ и другіе союзные города, пострадавъ за Ревель, имѣли причину жаловаться на жестокость Іоанна, который думалъ только явить гнѣвъ и милость, въ надеждѣ, что Нѣмцы, смиренные наказаніемъ, съ благодарностію возвратятся на свое древнее торжище: чего однакожъ не случилось. Люди охотнѣе подвергаются морскимъ волнамъ и бурямъ, нежели беззаконному насилію Правительствъ. Дворы, божница, лавки Нѣмецкія опустѣли въ Новѣгородѣ; торговля перешла оттуда въ Ригу, Дерптъ и Ревель, а послѣ въ Нарву, гдѣ Россіяне мѣнялись своими произведеніями съ чужестранными купцами (424).

Такъ Великій Князь въ порывѣ досады разрушилъ благое дѣло вѣковъ, къ обоюдному вреду Ганзы и Россіи, въ противность собственному его всегдашнему старанію быть въ связи съ образованною Европою. Нѣкоторые Историки умствуютъ, что Іоаннъ видѣлъ въ Ганзейскихъ купцахъ проповѣдниковъ народной вольности, питающихъ духъ мятежа въ Новѣгородѣ, и для того гналъ ихъ (425); но сія мысль не имѣетъ никакого историческаго основанія, и не согласна ни съ духомъ времени, ни съ характеромъ Ганзы, которая думала единственно о своихъ торговыхъ выгодахъ, не вмѣшиваясь въ политическія

тношенія граждань къ Правительству, и
е смотря на покореніе Новагорода, еще
ѣсколько лѣтъ купечествовала тамъ сво-
одно. Другіе пишутъ, что Великій Князь
дѣлалъ то въ угожденіе Королю Дат-
кому, ея непріятелю; что они условились
мѣстѣ воевать Швецію; что Король усту-
алъ Іоанну знатную часть Финляндіи, тре-
уя уничтоженія Ганзейской Конторы въ
Іовѣгородѣ (426). Сіи два Монарха дѣй-
твительно заключили между собою тѣс-
ый союзъ. Наши Послы возвратились изъ
Копенгагена съ новымъ Посломъ Дат-
кимъ (427), и скоро Воеводы Россійскіе,
Князь Щеня, Бояринъ Яковъ Захарьевичъ,
Князь Василій Өедоровичъ Шуйскій, оса-
или Выборгъ. Приготовленія и силы наши
ыли велики. Желая изъявить особенное
усердіе, Псковитяне съ каждыхъ десяти
охъ поставили вооруженнаго всадника, и
а шумномъ Вѣчѣ обезчестили многихъ
ереевъ, которые доказывали Номокано-
омъ, что жители церковныхъ селъ не
олжны участвовать въ земскихъ ополче-
іяхъ (428). Но Россіяне около трехъ мѣ-
яцевъ стояли подъ Выборгомъ, и не мог-
и взять его. Увѣряютъ, что тамошній
ачальникъ, храбрый витязь Кнутъ Поссе,
идя ихъ уже на стѣнѣ крѣпости, зажегъ
башню, гдѣ лежалъ порохъ: она съ ужас-
ымъ трескомъ взлетѣла на воздухъ, а съ

Союзъ съ Даніею.

Война съ Шведами.

нею и множество Россіянъ; другіе, оглушенные, израненные обломками, пали на землю; остальные бѣжали, гонимые страхомъ и мечемъ осажденныхъ. Сей случай, едва ли не баснословный, долго жилъ въ памяти Финновъ подъ именемъ *Выборгскаго треска* и прославилъ мнимое волшебное искусство Кнута Поссе (429). Воеводы наши удовольствовались только опустошеніемъ селъ на пространствѣ тридцати или сорока миль.

Іоаннъ въ Новѣгородѣ.

Желая распорядить на мѣстѣ военныя дѣйствія, Іоаннъ самъ ѣздилъ въ Новгородъ со внукомъ Димитріемъ и сыномъ Юріемъ, оставивъ старшаго сына, Василія, въ Москвѣ. Уже сей городъ не имѣлъ ни прежняго многолюдства, ни величавыхъ Бояръ, ни купцевъ именитыхъ; но Архіепископъ Геннадій и Намѣстники старались пышною встрѣчею удовлетворить вкусу Іоаннову ко всему торжественному: Святитель, Духовенство, чиновники, народъ ждали Государя на Московской дорогѣ; радостныя восклицанія провождали его до Софійской церкви: онъ обѣдалъ у Геннадія со Дворомъ своимъ, который состоялъ изъ осьми Бояръ Московскихъ, четырехъ Тверскихъ, трехъ Окольничихъ, Великаго Дворецкаго, Постельничаго, Спальничаго, трехъ Дьяковъ, пятидесяти Князей и многихъ Дѣтей Боярскихъ (430).

Воеводы, Князь Василій Косой, Андрей доровичь Челяднинъ, Александръ Владиміровичь Ростовскій и Дмитрій Васильечь Шеинъ, посланные на *Гамскую зем-*, *Ямь* или Финляндію, разбили 7000 ведовъ. Самъ Государственный Правиь, Стенъ Стуръ, находился въ Або, ѣя сорокъ тысячь воиновъ, и хотѣлъ рѣтить Россіянъ въ полѣ; но далъ имъ емя уйти назадъ съ добычею и плѣнниги (431). Іоаннъ возвратился въ Москву, иказавъ двумъ братьямъ, Князьямъ Ива- и Петру Ушатымъ, собрать войско въ асти Устюжской, Двинской, Онѣжской, гской, и весною итти на Каянію или *на ять рѣкъ* (432). Сей походъ имѣлъ важйшее слѣдствіе: Князья Ушатые не толь- разорили всю землю отъ Кореліи до нландіи, но и присоединили къ Россійимъ владѣніямъ берега Лименги, коихъ тели отправили Посольство къ Великому изю въ Москву и дали клятву быть его рноподданными. За то Шведскій чиновкъ, Сванѣ Стуръ, съ двумя тысячами иновъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ иплывъ на семидесяти легкихъ судахъ Стокгольма въ рѣку Нарову, взялъ аньгородъ. Тамошній начальникъ, Князь ій Бабичь, первый ушелъ изъ крѣпо-; а Воеводы, Князья Иванъ Брюхо и доровъ, стояли не далеко оттуда съ

Походъ на Гамскую землю или Финляндію. Г. 1496.

г. 1496. полкомъ многочисленнымъ, видѣли приступъ Шведовъ и не дали никакой помощи гражданамъ (433). Зная, что ему не льзя удержать сего мѣста, Свантъ уступалъ оное Ливонскому Рыцарству; но Магистръ отказался отъ пріобрѣтенія столь опаснаго. Шведы разорили часть крѣпости, и спѣшили удалиться съ тремя стами плѣнниковъ.

Война кончилась тѣмъ, что Король Датскій, другъ Іоанновъ, сдѣлался Государемъ Швеціи, согласно съ желаніемъ ея Сената и Духовенства. Онъ старался всячески соблюсти пріязнь Великаго Князя и, можетъ быть, отдалъ ему нѣкоторыя мѣста въ Финляндіи. Два раза (въ 1500 и въ 1501 году) Послы его были въ Москвѣ, а наши въ Даніи (434), вѣроятно для утвержденія безспорныхъ границъ между обѣими Державами. Финляндія наконецъ отдохнула, претерпѣвъ ужасныя бѣдствія отъ нашихъ частыхъ впаденій, такъ, что Шведскій Государственный Совѣтъ, обвиняя бывшаго Правителя Стена во многихъ жестокостяхъ, сказалъ въ Манифестѣ: «онъ злодѣйствовалъ въ Швеціи какъ Россіяне въ «Финляндіи (435)!» Главною причиною сей войны было, кажется, упрямство Стена, который никакъ не хотѣлъ относиться къ Новогородскимъ Намѣстникамъ, требуя, чтобы самъ Великій Князь договаривался

съ нимъ о мирѣ: Іоаннъ досадовалъ на такую гордость, и желалъ смирить оную (436).

Дѣла Казанскія.

Доселѣ Царь Казанскій вѣрно исполнялъ обязанность нашего присяжника; но угождая Іоанну, тѣснилъ подданныхъ и былъ ненавидимъ Вельможами, которые тайно предлагали Владѣтелю Шибанскому, Мамуку, избавить ихъ отъ тирана. Магметъ-Аминь, узнавъ о томъ, требовалъ защиты въ Москвѣ, и Государь прислалъ къ нему Воеводу, Князя Ряполовскаго, съ сильною ратію (437). Измѣнники бѣжали: Мамукъ удалился отъ предѣловъ Казанскихъ; все было тихо и спокойно. Магметъ-Аминь отпустилъ Ряполовскаго, но чрезъ мѣсяцъ самъ явился въ Москвѣ, съ вѣстію, что Мамукъ, незапно изгнавъ его, царствуетъ въ Казани. Сей новый Царь умѣлъ только грабить: жадный къ богатству, отнималъ у купцевъ товары, у Вельможъ сокровища, и посадилъ въ темницу главныхъ своихъ доброжелателей, которые предали ему Казань, измѣнивъ Магметъ-Аминю. Онъ хотѣлъ завоевать городокъ Арскій: не взялъ его, и не могъ уже возвратиться въ Казань, гдѣ граждане стояли на стѣнахъ съ оружіемъ, велѣвъ сказать ему, что имъ не надобенъ Царь-разбойникъ. Мамукъ ушелъ во свояси; а Вельможи Казанскіе отправили Посольство къ Іоанну, смиренно извиняясь передъ нимъ, но виня и Магметъ-

г. 1497.

Аминя въ несносныхъ для народа утѣсненіяхъ. «Хотимъ имѣть инаго Царя отъ «руки твоей,» говорили они: «дай намъ «втораго Ибрагимова сына, Абдылъ-Лети«фа.» Іоаннъ согласился и послалъ сего меньшаго пасынка Менгли-Гиреева въ Казань, гдѣ Князья Симеонъ Даниловичь Холмскій и Ѳедоръ Палецкій возвели его на Царство, заставивъ народъ присягнуть въ вѣрности къ Россійскому Монарху. — Чтобы удовольствовать и Магметъ-Аминя, Великій Князь далъ ему въ помѣстье Каширу, Серпуховъ и Хотунь, къ бѣдствію жителей, коимъ онъ сдѣлался ненавистенъ своимъ алчнымъ корыстолюбіемъ и злобнымъ нравомъ.

Сіе происшествіе могло обезпокоить Нурсалтанъ, жену Менгли-Гирееву: Іоаннъ далъ ей знать о томъ въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ, увѣряя, что Казань всегда будетъ собственностію ея рода (438). Благодаря Великаго Князя, она увѣдомляла его о своемъ возвращеніи изъ Мекки и намѣреніи ѣхать въ Россію для свиданія съ сыновьями. Менгли-Гирей прислалъ Іоанну въ даръ яхонтовый перстень Магомета II (439), и старался утвердить Султана Баязета въ благосклонномъ къ намъ расположеніи. Хотя Посолъ Турецкій и не доѣхалъ до Москвы (440), однакожь Іоаннъ

Первое рѣшился тогда отправить своего въ Кон-

стантинополь, чтобы изъявить признательность Султану за его доброе намѣреніе, и поручилъ сіе дѣло Михаилу Андреевичу Плещееву (441): Ханъ Крымскій далъ ему письма и вожатыхъ. Цѣлію Посольства было доставить нашимъ купцамъ безопасность и свободу въ торговлѣ съ областями Султанскими: по крайней мѣрѣ въ бумагахъ онаго не упоминается ни о чемъ иномъ; сказано только, чтобы Плещеевъ въ изъявленіяхъ Іоаннова дружества къ Баязету и къ юному сыну его, Магмеду Шихзодѣ, Кафинскому Султану, строго наблюдалъ достоинство Великаго Князя; чтобы *правилъ имъ поклонъ стоя, не на колѣняхъ*, и никому изъ другихъ Пословъ не уступалъ мѣста; чтобы говорилъ рѣчь единственно Султану, а не Пашамъ, и проч. Плещеевъ, исполняя въ точности наказъ Государевъ, своею гордостію удивилъ Дворъ Баязетовъ. Обласканный Пашами въ Константинополѣ, и слыша, что его на другой день представятъ Султану, онъ не хотѣлъ ѣхать къ нимъ на обѣдъ, не взялъ ихъ даровъ, которые состояли въ драгоцѣнной одеждѣ, ни десяти тысячь Оттоманскихъ денегъ, назначенныхъ ему на содержаніе, и сказалъ присланному отъ нихъ чиновнику: «Мнѣ съ Пашами нѣтъ «рѣчи; ихъ платья не надѣну; денегъ не «хочу; буду говорить только съ Султа-

Наше посольство въ Констaнтинополь.

«номъ.» Однакожь Баязетъ отпустилъ Плещеева съ ласковою отвѣтною грамотою, и сдѣлалъ все, чего требовалъ Іоаннъ въ разсужденіи нашихъ купцевъ. «Государь Россійскій ,» — писалъ онъ къ Менгли-Гирею — «съ коимъ искренно желаю «быть въ любви, прислалъ ко мнѣ какого-то невѣжду: для сего не посылаю съ нимъ моихъ «людей въ Россію, опасаясь, чтобы ихъ тамъ «не оскорбили. Уважаемый отъ Востока до Запада, не хочу подвергнуть себя такому стыду. «Пусть сынъ мой, Правитель Кафы, сносится съ «Іоанномъ.» Но соблюдая учтивость, Баязетъ не жаловался самому Великому Князю на его Посла, и писалъ къ нему слѣдующее: «Ты отъ «чистаго сердца прислалъ *добраго* мужа *къ моему порогу:* онъ видѣлъ меня и вручилъ мнѣ «твою грамоту, которую я приложилъ къ своему «сердцу, видя, что желаешь быть намъ другомъ. «Послы и гости твои да ѣздятъ часто въ мою «землю: они увидятъ и скажутъ тебѣ нашу «правду, равно какъ и сей, ѣдущій назадъ въ «свое отечество. Дай Богъ, чтобы онъ благополучно возвратился съ *нашимъ великимъ поклономъ* къ тебѣ и ко всѣмъ друзьямъ твоимъ: «ибо кого ты любишь, того и мы любимъ [442].» Столь мирно и дружелюбно началось государственное сношеніе Россіи съ Оттоманскою Державою! Ни та, ни другая не могла предвидѣть, что судьба готовитъ ихъ къ ужасному взаимному противоборству, коему надлежало рѣшить

паденіе Магометанскихъ Царствъ въ мірѣ и первенство Христіанскаго оружія!

Плещеевъ возвратился въ Москву тогда, г. 1498 какъ Дворъ, Вельможи и народъ были ужаснымъ образомъ волнуемы происшествіями горестными для Іоаннова сердца. Мы видѣли, что съ XV вѣка уставилось новое право наслѣдственное въ Россіи, по коему уже не братья, а сыновья были преемниками Великокняжескаго достоинства; но кончина старшаго Іоаннова сына произвела вопросъ: «кому быть наслѣдникомъ Государства, внуку ли Димитрію или Василію Іоанновичу?» Великій Князь колебался: Бояре думали разно, одни доброхотствуя Еленѣ и юному сыну ея, другіе Софіи и Василію; первыхъ было гораздо болѣе, отчасти по любви, которую всѣ имѣли къ великодушному отцу Димитріеву, отчасти и потому, что мать его окружали только Россіяне: Софію же многіе Греки, непріятные нашимъ Вельможамъ. Друзья Еленины утверждали, что Димитрій естественнымъ образомъ наслѣдовалъ право своего родителя на Великое Княженіе; а Софіины доброжелатели отвѣтствовали, что внукъ не можетъ быть предпочтенъ сыну — и какому? происшедшему отъ крови Императоровъ Греческихъ. Софія и Елена, обѣ хитрыя, честолюбивыя, ненавидѣли другъ друга, но соблюдали наружную пристой-

Рязанская Княгиня въ Москвѣ и выдаетъ дочь за Бѣльскаго.

ность. Великая Княгиня Рязанская, Анна, гостила тогда въ Москвѣ у брата, равно ласкаемая его супругою и невѣсткою: онъ могъ еще наслаждаться семейственными удовольствіями; продержалъ сестру нѣсколько мѣсяцевъ, склонилъ ее выдать дочь за Князя Өедора Ивановича Бѣльскаго, и съ любовію отпустилъ въ Рязань, гдѣ надлежало быть свадьбѣ (445).

Гнѣвъ Іоанновъ на супругу и на сына, Василія.

Скоро по отъѣздѣ Анны донесли Государю о важномъ заговорѣ. Дьякъ Өедоръ Стромиловъ увѣрилъ юнаго Василія, что родитель его хочетъ объявить внука наслѣдникомъ: сей Дьякъ и нѣкоторые безразсудные молодые люди предлагали Василію погубить Димитрія, уйти въ Вологду, и захватить тамъ казну Государеву. Они втайнѣ умножали число своихъ единомышленниковъ и клятвою обязались усердно служить сыну противъ отца и Государя. Іоаннъ, узнавъ о томъ, воспылалъ гнѣвомъ. Обвиняемыхъ взяли въ допросъ, пытали, и вынудивъ отъ нихъ признаніе, казнили на Москвѣ-рѣкѣ: Дьякамъ Стромилову и Гусеву, Князю Ивану Палецкому и Скрябину отсѣкли голову: Аөанасію Яропкину и Поярку ноги, руки и голову; многихъ иныхъ Дѣтей Боярскихъ посадили въ темницу, и къ самому Василію приставили во дворцѣ стражу. Гнѣвъ Іоанновъ палъ и на Софію: ему сказали, что къ ней

ходятъ мнимыя колдуньи съ зеліемъ; ихъ схватили, обыскали и ночью утопили въ Москвѣ-рѣкѣ (444). Съ того времени Государь не хотѣлъ видѣть супруги, подозрѣвая, кажется, что она мыслила отравить ядомъ невѣстку Елену и Димитрія. Въ семъ случаѣ Намѣстникъ Московскій, Князь Иванъ Юрьевичь, и Воевода Симеонъ Ряполовскій дѣйствовали явно какъ ревностные друзья Іоаннова внука и недоброжелатели Софіины.

Великій Князь торжественно вѣнчаетъ на Царство внука. Февраля 4.

Елена торжествовала: Великій Князь немедленно назвалъ ея сына своимъ преемникомъ, и возложилъ на него вѣнецъ Мономаховъ. Искони Духовные Россійскіе Пастыри благословляли Государей при восшествіи ихъ на престолъ, и сей обрядъ совершался въ церкви (445); но древніе Лѣтописцы не сказываютъ ничего болѣе: здѣсь въ первый разъ видимъ Царское вѣнчаніе, описанное со всѣми любопытными обстоятельствами. Въ назначенный день Государь, провождаемый всѣмъ Дворомъ, Боярами и чиновниками, ввелъ юнаго, пятнадцатилѣтняго Димитрія въ Соборную церковь Успенія, гдѣ Митрополитъ съ пятью Епископами, многими Архимандритами, Игуменами, пѣлъ молебенъ Богоматери и Чудотворцу Петру. Среди церкви возвышался амвонъ съ тремя сѣдалищами: для Государя, Димитрія и Митрополита.

Близъ сего мѣста лежали на столѣ вѣнецъ и бармы Мономаховы. Послѣ молебна Іоаннъ и Митрополитъ сѣли: Димитрій стоялъ предъ ними на вышней степени амвона. Іоаннъ сказалъ: «Отче Митрополитъ! издревле Государи, «предки наши, давали Великое Княжество пер«вымъ сынамъ своимъ: я также благословилъ «онымъ моего первороднаго, Іоанна. Но по волѣ «Божіей его не стало: благословляю нынѣ вну«ка, Димитрія, его сына, при себѣ и послѣ себя «Великимъ Княжествомъ Владимірскимъ, Мо«сковскимъ, Новогородскимъ: и ты, отче, дай «ему благословеніе.» Митрополитъ велѣлъ юному Князю ступить на амвонъ, всталъ, благословилъ Димитрія крестомъ, и положивъ руку на главу его, громко молился, да Господь, Царь Царей, отъ святаго жилища Своего благоволитъ воззрѣть съ любовію на Димитрія; да сподобитъ его помазатися елеемъ радости, пріять силу свыше, вѣнецъ и скипетръ Царствія; да возсядетъ юноша на престолъ правды, оградится всеоружіемъ Святаго Духа, и твердою мышцею покоритъ народы варварскіе; да живетъ въ сердцѣ его добродѣтель, вѣра чистая и правосудіе. Тутъ два Архимандрита подали бармы: Митрополитъ, ознаменовавъ Димитрія крестомъ, вручилъ ихъ Іоанну, который возложилъ оныя на внука. Митрополитъ тихо произнесъ слѣдующее: «Господи Вседержителю и Царю вѣковъ! се земный «человѣкъ, Тобою Царемъ сотворенный, пре«клоняетъ главу въ моленіи къ Тебѣ, Владыкѣ

«міра. Храни его подъ кровомъ Своимъ : правда «и миръ да сіяютъ во дни его; да живемъ съ «нимъ тихо и покойно въ чистотѣ душевной!..» Архимандриты подали вѣнецъ : Іоаннъ взялъ его изъ рукъ Первосвятителя и возложилъ на внука. Митрополитъ сказалъ : «во имя Отца и «Сына и Святаго Духа!»

Читали Ектенію и молитву Богоматери. Великій Князь и Митрополитъ сѣли на своихъ мѣстахъ. Архидіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе обоимъ Государямъ : за нимъ ликъ Священниковъ и Діаконовъ. Митрополитъ всталъ, и вмѣстѣ съ Епископами поздравилъ дѣда и внука : также сыновья Государевы , Бояре и всѣ знатные сановники. Въ заключеніе Іоаннъ сказалъ юному Князю : «Внукъ Димитрій! я пожа«ловалъ и благословилъ тебя Великимъ Княже«ствомъ; а ты имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, «люби правду, милость , и пекись о всемъ Хри«стіанствѣ.»—Великіе Князья сошли съ амвона. Послѣ обѣдни Іоаннъ возвратился въ свой дворецъ, а Димитрій, въ вѣнцѣ и въ бармахъ, провождаемый всѣми дѣтьми Государевыми (кромѣ Василія) и Боярами , ходилъ въ Соборъ Архангела Михаила и Благовѣщенія , гдѣ сынъ Іоанновъ, Юрій , осыпалъ его въ дверяхъ золотыми и серебряными деньгами (446). — Въ тотъ день былъ великолѣпный пиръ у Государя для всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ. Ласкал юнаго Димитрія, онъ подарилъ ему крестъ съ золотою цѣпію , поясъ осыпанный драгоцѣнны-

ми каменьями, и сердоликовую крабію Августа Цесаря ([447]).

Не смотря на сіи знаки любви ко внуку, грозное чело Іоанново изъявляло мучительное смятеніе его души, такъ, что самые усердные доброжелатели Елены — самые тѣ, которые своими доносами и внушеніями возбудили гнѣвъ Государевъ на Софію и Василія — не смѣли радоваться, опасаясь перемѣны. Страхъ ихъ былъ весьма основателенъ. Іоаннъ любилъ супругу, по крайней мѣрѣ чтилъ въ ней отрасль знаменитаго Императорскаго Дома, двадцать лѣтъ благоденствовалъ съ нею, пользовался ея совѣтами, и могъ по суевѣрію, свойственному и великимъ людямъ, приписывать счастію Софіи успѣхи своихъ важнѣйшихъ предпріятій. Она имѣла тонкую Греческую хитрость ([448]) и друзей при Дворѣ. Василій, коего рожденіе, прославленное чудомъ ([449]), было столь вожделѣнно для отца, не могъ лишиться всѣхъ правъ на любовь его. Вина сего юнаго Князя — если и не сомнительная — находила извиненіе въ незрѣлости ума и въ легкомысліи молодыхъ лѣтъ. Но миновалъ годъ: Россія уже привыкла къ мысли, что Димитрій, любезный, непорочный сынъ отца памятнаго благороднымъ мужествомъ, и внукъ двухъ великихъ Государей ([450]), будетъ ея Монархомъ. Открылось, что дѣдъ украсилъ вѣнцемъ сего юношу какъ жертву обреченную на погибель.

Къ сожалѣнію, Лѣтописцы не объясняютъ всѣхъ обстоятельствъ сего любопытнаго происшествія, сказывая только, что Іоаннъ возвратилъ наконецъ свою нѣжность супругѣ и сыну, велѣлъ снова изслѣдовать бывшіе на нихъ доносы, узналъ козни друзей Елениныхъ, и считая себя обманутымъ, явилъ ужасный примѣръ строгости надъ знатнѣйшими Вельможами, Княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Патрикеевымъ, двумя его сыновьями и зятемъ, Княземъ Симеономъ Ряполовскимъ, обличенными въ *крамолѣ* (451): осудилъ ихъ на смертную казнь, не взирая на то, что Иванъ Юрьевичь, праправнукъ славнаго Ольгерда, былъ родный племянникъ Темнаго, сынъ дочери Великаго Князя Василія Димитріевича, Маріи (452), и тридцать-шесть лѣтъ вѣрно служилъ Государю какъ первый Бояринъ въ дѣлахъ войны и мира: отецъ же Ряполовскаго, одинъ изъ потомковъ Всеволода Великаго, спасалъ Іоанна въ юности отъ злобы Шемякиной (453). Государь по видимому увѣрился, что они, усердствуя Еленѣ, оклеветали предъ нимъ и Софію и Василія: не знаемъ точной истины; но Іоаннъ во всякомъ случаѣ былъ обманутъ козними той или другой стороны: жалостная участь Монарховъ, коихъ легковѣріе стоитъ чести или жизни невиннымъ! Князю Ряполовскому отсѣкли

Іоаннъ мирится съ супругою и казнитъ Бояръ. Г. 1499.

Февраля 5.

голову на Москвѣ-рѣкѣ; но Митрополитъ Симонъ, Архіепископъ Ростовскій и другіе Святители ревностнымъ ходатайствомъ спасли Патрикеевыхъ отъ казни: Иванъ Юрьевичь и старшій его сынъ, Бояринъ Василій Косой, постриглись въ Монахи: первый въ Обители Св. Сергія, а вторый Св. Кирилла Бѣлозерскаго; меньшій сынъ Юрьевича, Иванъ Мынинда, остался подъ стражею въ домѣ (454). *Сія первая знаменитая Боярская опала* изумила Вельможъ, доказавъ, что гнѣвъ Самодержца не щадитъ ни сана, ни заслугъ долговременныхъ.

Называетъ Василія Велик. Княземъ Новагорода и Пскова.

Чрезъ шесть недѣль Іоаннъ назвалъ Василія *Государемъ, Великимъ Княземъ Новагорода и Пскова;* изъявлялъ холодность къ невѣсткѣ и ко внуку; однакожь долго медлилъ и совѣстился отнять старѣйшинство у послѣдняго, данное ему предъ лицемъ всей Россіи и съ обрядами священными. Еще Димитрій именовался Великимъ Княземъ Владимірскимъ и Московскимъ; но Дворъ благоговѣлъ предъ Софіею, удаляясь отъ Елены и сына ея: ибо предвидѣли будущее. Могъ ли Іоаннъ, столь счастливо основавъ Единовластіе въ Россіи, предать ее по своей кончинѣ въ жертву новому, вѣроятному междоусобію двухъ Князей Великихъ, сына и внука? Могла ли и Софія быть спокойною, не свергнувъ Димитрія? Однимъ

словомъ, его паденіе казалось уже необходимымъ. — Псковитяне, съ удивленіемъ и неудовольствіемъ свѣдавъ, что Іоаннъ далъ имъ Государя особеннаго, послали къ нему знатнѣйшихъ чиновниковъ, жаловались на такую новость, и молили, чтобы Димитрій, какъ будущій наслѣдникъ Россійской Державы, остался и Главою земли ихъ. Великій Князь съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ: «Развѣ я не воленъ въ моемъ сынѣ и вну-«кѣ? Кому хочу, тому и дамъ Россію. Слу-«жите Василію.» Пословъ заключили въ башню, но скоро освободили (455).

Сіе время безъ сомнѣнія было самымъ печальнѣйшимъ Іоанновой жизни: однакожь Монархъ являлъ и тогда непрестанную дѣятельность въ отношеніяхъ государственныхъ. Въ Шамахѣ господствовалъ Султанъ Махмутъ, внукъ Ширванъ-Шаха, данника Тамерланова и сыновей его (456). Слабость и бѣдствія ихъ преемниковъ, смерть завоевателя Персидскаго, Узунъ-Гассана, и малодушіе его наслѣдниковъ возвратили независимость сей странѣ Каспійской. Махмутъ, величаясь достоинствомъ Монарха, желалъ имѣть любовь и дружбу съ Государями знаменитыми, каковъ былъ Іоаннъ. Онъ прислалъ въ Москву Вельможу своего, Шебеддина, съ учтивыми и ласковыми словами, на которыя отвѣтствовали ему такими же (457); но

Посолъ изъ Шамахи.

Государь не счелъ за нужное отправить собственнаго Посла въ Шамаху, свѣдавъ, можетъ быть, о завоеваніяхъ Измаила Софи, мнимаго потомка Аліева, который около сего времени назвался Шахомъ, овладѣлъ Ираномъ, Багдадомъ, южными окрестностями моря Каспійскаго, и сдѣлался основателемъ сильной Державы Персидскихъ Софіевъ, во дни отцевъ нашихъ уничтоженной Тахмасомъ Кулы-Ханомъ.

Посольства въ Венецію и въ Константинополь.

Тогда же Іоаннъ посылалъ въ Венецію Грека Дмитрія, Ралева сына, съ Митрофаномъ Карачаровымъ, и къ Султану Баязету Алексѣя Голохвастова, съ коимъ отправились многіе наши купцы въ Азовъ рѣкою Дономъ (они грузились на Мечѣ у Каменнаго Коня) [458]. Голохвастовъ, имѣя учтивыя письма къ Баязету и къ сыну его, Магмеду Шихзодѣ, долженъ былъ исходатайствовать разныя выгоды Московскимъ торговымъ людямъ въ Баязетовыхъ владѣніяхъ, и сказать Пашамъ Султанскимъ слѣдующія слова: «Великій Князь не вѣ«даетъ, чѣмъ вы обвиняете бывшаго у «васъ Россійскаго Посла Михайла Плещее«ва; но знайте, что многіе Государи шлютъ «Пословъ къ нашему, чтущему и жалую«щему ихъ ради своего имени: Султанъ «можетъ въ томъ удостовѣриться опы«томъ.» Голохвастовъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился съ отвѣтными гра

мотами отъ Баязета и Шихзоды: послѣднiй присылалъ изъ Кафы въ Москву и собственнаго чиновника, который обѣдалъ у Великаго Князя ([459]). Но дѣло шло, какъ и прежде, единственно о безопасной и свободной торговлѣ.

Въ сей годъ Iоаннъ утвердилъ власть свою надъ сѣверо-западною Сибирiю, которая издревле платила дань Новугороду. Еще въ 1465 году — по извѣстiю одного Лѣтописца ([460]) — Устюжанинъ, именемъ Василiй Скряба, съ толпою вольницы ходилъ за Уральскiя горы воевать Югру, и привелъ въ Москву двухъ тамошнихъ Князей, Калпака и Течика: взявъ съ нихъ присягу въ вѣрности, Iоаннъ отпустилъ сихъ Князей въ отечество, обложилъ Югру данiю, и милостиво наградилъ Скрябу. Сiе завоеванiе оказалось недѣйствительнымъ или мнимымъ: подчинивъ себѣ Новгородъ, Iоаннъ (въ Маѣ 1483 году) долженъ былъ отрядить Воеводъ, Князя Θеодора Курбскаго Чернаго и Салтыка-Травина ([461]), съ полками Устюжскими и Пермскими на Вогуличей и Югру. Близъ устья рѣки Пелыни разбивъ Князя Вогульскаго, Юмшана, Воеводы Московскiе шли внизъ по рѣкѣ Тавдѣ мимо Тюменя до Сибири, оттуда же берегомъ Иртыша до Великой Оби въ землю Югорскую, плѣнили ея Князя Молдана, и съ богатою добычею возвратились чрезъ пять мѣсяцевъ въ Устюгъ. Владѣтели Югорскiе или *Кодскiе* требовали мира, коего посредникомъ былъ Епископъ Пермскiй Филоθей; присягнули въ вѣрности къ Россiи и *пили*

воду съ золота предъ нашими чиновниками, близъ устья Вымн; а Юмшанъ Вогульскій съ Епископомъ Филоѳеемъ самъ пріѣзжалъ въ Москву, и милостиво обласканный Великимъ Княземъ, началъ платить ему дань, бывъ дотолѣ, равно какъ и отецъ его, Асыка, ужасомъ Пермской области. Но конечное покореніе сихъ отдаленныхъ земель совершилось уже въ 1499 году: Князья Симеонъ Курбскій, Петръ Ушатовъ и Заболоцкій-Бражникъ, предводительствуя пятью тысячами Устюжанъ, Двинянъ, Вятчанъ, плыли разными рѣками до Печоры, заложили на ея берегу крѣпость, и 21 Ноября отправились на лыжахъ къ Каменному Поясу ([362]). Сражаясь съ усиліемъ вѣтровъ, и засыпаемые снѣгомъ, странствующіе полки Великокняжескіе съ неописаннымъ трудомъ всходили на сіи, во многихъ мѣстахъ неприступныя горы, гдѣ и въ лѣтніе мѣсяцы не является глазамъ ничего, кромѣ ужасныхъ пустынь, голыхъ утесовъ, стремнинъ, печальныхъ кедровъ и хищныхъ бѣлыхъ кречетовъ, но гдѣ, подъ мшистыми гранитами, скрываются богатыя жилы металловъ и цвѣтные камни драгоцѣнные. Тамъ встрѣтили Россіяне толпу мирныхъ Самоѣдовъ, убили 50 человѣкъ и взяли въ добычу 200 оленей; наконецъ спустились въ равнины, и достигнувъ городка Ляпина (нынѣ Вогульскаго мѣ-

Завоеваніе земли Югорской.

стечка въ Березовскомъ уѣздѣ) исчислили, что они прошли уже 4650 верстъ. За Ляпинымъ съѣхались къ нимъ Владѣтели Югорскіе, земли Обдорской, предлагая миръ и вѣчное подданство Государю Московскому. Каждый изъ сихъ Князьковъ сидѣлъ на длинныхъ саняхъ, запряженныхъ оленями. Воеводы Іоанновы ѣхали также на оленяхъ, а воины на собакахъ, держа въ рукахъ огнь и мечь для истребленія бѣдныхъ жителей. Курбскій и Петръ Ушатовъ взяли 32 города, Заболоцкій 8 городовъ (то есть, мѣстъ укрѣпленныхъ острогомъ), болѣе тысячи плѣнниковъ и пятьдесятъ Князей; обязали всѣхъ жителей (Вогуличей, Югорцевъ или, какъ вѣроятно, Остяковъ и Самоѣдовъ) клятвою вѣрности, и благополучно возвратились въ Москву къ Пасхѣ. Сподвижники ихъ разсказывали любопытнымъ о трудахъ, ими перенесенныхъ; о высотѣ Уральскихъ горъ, коихъ хребты скрываются въ облакахъ, и которыя, по мнѣнію Географовъ, назывались въ древности Рифейскими или Гиперборейскими; о звѣряхъ и птицахъ неизвѣстныхъ въ нашемъ климатѣ; о видѣ и странныхъ обыкновеніяхъ жителей Сибирскихъ: сіи разсказы, повторяемые съ прибавленіемъ, служили источникомъ баснословія о чудовищахъ и *нѣмыхъ людяхъ*, будто бы обитающихъ на Сѣверо-Востокѣ; о другихъ, которые по смерти снова оживаютъ, и проч. (463). — Съ того времени Государи наши всегда именовались Князьями *Югорскими*; а въ Европѣ разнесся слухъ, что мы завоева-

ли древнее отечество *Угровъ* или Венгерцевъ: сами Россіяне хвалились тѣмъ ([464]), основываясь на сходствѣ именъ и на преданіи, что единоплеменникъ Аттилинъ, славный Маджарскій Воевода Альмъ, вышелъ изъ глубины Азіи сѣверной, или Скиѳіи, гдѣ много соболей и драгоцѣнныхъ металловъ: Югорія же, какъ извѣстно, доставляла издревле серебро и соболей Новугороду ([465]). Даже и новѣйшіе Ученые хотѣли доказывать истину сего мнѣнія сходствомъ между языкомъ Вогуличей и Маджарскимъ или Венгерскимъ ([466]).

Посланъ Воевода въ Казань.

Іоаннъ посылалъ еще войско въ Казань съ Княземъ Ѳедоромъ Бѣльскимъ, узнавъ, что Шибанскій Царевичь Агалакъ, братъ Мамуковъ, ополчился на Абдылъ-Летифа: Агалакъ ушелъ назадъ въ свои Улусы, и Бѣльскій возвратился; а для защиты Царя остались тамъ Воеводы, Князь Михайло Курбскій и Лобанъ Ряполовскій, которые чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отразили Ногайскихъ Мурзъ, Ямгурчея и Мусу, хотѣвшихъ изгнать Абдылъ-Летифа ([467]).

г. 1500.

Разрывъ съ Литвою.

Но дѣла Литовскія всего болѣе заботили тогда Іоанна: взаимныя неудовольствія тестя и зятя произвели наконецъ разрывъ явный и войну, которая осталась навѣки памятною въ лѣтописяхъ обѣихъ Державъ, имѣвъ столь важныя для оныхъ слѣдствія.

Александръ могъ двумя способами исполнить обязанность Монарха благоразумнаго:

старалясь искреннею пріязнію заслужить Іо-
ову для цѣлости и безопасности Державы
й, или въ тишинѣ изготовляя средства съ
ѣхомъ противоборствовать Великому Князю,
ожая свои ратныя силы, отвлекая отъ него
зниковъ, пріобрѣтая ихъ для себя: вмѣсто
онъ досаждалъ тестю по упрямству, по за-
и, по слѣпому усердію къ Латинской Вѣрѣ;
ближалъ войну, и не готовился къ оной; не
тъ расторгнуть опасной для него связи Іоан-
й съ Менгли-Гиреемъ, ни съ Стефаномъ Мол-
кимъ, искавъ только безполезной дружбы
шаго Шведскаго Правителя, Стена, и сла-
ъ Царей Ординскихъ; однимъ словомъ не
тъ быть ни пріятелемъ, ни врагомъ сильной
квы. Великій Князь еще нѣсколько времени
зывалъ миролюбіе: освобождая купцевъ
ейскихъ, говорилъ, что дѣлаетъ то изъ ува-
я къ ходатайству зятя; не отвергалъ его
едничества въ дѣлахъ съ Швеціею (468);
снялъ несправедливость частыхъ Литов-
ъ жалобъ на обиды Россіянъ. Въ 1497 году
ко Султанское перешло Дунай, угрожая Лит-
Польшѣ: Іоаннъ велѣлъ сказалъ зятю, что
іяне въ силу мирнаго договора готовы по-
тъ ему, когда Турки дѣйствительно всту-
въ Литву. Но сіе обѣщаніе не было искрен-
ь: Султанъ успѣлъ бы взять Вильну прежде,
ли Россіяне тронулись бы съ мѣста. Къ
тію Александра, Турки удалились (469). До-
я на Стефана за разореніе Бряславля, онъ

хотѣлъ воевать Молдавію: Великій Князь просилъ его не тревожить союзника Москвы (470). «Я всегда надѣялся» — отвѣтствовалъ Александръ — «что зять тебѣ дороже свата: вижу «иное.» Въ 1499 году пріѣхалъ въ Москву Литовскій Посолъ, Маршалокъ Станиславъ Глѣбовичь, и представленный Іоанну, говорилъ такъ именемъ своего Князя (471): «Въ угодность тебѣ, «нашему брату, я заключилъ наконецъ союзъ «любви и дружбы съ Воеводою Молдавскимъ «Стефаномъ. Нынѣ слышимъ, что Баязетъ Сул«танъ ополчается на него всѣми силами, дабы «овладѣть Молдавіею: Братья мои, Короли Вен«герскій, Богемскій, Польскій, хотятъ вмѣстѣ «со мною защитить оную. Будь и ты нашимъ «сподвижникомъ противъ общаго злодѣя, уже «владѣющаго многими великими Государствами «Христіанскими. Держава Стефанова есть ограда «для всѣхъ нашихъ: когда Султанъ покоритъ «ее, будетъ равно опасно и намъ и тебѣ . . . . Ты «желаешь, чтобы я въ своихъ грамотахъ имено«валъ тебя *Государемъ всей Россіи*, по мирному «договору нашему: не отрицаюсь, но съ усло«віемъ, чтобы ты письменно и навѣки утвердилъ «за мною городъ Кіевъ . . . . Къ изумленію и «прискорбію моему свѣдалъ я, что ты, вопреки «клятвенному обѣту искренняго доброжелатель«ства, умышляешь противъ меня зло въ своихъ «тайныхъ сношеніяхъ съ Менгли-Гиреемъ. Братъ «и тесть! вспомяни душу и Вѣру.» Сей упрекъ «имѣлъ видъ справедливости: Іоаннъ, (въ 1498

году) пославъ въ Тавриду Князя Ромодановскаго будто бы для того, чтобъ прекратить вражду Менгли-Гирея съ Александромъ, велѣлъ на-единѣ сказать Хану: «Мирись, если хочешь; а я «всегда буду за-одно съ тобою на Литовскаго «Князя и на Ахматовыхъ сыновей.» Александръ — неизвѣстно какимъ образомъ — имѣлъ въ рукахъ своихъ выписку изъ тайныхъ бумагъ Ромодановскаго, и прислалъ оную въ Москву для улики. Казначей и Дьяки Великокняжескіе отвѣтствовали Послу, что Іоаннъ, будучи сватомъ и другомъ Стефану, не откажется дать ему войска, когда онъ самъ того потребуетъ; что Государь никогда не утвердитъ Кіева за Литвою, и что сіе предложеніе есть нелѣпость; что Ромодановскій дѣйствительно говорилъ Менгли-Гирею вышеприведенныя слова, но что виною тому самъ Александръ, будучи въ дружбѣ съ непріятелями Россіи, сыновьями Ахматовыми.

Зная трудныя обстоятельства Воеводы Молдавскаго, Іоаннъ не препятствовалъ ему мириться съ Литвою; но тѣмъ пріятнѣе было Великому Князю, что Менгли-Гирей изъявлялъ постоянную ненависть къ наслѣдникамъ Казимировымъ, отвергая всѣ Александровы мирныя предложенія, или требуя отъ него Кіева, Канева и другихъ городовъ, завоеванныхъ нѣкогда Батыемъ, то есть, невозможнаго. Онъ убѣждалъ Іоанна немедленно итти на Литву войною, обѣщая ему даже помощь Баязетову; но въ то же время самъ не вѣрилъ Султану и писалъ откровенно къ Ве-

ликому Князю, что мыслитъ на всякой случай о безопасномъ для себя убѣжищѣ внѣ Тавриды. Вотъ собственныя слова его: «Султаны *не пра-«мые люди;* говорятъ то, дѣлаютъ другое. Пре-«жде Кафинскіе Намѣстники зависѣли отъ моей «воли; а нынѣ тамъ сынъ Баязетовъ: теперь «еще молодъ и меня слушается; но за будущее «не льзя ручаться. У стариковъ есть пословица, «что *двѣ бараньи головы въ одинъ котелъ не лѣ-«зутъ*. Если начнемъ ссориться, то будетъ худо; «а гдѣ худо, оттуда бѣгутъ люди. Ты можешь «достать себѣ Кіевъ и городокъ Черкаскъ: я съ «радостію переселюсь на берегъ Днѣпра; наши «люди будутъ твои, а твои наши. Когда же *ни «добромъ*, *ни лихомъ* не возмемъ Кіева, ни Чер-«каска, то не льзя ли хотя вымѣнить ихъ на «другія мѣста? что утѣшитъ мое сердце и про-«славитъ имя твое.» Іоаннъ отвѣчалъ: «Рев-«ностно молю Бога о возвращеніи намъ древней «отчины, Кіева, и мысль о ближнемъ сосѣдствѣ «съ тобою, моимъ братомъ, весьма для меня «пріятна (472).» Онъ ласкалъ Менгли-Гирея во всѣхъ письмахъ какъ друга, желая располагать его силами противъ Литвы, въ случаѣ явнаго съ нею разрыва.

Но Александръ столь мало надѣялся на успѣхъ своего оружія, и Великій Князь столь любилъ умѣренность въ счастіи, столь былъ доволенъ послѣднимъ миромъ съ Литвою, что не смотря на безпрестанныя взаимныя досады, жалобы, упреки, война едва ли могла бы открыться меж-

ду ими, если бы въ распрю ихъ не замѣшалась Вѣра. Іоаннъ долго сносилъ грубости зятя; но терпѣніе его исчезло, когда надлежало защитить Православіе отъ Латинскихъ Фанатиковъ. Какъ ни скромно вела себя Елена, какъ ни таилась въ своихъ домашнихъ прискорбіяхъ, увѣряя родителя, что она любима мужемъ, свободна въ исполненіи обрядовъ Греческой Вѣры и всѣмъ довольна: однакожь Іоаннъ не преставалъ безпокоиться, посылалъ ей душеспасительныя книги, твердилъ о Законѣ, и свѣдавъ, что Духовникъ ея, Священникъ Ѳома, высланъ изъ Вильны, съ удивленіемъ спрашивалъ о винѣ его. «Онъ мнѣ «неугоденъ,» сказала Елена: «буду искать дру-«гаго ([473]).» Наконецъ (въ 1499 году) увѣдомили Великаго Князя, что въ Литвѣ открылось гоненіе на Восточную Церковь; что Смоленскій Епископъ, Іосифъ, взялся обратить всѣхъ единовѣрцевъ нашихъ въ Латинство; что Александръ нудитъ къ тому и супругу, желая угодить Папѣ и въ лѣтописяхъ Римской Церкви заслужить имя Святаго. Можетъ быть, онъ хотѣлъ и государственнаго блага, думая, что единовѣріе подданныхъ утверждаетъ основаніе Державы: сіе неоспоримо; но предпріятіе опасно: должно знать свойство народа, приготовить умы, избрать время и дѣйствовать болѣе хитростію, нежели явною силою, или вмѣсто желаемаго добра произведешь бѣдствія: для того язычникъ Гедиминъ, Католикъ Витовтъ, и отецъ Александровъ, впрочемъ суевѣрный, никогда не касались совѣсти

людей въ дѣлахъ Закона. Встревоженный извѣстіемъ, Іоаннъ немедленно отправилъ въ Вильну Боярскаго сына, Мамонова, узнать подробно всѣ обстоятельства, и велѣлъ ему на-единѣ сказать Еленѣ, чтобы она, презирая льстивыя слова и даже муки, сохранила чистоту Вѣры своей. Такъ и поступила сія юная, добродѣтельная Княгиня: ни ласки, ни гнѣвъ мужа, ни хитрыя убѣжденія коварнаго отступника, Смоленскаго Владыки, не могли поколебать ея твердости въ Законѣ: она всегда гнушалась Латинскимъ, какъ пишутъ Историки Польскіе (474).

Между тѣмъ гоненіе на Греческую Вѣру въ Литвѣ продолжалось. Кіевскаго Митрополита Макарія (въ 1497 году) злодѣйски умертвили Перекопскіе Татары близъ Мозыря (475): Александръ обѣщалъ Первосвятительство Іосифу Смоленскому. Въ угодность ему, сей честолюбивый Владыка, Епископъ Виленскій Альбертъ Таборъ и Монахи Бернардинскіе ѣздили изъ города въ городъ склонять Духовенство, Князей, Бояръ и народъ къ соединенію съ Римскою Церковію: ибо по смерти Кіевскаго Митрополита, Григорія, Святители Литовской Россіи, отвергнувъ уставъ Флорентійскаго Собора, не хотѣли зависѣть отъ Папы и снова принимали Митрополитовъ отъ Патріарховъ Константинопольскихъ (476). Іосифъ доказывалъ, что Римскій Первосвятитель есть дѣйствительно Глава Христіанства; Виленскій Епископъ и Бернардины *вопили*: «да будетъ едино стадо и единъ Па-

«стырь!» Александръ грозилъ насиліемъ: Папа въ краснорѣчивой Буллѣ изъявлялъ свою радость, что еретики озаряются свѣтомъ истины, и присылалъ въ Литву мощи Святыхъ (477). Но ревностные въ Православіи Христіане гнушались Латинскимъ соблазномъ, и многіе выѣхали въ Россію. Знатный Князь, Симеонъ Бѣльскій, первый поддался Государю Московскому съ своею отчиною: за нимъ Князья Мосальскіе и Хотетовскій, Бояре Мценскіе и Серпейскіе; другіе готовились къ тому же, и вся Литва находилась въ волненіи (478). Принимая къ себѣ Литовскихъ Князей съ ихъ помѣстьями, Іоаннъ нарушалъ мирный договоръ; но оправдывался необходимостію быть покровителемъ единовѣрцевъ, у коихъ отнимаютъ миръ совѣсти и душевное спасеніе.

Видя опасность своего положенія, Александръ прислалъ въ Москву Намѣстника Смоленскаго, Станислава (479), написавъ въ вѣрющей грамотѣ весь Государевъ титулъ, и требуя, чтобы Іоаннъ взаимно исполнилъ договоръ, удовлетворилъ всѣмъ жалобамъ Литовскихъ подданныхъ, и выдалъ ему Князя Симеона Бѣльскаго вмѣстѣ съ другими бѣглецами, коихъ онъ будто бы никогда не мыслилъ *гнать за Вѣру*, и которые безстыднымъ образомъ на него клевещутъ. «Поздно «братъ и зять мой исполняетъ условія,» отвѣтствовалъ Великій Князь: «именуетъ меня наконецъ Государемъ всей Россіи; но дочь моя еще «не имѣетъ придворной церкви и слышитъ хулы

«на свою Вѣру отъ Виленскаго Епископа и «нашего отступника, Іосифа. Что дѣлается «въ Литвѣ? строятъ Латинскія божницы «въ городахъ Русскихъ; отнимаютъ женъ «отъ мужей, дѣтей у родителей и силою «*крестятъ* въ Законъ Римскій. То ли на- «зывается *не гнать за Вѣру?* и могу ли ви- «дѣть равнодушно утѣсняемое Православіе? «Однимъ словомъ, я ни въ чемъ не престу- «пилъ условій мира, а зять мой не испол- «няетъ оныхъ.»

Князья Черниговскій и Рыльскій поддаются Іоанну

Новыя измѣны устрашили Александра. Князь Иванъ Андреевичь Можайскій и сынъ Шемякинъ, Иванъ Димитріевичь, непримиримые враги Государя Московскаго, пользовались въ Литвѣ отмѣнною милостію Казимира, такъ, что онъ далъ имъ въ наслѣдственное владѣніе цѣлыя области въ южной Россіи: первому Черниговъ, Стародубъ, Гомель, Любечь; второму Рыльскъ и Новгородъ Сѣверскій (480), гдѣ, по смерти сихъ двухъ Князей, господствовали ихъ дѣти: сынъ Можайскаго, Симеонъ, и внукъ Шемякинъ, Василій, вѣрные присяжники Александра до самаго того времени, какъ онъ вздумалъ обращать Князей и народъ въ Латинство. Сіе безразсудное дѣло рушило узы любви и вѣрности, соединявшіе Государя съ подданными. Слѣдуя примѣру Бѣльскаго, Симеонъ и Василій Ивановичи, забывъ наслѣдственную

вражду, предложили Великому Князю избавить ихъ и подвластные имъ города отъ Литовскаго ига ([481]). Тогда Іоаннъ рѣшился дѣйствовать силою противъ зятя: послалъ чиновника, именемъ Телешева, объявить ему, чтобы онъ уже не вступался въ отчину Симеона Черниговскаго, ни Василія Рыльскаго, которые добровольно присоединяются къ Московской Державѣ, и будутъ охраняемы ея войскомъ ([482]). Телешевъ долженъ былъ вручить Александру и *складную грамоту*: то есть, Іоаннъ, *сложивъ съ себя крестное цѣлованіе*, объявлялъ войну Литвѣ за принужденіе Княгини Елены и всѣхъ нашихъ единовѣрцевъ къ Латинству. Грамота оканчивалась словами: «хочу стоять за Христіанство, сколько мнѣ «Богъ поможетъ.»

Завоеваніе Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля Дорогобужа.

Тщетно Александръ желалъ отклонить войну, увѣряя, что онъ всякому даетъ полную свободу въ Вѣрѣ, и немедленно отправитъ Пословъ въ Москву: Государь дозволилъ имъ пріѣхать, но уже бралъ города въ Литвѣ. Войскомъ нашимъ предводительствовалъ бывшій Царь Казанскій, Магмедъ-Аминь ([483]), но дѣйствовалъ и всѣмъ управлялъ Бояринъ Яковъ Захарьевичь. Мценскъ и Серпейскъ сдалися добровольно. Брянскъ не могъ сопротивляться долго: тамошній Епископъ и Намѣстникъ, Станиславъ Бардашевичь, были отосланы въ

Май. Москву. Князь Симеонъ Черниговскій и внукъ Шемякинъ, встрѣтивъ Москвитянъ на берегу Кондовы, съ радостію присягнули Іоанну: то же сдѣлали и Князья Трубчевскіе (или Трубецкіе), потомки Ольгердовы. Усиленный ихъ дружинами, Воевода Яковъ Захарьевичь овладѣлъ Путивлемъ, плѣнилъ Князя Богдана Глинскаго съ его женою и занялъ безъ кровопролитія всю Литовскую Россію отъ нынѣшней Калужской и Тульской Губерніи до Кіевской. — Другая Московская рать, предводимая Бояриномъ [484] Юріемъ Захарьевичемъ (прапрадѣдомъ Царя Михаила Өеодоровича) вступила въ Смоленскую область и взяла Дорогобужъ.

Князья Трубчевскіе покоряются. Августа 6.

Необходимость защитить свою Державу вооружила наконецъ Александра. Обнаживъ мечь съ трепетомъ, и чувствуя себя неспособнымъ къ ратному дѣлу, онъ искалъ Полководца между своими Вельможами. Не за-долго до того времени Гетманъ Литовскій, Петръ Бѣлый, старецъ уважаемый Дворомъ и любимый народомъ, будучи на смертномъ одрѣ, сказалъ горестному Александру: «Князь Острожскій, Константинъ, «можетъ замѣнить меня отечеству, будучи «украшенъ достоинствами рѣдкими [485].» Таковъ дѣйствительно былъ сей мужъ, одинъ изъ потомковъ славнаго Романа Галицкаго [486], имѣя весьма скромную на-

ружность, малый ростъ, но великую душу. Еще не многіе вѣдали его доблесть, которая оказалась послѣ въ тридцати битвахъ, счастливыхъ для оружія Литовскаго; но всѣ отдавали ему справедливость въ добродѣтеляхъ государственныхъ, гражданскихъ и семейственныхъ: «дома благочестивый Нума» (писалъ объ немъ Легатъ Римскій къ Папѣ), «въ сраженіяхъ Ромулъ: къ сожа-«лѣнію, онъ *раскольникъ*, ослѣпленъ из-«лишнимъ усердіемъ къ Греческой Вѣрѣ и «не хочетъ отступить ни на волосъ отъ ея «Догматовъ (487).» Не смотря на то, Александръ возвелъ Константина на степень Гетмана Литовскаго и — что еще важнѣе — вручилъ ему главное Воеводство противъ Россіянъ, его братьевъ и единовѣрцевъ: такую довѣренность имѣлъ къ его чести и присягѣ! Въ самомъ дѣлѣ никто не служилъ Литвѣ и Польшѣ усерднѣе Острожскаго, брата Россіянъ въ Церкви, но страшнаго врага ихъ въ полѣ. Смѣлый, бодрый, славолюбивый, сей Вождь одушевилъ слабые полки Литовскіе: знатнѣйшіе Паны и рядовые воины шли съ нимъ охотно на битву. Самъ Александръ остался въ Борисовѣ: Константинъ выступилъ изъ Смоленска.

Между тѣмъ Іоаннъ прислалъ въ Дорогобужъ Князя Даніила Щеню съ Тверскою силою (488), велѣвъ ему предводительствовать *Большимъ* или главнымъ Полкомъ, а

Мѣстничество нашихъ Воеводъ.

Юрію Захарьевичу *Сторожевымъ* или оберегательнымъ, къ досадѣ сего честолюбиваго Боярина, не хотѣвшаго зависѣть отъ Князя Даніила; но Государь далъ знать Юрію, чтобы онъ не смѣлъ противиться волѣ Самодержца; что всякое мѣсто хорошо, гдѣ служишь отечеству и Монарху; что предводитель Сторожеваго полку есть товарищъ главнаго Воеводы и не долженъ обижаться своимъ саномъ (489). Здѣсь видимъ древнѣйшій примѣръ такъ называемаго *Мѣстничества*, столь вреднаго въ послѣдствіи для Россійскихъ воинствъ.

Битва на берегахъ Ведроши.

Близъ Дорогобужа, среди обширнаго Митькова поля, на берегахъ рѣки Ведроши стояли Іоанновы Полководцы, Даніилъ Щеня и Юрій, готовые къ бою. Князь Острожскій зналъ отъ плѣнниковъ о числѣ Россіянъ, надѣялся легко управиться съ ними, и смѣло шелъ сквозь болотистыя, лѣсистыя ущелья къ нашему стану. Передовый Московскій полкъ отступилъ, чтобы заманить Литовцевъ на другой берегъ рѣки. Тутъ началась кровопролитная битва. Долго и мужество и силы казались равными: съ обѣихъ сторонъ сражалось тысячь восемдесятъ или болѣе; но Воеводы Іоанновы имѣли тайную засаду, которая внезапнымъ ударомъ смяла непріятеля (490). Литовцы искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ легло на мѣстѣ тысячь восемь; множество

Іюля 14.

нуло въ рѣкѣ: ибо наша пѣхота зашла
въ тылъ и подрубила мостъ. Военачаль-
ъ Константинъ, Намѣстникъ Смоленскій Ста-
лавъ, Маршалки Григорій Остюковичь и Ли-
оръ Хребтовичь, Князья Друцкіе, Мосаль-
, Паны и чиновники были взяты въ плѣнъ;
ь обозъ и снарядъ огнестрѣльный достался
руки побѣдителю. Съ сею счастливою для
ъ вѣстію прискакалъ въ Москву Дворянинъ
хайло Плещеевъ. Государь, Бояре, народъ
явили радость необыкновенную. Никогда еще
сіяне не одерживали такой побѣды надъ Лит-
, ужасною для нихъ почти не менѣе Мого-
ъ въ теченіе ста-пятидесяти лѣтъ. Слыхавъ
своихъ дѣдовъ, какъ знамена Ольгердовы
вѣвались передъ стѣнами Кремлевскими, какъ
овтъ похищалъ цѣлыя Княжества Россіи, и
какимъ трудомъ благоразумный сынъ Дон-
го, Василій Димитріевичь, спасъ ея послѣд-
достояніе, ликующіе Москвитяне дивились
нновой и собственной ихъ славѣ! — Князя
трожскаго вмѣстѣ съ другими знатными плѣн-
ками привезли въ Москву окованнаго цѣпями,
сказанію Литовскаго Историка (491); но Іоаннъ
илъ его и склонялъ вступить въ нашу службу.
нстантинъ долго не соглашался: наконецъ,
ожаемый темницею, присягнулъ въ вѣрности
ссійскому Монарху, весьма неискренно; ему
ли чинъ Воеводы и земли: но онъ, Литвинъ
шею, не могъ простить своихъ побѣдителей,

желалъ мести, и совершилъ оную чрезъ нѣсколько лѣтъ, какъ увидимъ.

Довольный искусствомъ и мужествомъ нашихъ Полководцевъ, Іоаннъ въ знакъ чрезвычайной милости послалъ къ нимъ знатнаго чиновника *спросить о ихъ здравіи*, и велѣлъ ему сказать *первое слово* Князю Даніилу Щенѣ, а *второе* Князю Іосифу Дорогобужскому, который отличился въ семъ дѣлѣ (492). — Скоро также пришла вѣсть, что соединенные полки Новогородскіе, Псковскіе и Великолуцкіе, разбивъ непріятеля близъ Ловати, взяли Торопецъ (493). Въ семъ войскѣ были племянники Государевы, Князья Иванъ и Ѳеодоръ, сыновья брата его, Бориса: они начальствовали только именемъ, подобно Царю Магмедъ-Аминю: Новогородскій Намѣстникъ, Андрей Ѳедоровичь Челяднинъ, велъ *Большой Полкъ*, имѣлъ знамя Великокняжеское, избиралъ частныхъ предводителей и давалъ всѣ повелѣнія. — Государь хотѣлъ увѣнчать свои успѣхи взятіемъ Смоленска; но дождливая осень, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и зима, отмѣнно снѣжная, заставили его отложить сіе предпріятіе (494).

Въ самомъ началѣ войны онъ спѣшилъ извѣстить Менгли-Гирея, что пришло для нихъ время ударить съ обѣихъ сторонъ на Литву. Сообщеніе между Россіею и Крымомъ было весьма невѣрно: Азовскіе Козаки разбойничали въ степяхъ Воронежскихъ, ограбили нашего Посла, Князя Кубенскаго, принужденнаго бросить свои

бумаги въ воду, а другаго, Князя Θедора Ромодановскаго, плѣнили (495). Не смотря на то, Менгли-Гирей, какъ усердный нашъ союзникъ, уже въ Августѣ мѣсяцѣ громилъ Литву. Сыновья его, предводительствуя пятнадцатью тысячами конницы, выжгли Хмѣльникъ, Кременецъ, Брестъ, Владиміръ, Луцкъ, Бряславль, нѣсколько городовъ въ Польской Галиціи, и вывели оттуда множество плѣнниковъ (496). — Желая довершить бѣдствіе зятя, Великій Князь старался воздвигнуть на него и Стефана Молдавскаго, обязаннаго договорами помогать Россіи въ случаѣ войны съ Литвою (497).

Ханъ Крымскій опустошаетъ Литву и Польшу.

Въ сихъ несчастныхъ обстоятельствахъ Александръ дѣлалъ, что могъ, для спасенія Державы своей: укрѣпилъ Витебскъ, Полоцкъ, Оршу, Смоленскъ (498); писалъ къ Стефану, что ему будетъ стыдно нарушить мирный договоръ, заключенный между ими, и служить орудіемъ сильному къ утѣсненію слабаго; предлагалъ свою дружбу Менгли-Гирею, убѣждая его слѣдовать примѣру отца, постояннаго союзника Казимирова, и называя Государя Московскаго вѣроломнымъ, хищникомъ, лютымъ *братоубійцею* (499); въ то же время отправилъ Посла въ Золотую Орду склонять Хана, Шигъ-Ахмета, къ нападенію на Тавриду (500); въ Польшѣ, въ Богеміи, въ Вен-

Г. 1501.

гріи, въ Германіи ([501]) нанималъ войско, не жалѣя казны, и заключилъ тѣсный союзъ съ Ливоніею. Хотя силы Ордена никакъ не могли равняться съ нашими; но тогдашній Магистръ онаго, Вальтеръ Фонъ-Плеттенбергъ, былъ мужъ необыкновенныхъ достоинствъ, благоразумный правитель и военачальникъ искусный: такіе люди умѣютъ съ малыми средствами дѣлать великое и бываютъ опасными непріятелями. Воспитанный въ ненависти къ Россіянамъ, иногда безпокойнымъ и всегда неуступчивымъ сосѣдамъ; досадуя на Великаго Князя за бѣдствіе, претерпѣнное Нѣмецкими купцами въ Новѣгородѣ, и за другія новѣйшія обиды, Плеттенбергъ требовалъ помощи отъ Имперскаго Сейма въ Ландау, въ Вормсѣ, также отъ богатыхъ городовъ Ганзейскихъ ([502]), и думая, что война Литовская не позволитъ Іоанну дѣйствовать противъ Ордена большими силами, обязался быть вѣрнымъ сподвижникомъ Александровымъ. Написали договоръ въ Венденѣ, утвержденный Епископомъ Рижскимъ, Дерптскимъ, Эзельскимъ, Курляндскимъ, Ревельскимъ, и всѣми чиновниками Ливоніи: условились вмѣстѣ ополчиться на Россію, дѣлить между собою *завоеванія*, и въ теченіе десяти лѣтъ одному не мириться безъ другаго ([503]).

Союзъ Александра съ Ливонскимъ Орденомъ.

Но Князь Литовскій въ самомъ дѣлѣ не

мыслилъ о *завоеваніяхъ:* извѣдавъ опытомъ могущество Іоанново, утративъ и войско и знатную часть своей Державы, не хотѣлъ безъ крайности искать новыхъ ратныхъ опасностей и бѣдствій. Въ началѣ 1501 года пріѣхали въ Москву Послы отъ Королей, его братьевъ, Владислава Венгерскаго и Альбрехта Польскаго, а за ними и чиновникъ Александровъ, Станиславъ Нарбутъ. Именуя Великаго Князя братомъ и сватомъ, Короли желали знать, за что онъ вооружился на зятя; предлагали ему миръ; обѣщали удовлетвореніе; хотѣли, чтобы Іоаннъ освободилъ Литовскихъ плѣнниковъ и возвратилъ завоеванныя имъ области. Посолъ Александровъ предлагалъ то же, и говорилъ: «Ты *открылъ* лютую «войну и *пустилъ огонь* въ нашу землю; «*засѣлъ* многія области Александровы, и «прислалъ грамоту складную поздно; взялъ «въ плѣнъ Гетмана и Пановъ, высланныхъ «единственно для обереженія границы (504). «Уйми кровопролитіе. Большіе Послы Литовскіе готовы ѣхать къ тебѣ для мирныхъ переговоровъ.» Казначей и Дьяки Великокняжескіе именемъ Іоанна отвѣтствовали, что зять его навлекъ на себя войну неисполненіемъ условій; что Государь, обнаживъ мечь за Вѣру, не отвергаетъ мира пристойнаго, но не любитъ даромъ освобождать плѣнныхъ и возвращать

Переговоры о мирѣ.

завоеванія; что онъ ждетъ Большихъ Пословъ Литовскихъ и согласенъ сдѣлать перемиріе. — Послы обѣдали во дворцѣ; но отпуская ихъ, Государь не подалъ имъ ни вина, ни руки.

Александръ избранъ въ Польскіе Короли.

Прошло нѣсколько времени: Александръ молчалъ, и Нѣмецкіе воины, имъ нанятые, грабя жителей въ собственной его землѣ, имѣли сшибки съ нашими отрядами [505]. Великій Князь рѣшился продолжать войну, не смотря на то, что его зять, по смерти Албрехта, сдѣлался Королемъ Польскимъ, слѣдственно могъ располагать силами двухъ Державъ [506]. Сынъ Іоанновъ, Василій, съ Намѣстникомъ Княземъ Симеономъ Романовичемъ долженъ былъ изъ Новагорода итти къ сѣвернымъ предѣламъ Литвы [507]; а другое войско, подъ начальствомъ Князей Симеона Черниговскаго или Стародубскаго, Василія Шемякина, Александра Ростовскаго и Боярина Воронцова, близъ Мстиславля одержало знаменитую побѣду надъ Княземъ Михаиломъ Ижеславскимъ [508] и Воеводою Евстафіемъ Дашковичемъ: положивъ на мѣстѣ около семи тысячь непріятелей, оно взяло множество плѣнниковъ и всѣ знамена; впрочемъ удовольствовалось только разореніемъ Мстиславскихъ окрестностей и возвратилось въ Москву.

Новая побѣда надъ Литвою. Ноября 14.

Уже Магистръ фонъ-Плеттенбергъ дѣй-

ствовалъ какъ ревностный союзникъ Литвы и врагъ Іоанновъ. Купцы наши спокойно жили и торговали въ Дерптѣ: ихъ всѣхъ (числомъ болѣе двухъ сотъ) нечаянно схватили, ограбили, заключили въ темницы ([509]). Началась война, славная для мужества Рыцарей, еще славнѣйшая для Магистра, но безполезная для Ордена, бѣдственная для несчастной Ливоніи. Исполняя договоръ, и думая, что Король Александръ также исполнитъ его, то есть, всѣми силами съ другой стороны нападетъ на Россію, Плеттенбергъ собралъ 4,000 всадниковъ, нѣсколько тысячь пѣхоты и вооруженныхъ земледѣльцевъ ([510]); вступилъ въ область Псковскую; жегъ, истреблялъ все огнемъ и мечемъ. Воеводы, Намѣстникъ Князь Василій Шуйскій съ Новогородцами, а Князь Пенко Ярославскій съ Тверитянами и Московскою дружиною пришли защитить Псковъ, но долго не хотѣли отважиться на битву ([511]); ждали особеннаго указа Государева, получили его и сразились съ непріятелемъ, 27 Августа, въ десяти верстахъ отъ Изборска. Ливонскій Историкъ пишетъ, что Россіянъ было 40,000 ([512]): сіе превосходство силъ оказалось ничтожнымъ въ сравненіи съ искуснымъ дѣйствіемъ огнестрѣльнаго снаряда Нѣмецкаго. Приведенные въ ужасъ пушечнымъ громомъ, омраченные густыми обла-

Война съ Орденомъ

Сраженіе на Сирицѣ.

ками дыма и пыли, Псковитяне бѣжали; за ними и дружина Московская, съ великимъ стыдомъ, хотя и безъ важнаго урона ([513]). Въ числѣ убитыхъ находился Воевода, Иванъ Бороздинъ, застрѣленный изъ пушки. — Бѣглецы кидали свои вещи и самое оружіе; но побѣдители не гнались за сею добычею, взятою жителями Изборскими, которые, раздѣливъ ее между собою, зажгли предмѣстіе, изготовились къ битвѣ, и на другой день мужественно отразили Нѣмцевъ.

Псковъ трепеталъ: всѣ граждане вооружились; отъ двухъ третьему надлежало итти съ копьемъ и мечемъ противъ гордаго Магистра, который безжалостно опустошалъ села на берегу Великой, и 7 Сентября сжегъ Островъ, гдѣ погибло 4000 людей въ пламени, отъ меча или во глубинѣ рѣки, между тѣмъ, какъ наши Воеводы стояли неподвижно въ трехъ верстахъ, а Литовцы приступали къ Опочкѣ, чтобы, взявъ сію крѣпость, вмѣстѣ съ Нѣмцами осадить Псковъ ([514]). Къ счастію Россіянъ, открылась тогда жестокая болѣзнь въ войскѣ Плеттенберга: отъ худой пищи и недостатка въ соли сдѣлался кровавый поносъ; всякой день умирало множество людей. Не время было думать о геройскихъ подвигахъ. Нѣмцы спѣшили восвояси: Литовцы также удалились ([515]).

Болѣзнь въ рати Ливонской.

Самъ Магистръ занемогъ, съ трудомъ достигнулъ своего замка, и распустилъ войско, желая единственно отдохновенія.

Но Іоаннъ желалъ мести и поручилъ оную храброму Князю Даніилу Щенѣ, побѣдителю Константина Острожскаго. Въ глубокую осень, не смотря на дожди, чрезвычайное разлитіе водъ и худыя дороги (516), сей Московскій Воевода вмѣстѣ съ Княземъ Пенкомъ опустошилъ всѣ мѣста вокругъ Дерпта, Нейгаузена, Маріенбурга, умертвивъ или взявъ въ плѣнъ около 40,000 человѣкъ (517). Рыцари долго сидѣли въ крѣпостяхъ; наконецъ, въ темную ночь, близъ Гельмета ударили на станъ Россіянъ: стрѣляли изъ пушекъ; сѣклись мечами, во тьмѣ и безпорядкѣ. Воевода нашей передовой дружины, Князь Александръ Оболенскій, палъ въ сей кровопролитной битвѣ. Но Рыцари не могли одолѣть, и бѣжали (518). Полкъ Епископа Дерптскаго былъ истребленъ совершенно. «Не осталось ни одного человѣка для вѣ«сти,» говоритъ Лѣтописецъ Псковскій: «Москвитяне и *Татары* не *саблями свѣт«лыми* рубили поганыхъ, а били ихъ какъ «вепрей шестоперами.» — Щеня и Пенко доходили почти до Ревеля, и зимою возвратились, причинивъ неописанный вредъ Ливоніи. Нѣмцы отплатили намъ разореніемъ предмѣстія Ивангородскаго, умерт-

Октяб. 18—24.

Россіяне опустошаютъ Ливонію.

г. 1502.

вивъ тамошняго Воеводу, Лобана Колычева, и множество земледѣльцевъ въ окрестностяхъ Краснаго (519).

Царь Большой Орды, Шигъ-Ахметъ, помогаетъ Литвѣ.

Какъ мужественный Плеттенбергъ отвлекъ знатную часть Іоанновыхъ силъ отъ Литвы, такъ Шигъ-Ахметъ, непримиримый злодѣй Менгли-Гиреевъ, обуздывалъ Крымцевъ. Онъ съ двадцатью тысячами своихъ Улусниковъ, конныхъ и пѣшихъ, расположился близъ устья Тихой Сосны, подъ Дѣвичьими горами: на другомъ берегу Дона стоялъ Ханъ Крымскій, съ двадцатью пятью тысячами, въ укрѣпленіи, ожидая Россіянъ. «Люди твои» — писалъ онъ къ Великому Князю — «ходятъ въ судахъ рѣ«кою Дономъ: пришли съ ними нѣсколько «пушекъ, для одной славы: врагъ уйдетъ.» Какъ ни занятъ былъ Іоаннъ войною Литовскою и Нѣмецкою, однакожь немедленно выслалъ помощь союзнику: Магметъ-Аминь велъ нашихъ *служилыхъ* Татаръ, а Князь Василій Ноздроватый Москвитянъ и Рязанцевъ; за ними отправлялись пушки водою. Но Менгли-Гирей не дождался ихъ, отступилъ, извиняясь голодомъ, и ручался Іоанну за скорую гибель Золотой Орды (520). Съ того времени Крымцы дѣйствительно не давали ей покоя ни лѣтомъ, ни зимою, и зажигали степи, въ коихъ она скиталась. Напрасно Шигъ-Ахметъ звалъ къ себѣ Литовцевъ: подходилъ къ Рыльску и не ви-

далъ ихъ знаменъ; видѣлъ только наши и войско Іоанново готовое къ бою; жаловался, винилъ Александра, говоря ему чрезъ своихъ Пословъ: «Для тебя мы ополчились, сносили тру-«ды и нужду въ пустыняхъ ужасныхъ; а ты «оставляешь насъ безъ помощи, въ жертву гла-«ду и Менгли-Гирею.» Новый Король посылалъ Хану дары, обѣщалъ и войско, но обманывалъ или медлилъ, занимаясь тогда празднествами въ Краковѣ (521). Между тѣмъ Князья, Уланы бѣжали толпами отъ Шигъ-Ахмета. Оставленный и самою любимою женою, которая ушла въ Тавриду (522); будучи въ ссорѣ съ братомъ, Сеитъ-Махмутомъ, желавшимъ тогда имѣть пристанище въ Россіи (523); досадуя на Короля Польскаго, и зная худые успѣхи его оружія, Шигъ-Ахметъ рѣшился искать дружбы Іоанновой, и въ концѣ 1501 года прислалъ въ Москву Вельможу Хаза, предлагая союзъ Великому Князю съ условіемъ воевать Литву, ежели онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ вступаться за Менгли-Гирея (524). Политика не злопамятна: Іоаннъ охотно соглашался быть другомъ Шигъ-Ахмета, чтобы отвратить его отъ Литвы; только не могъ пожертвовать ему важнѣйшимъ союзникомъ Россіи: для того послалъ въ Орду собственнаго чиновника съ ласковыми привѣтствіями, но съ объявленіемъ, что враги Менгли-Гиреевы не будутъ никогда нашими друзьями (525). Ослѣпленный личною ненавистію, Шигъ-Ахметъ лучше хотѣлъ зависѣть отъ милости своего бывшаго дан-

Ханъ Крымскій совершенно истребляетъ сіи остатки Батыева Царства.

ника, Государя Московскаго, нежели примириться съ единовѣрнымъ братомъ, Ханомъ Таврическимъ, и погубилъ остатки Батыева Царства: весною въ 1502 году Менгли-Гирей внезапнымъ нападеніемъ сокрушилъ оные; разсыпалъ, истребилъ или взялъ въ плѣнъ изнуренныя голодомъ толпы, которыя еще скитались съ Шигъ-Ахметомъ; прогналъ его въ отдаленныя степи Ногайскія и торжественно извѣстилъ Іоанна, что древняя Большая Орда уже не существуетъ ([526]). «Улусы злодѣя нашего «въ рукѣ моей,» говорилъ онъ: «а ты, «братъ любезный, слыша столь добрыя вѣ«сти, ликуй и радуйся!»

Замѣтимъ, что Лѣтописцы наши едва упоминаютъ о семъ происшествіи: ибо Россіяне уже презирали слабую Орду, еще не давно трепетавъ Ахматова могущества. —Поздравляя Менгли-Гирея съ одолѣніемъ ихъ общаго врага, Іоаннъ писалъ къ нему, чтобы онъ не забывалъ гораздо важнѣйшаго, то есть, Короля Польскаго, и навсегда безопасный отъ злобы Ахматовыхъ сыновей, довершилъ побѣду надъ Литвою. Имѣя единственно сію цѣль, Великій Князь мыслилъ даже возставить Шигъ-Ахмета: пересылаясь съ нимъ, обѣщалъ ему Астрахань, съ условіемъ, чтобы сей изгнанникъ клятвенно обязался быть врагомъ Литвы и доброжелателемъ Хана Крымскаго ([527]).

Такимъ образомъ Шигъ-Ахметъ могъ еще остаться Царемъ по милости Государя, коему болѣе всѣхъ иныхъ надлежало бы ненавидѣть племя Батыево! Но увлеченный Судьбою, онъ съ двумя братьями, Козякомъ и Халекомъ, поѣхалъ въ Царьградъ къ Султану Баязету. Ихъ остановили. Султанъ велѣлъ имъ сказать, что для враговъ Менгли-Гиреевыхъ нѣтъ пути въ Турецкую Имперію. Гонимые Царевичами Крымскими, они бѣжали въ Кіевъ, и вмѣсто помощи нашли тамъ неволю: Шигъ-Ахмета, братьевъ, слугъ его взяли подъ стражу: ибо Государь Литовскій, уже не имѣя нужды въ союзѣ бѣглеца, думалъ, что сей несчастный можетъ быть для него залогомъ мира съ Тавридою. «Враги твои въ моихъ «рукахъ,» приказывалъ онъ къ Менгли-Гирею: «отъ меня зависитъ на зло тебѣ «освободить Ахматовыхъ сыновей, если не «примиришься со мною (528).» Но Іоаннъ убѣждалъ Хана не вѣрить ему и писалъ: «Въ противность всѣмъ уставамъ Литовцы «заключили своего союзника, который долгое время служилъ имъ орудіемъ: такъ «нѣкогда поступили и съ Седи-Ахматомъ; «такъ и сія новая жертва ихъ вѣроломства «погибнетъ въ темницѣ. Будь спокоенъ: «они уже не освободятъ твоего злодѣя, «ибо должны опасаться его мести (529).» Предсказаніе Великаго Князя исполнилось:

Александръ вѣроломно заключаетъ Шигъ-Ахмета.

бывъ еще нѣсколько лѣтъ игралищемъ Литовской Политики — то съ уваженіемъ честимый во дворцѣ какъ знаменитый Властитель, то осуждаемый на самую тяжкую неволю какъ преступникъ — Шигъ-Ахметъ изъявлялъ великодушіе въ бѣдствіи, и представленный на Сеймъ Радомскій, торжественно обвинялъ Короля, сказавъ: «Ты льстивыми обѣщаніями вызвалъ меня изъ «дальнихъ странъ Скиѳіи и предалъ Менгли-Гирею. Утративъ мое войско и все Царское достояніе, я искалъ убѣжища въ землѣ друга, а «другъ встрѣтилъ меня какъ непріятеля и ввергнулъ въ темницу. Но есть Богъ» (примолвилъ онъ, воздѣвъ руки на небо): «предъ Нимъ будемъ судиться, и вѣроломство твое не останется безъ наказанія.» Ни краснорѣчіе, ни истина сихъ упрековъ не тронули Александра, коего Вельможи отвѣтствовали, что Шигъ-Ахметъ долженъ винить самого себя; что его воины грабили въ окрестностяхъ Кіева; что Король совѣтовалъ ему удалиться къ границамъ Россійскимъ, къ Стародубу, и тамъ искать добычи; что онъ упрямился, не хотѣлъ того сдѣлать, держался въ сосѣдствѣ съ опасною для него Тавридою, погубилъ свою рать и думалъ тайно уѣхать къ Султану, безъ сомнѣнія съ какимъ нибудь вреднымъ для Польши и Литвы намѣреніемъ. Однимъ словомъ, сей именемъ послѣдній Царь Золотой Орды умеръ невольникомъ въ Ковнѣ, не доставивъ заключеніемъ своимъ ни малѣйшей выгоды Литвѣ. Самая жестокосердая Политика,

хваляся иногда злодѣйствами счастливыми, признаетъ безполезныя ошибками. Іоаннъ лучше своего зятя умѣлъ соглашать ея законы съ правилами великодушія: въ то время, когда сыновья Ахматовы кляли вѣроломство Литовское, племянники сего врага нашего, Царевичи Астраханскіе, Исупъ и Шигавліяръ, хвалились милостію Великаго Князя, вступивъ къ нему въ службу (530).

Не слушая никакихъ льстивыхъ предложеній Александровыхъ (531), Менгли-Гирей едва было не размолвился съ Іоанномъ по другой причинѣ. Свѣдавъ о многихъ несправедливостяхъ Царя Казанскаго (532), Абдылъ-Летифа, Государь велѣлъ Князю Василью Ноздроватому взять его, привезти въ Москву, и заточилъ на Бѣлоозеро, а въ Казань послалъ господствовать вторично Магметъ-Аминя, отдавъ ему жену бывшаго Царя, Алегама (533). Менгли-Гирей оскорбился и просилъ, чтобы Іоаннъ, извинивъ безразсудную молодость Летифа, или отпустилъ его или наградилъ помѣстьемъ. Ханъ писалъ: «Если не исполнишь сего, то уни-«чтожится нашъ союзъ, весьма для тебя «полезный: ибо счастливымъ дѣйствіемъ «онаго враги твои исчезли и Государство «твое распространилось. Старые, умные «люди твердятъ, что лучше умереть съ «добрымъ именемъ, нежели благоденство-

Г. 1502. Досада Хана Крымскаго на Великаго Князя.

«вать съ худымъ: а можешь ли сохранить пер-
«вое, нарушивъ святую клятву братства между
«нами?..... Посылаю тебѣ перстень изъ рога
«*Кагерденева*, Индѣйскаго звѣря, коего тайная
«сила мѣшаетъ дѣйствію всякаго яда: носи его
«на рукѣ и помни мою дружбу; а свою докажешь
«мнѣ, когда сдѣлаешь то, о чемъ молю тебя
«неотступно ([534]).» Но Великій Князь опасался
выпустить Летифа изъ Россіи, и давъ ему при-
стойное содержаніе, удовольствовалъ Менгли-
Гирея, такъ, что сей Ханъ не преставалъ вмѣ-
стѣ съ нимъ усердно дѣйствовать противъ Лит-
вы. Войско Крымское, состоящее изъ 90,000
человѣкъ и предводимое сыновьями Ханскими,
въ Августѣ 1502 года опустошило всѣ мѣста
вокругъ Луцка, Турова, Львова, Бряславля,
Люблина, Вишневца, Бельза, Кракова.

Тогда же Стефанъ Молдавскій, пользуясь об-
стоятельствами, завоевалъ на Днѣстрѣ Ко-
лымью, Галичь, Снятинъ, Красное ([535]), и тѣмъ
ослабилъ могущество Польши, хотя уже и не
думалъ въ сіе время содѣйствовать нашимъ вы-
годамъ, ибо имѣлъ важную причину къ неудо-
вольствію на Іоанна. Около трехъ лѣтъ дочь
его, вдовствующая Княгиня Елена, среди Двора
Московскаго находилась съ юнымъ сыномъ, Ди-
митріемъ, какъ бы въ изгнаніи, оставленная
прежними друзьями, угрожаемая немилостію Ве-
ликаго Князя и ненавистію Софіи. Можетъ быть,
открылись новые недозволенные происки често-
любивой Елены, или нескромныя слова, вну-

шенныя ей досадою, оскорбили ея свекора, или клевета представила ему невѣстку въ видѣ опасной заговорщицы: не знаемъ; но Іоаннъ вдругъ разгнѣвался на Елену и на Димитрія, приставилъ къ нимъ стражу, запретилъ внуку именоваться Великимъ Княземъ и даже поминать ихъ въ церковныхъ молитвахъ; а чрезъ два дни объявилъ сына, Василія, Государемъ, наслѣдникомъ престола Всероссійскаго (536). Димитрію сдва исполнилось 18 лѣтъ: въ такой юности онъ не могъ быть важнымъ соумышленникомъ матери, если и дѣйствительно виновной. Народъ жалѣлъ объ немъ, хотя ни Духовенство, ни Вельможи не смѣли осуждать приговора, изреченнаго Самодержцемъ. Но Россія утратила Стефанову дружбу: сѣдый Герой Молдавскій, оскорбленный бѣдствіемъ своей дочери и внука, возненавидѣлъ Іоанна, и старанія благоразумнаго Менгли-Гирея не могли примирить ихъ. Великій Князь любилъ исполнять только собственную волю; не терпѣлъ гордыхъ требованій, и въ отвѣтъ Хану Крымскому на вопросъ: «для чего «Димитрій лишенъ отцевскаго наслѣдія?» сказалъ: «Милость моя возвела внука на «степень Государя, а немилость свергнула: «ибо онъ и мать его досадили мнѣ. Жалуютъ «того, кто служитъ или угождаетъ: грубя-«щихъ за что жаловать (537)?» Елена отъ

Іоаннъ, заключивъ невѣстку и внука, объявляетъ Василія наслѣдникомъ.

Разрывъ съ Стефаномъ Молдавскимъ.

горести и тоски скончалась въ Генварѣ 1505 года; а несчастный ея сынъ, бывшій наслѣдникъ Россійской Монархіи, остался подъ стражею какъ государственный преступникъ: никто не имѣлъ къ нему доступа, кромѣ малаго числа слугъ и надзирателей (538).

Впрочемъ сей разрывъ между Стефаномъ и Великимъ Княземъ не имѣлъ никакихъ важныхъ слѣдствій, кромѣ того, что первый задержалъ нашихъ Пословъ и художниковъ Италіянскихъ, которые ѣхали изъ Рима въ Москву (539): о чемъ Іоаннъ писалъ не только къ Менгли-Гирею, но и къ Султану Кафинскому, Баязетову сыну, убѣждая ихъ вступиться за такое нарушеніе Права Народнаго. Стефанъ отпустилъ Пословъ. Тщетно Король Александръ склонялъ его быть дѣятельнымъ врагомъ Россіи и союзникомъ Польши: Стефанъ не хотѣлъ возвратить ему завоеванной имъ Днѣстровской области до самой своей кончины. Сей великій мужъ умеръ въ 1504 году: готовый закрыть глаза навѣки, онъ далъ совѣтъ сыну Богдану и Вельможамъ покориться Оттоманской Имперіи, сказавъ: «Знаю, какъ трудно было мнѣ удерживать право независимаго Властителя. Вы не въ «силахъ бороться съ Баязетомъ, и только разорили бы отечество. Лучше добровольно уступить то, чего сохранить не можете (540).» Богданъ призналъ надъ собою верховную власть Султана, и слава Молдавіи исчезла съ Господа-

ремъ Стефаномъ, бывъ искусственнымъ творенiемъ его души великой.

Iоаннъ не терялъ времени въ бездѣйствiи; и желая увѣнчать свои побѣды новымъ важнымъ прiобрѣтенiемъ, въ Iюлѣ 1502 года отправилъ сына, Димитрiя, со многочисленною ратiю на Литву ([541]). Съ нимъ находились племянники Государевы, Θеодоръ Волоцкiй, Иванъ Торускiй; Бѣльскiй, зять сестры его, Анны; Удѣльный Князь Рязанскiй Θеодоръ; Князь Симеонъ Стародубскiй и внукъ Шемякинъ, Василiй Рыльскiй; Бояре Василiй Холмскiй, Яковъ Захарьевичь, Шеинъ; Князья Александръ Ростовскiй, Михайло Корамышъ-Курбскiй, Телятевскiй, Рѣпня и Телепень Оболенскiе, Константинъ Ярославскiй, Стрига-Ряполовскiй. Цѣлiю столь знаменитаго ополченiя былъ нашъ древнiй, столичный городъ Смоленскъ, укрѣпленный Природою и каменными стѣнами. Осада требовала искусства и большихъ усилiй. Димитрiй послалъ отряды къ Березинѣ и Двинѣ. Россiяне взяли Оршу, выжгли предмѣстiе Витебское, всѣ деревни до Полоцка, Мстиславля; плѣнили нѣсколько тысячь людей, но должны были за недостаткомъ въ продовольствiи удалиться отъ Смоленска ([542]), гдѣ начальствовали Воеводы Королевскiе, Станиславъ Кишка и Намѣстникъ его, Сологубъ, прославленные Историкомъ Литов-

Осада Смоленска.

скимъ за оказанное ими мужество ([543]). — Въ Декабрѣ того же года Князья Сѣверскіе, Симеонъ Стародубскій и внукъ Шемякинъ, Василій, съ Московскими и Рязанскими Воеводами опять ходили на Литву; не завоевали городовъ, но вездѣ распространили ужасъ жестокими опустошеніями ([544]).

Вѣрный союзникъ Александровъ, Вальтеръ Плеттенбергъ, снова хотѣлъ отвѣдать счастія въ поляхъ Россійскихъ, и съ 15,000 воиновъ приступилъ къ Изборску: разбилъ пушками стѣны, но боясь терять время, спѣшилъ осадить Псковъ. Онъ ждалъ Короля, давшаго ему слово встрѣтить его на берегахъ Великой ([545]). Сего не сдѣлалось: Литовцы остались въ своихъ предѣлахъ; однакожь Магистръ съ жаромъ началъ осаду: стрѣлялъ изъ пушекъ и пищалей; старался разрушить крѣпость ([546]). Къ счастію жителей, Воеводы Іоанновы, Даніилъ Щеня и Князь Василій Шуйскій, уже были не далеко съ полками сильными. Нѣмцы отступили: Воеводы отъ Изборска зашли имъ въ тылъ. Они увидѣли другъ друга на берегахъ озера Смолина. Плеттенбергъ, ободривъ своихъ великодушною рѣчью, употребилъ хитрость: двинулся съ войскомъ въ сторону, какъ бы имѣя намѣреніе спасаться бѣгствомъ. Россіяне кинулись на обозъ Нѣмецкій; другіе устремились за войскомъ и въ безпорядкѣ наска-

Битва съ Магистромъ

Ливонскимъ близъ Пскова.

кали на стройные ряды непріятеля; смѣшенные дѣйствіемъ его огнестрѣльнаго снаряда, хотѣли мужествомъ исправить свою ошибку; сразились, но большею частію легли на мѣстѣ: остальные бѣжали. Магистръ не гнался за ними. Россіяне ободрились, устроились и снова напали. Если вѣрить Ливонскимъ Историкамъ, то нашихъ было 90,000. Нѣмцы бились отчаянно; пѣхота ихъ заслужила въ сей день славное названіе *желѣзной*. Оказавъ неустрашимость, хладнокровіе, искусство, Плеттенбергъ могъ бы одержать побѣду, если бы не случилась измѣна. Пишутъ, что Орденскій Знаменоносецъ, Шварцъ, будучи смертельно уязвленъ стрѣлою, закричалъ своимъ: «кто изъ васъ достоинъ принять «отъ меня знамя?» Одинъ изъ Рыцарей, именемъ Гаммерштетъ, хотѣлъ взять его, получилъ отказъ, и въ досадѣ отсѣкъ руку Шварцу, который, схвативъ знамя въ другую, зубами изорвалъ оное; а Гаммерштетъ бѣжалъ къ Россіянамъ и помогъ имъ истребить знатную часть Нѣмецкой пѣхоты. Однакожь Плеттенбергъ устоялъ на мѣстѣ. Сраженіе кончилось: тѣ и другіе имѣли нужду въ отдыхѣ [347]. Прошло два дни: Магистръ въ порядкѣ удалился къ границѣ и навѣки уставилъ торжествовать 13 Сентября или день Псковской битвы, знаменитой въ лѣтописяхъ Ордена, который

долгое время гордился подвигами сей войны какъ славнѣйшими для своего оружія. — Замѣтимъ, что Полководцы Іоанновы гнушались измѣною Гаммерштета: недовольный холодностію Россіянъ, онъ уѣхалъ въ Данію, искалъ службы въ Швеціи, наконецъ возвратился въ Москву уже при Великомъ Князѣ Василіи, гдѣ Послы Императора Максимиліана видѣли его въ богатой одеждѣ среди многочисленныхъ Царедворцевъ.

Папа старается о мирѣ. Г. 1503.

Не смотря на ревностное содѣйствіе и славу Плеттенберга, Король Польскій не имѣлъ надежды одолѣть Россію, сильную многочисленностію войска и великимъ умомъ ея Государя. Литва истощалась, слабѣла: Польша не охотно участвовала въ сей войнѣ разорительной. Самъ Римскій Первосвященникъ, Александръ VI, взялся быть посредникомъ мира, и въ 1503 году чиновникъ Короля Венгерскаго, Сигизмундъ Сантай, пріѣхалъ въ Москву съ грамотами отъ Папы и Кардинала Регнуса. Оба писали къ Великому Князю, что все Христіанство приведено въ ужасъ завоеваніями Оттоманской Имперіи; что Султанъ взялъ два города Венеціянской Республики, Модонъ и Коронъ, угрожая Италіи; что Папа отправилъ Кардинала Регнуса ко всѣмъ Европейскимъ Государямъ, склонять ихъ на изгнаніе Турковъ изъ

Греція; что Короли Польскій и Венгерскій не могутъ участвовать въ семъ славномъ подвигѣ, имѣя врага въ Іоаннѣ; что Святый Отецъ, какъ Глава Церкви, для общей пользы Христіанства молитъ Великаго Князя заключить миръ съ ними, и вмѣстѣ съ другими Государями воевать Порту (548). Посолъ вручилъ ему и письмо отъ Владислава такого же содержанія, требуя, чтобы Іоаннъ далъ *опасную грамоту* для проѣзда Вельможъ Литовскихъ въ Москву. Бояре наши отвѣтствовали, что Великій Князь радъ стоять за Христіанъ противъ невѣрныхъ; что онъ, умѣя наказывать враговъ, готовъ всегда и къ миру справедливому; что Александръ, изъявивъ желаніе прекратить войну, обманулъ его: навелъ на Россію Ливонскихъ Нѣмцевъ и Хана Ординскаго; что Государь дозволяетъ Посламъ Королевскимъ пріѣхать въ Москву.

Послы явились, шесть знатнѣйшихъ сановниковъ Королевскихъ (549), изъ коихъ главнымъ былъ Воевода Петръ Мишковскій. Они предлагали вѣчный миръ, съ условіемъ, чтобы Іоаннъ возвратилъ Королю всю его *отчину*, то есть, всѣ завоеванные Россіянами города въ Литвѣ; освободилъ плѣнниковъ, примирился съ Ливонскимъ Орденомъ и съ Швеціею (гдѣ властолюбивый Стуръ, изгнавъ Датчанъ, снова былъ Правителемъ Государственнымъ). Великій Князь хладнокровно выслушалъ и рѣшительно отвергнулъ столь неумѣренныя требованія. «*Отчина* «Королевская, сказалъ онъ, есть земля Польская

«и Литовская, а Русская наша. Что мы съ «Божіею помощію у него взяли, того не «отдадимъ. Еще Кіевъ, Смоленскъ и мно«гіе иные города принадлежатъ Россіи: мы «и тѣхъ добывать намѣрены [350].» Возраженія Пословъ остались безъ дѣйствія: Іоаннъ былъ непоколебимъ. Наконецъ, вмѣсто вѣчнаго мира, условились въ перемиріи на шесть лѣтъ, и только *изъ особеннаго уваженія къ зятю* Государь возвратилъ Литвѣ нѣкоторыя волости, Рудю, Ветлицы, Щучью, Святыя Озерища; велѣлъ Намѣстникамъ, Новогородскому и Псковскому, заключить такое же перемиріе съ Орденомъ, а съ Правителемъ Шведскимъ не хотѣлъ имѣть никакихъ договоровъ. Тогда находились въ Москвѣ и Послы Ливонскіе: они въ письмахъ своихъ къ Магистру жаловались на грубость Іоаннову, Бояръ нашихъ, а еще болѣе на Пословъ Литовскихъ, которые не оказали имъ ни малѣйшаго вспоможенія, ни доброжелательства. Епископъ Дерптскій обязался, за ручательствомъ Магистровымъ, платить намъ какую-то старинную поголовную дань: ибо земля и городъ его, основанный Ярославомъ Великимъ, считались древнею собственностію Россіи. При обнародованіи сего условія во Псковѣ стрѣляли изъ пушекъ и звонили въ колокола [351].

Перемиріе съ Литвою и съ Орденомъ.

Непріятельскія дѣйствія прекратились —

ибо самая Россія, истощенная наборами многолюдныхъ ополченій, желала на время успокоиться — но вражда существовала въ прежней силѣ: ибо Александръ не могъ навсегда уступить намъ Витовтовыхъ завоеваній: Великій же Князь, столь счастливо возвративъ оныя Россіи, надѣялся со временемъ отнять у него и всѣ прочія наши земли. Потому Іоаннъ, извѣстивъ Менгли-Гирея о заключенномъ договорѣ, предлагалъ ему для вида также примириться съ Александромъ на 6 лѣтъ; но тайно внушалъ, что лучше продолжать войну; что Россія никогда не будетъ въ истинномъ, вѣчномъ мирѣ съ Королемъ, и время перемирія употребитъ единственно на утвержденіе за собою городовъ Литовскихъ, откуда всѣ худо-расположенные къ намъ жители переводятся въ иныя мѣста, и гдѣ нужно сдѣлать укрѣпленія; что союзъ ея съ Ханомъ противъ Литвы остается неизмѣннымъ (552).

Хитрость Великаго Князя.

Великій Князь дѣйствовалъ по крайней мѣрѣ согласно съ выгодами своей Державы: напротивъ чего Александръ, внутренно недовольный условіями перемирія, хотя и весьма нужнаго для его земли, слѣдовалъ единственно движеніямъ малодушной досады на врага сильнаго, счастливаго: онъ задержалъ въ Литвѣ нашихъ Бояръ и Великихъ Пословъ, Заболоцкаго и Плещеева,

Александръ безразсудно досаждаетъ ему.

коимъ надлежало взять съ него присягу въ соблюденіи договора и требовать увѣрительной грамоты, за печатію Епископовъ Краковскаго и Виленскаго, въ томъ, что въ случаѣ смерти Александра наслѣдники его не будутъ принуждать Королевы Елены къ Римскому Закону (553). Іоаннъ, удивленный симъ нарушеніемъ общихъ государственныхъ уставовъ, желалъ знать предлогъ онаго: Король писалъ, что Послы остановлены за обиды, дѣлаемыя Россіянами Смоленскимъ Боярамъ; но скоро одумался, утвердилъ перемиріе и съ честію отпустилъ ихъ въ Москву (554). Тогда же схватили въ Литвѣ гонца нашего, посланнаго въ Молдавію: Александръ не хотѣлъ освободить его до рѣшительнаго мира съ Россіею; не хотѣлъ еще, чтобы Королева Елена исполнила волю родителя въ дѣлѣ семейственномъ: Іоаннъ велѣлъ ей искать невѣсты для брата, Василія, между Нѣмецкими Принцессами; но Елена отвѣчала, что не можетъ думать о сватовствѣ, пока Великій Князь не утвердитъ истинной дружбы съ Литвою (555).

Такими ничтожными способами могъ ли Король достигнуть желаемаго мира? скорѣе возобновилъ бы кровопролитіе, если бы Іоаннъ для государственной пользы не умѣлъ презирать маловажныхъ, безразсудныхъ оскорбленій: желая временнаго спокойствія, онъ терпѣлъ ихъ хладнокровно, и готовилъ средства къ дальнѣйшимъ успѣхамъ нашего величія.

ГЛАВА VII.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Г. 1503 — 1505.

Кончина Софіи и болѣзнь Іоаннова. Завѣщаніе. Судъ и казнь еретиковъ. Посольство Литовское. Сношеніе съ Императоромъ. Василій женится на Соломоніи. Измѣна Царя Казанскаго. Впаденіе его въ Россію. Кончина Великаго Князя. Тогдашнее состояніе Европы. Іоаннъ творецъ величія Россіи. Устроилъ лучшее войско Утвердилъ Единовластіе Имя Грознаго. Жестокость его характера Мнимая нерѣшительность есть осторожность. Названіе Великаго, приписанное ему иностранцами. Сходство съ Петромъ I. Титулъ Царскій. Бѣлая Россія. Умноженіе доходовъ. Законы Іоанновы. Городская и земская полиція. Соборы. Постановленіе Кесарійскаго Митрополита въ Москвѣ. Россійскій монастырь на Аѳонской горѣ. Капланъ Августинскаго Ордена принимаетъ Греческую Вѣру. Нѣкоторыя бѣдствія Іоаннова вѣка. Древнѣйшее описаніе Княжеской свадьбы. Путешествіе въ Индію.

Сей Монархъ не слабѣлъ ни въ проницаніи, ни въ бодрости, ни въ усердіи ко благу ввѣренной ему Небомъ Державы, вопреки своимъ уже преклоннымъ лѣтамъ и Княги-

на Софіи и болѣзнь Іоаннова.

сердечнымъ горестямъ, необходимымъ въ жизни смертнаго. Онъ лишился тогда супруги (556): хотя, можетъ быть, и не имѣлъ особенной къ ней горячности; но умъ Софіи въ самыхъ важныхъ дѣлахъ государственныхъ, ея полезные совѣты (557), и наконецъ долговременная свычка между ими сдѣлала для него сію потерю столь чувствительною, что здоровье Іоанново, дотолѣ крѣпкое, разстроилось. Вѣря болѣе дѣйствію усердной молитвы, нежели искусству врачеванія, Государь поѣхалъ въ Лавру Св. Сергія, въ Переславль, въ Ростовъ и въ Ярославль, гдѣ находились знаменитыя святостію Обители (558). Тамъ, сопровождаемый всѣми дѣтьми, но безъ всякаго мірскаго великолѣпія, онъ въ видѣ простаго смертнаго умилялся предъ Богомъ, ожидая отъ Него исцѣленія или мирной кончины; но, вкусивъ сладость Христіанской набожности, спѣшилъ возвратиться на престолъ, чтобы устроить будущую судьбу Россіи.

Завѣщаніе.

Онъ написалъ завѣщаніе, въ присутствіи знатнѣйшихъ Бояръ, Князей Василія Холмскаго, Даніила Щени, Якова Захарьевича, Казначея Дмитрія Владиміровича и Духовника, Архимандрита Андрониковскаго, именемъ Митрофана, объявивъ старшаго сына, Василія Іоанновича, преемникомъ Монархіи, Государемъ всей Россіи и меньшихъ

его братьевъ. Тутъ, въ исчисленіи всѣхъ областей Василіевыхъ, въ первый разъ упоминается о *дикой* Лапландіи ([559]); далѣе сказано, что Старая Рязань и Перевитескъ составляютъ уже достояніе Государя Московскаго, бывъ отказаны Іоанну умершимъ его племянникомъ, сыномъ Великой Княгини Анны, Ѳеодоромъ; именуются также и всѣ города отнятые у Литвы, Мценскъ, Бѣлевъ, Новосиль, Одоевъ, кромѣ Чернигова, Стародуба, Новагорода Сѣверскаго, Рыльска: ибо тамошніе Князья хотя и поддалися Государю Московскому, но удержали право Владѣтельныхъ. Другимъ сыновьямъ Іоаннъ далъ богатыя отчины: Юрію Дмитровъ, Звенигородъ, Кашинъ, Рузу, Брянскъ, Серпейскъ; Димитрію Угличь, Хлепень, Рогачевъ, Зубцовъ, Опоки, Мещовскъ, Опаковъ, Мологу; Симеону Бѣжецкій Верхъ, Калугу, Козельскъ; Андрею Верею, Вышегородъ, Алексинъ, Любутскъ, Старицу Холмъ, Новый Городокъ. Имѣя особенныхъ придворныхъ и воинскихъ чиновниковъ, пользуясь всѣми доходами своихъ городовъ и волостей, братья Василіевы не могли въ оныхъ судить душегубства, ни дѣлать монеты, и не участвовали въ выгодѣ откуповъ государственныхъ ([560]); однакожь Василій обязывался удѣлять имъ часть нѣкоторыхъ Московскихъ сборовъ и не покупать земель въ ихъ отчинахъ, которыя оставались наслѣдственными для ихъ сыновей и внуковъ ([561]). То есть, меньшіе сыновья Іоанновы долженствовали имѣть права

только частныхъ владѣльцевъ, а не Князей Владѣтельныхъ. Одна Рязань еще представляла тѣнь вольной Державы: Князь ея, Іоаннъ, умеръ въ 1500 году, оставивъ пятилѣтняго сына, именемъ также Іоанна (562), подъ опекою матери, Агриппины, и бабки его, любимой сестры Великаго Князя, Анны, которая преставилась въ 1501 году, утвердивъ внука въ достоинствѣ независимаго Владѣтеля, но только именемъ: ибо Государь Московскій былъ въ самомъ дѣлѣ верховнымъ повелителемъ Рязани, ея войска и народа (563). — Исполняя желаніе отца, Василій и братья его обязались между собою грамотами жить въ согласіи, по родительскому завѣщанію (564).

Іоаннъ хотѣлъ утвердить и спокойствіе нашей православной Церкви. Въ сіе время возобновилось дѣло *Жидовской ереси*, нами описанной. Еще она не пресѣклась, хотя и скрывалась. Іосифъ Волоцкій въ Москвѣ, Архіепископъ Геннадій въ Новѣгородѣ неутомимо старались истребить сіе несчастное заблужденіе ума: первый только говорилъ и писалъ, вторый дѣйствовалъ въ своей Епархіи, откуда многіе изъ гонимыхъ еретиковъ бѣжали въ Нѣмецкую

Судъ и казнь еретиковъ.

землю и въ Литву (565). Убѣжденный наконецъ представленіями Духовенства, или самъ видя упрямство отступниковъ, не исправленныхъ средствами умѣренности,

ни клятвою Церковною, ни заточеніемъ, Великій Князь рѣшился быть строгимъ, опасаясь казаться излишно снисходительнымъ или безпечнымъ въ дѣлѣ душевнаго спасенія. Созвавъ Епископовъ, онъ вмѣстѣ съ ними и съ Митрополитомъ снова выслушалъ доносы. Іосифъ Волоцкій засѣдалъ съ судіями, гремѣлъ краснорѣчіемъ, обличалъ еретиковъ и требовалъ для нихъ мірской казни. Главными изъ обвиняемыхъ были Дьякъ Волкъ Иванъ Курицынъ, посыланный къ Императору Максимиліану съ Юріемъ Траханіотомъ (566), — Дмитрій Коноплевъ, Иванъ Максимовъ, Некрасъ Рукавовъ и Кассіанъ, Архимандритъ Юрьевскаго Новогородскаго монастыря: они дерзнули говорить откровенно, утверждая мнимую истину своихъ понятій о Вѣрѣ; были осуждены на смерть и всенародно сожжены въ клѣткѣ (567); инымъ отрѣзали языкъ, другихъ заключили въ темницы или разослали по монастырямъ. Почти всѣ изъявляли раскаяніе; но Іосифъ доказывалъ, что раскаяніе, вынужденное пылающимъ костромъ, не есть истинное и не должно спасти ихъ отъ смерти. Сія жестокость скорѣе можетъ быть оправдана Политикою, нежели Вѣрою Христіанскою, столь небесно-человѣколюбивою, что она ни въ какомъ случаѣ не прибѣгаетъ къ мечу; единственными орудіями служатъ ей мирныя наставленія, молитва, любовь: таковъ по крайней мѣрѣ духъ Евангелія и книгъ Апостольскихъ. Но если кроткія наставленія не имѣютъ дѣйствія; если явныя,

дерзостный соблазнъ угрожаетъ Церкви и Государству, коего благо тѣсно связано съ ея невредимостію: тогда не Митрополитъ, не Духовенство, но Государь можетъ справедливымъ образомъ казнить еретиковъ. Сія пристойность была соблюдена: ихъ осудили, какъ сказано въ лѣтописяхъ, по *градскому* закону ([568]).

Посольство Литовское.

Узнавъ о болѣзни Іоанна, и думая, что приближеніе смерти легко можетъ ослабить твердость его въ правилахъ внѣшней Политики, Александръ чрезъ новыхъ Великихъ Пословъ, Воеводу Станислава Глѣбовича, Пана Юрья Зиновьевича и *Писаря* или Секретаря Государственнаго, Богдана Сапѣгу, предложилъ Великому Князю купить дружество Литвы уступкою ей нашихъ завоеваній. Король именовалъ Іоанна *отцемъ* и *братомъ*: Елена *кланялась* ему съ почтеніемъ и нѣжностію. Сей Монархъ, приближаясь ко гробу, безъ сомнѣнія желалъ бы провести остатокъ дней своихъ въ тишинѣ, тѣмъ болѣе, что спокойствіе его любезной дочери зависѣло отъ согласія между ея родителемъ и супругомъ; но Іоаннъ зналъ свою обязанность: еще сидѣлъ на тронѣ, слѣдственно долженъ былъ мыслить только о благоденствіи отечества; не измѣрялъ вѣкомъ своимъ вѣка Россіи, смотрѣлъ далѣе гроба и хотѣлъ жить въ ея величіи. Бояринъ его, Яковъ Захарьевичь,

г. 1504.

сказалъ Посламъ Литовскимъ: «Великій Князь «никому не отдаетъ своего. Желаете ли истин- «наго, прочнаго мира? уступите Россіи и Смо- «ленскъ и Кіевъ.» По многихъ преніяхъ Паны уѣхали [369], и Король увѣрился въ невозможности заключить вѣчный миръ съ Іоанномъ на условіяхъ, какихъ ему хотѣлось. Предметомъ дальнѣйшихъ сношеній между ими были единственно дѣла пограничныя: жаловались то наши, то Литовскіе подданные на обиды. Съ обѣихъ сторонъ обѣщали удовлетвореніе и раждались новыя неудовольствія. Знатный Королевскій чиновникъ, Евстафій Дашковичь, житель Волыніи, Вѣры Греческой, уѣхалъ въ Москву съ великимъ богатствомъ и со многими Дворянами: Александръ требовалъ, чтобы мы, согласно съ перемирною грамотою, выдали ему сего человѣка. Іоаннъ отвѣтствовалъ, что грамотою опредѣлено выдавать татей, бѣглецовъ, холопей, должниковъ и злодѣевъ; а Дашковичь былъ у Короля Воеводою, не уличенъ ни въ какомъ преступленіи и добровольно вошелъ къ намъ въ службу, какъ то и въ старину дѣлалось невозбранно. — Чтобы имѣть вѣрныя извѣстія о внутреннихъ обстоятельствахъ Литвы, Государь посылалъ гонцевъ къ Еленѣ съ дарами, приказывая всегда дружески кланяться ея супругу [370].

Мы видѣли, что Политика Западной Европы уже находилась въ связи съ нашею: война Литовская, славная для Іоаннова оружія, придала намъ еще болѣе важности и знаменитости. Им-

Сноше-нія съ Импе-раторовъ.

ператоръ Максимиліанъ вспомнилъ о Россіи и выгодахъ ея союза противъ сыновей Казимировыхъ: онъ жалѣлъ о Венгріи, не охотно имъ уступленной Владиславу; думалъ возобновить свои требованія на сіе Королевство, и послалъ къ Великому Князю чиновника, именемъ Гартингера, который, выѣхавъ изъ Аугсбурга въ Августѣ 1502 года, прибылъ въ Москву не прежде, какъ въ Іюлѣ 1504 ([371]). Слогъ Максимиліанова письма достоинъ замѣчанія. «Слы-«шу, говоритъ Императоръ, что *нѣкоторыя* «сосѣдственныя Державы возстали на Рос-«сію. Помня клятвенные обѣты нашей «взаимной любви, я готовъ помогать тебѣ, «моему брату, совѣтомъ и дѣломъ.» Не сказано ни слова о Венгріи; но Посолъ, какъ надобно думать, говорилъ о томъ изустно Іоанновымъ Боярамъ. Въ другомъ особенномъ письмѣ Императоръ проситъ у Великаго Князя бѣлыхъ кречетовъ. Милостиво угостивъ Гартингера обѣденнымъ столомъ во дворцѣ, Іоаннъ отвѣтствовалъ Максимиліану, что Россію воевали Король Польскій и Магистръ Ордена, были наказаны и примирились съ нею на время; что если Императоръ, въ случаѣ новыхъ непріятельскихъ дѣйствій съ ихъ стороны, поможетъ Россіянамъ, то и Россіяне, исполняя договоръ, помогутъ Австріи овладѣть Венгріею. Государь извинялся, что не от-

правляетъ собственнаго Посла въ Германію: ибо Король Александръ и Магистръ Ливонскій безъ сомнѣнія остановили бы его на пути. — Въ слѣдующемъ году тотъ г. 1503. же Гартингеръ, находясь въ Эстоніи, чрезъ Ивангородъ доставилъ въ Москву новыя грамоты отъ Максимиліана и сына его, Филиппа, Короля Испанскаго, къ Іоанну и юному Василію, *Царямъ* Россіи ([572]). Гартингеръ просилъ отвѣта на языкѣ Латинскомъ, сказывая, что Делаторъ умеръ, и что при Дворѣ ихъ нѣтъ уже ни одного человѣка знающаго Русской языкъ. Дѣло шло о Ливонскихъ плѣнникахъ: Максимиліанъ и Филиппъ убѣждали Великихъ Князей освободить сихъ несчастныхъ, изнуренныхъ долговременною неволею; а Гартингеръ ручался за безопасность нашего Посольства, если Іоаннъ велитъ кому нибудь изъ своихъ придворныхъ ѣхать въ Нѣмецкую землю на Ригу, чтобы сдѣлать тѣмъ удовольствіе Максимиліану. Но Великій Князь не сдѣлалъ сего; самъ писалъ къ Императору, а Василій къ Королю Филиппу, учтиво и ласково, съ объясненіемъ, что плѣнники немедленно будутъ свободны, когда Магистръ прерветъ дружественную связь съ Литвою. Однимъ словомъ, Іоаннъ по видимому уже худо вѣрилъ Максимиліану: платилъ только ласками за ласки, и дарилъ ему кречетовъ, но не хотѣлъ

измѣнить для него своимъ правиламъ и жалѣлъ денегъ на безполезное Посольство въ Австрію.

Василій женится на Соломоніи.

Сынъ и наслѣдникъ Великаго Князя, Василій, имѣлъ уже 25 лѣтъ отъ рожденія и еще не былъ женатъ, въ противность тогдашнему обыкновенію. Политика осуждаетъ брачные союзы Государей съ подданными, особенно въ Правленіяхъ Самодержавныхъ: свойственники требуютъ отличія безъ достоинствъ, милостей безъ заслугъ; и сіи, такъ сказать, родовые Вельможи, пользуясь исключительными правами, рѣдко не употребляютъ оныхъ во зло, думая, что Государь обязанъ въ нихъ уважать самого себя, то есть, честь своего Дома. Нарушается справедливость, истощается казна, или семейственныя докуки вредятъ драгоцѣнному спокойствію Монарха. Зная сію, какъ и многія другія важныя для Единовластія истины по внушенію собственнаго Генія, Іоаннъ думалъ женить сына на Принцессѣ иностранной: будучи союзникомъ Даніи, онъ предлагалъ ея Королю утвердить ихъ взаимную дружбу свойствомъ: для того, можетъ быть, находился въ Москвѣ Датскій Посолъ около 1503 года [573]; но Король — въ угожденіе ли Шведамъ, коихъ ему хотѣлось снова подчинить Даніи, и которые не любили Россіи, или затрудняясь иновѣріемъ жениха —

уклонился отъ чести быть тестемъ наслѣдника Великокняжескаго и выдалъ дочь свою, Елисавету, за Курфирста Бранденбургскаго. Видя предъ собою близкую кончину, желая благословить счастливый бракъ сына и не имѣя уже времени искать невѣсты въ странахъ отдаленныхъ, Государь рѣшился тогда женить его на подданной. Пишутъ, что самъ Василій хотѣлъ того, уваживъ совѣтъ любимаго имъ Боярина, Грека Юрія Малаго, у котораго была дочь невѣста; но женихъ выбралъ иную, будто бы изъ 1500 благородныхъ дѣвицъ, представленныхъ для сего ко Двору: Соломонію, дочь весьма незнатнаго сановника Юрія Константиновича Сабурова, одного изъ потомковъ выходца Ординскаго, Мурзы Чета ([574]). Соломонія отличалась, какъ вѣроятно, достоинствами цѣломудрія, красотою, цвѣтущимъ здравіемъ; но въ выборѣ не участвовала ли и Политика? Можетъ быть, Іоаннъ лучше хотѣлъ вступить въ свойство съ простымъ Дворяниномъ, нежели съ Княземъ или съ Бояриномъ, чтобы имѣть болѣе способовъ наградить родственниковъ невѣстки безъ излишней щедрости и не удѣляя имъ особенныхъ правъ, несовмѣстныхъ съ званіемъ подданнаго. Отецъ Соломоніи былъ возвышенъ на степень Боярина уже въ царствованіе Василія ([575]). Но мудрый Іоаннъ не предвидѣлъ, что сей бракъ, приближивъ Годуновыхъ, ея родственниковъ, ко трону, будетъ виною ужасныхъ для Россіи бѣдствій и гибели Царскаго Дома!

Измѣна Царя Казанскаго.

Въ то время, когда Дворъ и столица ликовали, празднуя свадьбу юнаго Великаго Князя, Государь свѣдалъ о злобной измѣнѣ нашего Казанскаго присяжника, Магметъ-Аминя. Сей такъ называемый Царь всего болѣе любилъ корысть и лукавую жену свою, бывшую вдову Алегамову, которая нѣсколько лѣтъ жила невольницею въ Вологдѣ. Ненавидя Россіянъ какъ злодѣевъ ея перваго мужа, она замышляла кровопролитную месть, тайно бесѣдовала съ Вельможами Казанскими о средствахъ, и приступила къ дѣлу, возбуждая Магметъ-Аминя быть истиннымъ, независимымъ Владѣтелемъ. «Что ты? рабъ Московскаго «тирана!» говорила ему Царица: «нынѣ на «престолѣ, завтра въ темницѣ, и подобно «Алегаму умрешь невольникомъ. Цари и «народы презираютъ тебя. Воспряни отъ «униженія къ величію; свергни иго или «погибни достойнымъ славы (376).» Плѣнительныя ласки ея дѣйствовали еще сильнѣе краснорѣчія: она день и ночь, по словамъ Лѣтописца, *висѣла на шеѣ* у мужа, и достигла желаемаго. Забывъ милости Іоанна, своего названаго отца, и присягу, Магметъ-Аминь далъ ей слово отложиться отъ Россіи; но еще медлилъ, и послалъ одного изъ Вельможъ, Князя Уфимскаго, съ какими-то представленіями въ Москву. Будучи недоволенъ оными — угадывая, можетъ

быть, и злое его намѣреніе — Іоаннъ велѣлъ ѣхать въ Казань Дьяку Михайлу Клялику, чтобы объясниться съ Царемъ. Тогда Магметъ-Аминь рѣшился дѣйствовать явно. Насталъ праздникъ Рождества Іоанна Предтечи, день славной ярмонки въ Казани, гдѣ гости Россійскіе съѣзжались съ Азіатскими мѣняться драгоцѣнными товарами, мирно и спокойно, не опасаясь ни малѣйшаго насилія: ибо Казань уже 17 лѣтъ считалась какъ бы Московскою областію. Въ сей день схватили тамъ Посла Великокняжескаго и нашихъ купцевъ: многихъ умертвили, не щадя ни женъ, ни дѣтей, ни старцевъ; иныхъ заточили въ Улусы Ногайскіе; ограбили всѣхъ безъ исключенія. Народы не любятъ господъ чужеземныхъ: Казанцы, обольщенные и свободою и корыстію, служили усерднымъ орудіемъ воли Царской, въ изступленіи злобы лили кровь Москвитянъ и радовались отнятыми у нихъ сокровищами. «Магметъ-Аминь, сказано въ лѣ«тописи, наполнилъ цѣлую палату сере«бромъ Русскимъ, надѣлалъ себѣ золотыхъ «вѣнцевъ, сосудовъ, блюдъ; уже пересталъ «ѣсть изъ мѣдныхъ котловъ или *опаницъ*, «являясь на пирахъ въ сіяніи драгоцѣн«ныхъ каменьевъ и металловъ, въ убран«ствѣ истинно Царскомъ. Самые бѣдные «Казанскіе жители разбогатѣли: носивъ «прежде зимою и лѣтомъ овчины, украсн-

Іюня 24.

«лись тканями шелковыми, и въ одеждахъ «разноцвѣтныхъ какъ павлины гордо рас«хаживали предъ своими *катунами* или «домами» (577).

Владеніе его въ Россію.

Надменный убійствомъ мирныхъ гостей, Магметъ-Аминь вооружилъ 40,000 Казанцевъ, призвалъ 20,000 Ногаевъ, вступилъ въ Россію, умертвилъ нѣсколько тысячь земледѣльцевъ, осадилъ Нижній Новгородъ и выжегъ всѣ посады. Воеводою былъ тамъ Хабаръ Симскій: имѣя мало воиновъ для защиты города, онъ выпустилъ изъ темницы 300 Литовскихъ плѣнниковъ, взятыхъ на Ведрошѣ; далъ имъ ружья и Государевымъ именемъ обѣщалъ свободу, если они храбростію заслужатъ ее. Сія горсть людей спасла крѣпость. Будучи искусными стрѣлками, Литовцы убили множество непріятелей и въ томъ числѣ Ногайскаго Князя, шурина Магметъ-Аминева, который, стоя близъ стѣны, распоряжалъ приступомъ (578). Видя его мертваго, Ногайскіе полки уже не хотѣли биться: сдѣлалась распря между ими и Казанцами; началось даже кровопролитіе. Царь едва могъ смирить ихъ; снялъ осаду и бѣжалъ во свояси. — Литовскіе плѣнники немедленно были освобождены, съ честію, благодарностію и дарами.

Великій Князь не успѣлъ наказать Магметъ-Аминя: высланные противъ него Московскіе Воеводы худо исполнили свою

обязанность; имѣя около 100,000 ратниковъ, не пошли за Муромъ и дали непріятелю удалиться спокойно ([379]). Въ сіе время болѣзнь Іоаннова усилилась: подобно великому своему дѣду, Герою Донскому, онъ хотѣлъ умереть Государемъ, а не Инокомъ; склоняясь отъ престола къ могилѣ, еще давалъ повелѣнія для блага Россіи, и тихо скончался 27 Октября 1505 года, въ первомъ часу ночи, имѣвъ отъ рожденія 66 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, и властвовавъ 43 года, 7 мѣсяцевъ. Тѣло его погребли въ новой церкви Св. Архистратига Михаила. Лѣтописцы не говорятъ о скорби и слезахъ народа: славятъ единственно дѣла умершаго, благодаря Небо за такого Самодержца!

Кончина Великаго Князя.

Іоаннъ III принадлежитъ къ числу весьма немногихъ Государей избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшить на-долго судьбу народовъ: онъ есть Герой не только Россійской, но и Всемірной Исторіи. Не теряясь въ сомнительныхъ умствованіяхъ Метафизики, не дерзая опредѣлять вышнихъ намѣреній Божества, внимательный наблюдатель видитъ счастливыя и бѣдственныя эпохи въ лѣтописяхъ гражданскаго общества, какое-то согласное теченіе мірскихъ случаевъ къ единой цѣли, или связь между оными для произведенія какого нибудь главнаго дѣйствія, измѣняющаго состояніе рода человѣческаго. Іоаннъ явился на θеа-

Тогдашнее

Состояніе Европы.

трѣ политическомъ въ то время, когда новая государственная система вмѣстѣ съ новымъ могуществомъ Государей возникала въ цѣлой Европѣ на развалинахъ системы Феодальной или Помѣстной. Власть Королевская усилилась въ Англіи, во Франціи. Испанія, свободная отъ ига Мавровъ, сдѣлалась первостепенною Державою. Португаллія цвѣла, пріобрѣтая богатства успѣхами мореплаванія и важными для торговли открытіями. Раздѣленная Италія хвалилась по крайней мѣрѣ флотами, купечествомъ, Искусствами, Науками и тонкою Политикою. Безпечность и равнодушіе Императора, Фридерика IV, не могли успокоить Германіи, волнуемой междоусобіями; но сынъ его, Максимиліанъ, уже готовилъ въ умѣ своемъ счастливую перемѣну для ея внутренняго состоянія, которой надлежало возвысить достоинство Императорское, униженное слабодушіемъ Рудольфовыхъ преемниковъ, и поставить Домъ Австрійскій на вышнюю степень величія. Венгрія, Богемія, Польша, управляемыя тогда Гедиминовымъ родомъ, составляли какъ бы одну Державу и вмѣстѣ съ Австріею могли обуздывать ужасное для Христіанъ властолюбіе Баязета. Соединеніе трехъ Государствъ Сѣверныхъ, обѣщая имъ силу и важность въ политической системѣ Европы, было предметомъ усилій

Короля Датскаго. Республика Швейцарская, основанная любовію къ вольности, безопасная въ оградѣ твердынь Альпійскихъ, но побуждаемая честолюбіемъ и корыстію, хотѣла славы участвовать въ распряхъ Монарховъ сильнѣйшихъ, и заслуживала оную храбростію своихъ пастырей. Ганза — сей торговый и воинскій союзъ осьмидесяти-пяти городовъ Нѣмецкихъ, безпримѣрный въ лѣтописяхъ и весьма достопамятный въ отношеніи къ древней Россіи — пользовалась всеобщимъ уваженіемъ Государей и народовъ. Личная слава Плеттенбергова возвысила достоинство Ордена Ливонскаго и Нѣмецкаго. — Кромѣ успѣховъ власти Монархической и разумной Политики, которая произвела сношенія между самыми отдаленными Государствами — кромѣ лучшаго гражданскаго состоянія, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ Державъ вѣкъ Іоанновъ ознаменовался великими открытіями. Гуттенбергъ и Фаустъ изобрѣли книгопечатаніе, которое болѣе всего способствовало распространенію знаній, едва ли уступая въ важности и въ пользѣ изобрѣтенію буквъ. Коломбъ открылъ новый міръ, привлекательный для хищнаго корыстолюбія и торговли, любопытный для испытателей Естества и для Философа, который, видя тамъ человѣчество въ состояніи дикой Природы и всѣ начальныя степени ума гражданскаго, Исторіею Америки объяснилъ для себя Всемірную. Драгоцѣнныя произведенія Индіи достигали Азова чрезъ Персію и море

Каспійское, путемъ многотруднымъ, медленнымъ, невѣрнымъ: сія страна, древнѣйшая населеніемъ, образованіемъ, художествами, скрывалась отъ Европейцевъ какъ бы за щитомъ непроницаемымъ, и темные объ ней слухи рождали басни о несмѣтныхъ ея богатствахъ. Смѣлые порывы нѣкоторыхъ мореплавателей обойти Африку увѣнчались наконецъ совершеннымъ успѣхомъ, и Васко де-Гамо, оставивъ за собою мысъ Доброй Надежды, съ такимъ же восторгомъ увидѣлъ берегъ Индіи, съ какимъ Христофоръ Коломбъ Америку. Сіи два открытія, обогативъ Европу, распространивъ ея мореплаваніе, умноживъ промышленность, свѣдѣнія, роскошь и пріятности гражданской жизни, имѣли сильное вліяніе на судьбу Державъ. Политика сдѣлалась хитрѣе, дальновиднѣе, многосложнѣе: при заключеніи государственныхъ договоровъ Министры смотрѣли на географическіе чертежи, и вычисляли торговые прибытки, основывая на нихъ государственное могущество; родились новыя связи между народами; однимъ словомъ, началась новая эпоха, если не для мирнаго счастія людей, то по крайней мѣрѣ для ума, для силы Правительствъ и для общественнаго духа Государствъ благопріятная.

Россія около трехъ вѣковъ находилась внѣ круга Европейской политической дѣятельности, не участвуя въ важныхъ измѣненіяхъ гражданской жизни народовъ. Хотя ничто не дѣлается вдругъ; хотя достохвальныя усилія Князей Московскихъ,

Іоаннъ творецъ величія Россіи.

отъ Калиты до Василія Темнаго, многое приготовили для Единовластія и нашего внутренняго могущества: но Россія при Іоаннѣ III какъ бы вышла изъ сумрака тѣней, гдѣ еще не имѣла ни твердаго образа, ни полнаго бытія государственнаго. Благотворная хитрость Калиты была хитростію умнаго слуги Ханскаго. Великодушный Димитрій побѣдилъ Мамая, но видѣлъ пепелъ столицы и раболѣпствовалъ Тохтамышу. Сынъ Донскаго, дѣйствуя съ необыкновеннымъ благоразуміемъ, соблюлъ единственно цѣлость Москвы, невольно уступивъ Смоленскъ и другія наши области Витовту, и еще искалъ милости въ Ханахъ; а внукъ не могъ противиться горсти хищниковъ Татарскихъ, испилъ всю чашу стыда и горести на престолѣ, униженномъ его слабостію, и бывъ плѣнникомъ въ Казани, невольникомъ въ самой Москвѣ, хотя и смирилъ наконецъ внутреннихъ враговъ, но возстановленіемъ Удѣловъ подвергнулъ Великое Княжество новымъ опасностямъ междоусобія. Орда съ Литвою какъ двѣ ужасныя тѣни заслоняли отъ насъ міръ и были единственнымъ политическимъ горизонтомъ Россіи, слабой, ибо она еще не вѣдала силъ, въ ея нѣдрѣ сокровенныхъ. Іоаннъ рожденный и воспитанный данникомъ степной Орды, подобной нынѣшнимъ Киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ Государей

въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни Императорамъ, ни гордымъ Султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ Политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя Царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность Новогородскую, захватывая Удѣлы, расширяя владѣнія Московскія до пустынь Сибирскихъ и Норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе Государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе Державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и Царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ, и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда какъ свойственно великому, хитрому Монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ Политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ Держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри, и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Устроилъ лучшее войско.

Совершая сіе великое дѣло, Іоаннъ преимущественно занимался устроеніемъ войска. Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о сильныхъ его полкахъ. Онъ первый, кажется, началъ давать земли или помѣстья Боярскимъ Дѣтямъ (580), обязаннымъ, въ случаѣ войны, приводить съ собою нѣсколько вооруженныхъ холопей или наемниковъ, конныхъ или пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ помѣстья (отъ сего умножилось число ратниковъ); принималъ въ службу и многихъ Литовскихъ, Нѣмецкихъ плѣнниковъ, волею и неволею: сіи иноземцы жили за Москвою-рѣкою въ особенной слободѣ (581). Съ его времени также начинаются *Розряды* (582), которые даютъ намъ ясное понятіе о внутреннемъ образованіи войска, состоявшаго обыкновенно изъ пяти такъ называемыхъ *полковъ*: Большаго, Передоваго, Праваго, Лѣваго и Сторожеваго или запаснаго. Каждый имѣлъ своего Воеводу; но Предводитель Большаго Полку былъ главнымъ. Не дозволяя Вождямъ считаться между собою въ старѣйшинствѣ (583), Государь еще менѣе терпѣлъ непослушаніе воиновъ: сынъ Великокняжескій, Димитрій, возвратясь изъ-подъ Смоленска, жаловался, что многіе Дѣти Боярскіе безъ его вѣдома приступали къ городу, отлучались изъ стана и ѣздили грабить: Іоаннъ наказалъ ихъ всѣхъ, темницею или торговою

казнію ([584]). Силою, устройствомъ, мужествомъ рати и Воеводъ побѣждая отъ Сибири до Эмбаха и Десны, онъ лично не имѣлъ духа воинскаго. «Сватъ мой» — говорилъ объ немъ Стефанъ Молдавскій — «есть странный человѣкъ: сидитъ дома, «веселится, спитъ покойно и торжествуетъ «надъ врагами. Я всегда на конѣ и въ по«лѣ, а не умѣю защитить земли своей ([585]).» То есть, Іоаннъ родился не воиномъ, но Монархомъ; сидѣлъ на тронѣ лучше, нежели на ратномъ конѣ, и владѣлъ скипетромъ искуснѣе, нежели мечемъ. Имѣя выспренній умъ для Государственной Науки, онъ имѣлъ слугъ для побѣды: Холмскій, Стрига, Щеня вели къ ней его легіоны. Воинъ на престолѣ опасенъ: легко можетъ обмануть себя и начать кровопролитіе только для своего личнаго славолюбія; легко можетъ одною несчастною битвою утратить плоды десяти счастливыхъ. Ему трудно быть миролюбивымъ: а народы желаютъ сего качества въ Вѣнценосцахъ. Одна необходимая для государственной цѣлости и независимости война есть законная: такъ Іоаннъ воевалъ съ Ахматомъ и Литвою, среди успѣховъ не отвергая мира, согласно съ нашимъ благомъ.

Утвердилъ Единовластіе.

Внутри Государства онъ не только учредилъ Единовластіе — до времени оставивъ права Князей Владѣтельныхъ однимъ Укра-

инскимъ или бывшимъ Литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ — но былъ и первымъ, истиннымъ Самодержцемъ Россіи, заставивъ благоговѣть предъ собою Вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ Вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и Св. Владиміра служили ему на-равнѣ съ другими подданными и славились титломъ Бояръ, Дворецкихъ, Окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное. Василій Темный оставилъ сыну только четырехъ Великокняжескихъ Бояръ, Дворецкаго, Окольничаго: Іоаннъ въ 1480 году имѣлъ уже 19 Бояръ и 9 Окольничихъ, а въ 1495 и 1496 годахъ учредилъ санъ Государственнаго Казначея, Постельничаго, Ясельничаго, Конюшаго ([586]). Имена ихъ вписывались въ особенную книгу для свѣдѣнія потомковъ. Все сдѣлалось чиномъ или милостію Государевою. Между Боярскими Дѣтьми придворными или младшими Дворянами находились сыновья Князей и Вельможъ. — Предсѣдательствуя на Соборахъ Церковныхъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя Главою Духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ Царями, величавый въ пріемѣ ихъ Посольствъ, любилъ пышную торжественность; уставилъ обрядъ *цѣлованія* Монаршей руки въ знакъ лестной милости ([587]); хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе;

однимъ словомъ, разгадавъ тайны Самодержавія, сдѣлался какъ бы земнымъ Богомъ для Россіянъ, которые *съ сего времени* начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностію волѣ Монаршей.

Имя Грознаго.

Ему первому дали въ Россіи имя *Грознаго* (588), но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ подобно своему внуку, Іоанну Василіевичу Второму, онъ безъ сомнѣнія имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума.

Жестокость его характера.

Рѣдко основатели Монархій славятся нѣжною чувствительностію, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничитъ съ суровостію. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова; что просители боялись итти ко трону; что Вельможи трепетали и на пирахъ во дворцѣ, не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда Государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго *приказа* веселить его и веселиться (589). — Уже замѣтивъ строгость Іоаннову въ наказаніяхъ, прибавимъ, что самые знатные чиновники, свѣтскіе и духовные, лишаемые сана за преступленія, не освобожда-

лись отъ ужасной торговой казни: такъ (въ 1491 году) всенародно сѣкли кнутомъ Ухтомскаго Князя, Дворянина Хомутова и бывшаго Архимандрита Чудовскаго, за подложную грамоту, сочиненную ими на землю умершаго брата Іоаннова (590).

Мнимая нерѣшительность есть осторожность

Исторія не есть похвальное слово, и не представляетъ самыхъ великихъ мужей совершенными. Іоаннъ какъ человѣкъ не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго, но стоитъ какъ Государь на вышней степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе: оно не плѣняетъ насъ подобно великодушной смѣлости; но успѣхами медленными, какъ бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій? славу. Іоаннъ оставилъ Государство удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ Правленія, то, которое нынѣ съ любовію и гордостію именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе Моголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія Державы образуются не механическимъ слѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ Державныхъ. Уже совре-

менники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвѣстили въ Исторіи славу его: знаменитый Лѣтописецъ Польскій, Длугошъ, въ 1480 году заключилъ свое твореніе хвалою сего непріятеля Казимирова [591]. Нѣмецкіе, Шведскіе Историки шестаго-надесять вѣка согласно приписали ему имя Великаго [592]; а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ [593]: оба безъ сомнѣнія велики; но Іоаннъ включивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ Науками: призывая художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпія, силы; и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ Посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому Монарху, къ чести, не къ униженію собственнаго народа. Не здѣсь, но въ Исторіи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ Вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою оте-

Сходство съ Петромъ I.

чества. — Между иноземцами, которые искали тогда убѣжища и службы въ Москвѣ, достойны замѣчанія Князь Тамайскій, Гуйгурсисъ, жертва Султанскаго насилія, и Кафинскій Еврей Скарья: Государь милостивыми грамотами, скрѣпленными золотою печатію, дозволивъ имъ быть къ себѣ, увѣрялъ ихъ въ особенномъ покровительствѣ и въ совершенной свободѣ выѣхать изъ Россіи, если не захотятъ въ ней остаться (594).

Петръ думалъ возвысить себя чужеземнымъ названіемъ Императора: Іоаннъ гордился древнимъ именемъ Великаго Князя и не хотѣлъ новаго; однакожь въ сношеніяхъ съ иностранцами принималъ имя *Царя* (595), какъ почетное титло Великокняжескаго сана, издавна употребляемое въ Россіи. Такъ Изяславъ II, Димитрій Донскій назывались *Царями* (596). Сіе имя не есть сокращеніе Латинскаго Caesar, какъ многіе неосновательно думали, но древнее Восточное, которое сдѣлалось у насъ извѣстно по Славянскому переводу Библіи и давалось Императорамъ Византійскимъ, а въ новѣйшія времена Ханамъ Могольскимъ, имѣя на языкѣ Персидскомъ смыслъ *трона* или верховной власти (597); оно замѣтно также въ окончаніи собственныхъ именъ Монарховъ Ассирійскихъ и Вавилонскихъ: Фал*ассаръ*, Набоп*ассаръ*, и проч. — Исчисляя въ ти-

Титулъ Царскій.

Бѣлая Россія.

тулѣ своемъ всѣ особенныя владѣнія Государства Московскаго, Іоаннъ наименовалъ оное *Бѣлою Россіею*, то есть, великою или древнею, по смыслу сего слова въ языкахъ Восточныхъ (598).

Умноженіе доходовъ.

Онъ умножилъ государственные доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и лучшимъ порядкомъ въ собираніи дани, расписавъ земледѣльцевъ на сохи (599), и каждаго обложивъ извѣстнымъ количествомъ сельскихъ, хозяйственныхъ произведеній и деньгами: что записывалось въ особенныя книги. На примѣръ, два земледѣльца, высѣвая для себя 6 *коробей* или четвертей ржи, давали ежегодно Великому Князю 2 гривны и 4 деньги (около нынѣшняго серебренаго рубля), 2 четверти ржи, три овса, осьмину пшеницы, ячменя, такъ, что съ тягла сходило по нынѣшнимъ умѣреннымъ цѣнамъ болѣе двадцати рублей нашими ассигнаціями. Нѣкоторые крестьяне представляли въ казну пятую или четвертую долю собираемаго хлѣба, барановъ, куръ, сыръ, яица, овчины и проч. (600). Одни давали болѣе, другіе мѣнѣе, смотря по изобилію или недостатку въ угодьяхъ. — Торговля также обогащала Казну болѣе прежняго. Россія сдѣлалась извнѣ независимою, внутри спокойною: Государь любилъ пышность, дотолѣ неизвѣстную, и купцы наши вмѣстѣ съ иноземными стремились удовле-

творять новымъ потребностямъ Москвы, гдѣ находилось для нихъ нѣсколько гостиныхъ казенныхъ дворовъ, и гдѣ собиралась пошлина съ товаровъ и съ лавокъ ([601]). Іоаннъ перевелъ древнюю ярмонку изъ Холопьяго города въ Мологу, помѣстье сына его, Димитрія, и велѣлъ ему довольствоваться тамъ старыми купеческими сборами, не умножать ихъ, не вымышлять новыхъ, предписавъ его братьямъ, чтобы они не запрещали своимъ людямъ ѣздить на сію важную для Россіи ярмонку ([602]). Вѣроятно, что Казна имѣла также не малый доходъ отъ внѣшней торговли: не даромъ Великій Князь столь ревностно заботился объ ея безопасности въ Азовѣ и Кафѣ; не даромъ Послы его обыкновенно ѣзжали туда съ обозами купеческими, нагруженными пушнымъ, драгоцѣннымъ товаромъ, мѣхами собольими, лисьими, горностаевыми, зубами рыбьими, *Лунскими* (Нѣмецкими, Лондонскими) однорядками, холстомъ, юфтью: на что Россіяне вымѣнивали жемчугъ, шелкъ, тафту ([603]). Богатство *древнихъ* нашихъ Государей извѣстно болѣе по сказкамъ, нежели по дѣйствительнымъ историческимъ свидѣтельствамъ. Не говоря о дани, взятой Олегомъ съ Грековъ ([604]), знаемъ только, что Византійскій Императоръ Никифоръ далъ Святославу 15 центнеровъ золота ([605]), если вѣрить Льву Діакону, и что Мономахъ (какъ означено *буквою* въ рукописи его *Поученія*) привезъ отцу *триста* гривенъ сего метала ([606]). По крайней мѣрѣ *новѣй-*

шіе Великіе Князья не могли равняться богатствомъ съ Іоанномъ. «Каждому изъ сы-«новей моихъ» — говоритъ онъ въ завѣщаніи — «оставляю по нѣскольку ларцевъ «съ казною, за ихъ и моею печатями, у «Государственнаго Казначея, Печатника и «Дьяковъ. Всѣ иныя сокровища, лалы, «яхонты, жемчугъ, драгоцѣнныя иконы, «сосуды, деньги, золото и серебро, соболи, «шелковыя ткани, одежды — все, что на-«ходится въ моей казнѣ *постельной*, у Дво-«рецкаго, Конюшаго, Ясельничихъ, При-«кащиковъ, въ Москвѣ, въ Твери, Новѣ-«городѣ, Бѣлѣозерѣ, Вологдѣ и вездѣ — «то все сыну моему Василію (607).» — Вспомнимъ, что кромѣ умноженія обыкновенныхъ, поземельныхъ и таможенныхъ доходовъ, открытіе и произведенія Пермскихъ рудниковъ служили новымъ источникомъ богатства для государствованія Іоаннова.

Законы Іоанновы.

Сей Монархъ, оружіемъ и Политикою возвеличивъ Россію, старался, подобно Ярославу I, утвердить ея внутреннее благоустройство общими гражданскими законами, въ коихъ она имѣла необходимую нужду, бывъ долгое время жертвою разновластія и безпорядка. Митрополитъ Геронтій, въ 1488 году отсылая нѣкоторыхъ лишенныхъ сана Іереевъ къ суду Государева Намѣстника, пишетъ въ своей гра-

мотѣ, что они должны быть судимы, какъ уставилъ Великій Князь, по *Царскимъ Правиламъ*, или по законамъ Царей Греческихъ, внесеннымъ въ Кормчую Книгу (608): слѣдственно сія Книга служила тогда для насъ и гражданскимъ Уложеніемъ въ случаяхъ неопредѣленныхъ Россійскимъ Правомъ. Но въ 1497 году Іоаннъ велѣлъ Дьяку Владиміру Гусеву собрать всѣ наши древнія судныя грамоты, разсмотрѣлъ, исправилъ, и выдалъ собственное Уложеніе, писанное весьма ясно, основательно (609). Главнымъ судіею былъ Великій Князь съ дѣтьми своими; но онъ давалъ сіе право Боярамъ, Окольничимъ, Намѣстникамъ, такъ называемымъ *Волостелямъ* и помѣстнымъ Дѣтямъ Боярскимъ, которые однакожь не могли судить безъ Старосты, Дворскаго и *лучшихъ людей*, избираемыхъ гражданами. Судьямъ воспрещалось всякое пристрастіе, лихоимство; но осужденный платилъ имъ и Дьякамъ ихъ десятую долю иска, сверхъ пошлины за печать, за бумагу, за трудъ. Все рѣшилось единоборствомъ: самое душегубство, зажигательство, разбой; виновнаго, то есть побѣжденнаго, казнили смертію: всю собственность его отдавали истцу и судьямъ. За *первую* татьбу, кромѣ церковной и *головной* (то есть, похищенія людей), сѣкли кнутомъ и лишали имѣнія, дѣлимаго между истцемъ и судьею; преступникъ бѣдный выдавался истцу головою. За *вторую* татьбу казнили смертію, и даже безъ суда, когда пять или шесть *добрыхъ* гражданъ утверждали клятвенно,

что обвиняемый есть воръ извѣстный. Человѣка *подозрительнаго*, оговореннаго татемъ, пытали; но *безпорочнаго* не касались и требовали отъ него только поруки до объясненія дѣла. Несправедливое рѣшеніе судей уничтожалось Великимъ Княземъ, но безъ всякаго для нихъ наказанія. Съ жалобою, съ доносомъ надлежало ѣхать въ Москву, или къ Намѣстнику, или къ Боярину, имѣвшему судную власть въ той области, гдѣ жилъ отвѣтчикъ, за коимъ посылали *Недѣльщика* или Пристава. Являлись свидѣтели. Судья спрашивалъ: «можно ли имъ вѣрить?» *Допросите ихъ, какъ законъ и совѣсть повелѣваютъ*, отвѣтствовали судимые. Свидѣтели начинали говорить: обвиняемый возражалъ, заключая обыкновенно рѣчь свою такъ: «требую присяги и суда Божія; «требую *поля* и единоборства» (610). Каждый вмѣсто себя могъ выставить бойца. Окольничій и Недѣльщикъ назначали мѣсто и время. Избирали любое оружіе, кромѣ огнестрѣльнаго и лука; сражались обыкновенно въ латахъ и въ шлемахъ, копьями, сѣкирами, мечами, на коняхъ или пѣшіе; иногда употреблялись и кинжалы. Пишутъ, что въ Москвѣ былъ славный, искусный и сильный боецъ, съ которымъ уже никто не смѣлъ схватиться, но котораго убилъ одинъ Литвинъ. Іоаннъ оскорбился; хотѣлъ видѣть побѣдителя, взглянулъ гнѣвно, плюнулъ на землю, и запретилъ судные поединки между своими и чужестранцами: ибо послѣдніе, зная превосходную силу Россіянъ, одолѣвали ихъ всегда хитростію.

Сіе Уложеніе, древнѣйшее послѣ Ярославова, не должно удивлять насъ своею краткостію: гдѣ всѣ затрудненія въ тяжбахъ рѣшились острымъ желѣзомъ; гдѣ законодатель, такъ сказать, не распутывалъ ихъ узла глубокомысленными соображеніями, а разсѣкалъ его столь чуднымъ уставомъ: тамъ надлежало единственно дать правила для судебныхъ поединковъ. Видимъ, какъ и въ первобытныхъ нашихъ законахъ (611), великую довѣренность къ присягѣ, къ совѣсти людей. Тѣлесныя наказанія унижали человѣчество въ преступникахъ; но имя *добраго* гражданина, безъ всякаго инаго титла, было правомъ на государственное уваженіе: кто имѣлъ его, тотъ въ случаѣ свидѣтельства однимъ словомъ спасалъ невиннаго или губилъ виновнаго. — Несогласные съ разсудкомъ, поединки судебные могли однакожь утверждать безопасность Государства: они питали воинскій духъ народа.

Въ Уложеніи Іоанновомъ находятся весьма немногія постановленія о куплѣ, займѣ, наслѣдствѣ, земляхъ, межахъ, холопяхъ, земледѣльцахъ. На примѣръ: 1) «Кто купилъ вещь новую «при двухъ или трехъ честныхъ свидѣтеляхъ, «тотъ уже не лишается ее, хотя бы она была и «краденая; но *кромѣ лошади:*» слѣдственно лошадь возвращалась хозяину. — 2) «Если деньги «или товары, взятые купцемъ, будутъ у него въ «пути отняты, сгорятъ или утратятся безъ его «вины: то ему дать время для платежа, и безъ «всякаго росту; въ противномъ же случаѣ онъ,

«какъ виновный, отвѣтствуетъ всѣмъ имѣніемъ «и головою». Сей законъ есть древній Ярославовъ.—3) «Кто умретъ безъ духовной грамоты, «не имѣя сына: того имѣніе и земли принадле«жатъ дочери; а буде нѣтъ и дочери, то ближай«шему родственнику.—4) Между селами и дерев«нями должны быть загороды: въ случаѣ потра«вы взыскать убытокъ съ того, въ чью загороду «прошелъ скотъ. Кто уничтожитъ межу или «грань, того бить кнутомъ и взять съ него рубль «въ удовлетвореніе истцу» (законъ Ярославовъ).—5) «Кто три года владѣетъ землею, тому «она уже крѣпка; но если истецъ Великій Князь, «то сроку для иска полагается шесть лѣтъ: далѣе «нѣтъ суда о землѣ. — 6) Крестьяне (или сво«бодные земледѣльцы) отказываются изъ волости «въ волость, изъ села въ село (то есть, перехо«дятъ отъ одного владѣльца къ другому) за не«дѣлю до Юрьева дни, и черезъ недѣлю послѣ «онаго. Пожилаго за дворъ назначается рубль въ «степныхъ мѣстахъ, а въ лѣсныхъ 100 денегъ.— «7) Холопъ или рабъ, съ женою и дѣтьми, есть «тотъ, кто даетъ на себя крѣпость, кто идетъ «къ господину въ Тіуны» (законъ Ярославовъ) «и ключники сельскіе (но если дѣти служатъ «другому господину или живутъ сами собою, то «они не участвуютъ въ судьбѣ отца); кто женит«ся на рабѣ; кто отданъ въ приданое или отка«занъ по духовному завѣщанію. Если холопъ, «взятый въ плѣнъ Татарами, уйдетъ отъ нихъ: «то онъ уже свободенъ, и не принадлежитъ сво-

«ему бывшему господину. Если отпускная, «данная рабу, писана рукою господина, то «она всегда дѣйствительна: иначе должна «быть явлена Боярамъ и Намѣстникамъ, «имѣющимъ судное право, и подписана «Дьякомъ. — 8) Попа, Діакона, Монаха, «Монахиню, старую вдову (которая питает-«ся отъ церкви Божіей) судитъ Святитель; «а міряниву съ церковнымъ человѣкомъ «судъ общій.» — Сіи законы, съ помощію Греческихъ, или Номоканона ([612]), были достаточны. Древніе обычаи служили имъ дополненіемъ.

Городская и Земская Полиція.

Іоаннъ учредилъ лучшую городскую Исправу или Полицію: онъ велѣлъ поставить на всѣхъ Московскихъ улицахъ *рѣшетки* (или рогатки), чтобы ночью запирать ихъ для безопасности домовъ ([613]); не терпя шума и безпорядка въ городѣ, указомъ запретилъ гнусное пьянство ([614]); пекся о дорогахъ: завелъ почту, ямы, гдѣ путешественникамъ давали не только лошадей, но и пищу, если они имѣли на то приказъ Государевъ ([615]). Здѣсь же вмѣстимъ одну любопытную черту его заботливости о физическомъ благосостояніи народа. Открытіе Америки доставило Европѣ золото, серебро и болѣзнь, которая донынѣ свирѣпствуетъ во всѣхъ ея странахъ, искажая человѣчество, и которая съ удивительною быстротою разлила свой ядъ отъ Испаніи до Лит-

вы. Сперва не знали ея причины, и лицемѣры нравственности не таились съ нею во мракѣ. Историкъ Литовскій пишетъ слѣдующее: «Въ 1493 году одна женщина при-«везла изъ Рима въ Краковъ болѣзнь *Фран-«цузскую*. Сія ужасная казнь вдругъ постиг-«ла многихъ: въ числѣ ихъ находился и «*Кардиналъ* Фридерикъ (616).» Слухъ о томъ дошелъ до Москвы: Великій Князь, въ 1499 году посылая въ Литву Боярскаго Сына, Ивана Мамонова, въ данномъ ему наставленіи говоритъ: «Будучи въ Вязьмѣ, развѣ-«дай, не пріѣзжалъ ли кто изъ Смоленска «съ недугомъ, въ коемъ тѣло покрывается «болячками, и который называютъ Фран-«цузскимъ (617)?» Іоаннъ хотѣлъ предохранить свой народъ отъ новаго бича Небеснаго.

Соборы. Мы говорили о важнѣйшихъ дѣлахъ Церковныхъ. Кромѣ суда надъ еретиками, было еще три Собора: первый для уложенія Церковной Пасхаліи на осьмое тысящелѣтіе, которое настало въ 31 годъ Іоаннова государствованія. Суевѣрные успокоились; увидѣли, что земля стоитъ и небесный сводъ не колеблется съ исходомъ *седьмой тысячи* (618). Митрополитъ Зосима созвалъ Епископовъ и поручилъ Геннадію Новогородскому сдѣлать исчисленія Церковнаго Круга. Сей разумный Святитель написалъ введеніе,

гдѣ свидѣтельствами Апостоловъ и правилами истиннаго Христіанства опровергаетъ всѣ мнимыя предсказанія о концѣ міра, извѣстномъ единому Богу. «Намъ должно, говоритъ «онъ, не искать таинствъ сокровенныхъ отъ «мудрости человѣческой, но молить Вседер-«жителя о благоустройствѣ міра и Церкви, «о здравіи и спасеніи великаго Государя на-«шего, да цвѣтетъ его Держава силою и побѣ-«дою (619).» Сперва изложили Пасхалію только на 20 лѣтъ и дали разсмотрѣть оную Пермскому Епископу Филоѳею, котораго вычисленія утвердили ея вѣрность (620): послѣ того Геннадій означилъ на большихъ листахъ круги солнечные, лунные, Основанія, Эпакты, *въ руцѣ лѣто* и *ключи границъ* отъ 533 до 7980 года. Сей Соборъ утвердилъ, что годъ начинается въ Россіи вмѣстѣ съ Индиктомъ 1 Сентября (621).

Вторый Соборъ былъ при Симонѣ Митрополитѣ. Въ 1500 году раздавъ Новогородскія церковныя земли Дѣтямъ Боярскимъ, Великій Князь мыслилъ, что Духовенству, и въ особенности Инокамъ, непристойно владѣть безчисленными селами и деревнями, которыя возлагали на нихъ множество мірскихъ заботъ. Сіе важное дѣло именемъ Государя было предложено Митрополиту и всѣмъ Епископамъ въ общемъ ихъ Совѣтѣ (622). Іоаннъ не присутствовалъ въономъ. Митрополитъ послалъ къ нему Дьяка Леваша съ такими словами: «Отецъ твой, Симонъ Митро-«политъ всея Русіи, Епископы и весь Освящен-

«ный Соборъ говорятъ, что отъ Равноапостоль«наго Великаго Царя Константина до поздиѣй«шихъ временъ вездѣ Святители и монастыри «*держали грады, власти и села:* никогда Соборы «Св. Отцевъ не запрещали сего; запрещали имъ «единственно продавать недвижимое достояніе. «При самыхъ предкахъ твоихъ, Великомъ Кня«зѣ Владимірѣ, Ярославѣ, Андреѣ Боголюб«скомъ, братѣ его Всеволодѣ, Іоаннѣ Даніило«вичѣ, внукѣ блаженнаго Александра, современ«никѣ Чудотворца Петра Митрополита, и до «нашего времени Святители и монастыри имѣли «грады и власти, слободы и села, управы, суды, «пошлины, оброки и дани церковныя. Не Свя«тый ли Владиміръ, не Великій ли Ярославъ «сказали въ Уставѣ своемъ: *кто преступитъ «его изъ дѣтей или потомковъ моихъ; кто захва«титъ церковное достояніе и десятины Святи«тельскія, да будетъ проклятъ въ сей вѣкъ и бу«дущій?* Самые злочестивые Цари Ордынскіе, «боясь Господа, щадили собственность монасты«рей и Святительскую: *не смѣли двигнути ве«щей недвижимыхъ.....* И такъ не дерзаемъ и *не «благоволимъ* отдать церковнаго стяжанія: ибо «оно есть Божіе и неприкосновенно.» Великій Князь не захотѣлъ упорствовать; мыслилъ, но не совершилъ того, что и въ самомъ осьмомънадесять вѣкѣ еще казалось у насъ смѣлостію. Екатерина II чрезъ 265 лѣтъ исполнила мысль Іоанна III, присоединивъ земли и села церков-

ныя къ государственному достоянію и назначивъ Духовенству денежное жалованье.

На третьемъ Соборѣ (въ 1503 году) Іоаннъ уставилъ съ Митрополитомъ, слѣдуя правиламъ Апостольскимъ и Св. Петра Чудотворца, чтобы ни Іереи, ни Діаконы вдовые не священнодѣйствовали. «Забывъ страхъ Божій» — сказано въ семъ приговорѣ — «многіе изъ нихъ держали «наложницъ, именуемыхъ *полу-попадьями*. Отъ«нынѣ дозволяемъ имъ только, буде ведутъ «жизнь непорочную, пѣть на крылосахъ и при«чащаться въ олтаряхъ, Іереямъ въ епитрахи«ляхъ, а Діаконамъ въ стихаряхъ, и брать чет«вертую долю изъ церковныхъ доходовъ; ули«ченные же въ порокѣ любострастія да живутъ «въ мірѣ и ходятъ въ свѣтской одеждѣ. Еще «уставляемъ, чтобы Монахамъ и Монахинямъ «не жить никогда вмѣстѣ, но быть въ особенно«сти монастырямъ женскимъ и мужескимъ (623),» и проч. — Грамотою сего же Собора, скрѣпленною подписями Святителей, запрещалось всякое церковное мздоимство. Не смотря на то, Архіепископъ Геннадій дерзнулъ явно брать деньги съ посвящаемыхъ имъ Іереевъ и Діаконовъ: строгій Іоаннъ, свергнувъ его съ престола Святительскаго, заперъ въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ онъ и кончилъ дни свои въ горести (624).

Ревностный ко благу и достоинству Церкви, Великій Князь съ удовольствіемъ видѣлъ новую честь Духовенства Россійскаго. Прежде оно искало милости въ Византійскихъ Святителяхъ:

тогда Москва сдѣлалась Византіею, и Греки приходили къ намъ не только за дарами, но и за саномъ Святительскимъ. Въ 1464 году Митрополитъ Ѳеодосій поставилъ въ Москвѣ Митрополита Кесаріи. Патріархъ Іерусалимскій, угнетаемый тиранствомъ Египетскаго Султана, оставилъ Святыя мѣста и скончался на пути въ Россію. Она была утѣшеніемъ бѣдныхъ Грековъ, которые хвалились ея Православіемъ и величіемъ какъ бы ихъ собственнымъ. Знаменитые монастыри Аѳонскіе существовали нашими благодѣяніями, въ особенности монастырь Пантелеймона, основанный древними Государями Кіевскими (625).

Поставленіе Кесарійскаго Митрополита въ Москвѣ.

Россійскій монастырь на Аѳонской горѣ.

Соглашая уваженіе къ Духовенству съ правилами всеобщей Монаршей власти, Іоаннъ въ дѣлахъ Вѣры соглашалъ терпимость съ усердіемъ ко Православію. Онъ покровительствовалъ въ Россіи и Магометанъ и самыхъ Евреевъ, но тѣмъ болѣе изъявлялъ удовольствія, когда Христіане Латинской Церкви добровольно обращались въ наше Исповѣданіе. Вмѣстѣ съ бракомъ Великой Княгини Софіи, съ Италіянскими и съ Нѣмецкими художниками, въ 1490 году пріѣхалъ въ Москву Капланъ Августинскаго Ордена, именуемый въ лѣтописи Иваномъ *Спасителемъ:* онъ торжественно принялъ Греческую Вѣру, же-

Капланъ Августинскаго Ордена принимаетъ Грече-

нился на Россіянкѣ и получилъ отъ Великаго Князя богатое село въ награду (626).

скую Вѣру.

Некоторыя бѣдствія Іоаннова вѣка.

Описавъ государственныя и церковныя дѣянія, упомянемъ о нѣкоторыхъ бѣдствіяхъ сего времени. Въ 1478 и 1487 годахъ возобновлялся моръ въ сѣверо-западныхъ областяхъ Россіи, Устюгѣ, Новѣгородѣ, Псковѣ. Были неурожаи, голыя зимы, чрезвычайныя разлитія водъ, необыкновенныя бури, и въ 1471 году, Августа 29, землетрясеніе въ Москвѣ. Цѣлые города обращались въ пепелъ, а столица нѣсколько разъ. Въ сихъ ужасныхъ пожарахъ, днемъ и ночью, Великій Князь самъ являлся на конѣ съ Дѣтьми Боярскими, оставляя трапезу и ложе: указывалъ, распоряжалъ, тушилъ огонь, ломалъ домы, и возвращался во дворецъ уже тогда, какъ все угасало (627).

Наконецъ замѣтимъ еще двѣ достопамятности: первая относится къ исторіи нашихъ старинныхъ обычаевъ; вторая къ ученой исторіи древнихъ путешествій.

Іоаннъ, особенно любя свою меньшую дочь, не хотѣлъ разстаться съ нею и не искалъ ей жениховъ внѣ Россіи. Горестныя слѣдствія Еленина супружества, хотя и блестящаго, тѣмъ болѣе отвращали его отъ мысли выдать Ѳеодосію за какого нибудь иноземнаго Принца. Въ 1500 году онъ сочеталъ ее съ Княземъ Василіемъ Холм-

скимъ, Бояриномъ и Воеводою, сыномъ Даніила, славнаго мужествомъ и побѣдами, который умеръ чрезъ шесть лѣтъ по завоеваніи Казани (628). Сія свадьба описана въ прибавленіи Розрядныхъ Книгъ съ нѣкоторыми любопытными обстоятельствами. Знаменитый противникъ Ливонскаго Магистра, Героя Плеттенберга, Бояринъ и Полководецъ, Князь Даніилъ Пенко-Ярославскій, былъ въ *Тысяцкихъ*, а Князь Петръ Нагой-Оболенскій въ *Дружкахъ* съ ихъ женами. Въ поѣздѣ съ женихомъ находилось болѣе ста Князей и знатнѣйшихъ Дѣтей Боярскихъ. У саней Великихъ Княгинь, Софіи и Елены, шли Бояре, Греческіе и Россійскіе. Свадьбу вѣнчалъ Митрополитъ въ храмѣ Успенія. Не забыли никакого обряда, нужнаго, какъ думали, для счастія супруговъ; всѣ желали его и предсказывали молодымъ: веселились, пировали во дворцѣ до ночи. — Счастливыя предсказанія не сбылися: Ѳеодосія ровно черезъ годъ скончалась.

Древнѣйшее описаніе Княжеской свадьбы.

Доселѣ Географы не знали, что честь одного изъ древнѣйшихъ, описанныхъ Европейскихъ путешествій въ Индію принадлежитъ Россіи Іоаннова вѣка. Нѣкто Аѳанасій Никитинъ, Тверскій житель, около 1470 года былъ по дѣламъ купеческимъ въ Деканѣ и въ Королевствѣ Гольковдскомъ. Мы имѣемъ его записки (629), кото-

Путешествіе въ Индію.

рыя хотя и не показываютъ духа наблюдательнаго, ни ученыхъ свѣдѣній, однакожь любопытны, тѣмъ болѣе, что тогдашнее состояніе Индіи намъ почти совсѣмъ неизвѣстно. Здѣсь не мѣсто описывать подробности. Скажемъ только, что нашъ путешественникъ ѣхалъ Волгою изъ Твери до Астрахани, мимо Татарскихъ городовъ *Услана* и *Березкана;* изъ Астрахани въ Дербентъ, Бокару, Мазандеранъ, Амоль, Кашанъ, Ормусъ, Маскатъ, Гузуратъ и далѣе, сухимъ путемъ, къ горамъ Индѣйскимъ, до Бедера, гдѣ находилась столица Великаго Султана *Хоросанскаго;* видѣлъ *Индѣйскій Іерусалимъ*, то есть, славный Элорскій храмъ, какъ вѣроятно; именуетъ города, коихъ нѣтъ на картахъ; замѣчаетъ достопамятное; удивляется роскоши Вельможъ и бѣдности народа; осуждаетъ не только суевѣріе, но и худые нравы жителей, исповѣдующихъ Вѣру Брамы; вездѣ тоскуетъ о православной Руси, сожалѣя, если кто изъ нашихъ единоземцевъ, прельщенный славою Индѣйскихъ богатствъ, вздумаетъ ѣхать по его слѣдамъ въ сей мнимый рай купечества, гдѣ много перцу и красокъ, но мало *годнаго для Россіи;* наконецъ возвращается въ Ормусъ, и чрезъ Испагань, Султанію, Требизонтъ прибывъ въ Кафу, заключаетъ исторію своего шестилѣтняго путешествія, которое едва ли доставило ему что нибудь, кромѣ удовольствія описать оное: ибо Турецкіе Паши отняли у него большую часть привезенныхъ имъ товаровъ. Можетъ быть, Іо-

анинъ и не свѣдалъ о семъ любопытномъ странствіи: по крайней мѣрѣ оно доказываетъ, что Россія въ XV вѣкѣ имѣла своихъ Тавернье и Шарденей, менѣе просвѣщенныхъ, но равно смѣлыхъ и предпріимчивыхъ; что Индѣйцы слышали объ ней прежде, нежели о Португаліи, Голландіи, Англіи. Въ то время, какъ Васко де-Гама единственно мыслилъ о возможности найти путь отъ Африки къ Индостану, нашъ Тверитянинъ уже купечествовалъ на берегу Малабара и бесѣдовалъ съ жителями о Догматахъ ихъ Вѣры.

КОНЕЦЪ VI ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ VI.

ГЛАВА I.

ГОСУДАРЬ, ДЕРЖАВНЫЙ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ III ВАСИЛІЕВИЧЪ.

Г. 1462—1472.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1472—1477.

Стр.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1475—1481.

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1480—1490.

ГЛАВА V.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1491—1496.

ГЛАВА VI.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

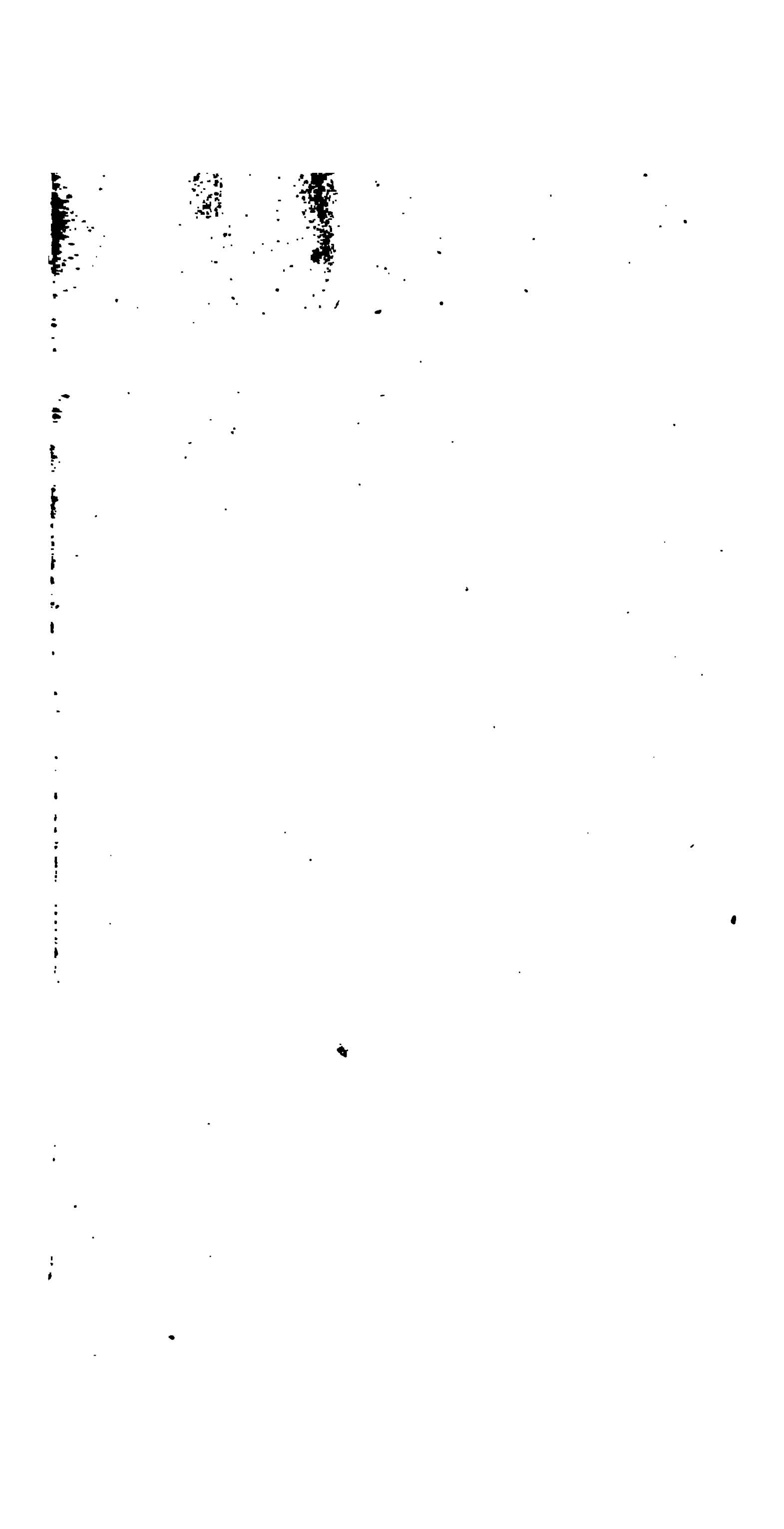
Г. 1495—1503.

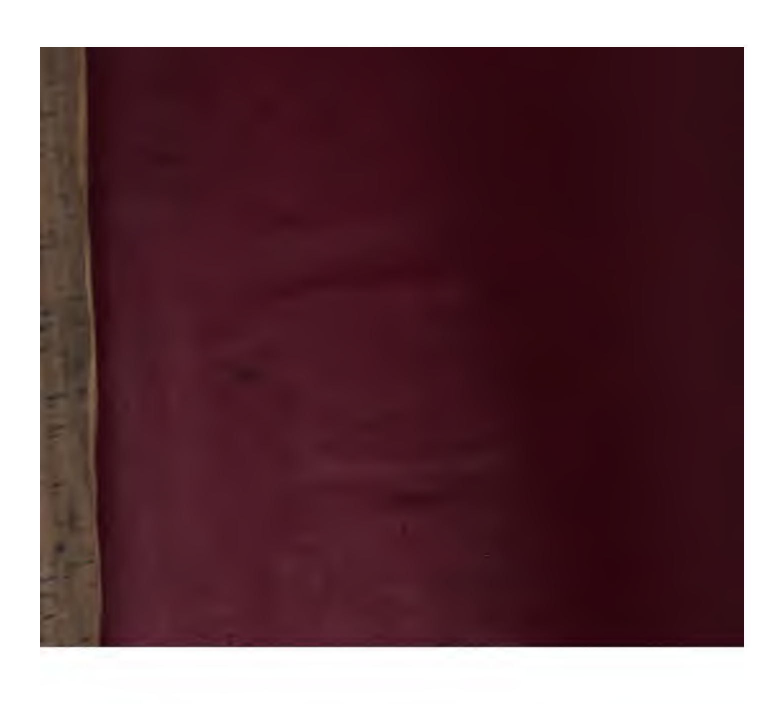
Стр.

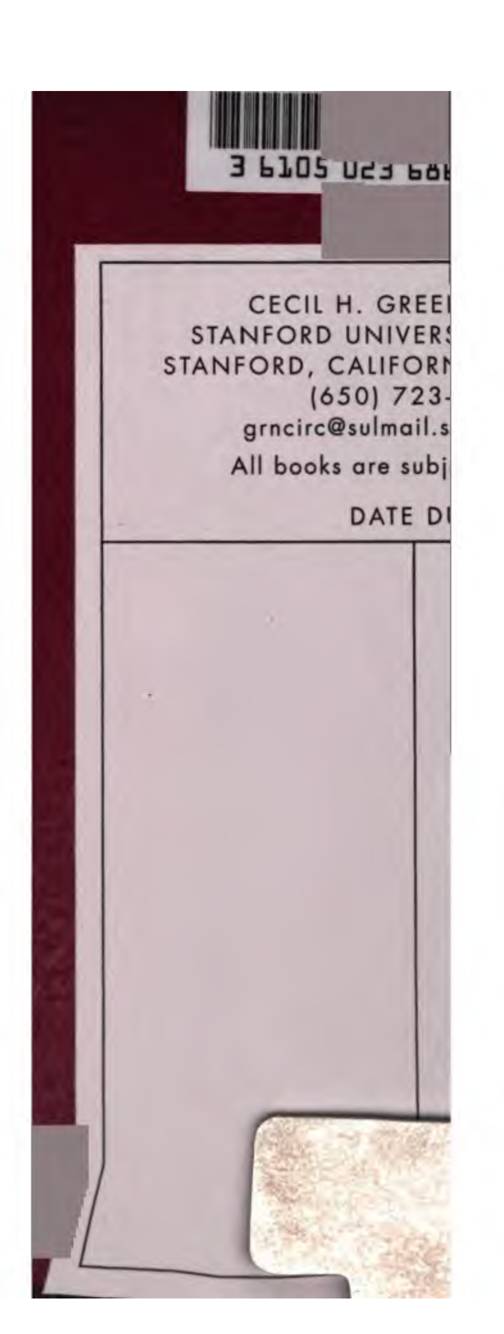
ГЛАВА VII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1503—1505.

3 6105 023 68
CECIL H. GREE
STANFORD UNIVERS
STANFORD, CALIFOR
(650) 723-
grncirc@sulmail.s
All books are subj
DATE DU

